

Франсуаза Дольто НА СТОРОНЕ РЕБЕНКА

СПб., издательство «Петербург—XXI век», 1997.

Перевод с французского: Е. В. Боевская — ч. 1-2, О. В. Давтян — ч. 3-4.
Научный редактор В. Е. Каган . Тираж: 5000 ж.

СОДЕРЖАНИЕ

Я — жизнь... Предисловие научного редактора к русскому изданию	7
Новый взгляд	11
Как пользоваться этой книгой	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ПОКА НА ЗЕМЛЕ БУДУТ ДЕТИ	
Глава 1: ЗАМАСКИРОВАННОЕ ТЕЛО	15
Открытие тела ребенка. Детская сексуальность: стена умолчания.	
Глава 2: ВИНА	35
«Пустите детей приходить ко Мне», или откуда берется чувство вины.	
Глава 3: ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА	40
Ангел, карлик и раб, или . ребенок в литературе. «Ослиная шкура» и «Голубая планета» (волшебные сказки а-ля научная фантастика). Ребенок-сэндвич.	
Глава 4: ЗАТОЧЕНИЕ	61
Пространство ребенка. Дорога из школы. Источник и сточная яма. Безопасность — а зачем? Приучение к риску. «400 ударов», или эмоциональная безопасность.	
Глава 5: РЕБЕНОК-ПОДОПЫТНЫЙ КРОЛИК	109
Научная литература. Дети-манекены. Кинокамера-насильник. Добро и зло: иллюзии манипуляторов. Нобелевская сперма.	
Глава 6: ГОЛОВА БЕЗ НОГ	135
Компьютер на службе у ребенка?	
Глава 7: АРХАИЧНАЯ ТРЕВОГА... ..	144
Символическое детство человечества. Страх смерти, страх жизни. Отчаяние молодых. Власть через террор. Помощь детям четвертого мира. Права и лозунги. Психиатрия без границ.	
Глава 8: НА СТОРОНЕ РЕБЕНКА: ПЕРВЫЙ ИТОГ	170
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ЯЗЫКОВОЕ СУЩЕСТВО	
Глава 1: ИНИЦИАЦИЯ.	181
Туфли Абу Касима.	
Глава 2: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВТСКОГО ПСИХОАНАЛИТИКА И ЕГО ПУТЬ	193
Глава 3: ДЕТИ ФРЕЙДА	221
Глава 4: ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ	227
Человек в состоянии детства. Почему пугает жизненная сила молодости? Двойное рождение. Опыт времени. Младенец-животное и маленький мужчина... «Дай мне». Питать желание... Но обуздывать желание... и передавать эстафету. Против опасности подражания взрослым. Переход от «быть» к «иметь».	
Глава 5: ДРАМА ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ	269
Пренатальная медицина и пренатальная психология. Киднаппинг в родильных домах. Раннее рабство, остальные дети.	
Глава 6: ТРУДНЫЕ РОДИТЕЛИ, ДЕТИ — ЖЕРТВЫ САДИЗМА	291
Песня без слов. Педагогические бессмыслицы. Эталонный взрослый. «Новые» родители. Возрастные группы: родители с родителями, дети с детьми. Родители под опекой. Развод в лице. Государство-отец. Треугольник... с четырьмя углами.	
Глава 7: ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ	331
«Генетическая солидарность». Этическое происхождение болезней. Самые длинные дни человека.	
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
УТОПИИ НАЗАВТРА	

Глава 1: ИГРА ВО ВЗРОСЛЫХ	349
В доме детства.	
Глава 2: ШКОЛА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ И ШКОЛА НА ВЫБОР . . .	356
В овчарнях системы национального образования. Французская революция в воспитании. Надо разом покончить с семейной войной. Комедия под названием «хороший ученик». Школа не по расписанию. Школа гостиничного типа.	
Глава 3: НОВЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ДЕТЕЙ	386
Дети на заводе. Трудовые нагрузки в программе школы. Как сделать так, чтобы школу полюбили.	
Глава 4: ОТКРЫТЬ ДВЕРИ ЛЕЧЕБНИЦ.....	394
Как избежать запустения в департаменте, заселенном детьми с отставанием в развитии.	
526	
Глава 5: ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ ДЕТЕЙ	397
О новом отношении к деньгам. Возможно ли министерство по делам юных в обществе, созданном для детей? Ребенку — право голоса.	
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
ПОСТЕПЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	
Глава 1: СЛУШАТЬ И СЛЫШАТЬ	419
До четырех...	
Глава 2: ПРИЕМ ПРИ РОЖДЕНИИ	422
Разговоры <i>in utero</i> . Как предупредить насилие и агрессию.	
Глава 3: ИСЦЕЛЕНИЕ АУТИСТОВ	433
Открыть мир психотиков. Аутисты.	
Глава 4: МЫ ИДЕМ В МЕЗОН ВЕРТ	447
«Лучший в мире детский сад»? Мезон Верт. Каким образом младенцы разговаривают в Мезон Верт. У стыда нет возраста. Вместе с воспитательницами домов ребенка. Маленькие лидеры.	
Глава 5: НИКТО, КРОМЕ ДЕТЕЙ, ЭТОГО НЕ СКАЖЕТ	499
Будущим родителям, которые не хотят страдать педофилией. Взаимопомощь — это не социальное обеспечение. Вакцинация ребенка от отцовской или материнской болезни. Неразрешимая загадка жизни.	
Приложения	515

Я — ЖИЗНЬ . . .

(предисловие научного редактора)

Десять лет с лишним разделяют выход этой книги на французском языке и встречу с ней русскоязычного читателя. Капля — в океане истории человечества. Целая эпоха в живой человеческой жизни, которой и посвящена эта книга.

Фрасуза Дольто — врач и психоаналитик не только по профессии, но и — что гораздо более важно — от Господа Бога. Она была пионером в открытии тех областей человеческой и детской психологии, которые одним уже кажутся банальностью, а другим и сегодня видятся как фантазия, мираж, непозволительно-опасное заблуждение или злокозненные бредни; впрочем, оценки подобного рода — дело вкуса: каждый имеет право на собственное суждение и это непредвзято до той черты, за которой суждение становится осуждением. Во всяком случае, во Франции трудно найти врача, психолога, психоаналитика, воспитателя, которым это имя было бы незнакомо. Ей было 5-6 лет, когда ничего еще не зная ни о маленькой книжке немецкого педиатра А. Черни «Врач как воспитатель ребенка», ни, тем более, о своем старшем современнике — враче и педагоге Януше Корчаке, она решила, что станет врачом-воспитателем — тем, кто предупреждает и лечит болезни, вызываемые воспитанием. Эта книга, написанная, когда доктору Дольто было уже за семьдесят, итог и эстафета одновременно. Она написана с той страстной профессиональной заинтересованностью, которую большинство людей теряет, пережив период профессиональной молодости. И с той умудренностью, которая дается не просто паспортным возрастом, но десятилетиями искреннего и истового служения своему делу. И с той открытой естественностью, которая позволяет развивать собственную мысль, не оглядываясь на возможные толки и кривотолки — как спокойно, без комплексов быть человеком своего роста, хотя на взгляд одних он чересчур велик, а других — чересчур мал. Поэтому любое предисловие, направляющее восприятие книги в то или иное русло, было бы насилием над тем диалогом, который возникает между читателем и автором.

Но о некоторых вещах я чувствую себя обязанным сказать.

Долго бывший у нас в стране «закрытым» — психоанализ часто представляется лечебным методом, школой психотерапии. Во Франции это не так: психоанализ — это психоанализ, а психотерапия —

это психотерапия. Психотерапия лечит, а психоанализ помогает человеку открыть и понять место явления, называемого переносом, в его и других людей жизни, в культуре, в истории. Честно говоря, я не думаю, что граница между ними в действительности прочерчена так четко, как это видят мои французские друзья и коллеги. Но то, что во Франции психоанализ — факт прежде всего культуры, несомненно. Психоаналитические книги читаются если не всеми, то очень многими, да и пишутся отнюдь не для «избранных» — профессионалов или интеллектуалов, а для людей вообще. И язык психоанализа — его термины, понятия с нюансами их смыслов и значений — это не «птичий язык», знакомый разве что поющим на нем птицам: читатель и автор существуют в общем языковом пространстве. Иное дело — в России, где и само слово «психоанализ» долго было то ли ругательством, то ли политическим ярлыком: между автором и читателем может возникнуть языковая пропасть. Это обусловило большое количество разъясняющих сносок: достаточно подготовленному читателю они не мешают, но многим могут помочь не метаться между текстом и словарями. Кто-то, возможно, захочет прежде чем взяться за чтение, познакомиться хотя бы в общих чертах с психоанализом — и будет прав, как, впрочем, и тот, кто, прочтя книгу, заинтересуется психоанализом. У каждого свои пути...

Психоанализ — не раздел медицины, расклеивающий диагностические ярлыки, и не следственный метод, выводящий на чистую воду наше злоумышленное подсознание. Если на каждом шагу чувствовать себя уличенным в чем-то дурном или запретном и с пеной у рта доказывать свою чистоту — а именно это обычно и делает наше сознание при встрече с подсознанием, то книгу просто невозможно будет читать. Не раз и не два читатель будет вынужден напоминать себе, что наряду с трапезами существует и пищеварение, что у здания нашей жизни есть не только прекрасный фасад и выходящие в тихий солнечный сквер окна, но и пыльные чердаки, осклизлые сваи, канализационные трубы, заброшенные и, возможно, населенные не слишком приятными для нас существами подвалы, — и все это тоже мы. Наш выбор лишь в том, чтобы знать или не знать об их существовании, поддерживать их в возможном порядке или нет, расти и развиваться при этом как личности или метаться в ограниченном нашими комплексами кругу.

Наконец, это книга не только психоаналитическая, но и гуманистическая — лежащая в русле гуманистической психологии, рождение которой связано с именами теперь уже хорошо знакомых российскому читателю Карла Роджерса, Абрахама Маслоу, Ролло Мэя и других замечательных психологов, чьими усилиями психология повернулась к человеку и стала служить не только наукам о Человеке как виде, больному или каким-то специальным интересам (профессиональный отбор или различные специальные сферы деятельности — спорт, обучение, реклама, космонавтика и др.), а вот этому конкретному живому человеку — взрослому или ребенку. Для этой психологии детство — не подготовка к жизни, а сама жизнь, и ребенок — не будущий человек, а просто человек, обладающий свободой быть и стать, правом быть понятым и принятым другими, способностью принимать и понимать других, совершать ответственные выборы, строить свои отношения со взрослыми не как со своими хозяевами или менторами, а как с равноправными, хотя и не одинаковыми, партнерами по жизни. Для Франсуазы Дольто дети — это не те «недоразвитые взрослые», за которых мы ответственны, но человеческие существа, перед которыми мы ответственны. Мы не в состоянии отменить смерть, многие болезни, природные и семейные катастрофы... Но мы должны и можем жить с детьми и переживать жизнь вместе так, чтобы развитие их собственной жизни не прерывалось и не уродовалось этими испытаниями, чтобы они становились частью школы жизни. Именно это помогает отодвинуть или преодолеть смерть, предупреждать болезни и совладать с ними, избегать беспечного риска и разрешать конфликты. Книга Франсуазы Дольто — об этом: о Жизни, которая, по словам Альберта Швейцера, «желает жить среди Жизни, желающей жить». Будем мы называть это желание жизненной силой, космической энергией. Святым Духом, либидо или как-нибудь иначе — вопрос нашего мировоззрения и научных привязанностей. Выражается это желание звуком, жестом, вздохом, переживанием — оно и есть Слово, без которого нет ни Дела, ни самой жизни. Оно не может быть подсказано и разъяснено кем-то со стороны. Но у нас есть способность и возможность слышать и пытаться понять его. Сегодня — вместе с Франсуазой Дольто.

Виктор КАГАН, доктор медицинских наук, президент Санкт-Петербургской Ассоциации гуманистической психологии.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭТОЙ КНИГОЙ

Этот коллективный труд стремится рассмотреть с точки зрения психоанализа совокупность исторических, социологических, этнографических, литературных и научных данных о месте, которое общество отводит детям. Приводятся данные, накопленные в ходе исследований, проводившихся во

Франции и в других странах.

Оригинальность подхода состоит в том, что Франсуаза Дольто рассуждает и комментирует, используя свой двойной опыт детского врача-психоаналитика и матери семейства.

Абзацы, набранные курсивом, предлагались д-ру Дольто для рассмотрения выявляющихся в процессе исследования тенденций, течений, методов и постоянно действующих факторов, спорных проблем и нерешенных вопросов. Франсуаза Дольто реагирует на них, сопровождает эти данные своими замечаниями, высказывая по их поводу свои личные соображения и развивая при этом собственную точку зрения.

В первой части настоящего исследования делается попытка подвести исторический итог и поставить диагноз. Вторая часть предлагает новый подход к детству. Третья — намечает сценарии возможного служения общества ребенку. Четвертая, и последняя, часть книги очерчивает основы раннего предупреждения неврозов у детей. Это — революция, осуществляемая шаг за шагом. Настоящая революция.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Права ребенка плохо заполнены в мире по трем причинам:

— научная литература, все более и более обильная, оспаривает у художественной монополию на знания о раннем Возрасте. Она вытесняет в тень символическую реальность, специфическую силу, потенциальную энергию, присущие каждому ребенку. Будучи для романиста объектом желания*, для специалиста в области медицины и наук о человеке ребенок становится объектом исследования;

— общество озабочено прежде всего тем, как бы сделать расходы на ребенка рентабельными;

— взрослые *боятся* высвободить некие силы, некую энергию, носителями которой являются малыши и которая может поставить под вопрос их авторитет, житейский опыт, социальные воззрения. Они проецируют на детей свои подавленные желания, свою неудовлетворенность жизнью и навязывают им свои модели.

Проанализировать «урок истории», изучить причины неудач и истоки заблуждений, на протяжении веков отчуждающих детей и взрослых друг от друга, и предложить новый подход, более свободный от этих опасностей, — такова цель настоящего исследования.

До сих пор все труды по педиатрии и воспитанию хранят верность старой традиции «взрослоцентризма». Они только подкрепляют или подновляют вечные правила, составленные в интересах семьи. Это всегда школа родителей. На пользу ли она детям? Нет, она на пользу родителям. Позиция нашей исследовательской группы радикально изменяет угол зрения: мы стремимся к перемещению реальной перспективы и к избавлению как от призмы родительских интересов, так и от деформирующей оптики учебников и трактатов по педагогике.

• В контексте психоанализа персонах художественного произведения одновременно — объект влечения автора имеется в виду направленность либидо, влечения на персонаж художественного произведения (В. К.). *Здесь и далее «В. К.» — научный редактор книги: доктор медицинских наук Виктор Каган.*

11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОКА НА ЗЕМЛЕ БУДУТ ДЕТИ

Ребенок в обществе: постоянно действующие факторы, изменения и причины неудач

«Родители воспитывают детей, как государи управляют народами.»
«Мы располагаем мифом о прогрессе зародыша с рождения до взрослого возраста, поэтому отождествляем эволюцию тела с эволюцией мышления. А между тем, символическое мышление — это штиль от зачатия до смерти.»
«Взрослый возмущается при мысли, что ребенок и он — равны.»

Франсуаза Дольто

Глава 1 ЗАМАСКИРОВАННОЕ ТЕЛО

ОТКРЫТИЕ ТЕЛА РЕБЕНКА

С XV по XVIII век неизменным элементом живописи была маскировка ребенка под взрослого. Это убедительно показала выставка, состоявшаяся в 1965 — 1966 годах в кельнском музее Вальрафа Рихардта. Фальсификация распространяется не только на костюм. Внешность тоже подвергается размыванию. Это прекрасно видно на гравюре Дюрера, изображающей ребенка из народа с лицом старичка.

В «*Satirische Schulszene*»¹ Брейгеля дети ведут себя и держатся как «взрослые». Они отличаются от взрослых только ростом. В «*der Gartner*»² (Ленен, 1655) девочки, помогающие в приготовлении пищи, изображены как настоящие женщины, одеты они так же, как их мать. Это «уменьшенные модели» своей родительницы. То же и с мальчиками, разве что в XVII веке они еще одеты не по мужской моде: их наряжают так, как одевали их пращуров во времена средневековья, а не так, как их отцов.

До самого XVIII века тело ребенка остается полностью укрыто одеждой. Мальчики отличаются от девочек только тем, что у них застёжки спереди. Вот и всё. И девочки и мальчики носят ленты. Прежде чем надеть штаны, взрослый мужчина носил платье. Мало-помалу он обнаружил свои ноги и нарядился в короткие штаны. Но маленькому мальчику это пока не позволено: в течение двух-трех веков он еще обречен на косность. Его наряжают в платье, какое носил взрослый два-три столетия тому назад. На семейных портретах можно видеть детей в платьицах, с двумя или четырьмя развевающимися лентами. Это единственное, что отличает их от взрослых карликов.

Что означают эти ленты? Филипп Ариес задается вопросом: а что, если это остатки широких свободных рукавов средневекового

¹ «Сатирическая школьная сцена» (нем.). — Прим. пер.

² «Садовник» (нем.). — Прим. пер.

15

платья? Развевающиеся рукава, атрофируясь, могли превратиться в ленты. Пожалуй, это лишний раз подтверждает, что в одежде ребенка XVII века ничто не выдуманно. Его наряжают в то, что прежде носил взрослый³.

Возможно и другое объяснение: эти ленты могут быть остатками вожжей. Когда дети делали первые в жизни шаги, их водили на привязи, как лошадей в узде. А пока они были грудными, их подвешивали к стене, чтобы уберечь от крыс и чтобы им было теплее, поскольку тепло от очага, топившегося в общей комнате, струилось вверх. Уходя на работу, младенца в люльке подвешивали к потолку. Итак, ленты в XVII веке могли быть остатками детских лямок или помочей из предшествующей эпохи. Ребенок в них больше не нуждается, но лента — это знак того, что он еще имеет право регрессировать, как если бы в представлении взрослого он еще не до конца расстался с платьицем младенца, снабженным шнурками, вожжами, поводком.

Впрочем, и сегодня продаются вожжи для детей, чтобы водить их по универсальным магазинам или по улицам. Считается, что там полным-полно опасностей. Вот детей и припрягают к родителям!

Со средневековья и до эпохи классицизма тело ребенка воистину заточено, спрятано; публично его обнажают только для того, чтобы высечь, побить. Вероятно, это было огромным унижением, так как обнажались именно те части тела, которые полагалось прятать. Когда итальянские или фламандские художники изображают голого ребенка, это всегда ангелочек; его используют в качестве символа. Но мало-помалу Эрос входит в силу... Официально, для церкви, обнаженное дитя остается символом, на самом деле — художники дают себе волю, и тут появляется чувственность, которая вот-вот вырвется на свободу, по крайней мере в иконографии, если не в действительности: ведь детям приходилось позировать перед художниками, и это был единственный случай, когда на ребенка смотрели, любясь им, восхищались — именно его наготой. В литературе это не описано, однако отрывок из мадам де Севинье, тот, где она говорит о своей внучке, передает нам эротизацию детского тела: «Какое это чудо, надо видеть, как она шевелит пальчиками,

³ L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Regime, 1,3, p.83, Le Seuil, coll. «Points Histoire».

16

как трепещет ее носик...», «...Цвет лица, шейка и все тельце восхитительны. Она делает уйму всяких штук, ласкает, бьет, крестится, просит прощения, кланяется, целует руку, пожимает плечами, танцует, подольщается, важничает: словом, так мила во всех отношениях. Я забавляюсь ею часы напролет». Возьмем письмо мадам де Севинье от 20 мая 1672 года, посвященное ее «душеньке». Она рассыпает восторги по поводу голого тельца девочки. Но очень скоро замечаешь, что для нее это не более чем игрушка. 30 мая 1677 года, вновь по поводу внучки, она пишет мадам де Гриньян:

«Мне кажется, Полина достойна быть Вашей игрушкой». Бабушка испытывает чувственное, сладострастное наслаждение, но у нее нет ощущения, что девочка — живое существо, человек, с которым она вступает в общение.

Надо сказать, что восприятие ребенка как себе подобного было совершенно чуждо нравам той эпохи, тем более что детей производили на свет много, и многие из них умирали. Мадам де Севинье: «Я потеряла

двух внушек...» Не то чтобы так прямо говорилось: «Невелика потеря», но все же не без этого. Сходная позиция и у Монтеня, отмечающего, что он потерял двоих детей, с тем же безразличием, с каким отметил бы «я потерял двух собак, двух кошек» — это просто часть повседневной жизни.

Монтень даже не пишет «умерли», «скончались» (не знаю, употреблялось ли тогда слово «скончаться») или «Господь их прибрал к себе»... Он сообщает, что потерял две вещи, два предмета. Он не говорит о них, как о личностях, чья жизнь окончилась. Что говорят взрослые, когда теряют дорогое для них существо? Они говорят: «Он умер»; в их речи он — субъект, подлежащее. Ребенок в ту эпоху еще не является субъектом высказывания; это лишь объект, дополнение.

Однако на гробницах мы обнаруживаем изображения детей, которые умерли в раннем возрасте и, судя по изображению, должны быть причислены к лику ангелов. Быть может, это первые шаги на пути признания ребенка как такового... но шаги еще робкие, потому что остается вопрос: ребенок, изображенный в виде ангела, — не душа ли это? Взрослых покойников тоже изображают на гробницах в виде детей. Это, несомненно, символ их души.

На иконах Успения Богородицы Христос держит в руке грудного младенца, под которым подразумевается душа Богородицы. Первые, еще нетипичные, робкие признаки появления ребенка как такового

17

не так легко обнаружить. Мы видим изображение ребенка на его надгробии, если он умер в младенчестве, но не можем утверждать, что изображен именно ребенок, а не его душа. Это совсем не обязательно тот самый ребенок, что скончался и погребен тогда-то и тогда-то. Ребенок остается объектом. Пройдет немало времени, прежде чем он будет признан как субъект.

В обществе до 1789 года ученичество — период, через который непременно надо пройти: это рождение ребенка-личности. Ребенок признается как подлежащее при сказуемом «делать» с той минуты, как его помещают среди других, признав за ним способность исполнять полезную работу. Но тогда с ним начинают обращаться как с машиной, со станком: его можно осыпать ударами и даже сломать, выбросить на свалку, уморить (наказывая, отец может и убить).

Живописное изображение ребенка, включая эпоху классицизма, наглядно демонстрирует, что показывается не само тело, какое оно есть, а то, что общество хочет увидеть.

Считается, что анатомическое правдоподобие недостойно сына Божьего. Разве дух мог воплотиться в незрелом и диспропорциональном создании? Младенцу Иисусу поэтому предпочитают придавать стандартные пропорции взрослого человека: отношение головы к остальному телу — 1:8. Тогда как в младенческом возрасте оно должно быть 1:4.

Голова должна была быть такой же величины, как голова матери. Но это нарушение пропорций указывало бы на то, что ребенок по развитию мозга такой же взрослый, как и мать. Характерно, что на фризах некоторых церквей крестьяне изображены в соответствии с морфологией тела ребенка — пропорции головы 1:4. Здесь художник следует замыслу государя. Необходимо напомнить доброму народу, что только власть является взрослой. А рабы, бедняки, дети — напротив: для них для всех одинаковое изображение, один и тот же художественный прием.

Недавно в Германии (Веймар, 25 мая — 15 октября 1972 года) состоялась выставка «Образ ребенка в творчестве великих художников: вариации на тему от Лукаса Кранаха до наших дней». Картины периода средневековья подтверждают уже известное о положении ребенка в ту эпоху, когда он был полностью интегрирован в жизнь взрослого, но одно произведение XV века привлекает особое

18

внимание как явное исключение: «Христос, благословляющий детей». Кажется, живописцы принесли в жертву условностям своего времени все, что можно, но порой неожиданные вспышки, прорывы, позволяют разглядеть тайный лик вещей, внутреннюю жизнь, — то, о чем даже не подозревали их собратья-художники. Таков и случай этой нетипичной картины: на ней изображены застигнутые врасплох, играющие дети, не спрятанные под той маской унылых, зловещих карликов, которую по единодушному согласию присваивают малышам с XIV по XVIII век. У одного из детей, окруживших Христа («Пустите детей приходить ко Мне») в руках кукла: несомненно, одна из первых кукол в истории западноевропейской живописи.

Ребенок, если не считать этой нетипичной картины представляющей собой исключение из всеобщего правила конформизма, изображается не ради него самого. Его телом пользуются для создания религиозных декораций. Он — безделушка на счастье, маленький гений, эскортирующий святых; свою толстошекую личину, свои пухлые ручки и ляжки в ямочках ребенок на время уступает ангелочку, который с множеством себе подобных летит в небесной фарандоле. Церковь так упорно предостерегала умы против маленького незрелого существа, которое может быть лишь вместилищем злых сил, что его принуждают быть ангелом, дабы не быть чудовищем. Но из-под этой проникнутой набожностью слащавой маски пробивается лукавая улыбка Эраста. У барочных малюток — мордочки амуров. Кранаховская Венера в немыслимой шляпе с

цветами дарует одному из ангелочков милость держать ее пояс.

На картинах школы Ленена, где изображены крестьянские посиделки, мы видим грудных младенцев на коленях у отцов или дедов, тут же сидит и мать. Малыши с полной непосредственностью ползают вокруг взрослых. Но все это сцены из крестьянской жизни. В лоне буржуазной семьи, позирующей живописцу, никогда не увидишь такой непосредственности.' В крестьянских семьях дитя интегрировано на равных правах со всеми сообразно своему возрасту. Даже если оно занимается своими делами в своем уголке, даже если его взгляд не обращен в сторону художника или, как бы мы сегодня сказали, в сторону объектива, у него есть свое место в пространстве картины. Художник ввел его сюда бессознательно, но как неотъемлемый и

• Фарандола — танец, в котором танцующие, держась за руки, образуют длинную Цепочку. Здесь и далее примечания издательского редактора следуют без пометы.

19

необходимый для равновесия целого элемент. Поза ребенка разъединяет его со взрослыми, его взгляд направлен в другую сторону. Он здесь как предвестие другой социальной группы, которую он позже выстроит, а сейчас он живет параллельно своим предшественникам, предвещая, однако, новый способ семейного синтеза. Он больше не паразит, и он уже не совсем крепостной в своей семье. С помощью игрушки он выстраивает свою собственную мысль, он изобретает — и он в безопасности.

Художники, вынужденные подчиняться условностям эпохи и на заказ изображавшие навязанные им фигуры, могли внутри картины, посредством кое-каких деталей, создать другую.

Художник хотел, чтобы что-то на его семейном портрете ускользнуло от внимания взрослых, — ему хотелось дать понять, что он сам сохранил душу ребенка, ускользнувшую от всеобщего производительного труда его окружения, его этноса. Потому что художник, как-никак, всегда маргинал¹. Он творит для будущего. Он уверен, что не участвует в сговоре сил, подчиненных сиюминутным интересам, и, вероятно, именно поэтому может отождествлять себя с ребенком, который еще принадлежит группе, но уже предвещает будущее. Чтобы зафиксировать тайну будущего, художник ставит себя вне времени.

Выставка включала в себя 150 произведений. Если проследить свершающуюся на наших глазах пятисотлетнюю эволюцию материнского обращения с ребенком в сценах, когда ребенок, в колыбели или на руках, мы заметим одну-единственную позу, не являющуюся условной: на той картине, где младшего ребенка в семье нянчит его старшая сестра. Это не стереотипные мать и дитя. Легкомысленная старшая сестра забавляется - со своим братиком, она не чувствует на себе взгляда общества. Это игровая поза — мы обнаруживаем ее только один раз на всей выставке.

На картинах XVIII века ребенок, всегда одетый как маленький взрослый, все же немного выделяется на фоне семьи, выпадает из канонического семейного портрета. Его видишь на лоне природы, играющим в группе детей или с животными. И только в XIX веке он появляется сам по себе — в одежде школьника и в позах,

• От *margo* (лам.) — край, граница: маргинал — человек, не придерживающийся принятых в обществе стилей поведения (В. К.).

20

присущих ребенку. У Легро («Erdkundestunde») уже отмечается явное различие между мальчиками с короткими волосами и девочками в передничках и платьях, с бантами в волосах. Детей изображают в группе или — брата вместе с сестрой. В выражении лиц проступают чувства. Ребенок становится человеком, наделенным эмоциональностью

В современный период — выставка доходит до 1960 года — ребенок выступает, как правило, в группе из двух или трех человек, реже один, но даже если он изображен отдельно от других, его представляют позирующим, как перед фотоаппаратом. Будь то ребенок на войне, ребенок в нищете, ребенок на баррикадах или на празднике — поза безнадежно условна Расхристанный или принаряженный, он остается обезьянкой, повинующейся маме или художнику-фотографу

И всюду, вплоть до кубизма, идет ли речь о маленьком буржуа или о маленьком нищем, детство является нам в образе мелодрамы. Главным образом это относится к маленьким мальчикам. Девочки вплоть до второй мировой войны остаются «примерными».

Прорыв к свободе на холсте, датированном 1950 годом и принадлежащем кисти немецкого художника, неизвестного во Франции:

ребенок, изображенный, кажется, ради него самого, один, с каким-то двусмысленным выражением лица, отсутствующим, мечтательным На других полотнах ребенка запечатлевают несчастным или эксплуатируемым, или, по канону советского реализма, пионером своего отряда, чистеньким и точно копирующим господствующую элиту. Но не изображают того, что в нем неуловимо и непознаваемо

Идеологический пафос взрослого беспрестанно скрывает ребенка от него самого, лишает его собственной истории.

Вплоть до нашего века с помощью фаллокрации" насаждалась ложная идея, исходя из которой девочки в присутствии мальчиков ощущают отличие собственного пола только как отсутствие пениса.

• «Урок географии» (нем). — Прим пер.

" От греч *phallus* — половой член и *kratos* — власть, социокультурная установка одностороннего наделения мужчин властью и правами (В. К).

21

А в какие моменты своей эволюции мальчики и девочки обнаруживают свою принадлежность к тому или иному полу?

К этому ведет опыт, совершенно различный для мальчика и девочки. Это могут наблюдать все матери, как наблюдала я сама. Так есть и будет со всеми мальчиками, так было и с моим сыном Жаном.

До сих пор Жан прекрасно знал, что набухание его члена часто сопровождается желанием сделать пи-пи. Он мочился, и его пенис расслаблялся. Этого было ему достаточно, чтобы установить связь между явлением эрекции и функцией мочеиспускания.

Но вот сегодня — ему только что исполнилось 29 месяцев — он замечает необыкновенную перемену: его пилочка напряглась, он полагает, что сейчас сделает пи-пи. Но ничего подобного не происходит, хотя пенис набух. Этот инцидент повторяется. Когда эрекция проходит, он может помочиться. Впервые он предчувствует, еще не находя слов, чтобы это высказать, что его член может вести свою собственную жизнь, не связанную с мочеиспусканием. Жан испытал то же, что все мальчики его возраста. Между 28-м и 30-м месяцем младенец мужского пола открывает для себя эрекцию пениса, не связанную с мочеиспусканием, и в этот момент он пробуждается для осознания того факта, что он — мальчик.

Девочки обнаруживают свою сексуальную идентичность, интересуясь «пуговками» своих грудей, а также сходной с ними на ощупь «пуговкой» половых органов, и трогая их. Игры с этой эрогенной зоной служат наиболее бесспорным признаком, что в жизни девочки наступил миг, когда она сделала открытие об этом великом различии.

Когда в Бретонно я, молодой экстерн, делала маленьким пациентам с ожогами перевязки, я замечала, что девочки, чтобы вытерпеть боль, нервно трут себе соски. Перевязки при ожогах болезненны. При пересадке кожи требуется еще большая осторожность в манипуляциях. У меня получалось более или менее ловко — еще в бытность мою санитаркой я накопила кое-какой опыт — и если меня не оказывалось на месте, дети даже требовали, чтобы меня позвали. Однажды меня вот так позвали к изголовью шестилетней девочки, я начала отмачивать повязку, чтобы отделить ее от раны, и вижу — это уже не было для меня неожиданностью — как ребенок ласкает набухшие «пуговки». Няня, до этого смотревшая в другую сторону, заметила это и здорово отругала малышку: «Я с тебя глаз не сведу, ты у меня бросишь этим заниматься, мерзавка!»

22

Мне стоило большого труда успокоить ее. «Ей больно, она нуждается в утешении. Таким способом она напоминает себе, что у нее была мама, которая давала ей грудь...» — «Знаем, знаем! Нечего ее оправдывать, детей-паршивцев я в палате не потерплю!» — негодовала эта сотрудница детского дома, не желавшая ничего знать о том, что примитивное либидо может служить обезболивающим средством.

Когда я занималась психоанализом, меня поразила одна маленькая девочка, которой не было и трех лет; я пришла к ее матери и принесла девочке в подарок куклу. Девочка немедленно перевернула ее вниз головой, раздвинула ей ноги и, стащив с нее штанишки, швырнула куклу в угол со словами: «Плохая.» — «А чем же она плохая?» — «У нее нет пуговки.» Сначала я решила, что она имеет в виду пуговки, на которые застегиваются кукольное платье и комбинезончик. Ничуть не бывало. Речь шла не об этих пуговках. Девочка показала мне обнаженную промежность куклы. «Ах, у нее должна быть пуговка на теле?» — «У меня их целых три!» Малышка говорила о своей половой системе, пуговки означали соски и клитор. В дальнейшем мне много раз приходилось слышать, как маленькие девочки говорят о «трех пуговках», — «одна внизу, с дырочкой», а две другие «на грудках».

Вне всякого сомнения, именно прикосновение к грудным железам пробуждает у девочек (и задолго до того, как они увидят голенюго младшего брата или другого мальчика на пляже или в ванной) сознание того, что они принадлежат именно к женскому полу. Думать, будто девочки, не обладая пенисом (который для мальчиков прежде всего орган, нужный, чтобы делать «пи-пи»), не ощущают и своей половой принадлежности — мужское заблуждение; половая принадлежность несомненно сразу ассоциируется для девочек с удовольствием, не зависящим от потребностей, а связанным с желанием, тогда как у мальчиков удовольствие, получаемое от эрекции пениса, прежде всего связано с удовольствием от удовлетворения потребности, и лишь потом оказывается, что оно может существовать и независимо.

У девочек огорчение от отсутствия пениса очень скоро возмещается уверенностью, что скоро у них вырастут груди. Отсутствие или медленное развитие грудных желез нередко оказывается драмой. Не легче переживается и их гипертрофия.

Мальчик до двух с половиной лет может не обращать внимания на отличия половых органов у девочек; он начинает беспокоиться по этому поводу, когда замечает, как меняется в размере его со-

23

бственный половой орган при мочеиспускании. И он начинает испытывать страх увечья. Эрекция исчезает. Вернется ли она? Не утратит ли он свой способный к эрекции пенис? Этот страх — лишь запоздалая проекция первоначального страха кастрации. Он — бессознателен. И происходит от того, что при этом — бессознательно же — мы сравниваем его с процессом поглощения пищи: кусочек за кусочком, и она исчезает целиком и бесследно. Этот страх расчленения особо фиксируется на выступающих частях тела. Египтяне запеленывали руки покойникам, чтобы человек попадал в царство теней весь целиком. Для того, чтобы все существо ребенка продолжало развиваться, нужно, чтобы он сознательно заботился о целостности своего тела. Для ребенка это вовсе не само собой разумеется. Если на него наденут перчатки, он не понимает, куда делись его пальцы. Он перестает доверять глазам, для зрячего ребенка это болезненно. Надо ощупывать пальчики ребенка, чтобы он в полной мере ощутил их и безбоязненно просовывал один за другим в перчаточные пальцы. (Обычно когда на него натягивают перчатки, он рассеянно смотрит в другую сторону.) То же самое, когда ребенку примеряют обувь — он поджигает ножку: он ее «потерял». Это кошмар продавщиц обувных магазинов. Если ребенку меньше шести, он удирает, его ругают, мать нервничает. Продавщицы бывают благодарны мне, когда я кладу конец их пытке, рекомендуя им такой способ: прежде, чем мерить детям новую обувь, поставьте их на коленки; не видя больше своих ног, они отвлекаются и позволяют себя обувать.

Страх кастрации у мальчика выражается не только в боязни при виде того, как опадает пенис, но и в опасении перед всяким увечьем, например, потерять пальцы. Девочка младше трех лет, увидев пенис мальчика, может предположить, что у нее тоже был пенис, — она точно так же боится утраты частей своего тела и связанных с этим переживаний.

Никто никогда не решит проблему страха кастрации. Из него вырастает наше ощущение смерти. Частичка за частичкой наступает расчленение, а за ним — полное и последнее уничтожение плоти, та часть нашего существования, которая называется смертью. Разговор же об этом успокаивает.

У негров каждый взрослый говорит мальчику — перед инициацией: «Возьму и отрежу тебе пипку». Это входит в ритуал общения.

24

А ребенок и не думает ему верить. Но он доволен, что с ним говорят о его половом органе.

А мы поднимаем крик: «Ни в коем случае нельзя этого говорить, это наносит травму ребенку!» Смотря как говорить. Пускай это будет «для смеха». Выразить словами страх, знакомый каждому мальчику, — благотворное средство."

Кто знает, отчего девочка, по распространенному у психологов выражению, «заражается женственностью» от своего отца, а мальчик «мужественностью» — от матери. Нарушениям сексуального поведения, двусмысленности самоощущения, колебаниям в ощущении своей сексуальной принадлежности, страху перед женщиной-матерью и т. п. могут способствовать какие-то уже забытые обстоятельства, факты из раннего детства, на которые не обратили внимания и которые обнаруживаются лишь в результате позднейшего психоанализа.

Мне позвонила одна мать, которую беспокоила жестокость сына-подростка. По ее словам, он нападает на улицах на женщин, которые похожи на нее. Кроме того, она сообщила, что он и на нее поднимает руку, когда она заботится о дочке: «Сестра — моя, не трогай». («Он так поступает с тех пор как был "совсем маленький"»? — «Да, с тех самых пор.») Наверняка, этому мальчику было необходимо, чтобы в первый же раз, когда мать услышала, как он предъявляет права собственности на сестру, она отняла у него малышку. И отец, в силу своей позиции в семье, не мог заставить сына уважать свою жену — ни на словах, ни поведением, он не смог запретить сыну видеть в ней и в сестре сексуальный объект, не смог заставить сына видеть в них «женщин, с которыми он никогда не вступит в сексуальные отношения», подобно тому как и сам он, его отец,

* На фантазме кастрации (фантазм — см. с. 38), как ответе ребенка на загадку анатомического различия полов (присутствие или отсутствие пениса, различие — приписывается усечению пениса у девочки), основывается комплекс кастрации. Его структура и следствия различны для мальчика и девочки. Мальчик боится кастрации как осуществления отцовской угрозы в ответ на свою сексуальную активность. Комплекс кастрации тесно связан с комплексом Эдипа, особенно в его функции нормирования и запрета. См.. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б., «Словарь по психоанализу» /Пер. с франц. Н. С. Автономовой.— М. Высшая школа, 1996. С. 197-202.

25

никогда не посягал ни на свою мать, ни на сестру, ни на бабу, ни на двоюродную бабу своих детей.

Невысказанное, оставаясь для ребенка двусмысленным, затягивает опасность инцеста*. Важно сказать подростку, что он не может занять в семье место отца, и что между его родителями существуют отношения мужа с женой, на которые он не может претендовать; в свое время он вступит в такие отношения не с

матерью, а с другой женщиной.

К несчастью, определенные вопросы годами остаются без ответа и годами зреют, как опухоль, в позорной или священной двусмысленности. Запрет на инцест должен быть внятно произнесен в ответ на «немой вопрос». А если девочка берет у мамы сумочку и туфли и носит с ними — это опять-таки «немой вопрос» '«Как мне стать женщиной — ведь грудь у меня плоская, а пипки, как у мальчиков, у меня нет?» Девочки верят, что у матери она есть. Немой вопрос мальчика, который наряжается в мамины вещи" «Когда я стану большим, я стану, как ты, женщиной?» У меня тоже будут детки в животе?» Не следует упускать возможности объяснить ему, какого он пола «Ты никогда не будешь женщиной. Если ты хочешь играть, как будто ты уже большой, надень лучше папины ботинки!» Это напоминает мне одну девчушку четырех с половиной лет, которая говорила «Когда я стану дедушкой, я буду делать с внуками то-то и то-то». Она уже переросла время, когда девочка не знает, что она девочка. Но никто не позаботился ей объяснить «Когда ты состаришься, ты будешь бабушкой, и то не просто потому, что ты уже старенькая, а только если у тебя будут дети, которые тоже родят своих детей». Двусмысленность болтовни, на которую не обращают внимания, может остановить сексуальное развитие. Ребенок может сколько угодно забавляться, подражая детям или взрослым другого пола, но лишь при условии, что это — игра, а не план будущего.

Этой разницы между игрой и реальностью детям не объясняют. Хотя последнее необходимо точно так же, как разъяснять им, почему детям нельзя трогать электрическую розетку. Необходимо найти для ребенка точные слова и объяснить наличие опасности в слепом следовании соблазну и неумении устоять перед ним, тем самым помочь устоять перед искушением.

«Инцест (лат. ш — отрицание, eastus — чистый, непорочный) — кровосмешение, сексуальные отношения между кровными родственниками (родителями и детьми братьями и сестрами).

26

ДЕТСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ- СТЕНА УМОЛЧАНИЯ

После второй мировой войны воспитателей стал тревожить мучительный вопрос: нужно или нет вводить сексуальную информацию в рамки школьной программы?

Я присутствовала на официальном собрании, организованном в Сорбонне. У инспекторов академии эта перспектива вызывала ужас; они видели только одно средство охладить горячку пубертатного возраста. Им представлялось естественным раздавить всех этих юнцов интеллектуальным трудом и физическими упражнениями, чтобы у них не оставалось ни времени, ни сил мастурбировать ночами в дортуарах. Умственная и физическая усталость прогонит фантазии, связанные с неосознанными половыми побуждениями, дружеские и чувственные взаимные привязанности детей или детей и взрослых. И гетеросексуальные, и гомосексуальные. Последний триумф Жюль Ферри', последний штрих его этики воспитания.

В крайнем своем выражении это принудительное «лечение» вытекает из логики концлагеря: пайку уменьшают до тех пор, пока заключенные не начинают думать только о еде вместо того, чтобы думать о межличностных отношениях. У измученных людей, которым грозит смерть, если они бросят работу, не остается времени для межличностного обмена.

Эксплуатируя человека, его энергию либо используют, либо переключают на что-либо другое.

Когда настала пора подправить педагогику по Жюль Ферри, введя в нее сексуальное просвещение, руководители лицеев довольствовались тем, что ввели еще одно упражнение по риторике с сухими и безличными рассуждениями на заданную тему. Не все можно объяснить в терминах биологии, если имеешь дело с возрастом, когда человека буквально распирает и он непрерывно фантазирует.

" Жюль Франсуа Камиль Ферри (1832—1893) — французский политический и государственный деятель. Участник Парижской коммуны. Премьер-министр Франции (1880-81 и 1883-85 гг.). В области образования — автор тех двух законов (с 1879 по 1883 гг. — Жюль Ферри министр народного образования), которые положили начало коренным переменам в области организации школьного обучения во Франции 16 июня 1881 года — закон о бесплатности школьного обучения, 28 марта 1882 года — об обязательности его со светской программой. Реформа школьного образования, связанная с именем Ж.Ферри, изменила характер самого обучения, ввела новую мораль См подробнее Ив. Чистяков. «Образование народа во Франции эпоха третьей республики (1870—1902)». — М, 1904.

27

В любом случае, эта информация чересчур запаздывает. Потому что сексуальность играет важнейшую роль с самого момента нашего появления на свет; ребенок без конца выражает ее день за днем на языке тела. Неосознанные половые влечения влекут за собой межличностную коммуникацию, которая остается неизменно одной и той же между людьми с начала их жизни. Они проецируются в язык, но в язык, соответствующий уровню нашего развития. К моменту созревания, когда появляется чувство ответственности, психика, являющаяся метафорой тела, могла бы уже оказаться достаточно зрелой для ответственности за половой акт, в котором сочетаются эмоциональные, социальные и психологические

отзвуки. Но чтобы очутиться на этой стадии, нужно было бы с самого детства смотреть на это как на факт — ни плохой, ни хороший, а вытекающий из человеческой физиологии, и — как на действие, совершаемое ради оплодотворения. Стил этой созидательной игры коренным образом изменяется с появлением чувства взаимной ответственности двух людей, каждый из которых принадлежит определенному полу... Да еще этому должна предшествовать долгая подготовка — появление чувства ответственности за свои поступки... А пока его и в помине нет: нравственное воспитание ни в малейшей степени не подразумевает структурированной этики желания; существует лишь воспитание-маска, чтобы скрывать от других неназванные желания, уже испытываемые, но утаиваемые. К чему сводится воспитание гражданина в ребенке? Его учат переводить слепых через улицу, уступать место старушке, знать, как надо голосовать... Вот и все гражданское воспитание... Но никто не воспитывает в ребенке чувства достоинства его тела, никто не прививает ему сознания того, что все части его тела благородны; а когда не знаешь, как обращаться с собственным телом, как поддерживать его, способствовать его росту, уважать его ритмы, происходит декомпенсация, а значит, отток человеческих сил... Всё это следовало бы иметь в виду и учитывать в воспитании с ясельного возраста. Но ничего подобного не делается: люди сидят на голодном пайке, что усугубляется полным замалчиванием этих вещей в школе;

человек о них понятия не имеет и неспособен воспринимать то, что происходит с его телом... Это малоутешительно.

Из того, как изображают естество ребенка пластические искусства, а также из литературы о ребенке становится ясно, что практически вплоть до нашего века тело отделяли от души. Все предопределено: образованию подлжит «дух», то есть мозг ребенка, а о теле забывают (или даже уличают его во всех пороках, грехах... взваливают на

28

него всё зловердное, негативное). О теле забывают, вытесняют его в тень во всех случаях, кроме тех, когда ему достаются хлыст или палка или когда ему запрещают двигаться. Естественная активность тела считается грубой, она словно оскорбляет человеческий разум, унижает человеческое достоинство. А между тем у нас во французской культуре существует Рабле, который мог бы быть для нас с ясельного возраста властителем дум и словаря. Рабле посредством языка сублимирует всё, относящееся к телу, к пище, и в то же время всё наиболее трансцендентное*, поскольку, что ни говори, а Гаргантюа все же родился «от» уха Гаргамель; именно «от уха», а не «из уха» матери. Он родился от слов, которые слышала его мать. Он рожден от языка... и с рождения принадлежит человечеству. И из языка он сотворил слова, сотворил радость для всех сразу, для всех, кому не нужно скрывать никакой эротики. Это эротика для радости целой группы.

Самая лучшая подготовка к сексуальному просвещению — с раннего детства приобщаться к языку самой жизни, который метафорами рассказывает обо всех функциях тела. Даже в современном доме, оснащенном всевозможной техникой, остаются обрывки этого метафорического языка: розетка входит в штепсель, окно закрывается при помощи шпингалета, который проникает в гнездо." Всё это — метафоры продуктивной сексуальности, которая приводит к сцеплению и, в конечном счете, приносит удовольствие, счастье, да и гражданскую пользу тоже.

Я думаю, что сегодня в системе воспитания существуют два заблуждения, в силу которых подросток не может прийти к согласию с собственным телом: физические упражнения полностью ориентированы на соревнование, а не на знакомство с собственным телом и радость игры. Ребенку, обучающемуся в школе, тестируемому, обязанному заниматься спортом точь-в-точь как сдавать экзамены, не хватает радости, которую получаешь от игры, в которой, правда, есть победитель и побежденный, но если игра была хороша, проигравший не испытывает унижения от своего проигрыша. Второе воспитательное заблуждение — это пренебрежение к рукам и обеднение языка, сказывающееся на понятливости и сноровке. Из словаря удалили все конкретное — все, что относилось и к функциям тела,

- Предельно общие понятия: предшествующее опыту в независимое от него знание, организующее конкретный опыт (В. К.).

- " Сегодня их часто называют «папа» и «мама» (В. К.).

29

и к предметам, которыми манипулируют. И это проделывают с ребенком всё в более и более раннем возрасте. Лет двадцать назад в начальной школе арифметика оперировала реальностями (весами, склянками, бассейнами, кранами...). Сегодня даже в математике ребенка очень быстро обучают манипулировать (мысленно) совершенно абстрактными понятиями. Спорт, который полностью сводится к соревнованию, и абстрактный язык, уже у ребенка восьми лет перс- < полненный абстракциями, не могут помочь ему жить в добром согласии со своим телом.

Мы облегчаем себе совесть, говоря: «Теперь дети занимаются спортом... Теперь существует языковая свобода, ведь дети могут говорить родителям или при родителях грубые слова». Но это совсем другое! Таким образом можно высвободить определенную агрессивность, но это совершенно не то, что формирует

личность. Этот язык лишен креативности. У наших детей больше нет словаря. Мы движемся в обратную сторону от того, что могло бы обеспечить подростку равновесие. •

Как объяснить этот упорный обскурантизм", который воздвиг стену молчания перед детской сексуальностью и заставляет родителей и воспитателей Третьей республики" делать вид, будто никакой детской сексуальности не существует?

Из памяти взрослого изглаживается всё, относящееся к доэдиповому возрасту"". Вот почему общество с таким трудом признало детскую сексуальность. В предыдущие века о ней знали только кормилицы.) Родители о ней понятия не имели. Кормилицы знали, потому, что, в отличие от родителей, и в буржуазной, и в крестьянской; среде существовали на том же уровне, что и дети. Те, кто занимался, детьми, всегда стояли особняком: они понимали язык до речи» понимали не словами, а поведением. Когда Фрейд заговорил (^ мастурбации у детей, родители подняли крик, а кормилицы говорили: «Ну да, конечно, все дети так делают...». Почему же" они раньше об этом не говорили? А дело в том, что для боль-

• Творческого, созидającego потенциала (В. К.).

" Враждебную установку к просвещению ж науке (В. К.).

"• Третья республика существовала во Франции с 1870 по 1940 год; у Дольто это синоним «довоенной Франции», когда в образовании господствовали принципы, заложенные Жюлем Ферри. — Прим.пер.

•• До 3—5 лет (В. К.).

30

шинства взрослых дети играли роль животных, которых не то держат дома на положении четвероногого друга, не то разводят в хозяйстве, — смотря по тому, любят их или нет.

В таком обществе, какое существовало еще в XVII веке, многие дети из зажиточных слоев общества воспитывались у кормилиц и довольно благополучно и рано достигали возраста самостоятельности. Возникает вопрос: не потому ли при кормилицах они легче переживали свою детскую сексуальность, что кормилицы не налагали запретов, которые стали налагать на них матери позже — в XVIII веке или в XIX-м, когда начали сами кормить своих детей?'

Детство Людовика XIII, о котором упоминает Филипп Ариес, показывает, каким может быть ранний возраст без запретов. До шести лет взрослые вели себя с принцем извращенно: играли с его половым членом, позволяли ему играть с половыми органами других людей, ложиться в постель к взрослым, шалить с ними. Все это было позволено. Но в шесть лет его вдруг одевают по-взрослому, и отныне он должен вести себя как взрослый, повинаясь «этикету»".

Такое положение как будто чревато травмами для ребенка, однако было в этом все же нечто изначально спасительное, поскольку за первые годы жизни ребенок успешно пережил свою сексуальность с чужими людьми, а не с родителями. У него было больше шансов благополучно миновать все трудности, несмотря на то, что потом его чересчур рано переодевали во взрослое платье. Его пример распространяется только на богатые классы. А как ребенок из другой слоев общества в ту эпоху мог подавить и сублимировать желание инцеста? Ему помогало то, что он очень рано начинал работать. Мать беременела часто, один младенец сменял другого на коленях у матери, и привилегия на чувственные удовольствия представлялась старшему уделом малышей, тогда как сам он уже оказывался занесенным в список семейных работников. Он понимал, что права на мать принадлежат тому, кто зачинает детей, а сам он в силу своей половой незрелости должен быть отвергнут матерью. Отец,

• *L'Histoire des mires du May en Age A nos jours*, Yvonne Knibiehler, Catherine Fouquet, p. 90.

" Ph. Aria», ouvrage cit6, I, 5, p. 145.

31

или заместитель отца, присутствовал постоянно, и все время, пока продолжалась плодотворная, детородная пора жизни женщины, оттеснял ребенка в сторону, поскольку тот уже не мог быть младенцем, но и не мог еще сам производить на свет детей. Но удивительно, что девочки, с четырнадцати лет, были сексуальными объектами для стариков. Может быть, именно таким образом и выражался инцест, который, в сущности, просто наступал с опозданием: «Когда я вырасту большой, я смогу обладать женщинами возраста моей матери... Когда я состарюсь, я смогу обладать моей дочерью в образе другой женщины...» Ситуация Агнессы в «Школе жен» была, вероятно, совершенно обычной. Я думаю, что открытие Фрейда закономерно пришлось на эпоху, когда дети гораздо чаще стали жить «в семье», вместо того, чтобы воспитываться у кормилиц или с самых юных лет уходить из семьи и приниматься за труд. В сегодняшней семье-ячейке, особенно в городах, трудности и конфликты куда более взрывоопасны, особенно когда протекают в скрытой форме. Сегодня ребенок вступает в контакт с куда более ограниченным числом взрослых, чем в былые эпохи. В XVII и XVIII веках ребенок мог переносить свои инцестуозные чувства на других женщин, которые находили весьма забавным играть в сексуальные игры с маленькими мальчиками и юношами, которым они не приходились матерями. В сущности, легко убедиться, что сплошь и рядом сегодня ребенок, который видится с бабушками и дедушками только изредка, на семейных сборах, во многих отношениях все больше и

больше замыкается в триаде: отец-мать-единственный ребенок. Ребенок втиснут в эту ячейку — а ведь сейчас принято говорить, что благодаря телевизору, групповым экскурсиям и путешествиям пространство жизни ребенка расширилось. Но все относительно. Материальное пространство расширилось, а пространство эмоциональных связей сузилось.

Для переживания чувств, сопровождающих отношения между людьми, у ребенка остается куда меньше простора, чем прежде; он стал гораздо ближе к родителю и родительнице — они ему и кормильцы, и воспитатели. Прежде они вообще были не кормильцами, не воспитателями, а коллегами по трудовым и представительским ритуалам. Он действовал, как они, по отношению к миру, по отношению к пространству, а между ними стояло много взрослых-заместителей —

» Имеется в виду комедия Ж.-Б. Мольера «Школа жен» (в другом переводе — «Урок женам»).

32

с ними он проигрывал свои чувства и свою инцестуозную сексуальность, которая посредством переноса¹ переходила на людей из водительского окружения.

Существовали и такие отдушины как карнавалы, маскарады.

Эти праздники приносили вседозволенность неосознанных сексуальных стремлений, скрытых под маской, по меньшей мере раз в году, — в Северной Европе были два дня в холодное время года, масленица и средопостье, когда родственники и соседи, жившие бок о бок, ощущали свою анонимность: лица скрывались под масками. И можно было переживать сексуальные желания, игры, фантазии, а иногда и осуществлять их, не отождествляясь с ними, — на то и масленица.

Сегодня последний день карнавала² считается праздником отцов и превратился в чисто рекламное мероприятие по продаже всяких безделушек- Взрослые больше не переживают праздников «опускания паров» — даже в тех местах, где хотят продолжать подобные праздники из коммерческих соображений, как в Ницце, или на Севере, Или с Жилиями (клоунами) в Бельгии³». В нашем обществе несомненно происходит куда большее подавление желаний, чем раньше. В том числе и на уровне детей. Похоже, что в былые времена не было таких, как сейчас, запретов на сексуальные игры, ни между детьми (кроме как между братьями и сестрами), ни между детьми и взрослыми (кроме как с родителями).

В XIX веке запреты существовали, но жизнь знает множество путей обойти их. Немало юношей получили первый любовный опыт со служанками. Что до девушек, то их потому и выдавали замуж очень рано, что знали: замужем или нет, они все равно станут для мужчин сексуальным объектом, и пусть уж лучше за это будет отвечать какой-нибудь мужчина, которому отец вручит свою дочь ДДХ защиты. Нам с нашими нынешними представлениями странно, 'помочь вручали зятю вместе с деньгами, как будто жена — обуза, вместо того, чтобы требовать денег у будущего зятя, как это делается

* Перенос, трансфер — в психоанализе означает процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты в рамках определенного типа отношений, установившихся с этими объектами. См.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б., «Словарь...» С.531—540.

*См. «. *Le Carnaval de Bine/if*, Samuel Glotz, (1975), Ed. Duculot.

33

в некоторых африканских странах, где жену приходится покупать, потому что она представляет собой ценность. У нас — наоборот: приданое должно было подсластить пилюлю. На Западе в зажиточной среде замужество дочерей было до недавнего времени сродни узаконенному сутенерству. Торг по поводу приданого привносил в брак оттенок продажности. Во-первых, приданое сразу сообщало инфантильность зятю, якобы не способному самостоятельно обеспечить содержание жены, поскольку он не в состоянии даже дать за нее столько, сколько она стоит. Во-вторых, инфантильность придавалась и жене — ей словно говорили: «За тебя надо платить — сама ты ничего не стоишь». Кроме того, этим признавалось, что дочь — предмет владения отца, которому недешево стоило избавиться от этой своей собственности. Давая за дочерью приданое, он расписывался в любви к ней, и несмотря на то, что отныне она принадлежала другому мужчине, приданое, выделенное отцом, обеспечивало ему материальное присутствие в семье дочери.

Глава 2

ВИНА

«ПУСТИТЕ ДЕТЕЙ ПРИХОДИТЬ КО МНЕ», ИЛИ ОТКУДА БЕРЕТСЯ ЧУВСТВО ВИНЫ»

До XIII века дети причащались, начиная с крестин, каплей освященного вина, которую вливали им в губы. В XIII веке мальчики причащались публично в 14 лет, девочки — в 12. После Тридентского собора⁴, в XVI веке, мальчиков и девочек стали допускать к алтарю в 11-12 лет. Папа Пий X, снизивший этот возраст до семи лет и учредивший причастие с глазу на глаз, которому предшествовала исповедь⁵, преподнес

«невинным душам» отравленный дар, хотя полагал, что следует словам Христа: «Пустите детей приходить ко Мне».

Это новшество в католичестве было плодом заблуждения, соединенного со справедливой и великодушной идеей. Оно повлекло за собой очень раннее ощущение ребенком чувства своей виновности и эротизацию признания, сделанного другому лицу, прячущемуся в потемках исповедальни. Чтобы приобщиться к таинству покаяния, ребенок должен проникнуться чувством своей греховности. Ребенок не чувствовал за собой вины перед Богом; с малолетства он знал, что совершил проступок в том случае, когда не угождал взрослому. Он бывал счастлив или несчастлив в зависимости от того, получал ли он от своих воспитателей похвалы, конфеты, или наказания, удары палкой. У него не было никакой возможности отделять добро и зло от удовольствия и неудовольствия.

Для западного христианства это новшество оказалось освящением ритуала, утверждавшего ценность чувства вины в том (доэдиповом)

* Вселенский собор католической церкви, заседавший в г. Тренто (1545—1547, 1551—1552, 1562—1563 гг.) и г. Болонья (1547—1549 гг.): установил строгую церковную цензуру, усилил гонения на еретиков. Его работа — начало реставрации католицизма.

" См.: Декрет Конгрегации Таинств «Quam singular!», 8 августа 1910. (Приложения, практические правила I, стр. 523).

35

возрасте, когда ребенок смешивает воображение и мысль, бессознательное желание и поступок, слово и действие, и, что еще хуже, Бога и своих родителей и воспитателей.

Пока причастие с глазу на глаз не испортило все дело, на исходе детства достаточно было единожды исповедаться во всех грехах в момент торжественного причастия, после чего по отношению к Богу, в мистическом плане, человек становился равен своим родителям. Кроме того, это был возраст вхождения в общество. В те времена в Европе многие дети в 12 лет уже оказывались брошены в мир труда, покидали родительский очаг, сталкивались с действительностью и с точки зрения человеческих законов становились подростками, отвечающими за себя. Согласно семейному обычаю, накануне торжественного причастия они просили прощения у родителей за всё, чем их вольно или невольно обидели, пока они были детьми. Затем, после этого семейного и общественного, приходского праздника девочки совместно с женщинами, а мальчики с мужчинами включались в жизнь общества. Они принимали участие в беседе во время еды, имели право голоса в семье, чего до сих пор у них не было. Во Франции в семьях, где детей продолжали воспитывать как до Пия X, дети еще в 1940-м году получали право разговаривать во время еды только после первого причастия, которое торжественно отмечалось в 11 или 12 лет (в 6-м классе лицея). В этих семьях причастие с глазу на глаз не допускалось. Всё это — через три года религиозного образования, на первом или втором году обучения второй ступени. Следовательно, до этого не было никакой исповеди: в проступки против мирской морали, «ребяческой и честной», не вмешивали Бога. Таким образом, религия не требовала, чтобы дети, подчиняясь прихотям или неврозам своих родителей или воспитателей, различали добро и зло перед Богом.

С точки зрения этнологии, допуск к алтарю для причастия может рассматриваться как ритуал перехода.

Когда-то это так и было, но после Пия X положение вещей изменилось.

Есть таинство, установленное Христом, основателем религии, а есть ритуал, сопровождающий дарование этого таинства. Если этот ритуал вводится вовремя, он освобождает и способствует продвижению вперед. Но если то или иное таинство, вместо того чтобы развивать доверие к себе и к другим, развивает чувство вины — оно пре-

36

ждевременно. Смешивать таинство покаяния с таинством святого причастия само по себе нехорошо, но к этому добавляется еще путаница между сутью этих таинств и случайными обстоятельствами ритуалов. Разумеется, все зависело от того, каким образом отцы и матери (особенно матери) готовили ребенка к этой самокритике перед лицом закона Божьего, а не перед их собственными правилами. Так мало Взрослых воспитателей подают в этом пример детям, наблюдающим за их жизнью. Слишком немногие питают доверие к жизни, а значит и к своему ребенку и к его интуиции — я говорю здесь только ^' телесной жизни. Многие взрослые сеют недоверие к себе и к другим, страх перед опытом, страх перед болезнями (хотя люди ^кие научились избегать заражения). Чувство вины царит повсюду, даже в смерти. Когда-то казалось важным строгое соблюдение полагающегося ритуала — поста. К причастию полагалось идти натощак. Почему бы и нет — считалось, что натощак чувствуешь себя свободней... Но этим закреплялась определенная двусмысленность, как будто бы духовная, мистическая трапеза, связывавшаяся со Словом Христа, символическое питание нашей человеческой реальности, противостоит пищеварительному комфорту. А возможно ли обойтись без ощущения телесного благополучия, которое служит нашей временной и пространственной жизненной ориентации? Возможно ли без другого изменение себя самих, да, в сущности,

и духовное созидание?

Почему причастие начинается именно с семи лет, предполагаемого «разумного» возраста? Почему не с 0 до 7, как у православных? Ребенок участвует во всем, во все вмешивая свои магические интерпретации действий «брать» и «делать», магию оральности и анальности¹. Он не знает меры своей свободы в поступках, приятных или неприятных, полезных или вредных для других и для него самого. Когда он это осознает, он обретает и понятие добра и ЗМЖ, что большей частью не имеет ничего общего с духовным грехом. чувство вины — мирское чувство. Ребенок чувствует, что неразумно поддаваться соблазну неблагоприятных поступков, которые огорчают родителей и на которые наложен родительский запрет. Он считает себя виновным, когда, удовлетворяя какую-нибудь потребность или желание, поранится из-за собственной неловкости. В эпоху телесных наказаний его за это били по чувствительным и подвижным частям

• Оральность — связь проявлений либидо (сексуальности) с полостью рта, анальность — с задним проходом; первые две фазы сексуального развития по З. Фрейду

37

тела, и это наказание исходило не от Бога, но от сторожа, охранявшего свое достоинство, поскольку испорченное ребенком его тело также было частью этого достоинства. Но начиная с того момента, когда ребенок начинал испытывать чувство вины, им руководили веления Бога, которые не следует путать с человеческими приказами. В православии прежде, чем ребенка допустят к причастию, он должен пройти через двухлетнее религиозное обучение, подготавливающее его к торжественному личному причастию. Исповедь происходит на глазах у всех, посреди хоров; священник стоит тут же, но кающийся обращается к иконе Спасителя. Ребенок ничего не говорит о своей частной жизни. Священник спрашивает: «Грешил ли ты против Первой заповеди?» — «Да, грешен.» — «Против Второй заповеди?» — «Да, грешен... Я грешен во всем.» Но его поступки не передаются в подробностях любопытному собеседнику. Изучив за два года обучения начатки своей религии, ребенок после маленького семейного праздника вновь допускался к причастию — уже как «взрослый, отвечающий за свои поступки».

У ребенка-католика все не так: с пяти лет его подчиняют малой катехизации¹. В детском воображении место родителей занимает Бог. Вместо пробуждения к духовной жизни ритуал низводится до психологического осмысления мистики и до эротизации отношения Бога к ребенку и наоборот. Для взрослых это было способом оказать давление на ребенка, пригрозив ему высшей карой провидения, «смертным грехом», адом. Многим детям трудно даже разобраться, что такое грешить действием, тем более в том, что такое грешить упущением. Ну а понятие «грешить мыслями» для ребенка вообще не имеет смысла. Семилетние дети не знают, что такое мыслить, думать. Мыслить — это добровольный акт. Впрочем, думают очень немногие люди (как сказал господин Тэст², «никто не размышляет»). Целенаправленная мысль, мысль, которая работает над чем-нибудь, как певец работает над своим голосом, — это акт осознанный, не имеющий ничего общего с фантазмами³. Ребенок принимает за мысли свои фантазмы. Как же в таком случае он может постичь разницу между

• Приобщение к катехизису — изложению основ католической религии в форме вопросов и ответов

¹ Г-н Тэст — мифический герой французского поэта и блестящего эссеиста Поля Валери (1871—1945), фигура — абстрактная. Обладатель универсального ума, «робот абсолюта». См. «Вечер с господином Тестом» (1896) в кн. П. Валери «Об искусстве» — М, 1993.

² Фантазм — воображаемый сценарий, в котором исполняется — хотя и в искаженном защитой виде — то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное) См Ж. Лаплайш, Ж.-Б. Понталис. «Словарь» С 551

38

грехом мысленным и грехом по упущению. Из всего этого он извлекает только страх смертного греха. Постановление католической церкви безо всякой пользы наделило чувством вины все поколения нашего века во имя того самого Христа, к которому детей хотели, так сказать, приблизить. А ведь Он пришел в мир ради ведущих неправедную жизнь, грешников, безнравственных людей, стоящих вне закона или, во всяком случае, тех, кого считают таковыми ревнители порядка

И как бы мы ни относились к чувству вины, испытываемому по поводу тела и тех его потребностей, что проявляются с наступлением отрочества в новых отношениях, выходящих за границы семейной среды, к взрыву жизненных сил, связанному с созреванием, к мастурбации, всегда переживаемой как падение и крайнее средство в безвыходном положении, — с какой стати объявлять их грехом по отношению к Богу? С тем же успехом можно объявить грешником прыгуна, не сумевшего перепрыгнуть планку, которую он во что бы то ни стало решил преодолеть, и взбешенного собственным бессилием

Глава 3

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

АНГЕЛ КАРЛИК И РАБ ИЛИ РЕБЕНОК В ЛИТЕРАТУРЕ

В средневековой литературе Западной Европы ребенок занимал место бедняка или даже зачумленного этикой парии Такова вот Церкви Сочинения средневековых клириков' напоминают что ребенок это существо которого следует во всем остерегаться так как он может быть вместилищем темных сил Новорожденный еще принадлежит к низшему миру ему только предстоит родиться для жизни души Он несет проклятие навешенное на человека изгнанного из раи он платит за грехи взрослых как если бы он всегда оказывался плодом греха По отношению к нему используются пре зрительные а то и бранные выражения В течение долгого периода он находится в такой немилости что его даже крестят с опозданием Да и после того как всех детей начинают систематично подвергать обряду крещения, считается что крещение не уничтожает факта первородного греха На смену этому обскурантизму приходит гуманизм Возрождения который положит конец опале божьих уродцев место которым в чистилище а то и в аду. рядом с низшими существами слугами рабами и животными В первую очередь вспомним тут мэтра Алькофрибаса с его гениальной притчей о Гаргантюа который благодаря силе слова рождается великаном Теперь от взрослых требуется обрести детское простодушие то самое детское простодушие которое в XVIII веке превратится в первую христианскую добродетель Церковь сначала оттеснив жи вущего в человеке ребенка в тень, теперь реабилитирует сов сознании людей

«Церковь возбраняет нам презирать их {детей} в силу глубоко о почтения какое питает к ангелам блаженным оберегающим их («Трактат о выборе и методе учения», Флери 1686)

-Клирик священнослужитель, член служителей культа какой либо церкви

40

«Будьте как. новорожденные младенцы» советует Жаклин Пас коль в своей молитве, включенной в свод правил для маленьких пансионеров Пор Рояля («Правила для детей» 1721)

Возможно эту реабилитацию подготовил и облегчил культ Младенца Иисуса Во всяком случае, он знаменует собой этап первый опыт Если были изобретены святым Франциском Ассизским в начале XIII века До него символической колыбели ребенка не существовало Ангел или демон он был или воздушным созданием, или находился среди углей пылающих Символическое дитя находится между небом и землей меж двух стульев ханжества лежит между двумя молитвенными скамеечками. Не то падший ангел, не то будущий герой.

Другая историческая причина реабилитации ребенка — культ маленьких принцев Он возник в разгар религиозных войн. Во времена противостояния католиков и протестантов Екатерина Медичи вознамерилась объехать Францию и карете, демонстрируя толпам нового короля Карла IX, которому тогда было десять лет. Это было в 1560 году Людовика XIII чествовали как короля –дитя. Двор чрезвычайно заботился о его популярности — так никогда прежде не заботились о популярности отпрыска царствующего дома. Все что карается поленился ребенка и его места в обществе циклично, но диалектика понятии о нем гораздо сложнее и тоньше, чем можно надумать исходя из ведущих принципов эпохи. Поэтому нельзя утверждать, что в средние века дитя как символ невинности и чистоты не существует. Хотя такой взгляд не выступает на первый план в литературе, он существует в народных песнях в рождественских песнопениях В XIII веке в лирический репертуар входит прославление материнства Разумеется, установки игнорирующие всякую диалектику способны довести до крайности и неестественности любое явление лишая его многосторонности и многозначности Но подобные принципы нельзя считать и чистым вымыслом произволом Любопытный господствующий принцип обращен к человеку который в конце XX века может претендовать если не на охват явления во всей его полноте то хотя бы на постижение тайны во всей ее сложности и на умение уважать ее как одну из составляющих реального человека в процессе его становления.

Из преобладающий в средние века мления становится ясно, что прежде всего в эту эпоху стремились подчеркнуть пластичность, Податливость детства и влияние среды воспитателей на юные умы

41

В латентном состоянии' ребенок порочен. Его может спасти только религия. Именно эту концепцию поддерживает Фенелон в своем «Телемахе», рационализируя и обмирщая мнение церковников чтобы ребенок не был порочен, его надлежит полностью сформировать. воспитанием. Руссо выворачивает этот постулат наизнанку, ребенок рождается добрым дикарем, порочным делает его общество. Ленин для своих юных пионеров прибегает к модели Телемаха. Эти внутренние противоречия без конца воспроизводятся с каждым новым циклом. Но наследие Руссо воспримут романтики. Эмиль Жан-Жака Руссо открывает путь маленькой Фадетте и Полку с Виргинией."

В начале XIX века, согласно господствующей диалектике, на первый план выходит ангелизм. Все романтические поэты воспевают ребенка. Но его изображение инфантилизировано. Ребенок плохо воплощен и весьма условен. Это не более чем зыбкий призрак, свидетельствующий о божественной природе человека и об утраченном рае. Взрослому он напоминает о первоначальной чистоте, самом благородном, самом харизматическом состоянии человека.

Романисты XIX века стремятся поместить ребенка в его социальное окружение и драматизируют его

участь. Он — жертва общества., он проходит все ступени своего крестного нуги от козла отпущенияД до мученика,

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

В Германии, во времена Римской империи, общество, судя по всему, предоставляло отцу право на жизнь и смерть ребенка только в момент его рождения и до первого кормления грудью.

В Риме действовали законы, которые по решению суда ограничивали *patris potestas*''', являющуюся фактическим правом.

Во II веке н. э. Адриан приговорил к изгнанию одного отца семейства за то, что тот на охоте убил своего сына, вина которого состояла

- Латентный период развития (по З. Фрейду) — период, когда психосексуальное развитие протекает по преимуществу скрытно, неявно. Это период от упадка детской сексуальности (на пятом или шестом году жизни) до наступления половой зрелости!

" «Приключения Телемаха» (169°) — философско-утопический роман французского писателя, архиепископа Франсуа Фенелона (1651—1715).

«»" Называются имена литературных героев Эмиль — Жан-Жак Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762), Фадетта — Жорж Сайд «Маленькая Фадетта» (1848) Поль и Виргиния — Жак Анри Бернард де Сей-Пьер «Поль и Виргиния» (1788)1

.... Отцовская власть, отцовская воля (*лат.*). *Patris potestas* — неограниченная власть над детьми — одно из Полных прав римского гражданства.

42

в прелюбодеянии с собственной мачехой — обстоятельство крайне неблагоприятное для жертвы.

В начале III века н. э. суд потребовал, чтобы отцы не убивали сами своих детей, а отдавали их под суд. В начале IV века н. э., по законодательству Константина, отец-убийца должен был нести наказание за детоубийство (*L. unic. C., De his parent vel. Lib. occid., IX, 17*). В VI веке кодекс Юстиниана положил конец праву родителей распоряжаться жизнью и смертью детей (*IX, 17, loi unique, 318*).

ДЕТОУБИЙСТВА

В процессах по детоубийствам, вопреки их впечатляющей многочисленности, бывает трудно отделить этику от юриспруденции. Следует ли карать за убийство новорожденного менее сурово, чем за убийство ребенка постарше? Больше всего, кажется, на *surge* производит впечатление способ, которым было исполнено убийство (жестокое обращение, яд, нож). Создается впечатление, что попытка самоубийства преступника, следующая за детоубийством, является смягчающим обстоятельством. Примеры: в 1976 году Жослин Л., 30 лет, убивает своего сына 10-ти лет и пытается покончить с собой — в 1977 году приговорена к четырем годам заключения;

в 1975 году Элиан Ж. ошпарила своего двухлетнего сына, что привело к его смерти — пожизненное заключение.

ОСОБО ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Похоже, что суд склоняется к менее строгой мере наказания, учитывая, что наложенные на преступных родителей санкции не решают конфликта с ребенком-жертвой. Заметим, что ребенок-мученик лишен судебной защиты (его интересы не представляет адвокат). Случаи дурного обращения родителей с детьми чаще всего остаются безнаказанными. Окружающие своим молчанием покрывают преступления или самих преступников. Тревогу поднимают врач, социальные службы, иногда соседи.

Удары и раны, постоянно наносимые из жестокости, караются строже, чем результаты «отеческого воспитания», которые слишком часто считаются прискорбными, но простительными несчастными случаями. Изнасилование ребенка отцом или отчимом чаще всего скрывается как семейная тайна. Если правосудие вмешивается, нелегко бывает отличить сексуальные сношения по принуждению или вследствие акта насилия от связи, обусловленной покорностью ребенка при соучастии окружения.

43

Даже умиляясь детством даже воспринимая ребенка как. персонаж романа литература XIX века на самом деле лишь воссоздает социально -моральную картину или поэтический образ утраченного рая или поруганной невинности Все это лишь представление взрослых о том., что принято называть «ребенком» Романтизм предъявляет свои требования: авторы сочувствующие жертвам существующего порядка выводят ребенка на сцену в сентиментальном и туманном свете — Гаврош, Оливер Твист, Дэвид Копперфильд. Но и они проходят мимо воображаемого мира первых лет жизни. Взрослые остаются в плену собственной субъективности, идеализируя собственную юность Это анархический реванш писателя над церковниками писатели опровергают Церковь, говоря: мы рождаемся безгрешными нас развращает общество

С неудержимым наступлением натурализма вновь появляется амбивалентность. Вновь ставится вопрос о врожденной доброте ребенка. Показывая что дети довольно легки адаптируются в пагубной среде {Диккенс, Гюго} что на улице они чувствуют себя, как. рыба в воде, романист изображает их сметливость, дар подражать с одинаковой легкостью и добродетелям и порокам взрослых их хитрости, их

притворство, их умение жить среди социальной жестокости, обращая ее себе на пользу, их аморальность. Они на грани маргинализации', почти маргиналы и они голодны. Нужда в покровителе сокращает путь к правонарушениям. В глазах писателя- натуралиста (Золя) ребенок перестает быть персонажем, которого романист во что бы то ни стало намерен приукрасить и вознаградить. Натуралист претендует на то, чтобы показать ребенка во плоти таким каков он есть ни плохим ни хорошим — живым. Бедняк гол и унижен — это страдания человечества в миниатюре. Многие заходят так далеко, что обвиняют человеческую природу и приписывают уличным мальчишкам всевозможные пороки словно принимая сторону церковников прошлых веков с их негативным отношением к Божьим сиротам " Жюль Валлес" ("Ребенок") порывает

' Маргинализация - переход в маргинальные, граничащие с асоциальностью, преступностью слои общества; в более и широком смысле маргинал - любой, кто не разделяет принятие большинством взгляды.

— Les wmgFs de I enfan! danv la lllleralire fraurasse dil XIX. ledr. Fiqtsse d unflypuliigie Marina Bethlenfah ay Libriiire Droz Gricie, 1979

••- Жюль Валлес (1832-1835) - французский писатель и журналист, политический деятель. Участник Парижской Коммуны Автор трилогии «Жак Вентра» (автобиографический роман): 1-я часть «Ребенок» (1879)

44

с натуралистической мелодрамой, повествующей о чахлом заморыше неизменной жертве малютке Да, жертва, но не смирившаяся и не пассивная Жертва в состоянии обороны Час мятежа настал Первые потрясения бунта молодежи совпадают с трагической утопией Коммуны Ребенок Валлеса на баррикадах продолжает тот штурм, в котором первый камень был освящен Гаврошем

Наш XX век не приобретет ничего нового в этой области. Он лишь быстрее воспроизводит все тот же диалектический цикл, и два поколения писателей будут по очереди использовать в постромантизме все скрытые и явные темы средневековья. Экзистенциализм принимает наследие натурализма, выражая его в других терминах. В «Словах» Сартра рассказчик восстанавливает годы своей юности как совокупность поз и ужимок, адресованных ближним. Ребенок-хамелеон приспосабливает свое поведение к поведению окружающих, чтобы манипулировать ими, или чтобы они оставили его в покое. То окружающее, что ему навязывают, настолько ему неприятно, что он просто выбирает себе образец для подражания и следует ему.

Во всей этой литературной традиции во всех ее проявлениях принимается в расчет изучается, описывается только социальное поведение ребенка. Единственное новшество у Сартра — это его попытка остаться нейтральным.

Первооткрыватели же, маргиналы — те смотрят на ребенка иначе. Вот дремлет бессильное воображение, вот в бесплодной почве пробиваются ростки креативности и вся проблема заключается в том, чтобы не позволить взрослым ее задушить. Но как? Кто интересуется сознательным и бессознательным первых лет жизни, воображаемым миром этого безнадёжного и в то же время многообещающего одиночества. Кто исследует эти галереи, эти колодцы, эти природные источники, подобные подземной вселенной невидимой, но реальной?

Том Соуер и Гекльберри финн Марка Твена — первые симптомы то о, что произошло открытие ребенка как такового, ребенка как человека, пытающегося приобщиться к жизни посредством своего собственного опыта.

- Terres de I enfance Le mylhe de I enfance dans la litterdlure co[llemporaine Idm PUF 1961 par Max Pnmaull, Непп Lhong et Jean Malrieu

45

Далее идет Изидор Дюкас. В «Песнях Мальдорора» нелегко расшифровать метафору, но Лотреамон подарил нам наиболее сильный документ о субъективности видения ребенка, написанный на французском языке. Однако в его язык не так-то легко войти. В него проникаешь только посредством поэтической интуиции или вооружась методом психоанализа.

Переворот в литературном подходе к ребенку производит автобиографический роман «Мое прекрасное апельсиновое дерево» Хосе Мауро де Васконселоса. Дерево — наперсник пятилетнего мальчика. Это повествование обладает необычайной инстинктивной силой. Удивительно, как взрослый мог вспомнить и выразить все то, что он чувствовал в этом возрасте. Он рассказывает о горестях всей своей воображаемой жизни в ранние годы — этот возраст очень скудно освещен в западной литературе — во время болезни, которая чуть его не унесла. Ему удается с субъективной точки зрения описать ребенка, которым он тогда был, — со своей собственной субъективной точки зрения, сохраненной в памяти, — а это совсем не то же самое, что субъективная точка зрения взрослого, его собственная писательская субъективность, сегодняшняя, которая прошла через кастрацию. Только выбрав себе символического отца, он покинул воображаемый мир, одушевленный его деревом (которое представляло символическую жизнь), чтобы примириться с реальным миром. Он разрешает Эдипов комплекс посредством детской гомосексуальной фиксации на одном чистом и неиспорченном старике, которого он любит как идеального дедушку и который становится поддержкой его эволюции. Старик погибает от несчастного случая в тот момент, когда собирался усыновить мальчика. Так

мальчик открывает для себя смерть, и это открытие означает для него конец воображаемого мира, и его вступление через это испытание-посвящение в мир, где

- Лотреамон (наст. имя и фамилия Изидор Дюкас) (1846—70), французский поэт, автор книги стихотворений в прозе «Песни Мальдорора» (1869) и др.

" Хосе Мауро де Васконселос (1882—1959), мексиканский писатель, философ и государственный деятель.

- " Кастрация, комплекс кастрации в психоанализе — один из моментов всей совокупности межличностных отношений, где возникает, упорядочивается и обособляется человеческое желание.

- " Эдипов комплекс (З. Фрейд) — неосознаваемое сексуальное влечение мальчика к матери и связанное с ним агрессивное чувство к отцу; у девочек — комплекс Электры (К. Юнг) (В. К.).

46

все состоит из торговли и борьбы за жизнь. Это испытание разыгрывается по ту сторону морали и социального протеста. Никакого бунта нет. «Мое прекрасное апельсинное дерево» — в литературе произведение маргинальное, задевающее за живое; совершенно нелогичное и поэтическое, не имеющее ничего общего со всеми романами нравов или социально-обличительными, в которых на сцену выведен ребенок. Жить в этом возрасте — значит жить так, как живет герой «Моего прекрасного апельсинного дерева». А жить, как живут взрослые — это нечто совсем другое: это значит смириться со смертью.

В Европе для такого свидетельства не нашлось бы источника вдохновения. Ребенок слишком стиснут рамками разных учреждений. В стране автора ребенок в три года еще не записан в школу, у него есть родители, но он встречается, с кем хочет. Он ведет жизнь маленького дикаря.

В мемуарной литературе, во всяческих воспоминаниях ребенок — это только проекция взрослого. Достигнув отрочества, мы проецируем наше детство на другого индивидуума, у которого нет нашей истории и чьи переживания мы интерпретируем так, как выгодно нашей собственной истории, или вернее, тому, что остается от нее в сознательном состоянии. В наши первые годы мы отличались от наших позднейших проекций. И мы никогда не смогли бы быть полностью правдивыми в отношении того, что пережили в детстве. Но если мы предаем даже сами себя, как же нам уважать субъективность других детей? Уничтожение другого существа, коль скоро это существо — ребенок, неизбежно. Это составная часть подавления аффектов, присущих этому возрасту.

Принесение магического мира в жертву рациональному — такой же реальный этап, как потеря молочных зубов. Это составная часть кастрации человека. Ребенок воспроизводит жизненный цикл человечества с момента его возникновения: он верит в магические причины, в то время как мы подчиняемся законам науки, которая все объясняет рационально. В языке он остается карликом. Невозможно абстрагировать ребенка от этноса, в котором он родился. Но вот что оказывается новостью для нас, западных людей: к способам коммуникации и к технологии, которые изобретены нашим этносом, ребенок приспосабливается гораздо скорее, чем взрослые, из-за чего и происходит переворот в отношениях дети/родители. Это хорошо видно во время войны: взрослые ее боятся, в то время как дети — не важно, выживут они или погибнут — ныряют в войну с головой, мобилизуя

47

всю свою энергию. Но настает момент, когда больше не можешь жить как прежде; оказавшись в мире обдуманной и предвиденной реальности, начинаешь чувствовать ответственность за другого: теперь человеку приходится осознать законы реальности. И познакомиться со страхом и с опасностью. Ребенок — это личность, которая до поры до времени не сознает ни своей истории, ни опыта перехода от детства с его нетерпеливой беспечностью к отрочеству, когда приходит пора брать ответственность за происходящее на себя. И это — нормально. В сущности, ребенок — тот же сомнамбула, лунатик. Сомнамбула не падает с крыши, но, если проснется и поймет, что под ним пустота, представит себе степень опасности, то он испугается и упадет. А взрослые постоянно хотят разбудить ребенка. Не следует будить его слишком рано, и в то же время когда-то это сделать необходимо, потому что он является частью этноса, который все равно рано или поздно его разбудит. Если посвятить, инициировать его преждевременно, — он потеряет свой потенциал. И все равно, рано или поздно эта мутация произойдет у каждого человека.

В «Моем прекрасном апельсинном дереве» самое важное — это встреча: встреча старика и ребенка. Оба переживают вместе нечто общее и могут понять друг друга: у старика уже нет, а у ребенка еще нет сексуальной эротической жизни, и они переживают свою любовь... любовь между тем, кому предстоит умереть, и тем, кто только что явился на свет.

Есть еще одна прекрасная книга, в которой повествуется об истинных отношениях между очень маленьким ребенком и взрослым: «Воскресенья в Виль-д Авре». Общество не принимает такой невинности. И тем не менее как важен этот обмен, эта жизнь, которую дарят друг другу со всей чистотой посредством символического общения эти два существа.

Поле детского воображения совершенно несовместимо с полем рациональности, сквозь которую взрослый воспринимает свою ответственность за ребенка. Рассказать о ребенке аутентично", без проекции рассказчика, не повторяя различные клише, без ссылок на социальные модели, отрешившись от какой бы то

ни было морали, от какой бы то ни было психологии и не пытаюсь превратить это в поэзию, — задача, в сущности, непосильная для взрослого.

• *Les dimanches de Ville-d'Avray*, Bernard Eschasseriaux, Bd. Grasset, 1971. " Подлинно, без искажений.

48

Тогда, может быть, правдивая литература — это то, что пишут сами дети (как Анна Франк, которая, правда, не описывает свои первые годы жизни)? Следовало бы ее поощрять. Она бы не была похожа на ту литературу, которая пишется, чтобы нравиться детям. Пускай она не заинтересует соседа, может быть, она будет полезна как письменная психотерапия. Этим исполнятся слова святого Павла: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил...» (1-е послание коринфянам').

И все-таки книга взрослого автора тоже может иметь ценность свидетельства. «Мое прекрасное апельсиновое дерево» доказывает, что попытка реконструировать и воссоздать детскую субъективность достигает цели, сохраняя при этом большую литературную ценность. Если бы у нас появилось побольше таких книг, отличающихся от того, что пишут все известные романисты, которые используют свое детство, прикрываясь выдуманным именем героя, чтобы рассказать историю, перефразировать миф или свести счеты с миром в социальном памфлете, разве это не способствовало бы развитию у читателя уважения к детской субъективности? Разве это не помогло бы нам почувствовать, что в первые годы жизни мы проживаем опыт ощущений и воображения, не имеющий ничего общего с тем, что мы проецируем на эти годы позднее? Может быть. Но так или иначе, в нормальную эволюцию каждого индивидуума входит то, что однажды он деформирует и предаст свою собственную субъективность.

Вплоть до XX. века ребенок в большей части литературы выступает только как символ врожденной человеческой слабости, и если отношение к нему позитивно, то это падающий ангел, а если негативно, то это маленькое чудовище. Воистину, он гадкий утенок, и спасти его может только гуманизм. Уже в сказках, легендах, песнях мы находим то злого ребенка, то ребенка-ангела.

Фольклор собирает и хранит все клише, установившиеся за века существования привычек и предрассудков и нужные для того, чтобы отличить мальчиков от девочек. Девочки — имитация женщин, а мальчики — имитация мужчин. И тем, и другим указывается, в какую сторону идти, чтобы не сбиться с пути. Ребенок рассматривается как незрелое, низшее существо и при этом ясной границы между мальчиком и девочкой не проводится. Так когда же появляются в

• 1-е Кор., 13, 11.

49

литературе персонажи-девочки? До XX века, бесспорно, маленьких героев мужского пола значительно больше, чем женского. В сказках и легендах Красная Шапочка могла бы в крайнем случае оказаться и мальчиком, если не считать того, что ее съел волк, а волк в конечном счете — старый сатир. Но как мы знаем, маленьким мальчикам сатиры тоже опасны.

Круг женских персонажей в романтической литературе долгое время был ограничен ролями матери ребенка или девушки-невесты, то есть женщины-матери или будущей жены. Для того, чтобы девочка по-настоящему вошла в литературу как главное действующее лицо, пришлось, кажется, преодолеть нечто большее, чем инертность, а именно, сопротивление всего общества. Мы понимаем, что ребенок в сказках — или типичный мальчик, ваш сексуально не дифференцирован, потому что представляет собой эманацию руководимого мужчинами или даже глубоко женоненавистнического общества. Отметим, что большинство романистов — мужчины. Жорж Санд была авангардисткой. «Маленькая Фадетта» — первая во Франции героиня в юбочке. «Примерные девочки» в розовой обложке* приносят в персонаж эротическую двусмысленность. Софи — внучка Жюстины".

Графиня де Сегюр писала не для взрослых, а для собственных внуков. Она не считала свое творчество литературой. Только теперь все решили, что это литература.

Ее книжки отчасти продолжают линию сказок, мораль которых должна привести ребенка к приятию норм, но в них достаточно отчетливо выражена тема садизма. Впрочем, это наиболее присущая им изначально черта: существует целая воспитательная традиция романа для юношества, преследующего цель указать молодым, в какую сторону идти, научить их жить, дать им код социальной интеграции. Графиня де Сегюр сожалела, что непослушных детей нельзя стегать до крови. Как иначе истолковать ее слова: «Надо, чтобы наказание внушало ужас»?

• Имеется в виду повесть графини де Сегюр «Примерные девочки» (1858), в которой действует героиня по имени Софи, упоминаемая далее Ф. Дольто (Перев. на рус. яз. — Одесса, изд. «Два слона», 1994). Романы, повести и сказки гр. де Сепор (урожд. Софи Ростопчиной), издававшиеся «о Франции в т.н. «Розовой библиотеке», имели обложку розового цвета.

»« Жюстина — персонаж романа Д.-А.-Ф. де Сада (маркиза де Сада) «Жюстина, или несчастья добродетели» (1791).

50

Тэсс Томаса Гарди — это персонаж-предупреждение, мученица бунта второго пола. Совсем маленькую, 11-ти лет, ее отдают в услужение в замок. В 15 лет' ее, можно сказать, насилует сын владельца замка.

Она уезжает, у нее ребенок. Она выходит замуж. Но она никогда не забудет человека, который взял ее силой и сломал. В конце концов она яростно уничтожит его. Эта женщина-бунтарка — нечто новое в литературе конца XIX века. Но она идет на бунт, лишь достигнув зрелости. В детстве она — жертва общества. Это классовый женский бунт, а не сексистский бунт внутри класса буржуазии, как у Симоны де Бовуар.

Ребенок как жертва общества — это концепция XIX века. В конце нашего века тема женщина/ребенок, разрабатываемая мужчиной, принимает другой оборот и отвлекается от настоящего вопроса — изучения тайного воображаемого в ребенке до десятого года жизни. Неужели литература неизбежно обречена заново сочинять нашу юность, выдумывать такое детство, которого не бывает на самом деле, или обслуживать идеологию, насаждая образцы для подражания? Неужели литература, так хорошо освещающая переход к взрослой жизни, всегда пасует перед запечатлением детства? Если это так, тогда она — главный инструмент подавления, идеологической обработки, удушения художественного чутья, поскольку сам писатель бессознательно поддается мимикрии, которую общество развивает у «хороших учеников» больше, чем креативность.

Неужели литература не в силах ничего сообщить о субъективности первых годов жизни, не в силах призвать к большему уважению к человеку, находящемуся в состоянии наибольшей хрупкости?

Поэзия Лотреамона и Рембо остается в письменном плане тем же, чем в устном вот уже полвека остается детский психоанализ.

Кто в наши дни не делится своими детскими воспоминаниями! В современной французской литературе этот нарциссизм" значительно сужает вселенную романа, и для того, чтобы обнаружить более эпические, более космические сюжеты, приходится читать иностранные книги. Мишель Турнье добросовестно пытается вер-

• Имеется в виду героиня романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервидлей» (1891).

" Здесь термин «нарциссизм» используется в самом общем смысле: самовлюбленность (В. К.).

51

нуться к великим мифам', но в общем сегодняшний французский роман черпает вдохновение в детстве, которое пережил или не пережил его автор.

Возможно, это дело рук психоанализа, входящего сегодня в культуру интеллектуалов. Они более чем когда-либо догадываются о том, как важны их первоначальные впечатления.

Эта «колыбель» воображаемого, возвышающаяся в кабинетах наших современных романистов и романисток, означает лишь все более и более значительное место, которое общество шестидесятых годов отводит проблемам детства. Мода, культ?

Если культ детства, то давно ли он появился в нашем западном обществе? Не думаю, что мы вправе говорить о культе ребенка в современном понимании (скажем, американском), хотя бы даже в первой половине XX века: скорее, ребенок изображается в качестве совершенно особого персонажа, но тем не менее он окружен ореолом символов. На этом основании мы не можем утверждать, что ребенка воспринимают как такового, изучают ради него самого, с позиции нейтралитета, и что его показывают таким, каков он есть, без поэтико-мифологического хлама. Он еще остается в плену всех символов, носителем которых является: взрослый проецирует на него все свои мечты и видит в детстве утраченный золотой век. Но даже сегодня можно ли говорить о культе ребенка? Трудно утверждать, что права ребенка как личности надежно защищены. В этом «культе ребенка» тоже есть нечто весьма мифическое. Из того очевидного факта, что ему отведено сегодня весьма значительное место, еще не следует, что представления о ребенке стали точнее. Мне кажется, что понятия о ребенке по-прежнему остаются в зависимости от культурного и мифологического наследия.

Ребенок с большой буквы не существует точно так же, как Женщина с большой буквы. Это абстрактные понятия, маскирующие индивидуальность. И анализ, произведенный с этих позиций, делает

• Современный французский писатель Мишель Турнье (р. 1924). Имеется в виду его роман «Каспар, Мельхиор и Бальтазар» (М.: Радуга, 1993) — модификация мифа о трех царях-волхвах, которых звезда Вифлеема привела к колыбели Христа. Оригинальная версия М. Турнье опирается на сложившуюся иконографию и полученное с детства христианское воспитание.

52

очевидной параллель, просматривающуюся между отношениями ребенок/общество и мужчина/женщина, свидетельствующую об общем источнике всех неврозов. Подобно тому, как родители проецируют на детей те явления в окружающем мире, которые они отвергают, или то, чего не находят в себе и хотели бы обнаружить, — точно так же мужчина проецирует на женщину свои фантазии, несбывшиеся надежды, недовольство жизнью. Женщина-мать делает то же самое, опекая спутника жизни, ищущего защиты у нее под крылом. Супружеские пары сползают в инфантилизм. Если бы позиция взрослого (как мужчины, так и женщины) в отношении детей изменилась, может быть, озодоровились бы и супружеские отношения. Сексизму', мнимому соперничеству и психозу отчуждения мужчин наступит конец, когда к личности ребенка начнут относиться с

большим уважением, когда ему предоставят автономию, что повлечет за собой большую сексуальную и любовную активность между обоими взрослыми, его родителями.

«ОСЛИНАЯ ШКУРА» И «ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА» (ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ А-ЛЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА)

Авторы сказок и легенд, те, кто переложил устные предания, К идущие от общего фольклорного источника, делали это, похоже, не без задней мысли: помочь юным читателям перейти из состояния детства во взрослую жизнь, приобщить их к изучению риска и Средств самозащиты. Бруно Беттельхайм" намечает демаркационную линию между волшебными сказками и мифами. Мифы выводят на сцену идеальных героев, действующих согласно требованиям «сверх-Я», между тем как волшебные сказки отражают интеграцию «Я», разрешающую удовлетворение тех желаний, которые испытывает «Оно»". Эта разница подчеркивает контраст между душераздирающим пессимизмом мифов и фундаментальным оптимизмом волшебных сказок.

- Сексизм — сексуальная дискриминация женщин; мировоззрение, отводящее женщине роль не партнера, а лишь объекта сексуальной жизни мужчины (В. К.).

- *Psychanalyse des contes de fies*, Bruno Bettelhehn, (The uses of enchantment

- Laffont, 1976, p. 39 et 58.

- «Оно» (Jd) — по З. Фрейду, это комплекс бессознательных побуждений влечений, действующих по принципу удовольствия (В. К.).

53

Мифы предлагают пример героя, с которым невозможно себя отождествить, потому что это бог или полубог, он совершает невообразимые подвиги, на которые никто из нас не может притязать. А в волшебных сказках говорится о повседневной жизни; главные персонажи — мальчики, девочки, взрослые, феи и т. д. — часто даже не названы по имени; про них говорят: «один мальчик», «одна девочка», «один пастух». У них нет истории, нет родителей. Это просто люди из неизвестных семей. Не принц такого-то царства, не король такой-то страны. В героях мифов есть нечто, не допускающее подражания. Когда перед вами неприступная гора — это не обнадеживает. Герои мифов играют для ребенка роль подавляющего отца.

Не всех греческих героев постигает, как Прометея или Сизифа, трагический конец. Одиссей возвращается на Итаку. Для очень юных читателей это важно. Если персонаж, с которым он себя отождествил, умирает или обречен на вечную муку, у ребенка, который должен продолжать жить, может появиться искушение отказаться от борьбы. Хеппи-энд необходим ему, чтобы поощрять к усилиям, поддерживать в нем боевой дух.

Как бы то ни было, мифы для юного читателя имеют значение инициации*: на их материале постигают понятие испытания: если делаешь усилия, то часто, хоть и не всегда, тебе удастся преодолеть испытания, которые неизбежны в жизни.

Я полагаю, что хеппи-энд волшебных сказок дает ребенку образ испытаний, которые, разумеется, далеки от реальности, но позволяют ему на некоторое время отождествить себя с героями, выдерживающими тяжкую борьбу и несмотря ни на что одерживающими верх над препятствиями.

До телевизионной эры малыши из поколения в поколение читали или слушали, как им читают волшебные сказки. Теперь смотрят на маленьком экране «научную фантастику».

Я думаю, что происходит замещение. Доказательство: детям нужен хеппи-энд. На днях я смотрела по ТВ войну НЛО и сказала себе: «Но это же в чистом виде эквивалент волшебной сказки: тут есть

- Здесь: посвящения во взрослую жизнь.

54

и мучительное ожидание, и герой, с которым ребенок себя отождествляет; роботы играют роль злых или добрых фей, а сюжет по-прежнему совершенно человеческий». В этом фильме была женщина, — так называемая представительница внеземной цивилизации, которая внезапно превращалась в прекрасную девушку, выступавшую вперед из-за спины исчезающего робота. Однако для телезрителей младше пяти лет ничто в этой «научной фантастике» не заменит мальчика и девочку из волшебных сказок.

Бруно Беттельхайм, который не так уж склонен к пассаизму* и вовсе не произносит беспощадного приговора телевидению или кино, все же не видит, чем можно заменить волшебные сказки малышам младше пяти лет. В детских телепередачах еще показывают инсценировки волшебных сказок, но при этом усиливается линия гротеска, буффонады. Ребенок уже не находит там этики, которая поддерживала бы в нем желание отождествлять себя с героем.

Давайте взглянем на волшебные сказки в их социальном контексте. Создавались ли они для детей? Не думаю. Волшебные сказки создавались для ночных посиделок, предназначаясь как детям, так и взрослым. Они были посланием. Получить его могли «все возрасты», но при этом услышать жестокие истины. От Ослиной шкуры дети испытывают потрясение: преследуемая своим инцестуозным отцом, она вынуждена перерядиться в ослицу, чтобы помешать отцу овладеть ею. «Ослиная шкура» — это история девочки,

спасающейся от ин-цестуозных вожделений своего оуца. Взрослые понимали это в чисто эротическом смысле, дети тоже. В то же время, здесь же давалось понять, что если мать умирает, дочери опасно оставаться в контакте с отцом.

Большей частью мы смешиваем сказки для детей с теми сказками, которые взрослые рассказывают детям, с теми, которые любят рассказывать детям родители или бабушка с дедушкой.

История Мальчика-с-пальчик, история Ослиной шкуры обнаруживаются в Китае: это архетипы". Золушка родилась в Тибете. Об

- Пассеизм — привязанность, пристрастие к прошлому при безразличном или отвергающем отношении к настоящему и будущему (В. К.).

" Архетип — термин, введенный в психоанализ К. Юнгом: система наследуемых бессознательных первичных образов и психических структур, на основе которой строится личность в ее отношениях с миром (В. К.).

55

этом свидетельствует ладакхский фольклор, собранный Нгавангом Сёпа для тибетских беженцев Старого Дели (Индия): «В глубине долины жил один король. А высоко на склоне горы жила старуха вдвоем с дочерью...» Тема Золушки обозначена. В этой тибетской версии Золушка, обольщенная мачехой, собственными руками убила свою мать: пока та толкла ячмень на мельничном жернове, дочь отпустила колесо мельницы и оно раздавило мать. Ее грязная работа и жизнь отщепенки — средство признания вины или заблуждения ее предыдущего существования.

Всё это истории эволюции ребенка, испытывающего трудности по отношению к взрослым, космосу, природе, реальности. Изобразить ребенка в соотношении с великаном вовсе не значит показать маленькое, незрелое существо; в сущности, это прекрасная метафора перехода, который неминуемо предстоит каждому будущему взрослому: его можно обойти стороной, его можно миновать, не отдавая себе отчета. Но если вы отдадите себе в этом отчет, вам придется это пережить. И даже если текст написан в расчете на взрослого, он возвышает именно ребенка.

Не исключено, что миф преподносит скорее судьбу человека вообще, то есть все то, что встречает на своем пути каждый, между тем как волшебная сказка призвана поддерживать отдельных людей на некоторых определенных стадиях их существования. Мифы, пожалуй, рассказывают о ребенке как личности в его отношениях со всем человечеством, о космическом ребенке перед лицом природных сил, перед лицом того непостижимого, что есть в природе, показывают ребенка в столкновениях с реальностью, которую нам никогда не понять до конца. А волшебная сказка — это скорее изображение исторического и социального ребенка. Но «ребенок» при этом берется — если не считать испорченных, то бишь воспитательных, сказок, — в самом безличном, деперсонализированном виде, и во всей своей целостности.

В мифах никогда не встречаешь больных персонажей; в волшебных сказках то и дело фигурируют больной ребенок, больная мать, раненый отец, страдающие из-за порчи, которую на них напустила колдунья. В мифах персонажи бывают пленниками враждебных сил, но не болеют.

- По названию горного хребта в Гималаях (Ладакх).

56

Еще один специфический аспект: мифы часто изображают истоки человеческого рода — в них часто говорится о конфликтах и родственных отношениях между богами. Может быть, в этом и заключена собственная функция мифа — то, чего мы не найдем в обязательном порядке в волшебных сказках... Это обнаруживается у индийцев, во всем Средиземноморье: речь идет о битвах между богами, о детстве богов, об испытаниях богов, о войнах богов, о ненависти, зависти, любви, инцесте между богами. Это — история или предыстория; волшебные же сказки разыгрываются в пространстве воображаемого.

«Жили-были на свете давным-давно...» — так начинаются сказки, мифы же всегда актуальны, это проявление антропоморфизма* вечных космических и теллурических сил.

В этом смысле можно сказать, что мифы — первые шаги в постижении метафизики и религии, в изучении космического человека и его отношений с внешними силами, напоминание об истоках, тогда как волшебные сказки — скорее первые шаги в подготовке к социальной интеграции. К тому же волшебные сказки, существуя во всем своем многообразии в самых различных странах, живописуя предметы, обстановку, уклад жизни, отражают определенные типы обществ. Но самое поразительное в мифах — это константы: инцесты, проклятия, нарушенные табу: все это недвусмысленно отражено в индийских, греко-римских, африканских мифах. Удивительно, что в мифе о сотворении мира у масаи¹ обнаруживается смесь христианских, библейских и чисто анимистских² архетипов. Бог создал мужчину и женщину вместе с быком.

Возможно, интереснее было бы поговорить с нашими детьми не об Одиссее и Прометее, а о Луне, о Плуто, о Марсе, — словом, рассказать им о космическом пространстве. Может быть это как раз и есть та литература, которую следовало бы использовать, тем

- Антропоморфизм (греч. *antropos* — человек и *morphe* — форма) — перенесение присущих человеку свойств и особенностей на внешние силы природы и приписывание их вымышленным мифическим существам (богам, духам и т.д.).

•• От лат. Tellu» — Земля; теллурические силы здесь» — энергия, рождающаяся при встрече космических влияний с Землей! (В. К.). •" Масаи — народ Кении и Танзании.

«" Анимизм — вера в существование духов, в одушевленность всех предметов, в наличие независимой души у людей, животных, растений.

57

более, что основы ее уже существуют; достаточно просто привлечь побольше легенд, пришедших из Азии, Америки и Африки.

Мишель Турнье с помощью своих «Волхвов»¹ пытается подхватить традицию, создавая вольный парафраз легенды. Его изобретение — четвертый волхв, который приходит в Вифлеем исключительно для того, чтобы найти новый рецепт лукама: он большой гурман. Такой юмор очень нравится сегодняшним детям.

А еще я полагаю, что волшебные сказки Перро по разным причинам уже не выполняют своего назначения (во-первых, больше нет контекста, необходимого, чтобы их рассказывать, во-вторых, нет больше дедушек и бабушек, которые бы их рассказывали... Да и вообще, мир изменился). Я задаюсь вопросом, не происходит ли взаимовлияния и взаимопроникновения между научной фантастикой, завоеванием космического пространства и великими мифами; может быть, настал тот миг, когда дети могут утолить жажду по планетарным архетипам и напрямую вступить во взаимодействие с великими мифами, причем уже с другим словарем и с другим пространством. Мультфильмы уже подготовили их к этому.

В противоположность волшебным сказкам мультфильмы — это истории без слов, но с красками и звуками. Это язык в действиях (активных и пассивных), в природных или созданных руками человека декорациях, но упрощенных, абстрагированных: это обрамление для истории, в которой герой (не обязательно человек) должен разрешить проблемы жизни, выживания, добрососедства, соперничества, престижа, зависти, недоброжелательства, недоразумений, жестокости, принесения слабого в жертву сильному, — но все эти испытания, если и не разрешаются, то компенсируются за счет любви. Мультфильмы пришли на смену историям, которые взрослые рассказывали детям. Герои, карлики и животные, позволяют детям младше пяти лет отождествлять себя с ними, а упрощенный текст понятен малышам, у которых словарь еще скуден. Жаль, что рядом отсутствует любимый человек, с кем вместе можно было бы выразить словами пробудившиеся эмоции, которым эта история в картинках сообщает форму отзвуков реального опыта или фантазмов, которые дети представляют себе в моменты одиночества.

• Имеется в виду роман М. Турнье «Каспар, Мельхиор и Бальтазар». " фантазм — это не мир фантазий и не деятельность воображения в целом, это особый продукт воображения. Подробнее см.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б., «Словарь...». С. 551-553.

58

РЕБЕНОК-СЭНДВИЧ

Когда я была маленькой, в рекламе отсутствовал образ маленького мальчика, все младенцы были того же пола, что и ангелы. Поди догадайся, дитя на рекламе мыла «Кадум» — мальчик или девочка? На рекламных щитах и в проспектах фигурировал младенец-объект. С тех пор как изобрели фотографию, фотографировать новорожденных принято голенькими, но лежащими на животе. Чтобы никакой пипки и в помине не было. В семейных альбомах маленькие мальчики утопают в крестильных платьицах до пят. Эта неразличимость — или эта двусмысленность — сохранилась практически до самой второй мировой войны.

Первые иллюстрированные объявления, касающиеся младенцев, относятся к выбору няни. Демонстрируются кормилицы. Позже появились первые рекламные объявления о консервированном молоке. О муке для детского питания. «Фосфатин Фальера» изображался в виде огромной супницы, на край которой карабкалась ватага ребятишек. Это был эрзац ангелочков былых времен. Первое изображение девочки в рекламе появляется на картинке, рекламирующей шоколад Менье — маленькая девочка старательно пишет на стене почерком прилежной ученицы, согласно требованиям той эпохи: «Шоколад Менье».

Этот прецедент — вторжение примерных девочек в рекламу — долго не имел продолжения.

Можно заметить, что начиная с того момента, когда на рекламной картинке становится ясно выражен пол ребенка, и до самых пятидесятих годов в рекламе доминируют мужские изображения. Как будто выбирать сорт или цвет, глядя на рекламу, было делом мужчин — больших или маленьких. Параллельно из семейных альбомов исчезает длинное крестильное платьице, в которое наряжали маленького мальчика, а сам этот мальчик все чаще красуется на стенах домов в качестве образцового дитяти-потребителя, или вернее, посредника при покупке.

В социологии давно считается банальной истиной, что самых юных зрителей среди всех передач более всего привлекают и удерживают у телевизоров рекламные ролики. После мая 1968-го это культурное «растление малолетних» вызвало всплеск негодования: «Какой позор! Ребенка принимают за потребителя». Так оно и есть, но заинтересованное лицо реагирует совсем не пассивно. Ребенка не проведешь, он сохраняет критическое отношение к увиденному: смеется, только если шутка его рассмешила, а запоминает только

59

рекламные лозунги, в которых его ухо ласкают игра слов, забавная абракадабра, да рифмы. Реклама играет с языком, изобретает комические эффекты. Повседневность давит на людей, лица взрослых искажают озабоченность и усталость. Веселые люди становятся редкостью, и игра слов, в свое время так забавлявшая школьников, замещается оноματοпеями* комиксов. Рекламные ролики снимают драматизм с ежедневно чередующихся «метро — работа — кровать» и помогают ребенку при помощи смеха и веселья освободиться от многих конфликтных ситуаций.

Не исключено, что язык рекламы своими зрительными и словесными трюками развивает в ребенке способность к критике в большей степени, чем школа. Он может сказать: если я буду выбирать, то выберу самостоятельно, а не так, как мальчик на экране.

Девочка с шоколада Менье была авангардом века масс-медиа. Она заглянула на полвека вперед и предрекла, что ребенок моложе десяти лет станет играть роль телезвезды для миллионов. Это завоевание осуществлялось поэтапно: сначала наступило торжество пары мать/дитя, затем ее сменила семья-ячейка, сияющая от счастья благодаря товару такой-то и такой-то марки, мускулистого холостяка сменил папа-наседка, а затем реклама усадила на трон уже одного маленького принца. «Дитя-сэндвич!» — возопили рекламофобы. Но в сущности, место, которое ему отвели, скорее его возвышает. Отныне общество признает за ним право выбора. Он входит в число тех, кто принимает решения о покупках. Его изображаютмышленным, находчивым, умелым, он обладает хорошим вкусом и легко его высказывает. Стереотипные представления о ребенке-«наказании» изгоняются. Эксплуатация ребенка в средствах массовой информации — мнимый процесс.

* Оноματοпея — звукоподражание (В. К.).

60

Глава 4 ЗАТОЧЕНИЕ

ПРОСТРАНСТВО РЕБЕНКА

Насколько изменилось пространство, в котором эволюционирует ребенок? В наше время оно более замкнуто, чем в эпоху средневековья, вследствие разделения социальной и семейной сфер. В XIX веке и вплоть до середины XX-го заточение оставалось уделом мальчиков из среды зажиточных семей, из мелкой и средней буржуазии. Сегодня даже величайшая мобильность семей почти не размыкает этого чересчур охраняемого пространства, потому что детей перевозят от дверей до дверей; самые дальние перемещения по каждодневным делам 'происходят все быстрее и быстрее, поэтому пройденная дистанция становится как бы нереальной, не происходит ни малейшего контакта с обитателями тех мест, которые остались за спиной.

Откуда взялось представление о' буржуазном доме, где живут взаперти, замыкаясь в себе? Чтобы это понять, нужно обратиться к эпохе феодализма, когда коллективную безопасность обеспечивал сеньор, князь.

Иметь стены, за которыми можно окопаться, запасы, позволяющие выдержать осаду, оружие, чтобы защищаться, — это была прерогатива господина: ему платили налоги, а взамен получали защиту. По примеру властителей целого региона более мелкие хозяева хотели создать такой же уклад, хоть и в уменьшенном виде. Дом — это замок в миниатюре, внутри него все могут чувствовать себя в безопасности. Постепенно в буржуазном доме появляются отдельные комнаты для его обитателей, «как в замке».

Образ владельца замка пробуждал в других людях желание модифицировать внутреннюю архитектуру, оградив целостность жизни от внешнего мира. Но, возможно, в деревне это сказывалось еще заметнее, чем в городе. Города были обнесены стенами, большие ворота которых запирались на ночь; вдоль стен патрулировала оплачиваемая стража, обеспечивавшая защиту людей; в эпоху Возро-

61

ждения частные богатства распределялись уже между более многочисленными владельцами, чем в начале средневековья.

Приватизация пространства — феномен нового времени, хотя уже с XV века, в частности, в итальянских палаццо и даже в домах нотаблей' архитекторы отводили больше комнат для жизни узкого круга семьи. Тем не менее внутренние дворы, открытые лоджии по-прежнему достигаемы для толп посетителей. Всегда остается общедоступное место, где перемешиваются все классы, где ребенок эволюционирует и очень быстро приобретает огромный опыт социальных отношений.

В интерьерах жилища ремесленников и крестьян роль общей комнаты надолго остается преобладающей. Не следует забывать, что социализация пространства имеет и практический смысл. Понятно, что в деревне пространство будет приватизировано значительно позже, поскольку техника проникнет в деревенские дома на век позже, чем в городские.

Тепло от очага, человеческое тепло: долгое время очаг был единственным источником тепла, который вечерними часами собирал взрослых и детей в холодном доме. Работали и отдыхали в одном и том же помещении. Техника положила конец семейной скученности. Но одновременно она изгнала общительность. Как только появилась возможность отапливать несколько комнат, детей стали помещать отдельно от родителей.

Приватизация пространства сопровождается эволюцией семейной жизни. Если ребенок справится с болезнями первых лет жизни, он должен прежде всего служить защите интересов родительского дома и сохранять родительское достояние. В период средневековья семилетних детей считают уже почти взрослыми; им полагается уже сейчас приносить пользу обществу, то есть своей социальной группе, корпорации своего отца, а не только семье. В XIX веке семья менее склонна — не считая разве что самых ранних лет жизни ребенка — верить его внешнему миру, едва он достигнет

• Нотабль — во Франции XIV—XV вв. представители высшего духовенства, придворного дворянства в городских верхах — члены созывавшегося королем собрания — собрания нотаблей.

62

того возраста, когда может послужить родительскому дому, а не спешит отдавать его «в люди» с семи лет. Его оставляют дома.

Тем самым жизненное пространство ребенка сокращается, и если он и выигрывает в смысле более тесного общения с родителями, которые уделают ему больше внимания и больше заботятся о его здоровье, то значительно теряет при этом в смысле автономии, контактов с другими людьми.

Защита, которую дает ребенку это заточение внутри буржуазного дома, иллюзорна, потому что привить ему настоящий иммунитет против опасностей, угрожающих его психической целостности, может только опыт риска.

4000 ЛЕТ ШКОЛЬНОЙ КОМЕДИИ

«Школьник, куда ты пошел с самого нежного возраста? — Я пошел в школу. — Что ты делал в школе? — Рассказывал то, что записано на моей табличке для письма, завтракал, приготовил новую табличку, написал на ней урок, дописал до конца; потом мне задали учить наизусть, а после обеда дали задание по письму. После уроков я пошел домой, вошел в дом, там сидел отец. Я рассказал отцу про упражнение по письму и рассказал ему выученный урок, и отец был очень доволен... Когда я проснулся рано утром, я повернулся к матери и сказал: «Дай мне поесть, мне надо идти в школу». Мать дала мне два хлебца и я отправился. В школе дежурный мне сказал: «Почему ты опоздал?» Я испугался, сердце у меня забилося, я вышел вперед, стал перед учителем и почтительно ему поклонился. Он побранил меня за опоздание. Потом он наказал меня за то, что я встал во время урока... Я показал ему мою табличку, и он сказал: «У тебя плохой почерк». Меня опять наказали плетью. Школьник сказал отцу: «Пригласи в дом учителя». Отец прислушался к тому, что сказал школьник. Пригласили школьного учителя, и когда он вошел в дом, его усадили на почетное место. Ученик стал прислуживать ему, и окружил его заботами, и при отце продемонстрировал все свои успехи в письме. Отец налил учителю вина, одел его в новое платье, подарил ему подарок, надел ему на палец кольцо. Учитель сказал ученику: «Молодой человек, поскольку вы не пренебрегли моими словами и не прекословили мне, вы смогли достичь вершин в искусстве переписчика, вы вполне способны этого добиться... вы можете руководить вашими братьями, начальствовать над вашими друзьями: вы до-

63

стигнете самого высокого положения среди школьников... Вы хорошо выполняли ваши школьные задания, и вот вы стали ученым человеком».

(Реконструкция текста на шумерских письменных табличках, проведенная наиболее выдающимися ассириологами и опубликованная в «Journal of the American Oriental Society».)

Чем больше становилось школ, тем окончательнее ребенок превращался в узника. «Это вина Карла Великого». И это не просто легенда. Все началось в его царствование. В первых монастырских школах взрослые ходили на уроки вместе с детьми и слушали церковнослужителей. Но в конце средневековья на Западе возникает прообраз современных циклов обучения: ученики группируются в классы по возрастам, а не смешиваются с теми, кто старше или младше, сообразуясь только с изучаемыми предметами и уровнем подготовки».

Дольше всего заточения в школе избегали самые богатые. Сыновья сеньоров продолжали изучать военное искусство, они пользовались всеми социальными контактами, которые предоставляла им жизнь, открытая внешнему миру; существовала солидарность касты, но возрастной и классовой сегрегации не было: они участвовали в играх и состязаниях бок о бок с простонародьем. В школах хорошими учениками были бедняки, а плохими — богачи. Потому что те, кто с рождения обладали средствами политической власти, менее прилежно слушали клириков, наделявших властью интеллектуальной. Богачи посвящали себя жизни воинов. Сыновья простых людей приучались к усидчивости: это могло помочь их продвижению. Их в первую очередь выделяли преподаватели, желавшие превратить свои школы в питомники клириков. Книжное знание, эрудиция были далеки от рыцарства. Здесь можно усмотреть те дрожжи, на которых всходит

революция. Потому что именно этим путем политическая власть переходит в другие руки.

То, что происходило в Галлии и в средневековой Франции, имело место и в черной Африке в XIX и XX веках. В наших бывших колониях первые дети, охваченные школьным образованием, были

• *Huit siècles de violence au quartier Latin*, André Coutin, 1969, Editions Stock.

64

гриоты*. дети самых бедных, незаконнорожденные, у которых не было никакого будущего. Сыновья знатных людей, признанных вождей не испытывали потребности повысить свою значимость с помощью школы, чтобы быть признанными обществом. Им достаточно было престижа имени и власти, принадлежавшей их касте. А для обездоленных единственным шансом социального роста было согласие получить образование, которое давали черным детям французские оккупанты. Чернокожие ученики, обучавшиеся в школах, где преподавание велось на французском языке, стали хозяевами страны. Эта школьная сегрегация, отодвинувшая старую элиту, обладавшую наследственным правом, легла в основу настоящей социальной революции во франкоязычной черной Африке. Как в средневековой Франции.

Открытие школ, где преподавали клирики, было для церкви средством подсчитать свои стада, взять в руки овечек с самого детства. В самом деле, клирики принимали только тех учеников, которые носили христианские имена, данные при крещении. На то имелись внутренние политические причины: как контролировать прилежание, если нельзя звать каждого ученика по имени? Вплоть до империи Каролингов детей не спешили крестить: достаточно посмотреть на купели, которые были размером чуть не с ванну. Они предназначались явно не для новорожденных, а для детей, которые уже успели подрасти.

Но как только церковь убедила французов в том, что детям необходимо давать образование, посылать их в школу, церковные книги стали заполняться, и люди перестали тянуть с крестинами.

Отголоски этого явления, берущего свое начало на средневековом Западе, мы наблюдаем в колониях, в странах, куда христианство было принесено католическими миссиями. И сегодня в Бразилии родители не могут отдать в школу ребенка, если он не вписан в книгу актов гражданского состояния. Те, кто не регистрирует рождение ребенка, подлежат штрафу. Чем позже был записан ребенок, тем строже наказание. И вот родители, чтобы поменьше платить, указывают возраст ребенка меньше, чем он есть на самом деле, и ребенка, который мог бы уже ходить в четвертый или пятый класс, отдают в первый. Руководители школ, довольные, что у них есть ученики, смотрят только на возраст, указанный в документах. Эти махинации приводили к самым плачевным ошибкам в диагностике. Врачи констатировали преждевременное половое созревание. Например, пубер-

• Гриот — поэт, музыкант и колдун в Западной Африке. — *Прим. пер.*

65

татный период у восьмилетнего мальчика. Таких детей лечили эндокринными препаратами, не установив, что родители прибавили им пять лет, чтобы заплатить штраф поменьше.

Географическое отдаление богатых и бедных детей в европейских городах относится к XIX веку.

В средневековье демонстрация богатства представляла собой спектакль. Богатый без раздумий приходил в приюты для бедняков или в убогие лачуги в пышном одеянии. На улице и в общественных местах происходило смешение общественных классов. Сегрегация не делила город на красивые кварталы и гетто, где ютилась нищета. Все жили в одинаково нездоровых условиях, происходило постоянное перемешивание населения Европы. Иностранный студент из знатной семьи приезжал в Париж со слугой или с молочным братом и, поскольку общежития не было, снимал жилье у обитателей Латинского квартала, не ища дома, подходящего его сословию'.

Кого не могли содержать родители, тех принимали как собственных детей клирики, обреченные на безбрачие. Учащиеся жили у них во время учения. За это они должны были впоследствии пополнить собой число служителей церкви. Только во второй половине XVIII века богатые начали замыкаться в отдельных кварталах и отделяться ' от трудового населения. Кто бы сказал до XIX века: «Пойдем в трущобы якшаться с простонародьем»? Буржуазия без конца соприкасалась с населением Парижа.

Покуда церковники за счет выходцев из бедноты становились все многочисленнее, дворянство пристраивало юношей, как того требовал обычай.

Сыновья высокопоставленных лиц с семи до четырнадцати лет отправлялись на службу к другим знатым людям, чтобы позже тоже стать сеньорами, господами, которым будут служить другие. Здравая идея состояла в том, что для того, чтобы научиться принимать услуги других, надо сперва научиться служить самому.

Бедные дети, отданные в услужение, могли остаться на службе у господина и после четырнадцати лет, а могли и перейти к другим хозяевам. Но они тоже пользовались годами учения. С восьми лет они помогали во всем, что относилось к практической жизни, детям хозяев, которые были младше их, и, подрастая, учились тому же,

• *Id.. ouvrage cité, Huit siècles de violence au quartier Latin*.

что их юные господа. Когда слуга прислуживал за едой, господин рассказывал ему, что узнал сам, и, если слуга был понятлив, учил его. Слуга слушал, как учится хозяин, и сам тоже учился. У девушек все было по-другому: они помогали на кухне или в белье и учились только домоводству. В пятнадцать лет их выдавали замуж. Девушки, разлученные с семьей, получали образование только в том случае, если им предстояло постричься в монахини: тогда они становились питомицами пансионеров.

Церковь немало содействовала тому, чтобы детям приписывались все грехи в мире, и поддерживала идею, что дети должны внушать подозрения уже в силу своей уязвимости: они поддаются влиянию злых духов. Церковь учила и провозглашала, что даже крещение не избавляет от бремени первородного греха. Ребенок рождается отмеченным. Он отмечен неуклюжестью, неловкостью, слабостью. Он достоин недоверия, а то и презрения. И поскольку он таков, каков он есть, его надлежит полностью переделать, полностью перекроить, чтобы ускользнуть от влияния зловредных сил, которые охотно избирают своим вместилищем эту легкодоступную жертву.

Первое причастие — это ритуал перехода. До этой инициации почти во всех слоях общества — и так до самой второй мировой войны — дети за столом не разговаривали в присутствии отца, если их не спрашивали. Они не имели права говорить, пока им не предложат. Они могли только слушать других. Это были остаточные явления религиозного воспитания их предков, и только с того момента, как дети были допущены ко вкушению святых даров, им разрешалось разговаривать во время обычных трапез за родительским столом. До первого причастия в них не было жизни духа. В 1914 году, когда мне было пять с половиной лет, в нашей семье все происходило именно так. В среде «благовоспитанных детей» это продолжалось до 1939 года.

Почитание отца было уделом не только буржуазных семей. Даже в крестьянских домах дети обращались к отцу на «вы». И только в шестидесятые годы происходит разрыв с прошлым — теперь ребенок может за столом перебить старшего и выразить свое несогласие. В семьях ремесленников и рабочих все происходит по-другому — подмастерье, даже если ему еще нет десяти, ест за одним столом с мастером. В сущности, больше всего условий для развития сообразительности и изучения жизни было у детей, принадлежавших к низам социальной и экономической структуры.

67

В буржуазной среде за стол родителей допускали только подростков. Дети и родители ели в разное время. Ребенок ел в обществе «мадмуазели», гувернантки, которая руководила его трапезой, как правило, разделяя ее с питомцами, и была обязана прививать детям хорошие манеры. Сидеть прямо, руки на столе, но только не локти, вилка в левой руке, нож в правой, и держать их надо за самый кончик. Никогда не жевать с открытым ртом и так далее.

С этим двойным заточением — домашним и школьным — пространство, отведенное городским детям, все больше и больше сужалось. Да и то, что оставалось, находилось под замком, было обставлено множеством правил и запретов.

По дороге в школу деревенские жители сохраняли известную свободу инициативы, встречали разных людей, придумывали себе ниши и игры. Теперь их всех собирают вместе и лишают контакта с природой и с жизнью взрослых людей. Путь в школу превращается в автобус, везущий от дверей до дверей. Уже нельзя пойти более длинным путем, и не бывает никаких встреч по дороге. Матери приезжают за своими малышами на машине, или их, как заказные бандероли, развозит специальный автобус. Ребенок приравнен к пакету, ему некогда наблюдать, некогда глазеть по сторонам.

На недавней конференции, посвященной неудачам школьного образования, учителя констатировали, что в сельских условиях им легче удастся завладеть вниманием школьников, чем в городских. Они заметили, что именно в деревнях, где скопление детей до сих пор еще не столь велико, им удастся достичь на уроке большей сосредоточенности. Путь в школу, проделанный пешком, позволяет детям видеть существующий вокруг них мир: в этом мире есть и холод, и жара, и ветер, и снег, и дождь; есть земля под ногами, и она твердая, или покрытая грязью, или сухая — не говоря уж о том, что есть еще птицы, звуки и шумы природы, ручьи, животные и т. д. Все это позволяет детям лучше почувствовать суть вещей, например, понять, почему надо надеть такую-то одежду, защищающую от непогоды. Благодаря этому они больше прислушиваются к словам учителя. Они хотят учиться, они больше уважают книгу. Городским детям книга покупают родители, поэтому они не очень их ценят. Деревенские дети, когда они приходят в школу, больше устают физически, но умственно остаются восприимчивыми; к тому же они

68

хотят преуспеть в социальном отношении, и поэтому будут работать усерднее.

Между прочим, то же самое происходит с детьми, которые «проходят» материал школьного года за месяц «снежных» классов*. Как правило, учителя добиваются великолепных результатов. Вне помещения дети подвергают свое тело разным испытаниям, у них есть пространство, в котором они сами за себя отвечают, а

потому, когда они возвращаются в класс, их ум становится восприимчивее, ибо их потребность в движении уже вполне удовлетворена. К тому же им не надо вечером возвращаться к моральному статусу ребенка, выслушивать бесконечные «скажи папе то», «скажи маме это», докладывать каждый вечер, что делали днем. В деревне, где устроены их «снежные» классы, они по-настоящему автономны и не обязаны по вечерам отчитываться в своих поступках перед родителями. Можно подумать, что для родителей нет ничего важнее, как только выслушивать то, что им рассказывают дети. К тому же, их восприятие меняется, в деревне оно не сводится к соображениям безопасности. Конечно, детям приходится обращать внимание на лыжную, ухаживать за инвентарем, слушать тренера, зато исчезают всяческие «ты можешь встретить садиста, который предложит тебе конфетку», «товарищи могут уговорить тебя поиграть на игровых автоматах». Нет запретов типа «несовершеннолетним нельзя то, нельзя это», «ты можешь попасть под машину»... Городское пространство полно запретов, так как оно полно соблазнов, которым ребенок не может последовать — ведь у него нет денег, а потому он отдан на милость любого, кто подарит ему игрушку, если он остановился перед витриной, полной предполагаемых опасностей.

В деревне, во время «снежных» классов, тоже, конечно, существуют известные ограничения и запреты, но они распространяются и на взрослых: например, надо правильно вести себя на лыжне.

По мнению многих учителей, в «снежных» классах результаты учения лучше главным образом за счет того, что дети отделены от родителей, которые постоянно нарушают порядок детской жизни, между тем как в классах этот порядок структурирован... Но я не думаю, что это единственное объяснение. По-моему, дело в том, что привольная жизнь, самовыражение, интенсивная физическая ак-

- «Снежные» (аналогично — «морские») классы организуются в рамках экспериментальных «открытых школ». Поначалу замыслились как мера по борьбе с последствиями перегрузки учащихся. Подробнее см.: Джуринский А. Н. «Школа Франции...». С. 40-45.

69

тивность помогают ребенку преодолеть последствия заточения. После больших физических усилий, крика, смеха, переживаний ребенку легче сосредоточиться. Преподаватели сказали мне: «За этот месяц ребенок проходит материал целого учебного года».

Дети вновь обретают воображаемое пространство, требующееся их телу; вот они видят гору: «Я заберусь на самый верх!» Они отождествляют себя с другими людьми; они вновь обретают право на свое воображаемое детское время, не такое, как у родителей. Разумеется, они обязаны посещать и занятия по лыжам, и школьные уроки. Но для их тела это не обязательная дисциплина, а игра, удовольствие. И даже школа становится для них удовольствием. Само обучение приносит им радость. Мобилизуется всё — и потребность в движении, и воображение, и жажда успеха. То, что ребенок овладевает лыжами, возвышает его в собственных глазах и в глазах товарищей.

Если полицейский замечает ребенка, который бродит один по улицам во внешкольные часы, он имеет основания с ним заговорить, узнать, где он живет, и предложить ему вернуться домой. И если выяснится, что ребенок предоставлен сам себе, этим могут заинтересоваться органы социальной защиты. Во Франции не существует полицейских ограничений в передвижении по улицам, но фактически представитель правопорядка может ограничить свободу передвижения во имя защиты несовершеннолетних. К тому же страховые компании могут отказать в страховании от несчастного случая, если школьник отклоняется от маршрута, которому должен следовать по дороге в школу и из школы. В результате официальные опекуны ребенка или сопровождают его, или следят за ним по часам и тем самым заставляют ученика ходить в соответствующее время прямо в школу и из школы, не отклоняясь от заданного пути. Такого закона нет, но если страховка на ребенка не предусматривает более широких условий, то она становится решающим аргументом, призванным ввести ребенка в рамки и удержать его от одиноких прогулок.

Мой муж испытал на себе такие ограничения в передвижениях для школьников в России до войны 1914 года. Когда люди встречали ребенка на улице в неположенное время, его спрашивали, что он здесь делает, и отводили домой. Закон запрещал детям ходить куда задумается после школы, а городская полиция при содействии жителей города следила за его соблюдением. Детям разрешалось ходить только

70

в школу и из школы. И это правило не было введено на период беспорядков, а действовало постоянно. В наше время такая мера свидетельствует о чрезмерном надзоре за воспитанниками. А в России в те времена все считали это нормальным. Чтобы нарушить это правило, приходилось переодеваться и обзаводиться сообщниками. В шестнадцать лет мой муж, который был уже в выпускном классе, захотел пойти в театр, чтобы посмотреть на жену своего учителя, актрису, в которую он был влюблен. Мать разрешила ему наклеить фальшивые усы и надеть пальто и шляпу отца. Этот маскарад его и спас. Надзиратели гимназии специально ходили в театр ловить учеников, которые являлись туда контрабандой. А ведь речь шла о выпускниках. К счастью, ученикам этой мужской гимназии помогали и сочувствовали две пожилые

женщины-вдовы; они были членами педагогического совета и по мере сил поддерживали общественную жизнь... и лучшие традиции галантности.

По свидетельству инженера одного исследовательского бюро, который ездил в командировку в Заир, полицейские Киншасы, радея о своих доходах, систематически задерживают в течение дня детей, играющих вне дома. Полицейские прекрасно знают их родителей, которые находятся на работе, и вовсе не предполагают, что дети бродяжничают. Возвращаясь вечером домой, родители обычно догадываются, где искать «похищенных» детей: разумеется, в полиции, где их вернут в обмен на звонкую монету. Это своеобразная дань, взимаемая в пользу стражей правопорядка.

То, чем с неуместным рвением занимаются граждане Заира — оставляя в стороне коррупцию — представляет собой карикатуру на деятельность полицейских во Франции: теоретически любой ребенок, который играет вне дома, может быть доставлен в полицейский участок. Если при нем нет денег, ему в любом случае можно вменить бродяжничество. С точки зрения многих почтенных родителей, парижская улица — это гиблое место. Родители мальчика, который поджег коллеж Пайерона, жили в недавно выстроенном муниципальном доме с умеренной квартирной платой на площади полковника Фабьена. Оба работали и воспитывали сына согласно принципу, что тот, кто водит знакомство с дурной компанией, ничего не добьется в жизни. Мать каждое утро твердила: «Возвращайся быстрее, тебя ждет бабушка, и, главное, ни на что не отвлекайся по дороге. И больше на улицу не ходи: это джунгли». Здесь налицо явная конфискация пространства.

71

То немногое, что остается в распоряжении ребенка, испещрено оговорками: «смотри, чтобы с тобой ничего не случилось», «иди прямо домой, никуда не сворачивай», «повнимательнее выбирай себе друзей», «ни с кем не разговаривай»... И так, весь день ребенок заперт в школе, и дома он тоже оказывается взаперти. А бывает и наоборот: если семья живет в тесноте, мать сама посылает ребенка на улицу, чтобы дома было тише. Сколько детей в больших городах не знают, куда себя деть после уроков! У одних никого нет дома, другие не слишком-то нужны своим домашним, а у чрезмерно опекаемого ребенка нет ни малейшего желания возвращаться домой сразу после школы.

В общеобразовательных коллежах, вроде коллежа Пайерона, разбитых на секции, с галереями, нависающими одна над другой, во время перемен закрыты не только классы, но и коридоры. Все должно находиться во дворе. Точь-в-точь тюремный двор в часы прогулок заключенных. Дети это чувствуют, им неприятно¹

В интернатах спальни на весь день запираются. Дети не могут пойти и взять у себя в шкафу нужную вещь, не могут прилечь на кровать и немного отдохнуть. Это все равно что запрещать хозяину дома входить в собственную спальню до захода солнца. Но разве эта комната не предназначена для того, чтобы человеку было где привести себя в порядок, собраться с новыми силами, если он устал, если у него плохое настроение? Почему это разрешается взрослым, но не детям, которым это, может быть, еще нужнее⁹

Вернувшись домой, школьник прилипает к телевизору. И это всех устраивает. Поскольку он загипнотизирован происходящим на экране, он, по крайней мере, никому не мешает. Экран — это окно, которое выходит во внешний мир, лежащий вне того замкнутого пространства, где его держат взаперти. Но эта пасть, извергающая мешанину образов и сведений, может непоправимо травмировать ребенка, которому никто ничего толком не объясняет, потому что всем некогда. Он подвергается массивной бомбардировке, он не производит никакого отбора, а родителям некогда помочь ему в этом.

Это приватизированное пространство — воистину шагреновая кожа. Современное общество мало-помалу изменило и разрушило прост-

• *Les Cahiers au feu*, Andre Coutm, Bd Hallier, 1975, p. 164—165.

72

ранство, в котором дети могут знакомиться со строением своего тела, наблюдать, фантазировать, испытывать опасности и удовольствия. Заточение в четырех стенах лицемерно воспроизводит идею жизни в тюрьме. Неограниченная власть взрослых, с помощью которой они сужают цивилизацию ребенка, есть бессознательный расизм взрослого по отношению к расе детей.

ДОРОГА ИЗ ШКОЛЫ

Дороги летних каникул и даже путь из школы, особенно в сельской местности, давали когда-то шестилетнему ребенку возможность познакомиться с миром за пределами его маленькой территории. Чтобы освоить маршрут, ведущий из места, где он живет, в места новых контактов, ему нужно было, чтобы пейзаж проходил перед его глазами не слишком быстро. Это было возможно, пока он шел пешком или ехал в повозке со скоростью лошадиной рысцы, соизмеримой с возможностями человеческого восприятия, но теперь, когда его везут по шоссе в автомобиле, ребенку приходится проделывать чересчур долгий путь, прежде чем

сменяющие друг друга пятна внезапно сложатся для него в кусочек пейзажа и ему удастся связать этот пейзаж с собственными представлениями. А самолет и вовсе делает перемещение нереальным. Путешествие из Парижа в Лион еще имело смысл, когда ехали поездом, причем поезд шел не слишком быстро и останавливался на каждой станции, но теперь, когда мы даже не видим мест, по которым проезжаем, оно становится бессмысленным. Мы больше не чувствуем, что сами меняемся в ритме перемещения, и в результате этих блошинных скачков в пространстве сегодня мы знаем некоторые маленькие участки земной поверхности, не зная ни как они связаны между собой, ни что нас с ними связывает. Для малышей века скоростей отсутствует разница между расстояниями, которые они преодолевают на поверхности планеты, и межпланетным пространством вне нашей галактики. Еще вчера младенца доставляли с места на место в ритме ходьбы, почти так же, как в то время, когда он еще был зародышем. Теперь детей перемещают в пространстве в ритме, совершенно отличном от ритма носившей его матери. Во всех этих перемещениях дети полностью зависят от коллектива или от какого-нибудь учреждения, организации. Когда-то школьник сам изобретал свои маршруты и шел себе по полям. Возвращение из школы не было столь банальным. Сегодня юный телезритель, стран-

73

ствующий в пространстве с помощью воображения, гораздо меньше путешествует на своих двоих.

Еще до того, как Андре Рибо в своей «Утке в сетке» заговорил о «странных иллюминаторах», я называла телеэкраны «странными окошками». Пока телевидение не вторглось в каждый дом, первым странным окошком было для ребенка зеркало, в котором он обнаруживал другого ребенка. Сначала этот «незнакомец» ввергал его в изумление. Но потом ребенок понимал, что это он сам. А потом появилось телевидение, которое привнесло в человеческое жилье полностью деформированных людей: совсем маленьких, то видимых только до пояса, то целую группу. Крошечные человечки суеются на экране, дерутся, иногда для смеха, а иногда и вправду умирают. В результате мир оказывается насыщен странными зрительными образами, которые постепенно становятся настолько привычными, что их бессознательно усваивает каждый ребенок, и незаметно для самого ребенка мир предстает ему «остранненным». Для нас все эти новшества означают прогресс: они подкрепляют нашу память, удовлетворяют любознательность. Мы не родились перед телевизором: прежде чем сесть перед экраном, мы успели получить образование. Вспоминаю моего младшего брата Жака. Когда мы были детьми, у нас не было граммофона, но по вечерам дома мы много музицировали. У Жака была корзинка с откидной крышкой — это был его «проигрыватель». Он делал вид, что ставит пластинку, и принимался петь какую-нибудь оперу. Если «исполнитель» ему не нравился, он говорил: «Месье, дайте слово даме, теперь не ваша очередь!» Он открывал корзинку и разговаривал с певцами и певицами, убежденный, что они сидят там, у него в корзинке. Мама любила «Манон». Реплики Манон он пропускал и исполнял только партию де Грие. В те времена я не занималась изучением детского языка, но именно мой младший брат пробудил во мне интерес к этому. Ему было около трех с половиной лет. В четыре он уже не стал бы так играть, потому что научился пользоваться настоящим проигрывателем. А теперь⁷ Теперь есть даже телевизоры-игрушки. Я видела мальчика лет четырех-пяти, у которого был деревянный фотоаппарат, очень похожий на настоящий «кодак», на ремешке, чтобы вешать на шею. Этот смысленный мальчик целыми днями кричал «Щелк-щёлк, готово!», хотя на его аппарате даже не было кнопки. Он был только с виду как настоящий. А мальчик веселился куда больше, чем если бы у него был настоящий фотоаппарат.

74

ИСТОЧНИК И СТОЧНАЯ ЯМА

Когда-то, если у людей накапливалось много такого, что нужно выкинуть, они шли на общественную свалку, но в то же время у каждого был свой персональный сортир, своя куча дерьма; общественных уборных не существовало. Экскременты оставались дома. Зато люди ходили к колодцам, брали воду в источниках. Скорее всего, вокруг таких источников складывалось своеобразное сообщество, поскольку все ходили по воду в одно и то же место. А сточная яма была у каждого своя. Экскременты, которыми животные помечают свою территорию, и тому подобное, всё, дурно пахнущее, не становилось общим — на общественную свалку сносили только слишком громоздкие вещи, то, что не нужно и что нельзя сжечь. Теперь все наоборот: образовалось некое ложное подобие сообщества вокруг отбросов, которые собирают у всех и вывозят, а источник воды у каждого свой.

Источник и сточная яма представляют собой своеобразный фундамент, на котором складывается социальная личность с самого рождения. И если у одних и то и другое личное, а у других — общее со всеми, то можно не сомневаться, именно здесь заложены существенные различия. Обучение искусству общежития проходит совсем не одинаково для тех, у кого в доме были свой водопроводный кран и свой клозет, и для тех, у кого этого не было. Быть может, для общества это очень важная перемена — приватизировать одновременно и источник, и сточную яму. Существовали и по-прежнему существуют общественные бани,

способствующие созданию сообщества тел, их деэротизации. Такой обычай до сих пор сохраняется в японском обществе с его небольшими общественными ваннами, где может одновременно мыться целая семья.

•На Западе говорят «частное» или «публичное», привнося в каждое из понятий дополнительный смысловой оттенок: «частному» соответствует значение целомудрия, «публичному» — бесстыдства. А японцы четыре или пять веков назад изобрели одну очень интересную формулу, примиряющую эти понятия, которые у европейцев всегда считались антагонистическими. Они нашли кажущееся немыслимым равновесие: точно так же как в традиционном доме с раздвижными дверьми нет понятий «внутри» и «снаружи», так нет и непроницаемой перегородки между частным и публичным. Ребенок, таким образом, имея возможность развиваться в куда менее закрытом, куда менее ограниченном пространстве, и одновременно отношение к его телу

75

и к телу других людей было гораздо менее эротичным, но при этом тело оставалось достаточно близким к природе, вполне социализованным и совсем не постыдным: его и не думали скрывать. Опыт японцев достоин изучения.

БЕЗОПАСНОСТЬ. А ЗАЧЕМ?

В обществе, как мне кажется, все делается из подражания власти имущим. Зажиточные буржуа хотят жить — пусть в более скромном масштабе, но как князья. Рабочие хотят жить по образцу зажиточных буржуа. Это не классовая борьба, это идеализация образцов: идеализируется сильный. С одной стороны, то, что демонстрирует сильный, желанно для других, и он этому рад, а с другой — те, кто хочет ему подражать, возлагают на него чувство ответственности: он не пользуется преимуществами своей силы в одиночку, а частично распределяет их среди тех, кто его окружает. И я полагаю, что об этом еще никогда не говорилось применительно к классовой борьбе: как примириться с противоречием, которое состоит в том, что человек выступает против своего господина, но этот господин является для него образцом и, сам себе обеспечивая безопасность жизни, делится этой безопасностью с другими. Он словно владеет элеватором, а люди могут складывать туда свое зерно, но за это они платят ему налог своим временем и трудом. Вдобавок, тем людям, которых сильный отличает, он дает возможность достичь этой безопасности. То же самое происходит и в школьном образовании: некоторых учеников выделяют и назначают им стипендии, чтобы обеспечить безопасность их обучения, а затем, после успешного прохождения конкурсного отбора, им предоставляют государственную должность, тоже надежную и безопасную, — ведь теперь им не надо рисковать, занимаясь свободной профессией или работая у частного предпринимателя, не имеющего отношения к «государству».

Безопасность, надежность! Эти слова не сходят с языка у всех родителей, которые приводят к нам детей с нарушениями и «не желающих учиться». Все родители — будь то служащие или те, кто хотели бы ими быть — в ответ на мой вопрос «А зачем им (их детям) учиться?» — говорят: «Чтобы иметь хорошую работу!»

— Такую же хорошую, как у вас?

— Ну, как вам сказать...

— А вы любите вашу работу?

76

— Не то что люблю, но она надежная!

Итак, мы желаем для наших детей чего-то надежного. Пусть так. Но ради чего эта надежность и безопасность?.. Если платой за безопасность оказываются отказ от воображения, от креативности, от свободы, то, полагаю, что, хоть безопасность и относится к первоочередным потребностям, ее не должно быть слишком много. Переизбыток безопасности подсекает тягу к риску, которая необходима человеку, чтобы чувствовать себя «живым», «значительным». А тот взрослый, который до такой степени помешан на безопасности, что начисто утратил воображение, — как знать, не был ли он когда-то малышом, которому с первых годов, с первых дней жизни мучительно не доставало этой самой безопасности?

Все мы таковы: малыши, лишенные безопасности, если ее лишены наши родители. Психопроанализ показывает, что этот страх распространяется на много поколений: такой-то, думающий только о безопасности, происходит от родителей, которые в детском возрасте сами не получили чувства безопасности от родителей, которые в свою очередь были его лишены. Я думаю, что нужно рассматривать общество на протяжении многих поколений, потому что любое человеческое существо чувствует себя незащищенным, если взрослый не передает ему чувства безопасности. Ребенок выживает только потому, что в самом начале жизни взрослый обеспечивал ему эту безопасность и, главное, разрешил ребенку добывать ее самому ценой опыта. Невозможно самостоятельно добиться безопасности, пока зависишь от других людей. В начале

жизни такая зависимость неизбежна, но затем эта зависимость от тех, кто тебя вскормил, если она продолжается, препятствует развитию веры в себя. А ведь дело не только в материальной безопасности ребенка, но еще и в безопасности его родителей, унаследованной ими в свою очередь от их родителей, и я думаю, что она-то и передается ребенку и позволяет ему проявить свой потенциал. Приведу в качестве примера саму себя (что вообще свойственно психоаналитикам): почему мне захотелось заниматься медициной? Причиной тому война четырнадцатого года... Вокруг себя я видела множество женщин, сшедших с ума от чувства незащищенности, и множество детей, страдавших от душевных потрясений и социального крушения из-за того, что их отцы пропали без вести или погибли, а им самим со дня на день будет нечего есть и их матери не имеют никакой профессии. И я, тогда совсем еще маленькая, сказала себе: когда я вырасту, у меня во что бы то ни стало будет профессия. Коль скоро несешь ответственность за своих детей,

77

надо уметь что-то делать, чтобы заработать себе на жизнь, если останешься без мужа... Позже появились органы социального обеспечения, медицинское страхование, пенсии для всех, А кроме того, появилась безработица. И вот теперь у всех есть страхование труда, то есть в случае безработицы всем полагаются пособия, и все располагают относительной защищенностью, даже если ничего не делают. Сегодня даже в случае, если отец ушел из семьи, мать получает пособие на детей и т. д. И все эти законы появились потому, что другие люди прошли через то же, что и я; все люди, когда были так же малы, как я, не испытывая на себе, но наблюдавшая такую незащищенность, узнали ее на собственном опыте. После катастрофических наводнений в окрестностях Лиможа в 1982 году страховые компании обязаны заключать договоры о страховании на случай климатических катаклизмов. До этого существовало страхование только от индивидуальных бедствий, но не от всеобщих социальных и природных катастроф. Теперь с этим покончено: страховые компании уже не имеют права уклоняться от такого страхования. Получается, что опыт предыдущего поколения служит следующему, чтобы победить незащищенность, которая слишком дорого обошлась старшим. Чувство незащищенности у малыша возникает не столько оттого, что мать боится, что не сумеет его вырастить, сколько оттого, что она опасается, что в сознательном возрасте, от девяти до двадцати лет, он не сможет реализовать свой потенциал по причине социальной катастрофы или раннего исчезновения отца в обществе, не страхующем его от этой опасности.

Старики заставляют молодых испытывать чувство тревоги, если те должны, как это было когда-то, брать на себя ответственность за них. Такое общество как наше сумело с этим справиться. Но беда, если оно зайдет в этом слишком далеко оно превратит в нахлебников всех своих членов. А это опасно если человек не рискует, он утрачивает либидо. Между тем, когда молодые люди отправляются путешествовать в одиночку, они часто сталкиваются с непониманием окружающих, которые вопрошают «К чему вести себя так вызывающе!»

Эта жажда приключений часто живет по ту сторону реальности Желательно, чтобы она вступала в единоборство с повседневными опасностями, которым подвергаются определенные группы людей, поставленные в неблагоприятные условия Показателен опыт одной молодой австрийки, которая поселилась среди индейцев ваяпи в

78

Гвиане. Первые месяцы они терпели ее присутствие, но ею самой, казалось, не интересовались На самом деле ее изучали Им требовалось время, чтобы ее проверить Так, она захотела половить рыбу в местной речушке, насадила на крючок червяка и вернулась с пустыми руками Ваяпи не сказали ей, что рыба в этой речушке травоядная и, чтобы ее поймать, надо насаживать на крючок дикие ягоды Что же делать, как привлечь их внимание? Показать свою храбрость. Прекрасно умея управляться с лодкой, она привезла с собой байдарку. Однажды утром она спустилась в лодке по порогам, где индейцы плавать не отваживались Она благополучно миновала все пороги. Индейцы же посмотрели на нее с легким недоумением. Просто потому, что, она, как оказалось, не вызвала у них ни малейшего восхищения своей отвагой Они сказали ей: «Но ведь ты рисковала 'без всякой пользы». В лесах Амазонии и без того шла непрерывная борьба за выживание, поэтому индейцам и в голову не приходило совершать лишние подвиги'

Человек должен получать свою долю риска в отношениях с себе подобными и в отношениях с космосом, но, удовлетворяя свою потребность в риске, ему нет необходимости рисковать ради прихоти.

Молодая австрийка прекрасно поняла, что для того, чтобы не оставаться больше вне племени, ей следует идти лишь на тот риск, который необходим для выживания, а не изобретать дополнительные испытания.

В средневековой Европе князь, не выходя из дома, имел возможность удовлетворить и свое любопытство, и свою любознательность: трубадуры, шуты, бродячие торговцы приносили ему вести из внешнего мира и обогащали его все более. Для всех и каждого князь являл собой вершину развития. Подражая ему во всем, люди превратили жилье в собственность; собрав все свое добро, обзаводились обстановкой. Но одновременно с этим они утратили чувство защищенности, достаточной безопасности перед лицом

незванных гостей. Если к государю проникал какой-нибудь вор, в доме всегда было человека три-четыре, чтобы выставить его за дверь. Для частного лица это было невозможно... И вот буржуа оказались вынуждены разыгрывать из себя господ, на самом деле ими не являясь, то есть не обогащаясь за счет встреч с внешним миром. Я думаю,

" *Wayapi, em Jahr im Djimigel Guyanas*, Elfie Stejakal, Urac-Pietsch Veriag, Wien,

79

что они стали сокращать контакты с посторонними, и именно это создало ту удушливую атмосферу буржуазной жизни XVIII и XIX веков, атмосферу, которая внушала людям все большее недоверие к чужому образу жизни. Примечательно все же, что, искренне желая следовать примеру господина, который широко пользовался своим либидо* и своей сексуальностью, путешествовал, интересовался искусством, принимал художников, артистов, ученых, они, напротив, жили так закрыто, что это вообще мало напоминало жизнь, разве что время от времени они отворяли двери каким-нибудь, к примеру, бродячим торговцам пряностями, которые заглядывали к ним и мимоходом делали ребенка-другого их заброшенным женам.

Социальное заточение, будучи следствием приватизации жилища, процветало в пору открытых границ. И гадкие утята из хороших семей, в которых они чувствовали себя маргиналами, несмотря на все богатства своего либидо, уезжали в колонии, в неведомые страны. Не всем было по душе во имя безопасности все время подавлять в себе свои собственные желания. Эти люди и отправлялись на поиски приключений или, оставшись дома, вступали на стезю правонарушений. В последнем случае от них избавлялись, высылая в Америку или в Гвиану. Преодолевая испытания, рискуя, проявляя изобретательность, они расселялись по свету. Кто были эти правонарушители? Изначально — такие же люди, как и их соседи, просто их либидо задыхалось в границах нормы.

Откуда берутся дети-правонарушители или дебилы? Они или получили травму в раннем возрасте, или генетически наделены такими потребностями и желаниями, что их личность не вмещается в установленные рамки. Тогда они и начинают хитрить, обманывать, и от них так или иначе избавляются... или они сами избавляются от рутины и принуждения, отправляясь на поиски приключений. Всегда были войны, на которые можно было пойти наемниками, рискнуть жизнью... Можно было уплыть на корабле в какие-нибудь неведомые страны и т. д. Если бы не было приватизации, не было бы, может быть, и великих путешественников, эмигрантов, уезжавших в Новый Свет... Сегодня мы живем в совсем другом обществе, границы которого закрыты. Куда деваться тем, кому не подходит кодекс обязательной безопасности? Это серьезная проблема, и именно по этой причине люди стараются поменьше рожать. Они упираются в этот барьер. Говорят: «Ох, нет... с кучей ребятишек нас ждет чертовски небес-

• Здесь: влечением к жизни.

80

печенное, ненадежное существование». На самом деле все не так: чем больше детей, тем больше способов открылось бы перед ними переменить жизнь. Именно это могло бы изменить общество.

Государства замкнуты в самих себе, колониальной экспансии больше нет; иностранный легион уже не тот, что раньше, каторга упразднена, тюрьмы переполнены, и люди справедливо опасаются как строить новые тюрьмы, так и отпереть те, что перенаселены. Даже те, которые уже есть, содержат очень неохотно: заключенные обходятся недешево.

Положение безысходно; чистилища тоже больше нет, поскольку никого не посылают в ад; вот почему закрытые общества взрывоопасны. Те, кто не соглашается стать послушной копией, уже не могут вырваться на простор, и отовсюду изгнанные маргиналы предаются озлобленному ничегонеделанию. Именно поэтому люди сейчас в планетарном масштабе регрессируют в сторону мальтузианского* мышления. Следствие этого — ограничение рождаемости и усиленное сведение к норме тех, кому удастся родиться и кто собирается родиться. От них всё настоятельнее требуют, чтобы они подчинились общему кодексу.

Когда-то существовала солидарность «касты». Это было, так сказать, единение собратьев по ремеслу, к какому бы классу они ни принадлежали. Так братались на войне рядовые и офицеры. В настоящее время эта потребность в единомыслии сместилась. Люди обретаю ее только в требованиях, сообща добиваясь права на удовлетворение общих потребностей и желаний. Таким образом маргиналы остаются сегодня без поддержки: переводятся помогавшие им реализовывать либидо через музыку, живопись, путешествия, экспедиции меценаты, — могущественные покровители артистов, изобретателей... И эта ощутимая потеря несомненно вредит культуре. Либидо, вовлеченное в творчество, в искусство, невозможно подчинить закону большинства, жаждущего не новизны, а стандарта... Стало быть, массе не дано поддержать творца, создающего нечто новое. Почему это делали меценаты? Вероятно, их либидо влекло их не только к защите собственных исключительных прав; они были скованы обстоятельствами, но тем не менее и им были не чужды занятия искусствами или страсть к путешествиям, и они платили людям,

• Мальтузианство — теория Т.-Р. Мальтуса (1766—1834), согласно которой перенаселение подрывает ресурсы средств существования человечества (В. К.).

81

которые были способны делать это вместо них и от их имени, будучи не в состоянии зарабатывать себе на жизнь самостоятельно и пользоваться авторитетом без княжеского покровительства. Меценатство давало возможность реализовать стремление идентифицировать себя с художниками, по крайней мере, позволяло быть с ними рядом и иметь доступ в другой мир — мир духа. В большинстве же своем класс буржуазии желал причастности к этому миру лишь в силу обладания реальной властью. Богатые знали, что им нечего желать, кроме воображаемого. А просто люд, стремясь «причаститься», хотя бы через те крохи внимания, какие выпадали на его долю «сверху», прислуживая богачам, ощущал собственную значимость.

Иметь хорошего хозяина и быть хорошим слугой было делом профессиональной чести. Слуги гордились своей ливреей.

Несправедливо было бы утверждать, что такое положение было для всех униительно и невыносимо: прежде всего, это зависело от хозяина, а также, разумеется, и от индивидуальных побуждений; некоторым людям это, в сущности, правилось. К тому же, сменить можно было хозяина, но не сословную принадлежность. Слуги хотели гордиться своим господином, своим домом и входить в члены семьи.

Помню, в детстве, когда я проводила каникулы в Довиле, хозяйских шоферов, которые отвозили машины на стоянки, выкликали по громкоговорителю. Шоферов звали по именам их господ, например: Ротшильд... Ларошфуко! Кто служил в таких семьях, принадлежал к их Дому. Этим гордились. Но последние полвека узаконили мнение, что работа прислуги — социальный позор; при этом забылась средневековая традиция отдавать юношей из богатых семей в учение. Люди посылали своих сыновей к другому сеньору.

До XIX века богатые фермеры отдавали своих сыновей с двенадцати до шестнадцати лет в услужение к другим фермерам. В Нормандии, например, носильные вещи припасали сыну на три года вперед и складывали в так называемый шкаф слуга — огромный сундук, разделенный на две части: с одной стороны вешалки, а с другой полки для сложенной одежды и нижняя полка для обуви. На шкафу было выгравировано имя юноши: «Жан-Мари... Лоик, и т. д.» Этот сундук погружали на телегу, и отвозили сына, наряженного в праздничное платье, в учение. Наиболее уважаемые люди отправляли сыновей к равным себе. Взамен принимали как равного сына другого фермера. Часто слуга женился на дочери своего хозяина. Юноша уезжал к людям, равным ему по положению, чтобы изучить ремесло, которым позже будет заниматься в доме собственного отца. В Шаранте

82

«стажер» привозил с собой шкаф, который назывался «стоящий человек». «Стоящий человек» выше, чем нормандский «шкаф слуги : примерно 1 метр 70 сантиметров в высоту, в человеческий рост... В нем дверца на петлях сверху, посредине ящик, а внизу еще одна дверца. Это не то же самое, что «свадебный шкаф», широкий и двустворчатый — такой шкаф давали в приданое девушке вместе с постельным и столовым бельем. Эти две разновидности шкафов, «стоящий человек» и «шкаф слуга», многое говорят нам о нравах эпохи: слуга не находился на содержании у господина, он приезжал к хозяину со своим платьем; все было оплачено его родителями, что свидетельствовало об их богатстве...

Судя по всему, образование молодежи во всех зажиточных слоях общества происходило без участия школы; только клирики как самые бедные получали школьное образование у священников. Внутри касты жизнь познавалась через совместную со взрослыми деятельность и слушание их разговоров. Постепенно такая организация образования все больше и больше изживала себя, оттого что образование клириков не было тем образованием, что приобретаетс вместе с культурой, то есть тем, что входит в плоть и кровь молодого человека благодаря общению со взрослыми и с их друзьями. Ученики существовали таким образом, что только школа давала им что-то новое, а семья не давала ничего. Но что такое культура? Это встречи с людьми, *которые переживают то, чему учат. Однако, преподаватели не переживают то, чему они учат. В процессе уроков, на которых в определенные часы присутствует целая группа, ни ученики, ни учителя не переживают предмета изучения. Это полное оскудение. Либи́до не вписывается в пережитое ребенком, как это было раньше, когда он был еще маленьким; либи́до не помечает культуру; информация не впечатывается в тело по мере того как протекает жизнь этого тела. Как будущий учитель получает образование? Через речь какого-то человека, который сидит перед ним неподвижно, как мертвый. Книжная культура — мертвая буква. Дети с большим опозданием начинают понимать, что посредством школьного учебника к ним доверительно обращается его автор. За книгой есть человек из плоти и крови. Даже если это учебник истории, или физики, или арифметики. В детстве я всегда читала предисловия к учебникам, другие этого не делали. И меня очень удивляло, что в этих предисловиях я встречала живых людей. Предисловие к грамматике — это потрясающе! Именно читая все эти введения и вступления, я поняла, что есть люди, которые ставят перед собой проблему преподавания грамматики, что

83

они, как видно, любят грамматику (удивительно, но, кажется, и в самом деле любят...) и что они вкладывают в каждый параграф свои размышления и сомнения, ради того, чтобы мы лучше поняли и усвоили правила языка. И все предисловия к учебникам представляют для детей большой интерес. Почему не предложить

детям: «Давайте для начала почитаем предисловие»? Не тут-то было, предисловий как раз детям и не читают, потому что они, мол, предназначены для взрослых. Учитель мог бы первым делом знакомить учеников с автором. Разве учебники не называют очень часто по фамилиям их авторов? Говорят: «Возьмите вашего Жоржена...», «Возьмите вашего Бледа!» Все видели месье Бледа по телевизору, это прекрасный человек. А вот книга его, признаться, ужасно скучная.

По-моему, все это утрачено нашим образованием, между тем как можно было все это сохранить без малейшего ущерба для необходимой эволюции.

ПРИУЧЕНИЕ К РИСКУ

Для очень маленького ребенка изучение пространства — это приучение к риску. Очевидно, что пространство, которым располагал европейский ребенок до 1939 года, значительно изменилось, поскольку семья-ячейка во многом живет по-другому: она стала менее оседлой и гораздо более мобильной. В наших странах ребенок теперь лучше защищен теоретически, законом, но, с другой стороны, в силу изменений, претерпеваемых пространством, которое он для себя открывает, ребенок подвергается большему риску. У него под рукой вредные вещества, которые он может проглотить, опасные приборы, с которыми при нем управляются его родители и которые он из подражания также может попытаться включить, даже не понимая принципа их действия; он делает те же движения, что и родители, но при этом подвергается гораздо большей опасности, чем когда-то. Он, быть может, больше склонен считать игрушками предметы сугубо утилитарного назначения, представляющие, однако, для него опасность... и впору задуматься: пожалуй, по сравнению с ребенком индустриального общества, ребенок, принадлежащий к обществу сельского типа, которого раньше начинают в быту считать взрослым, которому приходится брать на себя часть взрослой работы, скажем, на ферме, получает лучшее представление о том, что такое огонь, холод, почему опасно играть инструментами и совать палец в агрегат...

84

В настоящее время ребенок очень нуждается в вербализации¹, объясняющей ему устройство и назначение вещей. Иначе он будет думать, что вся опасность для него сводится к наказанию. Для него отец и мать властны над всем, что происходит... и если розетка бьет его током, то он (точь-в-точь как сказал бы древний человек: «Там внутри Юпитер») говорит: «Там пала». Приведу поразительный пример. Мой муж сказал одному из наших сыновей, которому было тогда 9 месяцев: «Нельзя трогать розетку» — ведь все родители говорят так своим детям... И, как водится, все дети пытаются нарушить запрет, чтобы самоутвердиться и на своем опыте проверить, что такое опасность, — такова человеческая натура. Итак, первый раз, когда он прикоснулся к розетке и его дернуло током, он пришел ко мне и, показывая на розетку, сказал: «Папа там». Он как раз начинал говорить и уже мог сказать «папа», «мама», «там», «нет»... Ходить он еще не умел. Он приближался к гостям и, привлекая их внимание, показывал розетку и сообщал: «Папа там». То же самое он говорил и отцу, когда тот был дома. И отец повторял: «Да, это нельзя трогать, опасно». Отец находится там, где происходит подтверждение его слов, — иначе говоря, получается, будто ребенка ударил отец, а не то, о чем малыша предупреждали отцовские слова. И это очень интересно с точки зрения детского бессознательного. Все предметы, которыми манипулируют родители, являются для ребенка продолжением родителей. Итак, если родители манипулируют какими-либо предметами, и если эти же предметы, когда их трогает ребенок, оказываются опасными и представляют собой угрозу для ребенка, для него это означает, что отец и мать сидят там, внутри, и запрещают ему проявлять инициативу и подвижность, что они чинят препятствия его очеловечиванию по их образу и подобию. Мне пришлось объяснить сыну, что его ударил не отец, а электрический ток, и что если бы отец или я сунули палец в розетку, как это сделал он, нас бы тоже ударило током; я объяснила, что электричество — это полезная сила, имеющая свои законы, которые надо соблюдать и взрослым и детям, и что отец не наказывал его и не сидел в электрической розетке. После этого опыта и объяснений, развеявших его несколько навязчивые ложные умозаключения о родительском присутствии во всех электрических розетках, наш сын научился выключать лампы и тостер так же ловко, как взрослый, избегая в обращении с электричеством ненужного риска.

• Вербализация — оречевление (В. К.).

85

Магию сменило техническое знание. Ребенок обрел доверие к себе, а когда он хотел поступать, как взрослые, но у него не получалось, то присматривался, а также глазами и голосом просил взрослых, чтобы они объяснили ему, в чем тут дело.

Если объяснить ребенку, что отца тоже может ударить током, он уяснит себе реальность угрозы. Эта маленькая история с розеткой подтверждает, что все запреты имеют для ребенка смысл только в том случае, если то же самое запрещено и для родителей. Между прочим, это способ подчинить его закону Эдипа*. Если маленький мальчик объявляет, что мама — это его жена, это означает, что, отождествляя себя с отцом, он

хочет вести себя по отношению к матери, как муж. Но только если он поймет, что его отец никогда не вел себя по отношению к своей собственной матери так, как ведет себя по отношению к жене, только тогда ребенок воспримет законы биологического становления и запрета на инцест, общего для всех людей по отношению к их родительнице. Правда, для ребенка это очень трудно, потому что в начале жизни и на протяжении первых лет он вовсе не представляет себе, что его отец и мать сами были детьми и относились к своим родителям так же, как он относится к ним. Изменения массы тела также ускользают от его понимания. Когда он видит на фотографиях своих папу и маму в младенческом возрасте, это для него факт, лишенный реального смысла. Ему говорят: «Это твой папа, когда он был маленький». А он понимает это так «Это не папа, а я». Пока ребенок не достигает возраста пяти-шести лет, он не может усвоить, что его отец или мать были детьми.

Чтобы постепенно ребенок начал понимать, что реальность не такова, какой он ее воображает, необходимо вводить ее в язык. Язык возвращает утраченные воспоминания о прошлом, а также планы на будущее и реальные факты, которые ребенок воспринимает только органами чувств, причем часто — ошибочно. Ребенок не может понять отношений отца с другими людьми. Он не может представить себе отца другим, чем тот предстает перед ним. Если он слышит, что отец был маленьким, для ребенка это оскорбление величества. Воображать, что отец был младенцем, для ребенка до семи-восьми лет значит выставить отца в смешном свете. Но если ему посчастливится услышать, как его отец обращается к своим собственным родителям «папа» и «мама», эти слова подготовят его к тому, чтобы, еще не понимая родительских объяснений, принять

- В эволюция индивида — запрет инцеста.

86

их к сведению. Вот почему детям так важно часто общаться с дедушками и бабушками, по-разному их называть в зависимости от того, мамыны это родители или папины; важно, если их уже нет в живых, или если они далеко, или если в ссоре со своим сыном или дочерью, — упоминать о них в семье и объяснять, по каким причинам ребенок их не знает. Всякое умолчание относительно дедушек и бабушек, точно так же как относительного одного из родителей, с которым ребенок незнаком, толкуется ребенком в символическом преувеличенном смысле и оставляет в его бессознательном (то есть в телесно-языковой структуре) длительные отголоски на уровне сексуальности в фрейдовском смысле этого термина (плодотворное выражение в обществе творческой или производящей энергии либидо).

В наше время, вместо того, чтобы точными словами посвятить ребенка в правила безопасности, объяснив ему, как обращаться с каждым предметом, его оберегают от опасности, помещая в загон Детский манежник был изобретен не так уж давно, когда в городах распространились вертикальная архитектура, электрическое освещение, отопление жидким топливом. Изобрели дополнительные способы страховки, чтобы ребятишки не сваливались с лестниц в многоуровневых квартирах и не обжигались, трогая то, чего трогать не следует.

Да, но вместо того, чтобы посвящать его во все это с помощью языка, с ним все больше и больше начинают обращаться, как с вещью, которая представляет опасность сама для себя. Это препятствие нам еще предстоит преодолеть в нашем сегодняшнем обществе. С другой стороны, не следует и недооценивать риск, которому безусловно подвергается маленький ребенок. Потому что окружающее пространство для него — то же самое, что мама он ему полностью доверяется, а, следовательно, подвергается серьезной опасности. От матери требуется огромный труд указать ему все, до чего он не должен дотрагиваться — как взрослые, — и при этом у нее должно быть полное взаимопонимание с ребенком; если он не почувствует, что запрещенное ему является запретным и для нее самой, он не преминет нарушить ее запреты. Например, когда мать запрещает ребенку трогать или пить жавелеву воду*, она говорит

- Жавелева вода — то, что в бытовом русском языке называется раствором хлорки (В. К.).

87

— Жавелева вода опасная: с ней хорошо мыть посуду, когда ее совсем немножко... Я с ней обращаюсь очень осторожно: неразбавленная жавелева вода меня обожжет, она прожжет одежду, а если я ее выпью, я отравлюсь.

Ребенок не станет трогать жавелеву воду, потому что понял, как к ней относится мать. Но слишком часто она просто говорит: «Не трогай» о том, что трогает сама, не объясняя ему, как она этим пользуется и какие меры предосторожности при этом принимает и она сама, и другие люди, и ребенку тоже надо будет принимать те же меры, если ему придется иметь с этим дело. Если угодно, постоянные запреты привносят Эдипа" во все вокруг. Родителям по отношению ко всем явлениям жизни, в которых дети могут подражать им словами или делом, следовало бы подчиниться тому же закону, что и дети, а они вместо этого продолжают вести себя таким образом, как если бы они играли роль могущественных существ перед существом, совершенно беспомощным. На самом деле ребенок, каким бы он ни был маленьким, может то же, что и они... Но только при условии, что они ему помогут, объяснят приемы, которыми пользуются, и

помогут ему понять и усвоить реальность опасностей, которые на самом деле грозят и им самим, растолкуют, каковы причины этих опасностей. Тогда ребенок не побоится рассказать своему взрослому воспитателю о любом, даже самом мелком инциденте, который произошел в его отсутствие, тогда он будет понимать, что причина этого инцидента в том, что он не соблюдал технологии, которой его научили, и впредь будет относиться к своему надежному руководителю с полным доверием. Если взрослый заранее объяснил, что, нарушив правила обращения с предметом так, как это сделал ребенок, он и сам подвергнется бы той же самой опасности, — в этом случае ребенок не чувствовал бы себя униженным и виноватым. Воспитывать ребенка — это значит информировать его заранее о том, что ему докажет опыт. Таким путем он узнает, что не надо производить такое-то действие не потому, что ему это запретили,

• Эдип — это, в общем, половой орган родителей, который нельзя трогать, инцест запрещается совершать в реальности, но не запрещается желать и воображать. Это целый мир. Можно сказать по-другому мир, воспринимаемый на вид, непостижим для ребенка, не имеющего права касаться его и хватать руками. Это священный предмет, который находится для ребенка под абсолютным запретом, он не зависит от опыта, которому ребенок время от времени бросает вызов и который учит его, что он может справиться со всем этим при помощи разумных и целесообразных приемов, которые ему предлагается бесстрашно усвоить по примеру взрослых (Ф. Дольто).

88

а потому что это неразумно, в силу природы вещей, потому что таков всеобщий закон, а еще потому, что ему недостает опыта, сноровки, которую следует приобрести заранее в присутствии надежного руководителя.

Сегодня городской ребенок, которого везут от дверей до дверей, из одного уютного дома, снабженного кондиционером, в другой, совершенно лишен возможности на собственном опыте испытать, что такое жара или холод.

Ему недостает, с одной стороны, возможности самому испытать этот опыт, а с другой — слов об этом опыте, он нуждается и в том и в другом; ему недостаточно того, что в ходе этого опыта, который проделывает он сам, органы чувств информируют его тело о том, что приятно, а что неприятно; ему нужны слова взрослого, объяснения, а не упреки и не осуждения вроде «Глупенький... Брось это... Не трогай... Укройся, а то простудишься...» и т. д.

Наказывают, ворчат, шлепают — иногда в те самые моменты, когда ни с чем не сравнимую пользу мог бы принести разговор. В следующий раз, когда ребенок окажется в той же ситуации, он снова не сумеет избежать неприятностей, потому что опасность не была им осмыслена и его не считают способным самому обеспечить свою безопасность. Если ребенок проделал неудачный опыт с теплом или холодом, ему не пойдут на пользу «наставления» взрослых, даже если они хотят «уберечь» его от насморка. Например, с холодом" ребенку не позволяют идти на улицу, как он хочет, без теплого пальто, а надо бы, если он настаивает, отправить его гулять, одев полегче — он от этого не умрет, но зато, когда вернется с прогулки замерзший, можно будет ему сказать: «Вот почему я тебе говорила утром, чтобы ты надел теплые пальто, тем более оно у тебя есть». Когда наступают первые холода, ребенок уходит в школу, как всегда, рано, а возвращается только днем или даже вечером. И вот мать не находит себе места от тревоги из-за того, что утром он отказывается от теплой одежды. Часто доходит до ссоры. Ребенка подавляет материнская забота — она кажется ему чрезмерной, раздражающей. Когда-то у него была возможность поставить опыт самому, на несколько минут выскочив в уборную. Не хочешь надевать теплую одежду

Как тебе угодно! Он выбегал, возвращался, отогревался у печки, — но он проделывал собственный опыт, и раза через два-три он, как мама, уже надевал шаль, трико, — словом, что-нибудь

89

теплое. Он понимал: все так делают, понимал, что ему велят надеть одежду, которую он не хочет надевать, не для того, чтобы утвердить над ним свою власть, а потому что все люди подчиняются этой необходимости, а он такой же человек, как другие. То же и с голодом. Обязанность есть, обязанность спать. В наше время ребенок не знает, что существует в тех же условиях, что все люди на земле, — его оберегают от проверки этого на опыте. Его тащат за собой, торопят, оберегают от всего на свете, и мешают ему ставить собственные опыты... В результате современный ребенок уже не находится в безопасности!

Парадокс нашей эпохи, пугающей от всякого риска дети и молодежь становятся всё более уязвимыми, потому что у них отсутствует опыт, приобретаемый изо дня в день.

Все, что обеспечивает безопасность, приобретается опытом, а технику безопасности необходимо облекать в слова. Это как раз те ключи, которых не дают детям. Вместо того, чтобы точными словами выразить опасности, подстерегающие ребенка в повседневной жизни, взрослые через средства массовой информации неустанно твердят об опасностях планетарного масштаба. Поначалу для очень маленького слушателя и телезрителя это, возможно, ничего не значит... А потом, и очень скоро, он замечает, что какой-то человек на экране постоянно вещает о конце света, о том, что все человечество вот-вот взлетит на воздух, о кризисе богатых стран, о том, что деньги обесцениваются, будущее неясно... Пожалуй, дети оказались в этом климате всеобщей незащищенности относительно недавно. Разумеется, благодаря тому, что мы как никогда долго жили без войны, без огня и крови. Но экономическая война и курс на вооружение породили более глухой

страх; они мешают нам разглядеть более конкретные и реальные опасности. В эпоху феодализма бывали моменты, когда приходилось укрываться в замке от проходивших орд. Завоеватели, иноземные войска... все вплоть до маленьких эльзасцев времен франко-прусской войны. Тогда в самом деле был конкретный враг — причем он был врагом и для взрослых, и для детей. А теперь все твердят о всемирной опасности, но эта опасность совершенно невидима.

Это напоминает мне случай с моим вторым сыном, в детском саду им рассказали об атомной бомбе. Дело было в 1947 году, ему было три года. Он пришел домой и сказал.

— Мама, атомная бомба — это правда?

— Да, правда.

— А правда, что атомная бомба может разрушить весь Париж?

90

— Да, может.

Он помолчал, а потом спросил:

— А она это может сделать до завтрака или после завтрака?

Я сказала:

— Да, это может случиться, если будет война, но сейчас нет войны.

Он настаивал:

— Это может случиться и до завтрака, и после завтрака?

— Да.

— Тогда пусть это лучше будет после завтрака. А потом мы позавтракали, и с этим было покончено. Вот каким образом он поборол эту воображаемую картину. Для безопасности он выторговал себе туго набитый живот.

— Ну и ладно, пусть это лучше будет после завтрака. Это типично для современного человека: он подкрепляет свое тело, чтобы легче вынести любое испытание. Так поступает солдат. Солдат на передовой научается жить минутой и спасаться таким образом от страха смерти. Этому в наше время учит общество. Очевидно, что существует огромная разница в отношении к смерти у сегодняшнего ребенка и вчерашнего. Сегодняшние подростки гораздо больше боятся безработицы, чем смерти: они рискнут жизнью ради удовольствия, зная, что рискуют, потому что, как мне кажется, у молодых есть потребность рисковать, а делать это с пользой или просто ради игры у них нет возможности. Нарушить законы благоразумия, заплатить, быть может, жизнью за удовольствие испытать сильные ощущения. Во все времена молодежь играла с опасностью. Чем она хуже в наше время? Быть может, ни в одну эпоху не наблюдалось такой, как теперь, утраты вкуса к жизни, толкающей молодых на попытки самоубийства, и слишком многие преуспевают в этих попытках, так и не рискнув жить и не попытавшись рискнуть жизнью ради благородной цели.

То же самое происходит со взрослыми, хотя у них есть традиционное чувство семейной ответственности.

Из мира труда почти изгнан полезный риск — и людям остается бесполезный. Почему так трудно заставить рабочих на заводе соблюдать нормы безопасности. Если с кем-нибудь уже произошел несчастный случай, — только тогда месяца два-три его товарищи по цеху стараются соблюдать правила безопасности. А потом снова начинают ими пренебрегать.

91

Как может выжить либидо в процессе монотонного и скучного труда? Благодаря нарушениям правил, благодаря рискованному поведению. Впрочем, если произошел несчастный случай — виновато общество, а не тот, кто не принял требуемых мер предосторожности. Когда мирное время затягивается, не испытывают ли люди искушения подвергаться ненужному риску? Когда смерть оказывается слишком далекой, слишком абстрактной, быть может, либидо испытывает потребность вновь ощутить ее близость, бросая ей вызов? У человека не остается другой лазейки в обществе, где воспитание не подтолкнуло своих соперничающих членов к достижению уровня, на котором испытываешь радость от постижения истины, от творчества; труженик чересчур приучен к исполнительности, а исполнительность, лишённая риска, противна человеческой натуре; это нудная судьба выючного животного. Чтобы прервать эту унылую и смиренную рысцу, совершить индивидуальный поступок, человек втайне предпочитает свободу нарушения правил безопасности. Водители, рискующие на дорогах, рискуют собой, но также и теми, кто сидит у них в машине, и теми, кто едет по той же дороге. Их счастье состоит в риске; может быть, они поплатятся за это головой, но в конечном итоге это им больше по душе. Похоже, что лихачество распространено среди тех, у кого было недостаточно испытаний, недостаточно опыта смерти", и у кого недоразвито чувство семейной и гражданской ответственности.

Морис Трентиньян говорил, что все автогонщики во время соревнований подвергаются риску, и этот риск, хотя его и можно рассчитать заранее, все же остается огромным — смертность среди автогонщиков довольно высока, — зато на дорогах с ними никогда ничего не случается, потому что они не

идут ни на малейший риск: у них нет желания рисковать. Они и так играют со смертью, поэтому им незачем вести эту игру на общем шоссе, за счет других людей и без правил.

Возникает вопрос: лишая детей «опасных игр», не толкаем ли мы их на то, чтобы они или потеряли вкус к жизни, впали в депрессию, или вели как можно более опасную жизнь? Все эти

• «Недостаточно» — не всеобщая мера, которую можно установить для всех и каждого, но соотношение с целостным индивидуальным опытом переживания жизни и развития — то же самое, что мы подразумеваем, говоря; «что достаточно для одного, недостаточно для другого» (В. К.).

92

нормы безопасности, оговариваемые для каждой игрушки, ведут к тому, что родители больше не чувствуют необходимости быть опекунами и покровителями своих детей.

Если ребенок жалуется, что ребята в школе его бьют, это означает, что у него нет нормальных социальных отношений. Существовали бы они, никто из одноклассников не мог бы издеваться над ним одним, потому что у него была бы своя компания приятелей, и эта компания дала бы отпор компании обидчика. Но этот ребенок выпадает из общества, даже если занимается дзюдо... Дзюдо не помогает ему войти в общество, потому что это индивидуальный, а не коллективный вид спорта.

Трагедия нашего сегодняшнего общества состоит в том, что у детей, плохо успевающих в Школе, есть социальная жизнь, а хорошо успевающие дети ее лишены. Родители отстающих в школе детей не снабдили их ни словарем, помогающим ориентироваться в жизни, словарем межличностного общения, ни словарем технологии, сноровки и телесной ловкости. Эти дети живут на свой страх и риск, и в них еще много животного; они не обладают идентичностью¹ человеческого индивидуума, они обладают стадным инстинктом и идентифицируют² себя с группой в совместных действиях и, в частности, в насилии. Прислушаемся к разговорам юнцов — в «бандах» или вне их: мы даже толком их не понимаем, настолько не разработан их синтаксис; зато их группа в высшей степени приспособлена для нападения и защиты. Это общество племенного типа, состоящее из жестоких независимых друг от друга членов, которые находятся между собой в социальном согласии, но являются потенциальными правонарушителями, потому что не владеют языковым кодом и не способны к культурной сублимации³ архаических побуждений (чему учат в школе). Когда они учились брать, делать — одновременно они не

• Живут, не осознавая себя как сущность, отличную от других. Идентичность — чувство непрерывности своего бытия, как сущности, отличной от всех других.

• " Заимствуют свою идентичность от группы. Идентификация — процесс, посредством которого человек или распространяет свою идентичность на другого, или заимствует ее от кого-либо, или смешивает или путает свою идентичность с идентичностью другого. (Термин идентификация в аналитических работах никогда не подразумевает установление подлинности своей или кого-то другого.)

"• Сублимация — преобразование энергии сексуального влечения, при котором она направляется не на сексуальную, а на какую-то иную цель (творчество, социальные преобразования и проч.) (В. К.).

93

были обучены соответствующим словам. Таким образом, в том, как они берут, как делают, имеется отклонение от общепринятой нормы, зато это отклонение — групповое. Те, у кого нет друзей и кого мамы принудительно записывают в секцию дзюдо, часто бывают воспитаны как маленькие индивидуумы, лишенные социальной жизни. И вот классический сценарий: если одного из таких одиноких юнцов при выходе из школы задирает кто-нибудь из ребят, он, исполненный обиды, идет рассказать об этом маме. А мама говорит: «Защищайся!», что очень глупо, поскольку само собой разумеется, что он на это не способен. Мне кажется, лучше всего в этом случае было бы сказать: «Ну, что из того, что к тебе пристаёт твой товарищ? Это повторяется ежедневно, раз так — значит тебе это нужно. Без всяких сомнений, этот опыт тебе необходим. Присмотрись, вместо того, чтобы жаловаться».

Надо разговаривать о том, что происходит, вместо того, чтобы говорить «Защищайся!»... Как защититься от того, кто на вас нападает, пока этому не научишься, не присмотришься к другим, не поговоришь с ними? Этому и учит жизнь в обществе. Ребенок должен сам открыть, что он будет менее уязвим, если объединится с несколькими товарищами, найдет себе друзей. Развитие взаимовыручки, социальных отношений входит в жизненные интересы человека. Каин и Авель существовали до того, как появилось общество. Авель оказался не у дел, потому что не умел защищаться... И роль основателя города Бог поручил Каину. Каину, имевшему друга, брата, которого он (Каин) убил. Испытывая тяжкую вину. Каин спрятался от Бога. Он пребывал в сильнейшем отчаянии и было ему очень тоскливо, потому что не с кем стало и слова сказать. И тогда Бог сказал ему:

— Ты будешь начальником, строителем города, и никто не тронет волоса на твоей голове.

Это означало, что вместо того, чтобы в одиночку бороться с опасностью собственных побуждений, он объединится со множеством людей, которым грозит беда, будет вместе с другими противостоять внешней опасности. И вот он становится основателем города, обеспечивает защиту отдельных людей, которые на общее благо заключили подкрепленный договором и законом союз против внешней опасности. Но прежде

ему надо было пройти через опыт внутренней опасности,

* Основываясь на Библии (*Быт.*, 4, 17), автор приводит здесь собственную вольную интерпретацию того, что произошло с Каином. — *Прим. пер.*

94

связанной с его жестокостью. История Каина и Авеля — прекрасный пример. В ней братоубийство описано как эксперимент, как испытание в обряде инициации. Это шаг в ходе эволюции, давший возможность убийце почувствовать, что такое «зло»: он страдает оттого, что рядом больше нет брата, а один он ничего не может, да и вдвоем тоже: всегда существует опасность впасть в подражание или в соперничество. Такова первобытная сексуальность, толкающая убивать, пожирать, уничтожать... Но как только люди собираются, хотя бы втроем — они мобилизуют свои силы на защиту, объединяясь против внешней опасности.

НАКАЗАНИЕ-ПРОДВИЖЕНИЕ ИЛИ ВИНОВНЫЙ-ОТВЕТСТВЕННЫЙ

Все свидетельства единодушно утверждают: индейцы ксингу (Амазонка) никогда не бьют детей. Однажды один из детей поджег хижину. Огонь быстро распространился, и вся деревня выгорела. Ребенка-поджигателя не побили. Его просто назвали «вождем огня». Вспомним историю Каина и Авеля. Каин убил своего брата Авеля, и Бог назначил его ответственным за безопасность города.

Сегодняшний школьник, оказавшийся козлом отпущения для другого мальчишки, подвергается внутренней опасности, потому что лишен социальной жизни. Его обидчик — его помощник: в том смысле, что он подталкивает этого ребенка к осознанию грозящей ему опасности остаться в одиночестве, вообще не иметь друзей. Сила в единении. Разве тот самый мальчишка, который над ним издевается, не передает ему очень полезный опыт? А мать или отец, которые не находят ничего лучше как сказать: «Защищайся!», не в силах объяснить ему это. Спорт, вроде дзюдо, не вводит детей в группу. Заботливым родителям очень трудно смириться с тем, чтобы их ребенок вошел в группу наравне с другими. Они его защищают и даже чересчур хорошо защищают. Улица, пустырь — это для тех детей, которыми не занимаются родители.

Чтобы обеспечить детям безопасность, мы отнимаем у них возможность рисковать, которая может навлечь на них опасность, — это факт. Безопасность, обеспеченная родителями, а не добытая с их помощью, не формирует у ребенка такой идентичности, которая порождала бы в нем ответственность за свое тело, идентичности, включающей право на инициативу, которая компенсируется его от-

95

ветственностью за самого себя, идентичности, подкрепленной опытом самозащиты, поставленной на службу целостности его тела, идентичности, общей со всеми его товарищами-ровесниками с самого раннего возраста.

В европейских странах ребенок сегодня более подвижен, ведет более кочевой образ жизни, чем его дедушки и бабушки в том же возрасте; он больше ездит, слышит больше разговоров о путешествиях, видит изображения далеких стран; но в то же время гораздо хуже знаком с природой. Городская жизнь не учит его, что такое земля, времена года, что такое небо, звезды, место человека в живом мире. Такое географическое расширение потребовало бы все более и более богатой социальной жизни, к которой, пока он мал, его не приобщают. Теперь ребенок может преодолеть это исключительно посредством социальной жизни, а не в одиночку. Он слишком долго остается замкнутым в семье.

Если сравнить путешествия пятидесятилетней давности, которые были реже, но приносили больше неожиданностей, с теми поездками, какие совершаем мы в наше время, мы увидим, что в смысле опыта ребенок ничего не выиграл. Сегодня во время путешествия для него все подготовлено, все разжевано. Едет ли он в автомобиле, летит ли самолетом, он остается в своем коконе. Раньше он участвовал в гораздо менее быстром и менее комфортабельном путешествии, в котором были отдельные перегоны, был больший риск аварии. А теперь то же заточение — просто переносится из одной точки в другую.

И взрослый сегодня испытывает те же ограничения. Не то было с его предшественниками. Ребенок во время путешествия находится теперь в точности на том же уровне опыта, что и взрослые. Разницы вообще не осталось, не считая того, что дети не знают, как добыть документы или деньги. Но безопасность, даруемая удостоверением личности, весьма относительна. Если поезд остановится, большинство пассажиров не будут знать, как им быть дальше. Их перевозят из одного пункта в другой просто потому, что у них есть деньги и документы. Взрослые не умеют передвигаться самостоятельно, точно так же, как дети, и при малейшем непредвиденном обстоятельстве они, так же как дети, теряют голову. Это лишает путешествия всякой воспитательной ценности. И ликование руководителей, уверяющих: «Сегодня у ребенка больше шансов обрести автономию,

96

найти свое место, чем раньше», — ни на чем не основано. На самом деле наблюдается регрессия.

Ребенок может обрести автономию, если родители поделятся с ним своим знанием... ведь все,

касающееся передвижений по городу, дети знают не хуже взрослых: чуть не с трех лет они умеют пользоваться и автобусом, и метро... Но что поделаешь, если взрослый только и думает, как бы оставить ребенка без пространственной свободы, лишить его права на инициативу и на свободу передвижения, чтобы как можно дольше удерживать его под властью взрослых? Похоже, что даже техника, которую дети могли бы эффективно использовать, если бы их правильно проинформировали, как нарочно оборачивается против ребенка только потому, что взрослые желают сохранить над детьми неограниченную власть. Родители настолько инфантилизированы, что им нужны дети, еще более инфантильные, чем они сами.

Не так опасны сами инструменты, которыми обзавелось общество, как позиция родителей, которые, быть может, пользуются всеми этими инструментами, чтобы запугивать детей и садистично помыкать ими. Современная техника, возможно, успокаивает их совесть, подсказывая, что их детям больше повезло, чем предыдущим поколениям они-де и свободней, и автономней, и это в конечном счете позволяет родителям, находя себе массу оправданий, оказывать на детей большее давление, не испытывая при этом угрызений совести. Выращивание детей в неволе, воспитание в тесных рамках — это новая язва так называемого цивилизованного общества.

На стадии вскармливания обучение ребенка проходит очень плохо, тем хуже, чем меньше еда соответствует желанию малыша. Его не спрашивают ни чего бы он хотел получить от матери, ни хочет ли он есть вообще. Он *должен* есть. Если он не ест «хорошо», то бишь в тех количествах, в каких это предусмотрено взрослыми, ему угрожают, как будто он поступил очень плохо. В наших западных обществах у него даже нет права на собственном опыте испытать голод: человечество в целом испытывает нехватку пищи — а мы пичкаем детей насильно.

— Если не будешь есть, доктор будет делать тебе уколы!

Доходит до того — трудно поверить! — что ребенку угрозами и дрессировкой хотят привить не только потребность в пище, но и по желанию взрослого — выделение экскрементов!

Еще одна угроза- ты не вырастешь.

В дело вмешивается медицина, своей властью насаждая насильственное кормление... И у ребенка уже нет выбора. Он лишен права быть голодным или хотеть той еды, какой хочется ему. Кстати,

97

потому-то в перерывах между едой он и набрасывается на автоматы, торгующие сладостями... Они возвращают ему былую радость сосания, и к тому же он испытывает потребность поесть в не отведенные специально для этого часы. Многие семьи удивляются, видя, что у ребенка в положенные часы нет аппетита, нет влечения к пище. В некоторых школах вместо завтрака ровно в полдень, как принято в интернатах, введено самообслуживание, и результаты прекрасные. Повар видит, какие блюда остаются несъеденными, то есть что детям нравится меньше. Детям предлагается на выбор одно из двух блюд. И ребенок с аппетитом съедает то, что сам выбрал. Бывает, что выбранный им завтрак не слишком похож на обычный, но он доволен. В довершение всего можно и поменяться он с этим блюдом, что сам выбрал, может делать что хочет, — может сказать кому-то из сидящих напротив товарищей. «Ладно, хочешь бери... два десерта в обмен на... сыр...» и т. д.

А почему бы и нет? В семье это было бы сложнее. Хотя везде, где восстанавливают в правах свободу и право выбора, гуманизма куда как больше.

Но общество убеждено, что дети, как солдаты, должны получать свой паек, и подкрепляет это мнение авторитетом медицины. Диететика превратилась в принуждение есть то, что полезно для здоровья, сбалансировано и т. д.

Ребенку трудно отстаивать свою автономию в перемещениях, жестах, инициативе, когда его любопытство, изобретательность, тяга к открытиям не находят отклика. Например, когда ребенок причинил себе боль и со слезами приходит сказать об этом, многие ли матери спросят «А ты понял, почему ударился. Отчего так получилось».

Многие ли матери позаботятся узнать, извлек ли ребенок опыт из случившегося, чтобы в следующий раз оказаться в безопасности? Если мать поговорит об этом с ребенком, то в дальнейшем он воспользуется своим скромным опытом относительной незащитности, которую не предусмотрел в прошлый раз. Но, как правило, мать не позволяет ребенку вернуться к опасному занятию и закрепить добытый опыт. «Ах, раз так, ты больше туда не пойдешь», — и мать разрушает плоды опыта, приобретенного ребенком. Если после того, как он подвергся какому-либо риску, с ним поговорили, не ругая его, он застрахован на будущее. Как часто матери-наседки поступают наоборот! Ушибся во время катания на лыжах? — «Ну хорошо же, больше ты на лыжах кататься не будешь!» Упал, сбегая

98

по лестнице? — «Все, с сегодняшнего дня ездись только в лифте!» Застрял в лифте? — «Будешь ходить по лестнице!»

Если он сам после своего опыта предпочитает больше не ездить в лифте — это его дело, но с какой стати

мать должна мешать ему повторить опыт, из которого он вышел с честью и извлек пользу⁷ Он такой же человек, как другие.

Очень часто матери налагают запрет на двухколесные велосипеды. Дети все с более и более раннего возраста, лет с десяти, хотят ездить на велосипеде старшего брата или приятеля. Многие матери в ответ на это желание говорят «Нет, только не это! И не мечтай!» — и запрещают мотоцикл даже восемнадцатилетним юношам, совершеннолетним.

Это недоверие к человеку. У каждого своя судьба. Все люди рождаются, чтобы умереть, и за страхом преждевременной смерти всегда мерцают фантазии о желании умереть. Самый конструктивный путь — очень рано предупреждать детей об опасности, ничего не запрещая. Для ребенка это лучший способ избежать неизбежных опасностей, хорошо изучить свой велосипед или мотоцикл, и правила движения на дорогах, научиться управлять собой, развить наблюдательность и пытливость. Почему бы не сказать ему «Слушай, ты должен знать страшно не столько смерть на месте, сколько то, что можно остаться инвалидом на всю жизнь. Каждый из нас — хозяин своей жизни». И привести в пример жертвы несчастных случаев из центра Гарш. Неплохо, вообще говоря, информировать об этом ребенка, лишь бы не мешать ему действовать самостоятельно «Ты предупрежден. Теперь делай, как хочешь».

После несчастного случая можно остаться калекой — это правда. Увы, тому есть много примеров Тем не менее это не причина запрещать ребенку кататься на двухколесном велосипеде в возрасте, в котором это разрешено законом Теперь, когда ребенок знает, что рискует, это его проблема. И если он сам увидит, как другой ребенок перевернулся, он почерпнет много больше, чем если бы ему рассказали об этом. Гуманистическое воспитание — это опыт, основанный на пережитом.

Когда-то смерть находилась поблизости от нас; ее удалили из жизни детей, причем опять-таки подчиняясь маниакальному стремлению их оберегать, которое сводится к тому, чтобы скрывать от детей все, чего боятся взрослые одряхление, болезнь, смерть Детей надо допускать к смертному одру. Речь не о том, чтобы тащить

99

их к постели усопшего, достаточно нескольких слов в ответ на вопрос ребенка: «А я увижу мертвого дядю?»

— Ты хочешь сказать, покойника? Если хочешь, можешь пойти со мной.

Пусть ребенок, если желает, посмотрит на покойного (особенно если это его родственник), не повергая этим взрослых в негодование. Как часто детей избавляют от этого опыта, когда речь идет об их отце дедушке, бабушке или матери, и даже не пускают на похороны!

Недавно доминиканский монастырь в Тулузе пригласил меня рассказать о смерти; в программе были лекции Филиппа Ариеса — «Смерть в истории», Шварценберга — «Смерть раковых больных», Жинетты и Эмиля Рембо — «Смерть неизлечимо больных детей». В тот вечер, на который была назначена моя лекция о смерти, в огромной церкви оказалось больше трех тысяч человек. Я была потрясена: столько молодых людей пришли послушать человека, знающего об этом не больше, чем они!

— Я не больше вашего знаю о смерти, а вы хотите меня слушать!

Какой интерес слушать, как человек рассказывает о том, чего сам не знает? Да, это поразительно. Сущий сюрреализм.

— Может быть, вы знаете ответ на вопрос, почему столько народу привлекла тема вашей лекции?

— Вот вы и ответили мне на него сами!

Смерть выключена из потока существования; с ранних лет жизни она существует только в виде фантазма. И вот кто-то будет о ней говорить, и мы поверим, что этот человек не находится в плену фантазма. О смерти, нам, не столкнувшимся с нею, знать невозможно.

В книге Раймонда Моуди «Жизнь после жизни» собраны свидетельства тех, кто побывал в продолжительной коме, в приходящей у смерти, тех, кто подошел к смерти вплотную.

«Оберегая» детей от переживания смерти, их, по существу, лишают возможности переживать и проявлять свое отношение к умершему, совершить ритуал прощания — то есть отвести умершему иное, новое место в своей картине жизни. Нередко, это становится источником глубоких невротических проблем у ребенка. (В. К.).

" Моуди Р. «Жизнь после жизни» Исследование феномена выживания после физической смерти. — Л. Лениздат, 1991.

100

Именно о том опыте сообщали мне люди, побывавшие в коме. Они пережили точно то же самое. Мне знакомы три-четыре человека, в том числе одна женщина, которая впала в глубокую кому после рождения дочери, без каких бы то ни было видимых физических причин, — причем при рождении сына ничего подобного с ней не было. В сущности, эта женщина пережила то, что пережила в свое время ее мать при ее появлении на свет. Она никогда не знала, что ее мать, когда она родилась, повредила в уме, — та тоже не хотела видеть свою дочь, хотя и не испытывала желания ее убить. Подобные расстройства относят к послеродовым неврозам. Тогда их разлучили: девочку поручили гувернантке; ей говорили, что мать больна туберкулезом и лечится в Швейцарии. Девочка выросла, стала взрослой женщиной и после появления на свет второго ребенка, дочери, перенесла послеродовой нервный кризис, воспроизведя, в сущности, то, что

некогда произошло с ее матерью, хотя ничего об этом не знала; она была на волосок от смерти, оставаясь, однако, во вполне ясном уме. Родители молодой женщины приехали навестить дочь. Но мать не вошла к ней, не в силах видеть умирающую дочь: это была фобия*. Отец навестил ее один и увиделся с зятем. Он рассказал ему историю рождения своей дочери. Молодой муж, который когда-то проходил курс психоанализа, пришел ко мне в полном отчаянии:

— Я этого не вынесу! Если жена, выйдя из комы, на всю жизнь останется калекой, я лучше ее убью! Вы еще увидите мое имя в газетах!

Его жена была молодая красивая женщина, он ее обожал. Он отказывался примириться с тем, что она на всю жизнь останется полностью парализованной, — таков был посткоматозный прогноз при условии выхода женщины из комы, что было сомнительно, учитывая плоский след электроэнцефалограммы. Она находилась в реанимационной палате, а он переживал глубокую драму и пришел ко мне за поддержкой! Я велела ему пойти поесть, потом поспать — вот уже два дня он не делал ни того, ни другого, — а потом навестить жену и, несмотря на то, что она продолжает находиться в коматозном состоянии, рассказать ей историю ее рождения. В то самое время, что он ей все это рассказывал, кривая электроэнцефалограммы поползла вверх и женщина очнулась. Ее первые слова были: «По-моему, я знаю, почему я не имела права иметь дочь».

* Фобия — здесь: невротический страх (В. К.).

101

Потому-то она и впала в коматозное состояние, хотя у нее не было никаких симптомов эклампсии*, вероятность которой не исключалась. Кома наступила ровно через двенадцать часов после рождения дочери. В ее случае, вопреки видимости, это была чистая истерия, но если бы ей не объяснили смысл ее симптомов, она бы умерла. Позже она рассказала мужу, как она переживала свою кому. Она находилась где-то на потолке, в углу, и, свидетельница происходившего, наблюдала за мужем и хирургом-реаниматором, которые суетились вокруг какого-то силуэта из бумаги, напоминавшего ей картину, и это плоское изображение была она сама, та, какою она сама себя представляет. Они произносили, она слышала, слово («означающее», как говорит Лакан) — слово «плоская». (Речь шла о кривой электроэнцефалограммы: «след плоский».) Она их слышала. А ее слышали? Ведь она была там, под потолком, одновременно любопытная и равнодушная к тому, что происходило в палате.

— Она плоская, верно, совсем пло-пло... — думала она. — Что они будут с ней делать? Как они ее утолстят? Это же бумага, у нее внутри ничего нет.

Потом, спустя какое-то неопределенное время, — рассказала она мужу, — она уже не знала, где находится, но вокруг была чудовищная темнота с ощущением сильной физической и душевной боли. Она вернулась в собственное изображение, проникла в него через череп и с чудовищной болью заполнила собой свое тело; и с «воплощением» она вновь обрела чувствительность. А как приятно было до того находиться вне тела и ничего не чувствовать. И в этот миг она почувствовала, как муж сжимает ей руку, она открыла глаза и сказала ему: «По-моему, я знаю, почему я не имела права иметь дочь...» А потом: «Я хочу посмотреть на дочку».

Муж рассказал реаниматору о «пробуждении» жены, и тот сказал: «Ни в коем случае! Объясните ей, что малышка осталась в родильном

* Эклампсия — тяжелый токсикоз второй половины беременности, характеризующихся внезапно возникающим бессознательным состоянием с припадками судорог.

" Лакан Жак (1901—1981) — французский теоретик и практик «структурного психоанализа». Основатель и глава Парижской школы фрейдиизма (1964—80), к которой принадлежала и Ф. Дольто. Триада осн. понятий Лакана — «реальное» — «воображаемое» — «символическое». «Символическое» у Л. — его структурирующая сила, господствующая и над «реальным», и над «воображаемым». «Символическое» объективно и материально представлено в «означающем». «Означающее» — материальные формы языка. См.: Ж. Лакан. «Функция и поле речи и языка в психоанализе». — М.:

Гнозис, 1995.

102

доме, и что она сама туда вернется, но только после того, как полностью поправится».

Реаниматор констатировал возобновление ритма электроэнцефалограммы.

Итак, эта женщина полностью поправилась, без каких бы то ни было последствий, после того, как дважды след энцефалограммы становился плоским. Опыт, который она пережила, заключался в том, что она, находясь вне собственного тела, была свидетельницей всего происходившего с ним, не испытывая страданий, не помня, что она только что родила, не помня, кто она такая. Она смотрела на своего мужа, но не как на мужа, а просто как на человека, проявлявшего внимание к ее плоскому изображению. Полагаю, что подобное ощущение стороннего наблюдателя существует также и у маленьких детей, когда они лишены любви и ласковых слов родителей. Я думаю, что дети — свидетели, и что это как раз формирует в них понятливость и сообразительность. Когда они слушают разговоры, — не слушая, и все-таки слушая, — они являются свидетелями в качестве абстрактных живых существ. Такое состояние возможно не только после

смерти — все мы, живые, можем в нем находиться. Любой может оказаться в таком, якобы, «посткоматозном» состоянии, причем окружающие об этом не подозревают, полагая, что младенцы и совсем маленькие, бессловесные дети ничего не понимают.

Возможно, дети, будущие взрослые, наделены особым даром восприятия, особыми способностями, характерными для этого этапа становления.

У детей нет никакого страха смерти. Почему родители не хотят, чтобы дети вступали в какой бы то ни было контакт со смертью, коль скоро они ее совершенно не боятся? Для детей смерть — это факт, по поводу которого они задают себе вопросы. И их не пугает то, что они не могут ответить: они ищут.

Чего боятся взрослые? Им страшно, что их дети, у которых нет страха смерти, захотят на собственном опыте испытать, что это такое, и тогда они, взрослые, останутся без потомства. По-моему, дело именно в этом. Но дети не боятся смерти. Я знакома с несколькими маленькими пироманами¹. Их пытаются вылечить. Но

• Пиромания — болезненное, неодолимое и импульсивное влечение к поджогам. Здесь автор использует термин в расширительном смысле (В. К.).

103

они не боятся сгореть. Они хотят на опыте попробовать, что это такое, и возможная смерть ничуть их не смущает. И другие пускай тоже сгорят, почему бы и нет... В конце концов, почему бы не предоставить другим людям возможность испытать то же, что хочешь испытать сам. «Что будет, если огонь меня сожжет?» У ребенка нет опыта, но он хотел бы приобрести этот опыт, пусть даже ценой собственной жизни. Для него жизнь имеет смысл только если он может удовлетворить свое ненасытное любопытство. И думаю, что" родители этого и боятся, потому что для ребенка цель смерти только в одном: как всё, о чем при них говорят, она может оказаться способом позабавиться. Я вспоминаю заявление Жилля Вильнева, автогонщика, который погиб на гонках на Большой приз Канады. Он множество раз переворачивался со своей машиной и залечивал бесчисленные переломы, но не мог вообразить, что погибнет в результате несчастного случая: «Я никогда не погибну от несчастного случая, — сказал он по радио. — Да, возможно, я еще попаду в переделку, ну и что? Каждый раз я выкарабкиваюсь и чувствую себя еще лучше, чем прежде!»

У него не было чувства ответственности за жену и двоих детей. Мне это интервью показалось идиотским, в особенности сопровождавший его комментарий. На другой день после передачи он разбился во время гонок. Нельзя делать героя из взрослого человека, который, будучи отцом семейства, ведет такие речи и демонстрирует свою безответственность. Следовало сказать: «Этот гонщик застраховал свою жизнь на такую-то сумму, чтобы его дети, несмотря на гибель отца, получили образование благодаря его заботе; он подумал и о жене: она получит крупную сумму по страховке». Нельзя ставить в пример человека, который, занимаясь опасной работой, не желает сознавать последствия своих поступков. В сущности, у этого гонщика осталось детское сознание. Но ведь он уже был не ребенок. Другое дело — готовность рискнуть всем ради идеи, которая послужит другим. Но риск этого гонщика не служил никому, кроме него самого: быть первым, опередить всех. Дети и в самом деле не испытывают страха перед тем, чего не знают, потому что именно неведомое их возбуждает: это эпистемологическое* влечение — познать и возродиться в этом новом знании... И в конце концов, здесь все те же корни, что у желания. Желание — это тяга к новому. Но существует структура, которая появляется в нашем разуме, когда он становится сознательным:

• Эпистемология — теория познания.

104

это ответственность. Чувство принадлежности к социальной системе, за которую мы ответственны: сначала оно ограничено семьей, потом распространяется на всех, кого мы любим, а потом — на все общество. Есть ответственность каждого по отношению ко всем. И я полагаю, что человек, не прошедший этой стадии эволюции - ответственность каждого за всех — остался несовершенным существом. И в его жизни остается нерешенным конечный вопрос. Есть ли у него духовная цель — или все сводится к тому, чтобы превратиться в труп? Прах и тлен...

В этом, как мне кажется, состоит различие между людьми, в том числе и между психоаналитиками... Что до меня, то я не думаю, что эволюция человека, поскольку мы существа плотские, заканчивается кладбищем. Я полагаю, что здесь участвует теллурическое, планетарное в нашем существовании. Но кто может мне сказать, права я или нет? Я думаю, что есть и другая часть, есть что-то другое, потому что слово не является частью земли. Слово не является чистой символической смыслом. Не относится оно и к тому, что происходит из материальных элементов земли; потенциал слова содержится в человеческом роде, но человек помимо своей телесной эфемерной жизни на планете Земля наделен словом, наделен смыслом. И мне могут возразить (причем это будет сущая правда, я не отказываюсь): «Вы говорите так, потому что вы христианка».

Это правда! Но я думаю, что все цивилизации построены на духовности. И под страхом смертной казни я не могла бы думать иначе.

Даже для самого упорного скептика и агностика* очевидно удивительное совпадение между тем, что

выявляет психоанализ (на основе опыта, на основе пережитого), и тем, что сказано в Ветхом Завете и в Евангелиях: это динамический строй человека.

Символическое показывает, что слово действительно распространяется по ту сторону, несет в себе потустороннее, доносится из потустороннего и из посюстороннего. Но значение слова этим не исчерпывается. Существует еще тонкая и творческая связь между людьми, которая словно ускользает от физических законов, преодолевая время и пространство.

Родители боятся и опасаются говорить с детьми о смерти как раз потому, что дети еще не обладают чувством ответственности за

- Сторонника агностицизма: философской концепции, отрицающей познаваемость того, что не может быть непосредственно представлено в опыте, и утверждающей на этом основании непознаваемость мира.

105

свою жизнь по отношению к другим людям, — у них есть только желания. И мне представляется, что в каждом из нас должен всегда оставаться ребенок, но в то же время каждый взрослый, мужчина и женщина, если он произвел на свет живое существо, должен обладать чувством ответственности. Необходимо и то, и другое. Пикассо рисует, как ребенок — но ребенок, усвоивший техническое мастерство и совершенство взрослого художника-труженика, способного к безупречному воспроизведению формы. И в то же время в нем остается ребенок с непосредственным взглядом и способностью к восхищению; руки искусного взрослого способствуют постоянному созиданию форм, не имеющих ничего общего со статическими «механическими» формами; это формы его внутренней жизни, взволнованной и трепещущей от соприкосновения с действительностью, которую он воспроизводит со свободной изобретательностью ребенка и в то же время с техническим мастерством человека, который не малюет как попало, а абсолютно владеет композицией, линией, цветом, чтобы сознательно выразить живущий в нем дух желания, в то время как ребенок, гениально или неуклюже, выражает свое желание бессознательно, не ведая, что творит. Он рисует для собственного удовольствия, поскольку его еще несколько не коснулось ни чувство ответственности перед другими, ни влияние современного ему искусства.

«400 УДАРОВ» ИЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Люди забывают, что ребенок — это самостоятельная личность, а не зависимое существо и не яблоко раздора. С самого рождения и уж во всяком случае после него. Например, при разводе, когда решается, с кем ему оставаться. Судьи не думают, что на самом деле единственный «судья», — это ребенок. Считается, что лучший родитель — тот, у кого больше денег, больше свободного времени и больше места в квартире. Между тем для ребенка важно другое:

важны терпимость к тем трудностям, которые возникают у него в процессе адаптации к жизни, и любовь, с которой ему помогают осознать эти трудности. Надежное материальное положение гораздо менее важно, чем эмоциональная безопасность. Это отлично разглядел Трюффо" в «400 ударах». Юный Антуан Дуанель, не щадя сил,

- Франсуа Трюффо (1932—1984), французский кинорежиссер, один из зачинателей направления «новая волна». Фильм «400 ударов» создан в 1959 году.

106

ищет взрослых, которые были бы достойны получить над ним власть. Ребенок может согласиться с тем, что кто-то имеет над ним власть, если чувствует, что игра стоит свеч. Это как у боксера, который смиряется с тем, что за три недели до соревнований менеджер запрещает ему вести половую жизнь. В этом есть смысл. Но ребенок не понимает, зачем нужна так называемая воспитательская власть, если человек, который наделен этой властью и претендует на то, что прививает питомцу нравственность, сам не подчиняется законам этой самой нравственности. Прежде всего Антуан Дуанель ищет в родителях внутренней честности.

В фильме Трюффо ребенок прежде всего — обуза. Он лишний. Мать родила его, не будучи замужем; она хотела сделать аборт, но ее собственная мать, бабушка ребенка, ее отговорила. Бабушка и воспитывала малыша, пока мать не вышла замуж за симпатягу, которому нужна жена как предмет обихода и который упивается сплетнями, циркулирующими у него в цеху (секретарша с бригадиром...) И вот он женился на этой женщине, у которой уже есть сын. Он не слишком заботится о ребенке. Он с ним мил и равнодушен, даже не без легкого гомосексуального общности. Однажды вечером мать по телефону предупреждает, что задержится у себя в конторе. Ее супруг обедает вдвоем с ребенком: «А, наконец-то остались одни мужчины, сейчас мы вдвоем похозяйничаем...» Болтают всякие глупости, обмениваются тычками. Когда приходит с работы жена, он закатывает ей скандал: «Зачем ты задержалась, тебе даже не заплатят за сверхурочные...» А ребенок видел, как она, выходя из конторы, целовала какого-то мужчину, и она видела, что он видел. Он не говорит ей ни слова и не мешает обманывать отчима, а она за это платит ему снисходительностью.

Однажды, желая избавиться от придирок учителя, который избрал его козлом отпущения, мальчик сказал: «У меня умерла мать». Учитель: «Бедняжка, я виноват перед тобой... Что ж ты мне раньше не сказал?..» Он

очень расстроился из-за того, что целую неделю травил мальчика своими придирками. На самом деле учитель донимал его потому, что был недоволен его успехами и считал, что этот понятливый ученик мог бы стать одним из лучших в классе. Родители вместе идут в школу. И мальчик получает трепку от отчима за то, что сказал «У меня умерла мать». Но на самом деле то, что его мать умерла — это правда! И самая настоящая правда то, что он начисто лишен ощущения изначальной безопасности. И вот он убегает. Чтобы прокормиться, ночами ворует бутылки с молоком. И, что самое

107

удивительное, продолжает ходить в школу. Он даже написал родителям письмо, в котором сообщил, что больше не желает мешать их семейной жизни. Когда он устроит свою жизнь, то есть достигнет достойного уровня, — тогда он их навестит. Родители идут в школу и убеждаются, что он на месте. Изумление. Видно, что мальчик явно стремится преуспеть в обществе, поскольку продолжает ходить в школу несмотря на все трудности, несмотря на то, что ночует на холоде и почти ничего не ест. К школе-то он привязан, хотя школа его топит. Отец идет к судье по детским правонарушениям:

«Мы больше не выдержим, это выше наших сил...» И мальчика отправляют в исправительный дом. Я думаю, что даже у таких неумелых родителей, как родители Антуана Дуанеля, сын мог бы не стать правонарушителем, если бы чувствовал, что его любят.

В ЯПОНСКОЙ ШКОЛЕ

В Японии учитель подвергает восьмилетних мальчиков тяжелейшему испытанию: перед всем классом наказывает одного из первых учеников за провинность, которой тот не совершил: «Ты украл у меня из кармана деньги», или: «Ты жульничал». После наказания он дает объяснение этой «судебной ошибке»: «Знай, что лучший из учителей, лучший из отцов может быть несправедливым. Ты должен научиться переносить несправедливость мира, сам оставаясь справедливым человеком». Бывает, что после такой встряски ребенок заболевает. Второй смысл этого испытания в том, чтобы отказаться от обожествления, от культа второго отца, безупречного героя. Иногда приходится расставаться с иллюзиями, переживать утрату своего идеала, терпеть эмоциональные разочарования. Это напоминает технику унижения, которую вынуждены испытать на себе ученики индийских гуру. Восхищение всегда бывает временным. И разве не преодоленные печали облагораживают динамику сюжета: от желания — к любви?

Глава 5

РЕБЕНОК-ПОДОПЫТНЫЙ КРОЛИК

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наука о ребенке, все более и более многословная, позаимствовала инструментарий из естественных и гуманитарных наук — биологии, экономики, статистики, экспериментальной психологии. Ей не больше века. Первые публикации по педиатрии относятся к середине XIX столетия. Пожалуй, можно сказать, что исследование поведения новорожденных — нуждается ли он в первую очередь в питании или в любви? — дело совсем новое; последовательное изучение подобных вопросов началось всего несколько десятилетий назад. Не окажется ли при таком научном подходе, что мудрость бабушек, волшебные сказки, мифология, передаваемые из рук в руки идеологии полностью переместятся в область литературы? Или, напротив, ученые доищутся до корней интуиции, питающей творчество поэтов и романистов? Положение детей от этого выиграло бы. Можно было надеяться, что наука, на которую возлагались такие надежды в XIX веке, придет на службу ребенку.

Но этого не произошло. Наука не стала служить ребенку. Она поступила на службу установленным порядкам, общественному образованию, полиции. Или самой Науке. Исследования для исследований. Здесь, к сожалению, снова не обошлось без идеологии. Сталкиваются разные течения мысли, разные тенденции. Детство как объект исследования превратилось в яблоко раздора для современных "ученых: одни, социопсихологи, выпячивают роль среды, окружения, другие — биохимические и генетические факторы. И первые подозревают вторых если не в реакционности, то по крайней мере в объективном содействии новым правам. Тяжба намеренная, нейробиологи опровергают их, пользуясь их же аргументами, отстаивая свои права с голубиной невинностью.

По словам профессора Эмбера, руководителя лаборатории ней-робиологии развития в Парижском университете Paris-Sud (Орсэ),

109

у детей любого происхождения, из любой среды, обеспеченных и не обеспеченных, есть нечто общее, и это — мозг.

С точки зрения наук о нервной системе, ребенок — это не взрослый в миниатюре, и разница заключается не только в количественных показателях. Состояние детства обусловлено не только социальными условиями, под которыми подразумевается семейная, юридическая, экономическая зависимость несовершеннолетних.

Центральной нервной системе ребенка присущ ряд особенностей: нейрофизиология показывает, что это, прежде всего, огромная хрупкость, необыкновенная чувствительность к потрясениям, исходящим из окружающей среды. Но эта хрупкость играет не только отрицательную роль. По сравнению со стадией взрослости она несет в себе такое преимущество, как пластичность, большая способность к восстановлению в случае травмы. У взрослых афазия вследствие поражения мозга неизлечима. А у ребенка она излечима. Отмечалось, что после некроза или удаления участка полушария детский мозг способен создавать замещающие структуры.

Наибольшее внимание нейробиологов теперь привлекает как раз не крайняя хрупкость новорожденного, а его пластичность, то есть способность его мозга и нервной системы возмещать и создавать обходные пути в случае травмы. У ребенка до шести лет можно удалить даже целое полушарие, и, если, скажем, произошла травма, то удалить его целесообразнее, чем оставить, потому что оно мешает развитию второго полушария. Ребенок, перенесший такую ампутацию, развивается так же, как ребенок с двумя здоровыми полушариями, а если ему оставить полушарие с анатомическими повреждениями или нарушенным кровообращением, то другое полушарие перестает работать. Это чудо: оказывается, одно полушарие — липшее! Может быть, клетки мозга всю жизнь мешают друг другу; они словно дублируют работу друг друга, готовясь к несчастному случаю, когда им придется принять эстафету. Мы не используем всех возможностей мозга; у него всегда остаются резервы.

Науки о мозге подтверждают фундаментальную интуитивную догадку психоанализа о потенциале грудного младенца и о важности первых мгновений жизни.

«Афазия — группа расстройств речи при сохранности речевого и слухового аппарата (В. К.).

• Некроз — омертвление в живом организме какого-либо органа, его ткани или клеток.

110

Было сказано: все происходит до шести лет, затем решающими годами в формировании личности были провозглашены первые три года.

Но может быть, все совершается за неделю, за первую неделю жизни. Время первых неизгладимых впечатлений, первых рубцующихся ран следует, возможно, отнести к перинатальному* периоду.

Эмбер, — что речевые звуки матери среди

Нейробиологи убеждены — так утверждает 2-н ребенок сразу после рождения отличает языковые, от неречевых. Более того: он уже узнаёт голос всех других голосов.

Он узнает голос отца, который слышал в материнской утробе: звуки низкой частоты в утробе слышны лучше — и отличает отцовский голос от материнского. В Питивье был поставлен классический опыт, подтвердивший, что человеческий зародыш реагирует на звуковые импульсы, идущие от будущего отца, когда отцу предлагают вступить с ним в контакт". Г-н Эмбер из Коллеж де Франс отзывается на этот счет сдержанно: «Это еще надо доказать». Надо сказать, что исследования в этой области продвигаются вперед крайне медленно. Работу тормозят прежде всего препятствия методологического характера; и всякий раз, когда одну из таких трудностей удастся преодолеть, к известным до сих пор возможностям новорожденного в области мышления и восприятия добавляется нечто новое. Напрашивается вывод, что потенциал ребенка скорее всего выше, чем принято думать. Можно предвидеть, что в будущем у новорожденных обнаружатся еще более значительные способности, чем те, которые мы ему приписываем теперь.

МЛАДЕНЦЫ ПРЕКРАСНО УМЕЮТ СИДЕТЬ

«Обычное неврологическое исследование далеко не использует всех сенсомоторных возможностей новорожденных.» Педиатр из Больничного центра в Байонне, д-р А. Гренье, сконструировал приспособление для новорожденных в возрасте от 15 до 20 дней и произвел над этими младенцами опыты с целью освободить новорожденных

• Перивнатальный период охватывает внутриутробное развитие плода начиная с 28-й недели беременности, период родов и первые 7 суток жизни ребенка.

" См., например, А. Бертин «Воспитание в утробе матери или рассказ об упущенных возможностях». — М., 1992 (В. К.).

111

от некоторых принуждений, скрывающих реальные возможности их моторики.

Фильм, который он отснял со своей командой, показывает, что ему удалось рассадить новорожденных за маленькие столики, поддерживая им головки только двумя пальцами. Общаясь с няней, эти дети могут — что видно на пленке — схватить предмет, который им показывают. Никто не подозревал, что новорожденные уже способны на подобное моторное поведение.

ДЕТИ-МАНЕКЕНЫ

Я знала молодую женщину, которая жила на то, что зарабатывал ее ребенок. Но самому ребенку это было совсем не на пользу. После смерти своего спутника жизни эта женщина оказалась без средств к существованию. Поскольку они не состояли в браке, ей пришлось съехать с квартиры, которая перешла к законным наследникам. Что делать? Кто-то подал ей мысль продавать для рекламы мордочку и попку ее малыша. С 6 месяцев и до двух с половиной лет дважды в неделю этот очаровательный малыш работал моделью. И на деньги, которые он зарабатывал, мать могла жить, содержать ребенка и осваивать профессию. Когда днем у малыша были съемки, ночью он не мог заснуть; он был очень неуравновешенный, нервный, цеплялся за мать; он чувствовал себя очень незащищенным, словно с него содрали кожу, особенно пока он был совсем еще мал. Тогда я его не видела, я познакомилась с ним уже когда он стал из-за этого страдать, то есть в два с половиной года. Я поговорила с малышом. Я объяснила ему, что его мама живет только благодаря ему. Немного позже она рассказала мне, что было дальше: ребенок стал гораздо лучше переносить работу в студии, после того как мама ему сказала: «Знаешь, та тетя сказала тебе правду... Мы получим деньги...» И как я ей посоветовала, она показала ему деньги, которые получила благодаря ему. Она приняла решение: «Как только ему исполнится три года, я перестану водить его на съемки, потому что кончу к этому времени курсы и получу профессию».

Для ребенка это серьезное испытание — находиться в свете прожекторов, надевать одни одежды за другими, давать себя фотографировать, по команде улыбаться, брать игрушку, л, словом, самому быть игрушкой операторов и людей на площадке, которые на него смотрят. В этой ситуации первым делом необходимо придать смысл

112

тому, что ребенок должен делать: «Видишь, какая польза от этого маме, когда у нее нет денег: каждый раз, когда ты надеваешь костюмчик и снимаешься для рекламы, ей платят...» Я посоветовала матери показать ему рекламу, на которой он изображен совсем маленьким. И так, ему все же объяснили, какую пользу приносит матери и ему самому его «работа», но с запозданием, только после того, как съемки стали вызывать у него сильное нервное напряжение. Если бы с ним начали говорить об этом раньше, начиная месяцев с шести, он бы страдал меньше.

Если ребенка привлекают к кино- или фотосъемкам или к каким-либо другим испытаниям, весьма возможно, что его волнение можно значительно уменьшить обстоятельными разъяснениями, — предупредить его, что на него будут смотреть, пока он работает, играет и ест, а кроме того, сказать ему, зачем и кому это нужно. Исследователь сам может подтвердить ребенку, что ему в самом деле нужно снимать на пленку детей для продолжения своей работы. Бессмысленно заявлять экспериментаторам: «Ставьте опыты на своих детях, а не на чужих!» В сущности, почему подопытными кроликами должны служить дети исследователя, а не кто-то еще? В конце концов, дети биолога или психолога — не его личная собственность.

Но, может, нелишне было бы призвать их к известной деликатности, предлагая в каждом случае один нехитрый вопрос: «А проделали бы вы этот опыт над своими собственными детьми?»

КИНОКАМЕРА-НАСИЛЬНИК

Сколько поколений в XX веке были убаюканы сказочкой о долгой ночи, в которую погружен новорожденный. Педиатры и психологи, специалисты по раннему возрасту, установили правила на все — на первую улыбку, на первое узнавание собственного отражения в зеркале. И на подражание жестам воспитателя

Рене Заззо, блистательный продолжатель дела А. Баллона, своего учителя на отделении психологии в Сорбонне, считая, что французские коллеги чересчур увлечены теоретическими спорами, уделял больше внимания своим англо-саксонским и канадским собратьям, ценя их экспериментаторскую работу

113

Однажды он сообщил своим коллегам о том, что заметил, наблюдая за собственным внуком: представьте, в возрасте трех недель тот показал ему язык.

Померещилось? Вольная интерпретация случайной мимики? Чтобы удостовериться, Рене Заззо провоцирует реакцию. Он показывает младенцу язык. Тот отвечает тем же.

Даже его учитель не поверил в этот факт. На протяжении двадцати лет руководители психологической службы во Франции не желали принимать в расчет этого жеста у младенцев, хотя он повторялся постоянно. Двадцать лет голос Рене Заззо был гласом вопиющего в пустыне. Ему возражали, что этого не может быть, потому что ребенок не может видеть того, кто строит ему гримасы, даже если лицо наблюдателя находится совсем близко от его лица!

Думаю, мы не можем говорить о поле зрения у грудного младенца, но на очень коротком расстоянии он наверняка располагает неким полем восприятия.

Сегодня официальная экспериментальная психология допускает, что грудной младенец способен имитировать мимику взрослого.

Эксперименты скорее подтверждают то, что мы знали раньше, а не открывают нам новые факты. Я давно утверждала, что ребенок узнает свою мать при помощи обоняния, но встречала только насмешки и скептицизм. И вот, наконец, на одном конгрессе меня окликает профессор Монтанье, проводящий в Безансоне опыты в детском саду (первый и второй год): «Мадам Дольто, а я доказал, что вы были правы насчет запаха матери. Тридцать лет я считал, что вы сочиняете, что этого не может быть. Но сейчас вы увидите фильм, который подтверждает, что это бесспорный научный факт». Что показывает нам фильм профессора Монтанье? В детском саду, в помещении, где идут занятия с детьми, легко отличить маленьких лидеров, детей с лучшей адаптацией к внешней среде, тех, которые уже овладели своей сенсорной системой, от других, более пассивных. В какой-то момент ставят опыт на запах матери. На маленький шкафчик кладут белье, которое носила мать лидера. Реакции всей группы снимают на пленку. Мы видим лидера, который отделяется от остальных, прекращает игру, начинает кружить по комнате, а потом забивается в уголок, сворачивается клубочком в позе зародыша

• *Om en est la psychologie de l'enfant?*, Denoel, Meditations.

114

и сосет палец... Потом мы видим, как девушка убирает белье с запахом его матери, и ребенок потихоньку встает, вынимает изо рта палец, как будто очнувшись от сна, начинает вести себя, как обычно, и вновь обретает свой авторитет у других. Это поразительно! Но если ребенок-лидер, когда в окружающем его пространстве помещают запах его матери, теряет интерес ко всем занятиям, то пассивный, плохо адаптированный, заторможенный ребенок, наоборот, отказывается от прежних привычек и становится веселым, бодрым, живым; он увлеченно играет с другими детьми, он активен, подвижен... Стоит лишь убрать из комнаты запах его матери, он тут же впадает в обычную пассивность.

Все это я знала. Нужно ли было прибегать к таким средствам, чтобы это доказать? Я считаю, что 'этот опыт, странный и излишне опасный, может обернуться травмой для детей-подопытных кроликов. Я напрямик сказала профессору Монтанье: «Но ведь это то же самое, как если бы вы показали какому-нибудь взрослому, сидящему в компании друзей, призрак его матери, какой она была, когда ему было пять-шесть лет: и вот перед ним этот провоцирующий и невероятный призрак, и человек перестает понимать, где он... Вы полностью отрываете ребенка от действительности, подвергая его такому испытанию, заставляя встретиться с призраком той особой, исключительной связи, которая существовала, когда ему было от ноля до трех месяцев и когда с другими его связывало только обоняние. Неудивительно, что бодрый, продвинутый ребенок, которого внезапно насильно ^подталкивают к такой регрессии, принимается сосать палец — замену материнской груди, и ищет прибежища в позе зародыша. По моему мнению, этот ребенок на две минуты был превращен в аутиста*. Запах исчезает, и он возвращается к реальности. А другой ребенок, зависимый и пассивный для своих лет, испытывает что-то вроде галлюцинаторного возбуждения: его мать, от груди которой он был оторван (в достаточной степени страдая от этой оставшейся в прошлом фузионной" связи), — внезапно оказывается здесь, с ним. Он чувствует себя в полной безопасности... Но затем он возвращается к ущербному состоянию отрешенности, в котором привык черпать безопасность. В этой манипуляции есть нечто пугающее.

Профессор Монтанье ответил мне, что таков единственный способ проверить на опыте научную интуицию. «Может быть. Но, — возразила

• Аутизм — отсутствие контакта с окружением (В. К.). " Сплавающей воедино (от лат. *fusio* — сплавление).

115

я, — каковы последствия для ребенка?» В психологии, как и в медицине, прежде чем экспериментировать над человеком, необходимо удостовериться, что тем самым не наносишь вреда. В противном случае следует воздержаться от опыта.

Не лучше ли было бы, исследуя ребенка, привлечь самого ребенка в союзники? Если и впрямь, чтобы не застрять на функциональном этапе обучения мышлению по Пиаже', необходимо изучать скрытые возможности ребенка и приобретенные им на разных стадиях психического развития свойства, — не лучше ли, во избежание большего зла, делать это с ведома ребенка?

Бели бы врач, опекающий ребенка, по крайней мере объяснял ему сразу после окончания опыта, что происходило и зачем надо было «играть в эту игру»!

Если обследование ребенка никак не согласовано с его желанием, это значит, что ребенка просто подчиняют желанию взрослого; его заставляют играть роль предмета, доставляющего взрослому удовольствие. В данном случае удовольствие взрослого — это, выражаясь по-научному, вуайеризм". И потом, какова роль, в которой бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, оказалась воспитательница, сообщница профессора Монтанье?

Так, значит, выхода нет? В сущности, велика ли разница между наблюдениями, которые производятся

без ведома ребенка, и наблюдениями, в которых он сам участвует... А нельзя ли соблюдать определенную этику эксперимента?

Это крайне деликатный вопрос. Возможно, демонстрация любительского фильма, снятого в семье, может помочь ребенку взглянуть

•"Жан Пиаже (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ, создатель операциональной концепции интеллекта к генетической эпистемологии. Согласно этой концепции (*Психология интеллекта*, 1946, рус. дёр. в кн.: «Избранные психологические труды». — М., 1969), функционирование и развитие психики совершается в рамках адаптации индивида к среде. Ключом к пониманию мышления ребенка П. считал анализ детской речи (*Речь и мышление ребенка*, 1923, рус. пер. 1932). В последующем источник формирования и развития детской мысли П. усматривает в действиях с вещами (*Роль действия в формировании мышления II Вопросы психологии*, 1965, № 6; *Схемы действия и усвоение языка II Семиотика*. М., 1983).

«» Вуайеризм — получение удовлетворения от подглядывания (В. К.).

116

на ситуацию со стороны, начиная с момента, когда появляется то, что мы называем комплексом Эдипа, и ребенок навсегда прощается с детством. Но даже такие образы небезопасны. Приведу в качестве примера маленький фильм, снятый во время наших каникул. Наш старший сын, которому было два с половиной года, указал пальцем на экран: «Погляди, я поливаю цветы, а Ж. (его брат) играет в мяч с дедушкой». Я поправила: «Нет, давай посмотрим еще раз, и ты увидишь, что я сижу, а твой брат стоит возле меня; тем летом он еще очень плохо умел ходить. Это ты играешь в мяч с дедушкой, а цветы поливает П., твой дядя». Ребенок, не отвечая, помрачнел и внезапно, хлопнув дверью, выскочил из комнаты, где мы смотрели фильм, убежал в свою комнату, также хлопнув дверью, и больше уже не выходил к нам до самого обеда. И потом уже по воскресеньям, когда мы смотрели фильмы, он никогда к нам не присоединялся. «Нет, я лучше поиграю», — говорил он. А потом как-то раз он пришел к нам, когда мы смотрели тот же фильм, и, глядя на дядю, поливавшего цветы, сказал мне (а я уже и думать забыла об этой истории): «Помнишь, когда я был маленький, я не хотел верить, что я — это я». Но теперь он уже мог взглянуть на это прошлое со стороны и ему было занятно увидеть себя и вспомнить то, что было раньше. Теперь он сознавал себя шестилетним ребенком, а потому не смешил себя с трехлетним малышом и смеялся, видя себя трехлетним; он знал, кто он такой, со своей сложившейся индивидуальностью, которую сам ощущал. Но когда ему еще не было трех лет, он желал¹ видеть себя в действии, которое больше соответствовало его стремлению к росту, стремлению быть мужчиной. А что в этом по преимуществу «мочеиспускательном» возрасте больше соответствует стремлению быть мужчиной, чем обращение с огромным шлангом и поливка цветов? Он скорее не мог, чем не хотел себя узнать. Я его оскорбила, сказав ему правду, я ввергла его в состояние «Не могу». И все же поддакивать и говорить: «Да, мой родной, это ты поливаешь цветы, а с дедушкой играет твой братик», — безусловно, этого делать не следовало. Это было бы издевательством над ним. Я полагаю, что есть испытания, через которые детям неизбежно надо пройти, лишь бы только родители не обрушивали на них замечания вроде: «Какой же ты глупенький!» Я сказала ему: «Смотри внимательно. Сейчас отец покажет фильм сначала». И меня удивило его бегство, которое для него оказалось спасительной реакцией: он ушел играть к себе в комнату и тут же обрел душевное равновесие. Для него этот опыт — посмотреть

117

на летние каникулы спустя всего три месяца — не представлял никакого интереса. А позже, годам к шести, наоборот, он веселился, глядя на себя маленького. Гораздо охотнее дети рассматривают семейные фотографии.

В конечном счете, я не думаю, что в рамках опытов, которые организует взрослый, возможна реальная просьба, обращенная к ребенку. Но почему не предположить, что когда-нибудь начнет развиваться и такой тип исследований.

При изучении животного мира наблюдение за поведением ночных животных производится с помощью съемок в инфракрасных лучах. Наверняка у нейробиологов существует искушение использовать в будущем сходные методы для наблюдений над детьми.

Хотела бы я знать, что будет с такими детьми, которых исследуют на предмет поведения с точки зрения бихевиоризма*. Важно ведь не то, как ведет себя человек с точки зрения бихевиоризма, а то, что он при этом чувствует. Поведение регистрируется, но что ребенок чувствует? Камеры Монтанье, установленные в двух детских садах Безансона, не обнаружили ни того, что почувствовали дети, ни того возможного ущерба, который был им нанесен. Пожалуй, это интересно, это позволяет понять, как именно дети входят в разные привычные им состояния, позволяет увидеть, как можно на три минуты превратить обычного ребенка в аутиста или маньяка. Такой опыт доказывает хрупкость душевной организации ребенка в этом возрасте, даже бодрого и на первый взгляд уверенно чувствующего себя в обществе. Запах матери оказывается для него важнее, чем его собственная деятельность; у него есть интериоризированная² мать, которая позволяет ему устанавливать контакт с другими, но когда в процессе опыта его мать экстериоризируют в доступной для обоняния форме, более условной, чем осязательное или моторное восприятие, ее влияние оказывается

сильнее. Когда внезапно в общество, в котором он действует, проникает интимный запах его матери, он перестает быть одним из детей в группе, он превращается в младенца, принадлежащего матери.

• Бихевиоризм — направление психологии, рассматривающее поведение как набор реакций на стимулы (В. К.).

" Интериоризированная — существующая внутри субъекта. См.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. «Словарь ...». — М., 1996. С. 170.

118

А на примере того малыша, что выходит из пассивного состояния, оказавшись в атмосфере, которую создает материнский запах, становится очевидным, что он не приспосабливается к группе оттого, что недостаточно ощущает внутри себя безопасность, создаваемую связью с матерью.

Кажется, Монтанье был в восторге от того, что сам он расценил как объективное сотрудничество между экспериментальной психологией и психоанализом.

Уж если подобных экспериментов нельзя избежать, они могли бы по крайней мере послужить предметом обсуждения с психоаналитиками, со всеми, кто интересуется тем, что чувствует ребенок, и имеет гораздо более основательные представления об этом предмете.

Может быть... Но «ребенок» — это нечто несуществующее... Мы анализируем РЕБЕНКА, а между тем ни один ребенок не похож полностью на другого: ни внутренней жизнью, ни способом структурировать себя в зависимости от того, что он чувствует, воспринимает, и в зависимости от особенностей воспитывающих его взрослых. Детство отличается от взрослого возраста определенными особенностями — например, связанными с этапами развития нервной системы. Так, у детей необыкновенно богаты взаимодействия между нервной системой и окружающей средой, например, у них с фантастической скоростью происходит наращивание словаря. И потом, есть еще половая незрелость. Но если мы рассматриваем одни существа по отношению к другим, — следует говорить уже не о детях, а о таком-то индивидууме, которого по таким-то и таким-то Параметрам можно сравнить с таким-то индивидуумом раннего возраста, более старшего возраста и т. д.

Неудобства и опасности, которым подвергаются дети при исследованиях, не останавливают экспериментаторов. Все это вызывает большую тревогу, потому что подчинить этот процесс законам не представляется возможным. На худой конец можно объявить, что эти опыты, быть может, не слишком дорого обходятся наблюдаемым, и вред от них не перевешивает тех благосостояний, которые наука приносит человечеству. Но с другой стороны, поскольку эти исследования неизбежны, можно предвидеть, что они все равно будут развиваться с помощью новых технических средств... И так как игнорировать их невозможно, следует вырабатывать, с большими труд-

119

ностями, быть может, но все же вырабатывать и пропагандировать этический подход к этой проблеме. В соматической медицине клинические исследования тоже не обходятся без жертв. Возможны «ятрогенные» заболевания, бывают побочные эффекты и осложнения лечения, да и селекция также имеет место: почему одна группа раковых больных имеет право на новое лекарство, а другая — только на классическую химиотерапию? Потому что необходимо сравнить терапевтическую эффективность в обеих группах методами статистики. Здесь неизбежна социальная несправедливость. Но зато есть возможность извлечь из этого пользу для других больных. В экспериментальной психологии исследователи утверждают, что если некоторые из опытов и могут повредить детям или группе детей, над которыми проводятся наблюдения, то результаты пойдут на пользу всем будущим детям. Как доказать обратное? По каким критериям судить заранее, что такой-то, чреватый ущербом опыт, не столь уж необходим или даже вовсе бесполезен? Как бы то ни было, не все можно оправдать присущей человеческому уму любознательностью.

Послушайте, господа психологи, много ли говорит о реальном человеческом существе то внешнее, что доступно наблюдению? Изучить гормоны испытуемого, сколько бы ему ни было лет, — это значит принять часть за целое. Если некоторые из этих гормонов оказываются в дефиците, это еще не свидетельствует о том, что помочь ему обрести настоящее равновесие возможно только путем компенсации этой нехватки. Потому что именно психические связи одних людей с другими придают им смысл жизни. Предположим, что кому-либо, чьи связи с другими обрублены, прописана «правильная доза» гормонов. Назначая ему эту фармакотерапию, врач думает только о его физическом состоянии. Но ведь его болезнь — это сигнал. Этот сигнал уничтожают. Как теперь человек даст нам знать, что находится в состоянии безнадежного кризиса межличностных связей? Каждый пациент, каждая личность желает быть, существовать и хочет проявить эту интенциональность". Но если вся интенциональность создана, чтобы доставить «его величеству» побольше удовольствия, —

• Ятрогенные — возникающие как реакция на неправильно истолкованные больным *слова!* или поведение врача, прочитанную медицинскую литературу и т. п.

" Намерение, цель. (Интенциональность — смысловая направленность чувственно-воспринимающего и духовного познания, целесообразность. См.: Э. Гуссерль, *Об интенциональных переживаниях и их «содержаньях» II Проблемы онтологии в совр. бурж. философии*. Рига, 1988.)

это отрицание человеческой личности. Неужели впереди у нас — перспектива производить всяких альфа, бета и так далее? Разве мы строим «дивный новый мир»? Мы рискуем взять курс на чудовищный тоталитаризм, при котором Великий Компьютер будет навязывать каждому общие для всех нормы.

Успокаивая нас, экспериментаторы ссылаются на полную научность своих тестов. До сих пор, утверждают они, мы двигались наощупь, ориентировали молодежь, исходя из настроения воспитателей — произвольно и случайно, а отныне сможем куда более строго, куда более объективно составить картину способностей и возможностей каждого ребенка. Пробил час наук о нервной системе. И рост их могущества меня беспокоит. С точки зрения этих научных дисциплин, все центрируется на развитии интеллекта, — но ведь смысл интеллекту каждого человека придает сфера чувств. Интеллект не существует сам по себе. Физическое здоровье не существует само по себе. Все это вместе составляет человеческую личность и диктует в каждом случае свои отклонения.

Я опасаясь, что период, в который мы вступили после Пиаже, сулит опасный уклон в сторону чудовищного интеллектуализма. Науки о нервной системе чересчур ориентированы на объективность, что противоречит нашим усилиям, направленным на субъективизацию каждой личности: лучше было бы приложить усилия, чтобы поинтересоваться каждым ребенком, каковы бы ни были его любимые занятия, вместо того, чтобы слишком рано направлять его интересы в сторону школьных предметов одинаковых для всех. Тесты — дело нечистое. Они направлены на то, чтобы подтвердить то, в чем хотел бы убедиться учитель. Экспериментатор угождает сам себе. Пример — тест, который проводился в Соединенных Штатах. Тест? Вернее было бы назвать его «надувательством», которому подверглась сотня так называемых «детей с замедленным развитием»: пятьдесят из них были выбраны произвольно и составили группу тех, кто за два года должен был преодолеть отставание. Остальным пятидесяти не повезло:

тест заранее обрекал их представлять группу тех, кто за ближайшие два года не справится со своими проблемами. Эти пятьдесят также были выбраны наугад. Воспитатели способствовали успехам первых пятидесяти, потому что ученые на основании мифического теста

- Имеется в виду тотально техницизированное, начисто лишенное духовного начала общество будущего, представленное в сатирической антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1932) — в рус. пер. М.: Прогресс, 1990.

121

пришли к выводу, что эти пятьдесят расцветут в ближайшие два года пышным цветом. И отношение к этим пятидесяти со стороны воспитателей в самом деле способствовало их расцвету, потому что они гораздо больше интересовались этими детьми, чем другими пятьюдесятью, о которых было сказано: «А про этих неизвестно, когда они начнут прогрессировать, — во всяком случае не в ближайшие два года». Это нелепо. Правда, едва ли мы вправе утверждать, что эта психологическая хитрость принесла кому-либо вред. Кто может сказать, что успешно учиться с такого-то года по такой-то — полезно, а учиться плохо — вредно?

Появилась мода устанавливать кинокамеры где угодно, чтобы снимать все как есть. Навязывать детям съемки — это неконтролируемые и безответственные действия, поскольку мы не знаем всех результатов воздействия аудиовизуальных средств на более или менее хрупкие существа, какими являются дети.

Меня пригласили на «Телевидение по четвергам» посмотреть отрывки из фильмов, в которых участвовали дети. В том числе были фильмы Годара*. Понятия не имею о политических убеждениях Годара, но его поведение с детьми возмутительно. Это сущее насилие. Он совершенно не понимает детей. Когда он задает детям вопросы, это садизм. Девятилетней, смысленной на вид девочке, он говорит:

«Ты уверена, что существуешь?» — Она отвечает: «Да.» — «А почему ты так уверена, что существуешь?» — «Не знаю.» — «Видишь, я тебя сейчас снимаю на пленку; потом другие люди увидят твое / изображение... А может быть, ты и есть только изображение? Когда ты смотришься в зеркало, что ты видишь? Сама себя или свое отражение?» — «Сама себя!» — «Но ведь это отражение!» — «Да, это мое отражение.» — «Так что же существует: твое отражение или ты?» — «Я. Потому что, если зеркало уберут, я все равно останусь.» — «А откуда ты знаешь?»

Ребенок, подвергаемый подобному допросу, — трагическое зрелище. А глупая и злая игра продолжается. Не без ожесточения экспериментатора.

* Жан Люк Годар (р. 1930), французский режиссер, сценарист, журналист. Один из наиболее значительных художников и теоретиков направления «новая волна». Дольго упоминаются короткометражные фильмы Годара, поставленные им в начале 50-х годов.

122

«Ты делаешь что-нибудь дома?... Например, стелишь постель? А кто ее стелит? Мама? Ах, консьержка, когда приходит помогать маме по хозяйству? А ты? А если бы никто не постелил тебе постель?» Ребенок разумно отвечает: «Ну, ничего! Я бы все равно легла спать. Если постель не постлана, какая разница?» — «Ну, раз ты ничего не делаешь, значит, ты — изображение.» Глупая игра с той же девочкой продолжается в

школе во время перемены. Девочка получила наказание; ей надо было пятьдесят раз написать:

«Я не должна шуметь в классе». Малышка знала, что ее будут снимать для кино, это должно было заставить ее стесняться других детей. И ей пришлось стерпеть приготовления, пока тянули провода, устанавливали и испытывали свет; ее возбуждало ощущение, что все взгляды направлены на нее. А ее еще и учительница наказала. Наверное, она болтала с соседкой. «В классе нельзя шуметь.» И в наказание ее заставили написать эту фразу пятьдесят раз. А Годар тут как тут со своими вопросами, но она-то знает, что если не выполнит задание, то не пойдет и на следующую перемену. И как глупы учителя, которые заставляют это писать! Показали, как она пишет. Он заговорил с ней, и она перестала писать. Когда он покончил со своими идиотскими вопросами, она вновь принялась за задание. «Ты наказана?» — «Да, я разговаривала во время урока». — «Что ты пишешь?» — «Мне нужно пятьдесят раз написать:

"Я не должна разговаривать во время урока". Он поддразнивал ее. А зачем? «Ты любишь школу? Вот ты наказана. Все от тебя отвернулись.» Тут она ему возражает: «Вот уж нет». — «Но ты же не пошла на перемену.» — «Потому что мне надо выполнить задание.» — «Значит, учительница от тебя отвернулась?» — «Вот уж нет.» — «А что она сделала?» — «Ну, она хочет, чтобы я не разговаривала на уроках.» Девочка оправдывала идиотскую систему, но ей надо было выполнять задание, а он ей мешал под предлогом того, что хотел добиться от нее протеста. А она вовсе не хотела протестовать, она смирилась и с учительницей, и с этим дураком, который мешал ей писать; теперь у нее не будет и второй перемены.

Потом Годар снимает ее у нее дома. Он говорит: «Тебя раздражает, что я здесь?» А она отвечает: «Да нет... Мама предупредила...» (Мама сказала ей, что ее будут снимать). И слышно, как мать говорит: «Скорей раздевайся». Значит, она знала, что девочку снимают. Годар ее ругает: «Но только что ты не хотела показывать мне свою попку?» Сперва она спряталась, чтобы он ее не видел. Но

123

теперь он как будто сердится, что она не сопротивляется его вуайеризму.

Затем появилась табличка с надписью «ТЕМНО» большими буквами. «Что такое для тебя темнота?» — «Ну это ночь.» — «А что такое ночь?» — «Ну, это когда спят.» — «Но почему — когда спят? Спать можно и днем, при свете.» — «Да, но я закрываю глаза.» — «Тогда ты оказываешься в темноте?» — «Ну, если это не ночью, то нет.» — «Значит, когда ты спишь, внутри тебя темно?» — На это она не знала, что ответить. Как глупо: предельно идиотские вопросы интеллектуала-левака вроде бы пытаются создать что-то вроде сдвига, спровоцировать взаимное противодействие между двумя непересекающимися языками.

На этой стадии происходит уже не вуайеризм, а изнасилование. Использование аудиовизуальных средств извращено. Мы далеко ушли от «скрытой камеры», отвечающей старой мечте взрослого о наблюдениях над дикими зверями в их естественной обстановке. Далекое ушли и от «камеры-регистратора», от «правдивого кино». Другая мечта взрослых: детское кино, которое делают сами дети. Третья фантазия взрослых состоит в том, чтобы нацелить камеру-насильника на ребенка — объект для опыта. Годар словно заявляет с явным удовольствием: «Видите, я делаю фильм о детях, но не для детей, и при этом не позволяю себя провести. И вы тоже, мадам Дольто. Вы, зрительница, можете при желании увидеть именно то, что ускользает от камеры и от интервьюера». У него есть возможность иезуитских оправданий: ребенок располагает определенными способами защиты, он может возражать, привлекая на помощь здравый смысл, или уходить в молчание. Это правда. Несмотря на агрессивность интервьюера и вопреки въедливой камере ребенок ускользает. Но даже эти оправдания неприемлемы. Да, ускользает, — но на нем остаются отметины. Значит, эта игра небезобидна.

Годар принадлежит к тем, кто сакрализует камеру. Для него, считающего современную школьную систему более чем спорной (все эти наказания и проч.), вторгающаяся в школу камера представляется спасительной: она изгоняет злых духов, освобождает ребенка и родителей и общество взрослых, которые смотрят фильм и могут воочию убедиться в абсурдности этой системы.

' Придает священное значение.

124

В самом деле? А может быть, скорее в глупости кинематографиста с его фотографиями (простите — кино пленкой)?

Кроме того, я считаю, что родители, разрешившие проведение этого опыта, плохо справились с ролью родителей, с ролью взрослых воспитателей, чей долг — оберегать детей, и своих, и чужих.

Еще и поэтому я сказала Элен Вида, ведущей программы: «Меня раздражает, что вы показываете эти кадры широкому кругу зрителей как интересный документ. Если бы Годар был здесь, я бы ему сказала: "Вы насилуете детей без малейшей пользы для науки. В том, что вы тут вытворяете, нет ни малейшего научного интереса"».

Исследователи, изучающие взаимодействие между ребенком и его окружением, используют разные методы: одни работают в лаборатории, с группой детей, с камерой или без нее; другие, желая ставить опыты в как можно более чистом виде, предпочитают не собирать детей в группы, а наблюдать в

привычной среде. Например, на площадках для игр, или в школе, дома, или на каникулах... Короче, наблюдать их там, где они живут, а не пересаживать на почву лаборатории и не воспроизводить их жизнь в условиях студии. Словом, если собрать детей в студии, принести им туда кубики, предметы, которые им нужно узнать и т. д., то их игра подвергается полной фальсификации, а если их снимать на пленку в детском саду или дома, в привычной для них обстановке, то наблюдаемые индивидуумы ведут себя куда более спонтанно'.

Прежде всего, многое диктует техника — освещение, выбор кадра и т. д., ограниченность времени на просмотр, демонстрацию... К тому же, камнем преткновения остается фундаментальное методологическое препятствие: наблюдатель вносит изменения в происходящее самим фактом наблюдения, особенно в случае, когда один человек наблюдает другого. Дело вовсе не в том, чтобы узнать, нельзя ли свести до минимума долю субъективности наблюдателя, ее все равно невозможно сократить до требуемого уровня, даже если не переносить ребенка в непривычную среду, даже если избегать любой режиссуры, как пытается делать Годар.

Приведу в качестве примера фильм, который был снят в одной новой школе, где за младший, «детсадовский» класс отвечают сами

• См. travaux du Centre d'ethnologie sociale et de psychosociologie anime par Marie-Jose Chombart de Lauwe.

125

дети. Киношники целую неделю устанавливали камеры и тянули свои провода. Время от времени они притворялись, будто что-то снимают. Предполагалось, что постепенно дети забудут об их присутствии. Учителя рассказали мне об удивительных реакциях одной девочки, которая, в общем, отставала в развитии от других детей. В этой школе дети имеют возможность выбирать: «Я буду заниматься растениями» или «Я буду ухаживать за морскими свинками» и т. д. У каждого своя программа, свои задания на неделю, за которые он отвечает. И вот всю неделю, пока шли съемки, эта девочка была заводилой для целого класса, а те ученики, которые прежде были лидерами и активнее всего участвовали в уроках, вели себя аморфно. А надо сказать, что родители принарядили своих детей. Они были причесаны и одеты не так, как обычно. Девочку, которая оказалась звездой киносъемок, собственноручно причесала ее мама, чего раньше никогда не делала. Зная, что предстоит зрелище, мать занялась дочкой. Возможно, не больше, чем мамы других детей, но больше, чем до сих пор. Вот эта девочка и предстала перед зрителями как самая оживленная, самая понятливая из детей. Учительница подтвердила: «На другой день, когда ушли киношники, она опять перестала участвовать в уроках». Она, как Золушка, преобразилась только на время праздника. Но ради кого? Может быть, ей понравился кто-то из операторов, и она оживилась ради него? Мы не знаем и никогда не узнаем, что произошло. Но потом она вернулась к своей роли классного «паразита». И другие тоже вернулись к обычному поведению. Что это означает? Из фильма нам этого не понять — осталась полная неясность. Изумленные учителя и сами ничего не поняли.

Хорошо было бы, если бы в таких опытах не ставили на этом точку, а снимали бы еще и реакции детей, родителей и учителей после просмотра фильма. Делались интересные попытки в исследовательской службе бывшего O.R.T.F." Снимали человека или группу людей, а через шесть месяцев давали им просмотреть отснятый материал. Пьер Шеффер, возглавлявший эту службу, согласился, чтобы его дочь, профессиональный кинематографист, записала передачу, в ходе которой были бы сопоставлены традиционная и новая школа. Меня пригласили на круглый стол с учителями обоих наблюдавшихся классов и инспекторами из академии, имевшими отношение к эксперименту. Дискуссия была записана и также должна была войти

• O.R.T.F. — Управление французского радиовещания и телевидения.

126

в передачу. К сожалению, этот очень интересный фильм так никогда и не вышел на экраны, его демонстрации почему-то воспротивился Пьер Шеффер.

Ясно одно: вторжение кинокамеры не проходит бесследно для жизни тех, кого снимают. До какой же степени это должно влиять на ребенка! Причем мы об этом можем ничего и не знать. Тем более необходим крайне осторожный подход. И вместо того чтобы обращаться с заинтересованными лицами, как с подопытными кроликами, не лучше ли с ними посоветоваться? Когда ставят педагогические эксперименты, не спрашивают мнения детей, — но ведь просят же разрешения у больного и у его близких перед клиническим опытом! В больнице не станут испытывать новое лекарство без предварительного согласия пациентов. А кому придет в голову спрашивать учеников, когда в каком-нибудь классе испытывают реформу обучения, а в другом продолжают заниматься по старой методе, чтобы затем сравнить результаты? Если попытаться наметить базу для этики педагогических экспериментов, помимо предварительного получения согласия самих детей, следует помнить и о совместном просмотре отснятого фильма. Исследователь и режиссер должны были бы серьезно задуматься над смыслом и радиусом действия их эксперимента. Если детям была нанесена травма, то полагаю, что, позволив им увидеть себя через какое-то время, можно обезвредить, компенсировать последствия шока. К сожалению, этого не делают.

Остается научная ценность экспериментов. Какова же польза науке от записанных детских разговоров?

Она в высшей степени сомнительна, так как с самого начала эксперимента все фальсифицируется. Как можно обеспечить постоянные условия эксперимента, подобно тому как это делается в физике и химии с температурой? Возможно ли то же самое в экспериментальной психологии? Исследователи из Национального центра научных исследований публикуют диаграммы, графики. Все это выглядит очень внушительно. Методология разработана тщательнейшим образом. Но к каким выводам на самом деле можно прийти на основании всех этих данных, полученных в результате исследования зависимости поведения от социокультурной среды, возраста и пола близких, которые занимаются ребенком, мобильности семьи (оседлая или кочевая)? Выявляются константы этих зависимостей: такое-то поведение связано с такими-то факторами, а именно, с прочностью семьи, присутствием или отсутствием в ней отца... Наконец, обнаруживаются статистические закономерности. И как правило, они не несут с собой ничего неожиданного. Может

127

быть, именно это меня и настораживает. Потому что, если бы обнаруживались парадоксы, то для исследователей, возможно, это было бы шагом вперед, они бы задумались: «Стоп, здесь мы столкнулись с неожиданностью, с чем-то непонятным». Но результаты исследований, проводимых социопсихологами, всегда подтверждают то, что подсказывает здравый смысл, или работу психоаналитиков, занимающихся индивидуальным лечением. Сколько пишется диссертаций, сколько выполняется лабораторных работ, чтобы доказать то, что и так все знают! Гора рождает мышь.

Психологи больше любят изучать влияние так называемой неблагоприятной среды, чем привилегированной. Похоже, необычайно трудно изучить с научной точки зрения то специфическое, что содержит в себе состояние детства. Всегда кажется, что это более осуществимо в экстремальной ситуации, которая угрожает свободе, физической и моральной целостности ребенка, когда он живет в крайней бедности или подвергается жестокому обращению. Чем больше мы обращаемся к западным привилегированным слоям, где ребенок на первый взгляд обеспечен и получает все необходимое, тем труднее понимать заторможенность, отклонения от нормы, срывы. Можно заснять реакции ребенка, потребности которого явно не удовлетворены, но все, что относится к желаниям, невозможно запечатлеть на пленке.

В области наблюдаемого, психоанализ — в Центрах гигиены сознания — может пойти куда дальше, чем экспериментальная психология. Это единственный метод работы, который с уважением относится к ребенку-объекту, рассматривая его и в его среде, какова бы она ни была, и как самостоятельную личность. Только психоанализ позволяет войти в настоящий контакт, включающий в себя поиск общения, которое психоаналитик стремится установить с ребенком» какого бы тот ни был возраста, каковы бы ни были его экономическое, наложение и условия семейной и эмоциональной жизни.

«Ребенок с большой буквы» не существует: существует личность, переживающая пору своего детства, личность, которая, по сути, уже есть то, чем будет всегда. Вот я иногда вижу взрослых, которых видела еще трехлетними детьми — они приходят меня навестить. Не так давно мне нанесла визит одна женщина: «Вы меня помните? Я приходила к вам, когда мне было три года, встреча с вами была для меня необыкновенной удачей!» — «Что вам запомнилось?» — «Ну, помню, я нарисовала по вашей просьбе картинку, а вы, глядя на эту картинку, сказали: "Но когда ты засыпаешь, ты же в это время думаешь!", — а я ответила: "Конечно, я думаю" — и посмотрел

128

на маму». Ей запомнился этот момент. Потом она добавила: «Тогда я себе сказала: "Я имею право думать и про папу тоже". Это было озарение, оно полностью переменяло мою жизнь». У меня сохранилась запись той консультации: девочка никогда не говорила о своем отце (с которым ее мать развелась, когда она была грудным младенцем).

В процессе психоанализа можно выявить воспоминания о том, что было задолго до трех и даже до двух лет. Что не высказано, не выражено, о том не может узнать «наблюдатель»; невыразимое, то, что важнее всего во время беседы, недоступно его влиянию. Это так же, как в разговоре двух людей.

ДОБРО И ЗЛО: ИЛЛЮЗИИ МАНИПУЛЯТОРОВ

Игра идеологий, и переживших пик популярности, и уже развенчанных, впечатывает в сознание людей бредовые идеи, в том числе и в области медицины и гигиены: все хорошо или все плохо. Например, о родах без боли некоторые говорят: «Нет, об этом не может быть и речи!», а другие: «Только так и никак иначе!» — и тащат отца присутствовать при родах, невзирая даже на его чрезмерную впечатлительность. От этих «единственно верных» рецептов надо избавляться, как и от самих подобных идеологий.

То же самое с так называемым новым воспитанием, которому также не чужды иллюзии. Педагогические эксперименты всегда основываются на полярных противоположностях. В общем-то, каждый раз берут две группы детей и объявляют: поскольку нам неизвестно, куда мы идем, поместим группу в условия полной вседозволенности, а вторую будем воспитывать розгой, как иезуиты.

Психологи изучают внешнее поведение, забывая о том, что человек необыкновенно сложно организован психически, бессознательное в нем тесно связано с эмоциональным, и эту психическую организацию невозможно высказать словами, ее истинное устройство непознаваемо для другого человека. Внешнее поведение ничего не говорит об исследуемой личности и о том, какие чувства она испытывает.

К тому же возникают опасения, что нынешнее изобилие книг, энциклопедий и сборников советов по воспитанию наталкивает современных родителей на соблюдение всевозможных норм и правил. Вернее было бы сказать — чудодейственных рецептов. Такое пси-

129

хологическое воздействие также не свободно от иллюзии: ведь предлагаемые системы воспитания полностью противоречат одна другой; молодых родителей не учат приравниваться, интерпретировать, прислушиваться к своей интуиции: вы сами родили вашего ребенка, он ваш, и поскольку вы — это вы, будьте правдивы, скажите ему словами то, что вы чувствуете, — больше всего ребенок нуждается в вашей искренности. Сам современный язык становится все более понятийным, абстрактным. Может быть, это и есть гибель цивилизации.

Что если регресс космоса, о котором толкуют физики, сопровождается регрессом человеческой психики? Или вырождение психики — это вывод из мнимого наблюдения, не реальность, а всего лишь проекция?

Иллюзии на темы добра и зла проявляются даже у лучших эссеистов. Следует уточнить выводы Элизабет Бадентер' о том, что в XVII веке не существовало материнской заботы. Вопреки модным ныне рассуждениям, отношение к детям не было столь жестким.

Письменные свидетельства доказывают, что многие горожане и горожанки окружали своих детей непомерной заботой, вполне сравнимой с сегодняшней, и с теми же недостатками (чрезмерное обожание, проекция взрослого, уподобление игрушке), и задавались теми же вопросами: есть ли у ребенка душа? А если есть, следует ли ее формировать?

Ариес демонстрирует более тонкий подход, чем Э. Бадентер, различая «чувство детства» и «привязанность к ребенку» (см. цит. соч., стр. 117 и 313). Но утверждение, что материнское чувство возникло лишь в XIX веке, было бы чрезмерной схематизацией. Исторически это неверно: разумеется, можно объявить нетипичными многие известные нам проявления такого чувства в прежние времена, но сегодня в нашем обществе тоже легко отыскать сколько угодно примеров, идущих вразрез с современной модой, согласно которой ребенок — это центр; легко доказать, что немало людей обращаются со своими детьми, как в средние века или в XVII веке (например, в Движении за освобождение женщин раздаются голоса, требующие, чтобы отказ женщины от материнства после рождения ребенка рассматривался не как бесчеловечный и безответственный поступок,

'L'Amour en plus, Elisabeth Badinter, Flammanon.

130

а как ее естественное право). Так что приходится уточнить наши представления: получается, что отношение взрослых к детям практически то же, и фундаментальных изменений не произошло.

И все-таки одно большое различие имеется: в средние века и в XVII веке всех детей вскармливали грудным молоком — не важно, кормила ребенка мать или другая женщина, — без этого он умирал. Грудное вскармливание продолжалось до тех пор, пока у женщины было молоко, и не подчинялось руководству постороннего мужчины: ученого, специалиста, который бы говорил: «Это плохо, вы допускаете ошибку, если кормите вашего ребенка свыше четырех месяцев» (сейчас, например, говорят именно так). В наши дни медики запрещают женщине кормить ребенка по своему усмотрению, а если она сопротивляется, то ей, так и быть, разрешают продлить кормление грудью месяцев до шести-семи.

Уточним: наши исследования считаются с ребенком, а не с родителями.

До сих пор изучали главным образом отношения взрослых к детям, причем главным образом для того, чтобы лучше представлять себе общество данной эпохи. В то же время, если учитывать исключительно ребенка, его интересы, его шансы на структурирование, то убеждаешься, что в XVII веке материнский образ, в сущности, обретал глубину и четкость для ребенка, как только у него появлялась кормилица, у которой, в свою очередь были отношения с другим взрослым (ее мужем) и другими детьми. Наши дни по сравнению с XVII веком кажутся, пожалуй, регрессом, поскольку исчезли кормилицы. Пришла механизация. Женщина, которая кормит ребенка, механизирована в том смысле, что обязана в два с половиной месяца давать ему мясной отвар; питание анонимно и нейтрализовано во имя Науки. А Наука рассматривает ребенка скорее как подопытное животное, чем как чувствующее существо; она не пытается понять, какие чувства он выражает. Ей кажется невероятным, что у ребенка могут быть свои соображения по этому поводу.

Благодаря современным исследованиям наша эпоха по сравнению с предшествующими оказалась в привилегированном положении: наконец-то стало возможным уделить вопросам детства центральное место. Все это, разумеется, относительно. Размышляя над опытом прошлого, задаешься вопросом, не обернется ли

это против ребенка и его истинных интересов, не проиграет ли он на этом. Мы без

131

конца твердим: «Наконец-то мы, современные люди, отвели ребенку подобающее ему место, мы начинаем уважать его права, мы начинаем открывать ему пространство...» — а тем временем перевозим ребенка с места на место, как пакет, и окружаем новыми запретами, стесняющими его больше, чем границы территории, которая была в его распоряжении в деревенской Франции. В своей заботе о ребенке мы, пожалуй, рассматриваем его как объект опыта по промышленному разведению детей, и из того, что наука о ребенке становится все многословнее (уже насчитывается тридцать шесть методик изучения младенца с первых дней жизни), отнюдь не следует, что его стали больше уважать как личность.

В сущности, что это дает ему самому? Даже если мы завесим все стены в городе изображениями малышей с выраженными половыми признаками, едва ли это будет шагом вперед в борьбе за права ребенка.

Полезно сбросить с себя это современное самодовольство, выражающееся в словах: «Никогда прежде ради детей не делалось так много, как в наши дни; если в предыдущие века ребенок был жертвой обскурантизма, то теперь перед ним открывается прекрасная перспектива». Современная наука скорее не проясняет, а еще больше запутывает положение. Поэтому нам приходится быть куда уклончивее и осторожнее в оценках, чем при рассмотрении положения ребенка в предыдущие века. В сущности, мы сталкиваемся с теми же противоречиями.

XIX и первая половина XX века ограничили пространство ребенка;

произошел окончательный разрыв со средневековьем, которое больше благоприятствовало воспитанию независимости в ребенке. Тогда он, чувствуя себя в безопасности, поддерживал социальные связи со всеми, с кем общалась его кормилица, — она была для него не только кормилицей, но и наставницей в общении с людьми; среда благоприятствовала развитию его личности.

НОБЕЛЕВСКАЯ СПЕРМА

В Соединенных Штатах существует банк спермы американцев-лауреатов Нобелевской премии. Какая-нибудь миссис Блейк после искусственного оплодотворения может родить ребенка, чей отец — знаменитый математик. Какая судьба ждет этого ребенка, зачатого

132

не без учета того, что за ним будут следить, наблюдать и тестировать так, словно он изначально обязан соответствовать ожиданиям экспериментаторов?

Окружение ждет и даже требует, чтобы он демонстрировал высокие для своей возрастной группы показатели. Но восприимчивый человеческий интеллект именно поэтому может вообще не проявить никаких достижений. А если этот нобелевский ребенок не выкажет никаких исключительных возможностей — хотя не исключено, что он вырастет в очень интеллектуального взрослого человека, — ему придется нелегко в жизни, потому что с самого рождения все ждали от него проявлений сверходаренности. Может быть, ему придется перенести неудачу опыта — неудачу с точки зрения наблюдателей, — а взрослые тяжело переживают такие неудачи. Сейчас мы ничего больше не можем сказать по этому поводу. Подождем. Чтобы понять, представляет ли этот опыт интерес, следует дождаться его результатов. До тех пор — любые дискуссии — не более чем сотрясение воздуха. Мы знаем, что в процессе воспитания отношения с родителями-воспитателями играют огромную роль: возможно, что ребенок будет воспринимать себя таким же взрослым, как его опекуны. А значит, в случае искусственного оплодотворения наш маленький Блейк считает себя таким же взрослым, как отец, которого ему предлагают в качестве образца. Однако, ребенку нет дела до того, что отец — математик; для него отец важен как носитель жизненной энергии или энергии отрицания, которую он передает своему потомку. Но ведь нельзя утверждать, что быть математиком — это признак ума. Ум — это единство сердца, великодушия, стремления к аутентичности¹, заложенное в человеке с рождения. Нельзя сказать, что именно ум — характерная черта взрослого, желающего, чтобы жизнь его ребенка была повторением его собственной, — это всего лишь желание проецировать на него свою смерть. Через десять — двадцать лет мы увидим, что такое на самом деле «нобелевский ребенок». Как бы то ни было, это будет существо, выведенное в лабораторных условиях. Сегодня это для нас, конечно, звучит вызывающе. А завтра? Понятия не имею. Это Христос, предназначенный в жертву. А повернись дело иначе, это — лабораторная мышка. Но ведь он мог и не родиться. Никто не заставлял Христа родиться и жить на свете. Он сам выбрал эту судьбу, послужив, быть может, всем людям

• Подлинности, равнозначности самому себе (В. К.).

133

на земле. Мы не знаем. Меня же поражают законные мать и отец, соглашающиеся на такой опыт. Какая, должно быть, между ними пустота, какие ненастоящие отношения, если им требуется только высокоинтеллектуальный ребенок, словно без этой его «математической шишки» совместное существование

сделалось бы для них невыносимым! В генетическом плане этот ребенок не является потомком тех, кто его воспитывает. Так почему они его воспитывают? Из любопытства? Или из великодушия, на благо человечества? Кто его родители — Богородица и святой Иосиф? Или они просто жаждут выставить напоказ интеллектуального уродца? Воображаю себе женщину, которая кормит из рожка такого младенца, а все ее подруга присутствуют при этой трапезе принца: «Надо же, нобелевский ребенок! А что говорит о нем твой муж? А что ты испытываешь, протягивая рожок Эйнштейну?» Люди забывают, что Эйнштейн был посредственным учеником. К тому же, они хотят такого ребенка, который был бы умницей с момента рождения. Но ведь ум может развиться гораздо позже и проявиться в самых неожиданных признаках, до поры до времени скрываемых под маской слабоумия. Эйнштейн был отстающим учеником, неразговорчивым, сонным; родители любили его и таким, не зная о его интеллекте, и смирились с тем, что он не сумеет сдать экзамены. Он был «бедный малыш, из которого никогда ничего не получится». И может был», именно это стимулировало его ум. Кто знает? Если бы Эйнштейн был ребенком, чью гениальность признавали бы с самого детства, может быть, он никогда не стал бы Эйнштейном. В любом случае, в этом опыте участвуют определенный этнос, определенная и неповторимая группа. Но как эти искусственные отец и мать относятся в глубине души к своим собственным родителям и к этому существу, происходящему от других, неизвестных им предков? Неизвестно даже, были ли в родне его донора инфантильные женщины, мужчины-садисты. Разумеется, ребенку именно с такой Наследственностью будет легче развиваться в семье воспитателей, не имеющих особых наследственных невротических склонностей. Но об этом нам неизвестно. И Нобелевская премия тут бессильна.

Глава б

ГОЛОВА БЕЗ НОГ

КОМПЬЮТЕР НА СЛУЖБЕ У РЕБЕНКА?

Если тело ребенка в наши дни не может выражать себя с той же полнотой, что раньше — для этого оно слишком замкнуто и несвободно, — то разум может обрести свободу и создавать целые миры, играя с компьютером. Ведь в распоряжение детей поступила телеинформатика!

Она представляет для детей положительное начало в том смысле, что никакой человек не командует ими и ничего им не навязывает. Кроме того, они чувствуют, как их ум, в особенности логическое мышление, становится таким же острым, как у взрослых. Однако бесспорно и то, что из этих игр совершенно исключена сфера человеческих привязанностей, а удовольствие от них — это удовольствие, возбуждаемое суиубо умственной деятельностью; чувства здесь ни при чем — ты или прав или неправ. И если неправ, то это значит, что ты допустил логическую ошибку. Однако на самом деле речь вовсе не о твоей правоте — все дело в логике, которая сама по себе является только средством... Но чему служит это средство?

Электронные игры изолируют детей, хотя несколько приятелей и могут собраться вокруг одного автомата. На какое-то время дети группируются вокруг него и по очереди один за другим «ловят кайф» на виду у остальных. Стучат по машине, чтобы выпали монетки, передают друг другу жетоны. Во время электронной игры человек уединяется, как для телефонного разговора, но собеседник рассудочен и анонимен, у него нет ни лица, ни сердца. Ребенок находится на тренажере, он ведет космическую войну, как космонавт в кабине корабля.

В одной популярной у детей игре имитируется голос собеседника: в ответ на удачный ход голос робота произносит: «Ты молодец». Сторонники этих забав возражают опасующимся за эмоциональный мир ребенка психологам: «Но тут как раз происходит диалог, в

135

который не вмешиваются родители; это дает ребенку веру в себя и в свою сообразительность. В ту сообразительность, которая обусловлена логическим мышлением».

Педагоги настаивают, что синтетический голос обучающей машины никогда не заменит ученику речевых отношений с учителем. Если преподаватель довольствуется тем, что навязывает ученику знания и поведение, если он не будит пытливого и не воодушевляет ребенка, тогда его обязанности по раздаче знаний вполне может выполнять компьютер. Этот заместитель, по крайней мере, не злоупотребит властью над детьми и не допустит садизма в своем отношении к ним.

Ностальгия по старым играм-конструкторам подсказывает, что телеинформатика препятствует развитию воображения у ребенка. Миниатюрные модели с дистанционным управлением, очаровательные муляжи инструментов современного мира, якобы мешают ребенку мечтать. Так ли это? Говорят, что игрушки с дистанционным управлением очень полезны для развития пространственной ориентации: вправо, влево, вперед, назад...

Я думаю, что нежелание замечать в своей эпохе динамику и те изменения, на поиски которых' толкает нас развитие техники — наш недостаток. В конце концов, меняется оформление жизни, а значит, меняется и ее

ритм, и ее пространство. Не следует ли больше доверять человеку как таковому, чтобы лучше приспособиться к жизни, и за совершенно различными формами обнаружить одни и те же функции или нечто, заменяющее эти функции, которые человек все равно не мог бы выполнять так, как его предки. Ему удастся защитить и реализовать себя другими средствами.

То, что «теперь всё не так, как раньше», вовсе не обязательно означает регресс. «Новые» отстаивают новые формы, которые позволяют современному человеку вести диалог на равных с человеком древности, в то время как «древние», напротив, склонны к ностальгии и не видят ничего положительного, созидательного в трудах потомков'. Они оплакивают прошлое, представляя его в виде золотого

* Здесь — намек на спор «древних» и «новых»: дискуссию об отношении к античному наследию, имевшую место во Франции на рубеже XVII и XVIII веков. — Прим. пер.

136

века и, между прочим, забывая, что в этом прошлом существовали принуждение и фрустрации другого порядка, но столь же пагубные, как в наши дни. Тот же самый спор «древних» и «новых» завязался вокруг игрушек. Нынешние дети пренебрежительно относятся к пластмассовым игрушкам; это для них не более чем муляжи: они ломают их без малейшего огорчения, а между тем их родители немало горевали в свое время, лишаясь своих — деревянных или металлических.

Любимыми игрушками были те, с которыми ребенок себя отождествлял, и если они ломались или пропадали, для него это было все равно что потеря друга. Электронная игрушка — это не друг, а инструмент. Мы это уже видели на примере кукол, которые говорят и делают пи-пи: чем больше функций заложено в какой-нибудь предмет, тем меньше будет его любить ребенок, потому что он не может проецировать на этот предмет свою эмоциональную жизнь;

здесь функциональная жизнь, а не эмоциональная. Кукла, по приказу повторяющая то, что записано на магнитной ленте, и ничего более, — существо однообразное, это не человек, который изо дня в день создает свои чувства и мысли. Вместо того, чтобы поощрять межличностные отношения, подобные игрушки будут способствовать поведению, обусловленному рефлексам, — по существу, животному.

ИГРЫ ДЕТЕЙ И ИГРЫ ВЗРОСЛЫХ

Иногда — но не всегда, игры детей представляют собой искаженную имитацию игр взрослых. Например, игра мальчиков в мяч — это остатки той игры в мяч, которой в старину увлекались молодые люди и солдаты. Однако шарики, «прыгай, барашек», игра в медведя (сегодня почти исчезнувшая, а в лицейские годы в Нице она стояла мне множества шишек), догонялки и т. д. — это специфические детские игры. А жмурки, гармонирующие с современными нравами, существовали еще в XVIII веке как игра для взрослых, что подтверждается множеством гравюр... Трещотки, которые наши мальчишки покупают на ярмарке и трещат ими круглый год, происходят по прямой линии от тех трещоток, которые полагалось вращать только во время церковной службы в среду,

» Фрустрация — состояние, при котором субъекту отказывают или сам он отказывается от удовлетворения своих влечений.

137

четверг и пятницу на Страстной неделе и которые должны были изображать архаичные колокола наших церквей; ведь в первые века христианства на церквях не было колоколов, и верующие собирались к богослужению на звук трещоток, подчас огромных — такой обычай еще сохранился кое-где на Востоке. Точно так же и куклы наших девочек первоначально были изображениями различных божеств; в Марокко до сих пор есть куклы, символизирующие Дождь, их торжественно носят по полям во время засухи. В былые времена это были переносные священные статуэтки, которые довольно поздно утратили это свое значение в Европе, всего каких-нибудь три-четыре века тому назад, и превратились в распространенные игрушки для девочек. Впрочем, девочки во все времена делали себе «пупсиков», потому что игра в маму — биологически заложенное детское упражнение, точно так же как тросточка изображает лошадь и служит таким упражнением для мальчиков всего мира.

Самоочевидно, что игры детей и подростков — подготовительные упражнения, то есть тренировка деятельности, практически или физиологически полезной по достижении зрелости, — однако это стало ясно сравнительно недавно; в наши дни появился избыток игр — подчас современные игры и спортивные упражнения переутомляют и ослабляют играющих.

АРНОЛЬД ВАН ГЕННЕП *Народные обычаи и поверья Франции (Зеленый путь)*

Рассмотрим отношения детей к плюшевым игрушкам. Дети подолгу берегут какого-нибудь плюшевого зверька, чтобы сохранить в себе что-то от своего раннего детства, что-то мягкое и ласкающее на ощупь, с чем они находились в тех же отношениях любви и нежности, какие связывали их в свое время с кем-либо из взрослых. Некоторые дети спят с такой игрушкой лет до пятнадцати. До какого возраста дети компьютерной эпохи будут сохранять потребность обнимать плюшевого мишку? Можно ли компьютер любить, как друга? Не думаю. Компьютер — раб, который может сломаться. Тогда его заменят другим, но зачем его любить?

Можно ли питать к нему нежность?

Тот, кто играет с компьютером в шахматы, находится один на один с машиной, будучи лишен малейшего чувства привязанности, заложенного в человеческом соперничестве: «Ты меня победил, а я тебя... Как он долго думает... Что он будет делать?» Я целыми

138

вечерами играла одну и ту же партию в шахматы с отцом, и в этом был элемент человеческого соперничества.

Как-то отец сказал: «Мне бы хотелось поиграть в шахматы. Кто со мной сыграет?» И мы начали с ним играть, оба то и дело заглядывая в учебник. Сперва мы были более или менее на равных; но потом он стал ходить тренироваться к приятелям по клубу, и в следующие два-три дня он меня побеждал; а потом я опять с ним сравнялась; а потом начала его побеждать, и он вернулся к своим приятелям из Политехнического. Нас обоих очень забавляли эти перемены в соотношении сил. Но поскольку он совершенствовался в шахматах благодаря своим друзьям, которые были серьезными математиками и ход мысли у них был очень сложный, ему требовалось много времени, и пока он думал над ходом, я читала. Сама я думала минуты две-три. И я без малейшего смущения могла заявить: «В конце концов, я читала и поэтому не могла заметить всех ловушек». Иногда вместо меня с отцом играла в шахматы мама, хотя она предпочитала карты.

Пока отец раздумывал, мама засыпала; ей было ничуть не интересно смотреть, как партнер размышляет (как и мне — потому-то я и читала). Но отец любил, чтобы партнер следил за его размышлениями. И в самом деле, некоторое время довольно занятно смотреть, как другой обдумывает ход, потому что начинаешь думать за него, как будто ты на его стороне; задаешь себе вопрос: «Ну-ка, что тут можно сделать?» Начинает казаться, что ты ухватил, сперва чисто интуитивно, ход мыслей партнера. Этот воображаемый союзник — союзник по Эдипову комплексу, каким, вероятно, был для меня мой отец — может быть и просто приятелем. Мою маму это не могло забавлять, потому что она и так была связана с отцом брачным союзом. Она шла играть в бридж с моими братьями, уступая мне место напротив отца. Думаю, что если бы к моим услугам был всегда безотказный партнер, — в случае электронных игр таким партнером теоретически оказывается машина — я бы не могла прогрессировать в контакте с игроком, который вначале играет посредственно, а потом все лучше и лучше, и не извела бы настоящего удовольствия от игры. Шахматы, эта неповторимая комбинационная игра, делается пустой и бесплодной, если отсутствуют симпатия к партнеру и радость от соперничества с его интеллектом. Отсутствует удовольствие сказать после партии: «Ага! Я тебя победил!» — «Да, но погоди, вот я потренируюсь с моим приятелем, и тебе еще достанется от меня!» Нас с отцом это очень забавляло. Он после

139

такой тренировки начинал играть намного сильнее. А потом и я начинала играть сильнее, потому что училась у него. Никакая машина не могла бы доставить мне столько радости.

С тех пор как в обиход самых маленьких детей вошли электронные игры, человек привыкает оставаться один на один с машиной, с автоматом, без общения с приятелями.

Опыт в его предельном виде.

''' У некоторых детей отцы работают на игрушечной фабрике и бесплатно получают для своих детей все новинки: игрушки, игры, приборы с дистанционным управлением, миниатюрные модели; у других отцы часто ездят в командировки и привозят им игрушки со всех концов света. Этим детям и их маленьким гостям нелегко выбрать что-либо из горы игрушек, скопившихся дома. Они могут брать, что хотят. Но что мы видим? Их игровые отношения скудны, а игры кончаются ссорой.

Ни между партнерами, ни между ребенком и игрушкой не устанавливаются связи. Им остается только ссориться или ломать игрушки, чтобы хоть что-нибудь делать. Это по крайней мере какое-то проявление их личности.

Знакомая всем картина: отец, играющий с электрическим поездом, который принес Дед Мороз, — ребенок, адресат подарка, еще слишком мал, чтобы собирать и заводить игрушку самостоятельно. Сегодня уже вышло из моды покупать такие игрушки, которые бы порадовали родителей. «Не вмешивайтесь, ребенок должен выбирать сам». В некоторых передовых магазинах очаровательные детки уже сами заказывают компьютеру игрушки. Считается, что для ребенка это полезно: он сам делает выбор. На самом деле, существует влияние рекламы, которая заставляет его выбрать именно то, а не иное; а бывает и так: в программу компьютера заложен не такой уж большой выбор, и ребенок может выбирать только то, что есть в программе. Разумеется, это не родительская программа... Но так диктует реклама.

В конечном счете не проигрывает ли ребенок? Да разве малыш в обиде, если мама и папа любят его игрушки? Если они играют с ним вместе, участвуют в его игре, говорят: «Посмотри на эту зверюшку, какая она смешная...» или вместе с ним разглядывают

140

книжки? Раньше мать читала ребенку книгу и советовала смотреть картинки, а ребенок задавал вопросы.

Теперь есть книжки-пластинки, ребенок может пользоваться ими самостоятельно. То, что теперь ребенок может управляться с ними сам, — хорошо: в его игру никто не вмешивается, его оставляют в покое. Но контактов становится куда меньше.

Зато появилось множество новых игр, рассчитанных на шесть, семь, восемь и больше игроков. Это стратегические игры, военные или экономические. И все они направлены на то, чтобы развивать прежде всего интеллект, наращивать коэффициент интеллектуальности.

На самом деле, я думаю, что такие игры рассчитаны на то, чтобы играть в школе. И в конце концов, единственным предметом, который будет преподаваться учителем, останется, наверное, родной язык.

Стратегические игры уже вводят в курс лицеев. В Версале ставились такие эксперименты: девочкам и мальчикам за компьютерами предлагалось участвовать в имитации реальных ситуаций, возникающих на предприятиях: переоборудование, покупка иностранной фирмой, публичная продажа акций данного предприятия, конкуренция, экспорт. Но эта стратегическая игра предлагалась уже достаточно взрослым детям. Не следует ли предложить ее и младшим?

Во всех этих играх недостает словаря общения между двумя участниками — двумя личностями. Они не более, чем инструменты. Интеллектуальность у людей повышается, — но сами они не осознают этого и лишены запаса слов, чтобы поддерживать разговор друг с другом.

В игрушках XIX и начала XX века (куклы, маскарадные костюмы) обнаруживается проекция всех готовых идей насчет моделей, которые следует привить детям (девочка, плачущая оттого, что ей сломали куклу, мальчик, мечтающий наряжаться солдатом, и т. д.). Соответствуют ли эти идеи бесспорным прототипам или просто навязывают детям какие-то идиотские образцы? Мы до сих пор безуспешно ломаем головы над опытом, который был поставлен в Швеции: набрали две группы — группу мальчиков и группу девочек, и дали им одинаковые наборы конструкторов; и вот девочки продемонстрировали отчетливое стремление строить города, а мальчики — те же города — разрушать.

141

Это совершенно очевидно. Я уже очень давно не была на пляже... А детьми мы всегда, обычно все вместе, ходили на пляж, где был мелкий песок. Было в высшей степени любопытно наблюдать игры, в которые увлеченно играли девочки и мальчики: девочки строили из песка корабли и, с помощью воображения, поселялись на них, словно собирались переплыть океан. А мальчики строили крепости, причем девочки им помогали. Всё это возводили из нанесенного приливом мокрого песка; перед следующим приливом мальчики разрушали всё, что строили, а девочки смотрели, как набегающие волны смывают их постройки. И никогда девочки не помогали мальчикам разрушать. Мальчики на несколько часов становились строителями, а затем самой увлекательной игрой на свете для них становилось разрушение построенного, а девочки смотрели на них и говорили: «А все-таки до чего жалко!» Можно было смотреть, как море постепенно подкапывается под замок, но мальчишки ждать не желали — они предпочитали играть в разрушителей. Хотя пока шло строительство, мальчишки возмущались, если кто-нибудь по неловкости опускал ногу на башню или на подъездную дорогу.

Среди мальчишек попадаются консерваторы, которые не любят разрушать то, что делают, но и они в конечном счете предпочитают активно разрушать, а не смотреть, как это делает море. Бывает, что и девочка разрушит сделанное соседкой, но никогда — то, что сделала она сама. Агрессивность относительна. Правда, на пляже моего детства заметно было, как повторяется поведение детей перед лицом разрушений, производимых природными силами. Ни одна из девочек не играла в разрушение, а для мальчиков разрушение было игрой: поскольку все равно прилив все смоеет, сделаем лучше это сами. Ну, а девочек такая игра ничуть не привлекала.

Когда я была маленькой, меня это поражало. Помню: мы тщательно отделяли в построенном домике кухню и гостиную, зная, что вскоре море выйдет из берегов; мы строили до самой последней минуты, а потом — бах! -- волна смывала дом, и мы наблюдали за природной катастрофой. А мальчики, видя, что море поднимается, сами разрушали свой замок — и море затопляло одни руины. Это очень любопытно.

Что мы замечаем, изучая историю войны и мира? Троянскую войну затеяли мужчины, а не женщины. Посмотрим на Ирландию: женщины из противоположных лагерей, приверженные противоположным идеологиям, объединились, чтобы положить конец войне... Мужчины этого никогда не делали. Женщины могут разжечь войну

142

ради мщения, но не для удовольствия, в то время как мужчины относятся к разрушению как к игре.

Электронная игрушка до сих пор еще роскошь. В этом смысле жаль, что она пока не прижилась в школах. Помню игру в энциклопедию с картинками — «Электровикторину». В нее входили фишки с контактами и таблицы с картинками, снабженные прорезями, которые накладывались на контакты. Это был тест на проверку знаний. Чтобы узнать, верный ли ответ, надо было соединить два контакта, и если ответ подходил, то раздавался звонок.

Вначале мне хотелось играть в эту игру, я думала: «Можно узнать много нового», и была очень довольна. После трех или четырех партий, когда я уже поняла, что звонок раздается всякий раз, когда соединяются два парных контакта, мне стало неинтересно. Ток все время один и тот же, я знала, что вот тому контакту соответствует вот этот — и в четвертый раз мне уже казалось бессмысленным накладывать таблицу на прибор: ответы уже были у меня в голове, ток включен... Думаю, что современные обучающие машины похожи на эту «Электровикторину».

В нашем распоряжении компьютеры с банком данных, хранящим содержимое энциклопедических словарей: скажем, возраст Эдисона к моменту изобретения фонографа, или: число жителей такого-то города. Я думаю, что сейчас люди скорее озабочены тем, чтобы научиться учиться, постичь методы работы и вооружиться инструментами, которые помогут четыре раза кряду получить разное образование на одной общей основе, усвоенной вначале. Приходит время ввести телеинформатику в программы государственной школы' изучать все эти компьютеры и программы. А пока мы еще забавляемся игрушками, потому что коммерция манипулирует именно игрушками. Мне хотелось бы, чтобы удалось осуществить великий проект внедрения компьютеров во все школы. Думаю, что это будет означать конец обучения, основанного только на зубрежке, заучивании, накоплении знаний, которые беспорядочно нахватывают школьники, не зная, как их потом применять. До самых последних лет молодые люди даже после окончания высшей школы оказывались брошены в активную жизнь, так и не научившись ни работать, ни учиться.

Глава 7

АРХАИЧНАЯ ТРЕВОГА.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ДЕТСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В заключительной сцене «Борьбы за огонь» мы видим пару, которая на заре человечества уходит от борьбы за самку и от животного совокупления и изобретает сексуальность лицом к лицу, глаза в глаза.

Эти два существа, уцелевшие при первой кастрации, в соитии открывают для себя символическое значение лица, которого они были лишены. Это откровение: вместо того, чтобы удовлетворять с другим человеком-животным инстинкты телесного низа — видеть лицо любимого партнера. Возбуждение-потребность-напряжение уступает желанию встречи. И с этого мига язык обретает связь с космосом и с «узнаванием», «признанием», совместно обретенным в единении тела сознанием ценности, чтимой другими людьми, ценности любви, тонкого обертона человеческого желания. Становится понятно, что этот новый опыт совсем иного порядка, чем тот, что позволяет избавиться от голода и холода благодаря огню, помогающему держать на расстоянии зверей, огню, который можно вновь разжечь, если он погас.

Можно предположить, что на этой стадии или в этом возрасте человечества начинаются фантазии, потому что в памяти остается образ другого человека — желанного, даже если сейчас он отсутствует. С этого момента начинает развиваться символический язык.

Я считаю, что фильм «Борьба за огонь» очень глубок и заслуживает самого серьезного научного обсуждения, хотя некоторые критики утверждают, что фильм дурацкий. Я-то думаю, что дураки те, кто так говорит. Они чересчур боятся того, что сидит у них внутри! Страх персонажей фильма — это и их страх.

• «Борьба за огонь» («Битва за огонь») — кинофильм (Франция / Канада), реж. Жан-Жак Анно, 1981.

144

«Борьба за огонь» срывает с нас покровы. Даже сейчас, когда мы вырвались из плена прежних представлений об опасности (таких как опасность умереть, не найти пищи), в нас еще живет первобытная тревога, шепчущая, что любой человек может оказаться 'нашим лютым врагом. Взять хотя бы колонку хроники в газетах. Не имея больше никаких причин угрожать друг другу, мы в наших подавляемых побуждениях продолжаем сохранять в себе эту опасную агрессивность. Отсюда необходимость сублимации этих побуждений в культуре — иначе мы вернемся к братоубийствам. Что и происходит в тоталитарных государствах, в «гулагах». При нацистах мы видели, как одна «порода» уничтожает другую. «Породой», подлежащей- уничтожению, были евреи, и так называемые арийцы их уничтожали. Пока призрак не заснет в каждом из нас, он бродит на свободе. И стоит только оправдать его право на существование, человек, ради пропитания, немедля позволит себе совершать деструктивные действия; евхаристия — является сублимацией'. Она показала нам, что посредством разрушения жизни, — искусного геноцида зерна, символизирующего материальность живых существ, и посредством трудолюбия каждого, кто изо дня в день занимается земледелием и выпечкой хлеба, мы приближаемся к Сыну Божьему, живущему в хлебе, который мы едим, в этой неизменно жертвенной пище, добытой ценой смерти, которую мы причиняем и которая нас питает. Так пусть же слова братской любви придают духовный смысл жизни, этому непрерывному массовому убийству, необходимому на нашей планете для выживания живых существ.

«Борьба за огонь» — это символическое детство человечества. Все дети начинают с агрессивности, все до

единого. Те, кто сохраняет эту агрессивность взрослыми — это люди, которые не нашли возможности сублимировать свои влечения к жестокости в созидательной и допускаемой обществом деятельности. Если пережить с ними их историю, начинаешь понимать, что произошло с ними в детстве. Очень часто эти агрессивные взрослые были «балованными детьми». Анализ обнаруживает, что мать беспощадно подавляла желания ребенка, чрезмерно удовлетворяя его потребности из опасения, что он

- Приобщение к Богу происходит посредством символического жертвоприношения (евхаристия). Энергия аффективных влечений преобразуется и переключается в этом психологическом процессе на иные (социальные, творческие, культурные) цели и объекты (сублимируется).

145

не перенесет отказа или попытается получить то, чего ему хочется, у других, то есть обойдется без нее. Такая тревога происходит от того, что либидо матери погружено в этот объект, вышедший из нее, вместо того чтобы остаться направленным на отношения с людьми ее возраста, взрослыми мужчинами и женщинами. Ребенок превратился для нее в фетиш; она, я осмелюсь так выразиться, мастурбирует, раздражая себе пупок, который олицетворяет ребенок.

Онанизм играет основополагающую роль в отношениях мать/дитя, отец/дитя, как, впрочем, и в отношениях между мужчиной и женщиной; в том, что называют «заниматься любовью», доля онанизма огромна; любовный акт, если смотреть на него как на разрядку возбуждения, локализованного в определенной части тела, — это онанизм вдвоем. Такая разрядка может достигаться и без помощи рук, с помощью предмета, который служит посредником между матерью и ребенком:

например, мы знаем маленьких дебилов, чья дебилность оказалась следствием тяжелой семейной ситуации, — они могут мастурбировать только с помощью подушки, и никогда руками; их руки вообще ни в чем не участвуют... Ведь мастурбация начинается с того, что руками касаются рта, берут в рот разные предметы, потом тянутся руками ко рту другого человека, к его анусу, к его ляжкам и т. д., собственным телом, его эрогенными зонами, этими частицами тела, последовательно стремятся к объектам переноса удовольствия ради удовольствия переживать его вдвоем с другим человеком. Но этот другой — часть тебя самого. В самом широком смысле, даже когда я просто говорю с человеком, мой собеседник оказывается частью меня... Свои уши, во всяком случае, я отдаю ему; а когда я умолкаю и говорит он — он отдает свои уши мне.

Когда мать, из-за своей тревоги, чрезмерным потаканием подавляет личный поиск удовольствий, предпринимаемый ребенком, которому слишком «дешево» достается насыщение потребностей, она тем самым дает толчок процессу развития агрессивности. Ребенок нуждается в ощущении безопасности. Напрасно мать воображает, что дает ему это ощущение, предоставляя ему все, что он, по ее мнению, хочет получить. На самом деле ребенок хочет, чтобы его защищал тот, кто побуждает его к постоянному прогрессу, кто говорит с ним о его желаниях, о том, что его интересует: «Ты смотришь на свет; свет гасят; видишь, свет погас; свет зажегся; это потому, что я нажимаю маленькую кнопку...» И можно дать малышу потрогать кнопку выключателя со словами: «Ты зажигаешь, ты гасишь» — тогда он понимает, что воспринял нечто новое. Он не вполне понимает,

М6

как это произошло, но мать научила его этому с помощью слов, и когда он заметит, что зажгли свет, когда увидит, что свет зажигается или гаснет, он, вместо того, чтобы приписывать это магии или материнскому всесилию, будет знать, что это произошло благодаря человеческим действиям.

Агрессивность многих людей, принадлежащих нашему этносу, становится понятна, когда мы узнаём, что отец и мать посредством вербализации не посвятили их в тот факт, что у истоков их существования лежит желание. Как 'правило, детям дают понять, что истоком их существования является функционирование тел, а не обусловленный желанием выбор, — тот выбор, который создает и жизнь вообще, и тайну их собственного бытия.

Каждое существо, даже если оно не было желанно для своих родителей, даже если его «не планировали», родилось потому, что оно желало родиться. И встречать его следует так: «Как бы то ни было, ты родился в силу бессознательного желания... и пускай твои родители не питали осознанного стремления, желания произвести тебя на свет, — тем более, та живешь потому, что желанен. Ты желанен уже потому, что в объятиях друг друга они о тебе не думали; твоё зачатие оказалось для них неожиданностью — и все-таки они дали тебе возможность появиться на свет». Это ребенок-желание:

он пожелал родиться, хотя его родители не знали, что он хотел появиться на свет, он всегда — желание, а часто — и любовь, облеченная в плоть. Таким образом, каждый человек — это воплощенное слово (именно то, что говорят про Иисуса Христа). И в самом деле, каждый человек в момент своего зачатия заслуживает этого определения.

Даже если он не был запланирован, все равно всегда остается вероятность, что его мать признает его своим и отождествится с ним. В любом случае, минимум три недели, если не один-два месяца, пока не

наступил срок очередных ее менструаций, он один, символ бессознательного желания обоих родителей, знал, что он живет. Желанные дети, которые были зачаты после долгого родительского ожидания, лишены этой жизненной силы, обретенной во время тайной жизни, о которой никто не подозревал, — ведь эти дети удовлетворяют желание своих родителей. Именно неожиданный ребенок, ребенок-сюрприз является прототипом человека, наиболее одаренного своей собственной витальной* энергией, потому что никто не страховал его у истоков его существования.

• Жизненной.

147

КРЕЩЕНИЕ ПО-КИТАЙСКИ

В Ланьчжоу каждому ребенку, когда отмечают первый месяц его жизни, дается в качестве покровителя изображение тигра. Кроме того, чтобы отпугивать угрожающих ребенку демонов, осторожные родители давали ему отталкивающие имена, такие как «дочь навоза», «мерзкое дитя» или просто «грязь». В наше время новые веяния вызвали к жизни не менее причудливые имена: сегодня в классе соседствуют «Служу народу», «Защищая Восток» и «Маленькая армия».

Иногда я думаю, что первобытный грех человечества состоял в поедании собственных младенцев; когда не было животных, которые могли бы послужить пропитанием, одержимые голодом родители могли решиться на то, чтобы есть своих детей... а современные дети могут чувствовать себя так, словно могут съесть свою мать или сами быть ею съедены.

И это тоже в нас существует. Наверно, эта символическая функция отражается и в нашем повседневном языке, когда мы говорим про человека: «аппетитный», «сдобный», «у меня на него зуб» и т. д., и во всяких психосоматических нарушениях.

Об этом свидетельствует миф. Для греков в этом была трагедия судьбы человека. Рок, причина несчастий общества. Открытие такой подосновы всей нашей психологической и созидательной динамики явилось значительным прогрессом. Мы живем в увлекательную эпоху.

Если люди в самом деле способны на полное уважение к самому малому среди них — а это и есть содержание той вести, которую принес нам безумец Христос, — если людям удастся признать такую же ценность за крохотным малышом, как за взрослым, который уже опирается на логику, это, я думаю, будет очень значимой революцией. Именно ребенок имеет доступ к тому, что обладает наибольшей ценностью в мире, но поскольку он мал и физически слаб, мы навязываем ему нашу силу, какую сильные всегда навязывают слабым. Революционная миссия XX века состоит в том, чтобы сказать:

не агрессивен самый хрупкий и слабый, безобиден тот, кто меньше всех, он таков, каков он есть, и он — прекрасней всех.

148

Следует призывать к тому, чтобы смотреть на этого маленького будущего человечка, находящегося в становлении, не с точки зрения его хрупкости или слабости, но с точки зрения того, что в нем есть нового, созидательного, динамичного и несущего новые знания не только о нем самом, но и обо всех, кто с ним соприкасается, обо всех, кто находится в состоянии роста или распада, здоровья или изнуряющей болезни. Новорожденный всему этому противостоит. В «Пособии в помощь детям трудных родителей»* сказано: «Дети — единственные, кто может что-то сделать для родителей, потому что они, дети, никогда не были взрослыми, и в этом их преимущество». Иначе говоря, взрослая жизнь еще не деформировала ребенка. К нему следует проявлять интерес, и не только потому, что он имеет право жить, но и потому, что он несет в себе гораздо больше, чем мы думаем, потому что ребенок — это любовь, это присутствие любви среди нас.

Ребенок — это ахиллесова пята взрослого: быть может, даже тот, кто на первый взгляд кажется самым сильным, боится этого правдивого существа, которое способно его обезоружить.

СТРАХ СМЕРТИ, СТРАХ ЖИЗНИ

Если присмотреться к разным типам сообществ, разным ритуалам ученичества и воспитательным методам, создается впечатление, что определенные типы общества (примером могут служить Шумерское царство, Египет времен фараонов, империи инков и ацтеков) выступают в роли уравновешивающей силы по отношению к невротическим действиям родителей. В то же время консерватизм, косность архаических обществ с их мощной иерархической системой показывают, что государство-отец, клан еще более смахивают на тюрьму, чем на семейный дом. По экономическим причинам или из страха перед приключениями, перед неизвестностью, каждое общество боится предоставлять молодым свободу, боится их нетерпения. А хочет ли общество на самом деле, чтобы условия существования детей в корне улучшились? За ребенком признают права. Борются с плохим питанием, наказывают — достаточно мягко — за жестокое

" Manuel л J'usage des enfants qui ont lies parents difficiles, Jeanne Van den Brouck, editions Jean-Pierre Delarge.

обращение, но это видимая часть айсберга. А как же все остальные дети, более или менее обеспеченные всем необходимым материально и организационно, — какие у них есть возможности для развития личности? В сущности, несмотря на все наши исследования и на все огромные лаборатории, которые этим занимаются, нельзя сказать, что имеется явный прогресс, идущий на пользу каждому ребенку. Отсюда возникает гипотеза о существовании своеобразного неосознанного коллективного отказа от перемен: общество боится присущей ребенку гениальности.

Не художественного гения, а гения сексуального, наделенного мощным желанием, мощным либидо. Дети больше выражают свою свободу, чем взрослые. Они препятствуют склерозу цивилизации или замедляют его. Подрастающее поколение — это сила, которая мешает взрослым чувствовать себя в мнимой безопасности и воспроизводить в отношениях между собой все время одни и те же жизненные клише. Особое зло нашей эпохи заключается в том, что техническая эволюция происходит чересчур быстро, а эволюция отношений между людьми приобрела как бы вторичный характер по отношению к успеху техники, которого взрослые обязаны добиваться... Где уж им тут охватить вниманием детей! И дети живут в неразберихе, что дает им огромную власть, не смягченную человечностью. Как часто мы сегодня видим детей, чьи вожелания, не очеловечены: эти дети лишены этики, которая помогла бы им самим стать созидателями, людьми, имеющими право думать, любить, управлять собой, проявлять инициативу... Латентная фаза плохо готовит их к той сублимации, которая имела бы ценность и пользу для группы, для сообщества и для них самих, то есть приносила бы самому ребенку удовольствие и радость, которые, может быть, и причинили бы неприятности его семье, но зато помогли бы ему выразить себя среди сверстников, заставили бы окружающих оценить его и позволили бы ему насладиться возможностью ярко проявить себя в современном ему обществе.

Величайшая драма человечества заключается в том, что в момент наивысшей креативности, наивысшей ясности мы поставлены в зависимость от взрослых. Физическая незрелость парадоксальным образом сопровождается поразительной природной гениальностью и чувствительностью.

150

МАТЕРИНСКИЕ ЗАБОТЫ КАК ИСТОЧНИК ВЕРТИКАЛЬНОСТИ ДВУНОГОГО

Если не иметь в виду инцеста, 99 процентов животных нисколько не заботятся о своем потомстве. Новейшая социобиология подкрепляет гипотезу эволюционистов, исходя из которой цель любого существующего вида — обеспечение преемственности своего генетического капитала. Итак, существуют две стратегии, чтобы этого добиться: 1) производить очень большое количество оплодотворенных яиц, не заботясь ни об одном из них; 2) производить, напротив, очень мало, но в каждое вкладывать много заботы. В области выращивания детей две наиболее крайних позиции воплощают человек и устрица: первый не щадит трудов, чтобы защитить свое хрупкое и подверженное всевозможным опасностям потомство, которое дорого ему обходится, и все надежды возлагает на своих одного-двух детей, тогда как моллюск мечет до 500 миллионов икринок в год и этим изобилием компенсирует полное отсутствие заботы. Но стратегия материнской заботы имеет свою обратную сторону: если детеныши рождаются редко и родителям стоит больших усилий их вырастить, гибель детеныша в результате стихийного бедствия или нападения хищника оборачивается катастрофой. Доля детской смертности должна быть тем меньше, чем больше времени длится родительская привязанность и забота. У того рода, в котором наиболее развита материнская забота, защита от опасности угасания состоит в том, чтобы развить в новорожденном способность к ученичеству и тем самым увеличить его возможность адаптироваться к враждебной среде, а значит, и его шансы на выживание. По мнению некоторых этологов*, например, профессора Лавджоя из Огайо (Соединенные Штаты), ходьба на двух ногах стала одним из ответов на проблему материнской заботы у первых гоминидов". Теперь самка могла при малейшей опасности подхватить детеныша на руки в отличие от обезьяны, которая прыгает в лесу с ветки на ветку с малышом, висющим у нее за спиной, а кроме того, ей легче стало заботиться о двух или трех детенышах одновременно. Выбор материнской заботы был, вероятно, определяющим для перехода от четвероногих гоминидов к двуногим высшим приматам.

* Этология — наука, изучавшая поведение животных в естественных условиях:

уделяет преимущественное внимание анализу генетически обусловленных (наследственных, инстинктивных) компонентов поведения, а также проблемам эволюции поведения.

" Гоминиды — семейство отряда приматов. Включает человека современного типа (*Homo sapiens*) и ископаемых людей: питекантропов, неандертальцев и др.

151

Другие специалисты по поведению животных отмечают, что эволюция высших млекопитающих не дает нам примеров форм развитой материнской заботы у четвероногих (таких как слоны). И даже если тот факт, что высшие приматы встали на две ноги, не связан со стремлением облегчить задачу матери, можно допустить, что материнская забота послужила для живых существ стимулом к разумному поведению и что развитие мозга вследствие этой задачи пошло в сторону такого совершенствования верхних конечностей, чтобы они справлялись с функциями хватания и ощупывания — это позволяло матери более ловко и дифференцированно ухаживать за новорожденным.

Последний этап окостенения — затвердение ключиц, завершается в 21 год; именно в этом возрасте

человек, наконец, становится взрослым в телесном и психическом отношении. Хотя он и до 21 года обладает половыми признаками и способен к деторождению, но в строго конституционном смысле он еще не является вполне взрослым. А после 21 года наступает период штиля: лет до 30-35. Затем, с точки зрения органической жизни, начинается упадок, и человек постепенно переходит к старости, хотя живет нормальной жизнью, и, с этой точки зрения, находится в поре зрелости; однако его организм уже изнашивается, и идет он уже под гору, к смерти. К тому же, человек — единственное живое существо (если рассматривать его в ряду друшх млекопитающих), которому требуется столько времени, чтобы стать самостоятельным, и которое так долго нуждается в особой заботе. Без родительского попечения он умирает. Звериный детеныш может обеспечить свое существование, потому что он бегаёт, а человек после рождения не скоро начнет ходить. Разумеется, и зверьку необходимо определенное время сосать материнское молоко, но он развивается и защищает свое существование;

с того момента, как он становится на ноги или лапы, он повинуеться только инстинкту самосохранения. Человек сразу после рождения может ходить по кровати, если его поддерживают, — правда, через несколько дней он теряет эту способность. Он ходит, потому что еще недавно он был частицей организма его матери, а мать умеет ходить. Он такой же, как мать, и обладает теми же функциями, хотя еще не может мобилизовать их самостоятельно.

Как только взрослый начинает отвечать на потребность новорожденного в попечении, он при всем желании не может не уродовать, не деформировать это маленькое существо, не может не причинять

152

ему вреда и не сужать тем самым заложенных в нем исключительных возможностей. Оказывая на ребенка патогенное давление, он принимает на себя определенную ответственность по приобщению ребенка к языку. И туг происходит разрыв, и начинается кризис, потому что язык в 1984 году — не то же самое, что язык в 1784. Достаточно послушать, как говорят канадцы, которые эмигрировали в XVII—XVIII веках, увезя с собой язык своих французских родителей, и развивались иначе, в мире, более ограниченном в социальном отношении, чем тот, из которого они происходили и где в результате французской революции переменялись не только язык, грамматика, но и способ сосуществования людей. Сейчас на нашей планете тоже происходят революционные события: в результате всеобщего коммуникативного обмена люди отовсюду получают элементы своих символических функций, связанные не только с их близкими или с членами их малой группы. Мы переживаем, в социальном и этнологическом смысле, беспрецедентную революцию и понимаем, что воспитание, как бы оно ни было индивидуализировано, оставляет на человеке глубокий отпечаток посредством языка, не только вербального, но и языка жестов. Человек воспринимает пример, преподанный группой, как образец того, что с ним может случиться.

Каким образом воспитателю в 1984 году научиться с большим, нежели его предки, уважением относиться к желанию ребенка?

Прежде всего, ребенок должен перестать служить средством самоутверждения для взрослого. Нужно, чтобы желания взрослого полностью были устремлены на жизнь сообща с другими взрослыми, и чтобы он, не смущаясь разницей между взрослыми и детьми, помогал малышу, который находится на его попечении, стать самим собой в окружении его собственной возрастной группы. Воспитателю при этом придется все чаще и чаще делать выбор в пользу неизвестного, доверять все более непредсказуемой эволюции. У нас больше нет ориентиров, нет материала для сравнений. Для 15-летнего юноши 35 лет — уже старость. И воспоминания бывалых бойцов становятся все более неуместными. «Да, я, в твои годы...» Но с какой стати сравнивать его в его годы с каким-то древним стариком? Сейчас мы находимся в непостижимой ситуации, потому что понятия не имеем, в каком обществе будет жить ребенок, который развивается сегодня — тем более, что современные средства коммуникации все время ускоряют процесс социальных перемен.

153

Возможно, что любое общество, каким бы оно ни было, выделяет некие антитела, которые неосознанно противятся улучшениям в положении детей.

Доминирующая социальная группа сопротивляется переменам из-за страха быть смещенной, низложенной, очутиться на свалке, но все общество в целом знает, что застой недопустим, поскольку приводит к гибели: жизнь несовместима со стагнацией.

Полагаю, что призвание человека не сводится к зависимости от одной-единственной социальной группы, как того требует структура современного общества. Мы непременно придем к постоянному коммуникативному обмену между всеми людьми в масштабе человечества.

Обращение к истории человечества последних 4 000 лет убеждает, что, каких бы успехов ни добивалась система представлений о ребенке — за последние 150 лет появляются и науки о детстве, и юридическая защита совершеннолетних, и вошедшее в наше сознание понятие «все дети на земле», — антагонизм между стариками и молодежью, зрелыми и незрелыми, прошлым-настоящим и ближайшим будущим оказался таким же стойким, как спор между «древними» и «новыми»: их интересы, как можно предположить,

настолько противоречат друг другу, что ни одно общество не в силах их примирить.

Соппротивление, оказываемое так называемой революции Фрейда, напоминает мне, каким сопротивлением были встречены революции Галилея или Коперника, которые заставили человечество внезапно примириться с тем, что Земля — всего лишь элемент космического пространства, хотя до тех пор она считалась центром мироздания. Оказалось, что это крохотная точка в пространстве, охватить которое человеческий разум не в силах. Но мы смирились с этим фактом, который казался унижительным и находился в вопиющем противоречии с идеями наиболее передовых мыслителей того времени.

Психоаналитическая революция — это то же самое применительно к пониманию индивидуальности и идентичности каждого из нас. После весьма энергичного сопротивления люди в конце концов сумеют примириться с этим радикальным изменением «масштабов» сознания и возложить на каждого отдельного человека полагающуюся ему, равную для всех, долю ответственности за поддержку этого таинственного существа, человека, — этого облеченного в плоть слова,

154

этого организма, порождающего и воспринимающего речь, одной из крохотных точек, из которых складывается слово, выражаемое всем человечеством в целом, слова, которое дает каждому жизнь и его собственную значимую функцию в творческом и динамичном взаимоотношении с миром, и которое, для меня, есть Бог в каждом из нас. Этому не подберешь никакого другого обозначения — разве что «глаза», которые также могут все это подразумевать (наши глаза, воспринимающие свет), но все же эта метафора может означать и совсем другое. Если и есть противоречие интересов между выживанием вида или целого общества и развитием индивидуума, то, по-моему, объясняется оно не экономическими причинами, ибо сегодня уже ясно, какую чудовищную цену приходится платить за всё новые и новые ошибки, за недалёковидность, за нетрудоспособность тех, кто испытал на себе жестокое обращение, был сломлен и не смог построить себя сам. Сегодня общество уже не может не' знать, что экономически ему выгодно изменить свою позицию, организовать себя по-другому и уделить больше внимания развитию ребенка и способам достижения этого. Но при всей очевидности, это совершенно не влияет на отношение взрослых к детям. Так что дело тут не в экономических причинах. Все, кто отвечает за детей, наталкиваются на отказ в помощи со стороны общества. Такой аргумент как отсутствие средств является, как правило, ложным: в конечном счете, дело в том, что общество не хочет или не может изменить свой образ мыслей. Взрослые сопротивляются. Они боятся — боятся жизни с ее непредсказуемостью. Они думают, что все должно быть «запрограммировано».

Собственно, я думаю, что такая косность проистекает от того, что детская часть человечества является для взрослых подтверждением их будущей смерти, хотя они могли бы отвергнуть смерть и другим путем, подарив свое доверие развивающейся жизни и отождествив себя с нею. Вместо того чтобы всё ставить на молодую поросль, обеспечивающую их выживание на земле, они препятствуют ее росту под тем предлогом, что,- мол, если мы хотим жить дальше так, как жили до сих пор, нельзя предоставлять молодым свободу воображения, свободу инициативы. Странное извращение: к какому бы поколению ни принадлежали люди, стоит им получить хотя бы крошечную власть, они начинают рассуждать так, словно род людской — не более чем популяция животных, и их роль лишь в воспроизведении одного, и того же генофонда, без изменения программы. И вот поколение за поколением лишают себя будущего.

155

Можно подумать, что они вообще не хотят никакого будущего. Люди — не самоубийцы, они — убийцы: они хотят выжить за счет тех, кто желает прийти на землю... Что представляет собой страна, которая не поощряет в первую очередь изобретательность, созидание, жизнерадостность, обновление, развитие молодежи? Такая страна находится в упадке. Как много уже об этом говорилось, и все как будто согласны, однако ответственные лица своей позиции не меняют!

Наше сегодняшнее общество хочет жить материальным опытом, как будто у молодого поколения не достало бы изобретательности найти другой способ жить. Каждым управляет страх его собственной смерти, каждый борется за свое собственное выживание, как это делают животные, а не, люди, наделенные желанием и способностью к общению, которые должны были бы все надежды возлагать на свойство человеческого ума непрестанно искать и находить — как жить по-другому. Молодые — наше будущее, и они должны иметь возможность доверять своей стране.

В прошлые века люди строили, «творили» для потомства. Непреходящее деятельное желание творить побуждало к созиданию — и эти творения оставались после творца другим. Теперь мы видим, как дельцы создают состояния, которые обречены исчезнуть, кануть в никуда вместе с ними. Диктаторы объявляют: «После меня хоть потоп» и оставляют в наследство груды руин. Как Гитлер. И даже в масштабе семьи есть супружеские пары, которые живут только для себя: они не оставят после себя никакого наследия под предлогом: «Изо дня в день насилие сводит концы с концами, так будем хотя бы получать от жизни всё, что можно, потому что неизвестно, что нас ждет завтра...»

Но что они получают? Они не получают главных человеческих радостей — тех, что связывают людей с

людьми. Единственным шансом для молодых создать что-то, проявить инициативу, хоть немного изменить общество и окружающую среду, было то, что окружавшие их старики, носители власти, ветераны оставляли им некие зазоры, лакуны. А теперь, более чем когда бы то ни было раньше, все опасаются будущего и цепляются за идею о бесконтрольности происходящих процессов — а потому, мол, на ход вещей повлиять невозможно. Созданы машины для предвидения — компьютеры, но они совершенно ничем не управляют, поскольку

156

являются эманацией человеческого духа и предназначены для сохранения того, что уже было.

Нынешнее подрастающее поколение, пожалуй, в еще большей степени лишено будущего, чем все предыдущие, — тем приходилось только преодолевать препятствия, воздвигаемые стариками, которые не хотели уступать место, не хотели изменять доктринам, сходить с торных дорог... Всеобщий страх перед ядерной катастрофой, перед гибелью планеты — вот новое оружие устрашения, которым пользуются власть имущие, вот безусловное алиби, принуждающее искать прибежища в старых привычках и замораживать общество, и так уже застывшее на месте. Для детей конца нашего века конъюнктура складывается неблагоприятно.

Если не произойдет внезапных перемен... Предположим, что люди вдруг осознают свою обязанность поддерживать контакт с другими людьми... И мысленный, и материальный. Быть может, потенциальная энергия, которая при этом высвободится, окажется так велика, что все преграды рухнут. Тормоза, сдерживающие общество, на самом деле только увеличивают желание молодого поколения, которое в конце концов принесет обновление любви, преобразив «союз против» в «объединение за», всеобщий обмен и взаимопроникновение.

В мире излишеств и затоваривания неверно распределяемыми материальными благами ценно одно-единственное благо — любовь между людьми. Наш способ жизни в мире материальных благ совершенно безумен. Чем больше мы их имеем, тем в меньшей безопасности находимся: боимся их потерять. Но стоит полюбить те ценности, которые меньше зависят от хода событий, — и нам будет несомненно легче избавиться от этого страха.

Живое существо наделено живой индивидуальностью; куда бы оно ни направлялось, оно обладает идентичностью, в которой заложена способность к созиданию и общению — лишь бы оно чувствовало себя защищенным. Ну, а страх перед будущим, страх перед завтрашним днем может лишь усилить угнетение детей и запрет на жизнь тем из них, которые желают родиться на свет.

За последние годы дети и подростки усвоили распространенную фразу: «Мы вас не "просили" рождать нас».

157

Может быть, и не «просили» — но они «хотели» родиться... Просьба и желание — разные вещи. Желание бессознательно, а просьба сознательна. Они этого желали, иначе бы их здесь не было. Они желают выжить и выражают это желание. Жалобой, криком.

Когда всех охватывает страх смерти, дети встречают сопротивление со стороны своей социальной группы, которая становится к ним все более сурова. Это абсурдно и трагично, потому что мы не знаем, что живем только потому, что знаем, что умрем. Таково определение жизни: данное живое существо живет потому, что оно смертно; оно рождается, оно развивается, оно умирает. Следовательно, жизнь можно определить через смерть. И мы испытываем страх перед тем, что определяет нашу принадлежность к живым. Страх смерти — это, в сущности, страх жизни. Будем надеяться, что ближайшие годы внесут изменения в наше сознание, потому что косность, в какой мы сейчас пребываем, обрекает нас на чудовищную бесплодность. Люди мешают жить себе и рождаться новым существам. Стало невозможно свободно перемещаться в мире. Коллективная воля стремится все парализовать. Сама власть может сохранить себя лишь благодаря тому, что обманывает людей и отравляет их словами, злоупотребляя языком. Например, говорят: «Все имеют право на здоровье», но это ничего не значит, потому что здоровье — это результат способа жизни в мире. Можно было бы сказать: «Каждый гражданин имеет право на лечение» — но только не «на здоровье», потому что это ничего не означает.

Я думаю, что люди имеют также право и на болезнь... Они имеют право быть больными. Болезнь — это способ выразить что-то. Когда человек не может выразить это словами, чувствами, тогда берет слово болезнь.

В нашем обществе болезнь переживается как наказание. Когда человек заболевает, помимо страдания и страха увечья, которое может повлечь за собой болезнь, он переживает и чувство вины. Между тем, если индивидуум оказывается в беде, на группу ложится ответственность помочь ему понять себя, примириться с самим собой, причем на свой собственный лад, а не насильно, не так, как этого хотелось бы другим. Изменить человека. Что это значит? Это значит спросить каждого: в чем состоит твое собственное желание? Поговорим о том, чего желаешь ты.

Если мы захотим услышать ответ детей на этот вопрос — это будет революция. Все остальные так называемые революции ничего не изменят.

После последнего «Дня стариков» я сказала себе, что эта политика поощрения одной из возрастных групп — сплошное лицемерие.

Я полагаю, что через чувство неполноценности, переживаемое стариками, можно многое понять. Подобно тому как в труппу имеющих физический или умственный недостаток зачисляют стариков, в нее зачисляют и детей, считая что их следует дрессировать, программировать, а иначе они так и останутся «неполноценными». И я думаю, что здесь мы совершаем крупный промах, потому что сколько бы лет ни было человеку, ощущение неполноценности, переживаемое им, вызвано тем, что в наши дни в обществе доминирует идеал Я-взрослого. Но человек в процессе общения таков, каков он есть, а мы об этом без конца забываем. Мы думаем, что надо заменить чем-нибудь то, чего у него нет, надо поддержать его в том, чего ему недостает, а это совершенно неверно. Надо просто поддерживать общение с ним — вот и все! В настоящее время мы живем в обществе, не включающем в себя ни стариков, ни детей. Нет ни одного кафе или ресторана, куда можно было бы прийти с малышом от ноля до семи лет. В ресторане для них нет места, как нет места ни в одном заведении, предназначенном для досуга, для дискуссий, которые ведут между собой взрослые, для светского времяпрепровождения, вроде гольфа.

Меньшим лицемерием было бы писать на табличках: «Маленьким детям и собакам вход запрещен».

Люди не любят видеть детей в супермаркетах — то дети нездоровы, то они мокрые, то грязные.

Я думаю, что так оно и есть в нашем обществе: собак не пускают, детей видеть не хотят! На детей даже не предусмотрено места: они лишние.

ОТЧАЯНИЕ МОЛОДЫХ

Коллективные мифы живучи. Каждый чувствует свою собственную ответственность и нащупывает свой путь поиска.

Религия, которую теперь гораздо больше толкуют в символическом смысле, уже не воспринимается в смысле буквальном —

159

как когда-то; она перестала быть государственной, ее больше не эксплуатирует политика, чтобы подчинить людей или оправдать неравенство. В странах, где единственная партия не подменила собой Римскую церковь и человек толпы не подвергается манипуляциям, каждый гражданин как бы встает сам на свою защиту, возвращается к своему «я». Но феномен обезличивания сопровождается нормализацией всей коллективной жизни в целом. По сути, парадокс заключается в том, что в ходе эволюции современного общества человек вынужден как можно скорее обрести независимость, — это насущная, жизненная необходимость, иначе ему не выпутаться, не выжить — но на деле всё ему в этом препятствует.

Возможность свободного поиска своего пути все больше сокращается. Если чье-либо поведение мало-мальски отмечено инициативой, воображением — его немедленно пресекают: «Нет, нет, тебе вот сюда... Вот так... Не ищи своего пути, вот он».

Молодые находятся во власти отчаяния, полной безнадежности — на это больно смотреть. Я бы предположила, что это скорее парижское явление, свойственное большим городам. Но нет, французская провинция переживает то же отчаяние; в Орийяке, например, я слушала лицеистов выпускного класса, студентов-второкурсников, изучающих психологию, медсестер, бакалавра-первокурсника из киношколы, молодого преподавателя математики. Прежде всего, их не интересует политика, что само по себе удивительно. Экология, природа тоже интересуют их очень мало. Они не желают принимать наркотики, зато пьют, что, в сущности то же самое. Готовиться к жизни? Чего-то добиваться в жизни? «Зачем? Все равно ничего нельзя сделать». И все говорят: «Мы идем в никуда». Может быть, лицеисты хотя бы ощущают себя гребцами, прикованными к одной галере? — «Даже этого нет. Никто ни с кем не общается.» — «Но у вас есть в классе приятели?» — «Совсем нет! Какие там приятели! Вот родители рассказывают, что они в школе развлекались, как хотели... А у нас никакого шума нет, вообще не бывает, ни на занятиях, нигде. Отсидеть на лекциях — и скорее домой, где тебя никто не тронет... Уж какой там интерес к занятиям...» Лицеистка: «Я хочу закончить выпускной класс, для меня это важно; я хожу на занятия, потому что иначе мне бы вывели плохую оценку, но мне кажется, что я теряю время!» И что же, они ничего не имеют против преподавателей? «Люди как люди, ведут свои предметы, нам

160

наплевать, и им тоже...» Вот так! И во всех этих молодых людях, равно как и в их родителях, нет ничего патологического. «Да, такая пошла молодежь, — говорят родители. — Странно все же, раньше этого не было».

Так и живут себе помаленьку: какой-нибудь друг (или подружка), пустословие и потоки громких слов, лишь бы как-нибудь забыться. Все это весьма садо-орально. Это своего рода бегство в примитивные удовольствия, в очень примитивное потребление. Все они страдают булимией¹. Потому, что у них нет другого, более подходящего занятия. При этом отсутствии настоящих отношений, настоящей тяга к жизни желание уже не сублимируется. Откуда им черпать тягу к жизни, если они не могут иметь детей — хотя у каждого есть пара. У всех этих молодых имеется друг или подружка, они почти женаты, но именно почти — они не соединены друг с другом в радости и в горе.

У них нет денег, и им немного стыдно, что их до сих пор содержат папа и мама. «Приходится принимать помощь, потому что пока не получишь диплом, не сумеешь зарабатывать сам... Да и с дипломом много ли заработаешь? Семью на это не прокормить.»

Они совершенно не достигают цели, и чем дальше, тем больше увязают, потому что преждевременно вступают в половую жизнь, слишком рано начинают вести совместную жизнь, пользуются помощью старших и страдают от этой помощи, учатся, хотя их учение ни к чему не ведет, ничего им не сулит, ничего не гарантирует, и политикой они совершенно не хотят заниматься, считая ее чем-то отжившим. После мая 1981 года² студенты, голосовавшие за социалистов, говорят: «Ну ладно, поспраждновали, но ведь все осталось как было!» В сущности, Миттеран — старый политик, который в меру своих сил управляет кучей дел, превосходящих его разумение. Так они рассуждают. Значит, надеяться не на что. Но еще более непереносимо для них видеть, как их родители изменяют своим убеждениям, или просто живут помаленьку изо дня в день, отупляя себя скучной работой и обеспечивая их всем необходимым, хотя они и сами уже обзавелись спутником или спутницей жизни... только такая совместная жизнь ни к чему не ведет: это коллаж... или сексуальная гамнастика.

¹ Булимия — волчий голод — возникающее в виде приступов чувство мучительного голода.

² Приход к власти правительства социалистов во Франции. — Прим. пер.

161

ВЛАСТЬ ЧЕРЕЗ ТЕРРОР

В секретном рапорте о детях и юношестве, который заказал Токвиль графу де Гобино в начале своей карьеры в 1843 году, сообщается о бунте в исправительной колонии того времени, расположенной в Меттрэ (департамент Эндра и Луары)'''.* Это был образцовый исправительный дом, по замыслу — «семейный и земледельческий». Обитатели — так называемые нарушители и брошенные дети. Мятеж начался, когда объявили о приближении кометы и заключенные занервничали. Мятежники требовали наказать тюремщиков, добивались хартии прав юных заключенных. Автор отчета, посетивший эту детскую каторгу, сообщает: «Молодые — одна из величайших опасностей, какие угрожают нашей цивилизации... Единственная политика, которую надлежит к ним применять, — это политика террора». Дрессировка террором. Террором, который организован на государственном уровне и обрушивается на юных упрямцев. Так впервые хладнокровно были сформулированы на бумаге оправдания террору, проводимому по отношению к малым и слабым. Это то, о чем обычно не смеют говорить вслух и что запечатлено в сознании носителей власти. Этот секретный рапорт для детей то же, что «Майн кампф» для евреев.

Власть с железной рукой в бархатной перчатке испытывает страх перед непосредственностью, стихийным гением, естественностью, которые присущи молодости. Молодежь мешает — она ставит под вопрос многие ценности, одобренные системой. Но главное, выслушивать ее очень утомительно. Вот, может быть, единственная причина, по которой никто не хочет настоящих изменений.

Мятежники захватили в плен директора заведения и генерального инспектора, который приехал из Парижа, чтобы составить отчет о происшедшем (сегодня он назывался бы руководителем ведомства поднадзорного воспитания при министерстве юстиции Франции). Гобино, свидетель этого мятежа, является посредником между взрослыми и детьми. Он дает высказаться всем вожакам как будто они взрослые мужчины, и сам говорит с ними как со взрослыми: на равных. Он

• Алексис Токвиль (1805—1859), французский историк, социолог и политический деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностр. дел (1849). Отвергал необходимость Великой французской революции.

" La Semawe de la Comite, Marc Sonano, Stock.

162

ничуть не унижается перед ними, как все остальные. Он вступает в переговоры и просит их принять участие в круглом столе, чтобы выработать хартию прав детей. Баш на баш.

Этот документ проникнут презрением к живым силам этноса.

КТО МОЖЕТ УБИТЬ РЕБЕНКА?

«*Quien puede matar a un niño?*» («Кто может убить ребенка?») — это название испанского фильма Наркисса Ибаньеса Серрадора (неудачно переведенное как «Мятежи двухтысячного года»), одного из самых жестоких фильмов в этом роде. В прологе нам показывают отрывки из документальных лент об убийствах детей в Освенциме, во Вьетнаме, в республике Биафра, в Индии. Эти маленькие жертвы мира взрослых, их войн, их несправедливостей по отношению к целым народам и классам до некоторой степени оправдывают бунт детей, их сложившееся в результате инверсии господство над взрослыми. Молодая пара во время отпуска уплывает на очаровательный испанский остров, где муж бывал в студенческие годы. На острове их встречают дети с неприветливыми лицами и нехорошими улыбками. Взрослых больше нет — дети убили. Всех, кроме одного старика, с которым тут же и расправляются. Молодая женщина беременна. К ней подходит девочка и ласково гладит ее по животу: этим она передает «заразу» неродившемуся младенцу, он разрывает свою мать изнутри и убивает ее. Молодой человек не осмелился стрелять в детей. Прибывает полицейский катер, но полицейские слишком поздно обнаруживают правду, в которую не в силах были поверить. Их убивают, молодого человека тоже. А потом мы видим, как эти дети — не то мутанты, не то зараженные неведомым вирусом — уплывают в сторону побережья: они собираются заразить других детей и вовлечь их в свою «игру»... Мари Жозе Шомбар де Лов, сотрудник Центра социальной этнологии и психосоциологии в C.N.R.S. (Национальном центре научных исследований), определяет этот фильм, исходя из типологии его мизансцен, так: общество, которое само себя разрушает. Ребенок-мутант, зачинатель новой расы, выражает жестокость, ненависть взрослых, желание отомстить.

«Этот фильм конкретизирует нечистую совесть взрослых по отношению к детям и их страх перед подрастающими поколениями, которые выступают против установленных ими порядков и с которыми им становится все трудней и трудней находить общий язык. Перед лицом кризиса, охватившего современное общество, возврат к детству — это защитный рефлекс или проекция тревоги, или

163

даже призыв к другому способу существования. Создатели фильма сами жили с этими чувствами и передали их публике. Они показали детей с присущей им, детям, точкой зрения, с их манерой чувствовать. Всё в целом выражается еще и точным, идущим от ребенка языком, общим для всех людей данного общества и глубоко укорененным в психике каждого: изображение ребенка — объект и сфера совместного приложения психологического и социального начал».

Мари Жозе Шомбар де Лов. *Ребенок в фильме, 1980*

ПОМОЩЬ ДЕТАМ ЧЕТВЕРТОГО МИРА

Ответственные за семью и социальную профилактику обращаются со своими подопечными, как бывшие колонизаторы с теми, кто прежде находился под их властью. Желая искупить былые ошибки и наверстать время, потерянное в «глупом» XIX и бесчеловечном XX веке, они заявляют: «Ребенком чересчур пренебрегали, но зато теперь мы будем его больше опекать, заботиться о нем и т. д.»

К чему это приводит? К *чрезмерной опеке*. Бдительно следят за тем, чтобы ребенок не вступил в реальный мир, мотивируя это заботой, стремлением продлить ему детство... Ребенка изолируют от остального мира, удерживая его в вымышленном магическом пространстве. И это оборачивается против него.

Хотим ли мы что-либо переменить или просто пытаемся успокоить свою совесть? В конечном счете, вместо признания своих теоретических прав, ребенок нуждается в том, чтобы общество на самом деле приняло его в качестве равноправного члена — но что для этого делается?

В настоящее время в рамках международных организаций помощь детям сводится к заявлениям: «В общем, нужно, чтобы дети Нигерии, дети Сахеля, дети Камбоджи, дети Колумбии жили, как мы с вами». Забывается, что в традиционных обществах этих стран не все было пагубно для ребенка: ритуализация жизненных событий, отношения со взрослыми, инициация придавали каждому ценность взрослого.

Можно опасаться, что в поле зрения окажутся только недоедание, нищета детей, ужасы войны, а в качестве лекарства будет предложена искаженная модель западного общества. Традиционные типы общества слишком легко осуждать. Но среди населения этих стран имеются

164

и в высшей степени интересные опыты общинной жизни, будь то народы Индии или Африки. И если под видом опеки полностью лишить их корней, это не принесет счастья детям. Можно подумать, что маленьким камбоджийцам нужен тот же образ жизни, что и нам. Полезнее было бы проанализировать наши собственные поражения в нашем обществе, чем навязывать всему свету чудодейственные решения. С помощью этой новой иллюзии, которая сейчас создается — чистая совесть во всемирном масштабе, индустриальные общества, в прошлом колонизаторы, стремящиеся покончить с этим прошлым, постоянно испытывают потребность проявлять, так сказать, отеческую заботу о населении Третьего и Четвертого мира в борьбе с войнами, голодом и т. д. В те места, куда прежде посылали миссионеров, теперь отправляют врачей-без-границ. В экстренных случаях — да, это необходимо, каждое существо имеет право на помощь

при катаклизмах и катастрофах. Но навязывать санитарные, семейные, социальные нормы — нет. Даже в плане питания. Профессор Тремольер, чей гуманизм не вызывает сомнений, осудил несколько упрощенный подход, которым руководствовались во время войны в Биафре... когда детей народности «ибо» самолетами отправляли в соседние страны... Посылать тонны продовольствия — это тоже не решение вопроса. Необходимо знать, каково традиционное питание в данной стране; нельзя навязывать африканской матери какое попало питание для ее ребенка. Нужно еще ничем не оскорбить ее образ мыслей, ее верования, не помешать ее взаимопониманию с ребенком, и нельзя во имя физического спасения разлучать детей с семьей, с родным языком, с привычным климатом.

ПРАВА И ЛОЗУНГИ

Свобода, равенство, братство: французская революция. 1789. В выигрыше оказались мужчины. Женщинам не досталось ничего. Ни избирательного права, ни ответственных должностей, ни равной оплаты труда, ни высшего образования и т. д.

Отсюда и пошла борьба женщин за равные с мужчинами права. В то время девочки и мальчики воспитывались раздельно — существовала дискриминация. Мужчины воспитывали мальчиков, женщины — девочек, которые в течение следующих ста лет завоевывали право учиться.

Затем мужчины дезертировали из преподавания, должности учителей оказались в большинстве заняты женщинами. Теперь женщины

165

учили мальчиков — детей разного пола свели вместе. Логика событий привела к смешанному обучению.

Сегодня выдвигают на первый план права детей, точно так же как раньше меньшинство боролось за права женщин. Лозунги в конце концов приводят к переменам в социальном поведении без вмешательства «сверху». В отношении детей я выскажусь в пользу лозунга: «Равные шансы».

Но что означают права на то или другое?

Не будем давать оценку переменам в сфере воспитания какого-либо общества в какую-либо эпоху. Ограничимся констатацией фактов.

Когда задумываешься, лучше или хуже вчерашняя система, чем сегодняшняя, — это мысль «ретро». Это не значит, однако, что нет прогресса.

Для ребенка лучше, чтобы биологический отец перестал быть для него средоточием власти, а учитель — единственным носителем знания.

Современному воспитанию недостает функции инициации*, посвящения; коллективного ритуала перехода.

Для того, чтобы научить технике, достаточно обучающей машины.

Почему бы не научить каждого технологии того предмета, который он хочет изучить?

Преподаватели теперь не более чем экзаменаторы, осуществляющие контроль за достижениями. Занятия предназначены только для тех, кто понимает быстрее других и в ком преподаватель признает своих лучших подражателей.

Народное образование основывает всю школьную систему на том постулате, что человек произошел от обезьяны.

• Инициация (от лат. *initiatio* — совершение таинств) — посвящает в таинства, открывающие доступ к новым знаниям о жизни общества, в котором данному индивиду предстоит жить, сменив одну социальную позицию на другую. Все, что узнаётся неофитом в ходе посвящений, в конечном счете, направлено на создание у него целостной картины мира, единой системы миропонимания. В инициации юношей быт заложен не только искусственно организованный обществом кризис, через который культура проводит подростка, не дожидаясь, когда он возникнет сам, но и пути преодоления этого кризиса и обретения подростком своего нового «я», соответствующего новой социальной позиции. Обряды инициации, как правило, не приурочены строго к наступлению у человека пубертатного периода; в отличие от так называемых пубертатных обрядов, инициация делает акцент на вхождение индивида не столько во взрослую половую роль, сколько — в роль члена общества, социальной единицы. Подробнее см.: Тендрякова М.В. Первобытные возрастные инициации и их психологический аспект. (По австрал. материалам).— М., 1992.

166

«Гуманитарное» образование было сохранением буржуазной культуры. В детях поощрялась способность мимикрировать под человека. Подражать, сохранять, повторять.

Эта система, сводя образование к передаче знания, оказалась под вопросом перед лицом неудач в школьном деле. Феномен «массы», увеличение числа школьников само по себе не в силах объяснить, почему система становится неадекватной, почему ученики теряют интерес: в современном мире французская школа не готовит к взрослой жизни. У молодых другие источники информации. Они испытывают потребность изучать *технику*, имея собеседников, с которыми можно спорить и которым можно доверять. Собеседников-учителей, которые с энтузиазмом относятся к технологии знания или к предмету, который они

преподают, но не являются судьями.

Никаких жрецов, цензоров и прокуроров — только руководители, которые прислушиваются к молодым и с удовольствием ведут их по дороге, которую те избрали сами. Молодые больше не говорят на языке старших.

Почему бы не поощрять и не вознаграждать упражнения, развивающие память? Заучивание наизусть, особенно в детстве. Отсутствие памяти тормозит работу самого острого интеллекта.

Отрыв от реальности начался в 1936 году с введением оплачиваемых отпусков. И угаubilся с учреждением семейных отпусков и все увеличивающейся долей свободного времени. Дети привыкли, что родители с ними только во время отпуска. Весь год они видят, как домой возвращаются усталые, недовольные, разочарованные в жизни мужчины и женщины, которые жалуются на своего начальника и на свою профессию. Надо ли удивляться, что труд в глазах детей обесценивается?

Быть может, экология — это средство обрести утраченное взаимопонимание ребенка с отцом и матерью, наладив отношения с природой. Как много молодых отлынивают от «лямки» на потребу индустриального общества и стремятся к образу жизни, близкому к естественным ритмам труда, производства, животного и растительного роста, потому что они утратили тот Эдипов треугольник, без которого невозможно научиться общению. В обществе потребления они узнают только бинарное умозаключение: да — нет. Они отвергают постоянный, монотонный и оплачиваемый, но обезличенный труд.

167

ПСИХИАТРИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

Все мы «транскультурны».

В старой доброй Европе свирепствует в новых обличьях расизм, тот самый, что противопоставляет белых и черных: это и сексизм, и расизм взрослых по отношению к детям. Из обмена информацией с американскими и африканскими врачами, занимающимися традиционной медициной, я знаю, что они находятся на уровне той практики и тех верований, которые были у нас в ходу несколько веков назад и которые мы ошибочно считаем давно забытыми и отброшенными, между тем мы просто перенесли их на другие объекты и облекли в формы, заимствованные у современной жизни и даже у последних достижений техники. Когда мы говорим о больном: «Его заболевание вызвано недостатком калия», мы оказываемся прямыми наследниками архаического мышления, носители которого объявляют: «Его хворь — от дурного глаза».

Антильские колдуны, снимающие с вас сглаз, порчу, знают природу человека не хуже, чем современный врач, прописывающий калий. Психиатрик прекрасно понимает эффективность воздействия колдунов-целителей: такая-то вытяжка из трав может, например, резко изменить деятельность желез внутренней секреции, разлагая привычные ощущения тела, другие вытяжки могут изменить поведение и характер, вызвать регрессию; это может заставить вступить с колдуном в отношения переноса. Колдун занимает место заботливого отца или матери, на которых мы рассчитываем, желая выбраться из трудного положения.

На Мартинике общество остается во власти инфантилизма, являющегося результатом мышления, которое сохраняет анимистический взгляд на мир при изменившемся по западному образцу образе жизни, но при этом утратило свое изначальное содержание, свою предысторию и сводится к проецированию чувства вины на живые существа и вещи. Все неприятное идет из внешнего мира, источник беды всегда другой человек, который вас отравил, испортил, украл вашу душу. Таким образом «экстериоризированная», якобы материализованная вина ускользает от любых угрызений совести, от любого разоблачения бессознательно вытесненного. Чувство вины, фиксированное на «я», пускай даже в самой патогенной форме, обратимо. Есть надежда его преобразовать и взять на себя ответственность, узнав свою историю и примирившись с ней.

В наших индустриальных обществах, что бы мы об этом ни думали, по-прежнему свирепствует «культ» размытого чувства вины. Наши дети от нас ускользают якобы потому, что их у нас похищают

168

то дурные товарищи, то никчемные вещи, которые мы сами даем им в руки. Эта слепота мешает нам признать то, что мы думаем на самом деле: они погибают, потому что мы не умеем их любить и доверять молодости.

Независимо от типа общества и системы воспитания, человек вновь и вновь попадает в одну и ту же ловушку, путая чувство *вины* с чувством *ответственности*. Эту путаницу закрепляет двусмысленный язык: человеческое естество одновременно и чисто и нечисто, дикарь добр и опасен. Акт познания — и победа, и грех.

Психоанализ призван играть важную роль в обществе получателей социальных пособий, в мире, который во имя так называемой науки изгоняет святыни — источник любви и надежды.

Бессознательное соответствует тайне бытия, непознаваемому, невыразимому. Мы отворачиваемся от

этого; точно так же мы убегаем от святости, потому что боимся. По ту и эту сторону реальности лежит неведомое Реальное.

Для фармацевтических лабораторий больные, излеченные их лекарствами — не более чем регистрационные номера: Р., 64 года; С., 39 лет; Т., 25 лет и т. д., короче, тела двуногих млекопитающих, а не индивидуумы, обладающие личной и неповторимой историей, связанной с их отцом и матерью. Медицина, уподобляющая себя технике, утверждает: «Такой-то больной демонстрирует патологическое поведение, потому что у него в организме имеется дефицит кальция и калия. Так дадим ему химическое лекарство, оно возместит то, чего ему недостает». На самом деле, болезнь неотделима от взаимодействия между соматикой и психикой, которая вызывает биохимический дефицит, создающий временную потребность в определенном микроэлементе для обмена веществ.

Те, кто любит прописывать лекарства, часто лечат в человеке только млекопитающее; и даже если они этого не делают, то составляя отчет о проведенном лечении, не берут в расчет отношений «пациент — врач»: это выглядит ненаучно. Неужели человеческая наука в самом деле не может не рассматривать пациентов как млекопитающих?

169

Глава 8

НА СТОРОНЕ РЕБЕНКА: ПЕРВЫЙ ИТОГ

Голод в мире, война, эксплуатация рабочих, проституция, наркобизнес и прочее беспокоят самых уважаемых людей; по тяжелее всего эти бедствия терзают именно детей. Люди собирают пожертвования, вызывают к правам человека, учреждают Год ребенка. Добрые дела, правильные речи, все проливают слезу и вносят свою лепту, обличают истязателей детей, минотавров нашего века, людоедов-технократов...

Граница между детьми обеспеченными и обездоленными, балованными и нуждающимися — произвольна и обманчива. За ней трудно разглядеть защитные реакции общества. Исследуем общий знаменатель детства: ни с тем, кто хорошо питается, ни с тем, кто живет в трудных квартирных условиях, ни со школьником, ни с маленьким победителем, ни с маленьким рабом не обращаются как с *личностью*. Судьба, уготованная детям, зависит от позиции взрослых. Борьба за дело детей не принесет серьезных плодов, пока всему обществу не будет поставлен диагноз, который заключается в том, что оно с самого рождения ребенка бессознательно отказывается видеть в нем личность, по отношению к которой каждый должен вести себя так, как хотел бы, чтобы другие вели себя с ним самим.

Жестокое обращение, сексуальные извращения, рабство, недоедание, развод, школьные неудачи, детские болезни стали темами литературы. Более редки исследования «тайны» детства, того неизвестного, что в нем заключено: потенциала, эмоциональной нагрузки, интимных отношений с силами природы, медиумического дара передачи мыслей.

На протяжении веков в представлениях о ребенке гораздо больший упор делается на его незрелость, чем на его потенциал, присущие

• Франсуаза Дольто и коллектив исследователей. — *Прим. сост. франц. издания.*

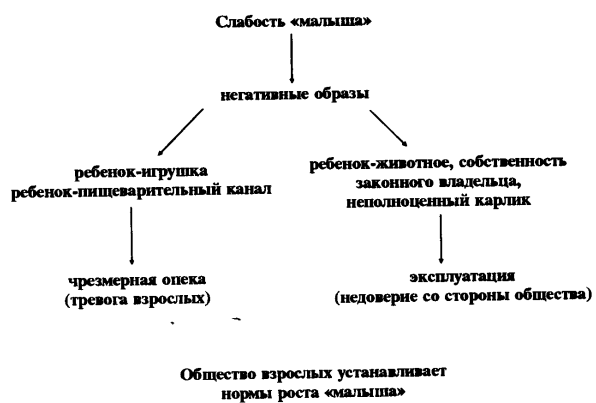
170

ему способности, его прирожденный гений. Той же предвзятостью страдает и научный подход к детству.

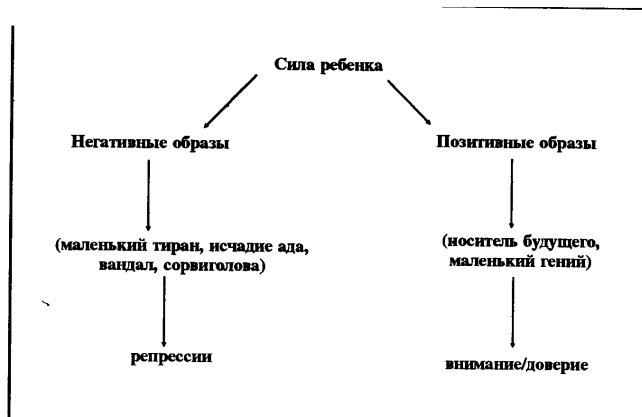
Взрослому обществу трудно рассматривать детство со всеми присущими ему свойствами; не прибегая к критериям экономического порядка, таким как производительность, рентабельность. Рассуждают о том, как обучить будущего человека, как подготовить его к производству. Всякий раз, когда мы занимаемся креативными возможностями ребенка, мы ждем от него какой-либо художественной или научной продукции; если отказываемся видеть в нем невинное и легковесное существо, то подходим к нему как к разумному карлику, маленькому взрослому, чудо-ребенку. Его креативность признаётся только в том случае, если приносит пользу миру взрослых.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕБЕНКЕ

Немного диалектики соотношения сил (до психоанализа и открытия законов бессознательного в процессе развития человека)

171

В этом смысле креативность — художественного или научного порядка — присуща скорее не ребенку младше десяти лет, а подростку в переломном возрасте, сублимирующему свою неуравновешенность и отталкивающемуся от своего непосредственного окружения. Напротив, первые десять—двенадцать лет жизни соответствуют полному расцвету непосредственности. Ребенок способен на самые разные выдумки: и в будничной жизни, и в языке его изобретательность постоянно бьет ключом. Но это совсем не то, что изобретательность в области искусства или научных изысканий. Современные воспитатели путают креативность и непосредственность. Ребенку присуща именно непосредственность, она помогает ему проявить его дарование, но это еще не делает его маленьким гением. Ни артистом, ни художником, ни великим ученым. Его дар — это гений свободы, которым обладают решительно все дети на свете, если их не вовлекают в преждевременное соперничество.

Каким образом можно обнаружить истинные способности к восприятию, чувства, знания ребенка младше десяти лет? С помощью тестов? В беседе? Ребенок в этом возрасте приспособливает свои ответы к желаниям взрослого, он или подражает ему сознательно,

172

или подчиняется бессознательной мимикрии. Его собеседники декодируют его язык, исходя из своих собственных критериев, ориентиров и эталонов. Они устанавливают контроль над ребенком, любой ценой стремясь обнаружить в нем какое-нибудь дарование, отклонение, пытаюсь определить роль, которую он мог бы играть в обществе. Он оценивается, исходя из его возможностей вписаться в общество.

Если смысл детства не только в том, что оно сложный и необходимый переход, если оно не только время инициации и ученичества, — на что оно годится? С точки зрения экономиста и социолога — ни на что. А между тем, оно может дать нечто незаменяемое.

Показатель: ребенок ориентируется в мифологии, как рыба в воде. Он бесконечно ее воссоздает. Это его первоначальный язык. Мифология обогащает и населяет его воображение. Сон наяву. Путешествие, высвобождающее его из границ тела с его сиюминутным размером. Может быть, ребенок — наш посредник в отношениях с реальностью. Он напрямую связан с самой главной реальностью, которую мы, взрослые, воспринимаем лишь в искаженном виде через метафоры и символы с помощью системы условностей.

Воспринимает ли ребенок реальность нашей реальности? Это не просто гипотеза. В первые месяцы жизни он не способен к рефлексии, но в процессе становления его разум начинает отражаться вовне. Если прибегнуть к метафоре, разум — как свет, освещение мира, которое каждый носит в себе. Отразить свой разум вовне? Для этого нужен объект. Кроме того, ребенок может излучать свой разум, а может и держать его под спудом, если из-за своего разума оказывается жертвой представлений о нем других людей. В самом деле, именно дети с преждевременным развитием интеллекта — в случаях, если об этом никто не подозревает, то есть, если их не признают ценными собеседниками, за неимением речевых объектов, поверхностных и тонких сенсорных связей, стимулирующих привязанности и общение, звуков, форм, слов, музыки, игрушек, движений — через несколько месяцев начинают казаться отсталыми, аутичными, невротичными. Их символическая функция — язык сердца — не вписалась в телесное взаимодействие, необходимое для физического выживания.

173

ЭВОЛЮЦИЯ СТОИМОСТИ РЕБЕНКА

1-я эпоха: Эндогамные* общества.

Родить мальчика — значит послужить клану, общине, обеспечить смену; внести свой вклад в воспроизводство, дать дополнительные рабочие руки.

2-я эпоха: Экзогамные" общества.

Рожденный сын — подарок для семьи, ждущей наследника мужского пола. Ребенок любого пола — увенчание брака.

3-я эпоха: Мальгузианские общества.

Ребенок обходится слишком дорого; перенаселение чревато множеством проблем, отсюда — регуляция рождений и разрешение аборт.

4-я эпоха: Общество коллективного эгоизма.

Ребенок — бремя для родителей и помеха их эгоистическим удовольствиям. А поскольку государство уже не может содержать ребенка, не принуждая его подчиниться единым нормам, у него нет ни малейшего шанса стать личностью.

Десятки миллионов детей во всем мире, которые «не просили, чтобы их рожали», заранее отвергаются обществом. Чтобы выжить, они приспособляются. Взрослые ловко эксплуатируют этих самых неквалифицированных работников. Сколько растроченной впустую энергии, сколько слишком быстро истощившихся ранних дарований!

Желая как можно быстрее сделать столь обременительного ребенка «рентабельным», общество лишает себя бесценного человеческого потенциала, который бы обеспечил человечеству смену, если бы ему дали

необходимое для созревания время.

«Выжить» — в раннем возрасте это испытание даже для наших детей, физическому развитию которых ничто не угрожает. И даже если они не рискуют умереть с голода, от войны или от наркотика —

- Эндогамия — характерный для первобытного строя обычай заключения браков внутри определенной общественной группы, например, племени, касты.

- Экзогамия — характерный для общинно-родового строя обычай, запрещающий браки внутри определенной общественной группы, например, рода, фратрии.

174

им приходится вести странную войну против умственного заболевания, спровоцированного их близкими.

«Служить» — к тем, кто пережил испытание раннего возраста, общество предъявляет требование не быть бесполезными ртами: будь то маргиналы или обеспеченные, они подвергаются систематической эксплуатации.

Защищенное детство часто означает психически нездоровое детство.

Законы, социальная интеграция, вакцинация не спасают ребенка в индустриальном обществе от опасности душевного заболевания и не избавляют от тягот его существования. Он разделяет неполноценность с другими детьми своего возраста. Помимо воли он принадлежит к низшей расе.

Вопреки видимости социальное положение ребенка не изменилось за последние четыре тысячи лет, с Шумерского царства. На его примере можно убедиться в иллюзорности прогресса. Каждое новое «преимущество» вредит его истинным интересам.

Все более и более обширная литература о ребенке, художественная и научная, стремится ограничить поле изучения отношениями ребенка с родителями. Функцию родителей переоценивают. Воспитание и педагогика подчиняют себе вселенную ребенка, которая, если считаться с ее действительными размерами, все же намного превосходит сферу деятельности и компетенцию кормильцев и воспитателей.

Главное всегда замалчивают и скрывают. Обычно мы не смеем подступиться к разрушительной идее в ее истинном виде. Общество боится ее затрагивать. Оно отгораживается от действительности с помощью успокаивающих образов. На этом рабском субконтиненте сказать правду — все равно что произвести революцию.

Почему мысль о том, что родители не имеют прав на своих детей, представляется покушением на основы? По отношению к детям у родителей есть только обязанности, а дети по отношению к ним обладают только правами, и вообще, они в большинстве. Почему разрушительной кажется мысль о том, что каждый взрослый должен принимать каждое живое существо, рождающееся на свет, так, как ему хотелось бы, чтобы приняли его самого? И что каждому младенцу и ребенку нужно, чтобы, при всей его детской неуклюжести, его физической беспомощности, его афазии (неумении говорить), его неводержанности, его потребности в заботе и защите, взрослый, проявляя заботу о его физическом совершенствовании, относился бы к нему с тем же уважением, какого бы пожелал себе, будь он на

175

его месте (а не так, как с ним обращались, или, как ему кажется, что обращались, когда он был маленьким)?

Каждый ребенок, каждый мужчина и каждая женщина в процессе становления уже является духовной поддержкой для той семейной и социальной группы, которая материально берет его или ее на свое обеспечение. Взрослые словно не желают признавать эту силу, этот дух жизненного обновления, который несет ребенок, а кто напоминает им обо всем этом, тот подрыватель основ.

Почему в нашей индустриальной цивилизации распалась эта цепь уважения и любви между поколениями? Между тем, как это было всегда, во все времена, на всех широтах, те, кто сегодня принимает ребенка, заботится о нем, защищает его, в старости будут пользоваться защитой и заботой этого самого ребенка, который станет взрослым. Посредством его высказываний, обращенных к молодым, которых в свою очередь ему придется опекать, добрые дела стариков останутся в памяти данной этнической группы. Все то, что в делах, в мыслях, в надеждах, в неудачах, будет очеловечено словом, окажет живительное воздействие на сердца тех, кого эта цепь любви и общих интересов соединяет не только на протяжении их краткого существования, но и за его пределами.

Как могло случиться, что подрывом основ кажется напоминание о непреходящей ценности каждого человека — и молодого, в процессе становления, и старого, живущего воспоминаниями?

176

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЯЗЫКОВОЕ СУЩЕСТВО

Новый подход к раннему возрасту

«О нем говорят много, а с ним самим не говорят.»

«Дети с тяжелыми физическими и умственными недостатками, дети, испытывающие страдание, полезны и необходимы обществу.»

Франсуаза Дольто

Быть может, что-то изменилось в социальном положении ребенка с того момента, как психоанализ обратил внимание на самых-самых маленьких. Тридцать лет назад медицина и мысли не допускала, что языковые отношения могут устанавливаться с самого рождения. Личный опыт Франсуазы Дольто дает ясное представление о том, как сопротивляется общество и какие трудности встанут перед тем, кто пытается изменить позиции взрослого по отношению к ребенку и общение с тем, кто «меньше тебя, но так же велик, как ты».

Глава 1.

ИНИЦИАЦИЯ

Следующий текст представляет собой открытие уже другого литературного подхода к детству. Это не нарциссическая и не идеологическая проекция взрослого писателя или воспитателя, не игра в архетип и не банальное стилистическое упражнение; это правдивая история ребенка, выслушанная изнутри и рассказанная открыто и свободно. Могущество желания, заставляющее пятилетнюю девочку выдержать ученичество, выйти победительницей из испытания, согласиться на болезненный переход от воображаемой книги к объективной банальности повествования, написанного взрослыми для послушных детей. Читатель может оценить, сколько жестокости содержат подчас методы чтения, насколько болезненным бывает процесс инициации, даже если это попросту процесс примирения с реальностью; но помимо этого новый читатель обнаружит, что он и сам может восприниматься другими людьми как объект — объект, испещренный знаками.

На этих страницах Франсуаза Дольто рассказывает, как она училась читать. Она пробуждает во множестве своих читателей забытые воспоминания об их собственном опыте, и поэтому публикация данного текста в книге о детях представляется нам полезной и уместной.

ТУФЛИ АБУ КАСИМА

Я решила рассказать вам одну историю¹: «Туфли Абу Касима», или, вернее, как 'я т ^1оже страданий и разочарований открыла для себя счастье читать — что и говорить, запредельное счастье...

«Туфли Абу Касима»! Замечательное название, правда? Догадываюсь, что оно заинтриговало вас, как предстоящий футбольный

• Автор посвятила это свидетельство бельгийскому философу Альфонсу де Велхенсу, присутствовавшему на консультациях, которые она давала детям в больнице Труссо «в качестве начинающего ученика-психоаналитика». — Прим. сост. франц. издания.

181

матч. Это заглавие книжки в роскошном красном переплете, которая для меня ассоциируется с часами надежды пополам со слезами. («Франсуаза, почему ты плачешь? — Потому что мне никогда ее не одолеть!») Звучание этого заглавия вызывает у меня в памяти солнечный августовский день 1913 года у моря, в Нормандии, где я сделала открытие, которое помогло мне резко перейти от безграмотности к культуре! Может быть, этот ослепительный прорыв, озаривший, как вспышка, мою обычную, каждодневную жизнь, это мое второе рождение было подготовлено долгим безмолвным и упорным трудом во тьме?

Читать? Какое необыкновенное, изумительное ощущение! А для всех "окружающих это казалось вполне естественным: логическое продолжение событий, как говорят ничему не удивляющиеся взрослые. Не удивительнее, чем чудо рождения, но тоже чудо: вещь, состоящая из бумажных листов, заполненных черными значками, рассказывает историю, представляет нам какую-то страну, какой-то пейзаж, оживляет перед нами воображаемые существа. Чудо и то, что слова, смешиваясь с нашими мыслями приводят к нам людей, других людей, прямо сюда, в нашу комнату. Чудо, что в пространстве, залитом светом настольной лампы, это сокровище — книга — привносит в сердце другую, отделенную от нас жизнь, которая таится в

значках, требующих расшифровки. И потом, как странно, что без читателя, или если захлопнуть «объект», эти волшебные страницы — просто вещь, не более того. И сам этот объект, книга, конечно, не такая вещь, как все другие, но все-таки она ведь не умеет мечтать. А что если и мы, мы сами, каждый из нас, существа из плоти и крови, — тоже вещи, то красные, в позолоте, то старые и растрепанные, и тоже испещрены значками? Другие, если напрягут внимание, если просветлятся сердцем, могут нас прочесть, а мы этого и не узнаем, нам и во сне-то это не приснится. Что, если каждый из нас, благодаря своему существованию в качестве «объекта», дает другим возможность читать, расшифровывать самого себя, узнавать и фантазировать о себе и о других?

Как сейчас помню революцию, которая свершилась в моем детском сердце. Сколько радости сулили все эти книги, выстроившиеся на полках в шкафу, когда я разбирала их названия на корешках! Потому что с того памятного августовского дня (а было мне без малого пять лет, и я любила играть, а кроме того, я была четвертым ребенком в семье, и в нашем доме, как только он просыпался и наполнялся вкусным запахом поджаренного хлеба, никогда не бывало

182

тихо) я помню свет, пробивающийся между затворенными ставнями, пока все еще спят, помню этот час, исполненный мягкого очарования и тишины. Свернувшись калачиком в кресле, под солнечным лучом, в котором без устали плясали таинственные пылинки, я открывала том и, глухая к окружающему, нетерпеливо в него погружалась. Новенькие и растрепанные книги, учебники старших братьев и сестер, сказки и приключения, томики, украшенные эмблемой в виде лаврового венка, — отца награждали ими в детстве, когда он учился в лицее города Ванва: римская история, Жюль Верн, сказки Флориана, Гриммов, Андерсена, Перро. Страницы с золотым обрезом, переплетенные выпуски детского еженедельника 1880 года «Моя газета» с рисунками, на которых были изображены дети в старомодных нарядах, точь-в-точь мои родители на фотографиях Надара... А потом... ведь научившись читать, я научилась и писать... на листах в линейку, прямо по этим рельсам, я писала письма (послания, в которых выстраивались гуськом почти неразборчивые буквы) бабушкам и особенно моей милой прабабушке, которая сразу же на них отвечала. А когда поднимался шум и гам, сопровождавший завтрак, я поджидала почтальона... Как видите, «Туфли Абу Касима» произвели в моей жизни революцию.

С какой благодарностью вспоминаю я «мадмуазель», молодую люксембургскую учительницу, которая тем летом 1913 года приходила помогать матери, ожидавшей пятого ребенка! Ее приглашали «к старшим». Мы шли с ней на пляж, она вязала или вышивала, а я пристраивалась рядышком, в тени зонтика, и восхищалась ее сноровкой.

— Ну, Франсуаза, иди поиграй, выкопай ямку, не болтайся без дела!

«Болтаться без дела» — это было ее любимое выражение для определения состояния созерцания или задумчивости. Милая мадмуазель! Она постоянно чем-нибудь занималась. Для нее размышлять значило «болтаться без дела», то есть предаваться бесполезному занятию! Меня это удивляло. А потом как-то раз она захватила на пляж для меня (для меня!) вязальные спицы, набрала «для меня» петли и показала, как связать одеяльце для моей куклы. Это было здорово! Я научилась вязать — как мне это нравилось, как нравилось! Мы с моей учительницей узнали друг друга поближе. По вечерам старшие делали задания, полученные на лето, а я, высунув от усердия язык, вязала где-нибудь поблизости. Чудеса: она умела поднимать петли, которые спускались (они не сами спускаются, объясняла она

183

мне, — это ты их «потеряла»). И вот дома, пока старшие занимались с учительницей, я обнаружила красную книжку, не слишком толстую, с потрясающими картинками. Если у меня спускалось слишком много петель, я ждала, когда мадмуазель освободится и поправит дело и — точь-в-точь как она порой читала мне вслух какую-нибудь историю, так я сама себе «читала» эти замечательные картинки. Да, конечно, я потихоньку «болталась без дела». Мадмуазель поглядывала на меня краешком глаза. Иногда я засматривалась на твердый переплет книги. Я мечтала. Я пыталась вспомнить во всех подробностях какую-нибудь картинку (они назывались «гравюрами»), потом открывала книгу и всегда удивлялась, когда обнаруживала, что картинка такая, как была. В моих воспоминаниях верблюды, ослы и люди в тюрбанах двигались, а в книге они были неподвижны.

Взрослые потешались надо мной, видя, как я то открываю книгу, то закрываю, то снова открываю. Особенно им было смешно, когда я объясняла, что меня удивляет. Но мадмуазель не смеялась. Она говорила мне, как что называется мечети, восточный базар, турецкий полумесяц, похожий на полумесяц луны, тюрбан, кафтан, феска, женщины в чадрах, пальмы, турецкие туфли. И я уже не обижалась на картинки за то, что они неподвижны, я смотрела на них, держа в голове все эти замечательные слова, и это было все равно что побывать там самой. Как-то раз она мне сказала, что книжка называется «Туфли Абу Касима». Абу Касим — это был человек в тюрбане, с бородой, в кафтане с широким кушаком, все время о чем-то споривший там, на восточном базаре, где рябило в глазах от ярких красок, синих теней и ослепительного

света

Все пространство на страницах, кроме гравюр, было покрыто крупными буквами. Через несколько дней мадмуазель мне сказала:

— Хочешь научиться читать? Ты сможешь прочесть эту книгу и узнать историю, которая в ней рассказана.

— Да! Хочу!

На другое утро мы начали. Вышеупомянутые «Туфли Абу Касима» лежали тут же, на столе, но мадмуазель не стала раскрывать эту книгу. Она раскрыла другую, маленькую, тоненькую, обернутую в синюю бумагу с белой прямоугольной наклейкой, обведенной двумя синими чертами, как воротничок матроски. На наклейке было написано какое-то слово, и мадмуазель сказала, что это «Франсуаза».

— Это твой учебник чтения. Вот как полагалось учиться читать.

184

Она открыла первую страницу. Тоненькая книжка раскрывалась легко, ее не надо было придерживать, как «Туфли Абу Касима», которые норовили захлопнуться, если не придерживать обеими руками. Там были только значки — мадмуазель сказала, что это «буквы». Когда их произносишь, получаются звуки. Буквы были прописные и строчные. Одни состояли из толстых линий, другие, такие же, — из более тонких, были с наклоном и без наклона, острые и округлые, печатные и письменные, то есть курсив. Какое красивое слово! — думала я. (Писать курсивом. Это все равно, что для господина Журдена говорить прозой! Сущее волшебство!)

Буквы были гласные и согласные, то есть такие, которые, если не связать их с гласными, не имели своего звука, а еще были дифтонга и.. всякие ловушки. Ловушки — это были всякие значки, о которых забываешь акценты, трема, точки, апострофы, тире, хвостик под буквой «с», запятые, — словом, все те значки, которые легко упустить из виду, — они кажутся не очень важными, не произносятся, но изменяют звучание написанного, заставляют иначе произносить записанные буквами звуки, или даже, непостижимым образом, изменяют смысл всего словосочетания, превращая его в вопрос или в ответ, в шутку или в серьезное замечание. Поразительный оказался учебник, но это продолжалось недолго.

По утрам мадмуазель звала меня. На каждой странице, справа, была маленькая картинка с предметом, название которого начиналось с какого-нибудь звука, глухого или звонкого (согласного!), а рядом были изображения буквы- прописной и ее близнеца — строчной, причем буквы, обозначая один и тот же звук, выглядели по-разному: одна и та же могла быть письменной и печатной. Эти знаки занимали левую часть страницы. На каждой странице соблюдался один и тот же порядок. Но это была только верхняя половина страницы. Нижнюю половину занимали сочетания этих знаков с теми, которые встречались на предыдущих страницах. Мадмуазель указывала на знаки острым кончиком ножа для разрезания бумаги, а я искала звук, соответствующий букве. Я так усердно напрягала внимание, словно пыталась заметить, как делается фокус, или разгадать загадку. Если я угадывала, конец ножа скользил вперед. Если нет, он застревал на месте, или, того хуже, мадмуазель возвращалась к одной из предыдущих страниц и оставалась там, пока я не найду то, что надо, а потом мы возвращались к странице, на которой споткнулись.

Мне хотелось идти вперед, заглянуть на другие страницы. Но не тут-то было! Незнакомое сочетание значков — и вот опять я

185

должна возвращаться назад, на ту страницу учебника, где эти значки и звуки, которые они передают, встретились мне в первый раз.

После этого мадмуазель брала тетрадку с широкими линейками, и я писала выученные в этот день буквы карандашом, кончик которого то и дело обламывался, потому что я нажимала изо всех сил. Мадмуазель меня не ругала. Я чувствовала себя глупой и неуклюжей. Она чинила карандаш перочинным ножиком, сперва состругивала дерево, потом терпеливо затачивала грифель, и приговаривала:

— А ты пока что расслабь руку, вот так, хорошо. Нет, не смотри на часы. Надо переписать всю страницу из учебника, это будет три строчки в тетради.

Я не видела никакой связи между этой, как она говорила, «работой» и все время отодвигавшейся надеждой прочесть историю в замечательной книжке «Туфли Абу Касима», по-прежнему лежавшей в углу стола.

А старшие братья и сестра хихикали надо мной, когда я выходила из комнаты моей учительницы:

— Ну что «Туфли Абу Касима», интересно? А я упрямо отвечала (ужасно сердясь на них):

— Да, очень.

— Врунья! О чем ты сегодня прочла? Увы, не могла же я им сказать всё как есть: «Па. пе, пи, по, пу. Нья, нье, ньи, ньё, нью». Поэтому я отвечала:

— О восточном базаре, о пальмах в пустыне... Да мало ли... Но вы слишком глупенькие, не стану я вам рассказывать. Иногда мадмуазель приходила мне на выручку:

— Не насмехайтесь, она хорошо запоминает, скоро она будет читать.

Как? Неужели эти полчаса совершенно бессмысленных усилий — это и называется учиться читать? Неизменно спокойная мадмуазель называла это — «наша с Франсуазой работа» и, казалось, была довольна, в то время как я не видела ни смысла, ни конца этому бормотанию звуков, которые ничего не означали, потому что это были только звуки.

Наконец добрались до последней страницы с Z (zed) и с картинкой зебры. В Париже мы жили на улице Гюстава Зеде. И хотите верьте, хотите нет, мадмуазель написала на тетрадном листе образец «Улица Гюстава Зеде», а я аккуратно перерисовала эти значки, как картинку, не понимая, что записываю звуки, которые мне знакомы. Помню, чтобы доставить удовольствие учительнице, я согласилась, что написала

186

название нашей улицы в Париже, но так и не поняла, почему она уверяет меня, что это наша улица.

Вереницы букв, группы звуков, которые я бубнила и писала на страницах тетради, не имели ничего общего с такими естественными модуляциями голоса, которые образ моей улицы вызывал у меня в памяти, когда, возвращаясь с прогулки, я весело выкрикивала, забыв об усталости и страхе не найти дорогу домой:

— Вот и пришли! Улица Гюстава Зеде!

После страницы с zed шло несколько страниц без картинок, со строчками, заполненными черными значками, сперва крупными, потом помельче. Это были «упражнения в чтении». Ну и дела! Мадмуазель сказала, это «текст».

— Ну, давай! Ты знаешь, что можешь!

И я приступила. Каждый раз, когда я забывала или ошибалась, приходилось возвращаться на ту страницу, по которой я в первый раз учила эту группу знаков, этот «слог», этот «дифтонг», которые сейчас не узнала.

До чего было обидно возвращаться к этим уже пройденным страницам — я-то воображала, что уже добралась до конца злополучного учебника! До того самого конца, после которого, как говорила мадмуазель, я смогу читать «Туфли Абу Касима»?

Как бы то ни было, надо было прочесть эти последние четыре страницы «текста».

Через неделю, которая показалась мне очень долгой, мадмуазель сказала, что теперь все хорошо:

— На этот раз ты прочла без ошибок. Я не понимала этих «текстов». А мадмуазель была в восторге. Воистину, взрослых понять трудно!

— Франсуаза, завтра начнем «Туфли Абу Касима».

— Какая радость! С учебником уже всё?

— Да, но мы его будем держать под рукой на случай... если тебе понадобится повторить!

На другой день я пришла заниматься в большом возбуждении.

— Дойдем до сих пор, — сказала мадмуазель, поставив карандашную пометку на пятой или шестой строчке первой главы.

— Нет, нет, до сих пор, — возразила я, показав на конец первой страницы. Она засмеялась:

— Посмотрим.

187

И вот я уже бубню слоги, составленные из букв, и перескакиваю через один самый непонятный слог, чтобы поскорей добраться до конца слова

— Нет, нет, внимательней, ты пропустила слог И мадмуазель, карандашом рисуя сверху дужки, принялась отделять слог, который мне предстояло прочесть, от следующих. Она поправляла

— Нет, не так «д» и «е» — это не «ед», это «де», а потом «р-е» — «ре» — «ре» и «в-о», да так и читай, «во». Теперь читай слово целиком (она соединяла три маленьких дужки одной большой) «де-ре-во», «дерево». Посмотри, «едрево» — это же ничего не значит. Хорошо. Но ты устала, до сих пор ты читала очень хорошо, без ошибок, а теперь читаешь как попало. Хватит на сегодня.

Мы не добрались даже до ее карандашной пометки!

— Завтра пойдем дальше, но если хочешь, перепиши к себе в тетрадку письменными буквами первые строки, до этой точки. Будь внимательна в книжке буквы не письменные, а печатные.

Писать то же самое, но по-другому было опять-таки странно, но забавно. Мадмуазель не делала никаких замечаний. Остановившись, я посмотрела на нее.

— Пиши дальше, хорошо, правильно.

Но зачем все это?

Я очень любила мою учительницу, но совершенно не понимала, что она заставляет меня делать. К чему это нас приведет?

Помню день, когда впервые прочла без ошибок (как она сказала) целое предложение. Это было предложение, потому что оно начиналось с большой буквы, там были запятые, на которых надо было остановиться и набрать воздух, а дочитав до точки, следовало сделать паузу.

— Хорошо, читай следующее предложение

И мой взгляд поплыл дальше, а голос, напряженный и монотонный, бубнил слог за слогом слова, по которым я водила пальцем Мадмуазель не рисовала больше дужек карандашом над строчками, не закрывала пальцем непрочитанную часть слова Наконец я добралась до точки, за которой начиналось «с красной строки»

— Очень хорошо. Что ты прочла. Я показала на абзац

— Все это

— Да, но что ты прочла? О чем здесь говорится.

188

На правой странице была картинка. И я пустилась придумывать, о чем (как мне казалось) говорила эта картинка. Мадмуазель очень серьезно и все так же спокойно сказала

— Нет, это ты придумываешь. Это не то, что здесь написано и что ты так хорошо прочла.

— Как? (Что она имеет в виду, когда говорит «очень хорошо прочла»?) Честное слово, здесь так написано.

— Тогда читай сначала (слезы, носовой платок). Ну, не унывай, у нас получится.

— (К чему это все? Все время сначала да сначала.) Нет, нет, мне больше не хочется читать.

— Ну, Франсуаза, у тебя уже почти получается.. Не унывай! И я, всхлипывая, принимаюсь сквозь слезы читать полстраницы с самого начала. Невыразительная, бессмысленная вереница звуков, которые трудно произносить, тем более что мешают слезы и все время приходится сморкаться.

В третий, в четвертый раз читаю этот проклятый абзац, и мадмуазель, по-прежнему спокойно, спрашивает

— Ну, о чем здесь говорится? Полно, утри слезы, высморкайся, попей воды, вот так, а теперь сначала, на запятых отдыхай Слушай хорошенько, что читаешь.

Слушать. Слушать! Начинаю сначала и — о чудо! Я стала слушать, что читаю, и фраза обрела смысл! Это было замечательно! Добравшись до точки, я пошла дальше, слушая свое чтение, потом, добравшись «до красной строки», начала сначала, хотя мадмуазель ничего не говорила, — просто для собственного удовольствия; сперва я читала медленно, слушала сама себя, и мой напряженный, монотонный голос делался увереннее, я читала уже быстрее, останавливалась на запятых, продолжала, понижала голос на точках! Я не хотела останавливаться, но всех уже звали к столу. Так вот что такое читать! Каждое предложение, каждый абзац что-то означают. Да, но...

За столом мадмуазель сказала маме:

— Готово, Франсуаз* -читает.

— Быстро научилась.

— Да, хотя Франсуазе показалось, что не очень, и я не вполне уверена, что ей это понравилось. Правда, Франсуаза?

— Нет, понравилось... просто я не знала, что такое читать. Братья спросили'

— Ты думала, это как?

189

— Не знаю... Как-то по-другому.

— Какая ты все-таки дуручка! Читать — писать — значит писать, вот и все.

Они, конечно, были правы, наверное, так оно и было.

После обеда, на пляже, я подошла к зонтику, под которым сидела мадмуазель с вышиванием.

— Скажите, мадмуазель...

— Что такое?

— Я хотела бы знать, как по правде учатся читать.

— Но ты же теперь знаешь.

— Да, потому что вы сказали, чтобы я слушала... И тогда мне стало понятно, но может быть, завтра я уже так не сумею!

— Что ты! Теперь уже не забудешь. Это все равно что ходить-если научилась, то уже не разучишься.

— Да, но я про то, что там написано... Хорошо, что мне понятно, но это не интересно, это не настоящие «Туфли Абу Касима».

— Нет, настоящие — это начало истории. Ты прочла первую главу.

Я задумалась.

— О чем ты размышляешь?

— Я думаю, почему вы мне раньше не сказали, чтобы я слушала.

— Нет, я тебе все время говорила, но у тебя не получалось слушать, тебе наверно было слишком трудно следить тазами.

— А когда читаешь и слушаешь, это другая история, чем та, что нарисована?

— Иди играй, завтра разберемся, что тебя смущает. А на другое утро я читала уже быстрее и понимала прочитанное, но в книге и в самом деле не говорилось о том, что я хотела *узнать*.

— Почему он говорит не то, что на картинке?

— Послушай, — объяснила мадмуазель, — тот, кто рисовал, сперва прочел историю, а потом придумал

картинки про то, что прочел. Если бы ты не видела картинок, ты бы тоже их придумывала, исходя из текста.

— Но «тексты» — это же то, что было в конце учебника?

— Конечно, ты права, но история о туфлях Абу Касима — это тоже текст.

— Ах, это текст? Текст — это и есть история? (я растерялась). Тексты в учебнике были ни о чем, просто упражнения в чтении.

190

— Нет, это были предложения, в которых про что-то говорилось. А ты не поняла?

— Нет, там не было картинок, одни слова.

— Но это как раз и значит читать: картинки не нужны; думаешь, о чем здесь говорится, и можешь нарисовать, как ты представляешь себе прочитанное.

— Ага! Но бывают такие слова, что я себе ничего не представляю... Истина приоткрылась мне; вместе с новым знанием я осознала то, что до сих пор было для меня непредставимо. Игра воображения, которое разбудили во мне замечательные картинки этой волшебной книжки, оказалась ловушкой. История, которую я жаждала узнать, была приманкой, ради которой мне так хотелось научиться читать и благодаря которой я «так быстро научилась», но какое разочарование я испытала, усвоив это новое знание!

Тогда мне было удивительно, что я сумела научиться читать. Да, научилась, — но это и все! И теперь я уже не могла утратить это знание. Затем я осознала, что это тоже самое, как ездить на велосипеде. Это не забывается. Невозможно спутать названия цветов, нельзя не отличить верную ноту от фальшивой. Мне это казалось таким странным... Я пыталась разучиться читать... Я обнаружила, что, если смотреть определенным образом, буквы расплываются... как будто я не умею читать. Но я знала, что это просто забавный фокус (я нарочно делала так, чтобы глаза разъехались в разные стороны). Я не «могла» читать, но я все-таки «умела» читать. И потом, мой фокус не удавался с крупными буквами, как в заголовках газет. Помню, я, совсем маленькая, задумалась над необратимостью знания: даже если больше не хочешь знать того, чем овладела после долгих стараний (я, например, сперва овладела чтением, а потом почувствовала, что угодила в ловушку, что хотела этого по глупости) — все равно ты это уже знаешь.

Но, между прочим, воспоминание об этой необратимой перемене осталось для меня связано с незабвенными «Туфлями Абу Касима», с теми восхищавшими меня черно-белыми «гравюрами», с плоским текстом, так отличающимся от всплеска моего воображения, порождавшего образы, которые оказались настолько красноречивы, что вызвали у меня желание и настойчивое стремление научиться читать; и это стремление, благодаря моей наставнице и ее учебнику, открыло мне дорогу к культуре. А если бы у меня не было личной мотивации в виде определенной книги, которую я сама выбрала и на которой

191

сосредоточила все свои желания? А если бы я часами сидела в школе вместе с тремя десятками других детей, для которых так же, как для меня, смысл уроков чтения не оправдывался бы необходимостью прочесть именно эту книгу, необходимостью, которую поняла и использовала мадмуазель, борясь с моим сопротивлением и усталостью, умело поддерживая во мне мужество и справляясь с моим упрямством? Именно эта «мотивировка необходимостью» вкупе с учебником, а шавное, с межличностными отношениями ученицы и учительницы, питавших взаимное доверие, все это вместе привело к успеху. Научить человека грамоте... Когда? Как? Зачем?

А родился я на пятьдесят лет позже, в эпоху мультфильмов, аудиовизуальных средств, комиксов — появилось бы у меня это пылкое желание научиться читать?

Может быть, об этом лучше спросить философов.

Глава 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕТСКОГО ПСИХОАНАЛИТИКА И ЕГО ПУТЬ

Чтобы лучше понять труд Франсуазы Дольто и тот огромный, возрастающий с каждой новой сменой поколений интерес к нему, необходимо поместить этот труд в его исторический контекст и упомянуть не только о препятствиях, стоявших у нее на пути, но и о постепенном развитии «идеи» исследовательницы, которая была в то же время и ее призванием. Мы увидим, что психоанализ оказался, в сущности, подспорьем и подтверждением детской, девичьей и женской интуиции.

Итак, после того как в возрасте пяти лет я открыла для себя чтение, мне стало ясно, что я буду делать дальше: я буду издателем детской газеты.

Когда я еще не умела читать, меня завораживали детские газеты, которые я видела в киосках или в руках у старших братьев. Я восхищалась чертежами самоделок, которые надо была смастерить из картона или из лоскутков, хотя чтение инструкций еще было мне недоступно. У нас были еженедельники 1880 года, переплетенные в свое время для братьев и сестер моей мамы. Их достоинства и недостатки были для меня очевидны. Быть взрослой и умной значило выпускать детскую газету, которая обладала бы

достоинствами других газет, но была бы свободна от их недостатков, в частности, от неправдоподобия выдуманных «правдивых историй».

К восьми годам мои планы изменились.

— ... А ты, Франсуаза, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Врачом-воспитателем.

— Что это значит?

— Это значит, таким врачом, который знает, что дети иногда болеют от того, как их воспитывают.

Я была четвертым ребенком в семье (в ту пору нас, детей, было у родителей уже шестеро). У англичанки, которая ухаживала за малышами (мама занималась теми, кто постарше), часто возникали стычки с кухаркой. У самого младшего бывали рвоты. Вызывали

193

врача, и он предписывал диету. Малыш плакал от голода. Я замечала как из-за домашних неурядиц, которые скрывали от мамы, дети выбиваются из нормального ритма. Я знала об этом, но помалкивала. Я понимала, что происходит.

Забившись в уголок, я раздумывала: почему доктор не спрашивает, что у вас произошло? Почему, узнав, что у младшего брата несварение желудка, он говорит: «Надо посадить ребенка на диету и три дня держать дома»? А ведь если бы он спросил: «Что у вас произошло от шести до восьми вечера?» — именно тогда брата начало рвать, он бы узнал, что англичанка переругалась с кухаркой и та на нее наорала... А я это заметила (мне было пять лет), но никто меня об этом не спрашивает. И мне казалось, что, знай об этом врач, он бы мог успокоить моего братика:

— Не обращай внимания, они поссорились, но не нужно из-за этого переживать. Это вечная женская склока между кухаркой и мисс. Я давно это понял, так что ты вполне можешь обойтись без рвоты. Какое тебе дело до их ссор!

Дома всегда было полно народу: дяди, тети, бабушка с дедушкой. Много веселья, но и много осложнений. Такая насыщенная семейная жизнь позволяла наблюдательному и восприимчивому ребенку, каким я тогда была, осознавать, до какой степени отношения между людьми и всяческие испытания влияют на их эмоциональный тонус, на их здоровье. То, что называли болезнями, на самом деле было эмоциональными реакциями. У меня на глазах женщины и дети физически или психологически расклеивались, потому что их отец, или брат, или жених пропал без вести на войне, или потому что один из сыновей освобожден от воинской повинности... Я говорила себе. «Какие дураки эти доктора, они не понимают детей. И взрослых тоже не понимают. Может быть, если бы все эти люди кричали или плакали, им бы не нужны были лекарства».

Мне хотелось, чтобы врач, которого мама вызывала, когда кто-нибудь из детей заболел, не попадал в плен мнений, которые высказывала мама — это, мол, начало болезни, — а понимал, что ребенок хочет что-то выразить, и догадывался бы, в чем дело. А мама тревожилась и решала, что ребенок болен. Разумеется, ребенок не мог объяснить маме, что именно произошло. Может быть, он уже и сам об этом не помнил.

Если нам нездоровилось, у мамы портилось настроение (на самом деле, она тревожилась'). Мы чувствовали себя виноватыми, что доставляем маме беспокойство. Приходил врач, укладывал нас в постель,

194

мы томились. Мне казалось, что было бы лучше разрешить выздоравливающему ребенку встать, поиграть, если он чувствует, что это ему по силам. Моя мама послушалась бы врача, если бы он ей это посоветовал: она и сама была непоседой. Но...

— Доктор велел тебе сидеть дома, не утомляться... или даже лежать в постели: до тех пор пока температура не упадет до 36,8°.

Силы с каждым днем прибывали, а приходилось притворяться инвалидом, несмотря на то, что состояние вполне позволяло встать. Надо было оставаться пассивными. Мне это казалось глупым и несправедливым. С какой стати кто-то посторонний приказывает тебе лежать? Почему мы должны лежать в постели? Глупо. Когда-то врачи предписывали «оставаться у себя в комнате». Но в те времена в той же комнате жили и все остальные. В наше время, когда уже топили во всем доме, это стало означать полную изоляцию. Даже если твоя болезнь незаразна или опасность заразить других миновала. Я понимала, что нельзя ходить в школу, если можешь заразить других учеников. Но ведь дома я могла развлекаться, читать, делать все, что хочу. Почему под предлогом болезни я должна валяться в постели, если мне хочется встать?

Согласно моим детским представлениям, «врач-воспитатель» так бы не поступал. Ни за что!

У меня не было ни малейшего сомнения: болезни бывают от семейных неприятностей. (В действительности, конечно, бывает и по-другому.)

Дети могут великолепно понять чутьем, что нужно всем детям. Даже маленькие могут подать дельный

совет. Может быть, врожденная интуиция подсказала мне то, что спустя два-три десятилетия получило название «психосоматика»? Нет. Думаю, что к выбору профессии, которая давала мне выход на будущее с оглядкой на настоящее и прошлое, меня подтолкнул опыт войны 1914 года.

Когда разразился всемирный конфликт, мне было пять с половиной. С этого возраста и до десяти лет (до 1918 года) я присутствовала при трансформации семей, и меня потрясли многочисленные драмы людей, которые лишившись среды, обеспечивавшей им устойчивость и безопасность, оказывались не готовы принять свою судьбу. Семьи разрушались из-за отсутствия отцов. Одни женщины сходили с ума, другие становились «неврастеничками». Взрослые оказывались хрупкими. К тому же — деньги. Вдова, не имевшая никакой квалификации, должна была зарабатывать на жизнь. Вокруг я видела женщин-слу-

195

жащих, женщин-лавочниц, которые работали и не утрачивали равновесия, даже если мужа или сына убивали на войне.

Портнихи неплохо зарабатывали и не стыдились того, что они портнихи. Но одна военная вдова из буржуазной среды не могла быть портнихой; хотя руки у нее были умелые, она не имела профессии, люди не хотели к ней обращаться; ей приходилось шить тайком и сбывать свои изделия через посредниц за сущие гроши... И все эти женщины не могли обеспечить своим детям такую жизнь, как при мужьях... Несчастные, недоедающие, всеми пренебрегаемые, униженные, они теряли лицо, теряли силы, и вся их жизнь шла под откос. Это меня поразило. И я себе сказала: человек должен рассчитывать только на самого себя и в случае надобности уметь заработать себе на жизнь. Во мне укоренилась мысль, что женщина, которая растит детей, должна еще до замужества обзавестись профессией, чтобы потом, если с мужем случится несчастье, если он погибнет на войне, попадет в аварию или заболеет, она могла обеспечить детям ту жизнь и то воспитание, которые они с мужем для них предусмотрели.

Итак, получить профессию. Но не какую попало.

Другое наблюдение склоняло меня к выбору профессии, которая была бы не только средством обеспечить существование. Во время войны 1940 года были МЯСы (это расшифровывалось как Масло-Яйца-Сыр — *прим. сост. франц. изд.*) — спекулянты, торговавшие на черном рынке при оккупации. Новые богачи, «нувориши», — так называли их в войну 1914-го. Было известно, что они наживаются на нищете людей. Они спекулировали на чужом несчастье, покупая задешево дома, мебель, драгоценности, землю, акции, а потом перепродавали как можно дороже. Я не хотела заниматься коммерцией, потому что коммерция представлялась мне занятием для негодяев. На самом деле это не так. Посредники необходимы, просто все дело в способе посредничества, в соблюдении или несоблюдении законов.

Закон, провозглашавший мораль извлечения выгоды за счет других, меня возмущал. Я видела, как люди, которыми я восхищалась, которых считала порядочными, за годы войны превратились с моей точки зрения в жуликов, эксплуатировали время, здоровье других людей. На мой взгляд, это было падение. «Бывают такие профессии, — думала я, — которые несовместимы с человечностью».

Это заставило меня обратиться к заботе о детях — ведь многие взрослые меня разочаровали, — потому что для живых существ в

196

процессе становления можно было сделать очень многое; они еще не были изуродованы, разрушены жизненными испытаниями (или жизненными удачами).

...«Врач-воспитатель.» Он, по крайней мере, связан с будущим. Помимо этого, я надеялась выйти замуж, родить детей, и если муж будет достаточно зарабатывать, жить по-буржуазному, на содержании мужа. Я не видела в этом ничего дурного; с моей точки зрения, роль женщины заключалась в поддержании домашнего очага и воспитании детей. Если муж зарабатывает достаточно — прекрасно. Но я себе сказала: до замужества я хочу получить профессию, потому что мало ли что... Я видела столько вдов, оставшихся с детьми на руках и без всяких средств. Служба социального обеспечения появилась лишь в 1936 году. Людей разоряла не только война. Были и кризисы, и американский крах 1929 года, и русская революция с ее эмигрантами. И болезни...

В шестнадцать лет получив степень бакалавра, я хотела продолжить учебу и стать врачом. Но пришлось ждать годы, прежде чем я смогла записаться на медицинский факультет. Почему? Потому что мать возражала, а отец к ней присоединился: ты теперь наша единственная дочь. У тебя пять братьев. Оставайся при нас. У тебя нет никакой насущной необходимости зарабатывать на жизнь.

— Когда тебе стукнет двадцать пять, делай как знаешь. А до тех пор живи с нами. Если не передумаешь, уйдешь из дому после двадцати пяти.

У меня не было никаких причин огорчать родителей. Сначала в нашей семье было две девочки и четыре мальчика. Я была четвертым ребенком. Моя старшая сестра за несколько месяцев сгорела от рака, ей тогда было восемнадцать, а мне — двенадцать лет. Когда мне было пятнадцать, мама родила пятого сына. Для нее была непереносима мысль, что единственная оставшаяся у нее дочь уйдет из семьи. И потом,

с ее точки зрения, если девушка решила получить образование, она обрекает себя на безбрачие и бездетность. В нашей семье, как с материнской, так и с отцовской стороны, я была первой девушкой, изъявившей подобное желание.

— Ты не создана для этого, — твердила мать.

— Я хочу сама зарабатывать себе на жизнь, — возражала я, — жить в своем собственном доме.

— Ты можешь остаться с нами, и потом, рано или поздно ты выйдешь замуж...

— Я хочу получить образование и профессию.

197

— Значит, ты не собираешься выходить замуж? Можно учиться и дома, не посещая университета.

— Да, правильно, но я хочу изучать медицину. Это мне интересно, и я хочу обеспечить себя серьезной профессией — пускай даже потом я выйду замуж, обзаведусь детьми и не буду работать.

С точки зрения наших матерей, порвать с привычками женщин их социальной среды означало сбиться с пути. В кругу, к которому принадлежала моя мама, мысль, что женщина стремится получить образование, чтобы зарабатывать себе на жизнь, вызвала ужас. Мне грозило наихудшее — моя мать предсказывала: никто тебя не возьмет замуж. Это значило — лишиться себя и её потомства. Безумие. Позор. Даже для моих родителей, людей, восприимчивых к культуре настолько, что дома у нас не существовало никаких ограничений в чтении. А поскольку интересы у меня были разносторонние — шитье, музыка, спорт, — скучать мне было некогда. Я терпеливо ждала. И я об этом не жалею. Я была немного старше своих однокурсников, когда приступила к учению, которое в то время сразу же вводило студента в больницу и сталкивало с людским страданием.

Еще одно воспоминание-веха, свидетельствующее о том, что Франсуазе Дольто легко и естественно было обращаться к маленьким детям, как к равным существам: она не фиксируется на росте, как большинство людей. Какого роста человек: большого или маленького — ей безразлично.

В детстве я прочла книги одного шведа по гимнастике для женщин, для мужчин, для детей. Это были новые альбомы, предлагавшие очень простые движения. Семейная шведская гимнастика — считалось, что для того, чтобы быть здоровым, надо приступать к ней с самого детства. Мой взгляд задерживался на изображениях детей, которые катались в сайках по снегу, — я никогда такого не видела. Это были люди из моих снов, пейзажи из волшебных сказок.

Меня это восхищало. Родители не занимались спортом, только ездили на велосипедах во время каникул.

Все люди на картинках выглядели довольными: видно было, что детям в радость бегать и играть на воле. Мне очень хотелось последовать их примеру — я-то всегда ходила в платицах, в носочках, в туфельках! Летом наши морские купания длились несколько минут'

Но мы посещали занятия по гимнастике. Мама считала, что осталась маленького роста потому, что в молодости не занималась

198

гимнастикой! Хотя ее брат и сестра, которых воспитывали так же, как ее, выросли высокими...

Мне не казалось, что она маленького роста. Удивительно: рост у нее тот же, как у моей дочери, 151 см, а дочка не кажется мне маленькой. Но мама страдала от своего роста, а моя дочь не страдает.

Для меня рост людей не имеет никакого значения, лишь бы они чувствовали себя уютно в своей шкуре и тело соответствовало их жажде деятельности. Сама я среднего роста.

По тогдашним меркам отец, братья и сестра считались высокими; рост самого мелкого из моих братьев — 176 см. Даже когда я была маленькой, мне было все равно, какого кто роста, лишь бы человек был живой и общительный. Это очень удивило моего мужа, считавшего себя коротышкой, хотя в нем было 169 см роста! Он был типичный украинец, с юга России, мускулистый, пропорциональный... Чего еще?

Вот еще одно расхождение в мыслях между мной, моими родителями и многими другими людьми, считавшими, что высоким быть «хорошо».

Для меня быть врачом — это значило не пестовать телесное совершенство, а увязывать здоровье с жизнью тела и духа. Это был поиск равновесия между жизнью для себя и жизнью с другими, а не стремление к «норме». Это было немного расплывчато, но я не имела ни малейшего желания стремиться к «норме» — ни к физической, ни к умственной.

«Мифологические» прогулки с младшим братом убедили девушку, что дети стоят у истоков знания и что опасно подавлять их воображение.

Мне было пятнадцать, когда в нашей семье родился самый маленький. Мама была разочарована: она только что потеряла старшую дочь, и ей не хотелось пятого сына. Она кормила его грудью, как всех нас, но сама занималась «средними», а мне поручила заботиться о малыше, о его играх, о его воспитании. Я ему любила рассказывать сказки и легенды, черпая вдохновение в великих мифах. Я имела возможность наблюдать, с какой легкостью, с какой естественной радостью маленький ребенок развивает и одушевляет воображаемую жизнь, которая, быть может, реальна, как сама реальность. Это глубинная реальность

коллективного сна наяву. С его точки зрения,

199

мифологические персонажи жили среди нас. Гуляя с ним в саду Тюильри, я показывала ему Сону и Рону, реки, изображенные в облике людей, и он радовался, видя, что в большой семье водных потоков главные реки — это взрослые, а притоки — их дети, и, к моему удивлению, запоминал их имена-названия. Какие могут быть сомнения в том, что у лошади бывают крылья: ведь он собственными глазами видел статую конька Пегаса. Совсем еще маленький, лет с четырех-пяти, он обожал ходить в музей, потому что встречал там своих старых друзей из мифологии. Для него было великим наказанием, если его лишали музея. Я добивалась для него смягчения кары: «Пойдем, но только на часок».

У следующего за мной по возрасту братишки Филиппа был очень красивый голос — говорили, что он поет, как дети в Сикстинской капелле, — и он был семейным аэдом. Он принимал героические позы, разыгрывал эпические сцены собственного сочинения, в которых я узнавала слова и выражения взрослых, на лету подхваченные его чутким слухом. За эти оперные импровизации, несомненно по причине их громкости, ему доставалось немало, он получал больше «критики» от окружающих, чем наш младший брат, хотя тот и щебетал без умолку, потому что никто из взрослых не ходил за нашим малышом по пятам и не сердился на его беспрерывную болтовню. А Филипп был уже не такой маленький, ему полагалось заниматься только уроками и домашними заданиями; время от времени его просили замолчать, потому что его пение всем мешает, и бедный мальчик постоянно чувствовал себя обиженным.

А младшенький, Жак, мог свободно болтать, сколько ему заблагорассудится, и позже ему не стоило ни малейшего труда вписаться во внесемейную среду; с самого раннего возраста социальная жизнь давалась ему легко. Филипп, «песенный дар» которого мешал окружающим, страдал от подавления своего артистического таланта, его вечно одергивали. Помню, как после смерти старшей сестры он импровизировал бесконечную великолепную ораторию в миноре, на тему дерева, поверженного ударом молнии. Откуда он почерпнул для своей драматической поэмы эпический язык, бессознательно передававший семейное горе? Длинные речитативы, перебиваемые напевными жалобными мелодиями, выражали отчаяние всего леса, деревьев, зверей, оплакивавших друга. Оставшись в одиночестве в спальне «девочек», я слушала, как он воспекает «Горе», сидя в комнате «малышей» взаперти... «чтобы не мешать другим». А мне это помогло выжить... А потом оратория прерывалась — голос взрослого сухо

200

приказывал горяющему ребенку замолчать. «У тебя нет сердца! Вся семья скорбит, а ты распеваешь!» И несчастный ребенок виновато умолкал. Чувствительная, артистическая натура — он сам был как подкошенное дерево... К счастью, через минуту он опять начинал петь о своих переживаниях, сперва без слов, а потом с наивным лиризмом находил новые слова, чтобы выразить свое отчаяние. Мне в мои двенадцать лет он казался храбрым, но он о том и не ведал. Он просто не мог иначе, несмотря на ругань и упреки, которыми его осыпали взрослые, не желавшие его понимать и принимать.

Я думаю, что вместо того, чтобы с высоты своего возраста, во имя разума или школьных требований без конца подавлять стихийную функцию воображения ребенка, его дар самовыражения, фантазию, спонтанность, которые он щедро и нерасчетливо, без малейшей корысти, как искры, как молнии, расточает перед всеми в порывах, нарушающих все принятые законы общения — общество взрослых должно предоставить детям свободу пользоваться их собственным языком, и не только самым маленьким, но и Тем, кто постарше. В скольких случаях можно было бы избежать заторможенности — или хотя бы свести ее до минимума! Но для этого пришлось бы полностью переменить курс. С уважением относиться к экспрессивным особенностям каждого.

Занимаясь младшим братом, я поняла, что дети стоят у истоков знания. Они задают настоящие вопросы. Они ищут ответы, которых нет у взрослых. Чаще всего взрослые хотят понять детей для того, чтобы над ними господствовать. А им следовало бы почаще прислушиваться к детям: тогда бы они обнаружили, что в нашей жизни, простирающейся куда шире семейных и социальных страданий и драм, все тяготы которых дети делят с нами соответственно своему возрасту и природным дарованиям, именно они, дети, владеют ключами от любви, надежды и веры.

Итак, с учением пришлось повременить. За два года до назначенного срока мама разрешила мне учиться на медицинскую сестру. Я воспользовалась случаем. Что ни говори, если изучение медицины окажется чересчур тяжким делом — чего я опасалась, — у меня все же будет профессия.

Как объясняла мне позже мама, она надеялась, что я удовольствуюсь этим, или, более того, — это вообще отобьет мне охоту к дальнейшей учебе. Но это, напротив, колоссально помогло мне

201

в дальнейшем, потому что во время изучения медицины — увы! — не делается ничего, чтобы развить у студентов ловкость рук и сноровку. Медсестру в основном учат обслуживать больного, открывают перед ней больничную «изнанку». Когда доктор идет по отделению, это всегда немного спектакль; и только после

обхода больной оставляет попытки произвести хорошее впечатление, предстает таким, каков он есть, со своим страданием и отчаянием. Родные делятся своей тревогой, своими моральными и материальными трудностями не с врачом, который в силу своей власти или знания чересчур вознесен над всеми, а с медсестрами, — с ними делятся своей растерянностью, сомнениями относительно лечения, диагноза, поставленного врачом... Для меня это оказалось превосходной школой, которая очень пригодилась мне в первые годы моей больничной врачебной жизни.

Итак, в 1933-м я начала учиться на отделении физики, химии и естественных наук — в те времена это было медицинской пропедевтикой".

Там я встретила с Марком Шлюмберже, сыном писателя Жана Шлюмберже. По образованию инженер нефтеразведывательной службы, но уже изучивший психоанализ в Австрии, а потом в Англии (он прошел через школу в Саммерхиле), он хотел стать врачом, чтобы без помех заниматься психоанализом во Франции. Это он мне сказал, что если я хочу заниматься «воспитательной медициной», о которой я ему рассказала, — мне нужно изучить психоанализ.

Сперва я очень удивилась: сдавая философию на степень бакалавра, я выбрала себе в качестве темы психоанализ, и считала, что это новая отрасль философии, — но теперь мне хотелось заниматься развитием людей, а не просто философскими спекуляциями, как бы интересны они ни были.

Что я знала о психоанализе? Этот предмет был тогда известен узкому кругу, и то больше за границей. В отцовской библиотеке в 1924 году я прочла по-французски кое-что о Фрейде. Готовясь к получению степени бакалавра — написала добросовестное сочинение по классической философии. На устном экзамене преподаватель спросил о психоанализе. Я ответила-

— Это время и пространство, пережитые в детстве, которое всегда присутствует в бессознательном и возвращается в образах снов.

« Пропедевтика — предварительный круг знаний о чем-нибудь (В. К.).

202

Меня интересовал именно этот остаточный синхронизм, что было уже неплохо. Я объяснила профессору то, что поняла тогда из психоанализа: что истоки связей между идеями могут таиться в бессознательном и что во сне активность сновидения бережет покой спящего, который психологически находится не в том состоянии, чтобы устанавливать в жизни связи с другими людьми, но фантазирует о них, смешивая свои воспоминания о реальном прошлом с сиюминутными желаниями. Мой ответ развеселил экзаменатора. И он предложил мне вопрос, которого нельзя избежать в психоанализе:

— А место сексуальности, мадмуазель? Пансексуализм* Фрейда — что вы о нем думаете?

— Может быть, я не вполне это поняла, но все то, что заинтересовало меня насчет сновидений и грез, доказывает, что остальное, наверное, тоже очень интересно.

Экзаменатор из скромности не стал расспрашивать дальше... Шел 1924 год.

Марку Шлюмберже, с которым мы вместе учились в 1933 году, я обязана тем, что прочла Фрейда, которого тогда перевели на французский («Психопатология обыденной жизни», «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Три очерка по теории сексуальности», а потом «Толкование сновидений»). Для меня это было откровением. С другой стороны, я чувствовала себя виноватой в том, что нарушила семейный порядок, сделав выбор в пользу учения.

Меня обуревала тревога; меня принял Рене Лафорг*", к которому я пошла по совету Марка поговорить о своей растерянности. Психоанализ я проходила по классической схеме, три года. В те времена психоанализ продолжался очень долго, и такие опыты были весьма редки. Я продолжала в течение трех лет с перерывом только на месяц каникул. Во Франции я — первая женщина, которая прошла психоанализ, прежде чем стать женой и матерью. В моем поколении не знаю другого такого случая. Это потребовало от меня огромных усилий, но необыкновенно помогло и в моей женской жизни, и в моей профессии, а потом очень пригодилось в отношениях с моими собственными детьми. Во время анализа я поняла, что мама хотела удержать меня рядом с собой из материнской любви, чтобы компенсировать драматическую потерю старшей дочери. Мое присутствие

• Пансексуализм — представление о том, что все в природе, человеческой жизни и истории движимо сексуальным началом (В. К.).

" Рене Лафорг — французский психиатр, один из первых сторонников Фрейда во Франции, стоявший у истоков развития психоанализа в этой стране.

203

в доме казалось ей необходимым. С ее точки зрения, если женщина становится врачом, она потеряна для семейной жизни. Эта профессия обрекает женщину на безбрачие, то есть — одиночество, вынуждая к вовсе небезопасному саморазрушению в чужих судьбах.

В те времена у психоаналитиков, если вы хотели заниматься детьми, считалось достаточным избавиться от собственных сложностей в жизни. Я же считала, что должна пройти через длительный психоанализ, чтобы оказаться вровень с детьми и их родителями. Это была совершенно революционная идея. К счастью,

мой психоаналитик согласился на такое продление курса. Я и сегодня думаю, что психоаналитик должен заглянуть в собственную историю гораздо глубже, если он хочет заниматься детьми, то есть детским психоанализом: потому что иногда психотерапия взрослых и детей сводится к исправлению, а не к психоанализу, что совсем другое дело.

Во время экстернатуры в Клинике больных детей мои товарищи удивлялись и слегка иронизировали, слыша, как я говорю о новорожденных. Для меня эти дети были детьми своих родителей. Я говорила им об их папе и маме, которые скоро придут их проведать, об их маленьких соседях по палате, о моих отношениях с ними. Если бы я вызывала нарекания в профессиональном, педиатрическом плане, меня бы изолировали как чокнутую. К счастью, я ловко справлялась с уходом за детьми и серьезно относилась к работе. В ординаторской со мной яростно спорили, меня, молодого экстерна, проходившего длительный психоанализ и беседовавшего в больнице с новорожденными, осыпали насмешками. Мне твердили:

— С ними бесполезно разговаривать: они же ничего не понимают. Я отвечала, что у них такой вид, будто они всё понимают. А надо мной посмеивались. Но мягко, без обидной критики, потому что все чувствовали, как дети любят, чтобы я ими занималась. Впрочем, я и не знала, что люблю детей... Я любила людей, вот и всё. И с тех пор я не изменилась: детей и взрослых я люблю одинаково, я люблю детей за то, что они люди, и за то же самое я люблю их растерянных родителей.

Однажды вечером я пришла в гости. Вдруг вскакиваю:

— Я забыла попрощаться с Мишелем! Вернусь через час... Я покинула потрясенных хозяев дома, которые понятия не имели, кто же такой этот Мишель.

Приходя к клинику, я всегда здоровалась с «моими» детьми, а уходя — прощалась. В тот день одному из малышей, Мишелю (восемнадцати месяцев), делали рентген, когда кончилось мое де-

204

журство. Я собиралась зайти к нему в рентгенологическое отделение, тем более, что потом мы с ним не увиделись бы до утра понедельника. Но я забыла и не зашла в рентгенологию. И вот я вернулась под вечер в отделение Клиники больных детей. Дежурная спросила: «Вы что-то забыли?» — «Да, — отвечаю я, — забыла попрощаться с Мишелем.» — «А, с Мишелем! После рентгена ему, кажется, стало хуже. Отказался от полдника. А ведь утром было уже намного лучше.» — «А температура?» — «Поднялась.» Подхожу к постельке Мишеля — он лежит грустный, ко всему безразличный. Другие дети меня окликают: «Мадмуазель, мадмуазель!» — «С вами я попрощалась, а вот с Мишелем — нет.» И я обращаюсь к Мишелю: «Мадмуазель Маретт" нехорошая! Сегодня утром, когда тебе делали рентген, забыла с тобой попрощаться... Говорят, ты не съел полдник. Тебе нехорошо? Слушай, ведь я думаю о тебе... а сейчас доктор такой-то (это был интерн) придет, а- я вернусь в понедельник утром. Завтра воскресенье, по воскресеньям меня здесь не бывает, но с вами будет доктор, и кроме того, к тебе придут папа и мама, и кроме того, у тебя здесь есть друзья. До понедельника.»

В понедельник утром дежурная сказала мне:

— Невероятно! После того как вы заходили в субботу вечером, у Мишеля исправилось настроение, он захотел попить. Ему дали рожок. И он взял, хотя за полчаса до того отказывался. Вчера утром температура упала, к нему приходили родители. И теперь все идет хорошо!

С тех пор эта медсестра относилась ко мне особенно хорошо. Я забыла эту историю и вспомнила о ней совсем недавно. Мне напомнила ее одна знакомая, которая тогда, сорок лет назад, тоже была в гостях в том же доме. Для меня это было обычное дело: из этого складывалась моя экстернатура. Я обращалась с младенцами именно так. Объясняла им, что с ними сейчас будут делать. Успокаивала их. А мои товарищи-врачи не понимали, зачем я так говорю с малышами, которые еще не владеют членораздельной речью.

Почему я, сидя в гостях у друзей, вдруг вспомнила о Мишеле? Почувствовала, что он во мне нуждается? Может быть, как раз тогда он отказался брать рожок и дежурная забеспокоилась? Думаю, что эта интуиция входит в состав отношений между врачом и больным. Это перенос. Но в те времена я еще этого не понимала — ведь

• Девичья фамилия Ф. Дольто.

205

я не была психоаналитиком, и кстати, не испытывала ни малейшего желания им стать.

Как же я все-таки стала психоаналитиком?

Один из моих руководителей во время экстернатуры, профессор Эйер, боровшийся за эволюцию в психиатрии, хотя, впрочем, весьма сдержанно относившийся к психоанализу, предложил мне проходить интернатуру не в парижских больницах, а в психиатрических клиниках — их называли тогда «asile» — «убежища». К конкурсным экзаменам можно было готовиться в департаментских клиниках (в частности, в департаменте Сены).

Мне предложили место интерна в одной из таких психиатрических клиник недалеко от Парижа, в

женском отделении. Там мы тратили кучу времени на то, чтобы отпирать и запира́ть двери с помощью тяжелой связки ключей. Подопечные сидели взаперти, их держали в состоянии полной бездеятельности. Это была целая драма. У них отсутствовали какие бы то ни было отношения с другими людьми. На тысячу или тысячу двести больных приходился один интерн, у персонала вообще не было специальной подготовки. Мы вели ежедневный прием поступающих: много случаев старческого слабоумия, но были и женщины среднего возраста в периоде менопаузы, у одних имелась профессия, другие были молодыми домохозяйками, которые впадали в депрессию в результате разочарования, тяжелого испытания, смерти близкого человека. Были там и девушки, которые перенесли несчастную любовь или аборт и теперь испытывали сильное чувство вины... Их подбирали в общественном транспорте, передавали сперва в специальное отделение-распределитель, а затем помещали в какую-нибудь периферийную психиатрическую больницу (asile). На периферию отправляли и тех больных из больницы Святой Анны, к которым никто не ходил. Когда их привозили, у них отбирали чулки с поясом, обувь, щетки, гребни (чтобы они не причинили себе вреда!). Им оставляли только сорочку и длинный халат без пояса. Никаких личных вещей и полное бездействие. Молодые девушки вперемешку с выжившими из ума старухами. Девушке моего возраста оставалось только впасть в отчаяние при виде всех этих обреченных. Каждые две недели полагалось заполнять листки на продление содержания, переписывая предыдущие — у нас не оставалось времени на то, чтобы поговорить с больными, узнать, что привело их к такой декомпенсации*. Всё это показалось мне настолько возмуща-

• Декомпенсация — *мед.* нарушение деятельности организма, какой-либо его функциональной системы или органа, возникающее при неспособности его приспособительных механизмов компенсировать вызванные болезнью изменения.

206

тельным, что я решила: вмешиваться надо на предшествующем этапе — я буду работать с детьми. Столкнувшись с этим кошмаром и с невозможностью сделать что-либо для взрослых, поскольку было уже слишком поздно, я сказала себе: надо заняться детьми до того, как они сюда угодят! На этой стадии следует работать средствами общей медицины, но с помощью элементов психоанализа. Вот что надо делать.

Я отдавала себе отчет в том, что независимо от тяжести психиатрического поражения все эти женщины, — и те, что страдали галлюцинациями, и те, что перенесли недавнее потрясение — говорили о своем раннем детстве. И я решила: надо, не дожидаясь, пока наступит тяжелая декомпенсация, помочь этим существам говорить, чтобы эти подавляемые остатки детства могли найти себе выражение и не проявлялись в неузнаваемом виде в результате испытания, перенесенного во взрослом возрасте. Например, женщина, которая хочет, но не может иметь ребенка, или у которой умер ребенок, может воспроизводить тревогу своей матери по поводу того, что случилось, когда ей самой было года три-четыре! И тогда у нее внезапно наступает провал в собственной идентичности, и она начинает смешивать взрослые представления с детскими.

Я видела, что все эти истории связаны с внезапной утратой чувства идентичности, — ведь в каждом случае в результате перенесенного испытания или несчастного случая в жизнь личности внезапно вмешивались остаточные явления детства. И это утвердило меня в мысли, что нужно заниматься детьми, чтобы предотвратить это зло; нужно помогать им выразить то, что в противном случае взорвется позже. Это хорошо увязывалось с тем, что я поняла, когда сама проходила курс психоанализа. Я задумалась над приложением психоанализа к предупреждению болезней. Сначала я от применения медицинских методов перешла к профилактике личностных и социальных расстройств, возникающих вследствие неосведомленности врача о тех ^эмоциональных потрясениях, что спровоцировали появление физических функциональных симптомов, причины которых невозможно было распознать и которые поэтому врач лечил как обычные болезни. Многочему научило меня в моем ограниченном социальном окружении происходившее на войне, но больница и психиатрическая клиника показали, что неврозы свойственны всем слоям общества.

Мне удивительно для моего времени повезло в том, что я прошла курс психоанализа у специалиста, который ничто во мне не нарушил и оставил меня такой, какова я была. Наверняка, благодаря именно

207

этому я подходила к детям, которых видела перед собой, без предвзятых идей. Позже, став матерью, я, как всякая мать, проецировала себя в своих детей, но ух, конечно, без той неуверенности и опасения причинить им вред, без той тревоги за их страдания, за их трудности, которые не миновали бы меня, не пройди я психоанализа; однако я никогда не вела себя с собственными детьми ни как врач, ни как психоаналитик — по крайней мере сознательно. Я знала, что я ничего не знаю!

Язык правды спасителен, но ужасен, потому что приходится смиренно принимать себя таким, как есть, обращаться в себе к самому главному, но при этом не гордиться собой. Мало-помалу экзистенциальное страдание, соединяясь с упорным и логически необъяснимым желанием жить дальше и узнавать себя,

становится переносимым. Жить — это значит изо дня в день поддерживать связь с другими и что-либо строить. Из моего анализа родилось желание быть аутентичной, но отнюдь не желание самой стать психоаналитиком. Я стала психоаналитиком, повинаясь... социальному заказу, если можно так сказать. Вначале я занималась несколькими невротическими взрослыми, которых снедала тревога; их присылали мне психиатры, другие психоаналитики от них отказывались, потому что эти люди уже не работали и не могли платить. Потому что невроз на всех социо-экономических уровнях настолько замедляет способность к установлению связей с другими людьми, что человек оказывается (или чувствует себя) выключенным из живого общения. Возобновить общение, пускай только с одним-единственным человеком, который слушает аутентично, ничего не зная, не оказывая никакого влияния, установить с ним контакт, ограниченный временем и пространством, — это поддерживает символическую функцию оживления, возобновления жизни. Так я обучалась психоанализу, одновременно завершая свое медицинское образование. Во время педиатрических консультаций в детской больнице Бретонно доктор Пишон привлекал меня исключительно к психотерапии. Ночные недержания мочи, бессонницы, кошмары, школьные трудности и проблемы характера. В своей диссертации я основывалась на шестнадцати случаях. В то время я думала, что этим могут заинтересоваться медики, и издала диссертацию за свой счет. Тогда я и не подозревала, что тридцать лет спустя этот самый текст* привлечет широкую публику. Первая медицинская диссертация, написанная Шлюмберже незадолго до моей, была пси-

• *Psychanalyse et pediatrie*, Ed. du Seuil.

208

хоаналитическим исследованием повторяющегося сна у одного депрессивного подростка, впоследствии излечившегося, — знаменитый сон о разбитой чашке. А моя диссертация, защищенная в июле 1939 года, была посвящена исследованию «комплекса кастрации». Этот структурирующий динамический бессознательный конфликт получил свое название от Фрейда; речь идет о тревоге, с которой связаны у каждого ребенка отказ от реализации инцеста, адаптация к требованиям реальности, к страданию, к смерти, а также примирение с человеческим бессилием взрослых. До психоанализа это называлось переходом к сознательному возрасту. Я посвятила свою диссертацию педиатрам, призванным лечить нарушения этого уязвимого возраста.

Началась война и все парижские дети разъехались. Опасались, что в Париже будут применены отравляющие газы. С октября 1939 по октябрь 1940 закрылись все начальные школы, все детские больницы. Тогда всех женщин-врачей мобилизовала недавно созданная гильдия медиков; из них формировались «летучие отряды», которым было поручено следить за здоровьем вывезенных из Парижа детей и выявлять среди них больных. Наши челночные рейсы продолжались только во время «странной войны»*. Когда немцы оккупировали северную часть страны и жизнь под оккупацией как-то 'наладилась, в больницах возобновилась работа детских отделений, и меня пригласили консультировать детей в больнице Труссо: одновременно я заменяла терапевта в городе Булонь. Но мало-помалу у меня появилась достаточно обширная практика, и "я могла ограничиться психоанализом со взрослыми у себя дома. Я перестала заниматься общей терапией и осталась взрослым и детским врачом, практикующим речевое общение. Одновременно я консультировала в больницах детей и подростков.

Родители приходили ко мне с жалобами на ночное недержание мочи у детей, на задержку умственного развития, школьное отставание и т. д., и я принимала детей в отсутствие родителей. А потом, постепенно, я осознала, что родители расстраиваются, когда детям становится лучше**. Значит, надо было беседовать со взрослыми,

• «Странная война» — сентябрь 1939 — май 1940 года. Бездействие англо-французской и германской армий: Англия и Франция надеялись на союз с Германией; Германия готовилась к броску на Запад.

• Странное бессознательное следствие их сознательного удовлетворения. Динамический позитивный феномен, аналогичный «сопротивлению» взрослых во время прохождения ими курса лечения (Ф. Д.).

209

хоть немного, не углубляясь в настоящую терапию, поскольку больница-то была детская. И что я заметила? В некоторых случаях дети заболевали из-за родителей; в других — неладно было и с теми, и с другими. Если в результате лечения состояние детей улучшалось, я констатировала, что родителям, которые сами к этому стремились, становилось хуже. Никогда не бывало так, чтобы дети расклеивались оттого, что родителям стало лучше; всегда происходило обратное: когда детям становилось лучше, расклеивались родители. В некоторых случаях, особенно если консультации происходили не в больнице, а частным образом, мне приходилось говорить:

— Для начала вы сами, отец и мать, несколько раз придите ко мне на консультации, с ребенком или без, чтобы мы с вами как следует поняли, что происходит с ребенком и что вас беспокоит; поняли от чего он (или она) страдает.

Таким образом, не всегда приходилось начинать с детей, иногда приходилось сперва лечить родителей:

бывало, что, немного поговорив, родитель заявлял:

— Я чувствую себя плохо... А у ребенка теперь всё в порядке. Тогда я. предлагала:

— Я буду продолжать работу с вашим ребенком, а вы обратитесь к другому врачу.

Врачи уже заметили, что родителю нехорошо лечиться у того же психоаналитика, что и его ребенок; получалось так, будто в своем бессознательном психоаналитик становился иллюзорным «осведомленным референтом» как для отца и матери, так и для ребенка. Поэтому для дополнительного лечения психоаналитики предпочитают рекомендовать другого специалиста. Я была свидетельницей становления психоанализа во Франции. Но как посмотришь теперь, к чему мы пришли! Детские психотерапевты повсюду, они и манипулируют детьми, и возвращают их в коллектив, и перевоспитывают... вместо того, чтобы позволить ребенку быть самим собой и определиться по отношению к окружающей его среде, вместо того, чтобы укрепить в нем веру в себя и вкус к жизни. Все понимают, что школа перестала соответствовать потребностям детей, в большинстве случаев детям очень трудно преуспеть в такой школе, какая она есть, сохранив жизнерадостность и ощущение творческой и игровой свободы. Было решено, что следует создать специальные школы... Почему бы и нет? Общество эволюционирует, должна измениться и школа, готовящая ребенка к жизни. Но, по моему убеждению,

210

прежде всего мы должны, с помощью недавно открытых динамических законов бессознательного, стремиться к гораздо более основательной профилактике нарушений в отношениях между взрослыми и детьми, детьми и обществом взрослых. Психология сознательных процессов развила целенаправленность общества с акцентом на дух подражания и стадный инстинкт, со стремлением выправить всё, что выглядит как отклонение. Считается, что нужно во всех областях определить норму. Но если, вместо того чтобы мотивировать ребенка к самовыражению, дарующему ему радость, которую он разделит бы с другими детьми, мотивированными таким же образом, его заставляют неукоснительно придерживаться нормы в поступках или в поведении; это приведет не к расцвету, а скорее к регрессии". Само по себе такое оплошление психологии — безотрадное явление. Сегодня мы знаем, как важно передавать, «вентилировать» свои эмоции, выражая их кому-то. Психоаналитическое лечение состоит в том, чтобы помочь облечь в слова то, что человек переживает. Когда есть «слова, чтобы высказать» — по выражению Марии Кардиналь, — ребенок, связанный с родителями и являющийся их детектором, не нуждается в том, чтобы переводить на язык болезней результаты воздействия, исходящего от его родителей, которые от чего-либо страдают. Когда мать умеет высказать словами свою тревогу, это меньше травмирует ребенка, и в результате он чувствует себя лучше... Это правда, и такое наблюдается даже у самых маленьких. Несомненно, желательно, чтобы побольше людей было обучено выслушивать других. Но манипулировать теми, кто не соответствует норме, и внушать им чувство вины — это принесет больше вреда, чем пользы. Не лучше и давить на родителей, которые страдают от мучительных неудач собственных детей: «Вы, мол, сами виноваты».

Может быть, это дело их рук, но это не их вина. Это ужасно — чувство вины, прививаемое во имя психоанализа супружеской паре, которая и без того со времен Адама и Евы привыкла во всем себя винить. В сущности, это незаконное применение психоанализа, это неосознанное извращение сознательного использования новооткрытых законов динамики бессознательного.

В те времена, когда я писала мою диссертацию по медицине, никто не учил нас специфическому подходу к детям. Я не умела

• Регрессия — возврат психического развития на более раннюю ступень.

211

«заниматься детьми». И может быть, это было к лучшему. Психоанализ ребенка представлял собой целину. Я продвигалась шаг за шагом, используя вполне классическую технику психоанализа, но руководствуясь интуицией. Мадам Моргенстерн¹ начала расчищать от зарослей черный континент детства, показав, что ребенок, даже заторможенный, самовыражается, если дать ему средство коммуникации, не предопределенное взрослым — например, рисование. Фрейд в случае маленького Ганса не прибегал к рисованию. Он основывался на речевых высказываниях отца Ганса — ребенка, который страдал фобией. Он анализировал не столько ребенка, сколько проекции его отца и отцовских фантазий, короче, то, что отец помнил из высказываний сына, — а это не одно и то же. Мадам Моргенстерн, ученица Фрейда, «взрослый» психоаналитик, первая догадалась, живя в Париже, дать своим пациентам-детям, которые до четырех лет даже не говорили, бумагу и карандаш. Этим отчасти преодолевались их речевые расстройства, их состояние как будто улучшалось, но дальше в анализе она не пошла. С родителями она не говорила или говорила очень мало. Обращаться с совсем маленькими детьми вообще не умели. Я попробовала сделать следующий шаг, и с малышами, и со взрослыми, пытаюсь наблюдать и анализировать перенос в отношениях пациента с врачом. Сама врач-педиатр, работавшая с грудными младенцами, я отдавала себе отчет в том, что они реагируют на наш разговор. И что их соматическое состояние — ответ на то, что они получают в семье. Это

их язык. Об этом я рассказала в диссертации. Это было совсем ново. Поиски выражения, вербализации этого взаимодействия означали установление более глубокой связи с другим человеком, чем существовавшая до сих пор. Это было изучение переноса, открытого Фрейдом, но прилагаемого к лечению детей. Среди детских неврозов я обнаруживала очень ранние, начало которых прошло незамеченным; попадались случаи расстройства здоровья или разлад отношений с окружающими — и то, и другое было вызвано тревогой, а объяснялось причинами органического свойства или капризным характером. Следовательно, для предупреждения неврозов нужно было обратить внимание на то, как растят и воспитывают ребенка в

• Ее родственники, евреи, остались в Польше — были депортированы. Она была первым психоаналитиком фрейдистского толка, занимавшимся детьми. В день, когда немцы вошли в Париж, она покончила с собой — ей было тогда семьдесят восемь лет. — *Прим. сост. франц. издания.*

212

раннем возрасте, расшифровать смысл этих повторяющихся расстройств, на которые растрчивалась энергия общения и любви.

Врач-воспитатель... Это можно истолковать таким образом, что необходим врач, исправляющий ошибки воспитания, которое нередко приносит больше вреда, чем пользы. Причем под воспитанием я имела в виду не такой-то и такой-то сознательный педагогический метод, а бессознательные межличностные связи в семье.

И здоровье, и болезнь — это результат межличностных отношений, связей, складывающихся у детей со взрослыми, и у взрослых с детьми. Необходимо работать над пониманием и оздоровлением этих связей. Помогать детям или родителям понять себя, — вот что меня интересовало, а совсем не психопедагогика. Меня привлекала работа не с пациентами психиатрических клиник, а в гуще жизни, — консультации, то есть педиатрия, ориентированная на трудности характера, на психоэмоциональные, семейные или социальные проблемы, на выявляющиеся во время консультаций детей и подростков, бесчисленные функциональные расстройства.

В педиатрической службе во Франции, до пятидесятых годов, психоанализ никак не касался новорожденных. Редкие исследователи, пытавшиеся понять взлеты и падения младенцев, мгновенные вспышки болезни, внезапные выздоровления, так называемые «непредвиденные» колебания их физического состояния, руководствовались интуитивным подходом, но не получали помощи от психоанализа, который с трудом пробивал себе дорогу к детям старшего возраста. Мадам Обри', не будучи психоаналитиком, открыла, что ребенок сообщает о своем психоэмоциональном комфорте или дискомфорте посредством пищеварительного тракта, и что напряженная атмосфера вызывает у него пищеварительные расстройства. Ее работы отметили поворот в развитии педиатрии во Франции.

Она наблюдала детей из детских домов, от которых отказывались няни, потому что у 'детей были рвоты. Таких детей собирали в больничных яслях и приводили в порядок их физиологию. В полдень, когда заведующая уходила из отделения, дети были здоровы. В 14 часов ее срочно вызывали: токсикоз, понос... Она немедленно мчалась в отделение, отдавала на исследование детский стул, убеждалась, по результатам анализов, что инфекция отсутствует... Тогда она начинала расспрашивать, что происходило в присутствии этого ребенка... И

" Женни Обри, первоначально клинический педиатр, затем, после поездки в США в 1945 году, — психоаналитик. — *Прим. сост. франц. издания.*

213

тут выяснялось, что у ребенка это началось после того, как в его присутствии вспыхнула ссора между воспитательницей и дежурной. Врач распорядилась дать ему рожок — и тут же начинался понос. Затем давали еще один рожок... и в конце концов, после того как пищеварительный тракт ребенка несколько раз наполнялся и опорожнялся, приступ удавалось снять. Почему младенец без всякой инфекции демонстрировал симптомы, характерные для тяжелых инфекций? Потому что у него обострялась перистальтика'; он высказывался с помощью своего пищеварительного тракта, чтобы сравняться в уровне эмоционального напряжения со своей воспитательницей. Он существовал в унисон с ней; так ребенок постарше, от двенадцати до восемнадцати месяцев, плачет, если плачет его мать, веселится, если ей весело. Стимулированный вербальной и эмоциональной интенсивностью человека, который им занимается, младенец нескольких недель отроду реагирует сверхактивной перистальтикой; после того как он изверг из себя содержимое пищеварительного тракта, его организм начинает работать вхолостую. Сперва никакой инфекции нет. Затем, если ему дадут, чем заполнить пищеварительный тракт, он получит нечто, чем можно заниматься, манипулировать, и эта сверхактивная деятельность успокаивает ребенка, особенно если при этом с ним говорят о том, что он выражает. Постепенно порядок восстанавливается. Понос кончается — слизистая оболочка больше не инфицируется. До тех пор, пока не был понят этот динамический реактивный процесс, детей сжали на диету, давали им только воду, «наблюдали».

В дальнейшем от этого избыточного кормления отказались. Эксперименты пошли в сторону лечения с помощью установления связи через разговор: младенцу и ухаживающему за ним взрослому объясняли их символический функциональный симбиоз.

Сколько раз матери, смеясь сквозь слезы, говорили мне:

— Вы и вправду верите, что он может понять? В те времена, когда мадам Женни Обри обнаружила, что напряженная атмосфера провоцирует нарушение пищеварения у новорожденных, в больницах не знали, что, если ребенок тревожится, его можно успокоить баюканьем. Укачивать ребенка — это способ, принятый в отсталых деревнях! Кроватки были закреплены непод-

• Перистальтика — волнообразное сокращение стенок полых трубчатых органов <в т. ч. и кишок>, способствующее продвижению их содержимого к выходным отверстиям.

214

вижно: укачивание младенцев не было предусмотрено. А баюкать малыша — это значит помочь ему вообразить, что он в животе матери, то есть вернуть ему успокаивающее чувство защищенности.

Я очень давно интуитивно дошла до всего этого, но у меня еще не было «слов, чтобы высказать». Когда я была студенткой, такой подход выглядел дерзостью, и только немногие «оригиналы» придавали значение тревоге у новорожденных; кроме того, хватало хлопот с детьми школьного возраста, с теми, которые разговаривали; — они заикались, страдали тиками и кошмарами, воровали, убегали. Это было время работ Пиаже, когда господствовало измерение интеллекта. Шли тесты на сознание, на память, на рассуждение, оценка словаря. Открытия Монтессори, Френе и многих других ограничивали значение психотехнических выводов, роль отношений с учителями, взаимного доверия, личную любознательность каждого человека, получившего свободу от соперничества, уважение к личному пути и к личному ритму каждого человека относительно других людей. Все эти исследования были очень далеки от психоанализа. В этих кругах психоанализ встречал скорее осуждение, но мне, которая сама прошла психоанализ, была молода и увлечена, их работы казались очень интересными, и я стремилась с точки зрения психоанализа объяснить прогресс, которого можно добиться у детей с помощью этих педагогических технологий, сочетающихся со стремлением понимающего учителя ободрить ребенка.

Труднее всего мне было не остаться одной, не остаться «чуждачкой», которая говорит сама для себя. Главное, не следовало чересчур торопить события, и все же надо было убедить молодых врачей обращаться к совсем маленьким детям, даже к новорожденным, как к существам, обладающим даром речи. Пока я ощупью искала путь (еще не слишком-то надежный) к раннему предупреждению неврозов, а также путь к психоанализу самых маленьких, мои собратья по профессии терпеливо копили претензии. А потом, когда немного позже этот новый подход начал интересовать молодых коллег и я попыталась к ним обратиться. Международное психоаналитическое общество в 1960 году исключило меня из своих рядов как нежелательное лицо.

Судьба оказалась ко мне благосклонна, потому что это исключение пошло мне на пользу. Теперь я могла работать совершенно свободно. Руководители Международного общества мотивировали мое исключение тремя причинами:

215

1. Вы интуитивны — в психоанализе это бесполезно и даже вредно.

2. У незнакомых людей происходит по отношению к вам чудовищный перенос.

3. За вашим поиском предупреждения болезни стоят социальные идеи, которые вызывают у нас подозрения в коммунизме! Молодым психоаналитикам опасно входить с вами в контакт, хотя нам известно, что вы ведете также и вполне классическое лечение психоанализом. Но вы внушаете им всякие идеи... А обучать надо методу. Исследования — это должно прийти позже; короче, оставайтесь с нами, публикуйте статьи, но не учите молодых.

В заключение меня просили, если я предпочитаю остаться в Обществе, отказаться от устных сообщений о своей работе. Коллега проявила по отношению ко мне точь-в-точь такую защитную реакцию, какая бывает у взрослого по отношению к ребенку, представляющему опасность для общепринятого порядка вещей.

Что было во мне такого страшного?

Я проповедовала отказ от медицины, которую называла ветеринарной, — от медицины, которая была распространена применительно к детям. Я проповедовала отказ от дрессировки применительно к детям раннего возраста, предлагая заменить ее уважением, которого заслуживает человеческое существо, восприимчивое к человеческой речи, уязвимое; существо, в главном и в самой своей хрупкости равное взрослому, который в нем уже заложен и готовится, — ребенок лишь бессилён выразить себя в слове, и вот он выражает себя, реагируя всем своим существом на радости и горести, которые есть в жизни его семейной группы, и по-своему разделяя их с другими. Я хотела, чтобы всем стала понятна структурирующая ценность правды, облеченной в слова и обращенной к детям, даже самым маленьким,

правды касательно событий, в которые они также втянуты, происшествий, влияющих на настроение и климат в семье, и чтобы эту правду от них не прятали. Я проповедовала, что надо правдиво отвечать на их вопросы, но в то же время — уважать их нелогичность, любовь к выдумкам, их поэзию, даже их непредусмотрительность, благодаря которым они, зная правду взрослых, все же оставляют за собой время, необходимое им для того, чтобы в своем воображении переживать чудеса и выдумки, просто ради удовольствия или для того, чтобы убежать от тягостной реальности (если несколько человек верят выдумке — не становится ли она реальностью?). Правда имеет много уровней, соответствующих нажи-

216

тому опыту. Каждый возраст строит себя исключительно на основе знания, с помощью собственного опыта. Но знать всё — это не более чем зазор между уже решенным и только еще ждущим решения вопросом.

Я работала в «классическом» духе — психоаналитиком, убежденным, что его задача следовать методу, освященному самим Фрейдом. И постоянному пересмотру подвергалось знание, которое добывают пациент и психоаналитик на протяжении курса лечения, представляющего собой череду проблем, выдвигаемых переносом, при котором возникают взаимоотношения — выдуманные или реальные — между пациентом и психоаналитиком, который его слушает, пытается понять, к чему он, психоаналитик, может их свести. И если он сам не сведет эти взаимоотношения к чему-либо, значит, он не справляется с ролью катализатора, который может помочь пациенту раскодировать энергетический труд сентиментальной и идеальной химии, выявляющей в оживленном виде историю этого пациента в процессе переноса вытесненных им переживаний. То же самое классическое лечение можно применять и к детям, которые умеют говорить, при условии, что ребенок сам хочет получить помощь. Для тех, кто не говорит, я разработала такой же метод лечения, только средства выражения были не вербальные, хотя по-прежнему оставались связаны с речью — рисование, лепка, мимические фантазии с использованием различных предметов (свободная игра), — потому что они подводили ребенка к тому, что он, находясь с аналитиком в отношении переноса, во время сеансов вспоминал свое прошлое. Такое объяснение ре-активированного прошлого — это работа аналитика. А теперешняя жизнь ребенка — это забота родителей, врача, воспитателя и его самого, если он хочет и может помогать им собой руководить и поддерживать себя в достижении намеченных целей. Психоаналитик здесь ни при чем, в его роль не входит давать советы родителям или ребенку относительно межличностных отношений в его нынешней жизни.

В этом состоит огромное, но так плохо понимаемое большинством людей различие между психоанализом (который касается личности исключительно через опыт его оставшейся в прошлом истории, даже если пациент — ребенок) и психотерапией (использующей самые разные средства для непосредственной помощи пациенту в его сегодняшних трудностях).

Психоанализ — это долгий труд; иногда он как будто производит быстрый терапевтический эффект, иногда нет, а часто на ограниченном

217

отрезке времени даже выглядит малоубедительно. А курс психотерапии, напротив, нередко дает значительные результаты в короткий срок и без рецидивов.

По этим причинам многие относятся с недоверием к психоанализу. Меньшее недоверие вызывают у людей многочисленные разновидности психотерапии, более или менее обязанные своим теоретическим обоснованием психоанализу и созданные врачами, имеющими психоаналитическое образование, разочарованными длительностью работы, проводимой согласно так называемым классическим методам. Я не враг психотерапии; мне даже случалось ею заниматься. И все же, как бы много времени ни требовалось для психоанализа, пускай даже преждевременно прерванного, опыт показывает, что результаты, достигнутые за долгий срок, всегда остаются положительными и полезными не только для пациента, но и для его потомства, если оно у него будет (если говорить о детях и подростках). А результат удачной психотерапии, напротив, остается таким, каков он был на момент ее прекращения, и не оказывает предупреждающего влияния на последующую эволюцию человека, когда он из ребенка превратится в подростка, а потом и сам станет родителем, на его сексуальную социальную активность. И потом, существуют разные показания. Для психоанализа никогда не бывает слишком рано, но бывает слишком поздно, если речь идет о взрослом человеке, который использует речь и чувство ответственности главным образом в невротических целях. Не стану говорить, что надо начинать с нуля — это невозможно (поскольку опыт никогда не удастся устранить, а понятые неудачи идут на пользу), и все же психоанализ через более или менее долгое время дает пациенту возможность в некотором смысле переродиться, а главное, позволяет полностью рассчитаться со своим прошлым и навсегда расстаться с психоаналитиком.

Психотерапия мало касается прошлого, помогает пациенту выйти из его нынешнего вызывающего беспокойство тупика, принять решение относительно возможных выходов из положения, которое казалось ему безнадежным, пока он не рассмотрел все его аспекты вместе с психотерапевтом. Перенос на

психотерапевта, являющийся нервом всей работы, используется, но не формулируется открыто как невротическая ложная цель, поддерживающая в пациенте иллюзорное убеждение в том, что психотерапевт обладает знанием о нем.

В психотерапии эта роль «предполагаемого знающего», на взгляд пациента, отводится его психотерапевту (использующему его доверие, чтобы ему помочь).

Психоаналитик, напротив, знает, что ничего не знает, или знает совсем немного, причем только то, что касается его самого, а никоим

218

образом не его пациента. А то, что касается пациента (даже если это ребенок, крошечный малыш), знает сам пациент (не зная, что он это знает). Работа, которую они проделывают сообща, быстро развеивает иллюзию пациента, которому хотелось бы, чтобы врач знал о нем всё.

Человеку, даже взрослому, не дают стать автономным членом общества архаические остатки детства. Он овладел языком, но до психоанализа то, что при нем говорилось, не было адресовано ему. Позиция психоаналитика не может заключаться в том, чтобы молчать из-за того, скажем, что пациент глуховат, а повседневной привычки говорить с глухими у нас нет. Говорить можно и с глухим. Что он слышит? Не знаю. Он улавливает интуитивно то, что ему хотят сказать. Я и сама говорила с глухими, когда проводила с ними психоаналитическое лечение, хотя знала, конечно, что они не в состоянии услышать звук моего голоса, — говорила, потому, что для меня естественно говорить, когда я с кем-либо вступаю в общение. Но если ребенок, которого я вижу, находится в полном порядке, ничего не хочет мне сказать и ничего от меня не ждет, я с ним не говорю. Я никогда не объясняю рисуящему ребенку, что означает его рисунок. Никогда. Рисует — и ладно... Потом, если он даст мне свой рисунок, я прошу, чтобы он растолковал его мне, если хочет и может. Иногда он рассказывает какой-то фантазм, иногда перечисляет: дерево, стол, домик, человечек... Я подхватываю:

— Дерево что-нибудь говорит столу?

Он отвечает «да» — или не отвечает. На следующем сеансе дело идет лучше. Я обращаюсь к нему, приглашаю говорить дальше по поводу того, что он сказал, но если он не говорит — тем хуже, или тем лучше.

Если обратиться к моему собственному материнскому опыту — а я вырастила троих детей, — я задаюсь вопросом, какие конфликты могут нарушить общение, после 7-8 лет. С того момента, когда ребенку предоставляется возможность автономно существовать в семье и самому решать то, что его касается, только одно и нужно: чтобы каждый делал то, что ему положено делать, и чтобы с ребенком говорили обо всем. Время от времени небольшая стычка все расставляет по местам. «Все-таки у тебя такой беспорядок... Я тебе помогу... когда ты сам этого захочешь, — ведь тебе же надо как-то передвигаться по комнате и знать, где у тебя что лежит...» Разумеется, нужно дожидаться просьбы: «Мама, помоги... А то я уже ничего не могу найти». Тогда и делаем уборку вдвоем, а потом договариваемся убирать каждые две или три недели. Наводим порядок — весело,

219

подшучивая над неловкостью или смешными привычками друг друга. У отцов и матерей их бывает не меньше, чем у ребенка. Когда за едой весело и приятно, дети приходят к столу, потому что им веселее со всеми, чем в одиночестве, и можно говорить о чем угодно. Но если их зовут, чтобы заставить есть то, что им не хочется, это отбивает у них охоту. «Ох, этот рубец, какая гадость!» — «Ну, если тебе больше хочется яичницу, иди да поджарь себе сам». Они и поджарят, почему бы и нет? Я никогда не запрещала детям делать яичницу и есть в одиночестве, если им хотелось, в те дни, когда на обед было то, что они не любили. Они были очень довольны. Надо сказать, что с детства они привыкли, что могут быть автономны, когда захотят. Я никогда не испытывала того давления, того шантажа, на которые жалуется множество матерей: «Если ты меня не приласкаешь, я не буду есть» или «Если ты меня не приласкаешь, я не буду спать». Так просто сказать: «Не хочешь — не спи, а мы ложимся». У нас на это много времени не тратили. «Ты не обязан ложиться, если тебе не хочется спать; а нам вот уже хочется». Мне никогда не приходилось повторять трижды одно и то же.

Но нужно признать, что самая лучшая профилактика не оберегает тех, кто нам дорог, от болезней, несчастных случаев, страданий, смерти. Бывают в жизни и неудачи, и утраты. А главное, бывают периоды обостренной чувствительности, в результате которой ребенок начинает реагировать жестокостью или замыкается в себе, ничем не выдавая своих переживаний в тот момент, когда происходят события, которые окажут влияние на всю его жизнь или, якобы забытые, отзовутся в будущем при каких-либо испытаниях. Одна или несколько зон хрупкости с годами превращаются в зоны надлома. Совершенствовать воспитание детей — это одно. А совсем другое — лечить уже имеющиеся у детей, навязанные им невроты и психозы.

Точно так же в медицине имеется общественная и семейная гигиена, прививки, удаление родимых пятен, но все это не отменяет болезней, которые причиняют людям значительный ущерб. Иногда возможно

напрямую атаковать размножающихся возбудителей инфекции, но даже и в этом случае все равно болезнь дает осложнения, и каждый случай приходится лечить особо. Инфекционные заболевания нередко дают последствия.

Глава 3 ДЕТИ ФРЕЙДА

Сейчас у некоторых писателей, а особенно писательниц, намечается реакция отторжения, желание оборвать связи с опытом Фрейда в том виде, как они его усвоили, не пройдя курса психоаналитического лечения. В их романах звучит лейтмотив: «пора отказаться от отцовского и материнского образа... пора убить мифического отца и мифическую мать...» На первый взгляд здесь не заметно никакого противостояния Фрейду, поскольку психоанализ, в сущности, показывает именно необходимость для человека перерасти, освободиться, то есть именно «убить» воображаемых отца и мать. Но в конечном счете все эти женщины-писательницы хотят сказать, что нужно избавиться от понятия Эдипова комплекса и вступить с детьми и с родителями в новые отношения, гораздо более теплые, менее напряженные, менее конфликтные и т. д. На что похоже это требование и стремление избавиться от всего предшествующего культурного опыта, как от какого-то условного рефлекса? Точно так же, по-моему, некоторое время назад феминистки взяли на вооружение мысль, что боли при родах вызваны исключительно условным рефлексом, потому что тетушки и бабушки говорили: «Ах, бедняжечка, как ты будешь страдать в родах!» Из этого делали вывод: на самом деле, судьба женщины, в том числе все ее внутренние органы и т. д. — все это, в сущности, многовековой обман, который был нам навязан и внушен. Следовательно, можно освободиться от всей этой чепухи и создать новую женщину. Теперь точно так же приглашают создать новую мать, нового отца, изменить отношения между ребенком и его родителями.

Это интеллектуальная ловушка. Как будто достаточно простого акта воли, как будто достаточно решить в один прекрасный день, что Фрейд — это культурное наследие, от которого можно отказаться! Когда эти пишущие дамы объявляют что пора убить мифического отца, они выражают это сознательно; между тем, этот процесс, как показывает психоанализ, лежит в сфере бессознательного. Их отказ —

221

это только отрицание психоаналитической литературы или того, что они из нее усвоили, а вовсе не настоящее преодоление этих глубинных процессов, которые, как известно из психоанализа, происходят внутри каждого человека, причем в сфере его бессознательного.

Отрицание чего-либо не является доказательством того, что данное явление не существует и что над отрицающим уже не властен Эдипов комплекс. Чтобы подвести ребенка к убийству мифического отца, достаточно того, чтобы по мере взросления ребенка отец становился все более и более реальным. Если отец на самом деле рядом, ребенку ни к чему мифический отец. Какую ошибку совершают многие так называемые, раскрепощенные интеллектуалы, заставляя детей звать себя по имени! Ведь подростки часто уже не говорят «папа», как малыши, — это неизбежно — зато говорят «отец», а если отец обращается к ребенку «сын», он этим утверждает себя как реального отца. Чтобы убить мифического отца, нужно как можно больше реального отцовства. А чтобы усилить это реальное отцовство, совершенно бесполезно и даже противопоказано отрицать генетическую связь, а через нее — и право на взаимное разочарование; ребенок воспринимает отца как образец для себя, отец воспринимает сына как продолжателя своего рода. Это разделяемый обоими нарциссизм*. Отец гордится потомством, если оно преуспело. Но если сын потерпел неудачу в жизни, отец ощущает себя бессильным. Как будто тот факт, что он произвел на свет ребенка, который в его глазах не является достойным, означает его половое бессилие. Он думает: «Я породил дерьмо». Вот что происходит с родителями, которые не удовлетворены своими детьми; если ребенок не успевает в школе, ему передается тревога его родителей.

«Все видят, что я неудачник, потому что мой сын неудачник». Эта нарциссическая и эдиповская связь не отменяется тем фактом, что мальчик зовет своего родителя «Жюль», а не «папа» или «отец». Те же отношения обнаруживаются между учителем и учеником: преподаватель злится на плохого ученика, потому что эта неудача означает, что он плохой преподаватель, особенно если он видит, что этот ученик — неглупый ребенок. «Ни на что не годится», «без будущего», — так писали учителя о маленьком Эйнштейне, плохом ученике и нонконформисте.

• Нарциссизм — привязанность либидо к собственному Я как к объекту. Может быть первичным (когда Я и Оно еще не отделены друг от друга), сменяющимся в норме привязанностью части либидо к внешним объектам, и вторичным, когда часть либидо «отказывается» от объектов и вновь обращается на Я.

222

Род человеческий так устроен, что каждый пытается утвердить свою воображаемую власть над другим человеком, который не соответствует его желаниям. Ограниченность нашей власти является для нас источником страдания. Психоанализ несет новое понимание истинной сущности связей между человеком

родившим и человеком рожденным. Но вместо того, чтобы согласиться с этой истиной, люди пытаются ее отрицать и тем самым избежать страдания, которое она им причиняет. Но через это страдание нужно пройти. Отец и мать не могут мириться с собственным бессилием дать ребенку то, что он просит, или им кажется, что просит... Они безусловно хотели бы, чтобы их ребенок приносил им удовлетворение, и им безусловно необходимо пережить это разочарование. Сперва они действуют таким образом, как если бы они были образцами для подражания. И только страдание научит их уважать жизнь, которая заключена в их ребенке.

В реакции упомянутых романисток симптоматично то, что их раздражение имеет свои причины; они явно знают кое-что из собственного опыта о роли отца в жизни женщины. Если они желают, чтобы в результате изменений в обществе, в силу возникновения более живых, более правдивых отношений между людьми, мифический отец сию минуту оказался побежден и сменен отцом реальным — это понятно. Хотеть, чтобы грядущие поколения меньше страдали от всего этого — вполне законное желание. Но отрицать сам конфликт? Претензии на устранение страдания — опасная ловушка. Точно так же систематически раздувать (по образцу Эрве Базена) борьбу между родителями и детьми под предлогом, что такая борьба существует на самом деле, — всё это тоже патология...

В этом направлении были пережесты. Одна мода изгоняет другую. Мы плохо переварили всю ту литературу, которая была проникнута поверхностно понятым фрейдизмом, и вот теперь нам кажется, что необходимо избавиться от засилья Эдипова комплекса.

Литература и не может не быть нарциссичной, потому что пишут только те люди, которые страдают от желаний, которые они не могут удовлетворить прямо и удовлетворяют, описывая свои фантазмы.

Происходит самая настоящая инфляция детских воспоминаний. Все, кто угодно, пишут о своем воображаемом детстве и выдают это за автобиографию. Возможно, именно эта мода и создает впечатление перенасыщенности и заставляет тоскующих по новенькому романистов поискать чего-нибудь другого с риском впасть в противоположную крайность.

223

Как это ни грустно, нельзя написать хорошую книгу, задавшись целью «сочинить психоаналитический роман», — наподобие того, как пишутся романы исторические или назидательные. Большой писатель пишет, не зная, что пишет психоаналитический роман. Бессознательно. Чего больше, взять хотя бы «Человеческую комедию», это — исследование динамики бессознательного у людей. Перечтем «Шагреневую кожу», «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищету куртизанок», «Отца Горио»... То же самое у Золя, у некоторых других писателей, сочинявших семейные саги, например, у Жюль Ромена: это психоаналитические исследования. То же самое с историями Ж.-П. Шаброля о людях 1935-1936 годов: региональные хроники — это инициация в бессознательную игру взаимных влияний в жизни, в смерти, в болезни, в социальных отклонениях и взлетах, во всем том, что сегодня высвечивает психоанализ.

Если задаться целью проанализировать эти произведения с позиций психоанализа, обнаружилось бы много правды и очень мало ошибок. Откуда такая точность? Дело в том, что настоящие романисты не лезут вон из кожи, чтобы уразуметь аналитические теории, а довольствуются тем, что описывают с большой тонкостью и чуткостью отношения, возникающие на почве желания и силы, совершенно не замечая противоречий. Всё это игры, невидимые глазу. Если на сухой почве пробивается росток, это значит, что там, внизу протекают подземные воды, которые не видны. Вся география объясняется тем, что творится в недрах. А психоанализ высвечивает «человеческие недра», анализируя во времени, совпавшем с развитием ребенка, значимые встречи, которые оказывали живительное или мертвящее воздействие на идеи и эмоции, или впечатления и слова, которые придавали им ценность.

Психоанализ был еще у Эсхила и Софокла.

Если Фрейд взял у древних комплекс Эдипа, то именно потому, что этот комплекс вечен; оригинальный вклад Фрейда состоит в том, что, с одной стороны, он открыл законы, а с другой, изобрел метод, с помощью которого уродства, аберрации*, торможения могут быть высказаны и подчас дают человеку возможность распоряжаться своей динамикой. Вот и всё. Но Фрейд не изменил порядка вещей. Психоанализ как наука лишь обнаруживает то, что существовало раньше, но о чем не было известно. И не нужно говорить, что психоанализ заставляет людей испытывать чувство вины! Скорее, он

• Отклонения от нормы.

224

избавляет от чувства вины, потому что, как правило, будит чувство ответственности, а вовсе не вины в смысле «я плохо поступил», нет! Узнать истину — это совсем не то же самое, что узнать о допущенной ошибке. Это переход от незнания к периоду поиска, а истина как таковая всегда недостижима.

Мы никогда не знаем, где кроется начало. Может быть, в XVI веке у человека были инцестуозные прапрадед или прапрабабка. Человек несет в себе это (отголоски — ив каком-то невротическом эффекте, каком-либо поражении и тому подобном), но, если при этом он осознаёт дистанцию, он может со всем этим

примириться, зная, что это, быть может, плата за то, чтобы не упорствовать больше в данной ошибке, не идти дальше по этому пути, и, может быть, положение можно поправить или, во всяком случае, не усугублять. Это сознание своей ответственности не угнетает. Что было, то было, мы состоим из того, что было в прошлом, но знаем, что у нас есть и связь с будущим, с развитием нашего ребенка или себя самого.

В сущности, все упирается в тревогу; жить без нее в любом случае невозможно; нужно научиться жить с ней, но так, чтобы она была выносима; она может даже побуждать к творчеству.

В так называемых науках о человеке психоанализ может высветить динамику бессознательного внутри тех явлений, которые обнаруживают медицина, психология, педагогика, социология и этнография. Но каждая из этих дисциплин сохраняет свою специфику; психоанализ может поставить под вопрос смысл, цели, неудачи и достижения этих наук, однако, сам будучи наукой, основывающейся на эмпирических наблюдениях над эмоциональными взаимоотношениями, никогда не может ответить на вопрос, что такое человеческая тревога и ее сущность, а кроме того — что такое человеческие радости, надежды, творчество. Психоанализ помогает выработать гипотезы относительно того «каким образом», но никогда не «зачем» мы живем и умираем. Психоанализ — не метафизика и не оккультная наука!

Пускай безмолвствует темный язык бессознательного, который объединяет всех людей на свете, сплавливает, структурирует, переплетает их друг с другом, зато на этом языке говорит тело. У ребенка любая патология психосоматична, да и у взрослого то же самое, если «оно» не может «себя» высказать.

Почему музыка оказывает терапевтическое воздействие на слушателей? Потому что музыка, сама по себе, уже символизация переживаний и обмена между людьми; посредством искусной системы сигналов, своего, отличающегося от речевого, фиксированного кода,

225

она передает эмоции от одного человека другому. До-вербальное это уже символическое. И потом, это общение. Это самовыражение человека, который еще не может говорить: ребенок говорит мимикой, и если его мимику не «слышат», не улавливают в ней ответа на то, что происходит вокруг него, — он прибегает к своему собственному способу слушать и осмыслять все то, что говорится в этот момент, он играет это своим телом, с риском надломить в себе человеческое» и придать чрезмерную ценность животному. А животное — это не человеческое, это его влечение к смерти (в смысле смерти субъекта желания и жизненности анонимного индивидуума данной породы, млекопитающего, но не языкового существа). Желание — это желание межличностной коммуникации у людей; это и есть язык. А бессознательное постоянно находится внутри языка при условии спонтанности самовыражающегося человека.

Какой же язык воспринимает ребенок? Если посредством доступных ему слов не ввести его в язык чувств и идей, он воспринимает (то есть понимает) только ритуал, связанный с питанием и поддержанием жизни в его теле. Животные едят, когда находят пищу, а человеческие детеныши могут сохранить фиксацию на пищевом ритуале. Но этот ритуал, установленный социальной группой, утвержденный медициной, может исказить символический смысл отношений между питающим и питомцем. Мать не слушает призывы младенца, потому что ей раз и навсегда вбили правило: «нужно» каждого ребенка кормить каждые три часа, потому что наука требует кормить его каждые три часа. Пока младенец лежал у груди, он сосал, когда чувствовал голод; с появлением рожков все подчинилось правилам и нормам. Это обедняет язык чувств. Торжество гигиены — баночки с детским питанием, где все протерто до кашицы! Но как же быть с ожиданием, когда текут слюнки, и с созерцанием озабоченной мамы, которая стряпает кушанье, — затейливо, с выдумкой приготовленное, с неповторимым запахом овощей и фруктов, которые они чистила, разговаривая с ребенком... Все то, что пленяло малыша, отнятого от груди, и персонализировало отношения между матерью и ребенком на подступах к трапезе, все это, пронизанное символическим смыслом, исчезает в индустриальных странах у нас на глазах. Fast food!

Глава 4

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК В СОСТОЯНИИ ДЕТСТВА

Желание, которое живет в организме представителя человеческого рода, находящегося в состоянии детства, заключается в том, чтобы посредством роста достичь зрелости. Если все идет хорошо, его цель — произвести на свет себе подобного, чтобы после своей смерти оставить нечто живое. Это всеобщий закон, которому подчиняются все живые существа. Воображение человека, обладающее огромной силой, находится — с самого начала его жизни, жизни зародыша и грудного младенца, — в языке. Напрасно мы, взрослые, полагаем, что ребенок не может понять языка, пока не овладел устной грамматической техникой выражения. В действительности он интуитивно улавливает суть того, что ему говорят, быть может, уподобляясь в этом растениям, о которых рассказывают, будто они улавливают чувства окружающих людей и понимают, опасны эти люди для растений или любят их. Опыты показывают, что растения, обмануть

невозможно. Ботаник-экспериментатор подходит к растению с ножницами, но намерения напасть на него у него нет, и растение не верит этому жесту, оно не съедается. Но, если кто-то, презрительно относясь к живому, способен на растение наступить, — растение это чувствует, даже если в руках у этого человека ничего нет. Экспериментатор в сердцах говорит: «Я сожгу тебя!», зная, что не сделает этого, что это только слова, и растение не верит. Это очень близко к тому, как ребенок понимает отца и мать, да и любых окружающих его взрослых; взрослый может говорить ему агрессивные по значению слова — ребенок не верит им, когда не чувствует отвергающей деструктивной агрессивности со стороны этого взрослого; это слова, но слова о том, чего говорящий не переживает. Это любопытно. Получить пощечину от человека, о котором знаешь, что он уважает тебя и любит, будет означать совершенно иное, чем пощечина от того, кто тебя презирает. То же самое со словами и жестами: «ласковыми», но лишенными реального чувства. Ребенок умеет распознавать правду, или во всяком случае искренность эмо-

227

ционального общения. Если взрослый проявляет физическую агрессию по отношению к ребенку, то это потому, что он не имеет с ребенком связи через язык: он не видит в нем человеческое существо. Точно так же, если мы презираем существующее в нас вегетативное начало, это значит, что мы переоценили начало интеллектуальное и функциональное: растение используется, чтобы сорвать его, чтобы украсить сад и т. д., — такого садовника растение боится... но если он не проявляет ради собственного удовольствия своих агрессивных намерений — такого не происходит: растение его не боится.

В детстве, когда младенец находится в периоде, который внешне похож на растительный, поскольку двигательная деятельность еще не началась, он владеет точно таким же умением понимать глубинные намерения взрослого, понимать во взрослом человеке то, что прежде было ребенком и что питает уважение к ребенку.

Человек уже при рождении становится самим собой, он — это он, но в такой форме, которая еще находится в становлении. Всё, что в нем есть, постепенно проявится, выразится позже под влиянием встреч, которые окажут на него влияние. Но всё уже есть, следовательно, он заслуживает такого же уважения, как если бы за плечами у него уже был 50-летний жизненный опыт, тем более, что годы могут и размыть, и загубить изначальные богатства.

Из истории дикого ребенка', по которой Трюффо снял фильм, можно сделать один вывод: общение с ним оказалось невозможным из-за того, что в начале жизни ребенок не имел связей со взрослыми. Трюффо хорошо показал Виктора под дождем, он как будто совершает с дождем какой-то религиозный ритуал; он находится в языковом и символическом общении с космическими силами, как если бы он был растением, которое радуется дождю, несущему плодородие. В этот момент кажется, что он охвачен безумием: для нас он сумасшедший, потому что его символическая система отличается от той системы символов, которой обучают детей.

• В 1799 году под наблюдением французского врача я педагога Жака Итара оказался найденный в лесу в окрестностях Аверона мальчик лет десяти-двенадцати. Он вел дикий образ жизни и выглядел больше животным, чем человеком. Его назвали Виктором. Крупнейший психиатр того времени признал у Виктора глубокое врожденное слабоумие и отрицал возможность помощи. Тем не менее, опираясь на создаваемые им самим методы Жан Итар сумел добиться своим воспитанием существенного прогресса в развитии ребенка. Историю Виктора и своей работы с ним Жан Итар описал в книге «Дикий мальчик из Аверона», вышедшей дважды — в 1801 и 1806 гг. (В. К.).

228

Мы говорим: «Я обдал его холодом», «Небо нахмурилось», — словом, постоянно творим образы, в которых силы природы предстают очеловеченными. Каждый ребенок обладает языком, выражает себя, каждый имеет друзей в природе, но не у каждого есть друзья среди представителей человеческого рода. Ребенок от самых истоков своей жизни является общительным существом, и даже если с ним рядом не было людей, а он, невзирая на это, все-таки выжил без их защиты, — он все равно остался языковым существом. Люди используют эту символическую функцию, сообщая свой код ребенку, потому что они его защищают. Но, по-моему, недостаточно принимается в расчет, что, каков бы ни был человек, каковы бы ни были его возраст и поведение, — это всегда разумное существо, ежесекундно побуждаемое к переходу из своего предыдущего состояния в новое силой своей символической функции и своей памяти.

ПОЧЕМУ ПУГАЕТ ЖИЗНЕННАЯ СИЛА МОЛОДОСТИ?

Непочатый край работы, представший нашему взгляду с тех пор как мы поняли, что происходит в бессознательном, заведомо привел бы нас в отчаяние, если бы мы не думали о поколениях, идущих за нами. Похоже, что мы стоим у истоков совершенно новой антропологии: человек — совсем не то, что он думал сам о себе раньше, а ребенок — совсем не то, что думают о нем взрослые. Взрослые подавляют в себе ребенка и при этом стремятся к тому, чтобы ребенок вел себя так, как им хочется. Подобное воспитание неправильно. Оно нацелено на повторение общества взрослых, то есть общества, у которого отняты

изобретательность, созидательная сила, отвага и поэтичность детства и юности, фермент обновления общества.

Странная порода: достигнув взрослости, не хотят, развиваться, боясь смерти, и инстинктивно боятся жизни.

Поскольку мы боимся смерти, мы цепляемся за факт собственного существования, за то, что мы живы, и всерьез обеспокоены лишь сохранностью своего тела, этого близкого нам предмета, хотя тело — всего лишь часть того, что зовется жизнью. Страх физической смерти мешает жить. Мы боимся, что нас убьют, заменят кем-то, вытеснят, прикончат, но тем самым мы убиваем себя сами, и/заодно ребенка

229

в себе, — того, которым *был* каждый из нас, и которым мы представлены на этом свете, но каковым не являемся до той степени самоотречения, когда согласны на небытие. Только небольшое индивидуумы, которым в ходе их истории удастся «уберечь в себе ребенка», ухитряются что-то создать и продвинуться вперед — прыжком, открытием, эмоциями, которые они привносят в общество, распахивая новую дверь, новое окно. Но самые изобретательные, пионеры и новаторы, остаются одиночками, маргинализированными и всегда находятся под угрозой невроза. Впрочем, в этом нетрудно убедиться: существует целая литература о безумии и гении. В сущности, в бессознательном, иди, во всяком случае, в подсознании общества запечатлелась идея, что художник и исследователь — подозрительные типы. Бытует взгляд, что любое творчество — в науке, в искусстве — патологично: представлено безумцами. Людям не терпится заявить: «Этот изобретатель — сумасшедший».

Каким сумасшедшим, каким шизофреником, был, вероятно, Архимед! Все принимали ванну, ровно как и все имели возможность почувствовать, что приподнять руку можно легко, а можно двигать ею с усилием, когда она в воде... Но только никто никогда так не рассматривал свою руку: как вещь, как отдельный от своего тела предмет, и поэтому никому не пришло в голову определять силу, действующую не неё... Для этого надо было одновременно и ощущать собственную руку, и посмотреть на нее как на отдельный предмет, который мог бы принадлежать, например, соседу. Поразительное открытие! Какой образ собственного тела представлялся Архимеду, пока он лежал в ванне, коль скоро он сумел до такой степени от него отстраниться? Тысячелетиями люди проделывали тот же опыт и не делали из него никаких выводов. Да, тела плавают... но можно с помощью науки измерить их массу! Может быть, мать этого «мутанта», Архимеда, совсем им не занималась и не научила его тому, что такое его тело? И поэтому ему было все равно, при нем его рука или нога — или существует отдельно. Его мозг размышлял над этим телом в пространстве, как если бы оно состояло из отдельных кусочков. Архимед — душевнобольной?..

ДВОЙНОЕ РОЖДЕНИЕ

Чтобы общаться с совсем маленьким ребенком, бесчисленные поколения матерей прибегали к «детскому лепету», полагая, что так оно лучше.

«Детский лепет» — это не-общение. Пока ребенок находится в младенческом возрасте, матери склонны использовать применительно к нему язык так, как он используется применительно к домашним животным: о них говорят, но с ними не разговаривают. Более того, многим людям легче говорить с собакой или кошкой, чем с ребенком. Думаю, это вот отчего: чтобы структурировать себя как взрослых, мы вынуждены вытеснять в себе все, что идет от детства. Находиться под обаянием прошлого, которое для нас является давно минувшим, — это все равно, что беседовать с собственным призраком. И мы стараемся этого избегать. Мы отказываемся говорить с нашими младенцами, но все же при виде их мы идентифицируем себя с собственной матерью в то время, когда мы сами были младенцами. У родителей это происходит спонтанно: они отождествляют себя со своими родителями и одновременно с самим младенцем. Они демонстрируют, вместо реального общения с младенцем, нарциссическое общение с самими собой в «воображаемом» младенце. И они объективируют это общение, вступая в общение с другим взрослым, с которым они говорят о ребенке, вместо того, чтобы говорить с самим ребенком.

Что происходит, когда мы обращаемся к своему детству?

Часто слышишь, как люди говорят сами с собой, обращаясь к себе, например, с такими словами: «Девочка моя, ты бросила курить!» Или: «Я спросила себя, что я буду делать в этой ситуации?» Многие люди говорят с собой, обращаясь к себе на «ты», реже говорят о себе, называя себя «он».

Однажды у нас был к обеду гость, мы предложили ему взять добавку какого-то блюда, но он возразил (это был артист): «Нет, он уже вволю наелся.. Мне не хотелось бы, чтобы он брал добавку». Это не было 'шуткой. Для него это было эффективным средством против обжорства.

У общественных деятелей часто появляется искушение говорить о себе в третьем лице, когда их популярность входит в легенду. Так, де Голль говорил о себе: «Де Голль принадлежит Франции». Знаменитые писатели даже изобретают себе псевдонимы (Гари-Ажар), которые сильно облегчают им

в сущности правильное говорить о себе в третьем лице — как о постороннем человеке.

Если я говорю: «Когда я была маленькой, я делала глупости», или «Когда я была маленькой, родители считали, что я гораздо подвижнее других детей», я говорю о себе в прошлом — это не сегодняшняя я. Невозможно говорить в настоящем времени о себе, каким ты был в прошлом. Нам не удастся говорить с ребенком в настоящем времени, потому что тогда мы говорили бы с тем ребенком, который пребывает в прошедшем времени внутри нас. Именно поэтому мы можем говорить с собакой: это настоящее и вместе с тем, неговорящее существо, в котором мы видим наше собственное домашнее животное, принадлежащее нам, как наше тело, И мы говорим домашнему животному: «Ты недоволен...» — как сказали бы части своего тела, если бы она испытывала дискомфорт. Но с ребенком мы отождествляем себя «в прошедшем времени», поэтому нам трудно говорить с ним «взаправду», — считая его столь же понятливым, как мы сами, и часто даже понятливее нас. Мы не в силах с этим согласиться. Вечно это смешение ценности и силы, отсутствия опыта и тупости, рассудительности и умения запугать,

Когда завершаешь курс психоаналитического лечения, устанавливаешь точные связи между «я» сегодняшним и «я» в прошлом, ощущаешь дистанцию между ними.

Это больше, чем дистанция. Совершенно перестаешь интересоваться самим собой, и сегодняшним своим «я», и прошлым. По-моему, это — главный результат моего анализа: я почувствовала, что мое прошлое совсем перестало меня интересовать. Это как фотографии: время от времени о них вспоминаешь в кругу семьи. Но для тебя самого они мертвы. Они поддаются «воскрешению» только потому, что вокруг существуют другие люди, словно свидетели, при которых мы пережили то-то и то-то. Это «принадлежит истории». Бывает, что встретишь кого-то из родственников, и он (или она) скажет:

«Но когда все собирались вместе, у тебя был такой вид, будто ты о чем-то напряженно размышляешь; ты так тараторила... Ты молчала, а все говорили: «О чем только она там думает про себя и т. д.» Я совершенно не помню, чтобы я о чем-нибудь думала тогда, но, когда мне об этом рассказывают, я посредством их рассказов вместе с ними вижу себя маленькой и допускаю, что я, должно быть,

232

была той маленькой девочкой, которая изображена на фотографиях. Для меня это едва улавливаемые следы счастливых воспоминаний. Может быть, кому-то запомнилось и страдальческое выражение моего лица. Но я этого не помню. Радостей, правда, тоже не помню; помню только, что была непосредственным свидетелем определенных моментов жизни; та личность, которая, должно быть, была мной, радовалась. Зато запах весны, пробуждение природы во время пасхальных каникул в деревне... Апрельские грозы в Париже... Помню об этом, и помню свое очень точное ощущение: радость от того, что все это есть. Это все-таки связано со мной сегодняшней, и временами я это в себе воскрешаю. Если это — существующее в собственном «я» вновь обретенное единство между ребенком и взрослым, тогда не исключаю, что этот момент и в самом деле переживается в настоящем. С чувством облегчения и примирения с собой. Когда говорят о поисках цельности, по-моему, имеют в виду именно это. Не надо это путать с тем единством, в котором, как думают люди, пребывает зародыш с матерью внутри ее утробы. Это иллюзия. Такого единства никогда не было. Мать и плод никогда не пребывали в слиянии: яйцо в оболочке внутри материнской утробы — это не единство, и единства восприятия здесь не было. Происходила, разумеется, физическая и химическая контаминация: материнское тепло, материнская жизнь передавались зародышу; сахар в материнской крови питал кровь зародыша; это физиологическое общение, это слуховое восприятие того, что доносится снаружи, в том числе отчасти и голоса матери, но это никогда не является слиянием с ней; то единство с нею, которого мы якобы все ищем, — не думаю, что это в самом деле единство с матерью. В воспоминаниях я с волнением возвращаюсь к ощущениям дыхательного или обонятельного порядка, которые связаны с космическим началом. Я задаю себе вопрос:

неужели это та самая личность, отделившаяся от истории своих отношений с отцом и с матерью? В этот момент освобождается особая чувствительность, которая появляется у нас в наших отношениях с миром, — теперь она, наконец, очищена от всего лишнего. У меня есть воспоминания, связанные с другими людьми. Поскольку я не была единственным ребенком (я была четвертой из семи), вокруг меня всегда кто-то был. Но то, что я чувствовала, — это в самом деле чувствовала только я. И окружающие, может быть, тоже это чувствовали, но не делились со мной этим. Они не говорили мне: «Как я наслаждаюсь весной...» Эти ощущения были, несомненно, знакомы всем нам, но о них никогда не говорилось. Стало быть

233

помимо меня, есть другие люди, которые испытывают то же самое в другие моменты своей теперешней жизни одновременно с тем, как я тоже переживаю это вновь под влиянием какого-нибудь пейзажа, например, или погоды... И в эти минуты я становлюсь той же самой, какой была в раннем детстве,

происходит реминисценция, это что-то вроде сенсорной вспышки.

У каждого из нас есть мимолетные воспоминания о своем внезапно просыпающемся нарциссизме. И если это воскрешение происходит благодаря какой-нибудь встрече или рассказам третьих лиц, оно наверняка менее устойчиво, чем в том случае, когда навечно географическим пространством, климатическими или космическими условиями. В природе ситуация может повториться, точно или почти точно, — а люди, какими они были когда-то, уже исчезли.

Коль скоро мы вынуждены брать на себя ответственность за прошлое, за пережитое предками, — не входит ли освобождение от знаков и травм внутриутробной жизни, вообще говоря, в условия человеческого существования?

Мы структурированы таким образом, что не можем от этого освободиться. Ребенок, родившийся в 1981 году — не такой, как тот, что родился в 1913, или 1908. Нельзя думать, что это такой же французский ребенок, родившийся на той же французской земле... Он обладает прошлым своих родителей, в каждом случае другим, и другом до-сенсорным капиталом, который ему предстоит развить. Это существует в его восприимчивости с самого начала. Никто не рождается кроманьонцем, с памятью, как девственно-чистая доска. Отнюдь нет. В нас заключены все воспоминания наших родителей, наших предков. В своей жизни все мы, пускай мы об этом и понятия не имеем, — представители какой-либо истории, исходя из которой начинается наше развитие.

Каждый из нас, прежде чем сможет по-настоящему расцвести и высвободить то, что в нем уникально, специфично, то есть присуще именно данному человеку, должен пройти целый цикл испытаний.

Чтобы это понять, следует провести сравнение между человеком с продолжительной семейной историей, которого вырастили родители, ставшие для него и кормильцами, и воспитателями, — и другом,

234

который был покинут родителями, чьи лица и история навсегда остались для него неизвестны. Он их представитель, и он никогда не слышал и не видел людей, которые связывают его с родственниками по обеим линиям. Он в самом деле дитя и даже младенец своего времени: историю его родителей, в результате которой он появился, никто не может ему рассказать словами. И этого ему не преодолеть. В этом глубинная драма брошенных детей, даже если их усыновили. Даже если они найдут свою фамилию на семейном надгробье или место, где умерли родитель или родительница, они уже не найдут своей истории. Если такой брошенный ребенок найдет своих родителей спустя годы, их история, к которой он не причастен, останется ему чужда; и они тоже не причастны к его истории, они не участвовали в ней, когда он был маленьким. Что могут сказать мать и отец своему ребенку, если к моменту, когда он их нашел, им уже шестьдесят, а ему двадцать или тридцать: «Ах, как ты похож на своего (или моего) отца!» или «Как ты похожа на маму, на тетю, на бабушку!» Они будут толковать ему о физическом сходстве с людьми из его истории, но кроме этого не смогут сообщить ему ничего.

У брошенных детей Эдипов комплекс не может по-настоящему разрешиться, потому что они остаются пленниками тайны.

Каждый из таких детей — пленник какой-нибудь тайны. Он разгадывает определенную загадку Эдипа, в которой замещающими фигурами являются воспитавшие его люди. Но он вечно ищет родителей и братьев. Подтверждением этому служит фантазия, свойственная всем брошенным или усыновленным детям: боязнь по неведению влюбиться в собственную сестру — или брата. Это побуждает их искать себе пару в местностях, отдаленных от той, где они появились на свет, то есть где их родила мать. На них давит табу инцеста. Если они проникаются к кому-нибудь симпатией, то боятся, не окажется ли избранник их братом или сестрой. И, чтобы быть уверенными, что избежали инцеста, они выбирают того, кто не имеет никакого отношения к их родным местам. Значит, где-то здесь прячется Эдипов комплекс.

Каков бы ни был личный опыт индивидуума, даже если он обошелся без дородового стресса и послеродовых осложнений, переход от внутриутробной ко внеутробной жизни сам по себе является трав-

235

мой; это что-то вроде инициационного испытания, от которого никогда полностью не оправиться; это утрата плаценты., первая из наших «кастраций», болезненных необратимых потерь.

Это потеря основополагающей части нашего метаболизма", утрата амниотических" оболочек и плаценты. Оправиться после этого можно только пройдя через много испытаний и инициации. И все эти мутации будут происходить лишь по образцу, заданному рождением. Когда доживаешь до моих лет, повидав множество детей, зная, как они рождались, каков процесс их рождения, их появления на свет, приходишь к выводу, что всякий раз в их существовании происходила мутация, и что их жизнь прошла так же, как их роды. Я говорю о детях, которые появились на свет без химического или хирургического вмешательства — родились естественным путем. Все люди рождаются по-разному. Приведу слова одной матери, родившей семь или восемь детей в те времена, когда еще не было «мониторинга» (в наше время роды полностью механизированы и подчинены науке): «Я-то знаю: как мой ребенок рождался, так он и

пройдет через переходный возраст, через свои одиннадцать-двенадцать лет». То же самое мне говорили многие другие матери. Кстати, они включали в этот процесс и себя, говоря: «Я волнуюсь, думая о том, как у него (у нее) все обойдется, но не слишком беспокоюсь; когда он (или она) родился, я тоже волновалась, и все у них прошло хорошо... теперь, когда ему (ей) предстоит какая-то перемена, я всегда волнуюсь...» Сталкиваясь с трудностями, эти дети вели себя так же, как во время перехода от внутриутробной жизни к младенческой.

Когда люди с бессознательной уверенностью идут навстречу значительным событиям и радикальным изменениям в жизни, это означает, вероятно, что их роды прошли легче обычного, без помех и без боли.

Условия человеческого существования таковы, что человек не может достичь полного расцвета своей личности иначе, чем через второе рождение. Об этом говорит Евангелие. Люди думают, что все это мистика, а на самом деле это просто-напросто процесс очеловечивания. Первое рождение — это рождение млекопитающего, переход из растительного состояния в животное, а второе рождение —

- Обмена веществ.

«« Амнион — одна из зародышевых оболочек, образующая наполненную жидкостью полость, которая предохраняет плод и является средой его развития; в бытовом и акушерском языке — «детское место» (В. К.).

236

это переход из животного состояния зависимости к человеческой свободе сказать «да» или «нет», рождение духа, осознания символической жизни. Именно эта мутация, эта способность родиться дважды, эта смертельная опасность, за которой следует преображение, превращает высшее млекопитающее в человека.

Первое рождение разлучает нас с тем способом общения, который возможен для зародыша и о котором мы, взрослые, ничего не знаем. Кроме того, с перерезкой пуповины происходит языковое рождение. Второе рождение, без которого нам не удастся стать самими собой, есть то, что погружает нас в предшествующий код, общий для нас и наших родителей, и помогает обрести нашу природу, включая и те элементы культуры, которыми закодирован язык. Таким образом получает истолкование евангельское: «Если не станете как дети...» И, переживая свои отношения с другими, — отношения логические, в которых опорой нам служит смысл слов, мы в то же время переживаем отношения, лежащие в другом регистре, на которые не обращаем внимания, отношения из области бессознательного — они существовали всегда. Но в обычной речи при общении людей сохраняется только то, что доступно логике, имеет точку отсчета. А между людьми, поддерживающими общение, есть много не-логичного, но мы уже об этом не знаем. И нам нужно возродиться для принятия и осознания этой не-логичности, которая иногда гораздо динамичнее, чем то, что логично и существует по законам логики. Членораздельная речь, если она является спонтанной, одновременно с ясным сообщением передает латентное, передает речь бессознательного. Можно сказать, что второе рождение служит для того, чтобы окончательно расстаться с первым, умертвить в нас человеческое млекопитающее, сохранив, однако, то, что есть в нас живого и доступного передаче — бессловесную коммуникацию. Необходимо пережить первое рождение, как смерть — только когда возможно возрождение, то есть мутация для другой жизни: переход от соматической плаценты к воздушной. С точки зрения дыхания, атмосфера для нас — та же плацента, и эта воздушная плацента одна на всех; а с точки зрения пищеварения, мы пребываем на земле, у которой берем и съедаем питательные элементы, а отдаем ей ненужное через задний проход и наружное отверстие мочеиспускательного канала. После того как материнское чрево нас извергло, питание уже не поступает к нам в виде крови через пуповину, и мы не возвращаем его плаценте, — теперь нас питает земля: мы строим наше тело из питания, которое получаем

237

через рот и проглатываем. Рот одновременно заменяет нам и пуповину — так же как и нос — и вместе с тем служит для извержения звуков, в том числе криков, и речи, позволяя нам говорить, — а это уже совсем другое дело; мы выражаем свои чувства, чего не могли делать во внутриутробной жизни. В этом и состоит обновление: пускай мы выражаем себя с помощью языкового кода, который понятен другим людям, но все, что не входит в этот код, тоже не исчезает; оно остается в бессознательном. И наше бессознательное общается с бессознательным других людей, хотя у нас имеется сознательный и кодированный язык — но он не позволяет нам высказать, а другим людям понять всё, что мы выражаем.

На самом деле, адаптация к этой другой жизни происходит не сама собой и может продолжаться всю жизнь человека. Наше «историческое расследование» свидетельствует: внимание исследователей чаще всего привлекает незрелость человека, связь его интеллектуального развития с периодом образования центральной нервной системы, и гораздо реже — истинное овладение возможностью общения, хотя возможно, что именно общение является условием развития личности. Никогда еще все исследования, все усилия ученых не концентрировались по-настоящему на этом условии существования человека, который постоянно, с самого рождения и, так сказать, на протяжении всей жизни непрерывно утрачивает сам себя.

Пора покончить с тем лепетом, к которому сегодня сводится пренатальная и неонатальная психология, и в какой-то мере очертить всеобщий «Закон» созидания, присущий представителям рода человеческого, которые, благодаря своей памяти — о прошлом, обладают воспоминаниями, а благодаря воображению, превосхищают будущее, опасаются будущего или надеются на него.

Я придаю большую важность присущей психоанализу точке зрения, согласно которой перерезка пуповины есть кастрация, в том смысле, что это — физическое расчленение тела с потерей той части, которая до сих пор была чуть ли не самой главной для жизни индивидуума, и переживается оно как фундаментальная альтернатива: «Выйди из своей оболочки. Выйди! Плацента — или смерть. Если ты останешься с плацентой — ты умрешь. Если ты оставишь плаценту позади — у тебя есть шансы на жизнь, но все равно тебе грозит смерть —

238

это зависит от твоей способности дышать...» Выйти из-под защиты оболочки, неотделимой от материнского организма и неотрывной от плаценты. Покинуть плаценту, покинуть оболочку — то есть расстаться с пассивным насыщением кислородом, с пассивным питанием, и в то же время с полной безопасностью для всего тела — это значит расстаться с жизнью, с единственным известным ее состоянием; это значит умереть. Но в результате этого предельно рискованного эксперимента внезапно, с первым криком, расправляются легкие и в тот же миг закрывается сердце: ребенок перестает слышать собственное сердце и слышит что-то вроде биения материнского, которое раньше перекликалось с исчезнувшим быстрым биением сердца зародыша. Ему больше не слышны оба ритма, которые искали друг друга и сочетались друг с другом. Я думаю, что вся эта органическая жизненная сила человека как млекопитающего в архаической языковой форме заключена в тамтамах и звучании ударных инструментов. Африканцы и индейцы часами пляшут под барабанный бой, не испытывая усталости, словно вне времени и пространства, как когда-то *in utero*, под дробный ритм, поддерживающий в них жизненную силу, перетекающую из этой непрерывности звука. Благодаря искусству ритма они обретают внутриутробную жизненную силу, которая словно поддерживает сама себя, — это не стоит им никакого труда и не приносит усталости. Но они не в одиночестве. В пляске участвует целая группа, и вся эта группа несет каждого плясуна, как мать несет плод в своем лоне.

Может быть, это новая версия утраченного рая? Биологическая?

Говоря о регрессии, имеют в виду историю тела человека и сферу его эмоций. Само же по себе слово «регрессия» подразумевает то, что с точки зрения биологического существования возможно как прогрессировать, так и пребывать в застое: стагнация не исключается. Регрессия означает: возврат к таким средствам выражения, или поддержки, или обмена жизненными силами с внешним миром, которые ныне для нас архаичны: прежде они входили в нашу историю или были желанны в определенную эпоху нашей истории, а теперь бездействуют и не связаны с речью. Вернуться к ним — означает укорениться в силах, чтобы идти дальше.

239

ОПЫТ ВРЕМЕНИ

Дети раннего возраста не знают ни прошлого, ни будущего. Они живут в вечности. Что вводит их в масштабы человеческого времени?

«Подожди», «Подожди», — вот главное слово, приобщающее малыша к течению времени в тот момент, когда ему дают рожок, побуждая его уловить промежуток между его просьбой и удовлетворением потребности. Во временной масштаб нас вовлекает желание, и наоборот.

Глухие дети не испытали этого первого опыта по ожиданию «ответа» на просьбу. Не получив, в отличие от слышащих детей, слов, выражающих временные отношения, они не уловили смысла времени. В специализированных школах от учеников вообще не требуют пунктуальности. Ее невозможно добиться без соответствующего обучения.

Родильные дома наносят большой ущерб, разлучая новорожденного с матерью. Его первый опыт — это отрезки времени, протекающие между моментами, когда он обретает мать. Без нее он словно в темноте, он тонет в крике других младенцев. Утоляется желание телесного выживания, но не желание сохранить символическую связь с отцом и матерью. Этому препятствуют правила больничного распорядка и даже архитектура роддомов. Иногда новорожденные находятся двумя этажами выше рожениц. Если мать не кормит, она видит ребенка только пять минут в день, во время посещений. Разве этого достаточно, чтобы быть услышанным? Такой дробленный режим вызывает недовольство и молодых медсестер. Но и тем детям, что еще не родились, предстоит унаследовать все ту же регламентацию.

Если мы решимся на профилактические меры, следует учесть три критических момента:

— Разлучение матери с новорожденным в родильном доме.

— Помещение детей в ясли.

— Детский сад с двух лет. В детском саду не считаются ни с ритмом желания, ни с выбором, который делают дети.

Это основное; однако и в этих ситуациях можно считаться с развитием детей,' при условии заботливой подготовки их к каждой

• См. IV часть: «Постепенная революция». Эскизы ранних превентивных мер и первые наброски «Домов детства». — *Прим. сост. франц. изд.*

240

перемене занятий; главное, необходимо разговаривать с ребенком о причинах, по которым с ним поступают так-то и так-то: возможно, ребенку пребывание в детском саду неприятно и даже вредно, но при современном уровне развития общества это решение неизбежно, поскольку оно необходимо для его родителей. В этом нет ничего хорошего, но, коль скоро это так, почему бы все же не попросить у малышей прощения?

Если время ребенка по желанию его матери начинает структурироваться слишком рано, ребенок не может выразить своей любознательности по отношению к миру — он живет в ритме, навязанном ему взрослым и зачастую противоречащем его собственному. Он или покоряется или выражает отказ от всего сразу. В какое зависимое положение ставят ребенка некоторые опекуны! Мамы и няни сами не осознают, что действуют наперекор естественному ритму, навязывая младенцу стандартный режим дня: пора идти гулять, дышать воздухом. Я спрашиваю их: «А вам самой хочется гулять?» — «Нет, что вы, я иду ради него.» — «Ради ваших с ним добрых отношений, ради его счастья? Но зачем портить ребенку настроение, если ему хорошо дома, и ни он, ни вы не хотите идти на прогулку? Если ребенку куда не хочется, это значит, что он рад остаться дома, что у него есть приятные занятия. Вы отправляетесь с ним в парк и не успеете туда добраться, как уже пора возвращаться домой. Почему бы не остановиться по дороге?» — «Ну, он бы торчал у каждой витрины.» Ребенок полутора или двух лет не просто выходит «подышать воздухом», он интересуется всем, что происходит вокруг. Поговорите с ним обо всем, что его интересует. Это будет настоящая прогулка. Слишком часто люди пребывают в убеждении, что ребенок должен делать куличики из песка. Почему «должен»? Я думаю, что эти люди не умеют по-настоящему установить отношения с детьми. С таким распорядком ребенок не может обрести собственного взгляда на общество; у него даже нет случая узнать его и поговорить о нем с тем человеком, который водит его гулять.

Интересно было бы обратить внимание на отклонения в отношениях мать-дитя в сфере временных пропорций, в сфере того, что пережито во времени.

Навязчивость взрослого полностью противоречит ритму потребностей и желаний ребенка. Ему навязывают искусственный ритм, противоречащий его собственному.

В наше время дело усугубляется еще и тем, что ребенка определяют в соответствующий класс, исходя из того, что он родился не позже

241

1-го января соответствующего года, а на перемене не позволяют играть с детьми из других классов, младше или старше себя.

Следовало бы принимать в расчет не официальный возраст, а индивидуальный ритм каждого ребенка. Дети у нас программируются, как машины.

Единственным критерием при переходе в следующий класс должен быть эмоциональный возраст, динамика желания, готовность ребенка войти в среду младших или старших, чей образ жизни подходит ему наилучшим образом, если они со своей стороны тоже согласны его принять.

Я рассматривала с братьями фотографии классов, в которых мы учились, и мы задумались, что стало с нашими соучениками. Те, которые в то время адаптировались лучше, в профессиональном отношении не превзошли крепкого среднего уровня. А те, кто в течение взрослой жизни достигли независимости, — те в школе, в младших или средних классах, по два-три года ходили в лентях и считались маргиналами, во всяком случае, учениками с неровной успеваемостью и неустойчивой дисциплиной. В те времена не оставляли на второй год. Сегодня таких школьников подвергают сегрегации. Время безжалостно. Если ребенка не записать в ясли чуть ли не до его рождения, для него там, вполне возможно, не найдется места. Все делается для того, чтобы его вытеснить. Для него нет места, если он не участвует в гонке. Это тревожит.

Дети слишком рано слышат: «Ты опоздал, для тебя не осталось места». Более того: «Для всех работы не будет, поэтому сдавай экзамены блестяще, иначе тебя вычеркнут из списка!»

В детях культивируют тревогу, она становится основой образования. Именно тревога стоит у истоков многих расстройств у подростков.

Понятие времени, позитивно влияющего на развитие человека, или понятие карающего времени (словно время — это человек) коренится в связи «мать-дитя». Потому что для общества характерна личность, которая согласна подвергаться тем гонениям со стороны времени, каким подвергаются дети.

Одно из двух: или человек подстраивается — и желание умирает; или человек отказывается покориться гонителю — и ему мешают жить.

Каждый из нас — или объект вожделения алчного времени, норовящего закабалить нас в числе всех остальных и пожрать, или отброс времени, отвергнутый за то, что не укладывается в общие

242

мерки, которые другие люди — в том же пространстве, в котором существует и наше тело — признают «нормальными».

На какой стадии своего развития ребенок узнает, что такое «завтра»?

Я заметила, что с появлением в семье новорожденного происходит следующее: благодаря преодолению ревности по отношению к малышу, с полным правом вошедшему в семью, предыдущий ребенок приобретает понятие о безвозвратно уходящем времени.

Сперва у старшего ребенка наблюдается регрессия: он как бы возвращается к предшествующим этапам своей жизни; подобное возвращение происходит и с телом, — и всё это, чтобы быть таким же значимым, как появившийся в семье младший (брат или сестра). В этом случае необходимо преодолеть опасность, грозящую его идентификации. Когда ребенку говорят: «Пускай малыш побудет с мамой, а ты, старший (или старшая), займешься со мной делами поинтереснее...» — ему, старшему, легче сохранить свою идентичность и добытый к этому времени уровень общения с миром, он соглашается быть таким, каков он есть, и в течение какой-нибудь недели у него появляется представление о времени, выраженное в глаголах прошедшего и будущего времени. Мне кажется, что единственным в семье детям недостает этого понятия о времени. Сами того не зная, они могут заклиниваться на себе. Они готовы идентифицировать себя с другим ради любимого человека. Именно преодоление ревности придает индивидууму внутреннюю укорененность в своем «я», существующем в своем теле и в своем времени, а не в теле и времени другого человека. Именно в такие моменты я наблюдала возникновение самосознания у детей.

Моя дочь, которая была младшей и вдобавок единственной девочкой из троих детей, не видела малыша, который вынуждал бы ее к регрессии, благодаря которой она могла бы с ним соперничать. Она надолго сохранила ощущение принадлежности к более старшему возрасту, чем то было на самом деле, — возможно, под влиянием старших братьев. Она не прошла через испытание страданием, которое переживаешь, сравнивая себя с младшим. Может быть, это придало ей хрупкость. Каждому ребенку необходимо преодолеть в себе склонность к регрессии.

Ребенка заставляет страдать ностальгия по прошлому — да, уже по прошлому! Это тоже признание собственного бессилия по от-

243

ношению к желанию «быть больном», все делать самому, как взрослый.

Любить себя самого больше, чем любить свое отношение к другому или отношение другого к себе. Это противоречит принципу реальности. «Быть маленьким — это не ощущается как достоинство. Ты не можешь вернуться назад». Вчера уже прошло, завтра наступит еще нескоро. Это смерть — но, даже если с ней согласиться, все равно это преображение. Если удовлетворение желания все время повторяется, это повторение смертоносно: желание никогда не повторяется, оно всегда изобретательно и ведет к освободительной любви.

До взрослого возраста регрессия бывает связана с отношением к матери и к другим людям, близким к матери. Ребенок еще в большей степени отождествляет себя с отцом и матерью, интроецированных* в нем, чем с реальными родителями. Следовало бы, самое позднее в период полового созревания, расстаться с этой внутренней моделью отца и матери, с желанием, которое выражают воспитывающие ребенка отец и мать, а главное, со стремлением доставить им радость, и сосредоточиться только на желании и на радости самореализации с другими и для других вне семьи. Иначе как достичь зрелости, если не получить той свободы, той необъятной тяги к неизведанному будущему, которую переживаешь ценой риска? А кроме того, разочаровать своих родителей так же тягостно, как разочароваться в них самому.

Медлительность многих детей в период полового созревания объясняется именно этим испытанием; отсюда же и поглощение явно излишней пищи, которое наблюдается у многих подростков. Они едят не сколько им требуется, а как самые настоящие обжоры. Это возврат к временам, когда они были маленькими и им повторяли: «Если хочешь вырасти большим — ешь». В их нынешнем возрасте правильной было бы: «Если хочешь вырасти большим — уйди», а не «ешь». Уйди из семьи во внешний мир. Здоровые подростки только об этом и говорят: «Они не хотят, чтобы я уходил». Возражения родителей (рефрен): «Дом для него что-то вроде гостиницы». Да, так и есть. Это необходимо. Хозяева гостиницы должны быть довольны, что подростки после всяких дел и развлечений в других местах возвращаются к ним. Взрослые должны радоваться, что они — гавань, порт.

• Интроекция — включение кого-то или чего-то в свой внутренний мир, в свою «картину мира» (В. К.).

244

Родительская фрустрация: дети перестают быть инструментом желания, они больше не приносят радости. Они только используют родителей. Пьяный корабль, который пускается на поиски приключений и возвращается в порт. Если порт становится источником чрезмерной тревоги, подростки выбирают бегство.

Бегство спасительно — несмотря на то, что для неопытного подростка оно чревато риском.

Я знала одного судью, который весьма сокрушался, что закон противоречит интересам подростков, убегающих из дома, под тем предлогом, что неопытный подросток подвергается риску со стороны незнакомцев, которым нельзя доверять. Тот, кто приютит беглеца, предоставит ему временное пристанище, становится правонарушителем, если не сообщает об этом факте в комиссариат полиции или в жандармерию. Он становится соучастником бегства.

Опыт беглеца, пользующегося поддержкой постороннего взрослого, оказался бы для него спасителем, если бы семья, предупрежденная этим взрослым или самим молодым человеком, через несколько дней приехала за беглецом, но при условии, что всё обойдется без вмешательства со стороны общества... Для родителей это удобный случай понять, что ребенок задыхается в их доме. Общество здесь ни при чем. С какой стати наказывать беглых подростков?

Все так бояться, как бы молодых не эксплуатировали извращенцы, что взрослым запрещено принимать детей, сбежавших из дому. Организация «Дети-SOS» запрещена законом. А ведь она была для «потерявшихся собак без ошейников» местом, куда они могли прийти и поговорить. Да, руководители могли поддаться совращению со стороны кого-то из этих подростков или сами оказаться совратителями. Ну и что? Совращение родителями еще хуже, чем совращение чужим человеком. Инициативу в создании этой организации проявил сын Робера Булена. Конечно, там были и настоящие правонарушители, но немало и других ребят, которым было нужно лишь выбраться на пару недель из душающего семейного круга. Родителей предупреждали: «Ваш сын (или ваша дочь) у нас. Это для них лучше, чем улица».

МЛАДЕНЕЦ-ЖИВОТНОЕ И МАЛЕНЬКИЙ МУЖЧИНА...

Умиляться детенышами животных — самое распространенное явление. Особенно детенышами млекопитающих.

245

Это умиление происходит несомненно от того, что мы сами в детстве были такими же маленькими млекопитающими, не умеющими выразить себя иначе как посредством моторики. Это переносит нас назад в эпоху, когда мы не бывали ни правыми, ни виноватыми, каким бы неловким ни оказывалось наше речевое поведение — которое к тому же облекали в слова не мы, а взрослые, — и я думаю, что именно поэтому многие люди мучительно тягостятся собственным телом, и, чтобы выйти из этого состояния, испытывают потребность в алкоголе, который возвращает их в ту эпоху, когда для них существовал один-единственный способ общения с миром:

находясь в состоянии опьянения, они не критикуют собственное поведение, то есть поступают подобно животным. По этой же причине люди испытывают потребность в домашнем животном.

Быть может, поглощение возбуждающих настоев и крепких напитков продиктовано и у так называемых первобытных племен, и в современном обществе, — тайным и неодолимым стремлением обрести гипотетическое спокойствие первых антропоидов, избавиться от тревоги, присущей человеку, сознающему себя одиноким в безотрадном настоящем между мертвым прошлым и еще не живым~будущим?

Всякий раз, когда мы пьем что-либо более или менее крепкое — горячее или охлажденное, — словом, что-то поднимающее температуру нашего тела, в нашем желудке и во всем теле создается некое архаическое ощущение полноты. Именно оно и успокаивает человека со времен его самых архаических связей с другими людьми.

Проанализируем тот экстаз, в который нас приводит вид звериного детеныша. Не подменяем ли мы им в своем бессознательном детеныша человеческого?

Это никак не характеризует того, кто оказывается объектом этого мимолетного желания. Многие матери по отношению к своим младенцам употребляют эротофильский язык: они дают себе волю, дурачатся, как если бы ласкали маленького зверька. Это — отношения из орального периода; один действует, другой претерпевает; здесь нет отношений между двумя субъектами; это отношения между «я» и «другим», в котором видят объект. Они ведут к отношениям, объект которых связан с анусом, то есть к желанию извергнуть

246

объект, который сперва желательно поглотить. Если объект постоянно увеличивает свои притязания, для матери не остается места. И она стремится его извергнуть. Это история описана у Ионеско в пьесе «Амедей или Как от него избавиться?» Сперва ребенок, который припеваючи живет в доме, такой славный!

Поскольку он является субъектом, свое положение объекта он воспринимает как ценность в глазах родителей, которые служат ему образцами — ведь они взрослые: они растят его, чтобы он все время прибавлял и прибавлял в весе... Но он не знает, кто он такой; он — вес, и он становится таким же алчным, как его мать. И вот наступает момент, когда мать иссякает: чувствуется, что она ничего больше не может сделать;

когда он ее не видит, он вопит, потому что хочет, чтобы его взяли на руки, как брали, когда он был маленьким. Но она больше не может носить его на руках: он стал слишком тяжелый. Он являет собой фаллическую экспансию (символически фаллическое означает никогда [для матери] не достижимую ценность).

Вместо Амедия можно привести в качестве примера детеныша животного, выращенного в квартире. В Штатах была мода на детенышей аллигатора: поначалу это бывало занятно, его укусы не причиняли вреда, он сидел себе в ванне, а потом оказывалось, что он уже способен отхватить палец своими челюстями. Когда он становился больше метра в длину, это оказывалось чересчур громоздко. Тогда его выбрасывали в сточный желоб, где он начинал размножаться. А потом начиналась охота на кошмарного аллигатора. То же самое происходит каждое лето, когда люди бросают животных. Их берут в дом, потому что они были маленькие. Но когда они вырастают, они начинают мешать. Люди отвечают за наносимый ими ущерб, за кражи, за шум, за лай. И вот животных выбрасывают на улицу. От них отделяются где-нибудь за городом.

Такое собственническое поведение спасает владельца животного от фрустраций: живое существо вырывают из пространства, где оно обитает, и делают с ним все, что хотят. То же самое часто делают и с ребенком: его отрывают от того, что составляет дух его пространства, вернее, вырывают из его телесного возраста, заключенного в его способе выражения, в его играх, в его общении с девочками и мальчиками его возраста. Взрослый отождествляет себя с ребенком, который, как ему кажется, получает удовольствие только от еды, и вот он его пичкает едой, хотя ребенок нуждается в уважительном

247

отношении к своей личности и в субъекте, который поддерживает с ним проникнутое желанием общение; ребенок весь целиком существует в языке, все слышит, все понимает, но не умеет добиться, чтобы его услышали и поняли. В дальнейшем ребенок становится требовательным, страдает, если его разлучить с родителями — потому что в счастливую и еще бесконфликтную пору раннего детства он был частью существования своей матери, потом был объектом, которым она владела, объектом ее власти. Кошмар ребенка, который боится пантеры или волка, коренится в том, что в воображении ребенка поселилась пантера или волчица в образе его матери; мать и не подозревает, что он чувствует идущую от нее сознательную или закамуфлированную агрессивность, постоянным объектом которой он был в те времена, когда его отношения с миром и самая жизнь зависели от матери.

Как собака сопротивляется своему мучителю, так он обороняется, пуская в ход одновременно всю оральную и анальную энергию поступка (ночью испражняется в постель, днем в штанишки). Он делает так называемые глупости, экспериментирует на свой лад, а на его глупости реагируют то смехом, то бранью, то ласками, то криком, но никогда не пробуют справиться с ними при помощи языка, корректного разговора. Это толкает ребенка использовать не по назначению все предметы, которые попадают ему на глаза. Такого ребенка все называют балованным, а на самом деле это несчастный ребенок, — жертва, отвергнутая родителями, или жертва их требовательности. Он не может получить ни малейшей автономии, не угодив при этом в крайне опасную ситуацию или в полную зависимость.

Считается, что ребенок, не знавший отца или лишившийся матери, — это несчастный ребенок, которому очень трудно адаптироваться. Посторонние могут сделать очень многое для ребенка, о котором им известно, что он не знает своего отца, при условии, что они не дадут ему оторваться от своих корней и будут говорить с ним как с ребенком, который происходит пускай и от неизвестного родителя, но ценного уже одним тем, что произвел на свет сына или дочь. Никто не появляется на свет сам по себе и не рождается без отца — даже если он знает только свою мать; каждый человек имеет предков по двум линиям. Полагаю, что именно в этом состоит проблема усыновленных детей, как, впрочем, и родных.

Если в раннем детстве ребенка или в период беременности его матери его появление на свет считалось позором — какими бы причинами это ни было вызвано (тяжелые роды, нежеланное половое

248

сношение), — ребенок может сохранить впечатление (особенно если эти мысли взрослых не облекались в слова), что значение его жизни сводится к боли, презрению, печали. Полагаю, что в этом случае он словно должен провоцировать свою мать, родную или приемную, которая его растит, чтобы она призналась ему, кто на самом деле его родной отец и родная мать. Думаю, что человек испытывает потребность ощутить связь со своим воплощенным происхождением, с тем, что мы зовем первоначальной сценой, то есть со сценой зачатия, продолжения рода; при этом ему нужно, чтобы те, кто с ним об этом говорит, принимали

его нынешнего, даже если зачатие оказалось для его родительницы источником проблем, чтобы ему дали понять, что теперь они рады его зачатию или во всяком случае оправдывают его. Ребенку, даже если сегодня его любят, важен тот момент, когда встретились три желания и дали начало его аутентичной жизни; любовь не может отрезать его от истоков его существования в мире — существования, которое тогда было предметом надежд или стыда, а теперь стало предметом любви. Я полагаю, что положительное в человеке формирует именно эта непрерывность, прослеживаемая начиная с зародыша. Если ребенка воспитывают не родные, а приемные родители или посторонние люди, они обязаны ему сказать: «Благословенны твои отец и мать, благодаря которым сегодня мне дано счастье любить тебя», или: «Как я благодарна твоим отцу с матерью!» Это и означает любить человека, любить сына или дочь мужчины и женщины, которые пожелали друг друга, чтобы произвести на свет дитя. «Сегодня я люблю в тебе представителя двух здесь и теперь перекрестившихся историй, существо, обладающее ценностью и достоинством, отпрыска двух семей, которому назначено быть творцом и, быть может, продолжателем своего рода.» Я думаю, что именно в этом заключается для ребенка смысл его жизни, выражаемый посредством структурирующего высказывания -здорового нарциссизма.

Права человека выражают правило, которое полностью оторвано от эмоционального бессознательного динамического контекста, выходящего за пределы материального тела. Если мы скажем: «Я уважаю тебя во имя прав индивидуума» — это ничего не значит. Это только слова... Это должно идти изнутри. Это должно быть внутренним убеждением взрослого, который их произносит. Математик сказал бы об этом так: всё организуется вокруг самой маленькой точки; центр мира — это вот этот карандаш, это может быть всё, что угодно. Все наши центры сводятся к одной-единственной точке; центр человека, который говорит с другим человеком, находится в центре

249

этого собеседника, я — это тот, кто находится в центре своих детей, жены, тех, кого он любит, и все представители рода человеческого совпадают в одном, имеющем общее для всех происхождение. Думаю, что именно поэтому единый Бог имеет такое значение для нашей цивилизации. Этого единого Бога помещают куда угодно вовне, а между тем он здесь, в центре каждого человека, в одной и той же точке для каждого из нас. Мы еще не пришли к тому, чтобы это сказать. Это было сказано о Солнце: сперва Земля была центром мироздания, а затем открыли, что центром является Солнце. Теперь известно, что и Солнце — лишь мельчайшая частица Вселенной. В плане эмоциональной и духовной метафоры человеческого рода имела место та же революция в мышлении; «я» — одно и то же для каждого, и мы знаем: жизнь, исходящая от каждого из нас, исходит из одной и той же точки; такое же «я» есть в другом человеке.* Я думаю, что это — ключ к здоровью, который одни люди передают другим, или — ключ к болезни, которая передается путем заражения. Отвергнуть другого значит отвергнуть часть самого себя.

Чтобы не обращаться с собеседником, как с объектом, как с вещью, нужно сознавать, что являешься носителем этой точки, которая может быть также и центром другого, а другой, соответственно, тоже представляет собой другой идентичный центр.

Сознание этого у людей размыто в, силу индивидуальной сенсорики организма. В своей сенсорике все мы — отдельные индивидуумы, и не можем жить в тесной, размывающей границы близости. Но между двумя отдельными существами возможна психическая коммуникация, потому что разум, дух, есть у каждого, и этот дух — это, собственно, и есть слово, глагол, то есть передача желания; он искусственно разведен по разным местам, но всюду он — один и тот же. Люди говорят: «Мой Бог!». А что такое Мой Бог? Это то, что находится в центре нас; это близко, это внутри. А значит, это повсюду: центр — везде, а периферии нигде нет"; точно так же мы — отдельные существа в пространстве наших чувств и все мы на периферии друг у друга.

Чаще всего наша сенсорика управляет отношениями взрослые-дети. Перед ребенком раннего возраста взрослый тает от наслаждения: наслаждаются зрение, слух, осязание. И с этим же ребенком, быть может, он вступает в контакт, чтобы примириться с той частью

• И это не то же самое, что «я» в грамматике (Ф. Д.).

• «Бог — окружность, центр которой везде, а периферия — нигде» (Эмпедокл) (В. К.).

250

самого себя, о которой полностью забыл или которую подавил. А потом, когда ребенок вырастает и начинает ему мешать, потому что становится захватчиком, взрослый в один прекрасный день отказывается от этого типа эротизма, который толкал его на желание продолжать таким образом наслаждаться своим ребенком. Таково бессознательное человека.

В этой диалектике поглощения и извержения, захвата и отторжения, быть может, и заключается связь с жизнью и смертью.

«Я черпаю в тебе жизнь, я тебя опекаю, а потом в какой-то момент отвергаю, потому что ты стесняешь мою жизнь, ты несешь мне смерть, ты меня истощаешь, ты меня утомляешь, ты меня убиваешь». Мы часто

слышим, как матери говорят о своих детях: «Он меня убивает». Здесь слышится ссылка на смерть, связанную с жизнью ребенка. А еще недавно этот самый ребенок слышал, как мать говорит о нем: «Он — моя жизнь; без него я жить не могу; нет, нет, я не в силах с ним расстаться». Это поведение млекопитающих. Пока их детеныши еще малы, они не могут выжить без матери. И тогда млекопитающее готово, рискуя собственной жизнью, прыгнуть в огонь ради спасения своего детеныша. А потом, незаметно для них, наступает момент, когда детеныш уже способен выжить, найти себе пропитание, защитить себя от других, а главное, когда у него наступает половая зрелость. У людей это приходит гораздо позже, чем у животных. Потому что у человека всегда существует некоторая путаница между желанием и потребностями. Взрослый — во всяком случае, взрослая мать, — и после родов продолжает символическое вынашивание ребенка. С того момента, как она привязывается к младенцу, будь то его родительница или кормилица, она отвечает за этого младенца так же, как за свою собственную сохранность; если она кормит грудью, младенец нужен ей, чтобы сосать молоко, а если он не берет груди, ей даже приходится его сцеживать, потому что дитя оно не пропадает сразу. А отцы — совершенно по нарциссическому образцу — черпают силу в том, что передают свое питание, свое достоинство, свое знание, свою силу ребенку, как себе самим: со стороны кажется, что они испытывают потребность в этом ребенке, но на самом деле это не потребность, а желание, которое существует, пока ребенок не станет таким большим и сильным — почти как в «Амедее» Ионеско, — что уже непонятно, как от него отделаться, если собственное желание не увлечет его прочь из родной семьи. И вот он захватывает в свои руки все, они бы и рады были его бросить, но поздно: тот самый ребенок,

251

о котором заботились, когда он был маленьким, теперь, превратившись в гиганта, становится домашним тираном.

Имеется ли биологическое обоснование для извращенных, плохих отношений взрослые-дети?

Да, это биологическое обоснование заключается в том, что желание смешивают с потребностью. Такое смешение существует у ребенка с самого начала: когда с ним говорят, слово, которое на расстоянии устанавливает связь между ним и взрослым (вербальный язык, само звучание слова), заменяет ему то ощущение физической наполненности, в которой он вновь и вновь, хоть и не постоянно, испытывает потребность. Есть желание, которое, будучи возбуждено, становится постоянным. Это желание общения. Чтобы ребенку ощутить это общение, оно должно быть доступно разным вариантам восприятия. Если оно длительно и постоянно, он перестает его ощущать; это эмоциональный климат или постоянный поток слов, в котором купается ребенок; если общение монотонно, для ребенка оно вскоре перестает что-либо значить. Все то, что повторяется, теряет смысл для желания. Эмоциональное, сенсорное, понятийное разнообразие оказывает живительное воздействие на человеческие ум и сердце. А желание — это постоянный поиск нового; думаю, что биологически это происходит от огромного головного мозга, превосходящего наши поступки посредством воображения, которое обращается к памяти, к воспоминаниям о полученных ранее впечатлениях. Наши впечатления пересекаются под влиянием символической функции и в свою очередь создают новые отношения. Ребенок не может действовать, зато долго может воспринимать; он бы умер физически, если бы рядом с ним не было взрослого, который подходит к нему и обеспечивает его выживание. Итак, он является центром всего, что движется по направлению к нему, поддерживая его жизнь. И эта жизнь, которая становится все более зрелой, набирается информации, чтобы затем в свою очередь поступать так же по отношению к другому. Связь через кормление с воспитательницей позволяет ребенку понять действия своего тела, его отдельность от другого тела, возрастающую по мере того как воспитательница удаляется от него, и ему начинает ее не хватать, и она вновь к нему подходит. По мере развития у него возникает желание подойти к отсутствующему телу другого человека самому, самому что-то дать или взять, — и тогда он оказывается в состоянии символически брать или давать

252

слова и сохранять их при себе, как заместителей другого в творческой деятельности его воображения, которая в свою очередь осуществляется с помощью материалов, которые предоставляют ему космос и промышленность. А для того, чтобы у него было это эмоциональное разнообразие в проявлениях чувств и в устном языковом общении, необходимо, чтобы отношение ребенка к опекающему его взрослому было не двусторонним, а трехсторонним, чтобы он видел, что желанное существо, необходимое ему для выживания, внушает любовь и желание другому, который становится для ребенка образцом в сфере человеческих отношений. Язык, которым другой при нем пользуется, является для ребенка ориентиром, регулирующим отличие существующих между ними отношений, обусловленных желанием, и отношений обусловленных потребностями. Таким образом этот другой побуждает ребенка — если он сам более развит, чем этот ребенок — развиваться и приобретать те черты характера, которые, как он сам видит, имеют ценность в глазах избранного им существа. Желательно также, чтобы в группе детей существовали свои обычаи и правила поведения, которые поощряли бы и закрепляли его наблюдения. Во избежание всего монотонного,

нескончаемого, избыточного некоторые типы обществ изобрели решения, которые сегодня не всегда применимы и возможны, но могут подсказать некоторые пути поиска равновесия. Например, распространить общение на других членов семьи или на соседей.

«ДАЙ МНЕ»

В одном из детских садов Безансона, где Монтанье снимал малышей двух, трех, четырех лет, я заинтересовалась жестом мальчика, у которого в руках был грузовик. Няня только что сняла с какого-то малыша испачканные штанишки, ребенок перегнулся вперед, она вытирала ему попку. Мальчик с грузовиком, поначалу не обращая внимания на эту сцену, подошел поближе, оказался прямо перед попой малыша (который свесился вперед, так что были видны только его ягодички) и протянул этой голый попку свою машину. Няня ничего не заметила. Думаю даже, что кроме меня никто не обратил внимания на этот эпизод, потому что когда после демонстрации фильма я об этом заговорила, никто не откликнулся на мое замечание, а у нас к сожалению не хватило времени еще раз посмотреть и обсудить ленту с профессором Монтанье и его со-

253

трудницами после конгресса, на котором, как всегда, было много спешки. Так вот, помимо всего прочего, фильм, снятый профессором Монтанье на основе наблюдений за группой детского сада, показал и доказал существование того, что сам Монтанье называет «доминантной моделью, провоцирующей подарок». Речь идет о жесте, бессловесном (или с сопровождением слов — это ничего не меняет), который безотказно заставляет ребенка преподнести то, что у него в руках, причем без этого жеста, что бы ни говорил и ни делал просящий, ребенок отказывается отдать ему вещь и выпустить ее из рук. Стоит просителю склонить голову к плечу, превратив таким образом ось своего лица из вертикальной в горизонтальную, ребенок, словно не в силах сопротивляться полученному импульсу, немедленно протягивает ему драгоценный предмет, который до этого ни за что не желал выпускать из рук. Профессор Монтанье дал этому жесту ученое название: «Доминантная модель, провоцирующая подарок». В том отрывочке, на который я обратила внимание, ребенок, видя, что его жест не встречает никакого отклика, с досадой прижал к себе свой грузовик и отошел.

Что означала эта маленькая сцена? Что произошло, почему вид детской попки вызвал у другого ребенка того же возраста жест дарителя, как если бы он увидел ребенка (или взрослого), который склонил голову к плечу тем, скорее всего, бессознательным движением, которое в зашифрованном виде (?) содержит настойчивую, не допускающую отказа мольбу?

По размышлении я пришла к выводу: когда мать вытирает попку и меняет подгузник лежащему на пеленальном столе или у нее на коленях малышу, она, действуя одной рукой, другой придерживает его за ножки и наклоняет голову к плечу, чтобы лучше видеть, что она делает. Эти действия часто повторяются, и ребенок связывает склоненную к плечу голову матери с тем, что он «дарит» ей свою какашку, а та ее принимает (дарит ему ощущение чистоты).

Когда посетитель входит в помещение, где находятся слабоумные, они окружают его, склоняя головы к плечу. Врожденное искривление шеи или позиция, способствующая получению подарка? Они чего-то ждут. Это немая просьба: «Дай мне что-нибудь».

От ребенка ждут, чтобы он разговаривал с помощью лица, но говорящими, а подчас и красноречивыми могут быть все движения его тела.

254

ПИТАТЬ ЖЕЛАНИЕ...

В некоторых лабораториях, изучающих психологию ребенка, руководители исследования начинают утверждать, что у человеческого младенца потребность в любви предшествует потребности в питании, между тем как до сих пор предполагалось, скорее обратное: взаимная привязанность взрослого и младенца складывается вокруг акта питания.

Это была общепринятая точка зрения. Но я думаю, что на самом деле все наоборот: ребенок живет в большей степени благодаря словам и желанию окружающих с ним общаться, нежели чем благодаря физическим заботам о нем, хотя, естественно, ему необходим минимум таких забот, которые обеспечивают его выживание. Все, чему придавалось такое значение — гигиена, диететика, — имеет значение для организма, но лишь во вторую очередь! Физический контакт обретает смысл только при контакте сердечном.

В первую очередь важна готовность взрослого войти в вербальный и эмоциональный контакт с ребенком. Хорошая кормилица, вопреки распространенному убеждению, распознаётся не столько по лактации, сколько по способности к общению. Очень важен голос кормилицы или воспитателя. Люди

разделяются в смысле голоса на левшей и правшей, смотря по тому, у кого какое ухо главное. Можно быть правой в отношении глаз, но левой в отношении ушей, оставаясь при этом правой в отношении рук. Это очень важно для почерка: левши, которые одновременно являются правшами в отношении глаз, оказываются отщепенцами в школе. Причем с самого начала. Потому что маленькие дети могут делать что-либо только очень близко от своего лица. Как будто их лицо и то, что они делают, — это половинки единого целого... «Леворукий», но «правоглазый» ребенок, если у него хорошее зрение, может видеть на три километра вперед, но он ничего не может сделать руками, не приблизив к ним лицо. Письмо — попытка для такого ребенка, потому что у него сильно напряжены мускулы шеи. Зато, если он левша и в отношении рук и в отношении глаз, — все прекрасно, потому что «рабочая» рука и «рабочий» глаз совпадают. Менее тяжело «левоглазому», но «пра-ворукому» он все-таки может наклонять голову. Хотя ему тоже очень неудобно.

К десяти годам это уже не играет никакой роли, потому что ребенку уже не нужно приближать лицо к тому, что он делает.

255

Певец, у которого ведущее ухо левое, — левша в отношении голоса (потому что его голос соответствует уху); в наше время компенсируется звукозаписывающими устройствами, но публичное выступление такого «левоголосого» певца исключено, даже при самом прекрасном тембре голоса. Они могут петь только в хоре; их не ценят как солистов, хотя при научном исследовании их голосов" выясняется, что у них превосходный голосовой аппарат.

Если дети попадают к «левоголосой» кормилице, им так неприятно слышать ее голос, что иногда они вообще перестают что-либо слушать. Однако выбор кормилицы нельзя основывать исключительно на выборе функциональной асимметрии. Существуют и другие факторы, которые имеют значение и могут компенсировать несовпадение в латерализации. ,

Но стоит задуматься об этих факторах, как замечаешь, что множество деталей от нас ускользают; может быть, исследователям же удастся иногда их очертить, но едва ли удастся разобраться с ними и установить какие-то нормы. Креативность человека — результат подавления желаний, если это подавление происходит в эмоционально благоприятной атмосфере, позволяющей ему сублимировать их по примеру окружающих его людей. Государство, которое решилось бы разлучать детей с матерями вследствие несовпадающей ориентации голоса, достойно было бы называться «дивным новым миром»¹, то есть вступило бы в противоречие с элементарной гуманностью. Ребенок будет основывать свое своеобразие, свое отличие от всех остальных детей именно на том, чего ему не хватало рядом с матерью. Я думаю, что, чем больше отличий между людьми, тем более креативно подавляемое желание.

Не следует поддаваться искушению создавать идеальные условия ребенку на основе опыта и данных, добытых наукой, но все же можно придерживаться определенной линии поведения (особенно вербального), позволяющей выразить эти различия, эту нехватку, оправдать, очеловечить страдание из-за этой нехватки, страдание из-за невозможности увидеть свое желание удовлетворенным. Желание не обязательно должно быть удовлетворено, но непременно — мотивировано. Не удовлетворяя, обосновывать (ведь как, например, бывает с родителями, идущими на поводу у ребенка: они, считая себя обязанными давать ребенку все, что он просит", требует, вымогает, потакают любому его капризу и в результате они спохватываются,

• Олдос Хаксли «О дивный новый мир» — сатирическая антиутопия. " Просьба всегда маскирует желание, даже если она — его метафора (Ф. Д.).

256

что пришли к безвыходной ситуации: ребенок никогда не бывает доволен). Если всякая просьба ребенка тут же удовлетворяется взрослым, будучи принята за насущную потребность, ребенок, не встречая отказа, сочтет, что обоснования не обязательны, поскольку у родителей их нет; все будет иначе, если предложить ему высказать свою просьбу, или отсрочить исполнение желания или, возможно, признать его просьбу невыполнимой. Не существует других решений, кроме как поговорить с ребенком о его желании, облеченном в форму высказанной просьбы, и признать за ним право на это желание, выразить ему свое уважение к просьбе, подробно и внимательно поговорить с ним о желаемом предмете, но отказать в телесном, физическом, потребительском удовлетворении его желания. О любом желании можно говорить, можно представлять себе какую-то вещь и т. д. Это введение в культуру. Любая культура — это продукт перемещения объекта желания или перемещения самого желания на другой объект, перемещения, позволяющего поддерживать коммуникацию между субъектами языка.

... НО ОБУЗДЫВАТЬ ЖЕЛАНИЕ... И ПЕРЕДАВАТЬ ЭСТАФЕТУ

Если желание всегда удовлетворяется, это означает смерть желания. Когда мы говорим ребенку «нет», это повод для вербализации отказа в предмете желания, при условии, что мы уважаем право ребенка

устроить сцену. «Ты прав, я не делаю того, что ты хочешь... Но я считаю, что вправе этого не делать.» Создается напряжение, но из этого напряжения вытекают честные отношения между ребенком, выражающим свое желание, и взрослым, выражающим свое, — если, конечно, жизненные потребности ребенка при этом удовлетворяются. Два субъекта выражают 'каждый свое желание.

Иллюстрация: приятное развлечение под названием «витринный ротозей». Ваш сын видит в витрине игрушечного магазина машинку. Он желает ее потрогать. Вместо того, чтобы входить в магазин, предложите ему подробно рассказать, чем хороша эта игрушка. Полчаса проходят в очень оживленном общении со взрослым. И он говорит: «Мне очень хочется ее купить». — «Да, ты прав, неплохо было бы ее купить, но я не могу. Мы придем сюда завтра, будем видеть ее каждый день, будем говорить о ней каждый день». Тут Двойная выгода: сам факт того, что о желании говорится, оправдывает

257

это желание, но в то же время родителю не приходится исполнять все желания. Ребенок останавливает свой выбор на объекте и выражает желание немедленно подучить его в свою собственность. Единственный конструктивный ответ состоит в том, чтобы вербализировать желание и на словах обсудить с ребенком все привлекательные черты, которые имеет для него этот объект.

Говорить «Но в мое время у детей этого не было» — это значит отождествлять ребенка с его родителем-ребенком; это значит отрывать ребенка от его времени, от его пространства и от его желания. Или еще: «Даже и не думай, это не для нас».

Нет, единственное решение — сказать: «Ты прав, это очень хорошая игрушка; тебе ее хочется, но я не могу ее купить. Если я тебе ее куплю, сегодня у нас не будет мяса на обед, потому что у меня с собой столько-то денег, и если я их потрачу на игрушку, мне не хватит на другое». Разумеется, ребенок может возразить: «А мне все равно, я могу обойтись одним хлебом». — «Да, но мне не все равно». Ребенок сталкивается с тем, что другой человек тоже испытывает желание и настаивает на своем, и делает это не назло, не для того, чтобы помучить ребенка; он объясняет своему маленькому собеседнику, что осуществляет тем самым свою ответственность взрослого и что его противодействие есть не что иное как господство над собственным желанием. У взрослого существует иерархия желаний, которую он принимает как должное. И конфликт между его желанием и желанием ребенка следует тоже принять как должное.

Нет ничего хорошего в том, что ребенку ни в чем не отказывают, якобы радея о его свободном развитии; ему необходимо сталкиваться с другими актами желания, со свойственными другим возрастам желаниями других людей. Если бы ребенку уступали во всем, в нем бы полностью уничтожили всякую творческую силу, которая есть страстный поиск способа удовлетворить неудовлетворимое желание и за неимением искомого обретает другие формы.

Существуют такие полумеры как общественные игротеки, где много игрушек: родители вносят залог (как в библиотеке), а ребенок может брать на неделю игрушку, каждый раз другую, которую потом возвращает. Он экспериментирует с этой игрушкой, возвращает ее и берет новую. Таким образом он сенсорно выстраивает себя и создает для себя картины обладания этой игрушкой. Детей не так уж интересует новая игрушка сама по себе, им нужнее привести в действие игрушку, взятую на время, овладеть ею и включить в свои фантазмы. С игрушками как с книгами: они ребенку желанны, но он вполне

258

удовлетворен тем, что усвоил концепцию, замысел произведения, да и какое удовольствие всласть пофантазировать над этим вымыслом, а еще в другом встретить полное взаимопонимание относительно значимости его просьбы, пускай, возможно, и не выполнимой в настоящее время. Отрицать свое желание, как лиса из басни, — равносильно лукавству, умно донельзя; глупо быть удовлетворенным собственным благоразумным бессилием. «Но все же, послушай, будь благоразумным! Откажись от своих желаний... От этого и, быть может, от того, но не от желания вообще.» Приятно бывает даже просто собраться вместе, поговорить сообща о недостижимом, но не менее от того желанном; можно строить планы, трудиться над их воплощением, преодолевать препятствия, возникающие здесь и теперь на пути вождельного исполнения желания.

Как долго дети мечтали полететь на Луну, и как долго внуки слышали от дедов, что «это невозможно»...

И как много было других желаний, неисполнимость которых удесятряла в людях энергию, направленную на их достижение. Каждое поколение опиралось на труд и знание предыдущего поколения, которое творило, завещая плоды своих, казалось бы безрезультатных, усилий, своего бесполезного труда грядущему поколению; человек на протяжении всей жизни ставит на карту свои силы и ум, не добиваясь удовлетворения, не достигая предмета желания, но, как в эстафете, кто-нибудь в конце концов добирается до цели, благодаря тому, что его поддерживали надежды всех его предшественников, и благодаря собственной решимости и отваге. Желание создает человека. Невозможное сбывается благодаря людям, жаждущим преодолеть границы возможного... иногда укрепляет их веру в их желание и надежду достичь его воплощения.

Есть вопрос, который оказывается в центре дискуссий нашей эпохи, дискуссий между психологами, социологами, психосоциологами, этнологами, медиками, — словом, между всеми, кто размышляет об истинной природе ребенка в связи с его становлением, становлением Человека.

Имеет ли детство свою специфику? Что такое ребенок — реальность, пускай и переходная, или просто некий этап? Во всех научных дисциплинах определение ребенка страдает известной двойственностью и расплывчатостью.

259

Этот вопрос — мнимый, потому что провести точную психическую границу между детством и взрослостью нельзя. Кто может чувствовать себя взрослым? Конечно, есть соматические приметы: созревание половых желез; завершение окостенения; траектория развития, которую можно представить в виде кривой и которая достигает максимума и замирает с достижением «расцвета лет». С этой точки зрения — рост, возраст клеток и т. д., — ребенок находится в возрасте, предшествующем взрослости, а взрослый — в возрасте, предшествующем старости...

Желая им манипулировать, в нем не уважают будущего взрослого, а третируют его как не-личность, как будто в будущем ему не предстоит стать личностью.

Романисты и поэты, признавая за ним магическую силу, участвуют в укреплении легенды о нереальности, об особом мире, об ангельской сущности ребенка, оправдывающей то, что в нем не видят обыкновенной личности. Пьер Эмманюэль пишет: «Сохраним чудесный материк, уникальный и незаменимый материк ребенка». Тем самым он низводит ребенка до состояния не-личности и объявляет его нереальным.

Да, дети — поэты. Взрослый тоже может быть поэтом, но он забыл, что ребенок поэтом уже был. Он забыл это ощущение. Сен-Жон Перс — взрослый, но он сохранил в себе материк детства, из которого бьет родник поэзии. Поэзия всегда существует подспудно, и только воспитание, или, вернее, образованна может подавить в ребенке поэтические способности.

Маленький ребенок воображает (надо освободить его от этой идеи, которая владеет каждым из нас лет до сорока пяти), что взрослый — это образ его самого, когда он станет таким же сильным. Правда, ребенок хочет превзойти в силе этого взрослого. Кстати, именно для этого он учится говорить по правилам, понятным для других, на языке, которым владеют те, кто его воспитывает; он хочет выражаться, как выражаются эти взрослые; а если некоторые дети не учат как следует языка, то лишь потому, что у них уже есть собственные правила, отличающиеся от тех, по которым говорят взрослые. Поэтами среди них являются те, кто согласен на язык посредничества, на тот язык, на котором говорят все, который поз-

• Становятся твердыми кости скелета.

260

воляет тем и другим общаться с помощью слов, на самом деле означающих нечто совсем иное, и в то же время они продолжают разговаривать «со своим деревом», как герой «Прекрасного апельсинового дерева», с видимыми и невидимыми существами, с воображаемыми созданиями, которых они носят в себе. Эти создания говорят с детьми на языке, в котором действуют другие правила, их язык центрирован одновременно на музыке, на образах и скандировании, которые не годятся в коммуникативном языке; это язык удовольствия, и не какого попало удовольствия, а такого, которому нельзя воспрепятствовать, которое им необходимо, — это удовольствие от творчества; поэт смертельно страдает, если не напишет стихотворения. Он умирает от этого. Люди пишут потому, что, если они не будут писать, то заболеют. Но чаще всего, вместо того, чтобы развивать собственное своеобразие, дети представляют себя большими, как те взрослые, что их окружают. Ребенок несет в себе гены этих взрослых, но должен достичь совсем не того, что они. И думаю, что именно это больше всего привлекает меня в словах Иисуса из Назарета «Дайте детям приходить ко Мне», где *ко Мне* означает ко Мне, к Сыну Божьему, то есть к совсем другому, чем сегодняшние люди, которые служат детям единственными образцами. Дайте им приходить к тому, кто отличен от вас. Вот как я это понимаю.

Трудно, но необходимо искоренить у ребенка «магическую иллюзию» того, что его отец — образец, тот, кто знает, и кому надо стараться подражать. Позже «делать, как папа (как мама)» заменяется на «делать, как другие мальчики (девочки)»; это поиск идентичности, приемлемой для других. Отчасти это всегда — неизбежная уступка стремлению казаться значительным. Ребенок устремлен к тому, чтобы стать *самим собой*, в соответствии со своим жизненным началом, своим желанием, а вовсе не ради удовольствия кого-нибудь другого, пускай даже глубоко чтимого отца

В этом, по моему, и состоит то новое, что привнес психоанализ. идея профилактических мер против энергетических потерь сердца и интеллекта. Если бы этот опыт учитывали в профессионально!! подготовке

учителей и воспитателей, те узнали бы, как помогать ребенку становиться самим собой на основе того, что он пережил, что он

" «Прежде, нежели были Моисеи и Авраам, я есмь... Я пребуду с вами до конца времен.» Нашу цивилизацию начинают христианской, по крайней мере на Западе культуру осеняют эти основополагающие слова. Но они противостоят собственническому желанию хозяина господствовать над рабом, сильного — над слабым, взрослого — над ребенком (Ф Д)

261

собой представляет, что он чувствует, а не только того, чему он завидует и чем, с его точки зрения, обладает другой; эта помощь выражалась бы главным образом в следующих словах: «Ты просишь у меня совета — ты его получишь, но только не следуй ему, если сам не пожелаешь, потому что мой совет ценен только в нашем с тобой разговоре; это реакция человека другого поколения на твой вопрос. Тебе нужно поговорить об одолевающих тебя вопросах, нужно, чтобы я тебе ответил, но не принимай то, что я тебе скажу, за истину: это всего лишь мое мнение. Поскольку люди испытывают потребность в общении, я делюсь с тобой теми соображениями, которые вызвали во мне твои вопросы, но ни в коем случае не следуй моему совету; поспрашивай других людей, одного, двух, трех — многих, и на основе всего услышанного выработай собственный ответ на стоящий перед тобой вопрос». Важно, чтобы все это говорилось, начиная с самого раннего возраста ребенка: не нужно подражать и никогда не нужно подчиняться другому, даже и взрослому;

всегда следует искать свой собственный ответ на любой вопрос. «Что ты ищешь? Давай подумаем вместе, может быть, пойдем, как тебе это найти... А когда найдешь, скажи мне, что и как ты нашел; давай об этом поговорим». Вот как должно постоянно происходить воспитание. Взрослый должен со всей бдительностью следить, чтобы ребенок избежал риска подражать ему и подчиняться его знанию, его методам и его ограниченности, и в то же время — избежал риска противопоставлять себя другим, как бы ни возвышалось его это в собственных глазах; главное — чтобы ребенок не считал похвальным бездумно подчиняться другому человеку, и чтобы тот, кто хочет его подчинить, не считал похвальным, что добился от ребенка безропотного послушания. Думать, что люди, находящиеся в поре детства, представляют собой особый мир — опаснейшая иллюзия. Если детей замыкают скопом в каком-то магическом кругу, они обречены на бесплодие. Роль взрослого состоит в том, чтобы побуждать ребенка, пока он еще живет в семье, к вхождению в общество, необходимым живым элементом которого он является, и способствовать ему в этом. Чтобы поддерживать его развитие, нужно видеть, что с ним происходит, и доверять тому взрослому, которым он стремится стать. Драма в том, что с того момента, как в нем перестают видеть маленького поэта, ребенка, который мечтает, который живет в своем особом мире, — в ход начинают идти навязываемые ему образцы. «Ты уже почти взрослый, но при условии, что взрослый — это я». А между тем, если ребенок и вправду уже

262

вот-вот станет взрослым, то таким взрослым, которого еще нет: ему еще предстоит придумать этого взрослого, самому его найти.

Чаще всего дети оказываются в трагическом положении людей, которых осыпают лестью, но при этом порабощают. Их непрестанно бросают из одной крайности в другую, причем обе пагубны: то растроганный взгляд на их зеленый рай — «наслаждайтесь им, в ваши годы мы тоже резвились в этом раю», то замечания, наказания и перст, указующий на образец для подражания. В обеих позициях основной элемент — конформизм. Он затушевывает правду: рождающийся на свет ребенок должен был бы напоминать нам, что человек — это существо, которое пришло извне, и каждый рождается, чтобы принести своему времени нечто новое.

Две позиции, которые обнаруживает взрослый по отношению к ребенку, на первый взгляд кажутся противоположными, но, по сути, и то, и другое есть свращение несовершеннолетних. Ребенка то отгораживают от мира, то эксплуатируют; он оказывается то мечтой о детстве, ностальгической фантазией, прекрасным садом, то объектом приложения власти, покорным учеником, усердным слугой, достойным наследником...

Я думаю, что в этом и состоит нескончаемая драма детства: с самого начала жизни являясь существом, испытывающим желание, ребенок поддается соблазну желания подражать родителю, который, со своей стороны, счастлив, когда ему подражают. Вместо того, чтобы позволить ребенку день ото дня проявлять все больше инициативы и развиваться в направлении поисков себя, согласно своему собственному желанию, взрослый воображает, что если он, взрослый, подчинит ребенка себе, ребенок избежит многих трудностей и многих опасностей. Почему бы нам не вдохновиться примером соматической медицины⁷ Существуют прививки от разных болезней; если бы можно было с самого раннего возраста делать детям прививки против подражания и пагубных идентификаций! Но ребенку приходится через это пройти, просто потому что он мал, интуитивно стремится «стать большим» и, с самого начала будучи личностью, хочет

имитировать взрослых. В отличие от взрослых ребенок не идет к гадалкам, чтобы узнать свое будущее. На вопрос «Каким я буду, когда вырасту?» он отвечает себе: «Я буду "он" (или "она")», значит, я знаю свое будущее». Ребенок знает свое будущее: он станет таким, как взрослый, с которым он общается, сперва без различия пола, позже — взрослым того же пола, что он сам, — и так до того дня, пока он не разочаруется настолько, что вообще не захочет такого будущего. И

263

тут он, кстати, становится более «настоящим», но в то же время подвергается большей опасности со стороны общества, потому что родители не признают его, если он не признает себя в их образе. В этом-то и состоит проблема. А еще в том, что дети не стремятся узнать будущее и что смерть не представляет для них проблемы — не то что для взрослых, которые ее боятся. А ребенок не боится: он просто живет себе помаленьку.

Иногда это приводит его к смерти, иногда к тому, что зовется кастрацией, то есть к утрате жизненных сил, если он их исчерпал на свой детский лад, — из этого периода он выйдет подростком, а потом станет взрослым. Но всего этого он не предвидит, и именно поэтому все литераторы, которые опираются в своих книгах на психоанализ, сталкиваются с проблемой: дело не в том, чтобы увидеть извне и описать процессы, протекающие в бессознательном, а в том, чтобы понять слова и поступки человека, переживающего их по-своему, не так, как другие.

Вот так и переживают детскую пору: что-то не ладится, не строят никаких планов, опоры ищут в том, что близко: в старшем брате, в приемном отце, в дереве, в самолете над головой... Побаиваются своего пути, своей территории, — и бездумно перемещаются в пространство взрослых. А если почувствуешь, что с тебя уже довольно — всегда найдется река, в которую можно прыгнуть, или дерево, с которого можно броситься вниз, — а можно и уйти к другому взрослому... Уйти пешком за десять километров, уехать автостопом. Возможности, в общем-то, ограничены. Ребенок не стремится узнать будущее; он его делает, создает это будущее. Он неосторожен. Он не готовит путей для отступления. Он творит согласно своему желанию и принимает все последствия.

Что до отношений с природой, его антропоморфизм и не научен, и не поэтичен: он вмещает в себя все сразу. Ребенок явно находится на той стадии человеческого сознания, когда явления еще не подразделяются на отдельные дисциплины. Он словно идет на реку и берет там золотиносный песок, который употребляет для строительства дома, не заботясь о том, чтобы просеять его и отделить частички золота. Эту цельность можно обнаружить не столько у типичного ребенка, сколько у того ребенка, который живет в каждом человеке. Возможно, было бы прогрессом (по крайней мере в методологическом смысле), если бы мы вообще перестали говорить о детстве как таковом... И о детстве в каждом мужчине, в каждой женщине. Никаких Детей с большой буквы, никакого Детства... Я прихожу в

264

ярость, когда ловлю себя на том, что начинаю говорить «Ребенок», потому что мы привыкли произносить это слово «ребенок», но ведь эта абстракция не существует, это понятие ложное, оно ничего не значит. Для меня существует *один* ребенок, такой-то ребенок — точно так же как *один* взрослый, *одна* женщина; женщины как таковой нет на свете! А кроме того «дети вообще» — это опасно: под этим подразумевается слишком многое; скорее следовало бы говорить, «некоторые дети» или «такой-то ребенок». Можно говорить:

«люди в состоянии детства». Иначе попадешь в ловушку абстрактной, то есть несуществующей не-взрослости, до-взрослости.

Можно сравнить ребенка с деревом весной, когда оно еще не плодоносит. Оно реагирует на мир, на ненастье, на космос не так, как будет реагировать, когда начнет плодоносить. Каждый человек в состоянии детства несет в себе творческий потенциал, но не сознает этого, или представляет это себе в виде фантазий и не придает этому значения. Счастливая непредусмотрительность, связанная с жизнелюбием, надеждой и верой в себя.

ПЕРЕХОД ОТ «БЫТЬ» К «ИМЕТЬ»

В сущности, огромная разница между человеком во взрослом состоянии и человеком в детском состоянии заключается в том, что в организме ребенка заключен потенциальный взрослый, чью силу он интуитивно постигает через игру желаний. А у взрослого его детское состояние уже зарубцевалось и навсегда для него потеряно. Он несет в себе воспоминание, более мучительное, чем ностальгия, — тягостное воспоминание о своем бессилии быть сегодня тем взрослым, каким он мечтал стать, и в то же время он чувствует свое бессилие еще хоть раз испытать способ жизни ребенка: вид ребенка, который верит в себя, еще не сознавая "своего бессилия, и полностью полагается на своего отца, еще больше подчеркивает для него это чувство «никогда больше». Жребий брошен. Для него этот ребенок — представитель той

хорошей или плохой мечты, которая напоминает ему минувшую пору, когда у него еще были надежды, теперь утраченные. На смену им пришла реальность, а надежды, которые он питал в детстве, если он о них и помнит, слишком мучительны в его нынешнем существовании. Думаю, что именно потому ребенок олицетворяет для него тягостные воспоминания — ведь сам он, взрослый, уже не может переменить свою жизнь.

265

Возможно, до пяти-шести лет ребенок представляет себе тог взрослого, которым он станет, «видит» этого взрослого исключительно по образцу своих родителей. Но затем, уже лет в восемнадцать, у некоторых появляются замыслы, более или менее осознанные, который входят в противоречие с образцами, которые им предлагают или? навязывают. От этого в них появляется грубость, резкость, впрочем, не обязательно, поскольку они могут «надломиться», «сломаться»,* но по моим представлениям, взрослый, который в них заключен, может дать знать о своем присутствии очень рано. Может быть, даже до пяти лет, и уж во всяком случае до десяти — лет с восьми-девяти.

В раннем детстве ребенок уже несет в себе того взрослого, которым он будет. Но он не ощущает этого взрослого, как своё возможное будущее. Он является носителем этого взрослого, и этого; достаточно: он не пытается его познать; у него есть желание, но он не стремится узнать, осуществится оно или нет.

В драматических обстоятельствах, при соприкосновении со смертью, с силами, которым невозможно противостоять, дети обнаруживают, что несут в себе всё человечество. В маленьких детях, больных лейкемией, присутствует твердая решимость, сила, индивидуальность. Близость смерти, угрожающей их существованию, присутствие опасности не только придает им необыкновенную ясность сознания перед лицом болезни, но и удивительно обостряет их восприятие жизни. Причем эти способности дает им не болезнь. Болезнь только акцентирует, выявляет эти свойства, свидетельствующие о потенциале каждого человека с самого начала жизни. Дети с зачатия и до смерти прикасаются к сущности того, что есть человек, и эта сущность всегда при них, независимо от того, обнаруживается она или нет, замечают ее другие или не догадываются о ней.

Я слышала, как осиротевший трехлетний мальчик в порыве протеста кричал: «Я имею право иметь маму; если она умерла, значит, папа это допустил». Напрасно ему объясняли, что его отец не мог предотвратить ее смерть, он не желал это понимать. Ему нужно было, чтобы кто-то отвечал за его страдание. Почему его мать не могла остаться в живых? Как бы то ни было, когда слышишь такие рассуждения от трехлетнего мальчика, приходишь к мысли, что это не случайность, не внезапное озарение, а проявление потенциала, которым обладают все дети в мире. Бывают, конечно, такие внезапные проблески, которые являются скорее отображением хода какого-то процесса или состояния ребенка, нежели истинными

266

свидетельствами о структуре его личности. Дети не сознают того, что высказывают. В этом и разница: взрослый размышляет о себе; ребенок о себе не размышляет; он существует. Взрослый размышляет о себе, потому что скорбит о своем утраченном детстве, и теперь, задним числом, утратив свое прошлое, может понять, каков он был раньше. Он сохранил воспоминание, сознательные или бессознательные следы которого запечатлело его тело: «Я был в доме — этот дом разрушен, теперь я в другом доме; я думаю о том разрушенном доме». Но ребенок, существующий теперь в этом доме, не пытается узнать, каков этот дом, и рассказать о нем; он привязывается к этому дому и живет в нем, занимается в нем тем, чем должен заниматься, и не задумывается над тем, что представляет собой этот дом для него или для других. Он — часть этого дома, точно так же как он — часть своих родителей, хотя и не задумывается о них. Поэтому мы и ощущаем огромную ответственность за воспитание наших детей.

Может быть, переход к взрослому возрасту — это переход от «быть» к «иметь»; я имею в виду противоречие, существующее между «быть» и «иметь». Может быть, ребенок создан главным образом, чтобы «быть», а взрослый — чтобы «иметь», и непрестанно размышлять, следить за собой, воплощать себя. Рано или поздно становишься собственником своего прошлого, как собственником дома. У ребенка нет своего дома; он просто находится или в доме, или вне дома. С самого первого контакта немало детей обращалось ко мне с вопросом: «А что у тебя есть?» Роль психоаналитика подразумевает ответ: «Хорошо, я тебе расскажу, но и ты скажи мне, что есть у тебя». Затем начинается спор, кому отвечать первым. А потом они говорят, что у них есть: «У меня есть папа, мама, брат, плюшевый мишка...» — словом, перечисляют все существа, с которыми у них существуют отношения. «Вот, я сказал. Теперь ты.» — «Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?» — «У тебя есть муж?» — «Да, есть... А если бы не было?» — «Ну... Все-таки хорошо, что он у тебя есть... А дети у тебя есть?» — «А если я тебе не скажу?» — «Ну, это нечестно, я же тебе сказал»...

Часто именно таким образом устанавливается языковое общение с ребенком, и я очень удивляюсь, что дети никогда не «вносят в Декларацию» ничего им принадлежащего, кроме людей, с которыми у них

существуют отношения. Если они отвечают письменно, им кажется, что этого слишком мало, и они добавляют: «Да, а еще

267

у меня есть дядя, а еще та дама, которая водила меня гулять, когда я был маленьким».

Дети никогда не говорят о своем материальном имуществе; для них «иметь» значит иметь отношения с другими живыми существами. А сколько детей вынуждены «иметь»... только двух-трех человек! Помню сторожиху, которая приводила к нам в Мезон Верт свою; дочку и детей своих соседок, и как однажды она сказала мне об одной девочке: «У нее нет отца». Ребенок был здесь же, рядом с нами. Я обратилась к малышке: «Слышишь, что сказала эта дама? Она говорит, что у тебя нет отца, но это неправда. Наверно, она просто не знает». Сторожиха не унялась: «Нет, нет, у нее в самом деле нет отца, он умер, когда ее мать была ею беременна; я очень хорошо их знала». И она рассказала. «Он так ее любил, он хотел, чтобы у него родилась девочка, даже купил для нее заранее платьице, сам выбрал для нее имя...» Об этой девочке всегда говорили, что, у нее нет отца, делая из нее что-то вроде символического паралитика, у которого отнята половина тела. Эта женщина, на чьем попечении девочка находилась с самого детства, знала ее отца — и все-таки малышка до сих пор могла думать, что отца у нее не было. Открытие — то, что отец все же был — преобразило жизнь этой» ребенка, а тем самым и жизнь ее матери, жизнь труженицы, посвященную дочери; до того она проводила все свободное время у супружеской четы, вскормившей ее дочь, и сама себя тоже чувствовал» девочкой, близнецом своей дочери, потому что в памяти задержалась на обстоятельствах смерти своего юного мужа, который погиб от несчастного случая и о котором она никогда не рассказывала дочери как об отце.

* Созданное в порядке эксперимента, в 15-м округе Парижа, учреждение, которое служит местом встреч и открыто для детей с сопровождающими их матерями и/или отцами, оно осуществляет подготовку к яслям, детским садам и младшим классам школы, ко всем местам, куда принимают детей при условии их разлуки с родителями См. IV часть, го. 4. — *Прим. сост. Франц.зд* (В силу того, что под названием «Мезон Верт» это учреждение широко известно за пределами Франции, звучание его названия в русском издании мы сохранили при переводе на языке оригинала Здесь и далее — транслитерация франц «Maison Verte» В переводе — «Зеленый Дом».)

268

Глава 5

ДРАМА ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ

ПРЕНАТАЛЬНАЯ МЕДИЦИНА И ПРЕНАТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Современная методика пренатального обследования представляет собой обоюдоострое оружие. Можно опасаться, что медики пользуются ею для возвеличивания сверх меры своего знания и полной власти над зародышем, лишая его уникальных и ничем не заменимых отношений с матерью, которая носит его в себе и прислушивается к нему. Возьмем, к примеру, эхографию; она позволяет в четыре месяца узнать, какого пола зародыш, мужского или женского Но это еще не дает врачу права разыгрывать перед беременной женщиной роль ворожеи. У меня в досье — два случая, когда матери сказали гинекологу «Ни слова. Я не хочу знать до родов, мальчик у меня родится или девочка». Да, так и сказали. Причем настояли на своем, привели причины, по которым предпочитают молчание. Чего они хотели? «Мне нравится мечтать, что мой ребенок принадлежит сам себе Ни его отец, ни я не хотим заранее знать, какого он пола. Зачем об этом знать до его рождения? Кого ни планировать, мальчика или девочку, он уже во мне. пускай живет так, как ему нужно, я люблю его и мальчиком, и девочкой одинаково». Как часто родители заранее, до рождения ребенка, выбирают ему имя, женское или мужское? А когда ребенок рождается, его часто называют по-другому. Его первый крик и то, что видит в нем взрослый, когда глядит на него впервые, не соответствуют заложенному в заготовленном имени глубокому и интимному отношению, потому что имена идут из бессознательного, из самых глубин. Желательно, чтобы имя родилось в результате этой волнующей встречи. Те родители, что дают младенцу заранее припасенное имя, почти всегда отнимают у ребенка самое существенное в его первых отношениях. Следовало бы говорить родителям «Думайте об именах заранее, но дождитесь первого крика вашего ребенка. В тот момент, когда вы его увидите, он станет Для вас реальностью, и вот тогда он сам заставит вас дать ему то имя, которого хотите вы все, трое, и которого вы хотите именно

269

для этого ребенка, не для того, о котором вы мечтали, а для этого мальчика или девочки, единственного в своем роде и для вас незаменимого».

Поначалу в этих обследованиях была заложена определенная динамика: они помогали обнаружить пороки развития. Усилия медиков были совершенно оправданы. Но медицина стала неконтролируемой ' и на практике ее возможности зачастую используются теперь, чтобы заполучить побольше власти и покрасоваться своей ученостью. В перспективе этих злоупотреблений, этого медицинского администрирования маячит призрак евгеники. Это покушение на человечество.

Недавно при мне в Мезон Верт пришла потрясенная мать, прижимая к себе двухнедельного младенца. Это был ее первенец. Вот уже неделю он не спал. Я его осмотрела. Ребенок выглядел очень нервным. Мать сказала: «Мне посоветовали сходить в Мезон Верт, потому что это меня подбодрит». И рассказала, что педиатр, наблюдающий ребенка после родов, заставил ее отнять малыша от груди на четвертый день, потому что на груди возникло раздражение, и он опасался, как бы оно не инфицировалось. Он прописал антибиотики в форме мази. Она начала лечиться и раздражение через два дня прошло. Ребенка отняли от груди, и она принялась кормить его из рожка. Он чувствовал себя хорошо, но на третий день стал плохо спать. Она спросила врача, нельзя ли возобновить грудное кормление. В ответ прозвучало: «Я вам запрещаю». Спрашиваю у матери: «А как ваша грудь?» — «Очень хорошо, за сутки все прошло, и мне бы хотелось продолжать его кормить. Но он не спит! Вот уже неделю у нас с ним бессонные ночи.» И она заплакала, а муж, который пришел вместе с ней, стал ее утешать. Тогда я обратилась к младенцу:

— Ты видишь, как твоя мама огорчается из-за того, что не может тебя кормить. — Потом я сказала матери:

— Но врач вам сказал, наверно, что вы можете сколько угодно прижимать его к себе, к своей коже, даже если у вас нет молока. Малыш даже может полежать у вашей груди.

— Неужели? — изумилась она. — А когда это можно делать?

— Да хоть теперь.

Она прижала ребенка к себе, он ухватил ее за грудь, стал сосать — он был счастлив. А она сияла и смотрела с любовью то на младенца, то на мужа. Так она и покормила малыша до конца, пока тот не насытился. Она-то думала, что у нее больше нет молока, и считала, что придется и дальше кормить из рожка.

270

Некоторое время спустя она пошла к своему педиатру. Она сказала, что возобновила грудное кормление. Врач ответил:

— Мадам, это чудовищно... Вы же принимали антибиотики.

— Но ведь с тех пор прошло уже десять дней!

— Да, но, видите ли, теперь уже неизвестно когда вам удастся отлучить ребенка от груди. Скажите спасибо, что я вообще не отказываюсь заниматься после этого вашим ребенком!

В общем, он ее вконец запугал. Она опять пришла в Мезон Верт. Я ее успокоила:

— Да посмотрите, как счастлив ваш ребенок. И вы тоже!

— Это правда, и ночью мы все хорошо спим.

— Вот увидите, в свое время, когда молоко у вас начнет пропадать, он сам откажется от груди.

Теперь этому ребенку восемь месяцев. Неделю назад эта женщина опять приходила ко мне.

— Ну, как?

— Да это чудеса, в шесть месяцев он сам отказался от груди! Пропускал сперва одно кормление, потом два, а там, через две недели, и вовсе перестал брать грудь. Теперь он сосет из рожка, все в порядке. Я побывала у врача, все ему рассказала. Но он опять был не доволен: «Да, вам повезло: ребенок отказался от груди сам — но в шесть месяцев. А отлучать от груди полагается в четыре месяца. Вот так-то!»

Ну, а если мать может и хочет кормить грудью до года, если она не работает — что тогда? Нельзя: медицина не позволяет. Эта молодая мать рассказала мне:

— Не понимаю, что вообще смыслит этот врач! В четыре месяца он мне велел отнять ребенка от груди... Но было лето, я уехала с малышом отдыхать и решила повременить до возвращения домой. Врач страшно рассердился. А я очень довольна и пришла вас поблагодарить. Посмотрите, какой замечательный малыш! Ест он всего понемножку. А ведь, подумать только, я уже начала было впадать в настоящую депрессию, когда доктор запретил мне кормить!

И к чему были эти зловещие предсказания? «Вы вообще не сможете его отлучить от груди, вы еще намучаетесь...» Ничего подобного. Если в самом начале лактации приходится на два-три дня или больше приостановить кормление, нужно предложить младенцу мириться с отсутствием груди. Для этого ему дают положенную пищу, утоляют голод, а затем мать берет его на руки и говорит, что грудью кормить не может, и объясняет почему. Впрочем, он

271

этого и сам не хочет из-за мази, которая неприятно пахнет и меняет запах матери. Бесспорно, кормить ребенка материнским молоком, в котором полным-полно антибиотиков, вредно*, но ничто не мешает ограничить перерыв в кормлении несколькими днями, а затем вновь дать младенцу грудь, а уж если все идет своим чередом, если отлученный от груди ребенок и его мать, — оба довольны, если ребенок хорошо спит, — зачем возобновлять кормление? Однако и в этом случае, надо ли отдалять младенца от матери, лишать его губы необходимого контакта с материнской кожей? Пускай его больше не прикладывают к груди, но зачем отнимать у него материнский запах и лишать контакта с матерью? Каждая диада" мать-дитя

имеет свои особенности, и врач знает об этом не так уж много. Знает мать — она чувствует, что она должна делать. Эта женщина желала близости с ребенком. Не было никаких противопоказаний, по которым следовало бы ее этого окончательно и бесповоротно лишать. Достаточно было просто прервать грудное кормление на время, позаботившись, однако, о том, чтобы в отношениях матери и ребенка сохранилось все, что не вредит ни ему, ни ей.

В родильных домах штат врачей и медсестер злоупотребляет своей властью. Показательна история молодой женщины-психолога с Юга. Она жила в Гольф-Жуане вместе с мужем-садоводом. Я познакомилась с ней в Париже, когда она училась. Она поддерживала со мной контакт, и вот однажды, когда я проводила отпуск в Антибе, она мне звонит в полном отчаянии: она только что родила второго ребенка в Антибе, в хорошей клинике: «Я тревожусь за моего малыша, потому что мне пришлось резко отнять его от груди, хотя старшего я кормила до шести месяцев. Это меня очень мучает, не могли бы вы зайти ко мне?» В клинике она рассказывает мне, что ее младенец, девочка, на четвертый день после родов отказалась от груди, хотя у матери был прилив молока и она кормила со второго дня. Мать сказала:

— А еще меня мучает, что, пока я кормила грудью, я видела ее шесть раз в день, а теперь, когда ее перевели на рожок, мне

- Слишком ранний прием антибиотиков может повлечь за собой изменения в клетках, обладающих высокой чувствительностью. Например, спровоцировать аномалию ушной раковины и вызвать глухоту. Сейчас стало больше глухих детей, чем раньше. Во многом это вызвано антибиотиками (Ф. Д.).

- Термин Андре Берже, психоаналитика, для определения особых отношений, связывающих грудного младенца с матерью, особенно если ребенок находится исключительно на грудном вскармливании (Ф. Д.).

272

позволяют на нее посмотреть только если ко мне придут гости, и то только в половине второго; в остальное время мне нельзя ее видеть — это запрещено для всех детей, которые питаются из рожка.

Я стала вместе с ней разбираться в том, что произошло:

— Знаете, младенцы очень чувствительны к запахам; может быть, вам подарили туалетную воду, и ее аромат не понравился малышке?

— Нет, это была не вода, а мазь: на третий день у меня появилось маленькое раздражение на груди и врач из предосторожности велел мазать это место мазью.

— Да вы понюхайте сами, — сказала я, — она же воняет! Вы поднесли ребенка к груди, намазанной этой мазью. Возможно, в этом все и дело! Вымойте как следует грудь водой с мылом (что она и сделала). А теперь попросим, чтобы вам принесли малышку.

Она звонит. Приходит медсестра.

— Ах! Но, мадам, сейчас не время.

— Погодите, вот эта дама (то есть я) — врач.

— Ах, вот оно что! Хорошо, разумеется, сейчас я принесу вам ребенка, извините.

И вот она приносит ребенка. Как только медсестра вышла, мать подносит дочку к груди, и та с восторгом начинает сосать. Хитрая малышка не желала терпеть противный запах мази. Вот и все! Так легко было сказать молодой матери: «Из предосторожности вам следует смазывать грудь этой мазью, но перед кормлением мойте как следует грудь». Медсестра приходит за ребенком, и мать ей говорит:

— Знаете, она сосала грудь, очень хорошо сосала!

— Как? Она же только что получила свой рожок!

— Может, она и получила рожок, но ей очень понравилось сосать грудь.

— Ну, знаете! Вот доктор скажет вам, что он об этом думает! Он же запретил вам- давать ей грудь!

И на другой день женщина звонит мне:

— Я уже дома. Вчера вечером пришел врач, я ему все объяснила, и он закатил мне чудовищный скандал: «Ах, так значит, теперь я здесь уже не распоряжаюсь, здесь командует кто попало!» И выставил меня из клиники.

Ей пришлось вернуться домой, ко всем хозяйственным хлопотам, всего через пять дней после родов, при том, что дома у нее была малышка двух с половиной лет! Это бесчеловечно! Сущее злоупотребление властью... медицинской властью.

273

Столь безответственные реакции ответственных работников показывают, собственно, как функционируют некоторые лечебные и воспитательные учреждения. Почему это так? Почему ребенок, детство все время находятся под угрозой? Потому что опекающий ребенка взрослый, вместо того, чтобы находиться в распоряжении тех, кого он опекает, предоставлять им инициативу в тех случаях, когда это не представляет для них опасности, проецирует свое самолюбие, свои личные комплексы на то, что рассматривает как залог своей власти. Педиатр существует не для того, чтобы иметь власть над своими подопечными и их младенцами, а для того, чтобы служить этому новорожденному и его отношениям с

матерью, — разумеется, не причиняя вреда их здоровью. Разве этот врач не знал, что младенец узнаёт мать по запаху? Не узнав материнской груди, тот антибский малыш отказался сосать; тогда его перевели на рожок, не задавшись ни единым вопросом. Если мать хочет отлучить ребенка от груди, она знает, чего хочет, и вправе этого хотеть; в таком случае и ребенок узнает об этом одновременно с матерью и согласится с ее желанием. Если мать хочет отлучить ребенка от груди, к ее груди приливает меньше молока или оно становится менее питательным; и ребенок соглашается бросить грудь. Но если мать страдает от этого отлучения, ребенок тоже страдает и еще больше цепляется за грудь. Тем более, если одновременно он лишается вида матери ее ритма, голоса, контакта с ее кожей. Почему его под предлогом отлучения от груди лишают права видеть мать, если только к ней не пришли посетители, да и то лишь пять минут и лишь в половине второго? Это означает, что ему не удастся побыть с матерью наедине, а только при ком-то постороннем. Врач родильного дома об этом не думает, потому что на самом деле для него ребенок не есть: цель его медицинской деятельности. Он не видит в ребенке дитя-желание, и прежде всего не видит его избирательных отношений с отцом и матерью. Мать и новорожденный состоят в распоряжении! клиники и являются объектами неограниченной власти врача. Знаете ли вы, что в некоторых родильных домах матерям не разрешается самим пеленать новорожденных? Если они родили впервые, инструкторша учит их пеленать на целлулоидных куклах!

В отношениях взрослые / дети выявляются два основных «недоразумения»; их можно наблюдать во всех человеческих обществах. Прежде всего, ответственные лица нисколько не интересуются индивидуальным развитием и самовыражением ребенка; они только ори-

274

ентируются в каждом отдельном случае на те нормы, которые им вдолбили. Вторая беда — всем распоряжается невежество, псевдо-знание. И наконец, решения остаются всегда за медициной и администрацией, которые подменяют желания матери и ребенка с самых родов и даже раньше — во время беременности.

В конце концов, наблюдая примеры из повседневной жизни, начинаешь понимать, почему повторяются одни и те же ошибки. Это идет от нехватки языка, от нехватки уважения к только что родившемуся человеку. Мы, врачи — об этом нужно твердить все время! — призваны с момента рождения служить отношениям младенца с матерью, в чем бы они ни заключались. Мать не хочет кормить грудью? Что ж, медицинский долг — помочь ей отказаться от грудного кормления, даже если младенец от этого страдает, потому что таково ее желание, а все, что относится к ребенку, должно входить в сферу ее желаний: на протяжении девяти месяцев внутриутробной жизни он находился у нее внутри, у них было общее кровообращение, и теперь он продолжает соглашаться с ее глубинными желаниями; итак, следует поддерживать ее глубинное желание во что бы то ни стало. В то же время по мере возможности надо поощрять близость младенца к телу матери и желание матери говорить с младенцем, самой давать ему рожок, самой ухаживать за ним, пользуясь, если это у нее первый ребенок, помощью патронажной сестры.

Получается, что языковые отношения противоречат власти метода и авторитета, потому что с того момента как между матерью и ребенком устанавливается общение, безусловное подчинение и покорность педагогу и советчику оказываются невозможными и теряют смысл. И думаю, что именно поэтому ответственные лица не в восторге от такого подхода. Для них это означает разоружиться, смириться с тем, что языковые отношения важнее, чем методика, которую они хотят навязать. Тесная связь между матерью и ребенком ускользает от их власти.

Тем, кто осуществляет родовспоможение и уход за новорожденными в первые недели, приходится узнать решительно все об этом существе, которое никогда не бывает похоже ни на одно другое; младенец — это не только он сам (она сама), но и его мать и отец, присутствующие или отсутствующие. Он совершенно не такой, как другой младенец, с другим отцом и с другой матерью. В этом случае ни индивидуум, ни особая связь человека с матерью и отцом не должны подчиняться общим для всех теориям. Конечно, всем людям предстоит пройти в своем развитии одни и те же этапы, но в разном ритме. Необходимо

275

поддерживать именно структурирование личности посредством новой радости, посредством связей ребенка с теми, кто является его родителями и воспитателями. Прежде всего — язык, но язык опосредованный телесным контактом. Впервые рожающие женщины», иногда бывают подвержены тревоге. Необходимо деликатно помогать¹ матери — подсказывать ей приемы ухода за младенцем и, поддерживая ее интуицию, учить по реакциям ее малыша понимать его желания. Когда матери после восьми часов, проведенных детьми в яслях, набрасываются на своих малышей с поцелуями, те пугаются, плачут не понимают, кто это на них напал. Необходимо объяснять это матерям: для младенца восемь часов — все равно что для нас четыре дня, или даже больше, потому что он распознаёт мать только по запаху и по голосу. Ему нужно некоторое время, чтобы признать, ее после разлуки. Та руководительница ясель, которая хочет как следует

подготовить матерей к встрече, непременно им скажет: «Внимание, сейчас вы увидите вашего ребенка; не набрасывайтесь на него с поцелуями; поговорите с ним; няня расскажет вам, как он провел день; оденьте его; поговорите с ним ласково, а потом, дома, вы отпразднуете вашу встречу... Но не раньше». Такие малыши чувствуют себя в безопасности и не плачут при виде мамы, как плачут дети у матерей, которые испытывают фрустрацию и бездумно бросаются к своим малышам с объятиями и поцелуями. Кроме того, чувство незащищенности внушают своим детям и те матери, которые устали, которым некогда — они поспешно хватают «пакет», который им выдали, не поздоровавшись с ним, не поговорив с няней, точь-в-точь пакет в камере хранения.

Что такое языковые отношения? Это голос? Жест? Или язык мыслей?

Для зародыша это уже язык мыслей, а что касается взрослого, тут трудно понять, насколько для него это именно язык мыслей; тут и взаимопонимание, и радость от интуитивного общения, возбуждающая во взрослом родителе нарциссизм и приобщающая ребенка к языку. При таком общении лучше всего, чтобы матери следовали своим порывам. Тут нет общего рецепта. Одни говорят *flatlus vocis* с ребенком, которого носят в животе, другие этого не делают. Результаты бывают удивительные. У меня был опыт со старшим

• *Flatlus vocis* — явление речи, факт языка (лингв.): здесь: словами. — *Прим пер.*

276

сыном. Он родился в разгар войны, в 1943 году. Тогда я ездила по городу на велосипеде. Теперь-то мы не обращаем внимания, как круто поднимается улица Сен-Жак после бульвара Сен-Жермен. Я возвращалась домой и с трудом крутила педали. И тут ребенок у меня в животе, которому, вероятно, тоже было не по себе, потому что я устала, начал вертеться, вертеться так, что в конце концов я подумала: «Я не смогу крутить педали до самого дома. Я больше не могу! А идти пешком и толкать велосипед рядом с собой — это будет еще дольше!» Но тут меня осенило, и я обратилась к ребенку: «Послушай, милый, если ты будешь так барахтаться у меня в животе, дорога еще больше затянется, потому что ты мешаешь мне крутить педали. Посиди спокойно, и мы скоро приедем». Он немедленно затих. А я говорила с ним мысленно. Не вслух, и даже не шевеля губами. Он затих, я стала дальше нажимать на педали, приехала, наконец, домой, и сказала ему: «Ну вот мы и добрались». И он тут же буквально заплесал у меня в животе. Он был тогда восьмимесячным. А вечерами, когда я уставала, рядом был его отец, который тоже с ним говорил. Теперь известно (хотя тогда этого еще не знали), что зародыши лучше воспринимают низкие звуки, чем высокие. Когда говорила я, обращаясь, как правило, к его отцу, он продолжал вертеться. А когда отец ему говорил: «А теперь мы будем спать, и ты тоже будешь спать», — он сразу же успокаивался.

У МЛАДЕНЦЕВ ЕСТЬ УШИ

Лет двадцать тому назад, когда в громадной нашей семье вспыхнула эпидемия свинки, мою младшую сестренку Франки вместе с колясочкой перенесли однажды вечером в комнату, где я жил со старшим братом Симором, и где, предположительно, микробы не водились. Мне было пятнадцать, Симору — семнадцать. Часа в два ночи я проснулся от плача нашей новой жилицы. Минуту я лежал, прислушиваясь к крику, но соблюдая полный нейтралитет, а потом услышал — вернее, почувствовал, что рядом на кровати зашевелился Симор. В то время на ночном столике между нашими кроватями лежал электрический фонарик — на всякий пожарный случай, хотя, насколько мне помнится, никаких таких случаев не бывало. Симор щелкнул фонариком и встал.

— Мама сказала — бутылочка на плите, — объяснил я ему.

— А я только недавно ее кормил, — сказал Симор, — она сыта.

277

В темноте он подошел к стеллажу с книгами и медленно стал шарить лучом фонарика по полкам. Я сел.

— Что ты там делаешь? — спросил я.

— Подумал, может, почитать ей что-нибудь, — сказал Симор и снял с полки книгу.

— Слушай, балда, ей же всего десять месяцев! — сказал я.

— Знаю, — сказал Симор, — но уши-то у них есть. Они всё слышат.

В ту ночь при свете фонарика Симор прочел Франки свой любимый рассказ — то была даосская легенда. И до сих пор Франки клянется, будто помнит, как Симор ей читал.

Дж. Д. Сэлинджер *Выше стропила, плотник* (Пер. Р. Райт-Ковалевой)

Многие воспитательницы не верят, когда им об этом рассказывают; они еще могут допустить, что зародыш может реагировать на голос... что-то они об этом читали, что-то слышали и т. д. Но в мысленные разговоры они не верят.

Язык мыслей — это язык, на котором мать разговаривает спонтанно, а ребенок воспринимает его, даже если он обращен не к нему, потому что этот язык уже впечатался в зародыш, отметил его... Если его мать заботится о ком-то еще, он может стать заботливым существом: он мимикрирует, воспроизводя

материнские эмоции.

Нейробиологи улыбаются или пожимают плечами. И все как один говорят: «Я не верю в телепатию».

Но телепатия между младенцем и матерью хорошо известна всем мамам. Возьмем, к примеру, женщину, у которой прекрасный сон. Стоит ее младенцу шевельнуться в кроватке в соседней комнате, и она слышит, хотя другой шум ее не встревожит. Такие явления повергают отцов в изумление. Многие беременные женщины говорят со своим плодом, как если бы он был в той же комнате (в сущности,

• Дх. Д. Сэлинджер. Повести. — в рус. пер.: М., Молодая гвардия, 1965.

278

он и есть в той же комнате, поскольку находится у нее в животе). Они не смеют в этом признаться, но они часто так поступают. И они правы. После своего рождения, сразу после разрыва оболочек, и в особенности после того, как он целиком выйдет из тела матери, новорожденный уже умеет воспринимать, а многие даже узнают услышанные прежде слова, которые запечатлелись у них в сознании, словно записанные на магнитофон. Это подтверждали и психоаналитики, когда им удавалось проследить историю своих пациентов, начиная с этого времени. Точность этих реминисценций, всплывавших во время психоаналитического лечения, подтверждалась и свидетельствами слушателей.

КИДНАППИНГ В РОДИЛЬНЫХ ДОМАХ

Этология, наука, изучающая поведение различных животных, выдвинула на первый план в деле обучения детенышей феномен привязанности к кормильцам. Психологи ухватились за это и сделали вывод: «Раз это существует у животных, значит, то же самое должно происходить и у человека».

Привязанность существует у людей так же, как у животных. Но человек устроен иначе, поскольку его символическая функция — совсем не то, что инстинкт у животных. Очевидно, что ни одно животное не привязывается к неудачному или больному детенышу. Никогда. А люди проявляют привязанность и огромную любовь именно к болезненным детям. У людей нет естественного отбора; человеческая мать не бросает неудачного детеныша, напротив, она с самого рождения продолжает неустанно заботиться о слабом ребенке и дарить ему сокровища спасительной любви.

У животных существует усыновление. Трясогузка, скажем, высиживает яйца кукушки, а может высиживать и выкармливать также птенцов других птиц... и даже искусственные яйца.

- Киднаппинг, киднап — похищение людей, главным образом детей, с целью вымогательства выкупа.
- См. *colloque sur l'attachement*, Rene Zazzo, Delachaux et Nestle.

279

Птица-самка будет ухаживать за птенцом другой породы именно, так как подсказывает ей материнский инстинкт. Но если птенец неудачный, она его не примет. Она заботится о тех, которых обижают другие птенцы, но не кормит нежизнеспособного птенчика. Нежизнеспособные не вызывают материнской привязанности. А у людей все наоборот... в том числе даже у врачей, которые в человеческом мире осуществляют функцию выхаживания детенышей, они помогают больному ребенку выжить, и они правы, потому что этот больной ребенок живет символической жизнью, а межличностное общение у людей имеет гораздо большее значение, чем телесная гармония. К сожалению, естественный материнский язык оказался мало-помалу фальсифицирован в связи с тем, что мать и младенца разлучают до момент родов. Это очень патогенное обстоятельство. Этот радикальный разрыв навязали матерям медики. Хотя до родов плод уже общался с окружающим миром вместе с матерью, но если она рождает в больнице, то это же дитя от нее отрывают, лишая его привычного чувства безопасности, и помещают в общество других плачущих новорожденных, а если мать не кормит грудью, то она даже не имеет права видеть его больше пяти минут в день, и то лишь в случае, если к ней пришли муж или кто-нибудь из родных. Почему бы не оставить малыша рядом с мамой, чтобы она, следуя советам медиков, ухаживала за ним сама? Обычно ссылаются на безопасность:

если с ребенком что-нибудь случится, отвечать будет больница. Итак, ребенка вверяют медицинскому персоналу. Мать не держат в курсе дел, ее даже не учат пеленать ее собственного младенца. Ей подсовывают игру: обихаживать и пеленать целлулоидного пупсика вместо ее родного ребенка, которого пеленает неизвестно кто. В этом есть нечто бесчеловечное.

Все то время, которое мать проводит в клинике, родившийся ребенок принадлежит скорее науке, чем собственной матери. Некоторые младенцы остаются отмечены этим на всю жизнь... То, что мать и отец не оказали им достойного приема, накладывает на них отпечаток. Акушеры нового поколения, понимающие это, разрешают отцам присутствовать при родах. Разумеется, их к этому не принуждают — если отец смотрит на роды вопреки своему желанию, он испытывает тревогу, которая передается его жене и ребенку. Возмутительно, что больница в наше время подменяет отца в таком

сугубо отцовском деле как выбор имени для новорожденного! В Париже отец больше не регистрирует имя ребенка в мэрии — теперь медсестра задает матери сразу после родов вопрос: «Как вы его назовете?» и сама передает сведения в мэрию. Если мать еще не выбрала имени, служащий больницы подскажет ей или даже решит за нее сам. А отец остается ни при чем. Для больницы он — третий лишний, как будто ребенок принадлежит анонимному обществу и анонимному медицинскому персоналу. Это ужасно! С этим необходимо решительно покончить. Маленького человека должна сразу же встречать его семейная группа. Торжественный обряд крещения, во время которого отец и мать по-настоящему представляли всем своего ребенка, призван был именно показать, что отныне на этого малыша следует смотреть как на представителя человеческого рода, обладающего такой же ценностью, как его родители. Я в этом убеждена. Но в некоторых больницах это полностью отрицается. Когда ребенок появляется на свет, очень важно, чтобы именно его мать сказала ему, кто его отец, и чтобы отец сам объявил о том, что берет на себя ответственность за этого ребенка. Ребенок наконец-то приходит в мир, он рождается в слове, которое является входящей в языковой код формулировкой того, что ребенок чувствует, но если его не ввести в язык, в словесный код его родителей, и если его сразу же оставить на медицинском попечении, где он не окружен любовью, у него, хотя он все слышит, тем самым отнимается процесс мышления. Он становится как бы символическим сиротой или остается в животном состоянии, остается объектом анонимного и неограниченного администрирования.

Теперь у нас накоплено достаточно знаний и наблюдений, чтобы не повторять этих промахов и ошибок. Речь, разумеется, не о том, чтобы предупредить все возможные неожиданные осложнения, но мы можем свести травмы к минимуму и не допустить непоправимых несчастных случаев. Возьмем детей, с рождения попадающих в детские дома. Единственный способ им помочь, когда они находятся в состоянии декомпенсации и часто соматически не входят в язык (тело живет, но общения не происходит, потому что они видят вокруг только людей, которые не знают ни их родителей, ни их истории) — это регулярно водить их к врачу-психоаналитику. Он сообщит им то, что узнал об их истории от администрации детского дома, поговорит с ними об их матери, о тех трудностях, с которыми она столкнулась в момент их рождения, скажет, что у нее были причины

281

на то, чтобы доверить их, детей своего родного отца и своей родной матери, обществу и поручить ему их воспитание. Если бы вы видели, как зажигаются глаза этих детей! К изумлению тех наблюдателей, которые присутствуют при этом в первый раз, дети сразу понимают, что значит «родной отец» и «родная мать». Они это тут же прекрасно усваивают, и удивительно, как прочно эти дети укореняются в своей идентичности. Происходит обретение индивидуальности, а затем символическая идентификация своей индивидуальности. Это и есть путь представителя человеческого рода. А если они не обретаю такой символической идентичности, устанавливающей связи с родителями, которые произвели их на свет, это то же самое, как если бы ребенок не отделился от своей плаценты — а всё потому, что это понятие хранила их плацента; все потому, что имел место оплодотворяющий половой акт, и в тот самый миг зародилась новая жизнь при участии мужчины и женщины. Этот половой акт, при котором замирает звучащая речь на губах у двоих любящих и из которого рождается человек, имел смысл. И он, этот родившийся человек, воплотил в себе великолепный язык той встречи двоих в миг его зачатия: именно это надо символически передать на словах каждому человеку, пришедшему в мир, иначе он никогда не перестанет оплакивать свою плаценту и не будет развиваться полностью, потому что потенциал, направленный на смерть, будет удерживать его в прошлом. Мы должны понять, что тело новорожденного уже символично в силу соотношения желаний: желания родиться и желания дать жизнь, присущего телам, которые кому-то кажутся только телами (дескать, люди — это не более чем тела...) И тела тоже, то есть материальные проявления, наделенные индивидуальностью, которая иногда позволяет, а иногда и не позволяет им во время мгновенных встреч испытывать высочайшие радости; но в то же время они суть и межличностное общение посредством слова, а также, если происходит зачатие, и призыв к жизни; этот призыв знаменуется ребенком, который встречей двух участвующих в зачатии клеток своих родителей освящает свое человеческое становление.

- Ребенок, подобно Адаму и Еве, по определению (или, вернее, в силу отсутствия определения того, каким способом осуществляется его переход от генетического зачатия к человеческой сущности), не имеет пупка, следа своего происхождения (Ф. Д.).

282

УРНА ВНУТРИУТРОБНОЙ НОЧИ

В Бали рождение ребенка отмечается священным ритуалом, который увековечивает память о внутриутробной жизни. Сразу после извлечения плода плаценту, немного крови и амниотическую жидкость собирают в скорлупу кокоса, обернутую древесным волокном. Родовую урну мальчика

устанавливают справа от входа в дом, а девочки — слева. Затем пуповину высушивают, заворачивают в лоскуток и хранят на протяжении всей жизни этого нового члена общины. Отметим, что инки также хранили пуповину.

Может быть, у плода тоже есть желание родить себя на свет, желание творить?

Во всяком случае, можно сказать и так: ребенок сам себя рождает... Неправильно говорить: «Он — кровь от крови своего отца». Это не так! И не от крови отца, и не от крови матери. Плод вырабатывает свою собственную кровь, часто совсем не такую, как у его родителей; кровь ребенка вырабатывается плацентой. Он получил жизнь, но эта жизнь содержится в его плаценте, и он сам берет ее по мере того как глубже укореняется в жизни. Он ежедневно переживает себя самого, он — дитя своих собственных усилий, хотя в то же время он нуждается в защите, в заботе и попечении. Опека необходима для нашей физиологической жизни, но в человеке физиологическое не существует само по себе, оно неотделимо от символического. Все наши функции лежат в языке. Каждый бессознательно делает собственный выбор в пользу выживания. Мы участвуем в жизни, не так уж много о ней на самом деле зная, — и мы ничего не знаем о том, что такое смерть.

РАННЕЕ РАБСТВО, ОТСТАЛЫЕ ДЕТИ

*Ребенок, которого слишком рано разлучают с матерью, регрессирует по отношению к внутриутробной жизни и входит в двигательную, языковую, вербальную жизнь не так, как дети, оставшиеся *fieri* матери, — он словно еще не знает, кто он такой. Чтобы*

283

это понять, необходимо узнать, каким образом складывается индивидуальность.

Что такое индивидуум? Другие распознают его как объект, который отделен от них пределами кожи, облекающей тело. Но в то же время представитель человеческого рода, обладающий историей своего происхождения, несводимой к истории других людей, является также субъектом желания, а это означает, что он находится в языке и существует только в отношениях с избранными другими, с теми, кого он знает, которые его любят и благодаря которым он является субъектом желания. Субъект бывает бессознательным в тот миг, когда он воплощается в двух половых клетках; он продолжает быть бессознательным *in utero*; то же самое — когда он рождается; он продолжает быть бессознательным некоторое время после появления на свет; однако он уже вполне обладает чувствительностью и способен запечатлевать в памяти языковые отношения желания или антижелания, которые испытывает одновременно с матерью *in utero*, и одновременно с матерью и отцом в том, что касается их отношения к нему. Поддержка его индивидуализации, в смысле тела, требует удовлетворения его основных телесных *потребностей* (с учетом ритма, количества, качества): дыхания, жажды, голода, сна, света, движения. Психическая индивидуализация, неразрывно связанная с органической, есть результат межличностных отношений; она возникает на основе символической функции, закрепленной во всем организме целиком и подчиняющейся головному мозгу. И нет субъекта, который, осознавая себя индивидуумом, не говорит (если он носитель французского языка), пускай еще не совсем разборчиво: «Мое... (Я).. хочу...» И когда он говорит «Я» (*moi*) — это значит, что он уже является субъектом, который самоидентифицировался в своем теле. Но до этой стадии он почти полностью слит с тем, что переживают по отношению к нему его отец и мать. И по мере того как индивидуум себя творит, его индивидуализация структурируется по отношению к его желаниям и отказу в их удовлетворении. Именно благодаря их чередованию он начинает чувствовать, что существует. Именно ожидание, отказ в немедленном удовлетворении его желаний позволяют маленькому ребенку почувствовать, что он существует; этим путем субъект превращается в индивидуума, сперва телесно, потом психически. Он обнаруживает сам себя на основе того, чего ему не хватает или »' чем ему отказывают. Отказывают из-за того, что это невозможно, или, хоть и возможно, однако противоречит желаниям другого ин-

284

дивидуума. А сам ребенок, поначалу слитый со взрослым, утверждает свою индивидуальность первым же «нет», которое противопоставляет воле другого человека. Сперва он — часть своей матери, и если она плачет, — он огорчается, а если она смеется, то и он весел; это напоминает явление индукции в электричестве, когда ток, проходящий по большому соленоиду, индуцирует ток в малом соленоиде, расположенном внутри него. И только расставшись с матерью, ребенок через волнение, которое он испытывает, чувствует, что потенциально может существовать и без матери, хотя пока и недолго. Однако для ребенка разлука с матерью патогенна, пока он еще слишком мал, чтобы сознавать что он — сын (или она — дочь) такой-то и такого-то, и отдавать себе отчет в своих желаниях; он слит с человеком, от которого зависит его безопасность. Начиная говорить этому человеку «нет», он утверждает тем самым, что его

желание уже не находится в полной зависимости от этого человека. Если его разлучают с его бессознательно избранным опекуном, он или заболевает и регрессирует в силу этой болезни, или смиряется с разлукой, но тогда это означает, что он воспринял другого человека, которому его доверили, как органическое продолжение своей судьбы, как вариант замены своей матери, хотя эта замена и не может быть полноценной. В этом случае в его психике происходит разрыв с корнями, которых он уже никогда не найдет, и рано или поздно проявятся признаки того, что этот ребенок чувствует себя в мире неуверенным и незащищенным. Именно это внушает мне сейчас опасения мы хотим помочь матерям и детям, мы с полным основанием стремимся сделать что-либо для работающих матерей, но при этом недостаточно считаемся с теми связями, что обеспечивают психическую коммуникацию, символическую связь. Ребенка всегда подвергают риску, когда его резко и преждевременно, без подготовки отрывают от матери и помещают в, так сказать, дивный новый мир. В результате развивается патология, в силу которой субъект, не успевший приобрести черты индивидуальности, регрессирует до уровня внутриутробной жизни и в своем воображении остается частицей некой Целостности: так, в яслях он — часть группы младенцев, но он не знает про себя, кто он такой; он анонимное существо, объект, испытывающий потребности, которые удовлетворяются яслями. Его желание оказывается поругано, потому что люди вокруг него все время меняются — они заняты удовлетворением его потребностей, но он не находит у них запаха, голоса и ритмов матери. Он устает от этой бесполезной настороженности, а вечером, когда возвращается

285

мать, он уже не знает, кто она такая, и что он для нее значит, и даже, может быть, кто такой он сам. Если ребенок не простужен и носик у него по вечерам никогда не бывает заложен, он узнаёт ее прежде всего по запаху. Но если она, как только видит ребенка, набрасывается на него с поцелуями, он не успевает ее узнать и воспринимает ее как огромный пожирающий рот, изголодавшийся по нему — подобно тому как его собственный рот днем успевает изголодаться по рожкам с детским питанием. И опять он превращается в часть матери, сливается с ее телом. Так повторяется изо дня в день: по утрам его теряют, по вечерам находят и проглатывают, в у ребенка остается все меньше и меньше шансов ощутить собственную индивидуальность. Эта патология свирепствует в наше время и приводит к тому, что огромное число детей не говорит, и обнаруживает задержку психомоторного развития. Эти дети хорошо развиты физически, но лишены любопытства и желания общаться, они зависят от других людей, но никого не любят, не проявляют ни находчивости в игре, ни уживчивости.

Когда мать вечером приходит за своим малышом в ясли, следовало бы не набрасываться на него с поцелуями, а прежде всего заговорить с ним. Я часто объясняла это женщинам. От мастера это требует определенных волевых усилий и некоторой подготовки! Семь-восемь часов работы в разлуке с ребенком — это тяжело. Вначале матерям, изо дня в день оторванным от своих Малышей бывает трудно: они сразу же узнают своего среди других ясельных детей — вот он, их маленький! — и хотят доказать ему свою нежность крепкими объятиями. Но ребенок таращит глаза, он ужасе, он вопит, потому что не понимает, кто его целует. Его нужно время, чтобы узнать запах матери, ее голос, ее ритмы. Поэтому матери следует повременить с поцелуями; пускай оденет его, поговорив с ним, поговорит с нянечкой, потом поведет его домой. И толы там, в домашней обстановке, он узнает себя, маму и всех домочадцев вот тогда, если хочет, она может устроить праздник поцелуев объятий. Но если она начинает его целовать и обнимать раньше она подвергает ребенка стрессу: по утрам он испытывает страх из-за того, что его отрывают от матери, по вечерам — из-за жестоких и нетерпеливых ласк. Чтобы меньше страдать, чувствительные дети иногда делаются внешне безучастными. Они позволяли обращаться с собой, как с вещью, но через несколько месяцев них намечается задержка речевого и психомоторного развития. Язы речи и язык психомоторики — это коды, устанавливаемые совместно

286

с теми, кого ребенок избрал и отличил, а не с кем попало, и не в один прием, а постепенно; нелишне будет, чтобы мать словами подготовила ребенка к контакту с новым человеком, которого она считает своим другом и которому доверяет заботу о своем малыше. Когда мать, желая облегчить ребенку переход от дома к новой обстановке, на несколько часов остается рядом с ним в яслях, это ни к чему не приводит; нужно, чтобы она при помощи слов и поступков установила связь между ним и другими детьми, между ним и нянечками, а не только между ним «домашним» и «ясельным»... Если мама заходит вместе с малышом в ясли — а в некоторых яслях это предусмотрено правилами — нужно, чтобы она обращала внимание и на других ребят, как будто она одна из нянечек, и ей не следует уходить, пока другая нянечка не переоденет и не покормит его при ней. Вот тогда она объяснит ребенку, что ей надо идти на работу и что она полностью доверяет персоналу, который будет о нем заботиться. И теперь, даже если ребенок плачет, о его будущем можно не беспокоиться. Наоборот, он «проснется» (т. е. будет развиваться) быстрее, чем другой ребенок, который до двух лет остается при матери и не общается с другими детьми и взрослыми. Не нужно смешивать огорчения, связанные с временным, предвиденным и объясненным ребенку расставанием, и

повторяющуюся изо дня в день брутальную, насильственную разлуку его с матерью. Оторвать его от матери — то же самое, что объяснить ему на словах, что люди — насильники, похитители, а коли так, у него не будет никакого желания с ними общаться: чем больше он уподобляется «вещи», тем меньше ему приходится страдать; чем меньше он говорит, беря пример с кошки или собаки, тем меньше опасностей ему грозит. Но в этом случае у ребенка не развивается ни речь, которая помогла бы ему высказать его желания, ни психомоторика, проявляющаяся в форме значимой, рассчитанной на контакт и на отклик мимики, выражений лица и выразительных жестов.

Из педиатрических исследований, появившихся за последние тридцать-сорок лет, следует, что во избежание страданий и неврозов ребенок в раннем возрасте должен любой ценой оставаться в полном симбиозе с матерью.

Ребенок нуждается в том, чтобы мать заботилась о его пропитании — потому что не может прокормиться сам; о его телесной гигиене — иначе он станет жертвой микроорганизмов, несущих ин-

287

фекцию; следовательно, он нуждается в том, чтобы его мыли и кормили, заботились о внутренних и внешних потребностях его тела, чтобы его телесная целостность не пострадала и чтобы он мог развиваться все дальше и дальше — в согласии с космосом, но и в контакте с матерью (или другим человеком, который его растит). Если в первые дни жизни ребенка им занимаются, сменяя друг друга, разные люди, — ребенок теряет ориентиры, потому что связан с матерью обонянием. Проходит несколько дней, и, хотя обоняние остается таким же значимым — ибо связано с необходимыми функциями детского организма: ребенок распознаёт запах пищи, то есть молока, и запах своих испражнений — но теперь, если мать в нем не разговаривает, ее может заменить кто угодно; он буде» воспитываться без слов и не услышит обращенной к нему речи, если у того, кто их произносит, не будет знакомого запаха и знакомой еды: он не поймет, что эта речь обращена к нему, и не будет знать, от кого она исходит и кому предназначена.

Так возникает первый Эдипов треугольник, который был заложен еще *in utero*. Наука непреложно доказала: зародыш слышит только низкие звуки; он не воспринимает голос матери, особенно высокий, зато слышит голоса мужчин, окружающих мать. Звуки, слышные *in utero*, отличаются от звуков, которые издают взрослые, когда тоненькими голосами заговаривают с младенцем. Зародыш слышит низкие звуки в ответ на что-то вроде его собственного голоса — материнский голос он принимает за свой.

Доктор Томати применяет метод, который называет «акустическими родами»: он дает детям-психотикам слушать в записи голос их матери. Но он не может вызвать у них слуховых воспоминаний об их дородовой жизни, потому что во внутриутробное периоде человек не воспринимает высоких тонов материнского голоса,

Если человек, к которому ребенок-психотик в ходе регулярных терапевтических контактов начинает испытывать доверие, дает ему слушать в записи материнский голос (такой, каким его воспринимает слух новорожденного младенца), ребенок во время сеанса, бывает словно возвращается к первым дням своей жизни. Этот технически монтаж может приводить к тому, что посредник (врач-терапевт) сливается у ребенка с образом матери и через трансфер (перенос) ребенок фиксируется в таком отношении к врачу. Таким образом он попадает в до- и послеродовую звуковую атмосферу, но эмоци-

288

онально окрашенную сегодняшним днем. В некоторых случаях ребенок может обрести знакомое, но утраченное чувство тождества с матерью. Правда, использование метода Томати совершенно бесполезно, если у ребенка заранее не установились благоприятные отношения с человеком, который манипулирует магнитофоном. Если первая попавшаяся лаборантка или стажер сядет перед аутичным ребенком и начнет включать ему магнитофон, это ничего не даст.

На мой взгляд, чрезвычайно важно, как встречают рождающегося ребенка в момент перерезания пуповины. Мне внушает сильную тревогу то, что происходит сегодня в наших родильных домах и больницах.

Один психоаналитик, работающий в парижском родильном доме, сказал мне: «Смотреть на это — сущий кошмар: матери совершенно обездвижены и не видят собственных младенцев, не считая тех, кто кормит грудью; но женщин отговаривают от грудного кормления; им говорят: «Гораздо лучше кормить из рожка, это безопаснее, вы можете не заниматься этим сами, рожок может сунуть ребенку кто угодно, вы сохраняете свободу передвижения...» Если отец или кто-нибудь из родственников навещает молодую мать, ребенка приносят на три минуты, от силы на пять, только чтобы показать посетителям, а потом уносят и не позволяют матери оставить его при себе. Пока мать находится в больнице, ребенка она не видит, не ухаживает за ним, он не чувствует материнского запаха; его окружают вопли других новорожденных в детском отделении, а ухаживают за ним оплачиваемые медсестры, и у каждой другой запах, другой голос, другой ритм».

Мы живем в эпоху, когда многим детям, вступающим в мир, не оказывают никакого, даже

символического приема — ни общество, ни отец с матерью.

Отец может попросить разрешения присутствовать при родах. В одних больницах его даже заставляют присутствовать, в других — запрещают.

Как-то на «круглом столе» акушеров, повивальных бабок и детских медсестер, где все, кто занимается женщинами после родов, говорили о равенстве с врачами*, я не удержалась от замечания практикующему врачу говоря об одной из участниц, старше его по возрасту, очень умной и тонкой ' женщине, он снисходительно назвал ее «акушерочкой». «Акушерочки», «мамочки»... Власть в этой сфере должна принадлежать тому, кто рождает! Врачей с головой выдает их сленг.

• См. *Les Cahiers du nouveau* ив, Stock.

289

«Сегодня я произвел на свет троих!» И все смеялись, слушая это утверждение: он не помогал, а производил! Иносказание? Едва ли. Скорее, бессознательное закрепощение врачом роженицы, ее мужа, их ребенка.

Вот так в разговорной речи можно поймать врача с поличным, уличить в узурпаторских замашках: ведь на самом деле рождает не он и даже не мать... Ребенок появляется на свет сам. В этом и состоит самое главное. Наука родовспоможения, поставленная на службу роженице, преследует только одну цель: помочь ребенку родиться и по возможности избежать травматических последствий как для матери, так и для него самого. Но помимо родовспомогательной процедуры в компетенцию персонала входит оказание новорожденному психосоциального приема, проявление уважения к его физическому и словесному контакту с родителями, а также социоадминистративный прием со стороны его этнической группы, в той мере, в какой больница или родильный дом могут его обеспечить.

Глава б

ТРУДНЫЕ РОДИТЕЛИ, ДЕТИ — ЖЕРТВЫ САДИЗМА

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Из того, что маленький ребенок не произносит слов, не следует, что он их не воспринимает: пускай языковые тонкости еще ускользают от него, все равно он улавливает смысл высказывания, благодаря интуиции, направленной на того, кто с ним говорит, на каком бы языке ни говорил обращающийся к нему человек. Ребенок понимает языки, потому что он понимает язык эмоционального отношения к себе и язык отношений с жизнью и смертью, поскольку и жизнь, и смерть его окружают. Думаю, что это и есть главное: ребенок улавливает отношения, которые поддерживают жизнь или противодействуют ей, гармонические или дисгармонические. Но каким образом новорожденный может запоминать такие сочетания звуков как «улыбка»? Первый раз это слово произносят при нем, когда он, выйдя из материнской утробы, строит вынужденную гримасу. Все мы делаем эту гримасу, которая служит родителю языком, потому что он, родитель, тут же радостно произносит: «О! Какая прекрасная улыбка!» И потом уже достаточно сказать: «А ну-ка, еще улыбку?» — и младенец немедленно улыбнется еще. Это доказывает, что сочетание звуков встретилось с внутренним ощущением. Один зовет другого. На самом деле нежность «другого» (родителя) вызвана самим новорожденным, чья особая гримаса взволновала родителя — вот он и облек свое волнение в слово «улыбка».

Впрочем, в этом может корениться и процесс отчуждения. Призывая малыша насильно воспроизводить свою мимику, взрослый подвергает его искушению притворяться вместо того, чтобы испытывать настоящее чувство. Улыбаться другому, а не улыбаться независимо от другого.

Иногда мы видим затерроризированных детей (люди не знают, что эти дети затерроризированы, их называют робкими или хорошо воспитанными); они настолько подвержены тревоге, что постоянно улыбаются застывшей улыбкой, словно стараясь угодить другому че-

291

ловеку, — до такой степени они боятся, что, если у них будет недовольный вид, этот другой на них нападет.

Если бы за этим стоял сознательный расчет, можно было бы сказать, что это фасад, предназначенный для того, чтобы ввести в заблуждение наблюдателя. Можно сравнить это явление с так называемой «коммерческой улыбкой». Мне возразят, что в детстве такого не бывает. Но ребенок способен с самого раннего возраста поддаваться коммерческой дрессировке, подчиняясь ритму потребностей. Словно стремясь оказаться в гармонии с матерью, он смиряется с тем, что мать выбивает его из его ритма, потому что он желает угодить материнской воле. И начиная с этого момента все идет вкривь и вкось.

Выполнение просьбы — это не воспроизведение научного феномена. Выражение привязанности между двумя людьми невозможно повторить. А если оно повторяется, мы имеем дело с невротизирующим отчуждением. Это означает подмену созидательных, творческих отношений воспроизведением привычек на

уровне потребности. Но мы находимся в зависимости от наших потребностей; как только создается повторяющаяся реакция, она тем самым уже входит в категорию потребностей, то есть в ту сферу, где разум мертв. В этот момент отсекается, подавляется желание говорить, оно попадает в рубрику потребностей. Вот так вся наша жизнь начинает зависеть от внешних обстоятельств. Желание — это внезапная вспышка, связанная с нетерпеливым ожиданием удовлетворения, оно открывает каждому неведомое в нем самом. И в другом человеке, если вместе с этим другим открываешь новый вид отношений, основанный на удовлетворении желания. Желание ведет к любви. Но если уже невозможно обойтись без удовлетворения этого желания, не впадая в депрессию, это значит, что желание превратилось в потребность. Мы наблюдаем это постоянно, потому что так устроен человек. Человек движим желанием говорить, хотя раньше он не умел говорить; но стоило ему заговорить, как это превратилось для него в потребность. Когда ребенок начинает ходить, то сам факт, что он стоит на своих ногах, является для него откровением. Но с некоторым опытом желание стоять на своих ногах становится для него потребностью в вертикальном положении тела.

То, что для детей создаются места социализации, очень правильно, но ни в коем случае не надо подчинять ритму детского сада двухлетних; детей, которым он совсем не подходит, и даже трехлетних, если

292

их эмоциональное развитие не достигло уровня трех лет. Некоторые дети в два года еще не знают, кто они такие, что значит быть девочкой или мальчиком, кто их отец, кто их мать, другие близкие родственники, бабушки и дедушки со стороны матери и со стороны отца. Многим детям в три года еще слишком рано идти в детский сад. Если ребенок не умеет сам вставать, ложиться, одеваться, мыться (кроме исключительных случаев, разумеется, я не имею здесь в виду больных, инвалидов и т. д.), самостоятельно есть, находить свой дом, находясь в географическом пространстве, где протекает его повседневная жизнь, или хотя бы сказать свой адрес, — в эмоциональном отношении этот ребенок еще не достиг возраста трех лет.

Я опасюсь, что вместо того, чтобы обратиться к возможно большему числу образованных и заинтересованных взрослых с просьбой выступить посредниками между взрослыми и детьми, наше общество прибегнет к воспитательному «самообслуживанию», в очередной раз путая оборудование с методикой и связывая главные надежды с увеличением ассигнований на ясли. Количество мест в яслях — да, это важно, но еще важнее качество приема, оказываемого детям. Снижать возраст приема в детские сады опасно для развития ребенка. Боюсь, что при нынешнем порядке вещей сосуд путают с содержимым, провозглашая более или менее демагогический лозунг освобождения матери от домашнего рабства. И еще я боюсь, что упускают из виду истинную проблему медленной индивидуализации ребенка, при которой укоренение его идентичности теснейшим образом связано с тем, какое значение, эмоциональное и социальное, придается его принадлежности к семейной ячейке. Если ребенок выходит из нее слишком рано или слишком быстро, это наносит ему вред. Нужно расширять семейную ячейку, устанавливая прогрессивные связи, — это позволит ребенку всегда оставаться самим собой, приобретая все большую автономию благодаря мимическому, жестовому, вербальному словарю и развивая критический взгляд на все окружающее, воспринимаемое им.

Не менее опасной представляется мне новая сциентистская* утопия, заключающаяся в том, что наставника в духе Руссо следует заменить терминалом компьютера, перед которым сажают ребенка и предоставляют ему возможность развиваться самостоятельно — при этом, разумеется, всем детям предлагают одни и те же программы.

" Сциентизм — абсолютизация роли и значения науки (В. К.).

293

Это ведет к другой форме той самой роботизации, которой мы хотим избежать, хоть и предполагается, что это решение лучше того, которое предлагают передовые либералы, делающие акцент на неврологию и смежные с ней дисциплины, якобы призванные ниспровергнуть основы педагогики. Однако трудно не согласиться, что психосоциологи злоупотребляют статистическим изучением факторов окружающей среды.

Это было очень важно, не следует об этом забывать. Но я полагаю, что нельзя все объяснять статистикой. Например, если исследуют группу детей без отцов и группу детей с отцами, обнаруживается, что в первой группе больше отклонений, потому что психология оперирует такими критериями как отклонение, патология. Патологию не всегда подвергают лечению, не всегда учитывают. И все-таки это патология. В тестах мы не можем принимать в расчет то, что остается нашим впечатлением о ребенке, не ответившем на вопрос. Многие дети, которые в результате тестов выглядят недоразвитыми, потому что не ответили на вопросы, крайне сообразительны, но они пока находятся на той стадии, когда от восприятия; еще не перешли к выражению реакции. Со многими детьми обращались как с вещью, как с объектом, и в тот день, когда в их, действиях впервые обнаружились отклонения, они впервые оказались; в роли

субъекта, хотя в их жизни никогда не было места ни правилам, ни личному достоинству. Ни в яслях, ни в детских садах, ни в начальной школе никогда не принимают в расчет ни достоинства с ребенка, ни ценности отношений отец-мать-ребенок. Именно этот; ущерб, это отчуждение и не учитывается никакой статистикой, никакими тестами. Бесспорно, необходимо исследовать тяжелые патологии, извращения, рецидивы отклонений, необходимо искать профилактические меры. Но всё, что поддается наблюдению, тестированию — это лишь видимая часть айсберга.

«Бессознательное, — говорит Фрейд, — это невидимая части айсберга; это то, чего нельзя увидеть». Статистика занимается только тем, что можно увидеть, не учитывая подводной части айсберга.

От взгляда психосоциологии ускользают дети-изобретатели. Они - используют свою маргинальность для сублимации, то есть мобилизуют свою энергию в деятельности, направленной на поиск удовольствия для себя и, возможно, для других. Приятное иногда идет на пользу обществу. Бескорыстное творчество, выход за границы изведенного.

294

Оригинальность маргинализируется. В случае малейшей провинности или непонимания со стороны взрослого всех этих детей распахивают, классифицируют, — того в графу «патологии», того — в «отклонения». Пока они малы, выйдя из семьи, они совершенно не могут адаптироваться к многочисленной группе. И даже в семье, если она многочисленна, они остаются малым объектом внутри относительно большой группы. Они нуждаются в том, чтобы обрести свою идентичность единственного в своем роде ребенка, состоящего в единственных в своем роде отношениях с отцом и таких же отношениях с матерью, и следует исходить именно из этих отношений — запечатленных в словах, — чтобы помочь им, таким, каковы они есть исходя из своего происхождения, приспособиться к другим людям. Лишая их этих отношений, вырывая из их собственной эмоциональной жизни, чтобы навязать им общую для всех воспитательную норму, им вдалбливают язык насилия, язык захватничества, тот язык, в котором правота всегда остается за тем, кто сильнее, — словом, это считается нравственным. Для того, чтобы считаться в школе «нормальным», вам нужно усвоить эту лживую нравственность, эти порочные и пагубные воспитательные принципы.

Индивидуализация ребенка основывается на наилучшем использовании отцовского присутствия, в чем бы оно ни выражалось, а не на его отмене. Вместо того, чтобы просто отстранить родителя от ребенка, разумнее было бы, чтобы взрослые и сознательные должностные лица, опекуны, взяли на себя посредничество между тем и другим и в атмосфере доверия постарались разъяснить детям трудности, которые возникают у них с родителями, не осуждая родителей.

Между взрослым воспитателем или наставником и ребенком-школьником редко устанавливаются языковые отношения. Неравенство, существующее между людьми с самого детства, происходит оттого, что общество не придает никакой цены языку, связывающему детей с родителями, а между -тем этот язык очень богат — это язык жестов, эмоциональный язык, которым они владеют. Но в школе этим пренебрегают. Более того, ученикам не велят общаться в классе, хотя ребенок лет до семи-восьми, когда он чем-то занят, говорит все время.

Представьте себе, что между слышащими и глухими детьми во время перемены не заметно никакой разницы: звуки, производимые их голосовыми связками, которых глухие дети не слышат, нерасторжимо связаны с их радостями и огорчениями; когда глухой ребенок по-настоящему веселится или горюет, он ведет себя в школьном

295

дворе так же, как слышащий ребенок. Глухие шумят не для того, чтобы поскорей пришли родители (так поступают, по мнению взрослых, слышащие дети), — они сами себя не слышат. Учителя болтают между собой тут же, рядом, и не мешают детям возиться и бороться, как во дворе обычной школы. Наблюдать, что происходит между детьми во время перемены, бывает очень интересно. Но почему-то никто этого не делает или не рассказывает об этом.

На школьном дворе происходит перверсия* естественных отношений между детьми, которая может граничить даже с ритуалами жестокости. Об этом рассказывается в страшной притче «Повелитель мух». Группа детей, потерпевших кораблекрушение, попадает на пустынный остров и там воссоздает общество с очень жестокими обычаями, такими как инициация, рабство...

Их этому учили; они лишь воспроизводят то, что им вдалбливали с младенчества посредством власти взрослых. На уроках они испытывают такое давление, что затем, на перемене, происходит самый настоящий взрыв их «животных», то есть неречевых, побуждений. Человек, присматривающий за ними, вместо того, чтобы облечь их двигательную активность в слова языка, предпочитает не вмешиваться, пока дело не зайдет слишком далеко. В классе и даже вне класса от детей требуется, чтобы они «не производили слишком много шума», хотя шум может быть совершенно необходимым и вполне уместным. Когда они уже не в силах себя контролировать, им говорят: «Контролируйте себя». Хитрецы, которые способны мучить

свою жертву в школьном туалете, — те как раз не шумят, и никто им слова не скажет. Наказывают всегда того ребенка, которого слышат и который реагирует, но никогда не того, который спровоцировал эту реакцию. Клоуна подавляют гораздо более сурово, чем садиста, который лицемерно пакостит по углам. И потом, тот ребенок, который позволяет обращаться с собой как с объектом, который перестает быть источником энергии, наиболее приятен учителю. Представьте себе, он не жалуется, не мешает, и результаты его усилий запечатлены на бумаге. Он представляет собой лишь проекцию чистой совести наставника. И ничего не поделаешь, если это достигается ценой рабского подчинения или во имя корыстной цели войти в доверие к учителю. Желание продается по сходной цене.

• Извращение.

296

Я это называю пищеварительной школой. В сущности, хороший ученик — тот тот, кто соглашается, чтобы взрослый оторвал его от корней и заставил себе подражать.

Такое поведение нравится обществу, испытывающему страх перемен. Тот, кто соглашается на повторение, слывет хорошим учеником. Когда он, вместо того, чтобы устанавливать отношения в качестве субъекта и самовыражаться, заполняет ту форму, которая ему предложена, он стремится только отличиться, угодить. Похвалы обычно достаются трусу. Бывает и так, что исключительному, маргинальному ребенку удастся, будучи хорошим учеником, сохранить в себе подвижность, изобретательность, свободный критический дух, способность к отношениям с другими людьми; такой ребенок словно говорит себе: «Ладно, в школе буду делать, что требуют, но в остальное время полностью вырвусь из-под власти взрослых...» Это — будущий гений, но такой ребенок — один на двадцать тысяч. Приведу в пример историю Камилла Фламариона, того, который стал знаменитым астрономом. Он был не то тринадцатым, не то пятнадцатым ребенком в семье, и с трех лет именно его, Камилла, все называли «Фламарион»; остальных звали по именам... А его — по фамилии, даже в семье, потому что он не только был блестящим учеником в школе, но и вне школы проявлял себя как любознательный наблюдатель, умница, предприимчивый и инициативный мальчик с богатой внутренней жизнью. Но это исключение. А сколько одаренных детей пропадают среди умственно отсталых? Знаменитый пример: Эйнштейн. Эйнштейна любили в семье и никто не переживал из-за его плохих отметок в школе. Говорили: «Не беда, хорошо, что есть дядя, суконщик, — он всегда возьмет его к себе грузчиком». Сегодня для такого школьника, как Эйнштейн, это было бы уже невозможно, даже если бы в семье к нему относились точно так же: все равно его бы очень скоро «выпотрошили» и дезориентировали. На это хватило бы и двух лет. Первую селекцию проводят среди пятилетних. Увы, уже к концу первого триместра почти всегда бывает известно, кто останется на второй год, кого не допустят к дальнейшему обучению, даже если он этого искренне хочет.

И не было бы в том беды, если бы ребенок сам хотел бросить Учебу, если бы этот отбор ощущался им не как отверженность, а как ориентация, которая принесла бы ему радость и по поводу которой окружающие поздравляли бы его с тем, что он нашел свою дорогу, свое призвание.

297

Слова не обманывают. Не случайно представления детей о вспомогательных классах таковы, что они говорят: «Не хочу идти к дуракам!». Нельзя в самом начале жизни производить селекцию, которая потом произошла бы сама собой, если бы наряду с чтением, речью, письмом детям преподавали музыку, живопись, рукоделие, право, гимнастику.

Во Франции обесценен ручной труд, и это очень глупо. В обучении отсутствуют ловкость тела и рук, осязательная, слуховая, зрительная, вкусовая, обонятельная чувствительность. А родители говорят ребенку: если у него трудности в школе: «Смотри, не будешь учиться на "четыре" и "пять" — пойдешь в рабочие»! Для ребенка это крах, для родителей унижение.

Взрослые педагоги грозят этим, как наказанием. Когда я слышу, как они употребляют слово «рабочий» в качестве уничижительного, я говорю им нарочно при ребенке: «Если вы хотите противопоставить рабочих интеллектуалам, то бывает ведь и так, что рабочий умнее интеллектуала; физический труд часто требует смекалки и творческого подхода». Умный рабочий может быть куда счастливее, чем неуклюжий интеллектуал, который ничего не умеет сделать руками; подчас интеллектуалы манипулируют абстракциями у себя в голове, читают, но не способны сварить яйцо. Я знаю инженера, который пишет популярные книги по физике, необыкновенно ясные и понятные, но его товарищи-инженеры снобистски третируют его, потому что он проводит досуг у себя в мастерской, занимаясь всякими поделками. Одно крупное предприятие поручило этому человеку отбирать инженеров. Администрация была довольна, но отвергнутые кандидаты, среди которых были выпускники Политехнической и Центральной школы, люди одного с ним круга, были им возмущены. Каков был его метод? Прежде всего он производил отбор кандидатов, исходя из их дипломов и должностей. Он беседовал с ними об ученых материях, о технических тонкостях, которые были в их компетенции, а потом внезапно спрашивал: «Сколько стоит кило хлеба? Сколько стоит батон? Сколько стоит говядина? Сколько стоит бифштекс? Умеете ли вы обращаться со

стиральной машиной?» Кандидат возражал: «Послушайте, всем этим занимается моя жена!» — «А каков должен быть диаметр пробки при токе в десять ампер?» — Выпускник Политехнической школы пускался в сложные вычисления, упуская'

- Потому что маргиналов называют не иначе как дураками, сумасшедшими, безумными (Ф. Д.).

298

из виду правильный, то есть самый простой ответ. Он попадался в ловушку. Мой знакомый оправдывал свой метод следующим образом. На заводе этим инженерам придется поддерживать контакт с рабочими. Они никогда не смогут объяснить людям, умеющим работать руками, ту работу, которую им надо будет выполнять. Инженер должен уметь осмыслить ручной труд посредством интеллектуального знания. Кто не умеет достичь взаимопонимания с рабочими, тому не место в цеховом управлении. Интеллектуалов, которые ничего не могут сказать относительно предметов повседневной жизни, нельзя назвать умными людьми в житейском смысле слова. Несмотря на то, что они успешно закончили престижные высшие школы, они совершенно не годятся на инженерную должность, которой домогаются. Пусть ищут Себе места где угодно, но только не в цеху. И он был совершенно прав. Но на него поступило множество жалоб от людей, которые хотели поступить на это предприятие, имея соответствующие звания, тем более, что на предприятии были вакансии. А он выбирал скорее таких кандидатов, которые обладали достаточно скромными дипломами, но зато у них был практический ум. А еще он беседовал с кандидатами об их женах и детях: «Как вы думаете, какой запас слов у вашего трехлетнего сына? Что его интересует?» Он считал, что человеку, поступающему на службу на этот завод, необходимо на всех уровнях знание самых простых вещей — тех, которые обеспечивают контакт с жизнью. Разумеется, такой способ отбора инженеров для приема на работу нисколько не нравился тем, которых отвергали! Как-никак, эти отвергнутые были представителями преуспевающей школьной элиты!

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ БЕССМЫСЛИЦЫ

Женщины-интеллектуалки, «белые воротнички», еще чаще, чем малообразованные матери, безотчетно занимают по отношению к своим детям позицию чрезмерной опеки. Они не дают ребенку своевременно приобрести опыт, который выработает у него навыки самозащиты. Она заражают своих детей сверхинфантилизмом. Эту свою авторитарность они оправдывают так: «Но ведь я никогда не говорила с ним, как с младенцем, я никогда не оглупляла его, и т. д.» Они полагают, что это вопрос словаря, а сами обращаются к четырнадцатилетнему сыну или дочери с просьбой (причем так же точно они говорили с ребенком с первых месяцев его жизни): «Сделай

299

это ради мамы!», или «ради папы», не отдавая себе отчета в том, что детей оглуляет и инфантилизует именно такая манера кивать на себя и на отца, а вовсе не деформация слов. Вдобавок, их моральный кодекс сводится к словам «Если ты хочешь доставить мне удовольствие», — но когда в четырнадцать лет делают что-то в угоду матери или отцу, это извращение, да и в восемь-десять лет это проявление инфантилизма. А вот еще фраза, которую матеря твердят, как попугаи, обращаясь к пятнадцатилетним подросткам:

«Ты меня убиваешь». На самом деле мальчик или девочка этого возраста должны бы иметь возможность ответить так: «Да, к счастью, я убиваю тебя как свою мать, потому что с этим покончено: будь женщиной, женой для моего отца, для твоего мужчины, тогда и я тоже смогу стать мужчиной (или женщиной)».

В одной замечательной книге под названием «Учебник для детей, у которых трудные родители» ситуация меняется на обратную: детям предлагают быть достаточно взрослыми, чтобы принимать родителей такими, какие они есть — большими детьми, злонамеренными и склочными. Из этого не следует, что нужно быть родителями своих родителей, — нужно просто по-настоящему «почитать» их, но ответственность за себя принять на себя и не закидать в отношениях, связывающих любящего и покорного ребенка с инфантильными родителями, которые, пускай с самыми добрыми намерениями, заново воспроизводят семейные неврозы. Автор с благотворным юмором уговаривает не противоречить этим странным животным. Если хотите жить спокойно, пойдите родителям навстречу в том, что необходимо им для продления их жизни: дайте им видеть в ребенке игрушку. Объект их противоречивых желаний.

Если мы хотим, чтобы у ребенка было больше шансов сохранить свой потенциал, нужно, чтобы воспитание было как можно меньше проникнуто авторитарностью. Не будем стремиться все понять — вместо этого будем уважать все реакции ребенка, в том числе и те, которые нам не понятны. Родители приходят на консультацию, когда у ребенка проявляются синдромы, которые им мешают. Сколько раз мне говорили: «Мне хотелось бы понять, почему он так поступает». — «Но это вас не касается. Он поступает так; это или мешает

- Jeanne Van den Brouck, *Manuel a l'usage enfants qia ont des parents difficiles*. Jean-Pierre Delarge 6d.

300

вам, или не мешает... Если мешает, скажите ему: "Это мне мешает", но не пытайтесь это понять. Если имеет место серьезное расстройство, от которого ребенок страдает, вы можете повести его к специалисту, чья профессия состоит в том, чтобы помочь ему понять себя и справиться с тем, от чего он страдает. Если то, что он делает, мешает вам, а не ему, я это объяснять не берусь, потому что вас это не должно касаться, а меня — не интересует.»

Помню одного малыша, который мочился в постель. Мать жаловалась: «В доме воняет.» — «Он страдает от этого?» — «Нет.» Я поворачиваюсь к ее сыну: «Твоя мама от этого страдает?» — «Да» — «А ты страдаешь от чего-нибудь в жизни?» Тогда он мне говорит: «Да, из-за младшей сестры; я бы хотел, чтобы она вообще не родилась.» — «Но ты — это ты, так, может быть, ты сумеешь немножко отвлечься от твоей сестры и постараться стать не таким несчастным в твоей собственной жизни? Если хочешь, попробуем поработать вместе.»

Мы поработали с ним, и через некоторое время энурез исчез. Что произошло? Побочным результатом оказалось то, что он стал гордиться своим телом, телом мальчика, и в силу этого научился управлять своими сфинктерами. Все млекопитающие умеют сдерживаться, только человек в силу символической функции обретает эту способность лишь по достижении определенного физиологического развития. Недержание у человека — это язык, язык желания. «Я не хочу расти. Почему? Потому что я бы хотел быть своей сестрой, или я бы хотел, чтобы она не родилась. Я не хочу, чтобы моим родителям был нужен другой человек. Я хочу жить так, как будто она не существует.» Все желания этого мальчика сводятся к отрицанию его возраста и пола и отказу от них. Исходить можно только из того, что заставляет страдать ребенка. Но отнюдь не из того, что заставляет страдать его маму. Вникать в происходящее с этой точки зрения очень интересно. Нужно анализировать проблемы и трудности с ребенком, а не с его родителями. Что такое для них ребенок? Объект любопытства, господства, торжества их власти; все еще объект, представляющий собой частицу их самих или их брачного союза, из которого они намерены извлечь выгоду.

С тех пор как средства массовой информации обзавелись собственной «психологической службой», с тех пор как расплодилось всевозможные руководства по педиатрии, современной педагогике ставится в упрек то, что она взваливает бремя вины на матерей, которые не знают, кому доверять, и боятся совершить ошибку. Одно

301

из направлений феминизма обличает как чересчур авторитарное воспитание, так и вседозволенность и либерализм, но пытается перегнуть палку в другую сторону, опираясь на анализ истории. Например, «История матерей» блестяще «доказывает», что материнский инстинкт не что иное как диктат общества, философских и социальных учений, а значит, как бы ни поступали матери, винить их в этом нельзя. Освобождая от бремени вины, с них заодно снимают и всякую ответственность.

А основной вопрос по-прежнему замалчивается. Интеллектуальный комфорт матерей — это одно. Защита прав ребенка — это совсем другое. Изучение проблемы образования и развития исключительно с точки зрения интересов ребенка не имеет ничего общего с рассуждениями «науки воспитания». В этой области невозможно добиться прогресса, если не изменить масштаб и инструмент наблюдения. Именно дети, невольные наблюдатели феномена взрослости, являются здесь разоблачителями и ориентиром.

Они «видят» то, что им приходится терпеть, не сознавая этого, об этом свидетельствует их продвижение вперед.

Воспитание, которое развращает ребенка избытком опеки, культ единой нормы, подчинение сиюминутным веяниям, навязывание родительских образцов... Почему отцы и матери упорно цепляются за эти спасательные круги? Почему родители чувствуют себя потерянными, если не следуют проторенными путями? Они излучают слишком много тревоги. И чем они тревожнее, тем сильнее им хочется знать заранее, какое будущее ждет их потомство. Опыт учит нас, что;

такая позиция опаснейшим образом увеличивает вероятность заторможенности у детей. Когда ученика заставляют срыгивать перед учителем знание, полученное от другого учителя, — такое образование развращает. «Скажи мне то, что я и так знаю, и получишь хорошую оценку», — вот верх педагогической бессмыслицы. Если ребенка доверили взрослому, который хочет приобщить его к умению пользоваться своим интеллектом, то интереснее всего для ребенка будет до чего-то доискиваться вместе со взрослым. Но взрослые чересчур; склонны навязывать свой собственный метод. Подходит ли он данному! ребенку? Если у ребенка выработался другой метод, с помощью которого ему удастся получить результат, удовлетворяющий его самого, он имеет полное право применять этот метод. Тем не менее учителя математики сплошь и рядом ставят плохие отметки ученикам, которые получили требуемый ответ не тем способом, который был им рекомендован. А следовало бы поздравить такого ученика или хотя

302

бы сказать ему: «Этим способом в этом особом случае ты смог прийти к верному результату; посмотрим, пригодится ли тебе этот же способ в другом случае». И может быть, ребенок найдет другой, более

подходящий способ решения. Иногда дети умеют изобретать подходящие способы для каждого отдельного случая. А учитель сердится: «Да, он решил правильно, но я хочу, чтобы он освоил именно этот способ, иначе в другом случае он не найдет верного решения». Впрочем, если учитель выдвигает только такое возражение, это еще не беда.

И все равно, лучше дождаться пока ребенок не наткнется на такой случай, когда пользуясь своим способом, не сумеет решить задачу — вот тогда он будет готов услышать от учителя: «Посмотри, ты получишь искомый результат, если прибегаешь к другому способу, который я тебе сейчас покажу». Каждый человек ищет свои методы...

Сталкиваясь со случаями школьных провалов, руководители системы образования задают неправильный количественный вопрос: «Что делать, чтобы уменьшить их число?» Правильнее было бы спросить: «Почему происходят все эти неудачи?» Говорят, что у учеников отсутствует «мотивировка», что у них нет никакого интереса к тому, что им предлагают. Это не означает, что они лишены любознательности. Проблема в том, чтобы нащупать, где дремлет в ожидании своего часа эта невостребованная ребенком любознательность.

Человека всегда что-нибудь интересует — всегда. Иногда он пассивен только с виду. Сколько детей в так называемых «активных» классах только, кажется, и делают, что глазают на других, и больше их ничего не интересует! А потом, спустя полгода, в один прекрасный день они справляются с заданием так же хорошо, как если бы выполняли все упражнения, — просто потому, что внимательно смотрели на других и отождествляли себя с ними. В сущности, они были внимательны, но приберегая силы на потом, выглядели вялыми и отсутствующими. Это не более удивительно, чем то, что одни Дети начинают пытаться говорить, пусть неуклюже, но сразу, избавляясь от ошибок постепенно, в то время как другие заговаривают только после восемнадцати, двадцати или даже тридцати месяцев, но зато сразу обнаруживают прекрасное владение синтаксисом. Все зависит от того, есть ли у ребенка общение и интересуется ли он тем, о чем говорят взрослые между собой, что они говорят ему, что ему предлагают. Дети включены в мимическое, жестовое, эмоциональное общение. Поэтому, господа педагога, не паникуйте, не переучивайте

303

ребенка говорить. Просто говорите при нем сами о том, что вас интересует, вместо того, чтобы заставлять его говорить о том, что якобы, должно интересовать его, ребенка.

В конце концов, наименее извращенное обучение — это то, которое основано прежде всего на примере и в наименьшей степени на указаниях учителя, если только они не обусловлены просьбой самого ученика и не подаются в такой форме: «Ты можешь принять их или отбросить, я дал тебе эти указания, поскольку ты меня попросил, вот и всё!»

Некоторые дети, видя мимику остальных, не желают заниматься подражанием; может быть, их удивляет и возмущает вид всех этих попугаев, всех этих ученых мартишек. «Хорошие ученики», по всей видимости, это те, кто очень рано усвоил, что от них требуется исполнять роль в социальной комедии, что через это надо пройти; они не строят иллюзий, но проделывают всё, что надо. А у других детей просто-напросто более диссоциировано сознание: они помнят правила игры, но не могут тут же их применять. И только намного позже они научатся, исполняя роль, за которую их похвалят, не отождествлять себя с этой ролью! а оставаться самими собой.

Опросили бывших учеников класса Жоржа Помпиду в лицее Генриха IV; оказалось, что первые ученики превратились в спокойны чиновников, а из лентяев вышли динамичные руководители предприятия. Выяснилось, что в активной жизни те отстающие, которых до мая 1968 года называли в школах «тупицами», не хуже, а то и лучшие «отличников» умеют блеснуть, когда это нужно, способны продемонстрировать знания, ослепить собеседника, заговорить с ним на одном языке. Они научились этому гораздо позже, но владею» этим умением, потому что не задушили в себе того, что в них было заложено, В школе они отказывались рассматривать формул теоретического знания как инструмент. Они научились добывать власти уже потом, в процессе деятельности.

Исследовать на примере одного поколения социальные итоги школьной дискриминации — волнующее занятие. Поражаешься, обнаруживая, что с кем стало: бывшие хорошие ученики оков

- «La dernière classe de Georges Pompidou», *Lectures pour Tous*, n° 198, 1970.

304

престижные университеты, а теперь занимаются рутинной работой; а бывшие лентяи сегодня превратились или в маргиналов (но по-своему довольны жизнью), или, напротив, в создателей, в организаторов и вдохновителей экономической жизни, хотя в юности слыли разгильдяями. Насколько сдали с годами блестящие ученики, настолько «тупицы» преуспели в жизни, берясь за самые неожиданные, не предусмотренные их профессиональной ориентацией задачи. Эти люди сохранили свою оригинальность, хотя им и пришлось до некоторой степени испытать на себе презрение своих однокашников.

Следовало бы дать детям возможность интересоваться самыми разными вещами, для этого им нужно

свободное время и свобода либо действовать, либо наблюдать за теми, кто действует; и в процессе общего овладения знаниями они должны иметь возможность следовать своему желанию: «Мне бы хотелось сдать такой-то экзамен.» — «Пожалуйста, мы включим его в твой школьный план.» Вместо этого наша школа упорствует в своих заблуждениях и прогоняет под кавдинским ярмом' экзаменов всех одновременно и в одном и том же возрасте.

ЭТАЛОННЫЙ ВЗРОСЛЫЙ

Чаще всего воспитатель склонен замечать только негативное. Так бывает, когда читаешь биографию преступника: все оборачивается против него. Воспитатель выискивает «вещественные доказательства», а между тем важно как раз то, что человек чувствует, что происходит У него внутри. Когда воспитатель потерпел сиюминутную неудачу, кто знает, не означает ли это, что воспитуемый, укрываясь от вуайеризма, который во имя контроля пытается применить к нему наставник, крепнет и набирает силу, чтобы расцвести позже, когда избавится от этого воспитателя? Часто ребенок в семье кажется апатичным, вялым, — воистину, лежащий камень, под который вода не течет. А позже, вырвавшись из своей среды, такие дети просыпаются. В таких случаях полезно пожить в чужой семье за границей. В результате наблюдений над другими людьми и заимствования других

" «Пойти под кавдинским ярмом» — подвергнуться крайнему унижению. Кавдий (Каудиум), в древности город самнитов на Апписной дороге, недалеко от Кавдинского ущелья, где в 321 году до и. э. римские легионы попали в засаду, устроенную самнитами, и сдались. Чтобы унижить римлян, их прогнали под «ярмом» (воротами, груженными из копий).

305

ценностных моделей у ребенка внезапно проявляется новый образ мышления и новые представления о жизни, которых он сам за собой не знал. И дети совершенно меняются, оставаясь в то же время прежними в качестве субъектов. У них происходит бессознательная перемена в манере налаживать отношения с людьми... и понимать людей. Всё, что раньше представлялось им абсолютным, приобретает для них относительность. По-моему, важно, как можно раньше, развивать у ребенка его автономию, знакомя — избегая навязывания — с разными видами деятельности и людьми или группами, контактируя с которыми ребенок, будучи независим и самостоятелен, сможет и сам чем-то заняться. Эталонный взрослый, чья жизнь представляется образцом для подражания, не претендует на то, чтобы научить методу, единственно верному методу, — что было бы антипедагогично, — но он проявляет интерес к собственному труду, которым занимается ежедневно. Если мать увлечена тем, что делает сама, и при этом разрешает ребенку интересоваться другими вещами, не надзирая за ним и не заставляя двигаться именно в этом, а не в каком-либо ином направлении, этот ребенок берет пример с людей, которые нашли для себя смысл в жизни и которые, как он убеждается, счастливы. Точно так же преподаватель, который интересуется определенной отраслью знания, не будет донимать детей, которые этим предметом не интересуются. Ни в коем случае! Он увлечен своим предметом, излагает его, хочет заразить учеников вирусом своей увлеченности; некоторые поддаются, но он и не думает презирать неподдающихся, строптивых, — он оставляет их в покое: пускай читают комиксы... «Я не заставляю тебя интересоваться тем, что я делаю, но многих твоих товарищей это интересует. Так что не мешай им!» В итоге те, кого можно «заразить», «заражаются», пускай не сразу, а в течение года, остальные же, те, что остаются равнодушными, занимаются другими вещами, но не оказываются отверженными. К сожалению, большинство педагогов вместо того, чтобы спросить себя: «Способен ли я заинтересовать, увлечь?» — изгоняют из класса или ругают невнимательных и рассеянных: «Ты мне мешаешь, ты мне возражаешь... Тебе не интересно... Ты заслуживаешь только презрения». В доме-музее Сезанна невозможно без волнения видеть школьные задания этого великого художника тех времен, когда он был учеником коллежа, — какие на них красуются отметки и презрительные замечания его учителей! И как, должно быть, горько и тревожно было этому ученику, который уже был нацелен в своей жизни на занятия тем самым предметом, к которому за ним не признавали ни малейших способностей. Не признавали все его учителя рисования — один за другим!

306

«НОВЫЕ» РОДИТЕЛИ

У родителей есть странная манера преувеличивать неловкости в поведении их ребенка, хотя они утверждают, что из кожи вон лезут, чтобы помочь ему от них избавиться. Как часто матери десятилетних детей, мальчиков или девочек, в разговоре с ними называют себя в третьем лице: «Почему ты так обращаешься с матерью?» Я неуклонно обращаю на это их внимание. Далее следует примерно такой обмен репликами:

— Вот таким образом вы и разговариваете с дочерью?

— А что, это нехорошо?

— Вы ей говорите: «Маме надо идти по делам», — вы хотите, чтобы ваша дочь чувствовала себя десятилетней девочкой, а сами в разговоре с ней упоминаете о себе в третьем лице, как будто ей годик... И даже годовалому ребенку говорят «я», имея в виду себя. Вам самой нужно сходить на консультацию к специалисту, потому что вы заставляете вашу десятилетнюю дочь вести себя, как младенец.

— Да, вы правы, но я такая нервная; я все время хожу по врачам и принимаю лекарства по их назначению.

— Отложите лекарства и сходите на консультацию к тому, кто поможет вам разобраться, почему вы насильно удерживали вашего ребенка в форме, пригодной для младенцев, зачем вам это было нужно; теперь ваш ребенок выламывается из этой формы и причиняет вам страдания, потому что эта форма — вы, и вы трещите по всем швам... Сходите на консультацию.

С тех пор, как по Франс-Интер я провела серию передач «Когда появляется ребенок», ко мне часто приходят родители, которым обратиться к психоаналитику следовало бы пораньше. Отцы начинают обнаруживать, что они... отцы. Недавно по поводу своей «малышки», У которой не все в порядке, позвонил мне один мужчина: «Честное слово, вы одна можете нам помочь!» — «Вы ее дедушка?» — «Да нет, что вы!» — «А сколько лет вашей дочери?» — «Двадцать Два года...» — Вот вам и «малышка»! Тогда я сказала ему: «Позвольте, мсье, какой же вам видится ваша родная дочь, если до сих пор вы говорите о ней, как о маленькой девочке; ведь она уже четыре года как совершеннолетняя?» — «Да. Вы знаете, это долгая история... Эта малышка была для меня всем на свете.» — «С каких пор вы считаете, — спросила я, — что с вашей дочерью не все в порядке?»

307

— «С тех самых, как она поступила в лицей: у нее там ничего не получилось.»

Он совершенно не понимал, что его дочь — психотик. А теперь у него дома душевнобольная: не двигается с места, сидит взаперти, устраивает скандалы. Но почему? Потому что отец установил с ней и продолжает сохранять отношения воображаемого собственничества, отношения между добрым дедушкой и маленькой девочкой, которая не в силах избавиться от этих отношений. По причинам патологического характера ее первый мужчина не сделал ее женщиной. И я вижу все больше и больше подобных случаев.

Если ребенок так и не прошел необходимых символических этапов, необходимо, сколько бы ни было ему лет, вернуться и пройти этот путь заново. Разве — вспомним Пиаже — невозможно найти себя, свой эмоциональный мир, даже в ситуации, которую Пиаже описывал, имея в виду формирование интеллекта, когда ребенку уже исполнилось пятнадцать, а то и больше лет?

Например, если отец не смог обозначить свое присутствие в раннем возрасте ребенка, ничего не потеряно; он может попробовать создать со своим семи-восьмилетним ребенком языковые отношения, но при одном условии: он должен сказать этому ребенку, что раньше не понимал его. А чтобы добиться успеха, отцу необходима помощь ребенка, потому что на время ребенку предстоит стать отцом мужчины: именно ребенок сделает отца отцом посредством страдания, которое испытывает отец по отношению к нему, собственному ребенку, который до этого времени ребенком для него не был. Обоим можно оказать в этом поддержку — но поддерживать их должны разные люди. Это непереносимое условие, потому что если перенос происходит на одного и того же человека у обоих, то отец как бы становится братом-близнецом собственного ребенка, а ребенок в свою очередь тормозится в установлении собственных отношений с психоаналитиком. Отец должен проделать путь с другим человеком, исходя в своей истории, а ребенок тем временем пользуется помощью другого психоаналитика, который разрешает ему жить, как сироте, и говорит о своем отце, который также был сиротой, пока благодаря своему ребенку и его проблемам не обратился к психоаналитику. Это очень трудная работа, и не знаю, можно ли ввести ее в общую практику! Но как бы то ни было, только в речевых отношениях отец и сын смогут взаимно понять друг друга как несчастных, потерянных людей. Если родитель и ребенок хотят обрести друг друга, это должно

308

идти с обеих сторон. Сближение произойдет, если обоим помогут понять, что отец для сына, а сын для отца — одинаково ценные в духовном отношении существа.

К рожку с соской в десять лет, безусловно, не вернешься. Это невозможно точно так же, как, если мы имеем дело с ребенком, с рождения не получавшим необходимого питания и теперь проявляющим явные симптомы рахита, исправить его скелет, давая ему — в десять лет — полноценные молочные смеси, которых он не получил в младенчестве. Это — свершившийся факт. Но самое важное у человека — не тело; жизнеспособным делает человека психическая коммуникация при соблюдении ценностного равенства с тем, кто обращается к нему и к кому обращается он. Именно в этом состоит открытие психоанализа; важно лишь, чтобы ребенка, или молодого человека, склонного к тревоге или затворничеству, консультировал квалифицированный психоаналитик. На всех уровнях необходим резонанс восприятия и слуха, как в

вербальном языке, так и в до-вербальном, то есть в языке мимики, жестов, музыкальных ритмов, живописи, скульптуры. Мы ничего не знаем ни о том, как воспринимается другим человеком вербальный язык, ни о том, носителем каких представлений он является в физической организации человека. Если я заговорю с вами на языке понятий, если я скажу вам «собака» — это будет просто сочетание звуков, со-ба-ка, пока мы не внесем уточнений: «Какой породы собаку ты себе представляешь, когда я с тобой говорю?» Какой воображаемый образ вызывает это понятие у того, с кем говорят, и у того, кто говорит? Может быть, их понятия ничуть не совпадают. И так всегда. Если вы говорите человеку: «твоя семья», — для него это может означать «ад». А для обращающегося к нему, это значит: «У тебя же есть семья!» Для говорящего слово «семья» означает место, где можно найти помощь, почерпнуть силу, источник радостей, праздник. Но если для того, к кому обращаются, семья означает ад, он, слыша это слово, чувствует, что на него нападают со всех сторон. Тот, кто задыхается в семейных узах, скажет: «Семья? Ненавижу». А блудного сына возврат в семью может ободрить и укрепить. Все зависит от того, что именно представляет в истории данного субъекта семейная группа. Он или бежит от нее, или ее ищет.

Средства массовой информации, телевидение, журналы выдвигают на первый план «папу-наседку», отцов-одиночек, которые нянчат

309

детей'. Это течение оказало свое влияние на некоторых отцов, из тех, что прежде блистали своим многолетним отсутствием у домашнего очага. Теперь, когда их дети уже стали подростками, им жалко, что в те годы, когда эти дети были оставлены целиком на попечении матерей, они не дали им всего того, что было бы, желательно. Они чувствуют, что что-то упустили, у них нечиста совесть. И вот они пытаются наверстать упущенное и ведут себя с детьми в точности так, как следовало вести себя с ними, когда этим детям было три года. Они целуют, ласкают ребенка, и т. д.; хотя раньше они этого не делали".

Разумеется, это надо делать не тогда, когда ребенку уже исполнилось семь или даже десять лет. Ребенку несомненно нужен отец, но уже не на этом языковом уровне. Такое поведение — гомосексуальная эротизация ребенка со стороны отца, причем в наиболее тяжелой форме. Для ребенка лучше, чтобы его эротизировал кто угодно чужой, но только не отец. В сущности, будучи его родителем, этот мужчина, отец, обращает время вспять, способствуя регрессии и в своей собственной истории, и в отношениях между ними обоими, хотя отцу представляется, что он помогает ребенку и способствует его прогрессу. Эти отцы-невротики очень опасны, когда они внезапно обнаруживают, что их ребенок, которого они до сих пор не знают, сын или дочь, вот-вот «умрет» и превратиться в юношу или девушку; они хотели бы оживить в себе ребенка, с которым в свое время обошлись, как с собакой. Они думают, что, играя в товарища, помогут ребенку совершить этот переход, заполнят оставшуюся лауну. На самом деле это сами они хотят испытать то, чего когда-то себя лишили, навечно хотят сохранить отношения опекуна к опекаемому, которых им недостает, но время которых истекло.

Я подозреваю, что эти новые отцы, желающие не только помогать женам, но и подменять мать при ребенке, «беременные» неким смутным желанием опекать и нянчить; в них есть что-то каннибальское. То, как они говорят о своих малышах, наводит на мысль о любви-сосании. В данном случае отсутствуют отношения между двумя одинаково ценными человеческими личностями. Такой взрослый не входит в контакт с будущим мужчиной или с будущей женщиной, чувствуя свою ответственность за ребенка, чье тело пока еще слабо, но чей

• *Papa poule*, Daniel Goldenberg, J.-Q. Lattt».

•• *En attendant la bombs*. Guy BedoB, Calmann-Ltvy.

310

ум уже равен его уму. Ведь ум ребенка по ценности равен уму взрослого. И самое главное — не следует препятствовать пробуждению этого ребенка, но в то же время необходимо поддерживать с ним аутентичное общение. Если цепляться за этого ребенка, как за спасительный круг, он рискует почувствовать себя частью взрослого. Что правда, то правда: некоторые дети придают сип своим родителям. Но установить с ребенком здоровые отношения, ничем ему не вредящие, можно только в том случае, если и родитель поддерживает отношения и общение с другими, и у ребенка так же существуют отношения с другими людьми (взрослыми и его возраста), а не только с ним (взрослым, опекающим, охраняющим его, любящим родителем).

Рассмотрим отношения взрослого с ребенком, которому он приходится отцом. Они зависят от того, чем для него был или не был его собственный отец. Если этот взрослый преждевременно потерял или вообще не знал отца, со своим сыном он ведет себя совершенно неправильно, потому что не имеет никакого образца. Если он идентифицирует себя со своим отцом, он заблуждается еще больше, потому что воспитывает своего сына таким образом, как будто сын — это он сам в детстве; а если он противоречит своему отцу, то ведет себя опять-таки неверно, потому что единственный ориентир для него — обращаться с сыном не так, как обращались с ним, а наоборот; но в любом из этих трех случаев он воспитывает не

детей, а себя, как будто в действительности его дети — это он сам; он воспитывает себя самого. Такая тенденция существует в отношениях взрослого к ребенку; эти отношения пагубны, пока отец не поймет, что мы не должны воспитывать в нашем ребенке самих себя, таких, какими были бы или какими хотели бы быть, потому что ребенок не должен стать ни таким, как мы, ни похожим на нас — он должен стать совсем другим, чем мы.

Мода всегда бросается из одной крайности в другую. В сфере воспитания это опасно. Педиатры слишком долго исключали отца из пары мать-дитя, и вот теперь отец набирает силу, и сегодня, в тот момент, когда матери приходят к осознанию того, что их ребенок — языковое существо, папа-наседка эротизирует ради собственной выгоды свое отношение к ребенку и обрушивает на ребенка избыток прикосновений и ласк, характерный для матерей-собственниц.

Сравним два противоположных случая, отстоящих друг от друга по времени десятилетия на три. В 50-х годах молодая преподава-

311

тельница приходит к педиатру с шестимесячным младенцем, который чахнет на тазах. «Вы часто с ним говорите во время кормления?» — спрашивает встревоженный врач. — «Никогда не говорю. В этом возрасте он еще ничего не понимает.»

Написавшая мне в 1984 году женщина, тоже преподавательница, домой после родов вернулась в депрессии, и, судя по ее письму, общалась с ребенком не больше: она буквально заставляла себя говорить с младенцем, хотя ей совершенно этого не хотелось. Она говорила, хотя ей нечего было сказать, — говорила, потому что слышала, что я рекомендую матерям устанавливать со своими младенцами речевые отношения. Пока она говорила, что попало, ребенок отворачивал головку. Он улыбнулся ей только в три месяца, когда она наконец сумела выразить перед ним то, что чувствовала искренне, обрела «правдивый внутренний язык». В том, что касается качества слова, ребенка не проведешь.

В Соединенных Штатах 65-летний д-р Томас Брейзлтон, так же, как Франц Вельдман во Франции, будучи сторонником хаптономии (от греческого слова, означающего «касаться»), старается внушить будущим отцам представления обо всей полноте активной роли, которую им предстоит взять на себя, чтобы способствовать здоровому развитию и формированию ребенка. Но я с некоторой сдержанностью отношусь к тому зрелищу, которое нам показали по телевизору: оно может породить недоразумение со стороны адептов, которые рискуют увидеть в таком типе врача замену отца или дедушки (искусство быть улыбочивым дедом не входит в компетенцию педиатра). Не следует ни эротизировать, ни «ангелизировать» отношения отца к ребенку. Хаптономия — это не особая манипулятивная техника, применяемая к детям, это способ побудить родителей и педиатров к установлению всеобъемлющих здоровых отношений, которые оказывали бы как физическое, так и символическое влияние на обретение совсем маленькими детьми чувства экзистенциальной безопасности.

ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ: РОДИТЕЛИ С РОДИТЕЛЯМИ, ДЕТИ С ДЕТЬМИ

Испытывающие кризис супружеские пары надеются, что появление ребенка укрепит их общность или, вернее, компенсирует их разобщенность. На самом деле ребенок — разоблачитель. Если семья бредет по пустыне, семейная жизнь и останется пустыней. Только

312

оба супруга будут злиться на того, кто «портит им праздник». Но это не Пьер, не Жанна, как таковые служат причиной разногласий и ссор, то же самое подучилось бы, будь на его или ее месте Поль, или Лора, или еще кто-нибудь. А в конце концов ребенка все же заставляют поверить в то, что возмутитель спокойствия — он. И нагружают ролью присяжного провокатора, так что ему просто ничего не остается кроме как играть эту роль. Родители часто говорят, что ребенок их разделяет, отделяет друг от друга, что он, опираясь на одного из них, выступает против второго, пытается навязать свои порядки. Реакция: родители еще больше держатся друг за друга, говоря себе, что семейная жизнь наладится, когда ребенок от них уйдет, или что когда он станет подростком, его позиция по отношению к родителям изменится. Но это самообман: когда ребенок уезжает или перестает управлять родителями, дергая их за ниточки, как марионеток, когда у него появляется своя собственная жизнь за пределами семьи и отец с матерью остаются один на один, вот тут-то в их существовании и обнаруживается неизмеримая пустота. Сплошь и рядом эта ставка на ребенка, которого ждут, как мессию, а потом распинают, объясняется тем, что у родителей не стало друзей своей возрастной группы, с которыми бы их объединяли общие радости, взаимопомощь, интересы, присущие их возрасту. Они слишком ограничили себя жизнью в кругу своей семьи, то есть жизнью, посвященной детям и дому, отдалились от друзей и занятий из прежней, добрачной жизни; таким образом, утратив друзей молодости, они теряют также и все способы социальной интеграции,

кроме тех, которые открываются перед ними в часы работы.

Республике профессоров пришла на смену эра педагогов, организованная средствами массовой информации, которые распространяют советы точь-в-точь как рецепты красоты. Эта назойливая шумиха поддерживает в семьях среднего класса помешательство на роли родителя: родители, повышайте свою квалификацию. Быть родителем — вторая профессия. И люди создают себе мнимую обязанность, принести в жертву (бесполезную, как большинство жертв) — жизнь семейной четы. Этот избыток педагогики наблюдается с тех пор, как снизилась рождаемость, примерно с конца второй мировой войны. С ним совпал и поток литературы о ребенке.

На родителей взвалили чувство вины, уверяя их, что они должны быть намного активнее, должны больше заниматься детьми и т. д. Я думаю, что из-за этого они начали испытывать угрызения совести

313

и стали обрушивать на детей гораздо больше тревога, чем раньше. И вместо того, чтобы помочь своим детям выбраться из кокона, они еще больше сковали их семейными узами. Ребенку, чтобы хорошо развиваться, нужно находиться на периферии группы своих родителей, а не составлять ее центр. Родители должны тянуться к людям своего возраста, имеющим детей, или бездетным. Установить такие связи никогда не бывает поздно.

В современной семье-ячейке было бы очень полезно найти истинное место ребенка. В шестидесятых годах ребенок был одновременно королем и пленником. Когда ребенок оказывается в центре разговоров, это сплошной обман: говорят о нем, а с ним не говорят. Поместить его в центр его собственной жизни — это не значит поместить его в центр семьи. Семья сохраняет свою функцию питомника взрослых, но при условии, чтобы дети приучались действовать самостоятельно, изо дня в день завоевывая себе автономию, а родители также оставались бы автономными. Самое главное — поместить ребенка в его возрастную группу, а родителям остаться в своей. Их воодушевление и увлеченность могут внушить детям желание расти. ;

Поскольку родителям так весело живется, почему бы не стать такими же, как взрослые — как родители и их друзья — в своем кругу?! Для этого надо, чтобы родители запросто разрешали и детям уходить, куда им нужно, но не просто выставляли их из дома на улицу, а осуществляя самый ненавязчивый контроль, отпускали в доступные, подходящие детям места. Дом Детей — это место, где можно заниматься творчеством. В противном случае, что, в описываемой ситуации, остается детям? Имея не обладающих автономией родителей, им остается только стать воспитателями собственных родителей.

РОДИТЕЛИ ПОД ОПЕКОЙ

Как смотрит психоанализ на то, что рано или поздно ситуация «переворачивается», и мы становимся родителями своих родителей?

Это «переворачивание» может идти с двух сторон. А может идти только со стороны младшего, без согласия со стороны «его старика». Перемена ролей может произойти вследствие неявной просьбы старика, чувствующего, что он больше не в силах полностью отвечать за свои поступки и условия жизни; он хочет, чтобы ему) помогли в преодолении трудностей, с которыми он сталкивается

314

Для молодого это неотделимо от обретения «взрослой» автономии. Принимая на себя заботу о родителях, он уже не зависит от них. В этом он черпает поддержку, делая решительный шаг. Когда человек видит своих родителей старыми, признает их стариками, это освобождает его от чувства вины, которое он невольно испытывает из-за того, что, будучи достаточно зрел, являясь взрослым человеком, продолжает их любить так, как позволительно только в нежном возрасте. Последнее может послужить прибежищем: в случае неудачного начала социальной жизни; а может оказаться ловушкой, являясь попыткой мошеннически отделаться от неразрешенного Эдипова комплекса. Бывают дочери, которые до пятидесяти лет так и не оборвали пуповину, соединяющую их с матерью — чрезвычайно властной собственницей, — а потом вдруг они принимают нянчить мать, которая раздражается, желая по-прежнему доминировать, и не соглашается принимать предложенную опеку. Она копит доказательства того, что и не думает сдавать, что ум у нее еще вполне ясный, что экономически она вполне независима и т. д. Для того, чтобы перемена ролей состоялась, нужно, чтобы родитель не пребывал исполненным собственной мощи; нужно, чтобы он покорился детям, или, по крайней мере, чтобы он согласился поддаться их покровительству, — короче, согласился играть в игру. Бывают заброшенные, всеми покинутые старики. Но бывает и так, что молодые, чьи родители еще совершенно не нуждаются в опеке, очень недовольны тем, что родители вовсе не считают себя стариками, для которых пришла пора смириться и принять помощь со стороны. Старшие испытывают фрустрацию, когда молодые покушаются на их свободу. Игры за власть между людьми порождают немало страданий, и страдания эти тем более обескровливающие, чем меньше имеют шансов найти себе

выражение.

РАЗВОД В ЛИЦЕЕ

В высших сферах возникло сильное беспокойство, когда выяснилось число детских самоубийств, совершенных в течение нескольких месяцев после того как начало применяться решение о праве родителя на заботу о ребенке, особенно много самоубийств среди детей в тех случаях, когда развод происходит «полюбовно». Теперь развод стал сделкой между родителями, которые решили расстаться, и весь удар принимают на себя дети; придумали чтобы дети жили некоторое время здесь, некоторое время там. Судья утверждает

315

решение, принятое обоими родителями. Никто никогда не рассматривает развод с точки зрения интересов ребенка, не учитывает вполне предсказуемых последствий тех случаев, когда незрелые родители принимают решения относительно места проживания и права на посещения, не считаясь с возрастом и полом ребенка, не считаясь с его включенностью в школьную, дружескую, личную социальную среду, которая в наше время, начиная с пяти-шестилетнего возраста ребенка, не зависит от социальной среды родителей.

Некоторые адвокаты берут на себя труд узнать мнение ребенка и пытаются убедить клиента отказаться от притязаний на него, а в случае, если ребенок испытывает трудности, обратиться к врачу или психологу. Кстати, я видела немало родителей, которые перед разводом вместе или порознь обращались за консультацией, чтобы облегчить ситуацию для своих детей, для каждого ребенка.

Вместе с другими психоаналитиками мы пришли к мысли, что если нам разрешат провести в лицеях, в первых и вторых классах, опрос, мы сможем узнать у тех детей, чьи родители разведены, что думают дети по поводу проживания у одного или другого родителя, и как они по мере своего взросления переживали свою историю — историю детей, у которых родители в разводе. Это оказалось очень трудно: разрешение, за которым мы обратились в октябре, было, нам дано только в мае, причем только для двух лицеев, по одному классу в каждом. Мы отправились туда втроем: один социолог-мужчина и две женщины — я, психоаналитик с медицинским образованием, и моя коллега, по первой специальности психолог, работающая в службе профессора Жана Бернара. Я предчувствовала, что скажут нам дети. Важнее родителей для них на самом деле — квартира, место, где они живут, класс, школьные друзья. Исходя из того, что я наблюдала до сих пор, у меня сложилось впечатление, что детей травмировала скорее разлука с другими детьми их возрастной группы и с квартирой, тем жизненным пространством, в котором они существовали вместе с обоими родителями... а вовсе не разлука с самими родителями. Ситуацию усугубляло соперничество между родителями и между семьями обоих родителей, но для каждого ребенка важнее всего было не утратить привычную обстановку. Обычно они стремятся к *status quo*, стремятся сохранить иллюзию, будто ничего не изменилось. Возможно, думала я, мы узнаем что-то иное из встреч с подростками, которые через это прошли.

316

Два учебных заведения, которые нам разрешили посетить, сильно отличались в смысле стиля и обстановки. Первый лицей, в Монтрее, оказался так называемым лицеем с практическим обучением; в сущности, это была профессиональная школа. Помещения, которые учителя украсили живописью и детскими рисунками, выглядели уютно. Здания поддерживались в хорошем состоянии, везде чисто. Другой лицей, в Монжероне, был расположен посреди парка в 30 гектаров и представлял собой маленький замок с примыкавшими к нему службами. Расположение прекрасное, но здание запущенное и грязное. Насколько приветливо и весело выглядел технический коллеж, настолько второй, общеобразовательный, не излучал ни жизнерадостности, ни любви к труду, и хотя он был окружен зеленью, во всем этом не чувствовалось никакой человечности. Ученики Монжерона были детьми работников администрации, монтрейские — нет.

В Монтрее ученики выпускного класса, от 16 до 18 лет, оказались неплохо подготовлены к нашему посещению. Директриса заручилась разрешением от родителей — поскольку их согласие было необходимо — а детям объявила: «У вас будет дискуссия о разводе»; но поскольку им не разъяснили, что посетителей будет интересовать их мнение, они думали, что мы прочтем им лекцию по праву, а потом предложим высказаться. Директриса предупредила нас: «Имейте в виду, наши дети обладают не таким запасом слов, чтобы выразить свои мысли». Может быть, словарь у них был и не столь велик, зато они обладали непосредственностью, и когда им сказали: «Мы будем задавать вопросы», — они в десять минут все поняли и каждый стал открыто говорить о себе. Для учеников этого лицея материальные условия развода оказались ужасны. Из пятнадцати подростков, которых мы там увидели, только у одного отец получил право оставить ребенка у себя и повел себя ответственно; остальные отцы ушли из семей, когда ребенок был еще совсем мал, или когда ребенок уже подросток (а иногда детей в семье было уже четверо-пятеро), и оставили матерей

без гроша, да и положенного содержания не выплачивали. Матери пытались добиться выплаты денег, но безответственные отцы исчезали бесследно. В монжеронском лицее не было ничего подобного, поскольку тамошние питомцы принадлежали в основном к средней буржуазии, администрации или мелкой буржуазии; после развода матерям, которые к тому времени не работали уже лет по пятнадцати, приходилось устраиваться на работу, во они не испытывали нужды и не должны были отказываться от летнего отдыха. Больше всего эти дети страдали от трудностей эмо-

317

ционального порядка и были гораздо сильнее подвержены тревоге, чем дети в Монтрее. Но и в Монжероне точно так же, как в Монтрее, лишь один отец из пятнадцати получил право оставить ребенка у себя и воспользовался этим правом.

Ни там, ни там родители никогда не говорили с детьми о своем разводе — ни до, ни после него, за исключением двух ответственных отцов.

В монжеронском лицее на встречу пришла девочка, не имевшая никакого отношения к разводу, но когда она была еще маленькая, у нее умерла мать, отец снова женился, и она думала, что ей расскажут, какими правами она обладает по отношению к мачехе. Она считала себя «разведенным ребенком», поскольку отец снова женился, а с мачехой она не ладила. В сущности, развод для детей — это нелады с одним из родителей или хорошие отношения только с одним из двоих. Но это не имеет никакого отношения к их собственной ответственности, и закон на эту проблему почти не распространяется.

1

Наш психолог спросила трех детей в Монтрее: «А что вы будете делать потом, после лицея? К примеру, вы сможете поступить на технологический факультет университета?» Они со смехом переглянулись: «Да, наверно, мы бы смогли, но это нас не интересует; мы хотим после лицея пойти работать». Они получали профессиональную подготовку и надеялись через год или два, по выходе из лицея, устроиться на работу.

Детям из Монжерона будущее представлялось еще далеким: они собирались жить вдвоем с другом (подругой), не вступая в брак; ни один из них не предполагал, что рано или поздно женится или выйдет замуж. Казалось, все они считают, что говорить о будущем им еще рано. Они были словно двенадцатилетние дети, хотя им было столько же, сколько ученикам в Монтрее: от шестнадцати до восемнадцати. По их мнению, любить друг друга надо какое-то время, а как надоест, расставаться. «Вы допускаете мысль, что у вас будут дети?» — «Конечно, может быть.» — «И что тогда?» — «Как это что, — отвечали девочки, — детей я, естественно, выращу.» — «А как же с вашим спутником жизни?» — «Ну, тем хуже для него!» А мальчики говорили: «Я непременно буду воспитывать моих детей.» — «А каким образом вы собираетесь это делать в том случае, если вы произведете их на свет с женщиной, которую разлюбите? Что будет с детьми?» — «Да, правда... Ну, тогда, может

318

быть, придется жениться, чтобы потом можно было развестись... Но это еще так нескоро будет...»

В силу своего инфантильного поведения они воспроизведут для своих детей то, от чего так страдали сами. Готовятся новые разводы.

Дети в Монжероне не осуждали и не оправдывали родителей. Разонравились друг другу, разбежались — такова жизнь. А в первом лицее, в Монтрее, родителей или оправдывали, или осуждали. Осуждали отца, который бросил семью; признавали правоту за матерью, которая оставила детей при себе и заботится о них. В Монжероне все девочки говорили об отцах с усилием, с болью, а мальчики так же говорили о матерях.

С их точки зрения, брак противостоит любви. В обоих лицеях утверждали, что муж и жена не могут любить друг друга: «Пока люди не поженились, если они на что-то смотрят по-разному, все равно они боятся расставания, и кто-то уступает, чтобы остаться вместе; а если люди женаты, дело плохо: никто из них не старается найти какое-то решение». Брак мешает эмоциональности, потому что в браке людей связывают законные узы и материальная зависимость, брак становится средством шантажа. А когда закон и материальные обстоятельства людей не связывают, они остаются вместе единственно из-за взаимной приязни. Одна девочка сказала нам так: «Надо пожить с кем-нибудь, но недолго, лет до сорока, сорока пяти, — чтобы успеть завести ребенка, потому что без детей скучно жить».

В первом лицее дети были относительно подготовлены к беседе с нами; они поняли, что мы приехали задавать им вопросы. Во втором лицее администрация напустила туману. У директора явно не было контакта с учениками. Нашу беседу он назначил на так называемый «День профессий» — день, на который были приглашены родители учеников для того, чтобы рассказать детям о своих профессиях. И нас приняли за родителей, которым нужна аудитория. На дверях классов было написано: «инженер», «страховой агент» и т.д., словом, разные профессии, и в классах по большей части никого не было, кроме одного-двух одиноко ожидавших родителей. Ни один ребенок не желал встретиться с ними и поговорить об их профессии. Детям сказали, что это только для тех, кто хочет. На самом деле, как мы поняли,

профессиональная жизнь не является предметом их желаний. Ну, а мы, как решили ученики, представляем психологов», которые пришли рассказать им о своей работе. А ведь речь-то шла об опросе, в ходе которого их опыт мог оказаться

319

полезным для других детей! Итак, они были к этому совершенно не готовы.

На вопрос, заданный нами ученикам: «Говорили ли вам в курсе «Обучение обязанностям гражданина» о законодательстве по семье и браку, в частности, о законах, касающихся бракоразводных дел?», мы получили ответ: «Никогда». Кроме того, все эти дети сказали, что о своем положении — положении детей, у которых родители в разводе, — они никогда ни с кем из школьных товарищей не говорили, и ни с кем из преподавателей — тоже. В наше время было совсем не так; когда мы учились — моя коллега в лицее Виктора Дюрюи, я — в старших классах лицея Мольера, — мы говорили с нашими преподавателями. На это дети нам возразили, что не могут говорить с преподавателями, потому что это не понравится остальным ученикам, да и самим преподавателям тоже, так что они предпочитают ни с кем не обсуждать свою личную жизнь.

«Но разве на уроках французской литературы вы не изучаете романов, в которых речь идет о страстях, о любви, которая проходит, и потом от этого страдают дети?» Никогда. Им никогда не, приходилось рассуждать на подобные темы — ни на уроках литературы, ни на уроках гражданского воспитания. Что уж говорить о прочих?

Мне кажется, что даже в курсе истории, в курсе юриспруденции тоже надо уделять внимание истории детей и законам, имеющим отношение к семье. Дети могут заинтересоваться всем этим — в сущности, заинтересоваться самими собой. Но взрослые упорно придерживаются теорий и абстракций. Они никогда не привлекают внимание детей к тому, что касается непосредственно их, сегодняшних. Они предпочитают рассуждать с детьми об их будущем — но при этом предлагать им готовые образцы, а не говорить о самих детях. Никто не говорит с детьми об их становлении; никто не говорит им, с чем они столкнутся на этом мостике, таком длинном мостике отроческого опыта, который приведет их к взрослости. А значит, для того, чтобы благополучно перебраться на другую сторону, нужно 3 наблюдать и говорить вместе о том, что происходит на мостике. Однако в лицеях этого и в помине нет. С детьми вообще не разговаривают ни на литературе, ни на истории, ни на гражданском воспитании.

В других странах, в частности, англо-саксонских, школьники больше связаны в эмоциональном плане со своими учителями, а в школах большое место уделяется игре. Именно во Франции пыльным цветом цветет юридический формализм, принимающий форму вздорного и

320

тормозящего развитие бюрократизма. Любая внеучебная деятельность упирается в проблему страховки. Кто будет платить, если случится что-нибудь непредвиденное?

Одна из учениц передала фразу своей подружки — «Тебе повезло, что у тебя родители в разводе» — с таким добавлением: «Меня удивляет, что она так сказала, потому что мне придется остаться жить с матерью; я не смогу, как она, в восемнадцать лет уйти из дому, а не то мать останется совсем одна; она меня воспитала и не заслужила, чтобы я ее бросила». Эта девочка загнана в угол - ей ничего не остается, как жить вместе с матерью. И только те двое, которые остались с отцами, сказали нам: «Ну, как только мне стукнет восемнадцать, сниму себе где-нибудь комнату». Только эти двое перед тем, как найти себе пару, будут иметь возможность пожить, полностью отвечая сами за себя. А на вопрос: «Работала ли ваша мать до замужества?» большинство монрейнских детей ответили так: «Да, работала, но когда пошли дети, бросила работу, чтобы о них заботиться. А когда отец нас оставил, ей пришлось опять вернуться на работу». В другом лицее — другая крайность. Мы услышали такую историю. Развод свершился. Родители матери были не слишком-то довольны ее замужеством, и после развода она вернулась к ним. Дедушка с бабушкой занялись воспитанием детей, а мать пошла на работу, словно восемнадцатилетняя девушка, до замужества живущая в родительском доме; дети не чувствовали, что она способна жить самостоятельно, и совсем не желали для матери нового брака.

Мы сумели опросить только пятнадцать детей, у которых родители в разводе, хотя в том лицее их было гораздо больше; но родители остальных детей не согласились на то, чтобы их дети слушали беседу на эту тему или высказывались о своем случае. Становится тревожно при мысли, что родители могли запретить детям, которые вот-вот достигнут совершеннолетия, принять участие в беседе на тему, которая им, родителям, неприятна. Какие же неприятности в таком случае ждут ребенка младше десяти лет, если он будет говорить то, что думает! А когда ребенка, которому уже минуло десять лет, иногда и восемнадцатилетнего, и даже старше, ведут на консультацию, то ему не только не советуют, но иногда даже запрещают говорить с врачом о том, что коверкает всю его жизнь.

Ни одного из сорока школьников, опрошенных нами в обоих лицеях, родители не сочли нужным поставить в известность о разводе современно, хотя дети отлично видели, что родители ссорятся, а

потом в один прекрасный день, оставаясь одни с матерью или переезжая к бабушке с дедушкой, они видели, что мать испытывает какие-то трудности, поскольку ей приходится «обращаться к адвокату». Некоторым матерям, в самом деле, было очень нелегко, потому что, во-первых, приходилось отпрашиваться с работы, а начальнику это не нравилось, а, во-вторых, потому что они испытывали денежные затруднения. И наконец, трудно было разобраться в дебрях бракоразводного процесса.

Все эти дети сказали, что о разводе родителей они предпочли бы узнать от кого-нибудь, а не постепенно обнаруживать это самостоятельно. Но кто должен им об этом сообщить? Нужно, чтобы это произошло само собой, а не в результате чьих-то специальных усилий; они не хотели бы услышать об этом от судьи. «Вы бы хотели, чтобы судья вызвал вас и спросил ваше мнение?» — «Нет, совсем не хотели бы!» Монтрейские дети не хотели бы иметь дело с судьей, но не возражали бы, чтобы какое-нибудь нейтральное лицо разъяснило им их положение. А те, которые лучше умели, выразить свои мысли, дети из Монжерона, сказали: «Да, хорошо бы, чтобы судья вызывал детей и говорил: "Ваши родители разводятся, что вы об этом думаете?" Может быть, не сам судья, он слишком! строгий, а кто-нибудь другой, кого мы не знаем; пускай бы рассказал нам обо всех этих вещах, о том, какие перемены нас ждут — только мы должны быть уверены, что он не передаст родителям наш разговор. Пускай бы нам сказали: "Вот тут один человек должен кое-что тебе сообщить"».

Когда детей спросили, с какого возраста они бы желали иметь возможность высказывать свое мнение, все ответили: «С одиннадцати лет». Но относительно возраста, с которого следует предупреждать детей о предстоящем разводе, никто не указал нижней границы; «Сразу, как только решат разводиться.»

На посвященном разводу круглом столе «Досье на экране», предложили высказаться одному мальчику четырнадцати лет, пережившему этот мучительный процесс. Перед ним сидели адвокат с судьей. Завязалась дискуссия относительно того, с кем оставляет ребенка. Юрист заявил: «Но ведь ребенок может прийти к судье и сказать, что он предпочитает остаться не с этим родителем а с другим». Мальчик возразил: «Для этого нужно мужество!»

В обществе, где все явственнее проявляются черты социализма где все больше опеки над гражданами, где решающую роль играет государство, во всех делах начинают с создания нового законода-

322

тельства. Думаю, то же самое касается и разводов. Итак, можно опасаться, что если учредят должность посредника, который будет, возможно, не столь неприятен детям, как судья, то этот чиновник все равно не станет для тех, чьи родители разводятся, тем собеседником, который им больше всего требуется. Правда, это все же лучше, чем ничего. Если в процессе развода ребенка предупредят о том, что происходит между его родителями, если третье лицо выслушает его не в суде — это будет шаг вперед. По моему мнению, правильной было бы отвести эту роль медику или социальному работнику, может быть, психологу, который был бы в контакте с семейным врачом, если возможно, или школьному психологу, или даже директору учебного заведения. Тем более, что этому последнему в дальнейшем придется посылать школьные справки раздельно обоим родителям.

ГОСУДАРСТВО-ОТЕЦ

Возьмем ли мы шведский социализм, социал-демократию или французский социализм, — везде государство все больше вмешивается в «семейные дела»!. Кажется, в Швеции государственные органы опеки назойливее всего и прибрали к рукам больше всего власти, особенно в вопросе, с кем должен жить ребенок. Социальные работники буквально похищают у родителей ребенка, если его «физическое или психическое благополучие» находится, по их мнению, в опасности. Достаточно жалобы соседей или простого доноса. Если расследование установит, что жалоба безосновательна, ребенка вернут семье. В противном случае его вверяют приемным родителям, которых назначает государство. Многие скандинавские адвокаты уверенно говорят об «узаконенном похищении», об организованном киднаппинге.

Злоупотребления, несомненно, имеют место. Но бывает, что «похищение» в самом деле отвечает интересам ребенка и идет ему на пользу. Именно так получилось с одним маленьким шведом, чью историю мне рассказывали. Это было в 1930 году. Как видим, вмешательство государства в семейную жизнь и его противодействие родительской воле начались не вчера. Во всяком случае, в северных странах. Двенадцатилетний мальчик испытывал отвращение к занятиям

L'Enfant et la raison d'etat, Philippe Meyer, Points Seuil.

323

в школе, дававшей своим питомцам классическое образование. Родители, оба с университетскими степенями, не могли и помыслить, что их сын не станет в свой черед «белым воротничком». В один прекрасный день управление школьной ориентацией отбирает его у семьи и решает отдать в юнга на

корабль. Родителям разрешается видеть его не чаще, чем раз в год. Они кричат о похищении, о торговцах детьми. Ничего не помогает. «Бедный малыш, как он, должно быть, страдает!» — твердят отец с матерью. Но, к их изумлению, оказывается, что тот и не думает страдать. Напротив, он в восторге, ему полюблилась морская жизнь, и он решает учиться заочно. В 19 лет он уже лейтенант корабля. И он стал более зрелым, чем его старший брат, который остался в семейном гнездышке. Дети в этом возрасте менее хрупки, чем их родители, и у них больше шансов стать самими собой, плавая на корабле по миру, принимая на себя ответственность, чем сидя при родителях.

А вот разлучать, ссылаясь на законодательство, маленького ребенка с матерью можно лишь в случае, если мера является срочной, временной и отменяемой, причем необходимо провести беседы и с матерью, и с ребенком, если мать (или ее партнер) жестоко с ним, обращаются. Даже в отношении явной мучительницы решение не может быть однозначным. Разумеется, мне приходилось защищать ребенка от грозящей ему физической опасности. Когда я консультировала в больнице Труссо, туда пришла женщина, которая умоляла" дежурного врача подписать ей разрешение забрать после выписки свою дочь двух с половиной лет. Девочку били дома, она была госпитализирована с несколькими переломами. Но она звала мать. Медсестры говорили: «Если малышка требует, чтобы к ней привели мать, значит, ей нужна мать». Я пригласила эту женщину на разговор, она клялась и божилась, что больше пальцем девочку не тронет.

Она и со старшим сыном обращалась плохо. Мальчик получал побои, пока не подрос настолько, чтобы удирать через окно — к счастью, они жили на первом этаже. Любовники матери обращались с мальчиком по-разному: одни — ласково, другие — колотили так же, как она.

— Моя младшая сестра провоцирует мать, — сказал мне тогда брат девочки...

Я вступила в разговор с истязательницей, которая пришла уверять в своих благах намерениях: она, дескать, исправится и т. д.

— Происходящее с вашей дочерью — то же самое, что происходило с вашим сыном, когда он был маленьким. Только она

324

еще не достигав того возраста, чтобы выпрыгивать из окна во избежание вашего гнева.

Я ее заставила вновь пережить всё происходившее с нею, воспроизвести сам процесс.

— Ах, всё поначалу идет хорошо — первые часы, затем она начинает действовать мне на нервы, а стоит мне ее шлепнуть, — ну что уж тут! как только я прикоснусь к ней руками... я не могу больше себя остановить.

Я вынудила ее признать, что если вернут девочку, она опять начнет ее избивать. И я не подписала ей разрешение забрать ребенка домой.

Истязательницы чаще всего сами в детстве были лишены любви, либо, сверх того: по причине болезни, или несчастного случая, или каких-то сугубо личных обстоятельств они на какое-то время, сразу после рождения ребенка были с ним разлучены.

Ребенок не так уж не виноват в том, что с ним дурно обходятся: он имеет склонность провоцировать мать.

Учитывая все это, я не сторонница того, чтобы бесповоротно отнимать ребенка у матери, которая с ним плохо обращается; нам нужны более мобильные структуры, чем те, которые существуют во Франции, чтобы ребенок мог жить отдельно от матери, но навещать ее в конце недели, или чтобы она приходила повидаться с ним после работы и в выходные дни, — лишь бы ребенок не жил постоянно под одной крышей с ней и не находился в полной ее власти.

Я с большим сомнением отношусь к идее официального размещения детей в приемных или временных семьях. Службы по защите детства допускают произвол, и в этом им содействует приставленный к ним адвокат. Если родителя лишают права посещать своего ребенка, защита превращается в насилие. Что до права родителя жить после развода под одной крышей с ребенком, решения по этому поводу часто суть не что иное как нарушение прав человека. Рука государства оказывается в лучшем случае чрезмерно тяжелой.

Власть законов все больше сводит семью-ячейку к паре мать-дитя, или, в виде исключения, отец-дитя, бабушка-дитя. Феминистское движение, в сущности, отражает тенденцию граждан пользоваться опекой со стороны общества и во всем полагаться на государство.

325

Дети не должны изменять личную судьбу женщины — требуют борцы Движения за освобождение женщин. Их «выращивание» — дело других людей. Кооперативные объединения, добровольные или оплачиваемые воспитатели, детские деревни или преждевременная эмансипация детей — такие решения предлагаются во имя того, чтобы мать могла сохранить полную свободу действий.

Отец втягивается в борьбу. Он пытается вернуть себе утраченные права'. Он пользуется отказом феминисток от ухода за младенцами, но в то же время объективно превращается в союзника феминизма. Если речь о том, чтобы отец разделял с матерью заботы по уходу за новорожденным, такое

урегулирование внутри семьи-ячейки может пойти ребенку на пользу. Но есть опасения, что подобная реакция мужчин пронизана духом конкуренции и реванизма по отношению к женщине, стремлением ответить ударом на удар. Нельзя безнаказанно устранять одного из двоих, которые призваны дополнять, а не вытеснять друг друга. Но, право, не будет ли ошибкой отстаивать эту структуру нуклеарной семьи, семьи-ячейки, считающуюся — характерная для сегодняшнего дня подмена понятий — «традиционной», когда на самом деле она изобретена сравнительно недавно, от силы лет сто тому назад? Задумаемся над результатами этого столетнего эксперимента. Обречен ли он в силу своей ограниченности и нынешней неадекватности? Быть может, его извратила и подмяла под себя политика — экономические кризисы, война, урбанизация, массовая коммуникация и т. д. ? Или он порочен сам по себе?

Пара отец-мать по-прежнему представляет базовое опосредование, эталонную символическую ячейку для всех детей в мире, потому что ее изначальная функция состоит в том, чтобы принять Эдипов треугольник и примириться с ним. Без Эдипова треугольника символический язык не может найти себе выражения и завершить структурирование личности. Но отношения внутри Эдипова треугольника вполне могут проигрываться и в отсутствие биологических родителей. Их могут обеспечить воспитатели или приемные родители при условии, если они назовут ребенку его биологических родителей и ознакомят его с историей его реальных предков.

• См. Colloque international: Father» today, le« pure» d'aujourd'hui, evolution de« attitudes et des rules masculine dans le pays de la Communauté européenne (Paris, ' 1982).

326

Вопреки общераспространенной ориентации, законное усыновление следовало бы производить не с рождения ребенка, а гораздо позже, лет в десять, в одиннадцать. Воспитателям и будущим усыновителям следовало бы выплачивать вознаграждение. Хорошо было бы, чтобы мать сразу после родов сказала младенцу, что она доверяет его людям, которые будут хорошо о нем заботиться.

От ребенка ни в коем случае не следует скрывать существование его реальных родителей. То, что не высказано полностью, распоряжается сексуальной жизнью. Ребенок весь соткан из первичных побуждений, он не может сублимировать свое либидо, если не знает, чей он сын или чья дочь. Психоанализ завтрашнего дня должен будет полностью сосредоточиться на задаче: понять, что происходит внутри отношений Эдипова треугольника.

Ребенок обладает не всеми правами, но права — это всё, что у него есть. У родителей нет никаких прав на его личность — у них есть только обязанности.

С самого начала своей внутриутробной жизни человек не является частью материнского тела, он уже уникален. Он сам дает себе жизнь и рождается на свет при посредстве отца и матери, он — сама Жизнь. В силу своего желания родиться он настойчиво стремится к развитию и достижению своей цели. С точки зрения психоанализа, мать — это только посредник, сперва биологический, потом символический. Это не так уж мало. Это основное.

Законодательство по абортам не учитывает этих данных. Это еще одно вмешательство государства-отца в жизнь людей.

Да еще и одно из самых грубых, граничащих с злоупотреблением властью. Если несовершеннолетняя беременеет, общество (родители, воспитатели, врачи) оказывает на нее давление, направленное на то, чтобы ее ребенок не появился на свет. Если она упорствует в своем желании рожать, ее заставляют жить взаперти в «гостинице Для матерей». Посвягать на плод под предлогом, что он может войти группу детей повышенного риска, это значит манипулировать реальной игрой жизни и смерти. Если материнский организм может плоду навредить, надо обеспечить матери лечение. Но стремление любыми средствами продлить жизнь больного нельзя подменять проводом в отношении жизни и смерти плода.

327

Он существует, во всяком случае, мать аборт не программирует. Признать утверждения воинствующих сторонников добровольного прерывания беременности по этому поводу — было бы ложью. Материнство изменяет женщин, в том числе и борцов, годами проповедовавших отказ от беременности. Когда дают жизнь, фантазмами не питаются.

На мой взгляд, наказывать за аборт нельзя. Но легализацию абортов я считаю ошибкой.

В общем и целом, результат (и цель!) воспитания детей на государственном попечении — это дети, лишенные индивидуальности, потому что эти дети отрезаны от своей истории.

ТРЕУГОЛЬНИК... С ЧЕТЫРЬМЯ УГЛАМИ (мать, ее спутник жизни — необязательно отец ребенка, и органы социальной помощи).

В итоге, наилучшая услуга, какую можно было бы оказать отцам и матерям, — это попытаться свести до минимума родительские права и роли, освободив их от наслоения мифов; можно говорить о

роли родителей, подаривших ребенку жизнь, о той помощи, в которой они нуждаются, чтобы принять на себя долг воспитания ребенка, или об их праве передать эту роль другому лицу, но при этом следует как можно меньше говорить о «родительских правах».

Взрослые родители абсолютно необходимы ребенку, будь то биологические родители, или приемные, или и те, и другие. В сущности, для маленького ребенка благотворно все, что может рассеять тревогу, связанную с взаимностью внутри социальной группы; чем больше ребенок замкнут внутри треугольника, внутри отношений отец-мать, тем больше он задыхается, и тем меньше у него шансов стать самим собой. Надо отпереть для него эту камеру, но принять меры, чтобы из этого плена он тут же не угодил в другой, еще более жестокий. Дело в том, что ребенок — это дитя матери и того мужчины, с которым она его зачала, все равно, замужем она или нет. Прежде чем его отдадут в ясли, он должен знать, что он — ребенок этой женщины, что он пожелал родиться от нее и мужчины, с которым она его зачала. Что эта женщина его пожелала, но что она, кроме того, нуждается в обществе, точно так же как и он сам, и что его глубинная сущность не изменится оттого, что попечение о нем будет поручено другим людям, которым мать доверит его на время. Этот срок надо устанавливать постепенно, посредством речи,

328

и сенсорики, чтобы ребенок знал, что в яслях он тот же самый человек, что и вечером дома, с мамой, несмотря на то, что воспринимаемая им действительность меняется. Во избежание срыва все это необходимо объяснить ребенку в присутствии его родителей. Этот первичный треугольник усложняется, когда ребенок попадает в руки другому человеку, и вот тогда-то ему необходимо объяснить, кто такой этот человек: материнские и отцовские слова помогут ему сохранить чувство безопасности. Только отцовский и материнский голос могут «омамить» и «опапить» для него людей, которым доверяют заботу о малыше. Тогда тела этих людей станут символами безопасности, а сами они — временными представителями отца и матери. Благодаря этому ребенок остается самим собой, таким же, как дома, и может сохранить все свои сенсорные возможности — ни одна из них не «уснет». Это дает ему силы перенести ожидание встречи. Он сохраняет свой тонус, не прячется в свою раковину, как улитка, потому что уверен, что эта раковина (родители, о которых с ним говорят) мысленно никогда его не покидает. При этом условии он становится существом общественным. Воспитателей яслей удивляет именно эта энергия двухмесячных детей, поступающих к ним из Мезон Верт. А все дело в том, что в Мезон Верт, где всё ребенку объясняют словами, социализация самых маленьких к тому времени уже состоялась. В безопасности, при постоянном присутствии родителей, ребенку здесь рассказывают о том, как он появился, как его вынашивали. Рассказывают о его судьбе. К примеру, вот маленький мальчик (или девочка) — у него нет законного отца и мать говорит о нем: «У него нет отца». Мы ей шутливо возражаем: «Как, неужели вы — исключение из закона природы?» А ребенку говорим: «Твоя мама зачала тебя, как всех детей, вместе с мужчиной.» — «Да... Но он так мало значил!» — «Не так уж мало — раз появился на свет этот ребенок, который для того, чтобы родиться у вас, выбрал его себе в отцы. Вы же счастливы, что у вас есть ребенок?» — «Конечно! Ведь я его хотела.» Тогда мы обращаемся к ребенку:

«Вот видишь, тебя хотели, правда ты не знаком со своим отцом, но он у тебя, как у всех людей, — есть. У твоей мамы тоже был отец; значит у тебя и дедушка есть. А у твоего отца, твоего родителя, который подарил тебя твоей маме, тоже был отец, которого ты не узнаешь, потому что твоя мама не была с ним знакома и не может тебе о нем рассказать. Но он у тебя есть, он в тебе, та его знаешь, каким-то неведомым всем нам образом».

Дети из Мезон Верт, когда они поступают в ясли, избавлены от синдрома адаптации, то есть, в самые первые дни, они не теряют тонуса, у них не нарушено функционирование органов пищеварения

329

или носоглотки; они так же веселы, как дома и как в Мезон Верт, — там, где с ними находится мать; а главное — они слушают то, что им говорят. Иногда мы получаем весточки от наших «выпускников»; сегодня им по четыре-пять лет, они прекрасно адаптировались к школе; они хорошо переносят болезни, больницы; все испытания они переносят с помощью системы языка, которой им хватает для того, чтобы укрепиться в так называемом исходном нарциссизме. Я думаю, все это незаметно для нас присутствовало и в жизни первобытного племени, и в деревенском укладе, и в семейной жизни тех времен, когда все собирались в единственной отапливаемой комнате, когда- существовали традиции, встречи после разлуки, воскресенья в семейном кругу; и если вопреки болезням, вызванным отсутствием гигиены и ранним употреблением алкоголя, малышам удавалось выжить, то окружающее давало им чувство укорененности, безопасности пребывания в обществе, неотделимом от их семьи. Нетрудно заметить, что очень часто родители скорее препятствуют развитию своих детей, чем способствуют ему. Их любовь не несет детям свободы — она, как правило, проникнута собственничеством, к ней часто примешивается тревога. Никуда не денешься:

на нашей любви всегда паразитирует наша прозорливость. В наши дни родители слишком часто

оказываются по отношению к маленькому человеку главным образом паразитами.

Родителей не надо «ставить на место»; надо поддерживать в них стремление оставаться на том месте, которое они занимали до зачатия ребенка, чтобы их желание было устремлено на их жизнь с другими взрослыми; пускай они просто сохраняют за собой место людей, испытывающих желания. Иначе происходит вот что: когда они попадают в ловушку материнства или отцовства, свободные валентности их желания, которые раньше были направлены на жизнь с другими взрослыми, устремляются на потомство и фиксируются на этом ребенке, который для каждого из родителей занимает место другого супруга. И этот другой супруг теряет свою ценность в сравнении с обнаруживающейся притягательной либидинозной мощью и соблазнительностью ребенка. Он, ребенок, — или соблазнитель, или — отверженный; его хотят либо сожрать, либо им командовать, дрессировать, неизменно с любовью, проистекающей из нашего нарциссизма, потому что ребенок — наш, плоть от плоти. Гениальный Фрейд понял это и назвал «комплексом Эдипа».

Глава 7 ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ

«ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ»

«Вашим барышням неизмеримо нужнее научиться по-христиански вести себя в мире и мудро управлять своей семьей, чем строить из себя ученых или героинь; женщины всегда остаются полужайками, и то немного, что они знают, как правило, внушает им гордыню, надменность, болтливость и отвращение к надежным и основательным предметам» («Беседы о воспитании девиц», 1696).

Со времен 2-жи де Ментенон, которая составила целый сборник непререкаемых рецептов касательно воспитания девушек и высказала кое-какие презрительные суждения о детях вообще, честные философы избегали этой темы. Они уступили поле деятельности монахиням, исповедникам, благовоспитанным людям, гувернанткам, няням, торговкам платьями. Поговорка «Все девицы — комедиантки» расценивалась как постулат, сотворить из девочек нечто иное, кроме как объект для мужчин, не надеялись. Гораздо больше заботились о подготовке мальчиков к активной жизни. Детство лидеров. Имелось так называемое типовое воспитание: отдавали, например, на воспитание к иезуитам.

Пусть побеждает лучший. Кто он, лучший — об этом судят взрослые. Следовательно, нужно им понравиться, а потому победителем будет либо самый хитрый, либо самый покорный, тот, кто в состоянии манипулировать людьми, обладающими властью. С иезуитами или без оных, воистину, общество — великая школа лицемерия. Особенно много вранья в речах; все слова лживы. Этот язык, основанный на посулах типа «Ты добьешься успеха благодаря своим заслугам, усилиям...» направлен исключительно на установление контроля над воспитанником. Стереотипные слова ядовиты. Сегодня мы обнаруживаем их в речи политиков, которая, правда, постепенно смягчается. Именно этим, пожалуй, характеризуется та скудость, или вернее, то относительно новое извращение, которым отмечен сегодняшний язык воспитания. Воспитание стало массовым. Раньше оно было коллективным,

331

основанным на передаче знания, а начиная с предпубертатного возраста в воспитанниках развивали критический дух. Теперь никто не стремится дать массам образование; напротив: чем меньше они будут знать, тем легче будет ими управлять. Вместо знания прививают умение. Умение обращаться с компьютером. Все, что нужно — это обучить инструкциям по применению того или другого. Наше общество основано на праве добиться, чтобы тебя пенили. Нам далеко до общества граждан, служащих друг другу работой, которую дают другим и делают сами. Я полагаю, что многое изменилось бы, если бы в обществе каждый в самом деле сознавал, что, коль скоро ему платят, то его время и труд служат потребителям, которые пользуются ими в обмен на те самые деньги, которые он получает. Осознание этого само по себе стало бы революцией: да, это именно так — в больницах санитары и врачи состоят на службе у больных, которые им платят, и воспитательницы состоят на службе у детей тех родителей, которые им платят. В таком обществе царили бы солидарность и ответственность. Министерство солидарности правильной было бы называть министерством ответственности, потому что в слове «солидарность» есть нечто двусмысленное; в нем присутствует какой-то оттенок благотворительности, добрых дел (дать нуждающимся минимум, чтобы успокоить свою совесть). Правильнее было бы сказать, что каждый гражданин отвечает за себя и за свои поступки по отношению к другим людям. Люди — не святые. Личная этика каждого укоренена в семейном неврозе — том или ином, потому что невроз частично присутствует в каждом из нас. Я не утверждаю, что услуга, оказанная за плату, есть бескорыстный поступок. Плата есть плата. Но это жизнь. И такая коммуникация приносит взаимную, обоюдную пользу. Она приносит пользу

самому работающему, но должна приносить пользу и другим. Это очень важно — соглашаться получать плату в обмен на свой труд, ибо: «Я ответственен за ту службу, за которую я получаю плату... Если я работаю бесплатно, честь мне и хвала, меня хвалят, но я не отвечаю за сделанное, а коли уж платят — обязан: на меня была возложена ответственность за мой труд. Это — справедливо».

Чувство ответственности естественным образом вытекает из осознания половой зрелости, которой достигает тело каждого из нас. Это чувство зарождается бессознательно, когда по доброй воле совершаешь поступок, который может принести плоды, может быть немедленно, а, может быть, очень не скоро, для грядущих поколений. По достижении разумного возраста, лет с восьми-деяти, каждый

332

ребенок может понять, что он частично или полностью отвечает за то, как воздействует его поведение на других людей. Воспитание должно помогать людям — в особенности детям — различать чувство вины и чувство ответственности. Если не развивать с самого раннего возраста в каждом ребенке критический дух и этическое понимание ответственности, путаница этих понятий неизбежна. Ответственность усваивается в силу солидарности, без которой невозможно приобщить к ее этике младших или обделенных.

Психоанализ обнаружил то, что можно называть «генетической солидарностью». Оказалось, что события, которые произошли в семье человека, пускай даже до его рождения, когда он был зародышем в материнской утробе, — если его мать страдала от них и у нее не было никого, с кем она бы могла об этом поговорить, — эти события способны вызвать у этого неродившегося младенца невроз. Этот ребенок своим телом будет выговаривать страдание, которое убила в себе его мать. Стало быть, он живет под воздействием невысказанного страдания своей матери. Психоанализ — и особенно детский психоанализ — позволяет понять солидарность поколений под пагубным воздействием некоторых травм, стрессов, или под живительным воздействием эмоциональных встрясок, успехов, радостей.

Это открытие — что в бессознательной эмоциональной сфере наследство и долги передаются от человека к человеку — по своему значению сравнимо с открытием патогенности того обстоятельства, что некоторые заболевания являются генетическими, передаются от родителей к детям. Все происходит с той же неизбежностью, с какой камень, выброшенный из окна, падает на землю, если ничто его не остановит. Это не философия детерминизма. Психоанализ открывает законы межличностного общения и оперативной динамики жизни между людьми, связанными друг с другом во времени, в пространстве и в сущностных и поверхностных связях, которые устанавливаются между ними в процессе общения в самом широком смысле этого слова.

ЭТИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

Никто не обращает внимания на то, от чего ребенок морально страдает. Люди заботятся о теле ребенка, о растущем организме, а не о человеке, у которого есть своя история и которому нужно

333

ее высказать, но у него нет для этого слов. И пока он эту историю не выразит, он сам тормозит свой рост.

Сирота остается с рождения незримо привязан к мертвому телу своего отца, если с ним об отце не говорили. Кто-то должен распознать его безмолвную скорбь и боль. Мучительную связь можно преодолеть, если ребенок о ней скажет, если он через символическое научится общаться с другими людьми.

У младенца, точь-в-точь как у взрослого, может быть убийственная депрессия. Он переводит ее в свое тело, потому что ее воздействие сказывается на соматике. Воздействие — но не причина. Причина, даже у младенца, лежит в языке. Изумительно то, что с самого рождения человек является языковым существом. Это основа основ - здоровье ребенка так же психосоматично, как его болезнь.

Его здоровье говорит на языке жизни: вчера — это вчера, а завтра готовится сегодня. Если ничто не тянет ребенка назад, он вполне здоров. Маленький ребенок проявляет чуткость к каждому событию, имеющему к нему отношение: любой опыт может оставить следы, как стимулирующие, так и снижающие его тонус.

Каждый человек от рождения наделен своей бессознательной этикой, на уровне интуиции, бессознательно он понимает: кому что на роду написано... Все происходит так, будто он наделен свободой выбора: некоторые люди в детстве предпочитают оставаться не столько больными, сколько бессловесными, обделенными — лишь бы не стать здоровыми развратниками или правонарушителями. Словно какое-то интуитивное благоразумие не дает им выйти на уровень социального преуспевания, которое позволило бы им структурировать себя по навязанным образцам и стать правонарушителями. Можно подумать, что в них существует этический стержень, укорененный куда глубже, чем мораль воспитывающей их социальной группы, у каждого есть своя потенциальная траектория. Если человека заставляют с нее свернуть, это может помешать его росту. Можно использовать его другим образом, моральным или аморальным с точки зрения общества. Например, некоторые люди в глубине души не могут стать «денежными». А бывает, что человек с рождения отмечен честолюбием, и эта черта может оказаться несовместима с ценностями

«образцовых» взрослых или с влияниями, ведущими этого ребенка в сторону честолюбия.

Но больше, чем податливость некоторых детей, меня поражает сопротивление, которое дети иногда оказывают попыткам совращения со стороны людей, желающих увлечь их на определенный путь.

334

В каком-то смысле каждый человек, рождаясь на свет, уже обладает зрелым умом. В дальнейшем его ум деформируется и разовьется в результате общения с миром, исказив или не исказив свою этику. Многие не хотят ею поступаться и, чтобы не вступать в эту игру, становятся отсталыми или невротиками. Почему? Как?

Не забуду мальчика, от которого скрывали имя его отца. Пока этот ребенок не встретился с психоаналитиком, он отставал в развитии. Мать и бабушка приняли все меры, чтобы ребенок не проник в тайну.

То, что близкие умалчивали о факте, касающемся его рождения, мешало ему родиться по-настоящему.

Здесь мы прикасаемся к изначальному, основополагающему принципу, к желанию воплотиться. Быть представителем встречи двух людей, родителя и родительницы. Преднамеренное умолчание обременяет чувством вины.

Право жить или запрет жить выдает мужчина. Если ребенок не знает, откуда он взялся, он предпочитает быть маргиналом, он не может быть креативной личностью. Если в ответ на его вопросы ему это скажут, если за ним признают его истинную ценность, он проникается к себе уважением. Он сознательно принимает самого себя.

Он хранит свой секрет: «Не говори бабушке... Я рад, что знаю, что я твой сын... это секрет, который я раскрыл». Вот что ребенок, воспитанный женщинами, своими тетками (но не матерью — она умерла), оказался способен сказать после нескольких месяцев психоанализа своему деду, о котором с опозданием узнал, что это его инцестуозный родитель. И вместе с тем он полностью вышел из состояния пассивности и психоэмоциональной отсталости.

САМЫЕ ДЛИННЫЕ ДНИ ЧЕЛОВЕКА

По мнению нейробиолога Жан-Пьера Шанжэ из института Пастера, мозг новорожденного содержит, быть может, • сто раз больше ней•ронов, чем мозг взрослого. Эта гипотеза дополняет теорию Жака Мелера из Института наук о человеке: «Интеллектуальное развитие состоит не в приобретении новых способностей, но, напротив, в утрате тех способностей, которыми человек обладал при рождении». Д-р Жюльен Коэн-Солал полагает, что «между эмоциональным и интеллектуальным развитием существует нерасторжимая связь. После восьми месяцев становится очень трудно воздействовать на эмоци-

335

ональное поведение, после двадцати четырех месяцев — на интеллектуальное развитие. Если данные нейрофизиологии точны, самый важный день жизни — первый, потом второй и так далее...» Д-р Леон Креслер, педиатр, на втором всемирном конгрессе по психиатрии новорожденных (Канны, 1983) утверждал, что психосоматические нарушения раннего возраста (бессонница, рвота, колики, понос...), которые часто проявляются вскоре после рождения, происходят оттого, что мышление новорожденного выражается с помощью «подземной дороги органов тела». Нарушения происходят по трем причинам: хроническая нехватка привязанности (эмоциональная пустота), избыток стимулов (чрезмерная опека), срывы при переходе из одних рук в другие. «До наступления отрочества ничто еще не определено, — утверждает он. — Эти нарушения обратимы.»

Патологию новорожденных рассматривают таким образом, как будто первопричина их трудностей в отношениях с другими людьми кроется в ослабленности тела. На самом деле, все наоборот. Разлад в отношениях со взрослым опекуном, отвечающим за ребенка, препятствует его физическому росту. У большинства настолько преобладает эмоциональная сфера, что она преобразует биологическое поведение ребенка: аппетит, пищеварение, подвижность, тонус, — все это зависит от языкового общения с тем взрослым, который о нем заботится. Разумеется, влияют и наследственность, и метаболизм. Если ребенка недокармливать, если он получает недостаточное количество калорий, мало-помалу он начнет сдавать: один поначалу физически, другой — умственно, в зависимости от организма, от наследственности. Это наблюдалось в концентрационных лагерях. Когда люди получают 500 калорий в день, нельзя ожидать, что они сохранят физическую и умственную активность. Кому-то в полной мере удастся уберечься от упадка духа и от распада психики, но выдерживает душа, а не тело. Другие выдерживают в телесном отношении, но начинают относиться к другим людям, как звери. В лагерях для перемещенных лиц одни люди полностью утрачивали ощущение человеческого братства, набрасывались на еду, чтобы сохранить свое тело. Другие, напротив, морально поддерживали окружающих, умирали с голоду, но во всей полноте сохраняли человеческую этику и тягу к общению. Мне скажут, что это зависело исключительно от нарушений гормональной системы, которые по-разному влияли на разных людей. Но на самом деле это наверняка зависело от того глубокого впечатления, которое наложило на людей первоначальное воспитание.

336

Могут ли науки о нервной системе обосновать с научной точки зрения тот факт, что ребенок не принадлежит своим родителям, не является «плотью от плоти» и «кровью от крови» родителей, — во всяком случае, в смысле зачатия и генетики? Он с самого начала всецело принадлежит символической жизни, которая заключена в отношениях между людьми, в любви, которую структурируют родственные связи, которую дают друг другу и получают друг от друга ребенок и его взрослые опекуны.

Я думаю, что если бы науки о нервной системе могли с помощью каких-нибудь установленных фактов обосновать, что каждый ребенок в конечном счете совершенно отличен от своих родителей, это было бы очень важным вкладом. Пока до этого еще не дошло; возможно, когда-нибудь это удастся доказать. Но этому не повлиять ни на эмоциональность родителей, ни на их собственнические чувства, ни на их желание, которое предъявляет права на судьбу их ребенка.

Кто бы предположил 50 лет назад, до трудов Жака Рюфье из Коллеж де Франс, что возможно будет научно доказать бессодержательность расизма? Между тем, географическая гематология разделилась с расистской доктриной.

Возможно, обнаружат и новые данные касательно наследственности, которые покажут, что побуждения родителей, присваивающих собственное потомство и отождествляющих себя с ним, лишены биологических корней. Я в этом убеждена. Достаточно посмотреть на отношения, возникающие при усыновлении. Биологические обоснования, на которые обычно ссылаются, — это просто рационализация, направленная на то, чтобы позволить нам без угрызений совести следовать нашему неистребимому желанию устанавливать свою власть над другим человеком.

Специалисты в области экспериментальной психологии интересуются этологией — наукой о животных. Но можно ли проводить параллель между поведением животных и людей?

По всей видимости, индивидуальное поведение животных не меняется из-за того, что люди наблюдают за их развитием и взаимоотношениями. Зато если люди наблюдают за людьми, в их отношениях нечто меняется, так как наблюдение вносит в символическую жизнь наблюдаемого беспокойство. Но вместо того, чтобы предаваться спекулятивным рассуждениям об ориентации грядущих исследований, вер-

337

немея лучше к экспериментальной психологии. Она могла бы в недалеком будущем предоставить в наше распоряжение средства лучше изучить потенциал каждого ребенка. Заодно с методом поиска ей следовало бы включить в свою программу изучение буфера восприятия у детей, существующего для разных органов чувств. Это не принесло бы вреда и в какой-то степени помогло бы родителям понять, что такой-то их ребенок больше одарен, скажем, способностью к зрительному и слуховому восприятию, чем к обонятельному или осязательному, что ему скорее присуща уравновешенность, чем подвижность, и т. д. То же самое и с уважением к индивидуальному ритму ребенка: потребности обладают естественным ритмом, и этим ритмом надо считаться.

В Мезон Верт, в ходе простого наблюдения над ребенком, сумела таким образом распознать музыканта. Юным музыкантом оказался трехлетний мальчик, у которого уже отмечалась задержка развития. Родители мальчика, которым я, пытаясь помочь ребенку рекомендовала быть повнимательней к поведению сына, вспомнили в процессе наших бесед, что совсем маленьким, едва умея ходить, он в одном доме привязался к пожилому господину, которого совсем не знал. Этот господин был музыкант. Никто не понял тогда, почему ребенка так привлек этот человек, не обращавший на детей никакого внимания. Родители считали своего малыша отсталым до того дня, когда, наблюдая за ним, я обнаружила, что у него удивительно развито слуховое восприятие. Я сказала им: «Может быть, он отсталый, я об этом ничего не знаю, но у него изощренный слух и удивительная способность внимательно слушать. И мотивацией него является именно это». В игровой комнате Мезон Верт он монополизировал проигрыватель и бесконечно рылся в пластинках - ставил то одну, то другую — и сразу снимал. Для его матери был признак нестабильности. Но на самом деле это было не так: внимательному наблюдателю было видно, что как только он обнаруживал пластинку с той музыкой, которую искал, он тут же становился стабильным, и более того, сосредоточенным: он прослушивал пластинку целиком и ставил ее опять, когда она кончалась, чтобы послушать еще раз.

Вот что значит наблюдать ребенка на полной свободе, безусловна уважая его непосредственность и естественность. Вместо того, чтобы тестировать группы детей по множеству параметров, имело бы смысл изучать один за другим сенсорные параметры у каждого из это бы не слишком им помешало.

338

С самого начала родители ищут в своем ребенке отличительные признаки. Матерей очень заботит вопрос, на кого похож ребенок. Если у него сросшиеся пальцы на ноге, как у деда, — он будет, как этот дед, великим мореходом. Люди склонны воспринимать физические особенности как основу для выводов относительно внутренней жизни и направленности желания данного человека, хотя эти последние не очень-то доступны зрению. Когда родители сравнивают ребенка с тем или другим предком, их язык не

столь безобиден. Но мы можем только констатировать это. Воспринимаемые ребенком звуки, сопровождаемые коммуникативным смыслом, оказывают на него сильнейшее влияние. Невозможно, конечно, сделать родителей совершенно нейтральными, но можно помочь им не судить превратно о ребенке, коль скоро они не разделяют его способов восприятия и интересов.

Один философ решил для опыта содержать детей в полной изоляции, так, чтобы люди, которые ухаживали за этими детьми, не говорили с ними: он хотел выяснить, заговорят ли они на своем собственном языке. Опыт потерпел полную неудачу, потому что, когда детям пришло время разговаривать, они заговорили, как все дети в тех краях. Одно из двух: или тем людям, которые якобы не говорили с детьми, не удавалось держать язык за зубами, или внутренний язык — молчание, позы — был достаточно экспрессивен и заразителен.

Если бы родителям показывали, чем обладают их дети, они не были бы такими собственниками; у них было бы меньше искушений судить о ребенке исходя из того, что представляют собой они сами и чего они ждут от своего отпрыска. В гораздо большей степени они были бы склонны допустить, чтобы ребенок вел себя сообразно своим целям, и предоставляли бы ему возможность встречаться с такими же людьми, как он.

НЕУДАЧА И ДЕПРЕССИЯ, БОЛЕЗНЬ И НОВАТОРСТВО

Один из моих сыновей — тот, что стал потом кораблестроителем, в детстве без памяти увлекался разными двигателями. В тот день, когда люди запустили первую ракету в стратосферу, он впал в полное отчаяние. «Больше незачем жить, все двигатели уже изобретены. Так зачем ходить в школу?» Все, что он мог узнать о двигателях, стало вчерашним днем. «Теперь уже нечего изобретать... А если в науке больше нечего открывать, зачем жить?» Он в самом

339

деле решил, что наука остановилась, что с исследованиями покончено. А больше его ничего не интересовало. Меня это не на шутку обеспокоило, потому что пришлось утешать его целых два дня: «ну послушай, осталось еще много такого, что можно изобрести... и в конце концов эта ракета летает не так уж высоко...»

Мы не уделяем должного внимания такой позиции ребенка, когда он отождествляет себя с кем-либо, с его точки зрения выглядящим как человек, у которого все в прошлом. Между тем необходимо, чтобы у ребенка всегда была возможность продолжить, подхватите факел, совершить столько же, лучше или по-другому. Иначе застынет в неподвижности, говоря себе: «Я опоздал родиться» «К чему все это».

Отцы, изображающие из себя первопроходцев, героев-исследователей, даже если им очень некогда, обязаны говорить ребенку самого раннего детства: «Ах, такое-то явление, такая-то область остаются еще совершенно неисследованными... То-то и то-то еще никому не известно...» или: «Об этом предмете я знаю не больше твоего...»

Помимо героев, добивающихся успеха, бывают «неудачники», которые могут смутить подрастающее поколение. Депрессивные отцы недовольные тем, как сложилась их жизнь, развивают у детей убеждение, что все усилия тщетны, любая работа бесполезна, инициатив всегда встречают в штыки, а мир враждебен и неприветлив. Как часто мужчины, занимающие ответственные посты, приходя домой начинают жаловаться: «Чертова работа, никому не нужная профессия надрываюсь, а все попусту».

Для подростка это не так уж пагубно. Напротив: его отец — тоже человек. И потом, это помогает подростку понять, что некоторым дорогам ходу нет, и надо идти в другую сторону, занимать другим делом, найти другой путь, посвятить себя другой профессии. Это информация.

Но совсем маленького ребенка угнетает, если он то и де слышит от отца жалобы на загубленную жизнь. Такая отцовская позиция проникнута садизмом. Вместо того, чтобы побуждать к поискам, она подрывает жизненные силы ребенка. Она выражает также разочарование той социальной средой, в которую входит семья ребенка. Потому что любые действия имеют смысл лишь в сообществе другими людьми и ради других людей; в сущности, разочарований родители — это люди, которые не работали ни с другими, ни ради других, ни совместно со своей возрастной группой. Но подобная

340

жизнь, лишенная чувства принадлежности к своей команде, лишенная социальной цели, проистекает из того факта, что в наше время, вопреки великим социальным теориям, которые люди не принимают близко к сердцу, процветает изошренный нарциссизм.

Напрасно отцы говорят детям: «Позаботься о будущем; приложи усилия, чтобы не остаться без работы...» Сыновья сопротивляются: «Какой в этом толк, ведь работать, как ты, для меня все равно что умереть». Отец представляет собой или булимического честолюбца, активиста, раздавленного собственным успехом, потому что он — раб своего преуспевания, или неудачника; в обоих случаях, если ребенка не

побуждают критически относиться к наблюдаемым им людям и явлениям, он решает, что нужно делать как отец и что другого пути нет.

Если отец, который проделал огромный труд, чтобы добиться успеха, и в пятьдесят лет оказался богатым, но безмерно усталым, или растерял друзей, утратил жизнерадостность или стал желчным, или разорился, говорит сыну: «В твоём возрасте я работал! Я делал то, я делал это...», ребенок думает: «Да, и вот к чему он пришел в итоге; наверно, лучше не отказывать себе в радостях сегодня, потому что вот, он себе во всем отказывал — и чего добился?»

Бесспорно, в молодежь нужно вселять уверенность, и в то же время ее нужно стимулировать; но для этого следует внушать ей доверие к собственным силам и готовность следовать своим собственным путем. Поэтому не стоит толковать с детьми об успехе и неуспехе, и примером им нужно служить сегодня, а не в прошлом.

Пусть бы отец сказал: «Когда я начинал, мне казалось, что в моей работе есть смысл; но теперь, видно, слишком велика стала конкуренция, и я не выдерживаю соревнования; есть люди, которые и сегодня добиваются в моей профессии успеха, а вот у меня не получается. Но если ты об этом и слышать не хочешь, если ты хочешь заняться другим делом, выбери себе дорогу сам — это будет правильнее»

Этим отец не замыкает ребенка на собственных неудачах, а побуждает его включиться в игру и поддерживает в нем дух борьбы, открывает перед ним новые горизонты.

Родители не видят ничего страшного в том, чтобы по возвращении с работы говорить о своем разочаровании, о своей депрессии при Детях младше десяти лет, оправдывая себя тем, что ребенок «еще ничего не понимает». Они и не думают сдерживаться, их ничуть

341

не заботит, что чувствует при этом маленький свидетель их жалоб. Они дают себе волю. Станный способ формировать образец для детей, которые еще во всем зависят от взрослых! Но в то же время с какими предосторожностями, с какой хитростью стараются скрыть от детей обрушивающуюся на семью реальную болезнь, реальную смерть! Взрослые не думают, что, если они сами смиряются с этим событием, примут его, то и для ребенка оно явится инициацией в жизнь. Однажды ко мне на консультацию привели детей, которым родные не желали сообщать, что их мать тяжело больна. А между тем семья переживала огромные трудности: родным приходилось частично оплачивать лечение и они, духовно и просто по-человечески напрягали все силы, чтобы бороться с болезнью — однако детям об этом не говорили; дети видели, как мать недомогает, но никто не объяснял им, в чем дело; в результате, это испытание не способствовало очеловечиванию ребенка. В результате самооценка детей настолько понизилась, что они перестали успевать в школе. Нас попросили вмениться. Психологическое лечение состоит в том, чтобы говорить ребенку правду. «Но это причинит им чрезмерную боль! Чтобы помочь ребенку по-настоящему, надо объяснить ему, что в опасности физическая жизнь его матери, но ни в коем случае не любовь, которую она к нему питает, что мать хочет, чтобы у него были силы для борьбы, и сама дает ему пример такой борьбы. Со стороны может показаться, что она побеждена, а окружающие ничего не говорят ему о том, что его мать борется. Поэтому ребенок видит ее в образе бойца, покинувшего свой пост. Но если, напротив, ему покажут маму в ее нынешнем болезненном состоянии как человека ведущего огромную борьбу (если бы она не боролась, она бы уже умерла), тогда она будет служить ему примером стойкости и мужества. Это подтверждается и тем фактом, что, если посторонний, не надлежащий к семье человек поговорит с ребенком о том, происходит, не скрывая от него всей правды, к ребенку вернутся силы и он смирится с тем, что мать может умереть, но в то время обретет собственную автономность, чтобы обессмертить о мать; ведь она хочет, чтобы он жил дальше той жизнью, которую она ему когда-то, когда еще была здорова, дала, надеясь на лучшее

Мы видим, насколько моральный крах «образца» переживается детьми тяжелее, чем крушение брака между родителями, когда отцы увиливают от ответственности, не хотят ни жить с ребенком, ни оказывать его матери материальную поддержку. В этом последнем

342

случае дети выглядят заброшенными и не могут преуспеть в жизни: они неудачники, потому что их отец проявил себя как неудачник. И не потому, что развелся, а потому что повел себя безответственно и бессловесно по отношению к их матери. Они словно говорят вам: «По мне, лучше бы он умер; если бы он умер, он бы не был неудачником; если бы он умер, он бы просто был побежден законами жизни. Но он жив и он неудачник, поэтому я могу отождествлять себя только с неудачником; а если бы он умер, я мог бы собраться с силами и пойти дальше».

РОДИТЕЛИ, УЧИНЯЮЩИЕ НАД РЕБЕНКОМ «САМОУБИЙСТВО»

Родители толкают ребенка на самоубийство, чтобы отомстить своим собственным родителям. Это подтверждает пример шахтерского ребенка, чье автобиографическое свидетельство написано скальпелем:

«Мое рождение было нескончаемой комой. Эта кома продлилась девятнадцать лет. Девятнадцать лет изгнания из себя. И если по паспорту мне двадцать девять, то сам я считаю, что мне только десять. Мое детство мне неведомо. Иногда оно представляется мне в виде чужой страны, отданной на разграбление. Все

эти годы «они» убивали меня моими руками, и единственным моим сопротивлением было саморазрушение...

Ингрид Наур, *Мертвые губы*, изд. Papirus

Люди не думают о том, какой отзвук найдут их речи и поведение в маленьком ребенке, потому что обычно они полагают, что ребенок пребывает в зачаточном состоянии — вроде личинки. А личинке можно наносить любые раны, потому что гусеница не имеет в их глазах никакой ценности. Они ведут себя так, как будто восхищающаяся их бабочка не имеет к этой гусенице ни малейшего отношения. Биологическая бессмыслица! На самом деле, любое пагубное воздействие на личинку потенциально вредит мутирующему существу,

грядущая бабочка окажется неудачной.

343

СЛАБОСТЬ КАК ФАКТОР РАВНОВЕСИЯ

Цель античных жертвоприношений состояла в том, чтобы служить социальной группе, испытывающей затруднения. Может показаться, что в нашей ментальности отсутствует само понятие об искупительной жертве, о принесении в жертву. Однако тему жертвоприношения сегодня можно отыскать в семейной группе. Когда один из членов семьи находится в определенной регрессии, другие пользуются этим, чтобы установить определенный порядок, завязать узы солидарности, «попасть в рай», выйти в святые, обрести равновесие в конфликтах.

Дебил, сумасшедший, правонарушитель тоже приносит пользу группе. Это доказывает опыт *a contrario*¹: как только удастся помочь слабому, неполноценному, отверженному обрести автономию, всё вокруг него начинает разваливаться. Часто члены семьи ощущают равновесие только в том случае, если связаны между собой как винтовки, составленные в козлы: они держатся стоймя, потому что опираются друг на друга; выньте одно ружье — и все остальные повалятся. В результате такой взаимозависимости бывает трудно обрести автономию не только по отношению к тем, с кем вы воспитывались, особенно в семейной группе, но и в любой другой случайной маленькой группе людей. Те, кто изучает психологию групп, знают, что через два, три, от силы четыре дня в группе появляется определенная сплоченность. Я два раза совершала кругосветные путешествия и оба раза удивительно было наблюдать, что через несколько часов все роли оказывались распределены, все шахматные фигуры расставлены. Пассажиры усваивают определенную манеру вести себя по отношению друг к другу. Нужно, чтобы среди них оказались авантюристка, забавник, простофиля, вечно попадающий впросак, и неизменный ворчун. Артистов на эти роли может быть не двое и не трое, и если бы на корабле не оказалось именно этого человека, его роль взял бы на себя кто-нибудь другой. В обществе каждый должен занимать свое место. Это поразительно. Такое распределение ролей не навязывается сверху. Это равновесие, которое рождается из отношений между людьми. Вероятно, эти амплуа соответствуют древнейшим архетипам. В своде языческих богов каждому человеческому типу соответствует его мифический представитель. Причем

¹ От противного (лат.).

344

в обыденной жизни, после путешествия, каждый из этих людей может и не играть эту роль.

Почему это необходимо для равновесия группы? Часто равновесие существует за счет кого-то, кто играет роль жертвы. В случае кругосветного путешествия, группа может выбрать себе козла отпущения. Но людям, пожалуй, все-таки хочется, чтобы все прошло мирно. Каждый выбирает себе амплуа добровольно. Никому не навязывают линию поведения. Он сам, хоть и бессознательно, выбирает себе роль. И если другие признают, что он с ней справляется, он будет играть эту роль до конца путешествия.

Плохих и хороших ролей не бывает, все роли динамичны: есть роль отверженного, роль человека, ратующего за физическую подвижность, роль любителя вкусно поесть, роль человека, выстраивающего остальных по порядку перед выходом, обеспечивающего для всех такси... Обольститель и ворчун, и неприменимый лодырь, заставляющий других себе прислуживать, и вездесущий и все успевающий деятель, полный энергии. Почему не бывает трех авантюристок? А вот не бывает, загадочная особа на амплуа авантюристки всегда одна. Точно так же всегда найдется и больной — тот, кому всегда нездоровится, у кого аллергия, кто идет к себе в каюту полежать.

Накануне прибытия все удручены предстоящей разлукой. Эти кругосветные путешествия суть временные перерождения. В это время кажется, будто существуешь более интенсивно. То же самое наблюдается у членов разных ассоциаций, организующих совместный weekend.

Люди испытывают спонтанную потребность в психодраме², коль скоро не разрешили сами для себя то, что можно было бы выявить с помощью индивидуального психоанализа.

Чего можно ждать от индивидуального лечения? Что в конечном счете человек все же сможет играть игру, хотя и не веря в нее. Хорошо известно, что все мы — результат какой-то истории, но как бы она ни была болезненна, все же человек страдает от нее меньше, чем в случае, если он не проделал курс психоанализа и, будучи взрослым, сердится на своих родителей и выясняет отношения с братьями и сестрами. После психоаналитического лечения человек уже не скован собственной ролью и с удовольствием играет свою

• Психодрама — одна из классических форм психотерапии XX века, созданная австрийским психиатром Дх. Л. Морено, эмигрировавшим в 1925 году в США. Об этом методе на русском языке см, например Д. Киппер, «Клинические ролевые игры и психодрама». — М., 1993, Г. Лейтц, «Психодрама». — М., 1994 (В К.).

345

игру. Но он не относится к роли равнодушно. Просто он не вкладывает в нее страсти. Для человека, прошедшего психоаналитический курс, либидо не устремлено на укорененные, повторяющиеся процессы.

Про иных людей говорят: «Он гораздо менее чувствителен к фрустрациям». А что такое фрустрация как не сознание, что в детстве тебя поощряли меньше, чем другого, как не ущемленность из-за общего порядка вещей, из-за детского бессилия, из-за того, что ты был таким, а не другим, что не был сыном соседа, который на вид казался добрее, чем твой собственный отец, и т. д. После анализа человек видит в этом лишь случайные и не очень важные обстоятельства, которые, конечно, в свое время структурировали его личность, но воспоминание о них не причиняет ему никакой боли — прошлое словно заволакивается дымкой, к которой не примешивается сладостная ностальгия. Жизнь в группе пробуждает эту ностальгию; это оказывается занятой игрой. Человек уже не может быть ни плохим игроком, ни хорошим. Он просто игрок. Он входит в группу, а его либидо привязано лишь к настоящему, к тому в сегодняшнем дне, что готовит день завтрашний.

345

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ УТОПИИ НАЗАВТРА

Вся власть воображению детей

«Дети находятся у истоков знания. Они метафизики. Именно они задают настоящие вопросы. Как исследователи. Они ищут ответы.»

«Надо еще создать жизненное пространство. Рационально организованное жизненное пространство, которое бы благоприятствовало общению между индивидуумами.»

Франсуаза Дольто

Глава 1 ИГРА ВО ВЗРОСЛЫХ

В ДОМЕ ДЕТСТВА

Во Франции безоговорочные защитники семьи как ячейки общества с большой опаской встречают такие системы коммунальной жизни, при которых дети на некоторое время отделяются от родителей. Для них социализация ребенка равносильна его фрустрации. Опыт доказывает обратное. Душевное расстройство может быть вызвано и жизнью в семейных стенах. Клара Мальро, наблюдая детей, воспитанных в кибуце (Израиль)', которые видят родителей только по вечерам, пришла к заключению, что дети в них, выведенные из-под опеки матери и зависимости от нее, имели прекрасное речевое развитие и были очень хорошо социализированы. Она проводила опросы многих психологов и воспитателей в Израиле. По их мнению, такой расцвет личности ребенка объясняется богатством отношений между детьми".

Дети в кибуцах избавлены от ничем не ограниченной власти взрослых. С 18 месяцев они оказываются в обществе только сверстников — даже ночью. Спать они могут, когда захотят, могут уходить, приходить, когда захотят. Очень рано берут в свои руки Инициативу по самообслуживанию: сами едят, моются, ложатся спать, Играются в огороде, играют. Родители делают для детей игрушки — собственные орудия труда в миниатюре: приспособливают старые давший, мотороллеры, плуги и другой сельскохозяйственный инвентарь, — все это приносится на детские площадки. Дети играют в своего папу на тракторе, в маму — на поле, правда, все эти аршины не работают, и из них убрано все, что может представлять

• Кибуц — коллективная, добровольная община, в основном сельскохозяйственного правления. Создавались начиная с 1909 г. Дети, почти во всех кибуцах, живут в деских домах, где они спят, играют и обучаются, где с малых лет их приучают жить в коллективе.

" *Civilisation du kibbouti*, Clara Malraux, Gonthier.

349

для детей опасность. На детских площадках воспитанники кибуцев имитируют рабочую активность родителей. В домах малютки (для детей младше 18 месяцев) есть воспитательница, которая за ними смотрит, но детям предоставляется полная свобода действий, воспитательница только следит, чтобы дети

друг друга не поранили, разговаривает она с ними, как со взрослыми — как и должен разговаривать с детьми любой взрослый — не выясняя, кто прав, кто виноват, проговаривая мотивацию поведения детей и рассматривая ситуацию с разных точек зрения. С родителями же дети встречаются ежедневно, с ними они часа два в день, как минимум, с 5 до 7 вечера. Здесь-то и становится видна разница между долгом в общении с ребенком и желанием с ним общаться, родители, не склонные много разговаривать с детьми, отправляются сразу на кухню — за молоком, вкусными вещами, другие — напротив, вместе с детьми рассматривают семейные фотографии и что-то им рассказывают, или играют с ними. При таком общении у детей быстро расширяется словарный запас, и, надо заметить, в таких семьях не только мать занимается детьми, отец тоже. Это очень важно. Родители, которые сводят свое общение с детьми только к пичканию их едой, немало удивлены, когда узнают, что вечером, буквально через четверть часа после того, как дети были накормлены и ели дома пирожные, в кибуце — вновь приступают к еде. «Как они могут есть дважды кряду?» У детей ответ есть: «А это не одно и то же — есть дома, у родителей, и — тут, у нас». У детей из кибуцев анорексии нет. Чего нет — того нет, зато стянуть кусочек-другой отчего-то не прочь очень многие из них.

Евреи практикуют наложение запретов на некоторую пищу, но выдерживая запреты, они не требуют того же от маленьких детей, надеясь, что, повзрослев, те сами последуют им. Ребенку в этом (оральном) плане можно все. Вырастая же, дети жаждут слов, очень хотят учиться. Дети из кибуцев насторожены в отношениях с родителями, которые не вникают в их нужды, не обсуждают с ними их насущных проблем. В традиционных еврейских семьях очень трепетно относятся к детскому сну. В кибуцах, в своем доме, дети, бывает, встают по ночам, и вполне могут пройтись по - спальне, никого здесь это не беспокоит: каждый следует своему ритму, именно поэтому и не заставляют малышей спать, когда те не могут этого. Над ними нет власти взрослых. Только к 13-14 годам, а то и

- Анорексия — болезненное отсутствие аппетита (В К)

350

позже, дети обретут тот же ритм сна, что у взрослых. У некоторых он образуется к восьми годам, у кого-то — только к тринадцати. Когда я как-то нанесла визит в кибуц во второй половине дня, в «отпускное» для детей время, я была изумлена: в своем доме, в свободное время, они валяются на кроватях: кто спал, кто читал. Мне объяснили: «Вы знаете, всем детям претит постоянно быть общностью, день-другой они очень довольны побыть вне ее, а потом они снова приходят в общий дом. Здесь им дана полная свобода; это — их дом, здесь они делают то, что они хотят. Им не скажут: "Нет, нет, еще не время сна — ложиться рано". Хотят улечься — они укладываются, когда это день отпуска; в другие дни ритм жизни задает им школа».

Те, кто создавали кибуцы, пионеры Израиля, взрослые, не обремененные семьей люди, создав образчик, возможного общежития, преподали обществу удивительный урок: так может быть в любом обществе. Правда, открыв первый кибуц, они не подумали о будущих детях! И опыт, имеющий скорее положительное, чем отрицательное значение, изначально был подвержен видоизменениям, так как в кибуце не предусматривалось места для детей. О взрослых позаботились, а о детях забыли! Общество без детей — великая утопия. Постулат был почти абсурдным — забыть, что когда занимаешься любовью, могут быть дети. Ну, и начали в этих местах рождаться дети. «Как же быть?» — задумались первые переселенцы. А модель уже была, и по ней можно было попробовать устроить рядом с деревней взрослых деревню детей. От избытка желания сделать на сей раз все очень хорошо и без ошибок они, пожалуй, и допустили ряд промахов, слишком все заорганизовав, подойдя ко всему не в меру рационально.

Например, собрать вместе детей из двух или трех кибуцев — это было бы ужасно. Детям непременно нужны кровные связи. Это понимаешь, когда приходишь в кибуц. Гидами выступают дети от 7 до 9 лет. Во время посещения они так рассказывают о других детях: «Посмотрите, вон та девочка с вязанием в руках — моя сестра. А там, большой мальчик — это мой брат, третий, а я — четвертый. А самого маленького брата тут нет. Если встретим, я вам его покажу...» Дети знают своих братьев и сестер и рассказывают о них посетителям; они словно знакомят гостей с маленьким бунгало своих родителей. Они совсем не без рода, без племени, и так здесь

351

себя и ощущают; все названы и сохраняют тесные родственные связи с братьями и сестрами из дома, в котором не живут, но где встречаются у родителей в определенное время.

Во всех трудах по воспитанию уделяется слишком много внимания связи ребенка со взрослым. История же взаимоотношений детей между собой до конца не изучена.

Но именно эти взаимоотношения доминируют. Ими я и хотела заниматься в Мезон Верт. Нельзя при этом забывать, что отношения между детьми должны происходить через посредство матери или отца. Кстати, в кибуце это сохраняется. Пока ребенок маленький, мать обязательно присутствует на одном из кормлений — утреннем или вечернем, и так продолжается до тех пор, пока ребенок не начинает есть

самостоятельно. С этого момента мать здесь уже никто не замещает, воспитательница просто следит за детьми, но у нее нет над ними никакой власти — только мать и отец иницируют; детей в социальную жизнь. То же самое могло бы быть перенесено и в школы: если бы преподавателей готовили как медиаторов, то главным в школе стало бы обучение детей отношениям между собой. А также — со взрослыми, облеченными властью; эти взрослые, выбранные родителями, должны были бы получить профессиональную подготовку для того, чтобы осуществить отъединение детей от родителей. До того момента, как ребенок окончательно станет субъектом, в нем сохраняется некая часть Я-объекта, и в этот период, когда он еще является объектом субъекта — матери и только учится сам стать субъектом, живет между отцом и матерью, ребенку совершенно необходимо, чтобы его отец или мать лично доверили его как объект новому субъекту — воспитателю, который лишь замещает родителей, но ни мать, ни отец не является. И тогда этот ребенок — папин и мамин субъект, который находится в процессе идентификации со своим телом и который на время от родителей отъединен, становится субъектом во взаимоотношениях с учительницей, повторяю, субъектом, а не боязливым объектом среди других объектов, которые воображают, что учительница имеет над ними неограниченную власть. Некоторые

• Посредников.

352

учителя и учительницы очень хорошо осуществляют этот отрыв ребенка от родителей, особенно в деревне, — у них есть время поговорить с родителями, когда те приходят за ребенком; они общаются, и у детей исчезает противопоставление. Эти сельские учителя не являются для своих подопечных чем-то мистическим. В городах же учителя для учеников — некая абстракция. Они, подобно мировым судьям, устанавливают для них нечто, напоминающее юридические санкции: «Это — разрешено, это — нет», «Имеешь право, не имеешь права», и как вытекающее — плохие или хорошие оценки, уроки, задания — санкционирование) все. Даже успех! Впрочем, провал в этом случае санкционирован тоже.

В городских общественных школах учеников не рассматривают как субъектов, связанных со своими родителями, детей там делают безликими. Правда, стараются исправлять это всякими мелочами — праздниками матерей или отцов, что еще вреднее. А если нет матери? Или мать ушла и не видится со своим ребенком? Никому нет дела до того, что дети в тех случаях делают в подарок для такого праздника, а стоило бы обратить на это внимание, потому что в этот момент происходит нечто очень важное. «Ты делаешь это для мамы, для той мамы, которой у тебя больше нет, но если бы она была, то была бы рада получить этот подарок. Она была бы рада подарку, и в твоём сердце она по-прежнему есть. А мы посмотрим, что сделаем из этих подарков для мам, которых больше нет.» Или можно найти фотографию мамы и сказать: «Видишь, ты даришь это маме, я — свидетель... Это — не мне подарок, я только твоя воспитательница. Это подарок маме, которая произвела тебя на свет. Если ты хочешь, можешь сделать подарок и для нынешней жены твоего папы, но этот подарок — для мамы». Так же можно действовать и если у ребенка отчим, временный или постоянный.

Праздники отцов и матерей могли бы стать уроками постижения ребенком понятий родственности, сексуальности, конечности жизни и посвящением его в понимание того удовлетворения, которое возникает от ответственного физического союза двух взрослых людей.

«Отрыв — это слово может настораживать, если его воспринимать буквально и прямо, видя в нем угрозу эмоционального отрыва, разрыва связи «ребенок-родители». Но переход из состояния субъекта — созревание, обретение «Я» и т. д. — предполагает переход к тем зрелым эмоциональным связям, которые возможны лишь при отрыве от жизненной зависимости, физическая пуповина перерезается при рождении существа, эмоциональная — при рождении зрелого «Я» (В. К.).

353

Воспитание, которое в настоящем значении этого слова призвано привести ребенка от первозданного естества к культуре, должно бы было — и должно именно через школу, прояснить значение родственности, понятие права, законов о браке, родителях, усыновлении.

А какими становятся дети, воспитанные в кибуцах? Лучшие ли они адаптированы, чем те, кто вырос с папой и мамой?

Из всех кибуцев, которые я посетила, только в одном царил гармония — в том, где все его члены были объединены общим интересом: музыкой. В остальных дети трудно переживали свой переходный возраст. Поскольку у них не было перед глазами примеров для подражания, они так и не научились противостоять соблазнам внешнего мира. В кибуце нет примера сексуальной жизни родителей; дети живут там как монахи или светские анахореты. Молодежь выходит из кибуца без денег, юноши и девушки поступают в высшее учебное заведение, а по субботам и воскресеньям, как в укрытие, они возвращаются в свой кибуц — в безопасность. Ответственные лица быстро на это отреагировали и стали организовывать обмен классами или детьми одного возраста между кибуцами. По субботам и воскресеньям во время этих встреч дети знакомились, потом писали друг другу, завязывались отношения вне кибуца, которые могли развиваться и дальше. В противном случае дети в кибуце были совершенно изолированы от внешних влияний и, попав в

учебное заведение, только и думали, как бы снова увидеть тех, кто был с ними в кибуце, а теперь учился в другом месте. Эти дети старались воссоздать псевдородственные группы и в другие отношения не входили, жили вместе как братья и сестры. Были даже случаи отторжения от общества после кибуца. Этот опыт характерен исключительно для Израиля, но он только подтверждает те условия, которые были выявлены психоанализом как необходимые для того, чтобы включиться в жизнь общества.

Кибуц может обезопасить ребенка от чрезвычайного родительского протекционизма, но он лишь откладывает на более дальний срок проблему изоляции от общества: с детского возраста она переносится в кибуц на подростковый, и у подростков возникают свои сложности при перемене образа жизни. Однако Дома детства не теряют своей животворной силы. Отчет Бруно Беттельхайма о наблюдениях над детьми из кибуцев достаточно позитивен в том, что касается раскрытия у детей чувства ответственности, как у девочек, так и у мальчиков.

354

В Домах детства у воспитанников есть свой птичий двор, свои козы, свой маленький огород, и они заботятся о том, чтобы огород этот давал урожай; дети ведут счета — расходы, корм животным, рецепты, как продавать, и чтобы — с доходом... На их детском уровне есть и свое агрономическое предприятие. Встают дети в любое время дня и ночи. Единственное, что регулирует их жизнь — это их собственное чувство ответственности. Власть взрослых на них не распространяется. Взаимоотношения между детьми превалируют над давлением взрослых. Взрослых нет в Доме детства. Однако это не мешает детям играть во взрослых, они у себя дома делают то, что взрослые у себя. Мораль их поведения — та же, что и у взрослых: нужно зарабатывать деньги, чтобы предприятие заработало, и нужно, чтобы оно приносило доход. Тратить больше, чем получаешь, — нельзя. Таким образом, дети учатся организации управления на манер общинного капитализма.

До трехлетнего возраста дети развивают свою ответственность за себя самих, затем развиваются поведенчески. Они свободны в организации своего времени. А это умение означает и то, что дети научились управлять своим желудком, телом. Никто никогда ни к чему их не принуждает. Еда — в определенное время; дети или едят, или — нет, никто их не заставляет. И у них нет анорексии. Но, как на грех, в одном из кибуцев, который я видела, было заведено, что когда дети заболели, им разрешалось уходить домой, к родителям, и матери там за ними смотрели, а не сами приходили в амбулатории (а это дозволено, когда дети болеют)... В этом кибуце дети могли ночевать дома, если болели. Ну, так вот, именно в этом кибуце до 7-8-летнего возраста было очень много психосоматических расстройств. Вот ведь как — болячка-неболячка, что-то вроде «тошнит», «болит живот», «болит голова», «бобо», «устал» — и сразу к маме. А последнее, оказывается, и самой маме доставляет удовольствие. Это тоже имеет отношение к Эдипову комплексу. Потом, в 8 лет все болячки кончались. Болели столько же, сколько и в других кибуцах, то есть мало.

Глава 2

ШКОЛА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ И ШКОЛА НА ВЫБОР

В ОВЧАРНЯХ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Для меня было ужасным — я пережила это в последних классах школы — дробление времени занятий, деление школьных предметов на кусочки, расписание в лицах. Возможно, конечно, меня это угнетало с непривычки, хотя... Такое «деление» не поддается детскому разумению, оно разрушает личностные жизненные ритмы ребенка, а это вредно.

Я не ходила в лицей; до экзамена на степень бакалавра занималась дома и раз в неделю отправлялась на занятия — французский, литература, диктант, сочинение и т. п., а потом — еще один день для точных и естественных наук. Было время поработать со словарем, задание можно было отложить и не создавалось ощущения, что время прошло, а задание не выполнено. Ужасно, когда едва войдешь во вкус работы со словарем, его нужно тут же откладывать в сторону. Открываешь, чтобы найти одно слово, а тут же оказываются и другие, новые — интересно. Большинство детей не притрагиваются к словарю потому, что он — совершенный орган фрустраций: только увлечешься — надо тут же откладывать и выполнять задание. Но когда задания к предстоящему занятию надо готовить только два раза в неделю, появляется время и на словарь, и на многое другое. Например, в книге для чтения, помимо стихотворения, которое задано, есть и другие стихи. Что ж, урок еще через три дня — можно и почитать! А заданное выучу или сегодня вечером, или завтра. Время есть — целых три дня.

Когда в начале года я получала учебники, то сразу же их читала от корки до корки, и мне казалось глупым, что их делят на части по десять страниц. Для меня интересно было все! Бывало, наступает июнь, а я уже знаю, что проходят в июне, потому что я делала, что надо, в первые месяцы, но интересовало меня то,

что в конце книжки. И почему ученик не может начать с конца? Конечно, в

356

геометрии, например, это невозможно, — и хорошо! Для меня это было открытие: вторую часть без первой не поймешь. Обнаружила я это, читая книги с любого места, начиная, конечно, с предисловия. И если я читала в предисловии: «Я решил поставить глагол X перед глаголом Y», я начинала искать глагол X. Зачем? Предисловие заставляло меня размышлять. И книга становилась произведением автора, который задумал его и сумел после множества вопросов что-то создать для учеников.

Что значит «назначенное время», мы узнавали раз в три месяца: на этот день и час назначалось сочинение — за ограниченное время мы должны были сделать то, что дома делали, как выходило. В большинстве школьных учреждений приходить вовремя — обязательно, иначе не допускают до уроков. Но три-четыре минуты опоздания, это скорее — норма. В Великобритании директор школы в Саммерхиле поделились своим нововведением: любой ученик может не приходить на урок, но уж если пришел — должен быть вовремя. Хорошая идея, действительно! Ну, а если в этот день ученик хочет прийти, но опоздал на пять минут? В класс ему уже не войти. Мне кажется, что это скрытая тирания. Вместо того, чтобы учить, что поведение одного не должно влиять на поведение других, ребенка воспитывают по стадным меркам. А стадное чувство далеко не гуманно: оно низводит человека до уровня социального животного. От орды к стаду. Школы — овчарни баранов Панурга*. И людей учат, что поощрение этого стадного инстинкта и есть нерв системы воспитания, тогда как приведение к состоянию социальных животных должно быть запрещено... Общайтесь с другими, но не повторяйте друг друга: не делайте одно и то же — ни одно и то же задание, ни один и тот же пример. Почему ученики в классе решают одни и те же примеры и у всех одинаковые книги? Допустим, та же самая тема для сочинений предлагается один, два, три раза в год оттого, 410 так легче проверять их преподавателю. Но в остальное-то время отчего ж не даются ученикам разные упражнения, которые позволят им применить на практике то, что усвоил каждый. И всяк по-своему. Зачем делать все одинаково? Так удобнее учителю, но учитель-то в школе не для этого, в школе главное — ребенок. Ритуально-священный принцип одного расписания для всех и точного его соблюдения также не выдерживает критики. Аргумент педагогов, согласно

* Бараны Панурга (Панургово стадо) — выражение, обозначающее дух слепого подражания. (Памург — герой книги Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».)

357

которому ребенок, опаздывающий в школу, всегда будет опаздывать на самолет или поезд, несостоятелен. Ребенок сам разберется, что к чему. Когда один раз опоздает на поезд или на самолет, он примет решение приходить вовремя. В действительности же скрывается другое: стремление преподавателя быть в классе «вторым после Бога» — непререкаемым авторитетом, хозяином. Отсюда и игры, рассчитанные на одноклеточных: «Бери пример с другого». Нет! Уважительно обращаются иначе: «Ты можешь брать пример с учителя, если хочешь...», и пусть учитель никогда не опаздывает. Именно таким образом он дает пример начала занятий в точно указанное время, а другие, если опоздали, это их дело... Но почему учитель сердится оттого, что кто-то опаздывает? Ведь другие приходят в назначенный час, им интересно? Это гнев, выдающий плохого преподавателя. Он боится, что недостаточно интересен аудитории, что не в силах ее покорить. Вот настоящая причина преподавательского гнева. «Обучение» пунктуальности лишь предлог. Никто не захочет ничего пропустить, если интересно...

Если ребенок любит то, что делает, он не хочет этого бросать. Есть и такие дети, которые, чтобы ни на секунду не отрываться от рассказа учителя, писаются в штанишки. Но если ребенок просится выйти с урока, глупо не разрешать ему. Тем более сейчас, когда дети не привыкли сидеть на месте... На переменках они так торопятся бегать, развлекаться, что забывают сходить в туалет. Возвращаются в класс и — вдруг хотят писать. Один учитель младших классов пришел ко мне за консультацией, так как директор школы, где он работал, запретил детям появляться в коридорах во время уроков. Так он распорядился. Учитель счел это необдуманным. Я поддержала его и предложила такой выход: «Оставьте распоряжение в покое. Директор преследует одну цель, вы — другую. Предупредите детей:

господин директор запрещает; встретите его — будут неприятности, но не запрещать же мне вам ходить в туалет. Конечно, лучше, если бы вы это делали на перемене, но, я понимаю, там так интересно, что вы лучше поиграете, чем пойдете в туалет. Значит, не шумите, если приспичило — идите, но тихо возвращайтесь и не беспокойте других». Учитель возразил, что в этом случае есть опасность, что весь класс один за другим отправится во время урока в туалет. «Может быть, если им неинтересно с вами, — сказала я. — Но вряд ли. Мне кажется, поговори вы с ними таким образом, они вам поверят и сами будут за собой следить». Учитель был шокирован тем, что дети настолько невнимательны на уроке,

358

что то и дело они вспоминают, что не сходили в туалет, но вместе с тем, он считал, что лишь навредит им, если не разрешит этого делать. В конце концов, если на уроке детям скучно, то, даже издеваясь над ними,

внимательными быть не заставишь.

И этот учитель, хотя и была опасность, что его неверно поймут, решился пойти против распоряжения директора; он отреагировал так, как человек, назначение которого в том, чтобы пробудить интерес в каждом ребенке. Ходили в туалет с урока недолго. Через неделю ученики сами настроились не выходить из класса во время урока. Многие преподаватели поддерживают запреты в распорядке школьного дня только из-за боязни этого момента истины, который выявляет действительную меру интереса к их урокам: если внимание учеников не завоевано, они свободно покинут класс. Преподаватель, не вызывающий симпатии у учеников, наверняка не сумеет увлечь аудиторию. Стало быть, во-первых, следует позаботиться о том, чтобы у каждого была возможность жить в соответствии с общепринятым понятием «симпатичный»... Ну, а дети, если их заинтересовать — слушают.

Во многих школьных заведениях ходят, опустив голову. Возможно ли утверждать в таком случае, что это место для получения и усвоения знаний, когда тот самый человек, который призван всячески способствовать процессу обучения, просто-напросто мешает естественным ритмам ребенка, вынуждая его тело принимать напряженную мускульную позицию, а, заставляя ребенка терпеть во время урока, наносит вред его внутренним органам? Ребенок только и думает о том, что нельзя. Естественно, еще меньше при этом слушает учителя, который делается ему все более и более неприятен. Чтобы угодить этому садисту, он должен стать мазохистом. Вновь приходит на память история с запретом выходить из класса; я прекрасно понимаю того директора, который ввел это правило. По сути, административная работа и есть установление правил. Но дело каждого учителя суметь применить данное правило к тем, за кого он отвечает, так, чтобы оно не приносило им вреда. Не человек для правила, а правило для человека. Если бы образование учителей включало в себя обучение умению служить детям (быть посредниками), то никакое правило не могло бы превратиться для них в тот барьер безопасности, за которым они превращаются в чиновников, видящих не хороших, средних и плохих учеников в зависимости от их успеваемости, а учеников-роботов, которые похожи один на другого.

Здесь справятся и обучающие машины. От них, по крайней мере, не ждешь ничего человеческого... А на существо, принадлежащее к роду человеческому, надеешься!

359

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПИТАНИИ

Пришло время обозначить границы в выборе. Какова народная воля? К чему расположено общество? Какова его конечная цель? Либо хотят неминуемо привести иерархическое построение общества к разделению на тех, кто отдает приказы, и тех, кто их получает, либо хотят раскрыть в нем все возможности человеческого существа, чтобы в 13-14 лет каждый мог выбрать, чем он хочет заниматься соответственно своим возможностям и склонностям. В этом случае образование должно расстаться с авторитаризмом. Такова альтернатива, вот только известно ли, чего в действительности хочется? Я думаю, что нет, когда слышу, как люди, разочарованные или циничные, подтверждают ход моих мыслей: «Да то воспитание в раннем возрасте, за которое вы ратуете, будет формировать людей думающих, а нашему миру, в действительности, нужны те, кто подчиняется, а не думает».

Массовость образования заставляет политиков все более опасаться молодежи. Почему не думали о последствиях обязательного школьного образования до шестнадцатилетнего возраста те, кто его поддерживал? По всей видимости эта система имела смысл до тех пор, пока количество школьников не начало превосходить определения, квоты. Но с того момента, как число тех, кого надо учить, возросло непомерно, система начала задыхаться. Ну и соответственно результат — люди предпочитают «быть как все» и ни о чем не думать, — такова селекция.

Устраняются таланты, вдохновение, желания, потому что масса вгоняется в систему, не предусматривающую подобного и не соответствующую более нашим средствам коммуникации. Молодое поколение можно интеллектуально инициировать и множеством других способов в этот процесс могут быть вовлечены и радио, и телевидение, и выставки, в том числе и достижения механики, которая облегчает труд; одновременно с этим возможно формирование характера и физического развития, сноровки, смекалки, предприимчивости, намыта и умения управлять своими чувствами.

Можно ли реформировать государственную школу?

Нужно набраться смелости и сказать наконец, что нынешняя концепция школы не приспособлена для детей до определенного

360

возраста. Надо придумывать что-то новое. Претендовать на то, что школу возможно «сделать более гуманной», пожалуй, так же утопично, как хотеть сделать «гуманной» войну. Никогда не сделать войну более гуманной! Ее возможно вести на более высоком техническом уровне, возможно — сделать более

ужасной, но вот, наверное, и все, что можно предпринять. Войны гуманитарной не существовало никогда.

Я так и не пришла к заключению, может ли вообще государственная школа, не изменяя своей сущности, превратиться в дом для ребят; та школа, которая уже давно не изменяется, где экономические рычаги определяют все, реализуясь через соревнование. Нет, изнутри такую школу не переделать.

Если среднее образование не изменится, то уже «благодаря» будет хотя бы отдалить время обязательного в нее поступления. Можно, однако, представить себе школу открытых дверей. Почему бы не отмечать ступень за ступенью умение приобретать звания с того момента, как у ребенка открывается желание их приобрести? Почему нужно, чтобы все учили одно и то же в одно и то же время? Возьмем, например, обучение чтению. Как много детей поступает в школу, не умея читать. И они блокированы. Но ведь они знают и умеют что-то другое. Однако, раз не умеют читать, им придется по часу в день оставаться в классе и учиться читать, читать и читать, — только это. А почему бы не оставить это до того момента, как будет проверяться беглое выразительное чтение? И после того, как такое чтение сдано, выбирай, что хочешь. Историю, географию, экономику. Действительно, почему бы и не экономику в 8 лет? Почему не танцы? Не живопись? Не музыку?

Программу на выбор. Образование «по мерке», в каком-то смысле персонализированное, в котором проходят ступень за ступенью, что отмечается экзаменами, на которые ученики записываются, когда чувствуют, что готовы к ним. В течение всего года.

ШКОЛА «ПО МЕРКЕ»

В 1935 году Психобиологическая лаборатория изучения ребенка (Практические курсы Высшей школы). Коллеж де Франс, под руководством Анри Баллона провела изучение неуспевающих учеников в средней школе, и после сбора информации одно учебное учреждение, выбранное исследователями, вышло с предложением снова принять «детей с нормальным умственным развитием», которые в

361

принципе могут поступить в высшее учебное заведение, но не учатся или плохо учатся по многим дисциплинам». Андре Омбретан, которому было поручено проведение исследования, так заключил свой доклад: «Вместо того, чтобы в одном и том же школьном учреждении множить одни и те же типы классов, в которых смешаны все учащиеся, было бы предпочтительнее создать различные классы, адаптированные к возможностям основных психологических типов школьников, то есть то, что Клапаред называл *школой по мерке*».

Последовали ли этим советам преподавательские союзы, система национального образования? Или они усмотрели в них лишь угрозу своим привилегиям? Чиновники системы национального образования оцениваются и оплачиваются в зависимости от того, в каких классах преподают (преподаватели старших классов — выше, чем те, кто преподает в младших). Таким образом, выходит, что ополчаешься на настоящее феодальное государство, которое живет в соответствии с политикой наибольшего собственного удобства и наименьших сложностей для себя. Преподаватели, которые действительно хотят стать педагогами, истинными друзьями учеников, исполняют миссию. Теперь такое встречается все реже и реже. В учителях несформировано умение «вести за собой», их не готовят как руководителей. Именно поэтому стоит только предложить им покинуть кафедру и выйти в класс, как они уже не знают, что делать со своими руками и ногами, боятся, ничего не могут. Не могут организовать пространство и жизнь в этом пространстве. А школьные начальники начнут придумывать правила безопасности. В коллежах двери закрыты с 16 часов до 24. И речи нет, чтобы остаться в школе для чего-нибудь, — там некому присмотреть за детьми, чтобы ничего не произошло

Образование все более и более бюрократизируется, и поэтому идеи его индивидуализации трудно применить на практике. Даже если сознание учителей будет готово к подобным изменениям. Министерство национального образования считается наиболее закостенелым. Наибольшее количество изменений в нем происходило во время наиболее стабильных политических режимов, при де Голле, например. И все они ни к чему не привели

Школьные программы, при которых все дети должны быть одинаковы и их знания должны соответствовать определенному уровню,

362

негуманны. Есть дети, способные к математике, они и в 9 лет могут решать задачи, которые другим под силу в 16. Есть дети, которые уже в 10 лет способны понять, что такое управление в экономике. Я бы предложила ввести дипломы — по главным дисциплинам — I, II и III степени, получить которые ребенок может в любом возрасте.

Я вижу таких детей, умирающих в школе от скуки, например, тех, кто уже умеет читать, а все равно должен сидеть в подготовительном классе и талдычить одно и то же. Им хочется на уроке читать. Так нет же, они должны выделять из текста существительное, прилагательное, глагол, искать дополнения... Есть и дети, обожающие грамматику; почему же не ввести экзамены по разным уровням знания грамматики? I, II,

III уровень, а после того, как сдан IV-й, грамматикой больше в школе не занимаешься, но продолжаешь для себя и становишься ученым-грамматистом. Почему бы нет? Но в школе выше уровня III и IV грамматику уже не преподают.

Некоторые дети в математике — ноль, и поэтому не могут перейти в следующий класс, хотя успевают по литературе, и по географии, и по истории. Для них еще придет время математики, а не придет — так и ладно!

Детям же предлагается быть во всем одинаковыми, и это чудовищно! Так же одинаково безвкусно бывает меню, составляющие которого нужно проглотить независимо ни от чего. И это отбивает интерес, упраздняет любопытство, стремление что бы то ни было делать своими руками и головой, развиваться самостоятельно.

Вероятно, какой-то выход может предложить развивающаяся технология, обучающие машины. Но в этом случае необходимо следить, чтобы не сокращались контакты учителя с учениками и чтобы учитель не перестал быть руководителем, не превратился бы в простого распределителя знаний. С любознательными учениками учителя, предположительно, должны будут разговаривать так: «А вот вы располагаете всеми возможностями поискать, подумать самостоятельно, — думайте, изобретайте, ищите, о результатах поиска доложите»; короче говоря, преподаватель должен оставаться руководителем поисков, быть рядом, обладая способностью направить в нужное русло любознательность и усилия детей, заинтересованных воспользоваться случаем и покорить свои выбранные самостоятельно «ступени».

Представим себе, что в некоторых школах можно весь год сдавать экзамены на ту или иную ступень по всем дисциплинам. Ученики бы по своему желанию записывались на них вне зависимости от

363

возраста, а сдав экзамен, получили бы диплом определенной степени, например, IV-й — по математике, V-й — по истории, III-й — по танцам, V-й — по политической экономии.

Людам нет смысла всю жизнь заниматься теми предметами, которые их заставляли учить. Именно поэтому я и утверждаю, что дети, которым нравится определенная дисциплина, могли бы только ею и заниматься в течение года, и они достигай бы в этой дисциплине — географии ли, рисовании — высоких показателей.

Чтобы начать внедрение в жизнь такого изменения школьной системы, не понадобится фундаментально перестраивать само национальное образование — университеты выпускают достаточно специалистов, которые могли бы стать руководителями таких школьных исследований. Волонтеры объединились бы вокруг одного проекта, и тогда школа впервые смогла бы действительно отвечать требованиям полноценного образования детей и приобретения ими знаний. Государство создало бы постоянный центр по проверке уровня знаний учащихся (а также и навыков ручного труда — столярного дела, слесарного). Возникло бы место, где можно постоянно проводить экзамены, одно — для всех регионов. И после этого Центра дети независимо от возраста могли бы иметь дипломы разных степеней по разным специальностям, в подтверждение чего получали бы «билеты», которые выдавались бы им по месту учебы. И так как дети часть времени работали бы самостоятельно, школы должны были бы измениться тоже. Сами дети выбирали бы себе книги, которые рекомендовали бы им учителя и эксперты, руководители данной дисциплины, или брали бы их в библиотеках, мастерских. В этом случае школы действительно стали бы родным домом для юношества, их домом.

Дети могли бы заниматься не только в школе для подготовки к той или иной дисциплине.

Ничего бы в основе не менялось, потому что в области образования невозможно существование единого мнения. Но такой Центр мог бы иметь общеевропейское значение, и преподавание по разным дисциплинам вполне могло бы вестись на разных языках. И возможно, заглох бы конфликт между частным образованием и государственным.

Посещение традиционных уроков было бы факультативным. Все равно остались бы школы, работающие по-старому, со старым расписанием, потому что родители «ретро» хотели бы, чтобы их дети получали такое же образование, как они сами. Но было бы достаточно и других школ, где посещение уроков было бы не обязательным,

364

за исключением тех предметов, которые выбрали бы сами дети и подтвердили бы на определенное время свое посещение.

А если хочется сохранить классы, ученик смог бы их «перепрыгивать», сдавая тот или иной предмет, как это принято при обучении музыке, в консерватории.

Не нужно замыкать ребенка исключительно в понятие «детство», нужно было бы создать министерство Молодежи, в котором бы воспитание было разграничено с образованием, приобретение знаний — с формированием личности. Но обычно воспитание и образование не разграничивают, и образование являет собой сплошной инструктаж.

Невероятно, но факт, до какой степени человек любопытен, на удовлетворение своего интереса он не жалеет никаких сил, хотя, зачастую, предмет и не стоит того... Любопытство, как аппетит — им не покомандуешь.

Воспитание могло бы быть доверено министерству Молодежи и Спорта, которое отвечало бы за формирование тела и духа. И здесь должны бы были быть «задействованы» все уровни культуры: музыка, танец, искусства, включая и технические, физическое совершенствование, умение делать что-то руками, интеллектуальные дисциплины. Да и не только те дисциплины, по которым должны вручаться дипломы. Ребенок или подросток мог бы заниматься и многим другим, будь только у него на это время, желание и человек, который захотел бы с ним работать в этом направлении.

То же, что выходит за рамки национального образования, стало бы относиться к министерству высшей школы, которое должно было бы взять на себя контроль за уровнем знаний, образование взрослых и систему непрерывного образования, в частности, подготовку не только педагогов-воспитателей, но и педагогов-специалистов высокой квалификации в своей области знания; возраст в приобретении знаний той или иной ступени — не помеха. К примеру, ботаника: есть люди, буквально пылающие страстью к растениям... Не исключено, что именно эта странная склонность позволит им стать очень знающими в этой области; аналогично в отношении страсти к зоологии, биологии, химии, физике и ее подразделам, причем для этого вовсе не обязательно углубленное изучение общих дисциплин. Нужно видеть увлеченность, с какой дети смотрят фильмы о животных! Ученик же, проявляющий повышенный интерес к дисциплине, отсутствующей в программе начальной или средней школы, обязан проводить дни напролет на уроках, которые его не интересуют, и только вечером заниматься тем, что надо и хочется ему.

365

МОЖНО СТАТЬ УМНЫМ И ДО ТРИНАДЦАТИ ЛЕТ

При современной школьной программе, основанной на едином обязательном образовании, ученики, которые «перескакивают» через класс, рассматриваются как некие «феномены». И средства массовой информации подают их, как некогда — ярмарочные чудеса. Но случаев таких предостаточно, и они бы множились, подзадоривая и поощряя детей к таким «переходам» по предмету, который наиболее для них притягателен; при этом должна быть возможность легко заменить предмет, когда желание себя исчерпало. Вот несколько примеров из сотен подобных. Юный гражданин одной из республик СССР, будучи 10 лет от роду, поступил в университет. В 2 года он обнаружил необыкновенную тягу к знаниям. Обладая сверхспособностями к математике, в 8 лет он занялся генетикой. В Калифорнии, дети-компьютерщики, очень рано засевающие за клавиатуру компьютера, открывают своим сверстникам и взрослым бытовую информатику. Один француз в 15 лет с помощью простого калькулятора смог совершить такую математическую операцию, которая повергла в изумление изобретателей. В Нью-Йоркском университете тринадцатилетний Стивен — блестящий информатик. Это отнюдь не мешает ему быть актером. Рут, десятилетняя англичанка, с очень хорошими результатами поступила на математическое отделение в один из оксфордских колледжей. Француз Жан Р., 6 лет, — музыкант, график и фотограф. Пьер Т., получивший аттестат зрелости в 11 лет (бакалавр, на севере Франции), стал экспертом на Бирже, к этому он так и стремился с 6 лет.

В раннем интеллектуальном развитии маленького человека нет ничего удивительного, если учитывать, что мозг, вершина человеческого существа, при рождении наиболее зрел, нежели тело. От 0 до 10 лет — возраст желаний, он не предполагает ограничений. В этом возрасте легче следовать своим природным склонностям. Ребенок либо углубленно изучает какую-то одну дисциплину, либо — все сразу, что свойственно каждому из нас, но более ребенку, чем взрослому.

Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что такой подход к школе, возможно, мог бы изменить отношение в обществе к знаниям, сделав приобретение их жизненно необходимым для каждого, выдвинув сублимационную ценность знания для индивидуума на первый план по отношению к тем ценностям, которые знание приобретает в межсоциальных, даже межнациональных отно-

366

шениях, то есть тяга к знаниям могла бы выступать как сублимация свободного желания.

Взглянуть, к примеру на спортсмена, бился бы он так за каждый сантиметр в прыжке, за каждую долю секунды в беге, не имея он собственной мотивации? Люди чувствуют необходимость концентрировать свою энергию для достижения цели. И надежда когда-нибудь достигнуть ее вселяет в них желание жить! Мы были тому свидетелями в Париже во время войны, когда у большинства людей исчезало ощущение надобности в консультациях врача или в больничном лечении, важнее стала другая необходимость: спешили за хлебом — к четырем утра (булочная открывалась в семь часов) — занимали очередь для себя, для соседей. Люди боролись ЗА или ПРОТИВ чего-то. У человека невозможно отнять эту сфокусированность на одном желании, которое, став преобладающим, побуждает его приняться за работу. По моему мнению, возможность продвижения к высшей ступени знания в какой-то одной дисциплине, причем — индивидуального продвижения — могла бы оздоровить интеллектуальную и чувственную деятельность молодых людей, вернуть многим аппетит к учению, когда они могли бы по собственному выбору сдавать ту или иную дисциплину на какую-то ступень, причем не покидать при этом свою

возрастную группу. Школы, школьные здания были бы открыты для всех все время, и тогда не стало бы той сегрегации, которая имеет место сегодня.

Май 68-го взбудоражил всех,' Однако, кажется, что свободной педагогике шагнуть вперед так и не удалось: ничего создано не было. Педагогика без директив была скорее чистой оппозицией, противодействием всему тому, чем занимались до этого." Хотели тут же изменить взаимоотношения между взрослыми и детьми, упразднить любое управление. Дошло до сдачи позиций, растерянности и отчаяния. Не было по-настоящему разработанного проекта, Объединяющей идеи, сплачивающей воли, не было, как говорят на производстве, «условий работы». И в реальности мало что изменилось. То отпускали поводья, и дети делали, что хотели, то

• Имеется в виду так называемая «студенческая» революция мая 1968 года, повлекшая за собой переосмысление всей системы культурных ценностей Запада.

" См. фильм Жан-Мишеля Карре «Предупредите детей», созданный совместно с Коллективом «Гран дю сабль» и с помощью учителей экспериментальной школы на улице Витрю в Париже (20-й округ). — *Прим. сост. франц. изд.*

367

возвращались к весьма традиционной педагогике. Последние пятнадцать лет ситуация так и балансирует между этими полюсами.

Очевидно, что после Монтессори, после Френе" подлинных новшеств, истинных нововведений не было. И теперь ясно, что необходима настоящая революция. Не «разрушить все до основания», но изменить отправные точки, снять перегородки, изменить идею «всеядных» классов по уровням, обучение в которых обязательно для всех.

Невозможно сделать это, не привлекая ребят к индивидуальному приобретению тех знаний, что им интересны. Нужно было бы повернуть дело так, чтобы чисто интеллектуальное обучение желающее могли начинать много позже, чем нынче: число вечных студентов и тех, кто берет академический отпуск заметно бы поубавилось. И не только это. Почему, например, нельзя в течение жизни сменить несколько специальностей? Ведь нередко буквально через год после защиты экзаменов на степень бакалавра или получения профессионального диплома, выясняется, что выбрана не та дорога в жизни, а всерьез подобное осознаётся и вовсе лишь десять, двадцать лет спустя. Встречаются поздние озарения, очень поздно выявившиеся призвания. Так было с некоторыми художниками, писателями. И удивительно, что у некоторых пятидесяти-шестидесятилетних обнаруживается еще большая продуктивность в приобретении новых знаний... Более того, случается это чаще, чем думают: просто лишь немногие находят в себе силы в возрасте заново выбрать жизненный путь, это всегда встречается с недоверием и осуждением: «Этот полуночный демон художеств» и тому подобное. Правда, в Соединенных Штатах, например, это достаточно распространенное явление, если сорокалетний инженер сообщает своему хозяину, что собирается теперь идти преподавать, а преподаватель заявляет: «Теперь я хочу

• Здесь упоминаются имена создателя и лидера международного движения за «современную школу» французского учителя-новатора Селестена Френе (1896—1966), реформатора, чьи педагогические идеи по сей день творчески внедряются в практику современной школы и распространены в различных странах мира (См.: Браиловская и П. «Развитие теории и практики обучения и воспитания школьников в творческом наследии французского педагога С. Френе». — Киев, 1991), и Марии Монтессори (1870—1952), итальянского педагога, доктора медицины, автора теории «спонтанного развития ребенка» и разработанной на ее основе всемирно известной оригинально! системы воспитания (См. соч. М. Монтессори, в рус. переводе: «Руководство к моему методу». — М., 1916; «Метод научной педагогики, применяемый к детскому воспитанию в «домах ребенка». — М., 1920; «Самовоспитание и самообучение I начальной школе». — М., 1922 и др.).

368

быть коммерсантом или промышленником». Во Франции же подобное рассматривается как неустойчивость характера, или, если раньше такой человек вел стабильный образ жизни, — как расстройство:

«Это депрессия на него так подействовала».

Выходит, человек в своей жизни не может ошибаться и начинать все с нуля... Иначе не получит тех пенсионных привилегий, которые ему полагаются!

Нэй, директор школы в Саммерхиле*, был, в течение тридцати лет, единственным представителем новых подходов в педагогике, а на Континенте его быстро классифицировали как человека опасного. В Англии гораздо более развито чувство индивидуальности и больше уважаются методы самовоспитания. И все же сколько выпускников Саммерхила так и не смогли впоследствии адаптироваться в обществе, поскольку не были привиты против испытаний соперничеством, например. Если воспитываешь молодых маргиналами, впоследствии им никогда не удастся полностью адаптироваться. Важно научить умению защищать себя. Те, кто стремится к самовыражению, столь постоянны в своем желании, что их с пути не собьешь: «Что поделаешь! Другие не понимают, но быть может, однажды они поймут. И потом, я чувствую, что должен делать то, что я делаю». ⁷ Директор школы Монтессори" поделилась со мной таким наблюдением: ребенок, перенесший скарлатину, или из-за перелома обреченный на трехмесячную

неподвижность, с удивительной быстротой нагоняет пропущенное в школе и успевает больше, чем те, кто оставались в классе, потому что по всем основным дисциплинам работает индивидуально. В методике Монтессори по французскому Языку, грамматике и счету весь материал разделен на вопросы, главные и вытекающие из них промежуточные. Ребенок повторяет весь основной пройденный за год материал, то есть просматривает и пересматривает главные вопросы, а если тормозит на одном из них, ТО уже по своей персональной тетради, которую каждый ведет самостоятельно, возвращается к вопросам промежуточным, начиная повтор с того, на чем споткнулся. Утром работают каждый сам по себе в присутствии учителя, отвечающего на вопросы, которые одолеть детям самостоятельно не под силу; в полуденное время уже все вместе воспитанники занимаются предметами: историей, географией,

•Нэй А. С. (1883—1973) — английский педагог. В Саммерхиле находилась его экспериментальная школа.

•• «Школы Монтессори» — учебные заведения (во многих странах мира), работающие по методу М. Монтессори.

369

и пусть играют, пусть двигаются... У каждого своя собственная тетрадь, и они работают, к примеру, над одним историческим периодом, одной географической зоной, одной литературной темой и т. д. Работают вместе, но каждый трудится самостоятельно. А затем, на уроке под руководством учителя, который предоставляет слово каждому из них и резюмирует сказанное, они делают общим достоянием то, что нашли по отдельности. Таким образом, они учатся выражать свои мысли, чтобы быть понятыми другими и, имея собственный взгляд на вещи, уважительно относиться к собеседнику.

Ребенок, который заболел или которого родители увезли в путешествие, изучает материал самостоятельно: по вопросам. Если он хочет заниматься только счетом, он им и занимается, французским будет заниматься в следующий триместр или на следующий год. И если этот ребенок почувствовал, что достиг за один триместр по какой-то одной дисциплине уровня знаний ребят, которые занимались ею год, или вообще опередил их на год, его обуревают такая гордость, что он, безбоязненно обращается к тому предмету, по которому у него не такие хорошие отметки, и в этом ему помогает учитель, регулирующий занятия всех учеников.

То, что у Монтессори называется «работой по карточкам» — это адаптированная к детскому уровню работа студентов. Без каких бы то ни было подпорок дети помогают себе сами, манипулируя этими карточками. «Ага! Сегодня я сделал десять больших карточек... Я сделал пять и перешел к промежуточным вопросам...» Они регулируют свои усилия самостоятельно. Программа у Монтессори сделана чудно, таким образом, что если знаешь большие карточки, то промежуточные и подавно. Очень хороший метод, который можно перенести на все предметы. Дети в этой школе были от 6 до 12 лет. Занимались они лишь тем, что их интересовало: например, одна группа из четырех-пяти детей занималась только Францией, а остальные — всей Европой, один-два человека — экономикой, другие отдавали свои силы физической географии, а затем с учителем добивали уже все те знания, которые приобрела каждая группа в отдельности. Каждому было что сказать. И те и другие учились находить первоисточники тех ответов, которые давались.

Конечно, такой метод требует активного участия ребенка в обучении и совершенной незагруженности учителя. Но умственная и общефизиологическая активность каждого столь же хорошо поддерживается физической заинтересованностью, которая возникает вслед за интеллектуальным любопытством. Воображение и ум каждого уче-

370

ника служат группе, которая объединяет лиц, взаимодополняющих, взаимообогащающих друг друга.

Почему таким же образом не привлечь детей к приобретению званий по ступеням, экзамены по которым были бы организованы государством вне стен школы? Школа будет с классами, как и была, а рядом — библиотеки. С восьми-девяти лет ребенок сможет заниматься сам, чем захочет. Это будет очень развивать детей. И наверняка станет меньше детей ущербных, поскольку будет уважаться индивидуальность каждого. При такой системе станет возможным выявить больше талантов, не просмотреть божьего дара.

Много говорят (это стало почти модным) о детях, чьи неприятности в школе вызваны неблагополучием дома. Это дети эмигрантов, брошенные дети, дети из распавшихся семей. Для многих то, как они разговаривают в школе, какой лексикой пользуются, ничего общего не имеет с их домашним обиходом, и, сравнивая себя с товарищами, они объявляют своих родителей несостоятельными с точки зрения социо-экономической. В их доме не общаются, нет книг, не слушают музыку, не проявляется никаких культурных инициатив. В семьях обеспеченных это все присутствует, но, имея все это, множество детей, точно так же, считают себя обделенными, переживая нестабильность отношений между родителями или их разрыв. Дети не чувствуют себя защищенными. Они умные, чувствительные, способные, развитые, но из-за страхов отказываются от всего. Некоторым — чужд дух соревновательности, тем более — соперничества, а ничего другого в школе предложить не могут. Даже в художественных школах бывают слишком директивные методы, а ведь сюда приходят дети с очень обостренными чувствами, и уже то хорошо, что они пришли, что присутствуют на занятиях, только заниматься с ними нужно в соответствии с их

собственным внутренним ритмом. Такие занятия «по выбору» предоставят детям возможность для самообразования и самостоятельного развития в любом возрасте. И в спорте, и в искусстве ждут быть самоучки, могут быть активные, а могут быть и такие дети, которым просто нравится смотреть, что делают другие; и среди них найдутся и те, кто захочет сам заняться тем же. Ну почему в школе надо обязательно быть активным? Возможно, то, о чем я говорю, и утопия, но почему не попробовать войти по этому пути? Не выведет ли он из создавшегося ныне тупика? Нужно научиться работать и с пассивными гражданами, только бы у них было желание слушать то, что преподает учитель.

371

Но система национального образования внедряет в головы своих чиновников менталитет зрителей музеев: «Закрываем!» Только это и слышно после окончания уроков. И все школьные помещения пустуют с 16.30 до 21 часа, и в середине недели — свободный день, и в конце недели школа пустует. Что за порядок! И это вместо того, чтобы школа стала вторым домом, где можно работать и отдыхать, находясь в своем квартале.

Если бы школа была открыта, она стала бы тем пространством-временем, где учишься жизни, где легко и где развивается воображение. Клубы, художественные мастерские становятся прибежищем, но их не хватает, поскольку существование их зависит от времени школьных расписаний и помещений. Если не хватает стадионов и бассейнов, и музыкальных студий, значит, музыка и спорт необходимы, значит они питают желание у детей. Но детям остается лишь телевизионный экран, перед которым они оказываются в пассивном одиночестве. Детям остается улица. Все остальное — платное.

То, что не найти в школе, находится в других местах — там, где кончается область обязательного. Главный недостаток всеобщего образования — его обязательность. То, что обязательно, становится каторжными работами. Ссыпка, каторга по-прежнему существуют, но уже... в умах людей.

Сейчас во Франции есть свободная радиостанция, которая заявляет, что ее передачи делаются детьми и для детей. Но тут все порочно с самого основания, потому как организовавшим ее ребятам от 21 до 25 лет; это уже не совсем дети. Студенты верховодят школьниками! «Теперь, начиная с 13 лет, ты можешь сюда приходить и приносить свои идеи», — но приглашение исходит от 21—25-летних вдохновителей, тогда как на этом свободном радио должен бы был существовать запрет на пребывание в руководящем звене детей, переступивших 18-летие. «В 18 — привет: уступи место другому!» Это — максимальный возраст, его даже следовало бы сократить годика на два — лет до 16. Ну да ладно! Пусть совершеннолетие — граница пребывания на радио для технического персонала, для дикторов же и журналистов крайний срок — 16. И никаких исключений! Большей частью на этой радиостанции должны были бы быть детям от 8 до 13 лет. В 18 уходят техники, предварительно подготовив себе замену из юного поколения. Когда-то же надо уходить. А то получится как теперь: два начальника технических служб 21 и 2¹ лет и два их подчиненных, которые вроде бы учатся... им по 16—17.

372

Выходит, как с воспитателями, которые хотят манипулировать воспитанниками, этакие белоснежки среди семи гномов. Сейчас они ставят возрастную границу 25 лет, а через два года будет 27. Это просто-напросто значит — не уступать место тем, кому меньше лет. И всё это хотят называть «свободным детским радио»?

Радио, якобы для *детей* и которое делается ими: но как только там появляется хоть один взрослый старше 18 лет, идея скомпрометирована.

По-моему, это похоже на этакую полицейскую ловушку: привлечь ребят, чтобы узнать, что они делают, какие они, где они... А взрослые выступают в роли этаких спорщиков, прогрессистов: «Всё, что хочешь сказать — говори, имеешь право, мы слушаем...» Это подозрительно, или скорее напоминает какой-то опыт, опыт под колпаком, а тогда это — псевдонаука, просто цирк.

Есть дети, которым дома скучно, они очень одиноки, и школа их тоже не удовлетворяет. И они идут на это радио, зеркало для таких же, как они: «Мы дадим тебе микрофон, сам будешь вести интервью, ты скажешь нам, что думаешь и т. д.» Мне кажется, что это один из способов возместить собственные потери и сыграть на детях, которые несколько заброшены дома или в лицее. А это совершенно разные вещи — опыт, придуманный самими детьми, который поддерживается технически и материально, чтобы обеспечить такую новацию, и демагогическая ловушка, где «дети» — лишь политический предлог для псевдополицейского обрамления благомыслия.

Один учитель в Тулузе дал такую тему сочинения: «Если бы вас пригласили в Елисейский дворец, о чем бы вы спросили г-на Миттерана?» Интересно поставить президента на место допрашиваемого. Но второй вопрос: «Если бы вы сами стали президентом республики?...» являл собой уже нечто вроде какой-то взрослой выдумки, игры, искусственно навязываемой детям взрослыми. Ну и, конечно, появилась газета, которая раздобыла эти сочинения и кое-какие напечатала на своих страницах. Газеты очень любят ребячьи выражения, которые так нравятся взрослым. Один из ребят сочинил смешную игру слов с фамилией

премьер-министра Ги Молле. Но в первую очередь на страницы газеты попали, конечно, высказывания в русле политики газеты — дети вроде бы тоже высказывали свое недовольство правлением социалистов. Вот еще один пример манипуляции.

373

НАДО РАЗОМ ПОКОНЧИТЬ С СЕМЕЙНОЙ ВОЙНОЙ

Дети, которые в очень раннем возрасте лишились языковых связей со своими родителями и кормилицами, становятся чересчур агрессивными в период полового созревания. В 10, 12 лет уже поздно проводить превентивную работу, и как в очень обеспеченных, так и в рабочих семьях, разворачиваются настоящие драмы. Ребенок оскорбляет мать при отце, который предпочитает молчать. Сыновья бьют своих матерей. Отец смотрит телевизор — ему наплевать на семью. Есть сыновья, которые рвут отношения с матерями, дочери — с отцами.

И это, не считая тех подростков, кто просто говорит своим родителям: «Заткнись! Я тебя не слушаю. Тебе нечего мне сказать. Только и слышишь, что глупости...» Теперь это стало почти модным — в коллежах, между собой подростки хвалятся, что так разговаривают с родителями. Конечно, есть такие, кто говорит, что делает так назло, есть те, кто просто им подражает. Но такие разговоры могут разрешиться шуткой, если действительно в семьях нет конфликтов. Мода на такое наступает тогда, когда сокращаются общие темы, словарь сокращается. Чем ответить взрослому? Только заткнуть ему рот или помешать говорить. Врубают музыку или грубят: «Заткнись, а то как дам... замолчи, кому сказал...» Может быть, это и мода, но она показательна для настоящего времени.

В таком поведении нет ничего странного, если учесть, что значительно раньше ребенок был пупом земли, лет этак до семи... Мне кажется, что все же необходимо что-нибудь придумать, чтобы предоставить этому поколению творческую самостоятельность при том, что это не будет затрагивать жизненные пространства других поколений: каждому — свое. Но сейчас человеческие отношения между поколениями уступают место равнодушию и взаимной агрессивности.

Не должна ли супружеская пара обрести более полноценное существование, поскольку это наилучший способ уравновесить силы? Если супружеская пара существует, всё распределяется... силы притяжения распределяются лучше.

374

Если эта пара существует... Но невозможно заставить ее существовать. Отношения между взрослыми вовсе не ограничиваются рамками семьи. Не исключен и временный разлад между членами супружеской пары... И потом — свобода есть у каждого, не только у ребенка. Отец с матерью не хотят прекращать свою совместную жизнь просто потому, что завели детей. Они совершенно не желают своей личностной смерти. Именно поэтому, мне кажется, было бы весьма целесообразно детям с 8 до 12 лет оставаться в школе после уроков, а не скучать дома. Там, в школе, могли бы быть воспитатели для организации той деятельности, что выбрал себе ребенок, и для организации его досуга. Работали бы они с 16 до 22 часов и утром — с 6 до 8, до прихода преподавателей, они помогали бы тем детям, кто предпочел остаться в школе на ночь, с завтраком. Зачем обязательно устанавливать незыблемое правило — и не на один год — по которому ребенок или находится на пансионе, или живет в семье?

Безусловно, нововведения отразятся на ежедневной жизни города. Но все это в пределах возможного. Существуют местные власти. Могут быть решены и вопросы безопасности. Могли бы быть специальные наряды полиции не только на то время, пока дети в школе, но и на весь день. Учили бы и то, что от улицы никуда не уйдешь. Она существует даже для тех детей из обеспеченных семей, у которых по пятьдесят квадратных метров на нос; несмотря на это, они распрекрасно хлопают дверьми родительских квартир. Но на улице гораздо больше непредвиденных опасностей. Если маршрут детей пролегает лишь от школы к дому, опасности эти можно предусмотреть. В этом нетрудно убедиться.

По средам учащиеся свободны, а их родители на работе. Что делают дети? Многие — ничего. Они не знают, куда пойти. И все потому, что школа по средам закрыта. А ведь именно здесь могло бы быть найдено решение проблемы как государственной, так и частной школы: государственная школа взяла бы на себя обучение и, таким образом, государственное образование делало бы главное на ниве просвещения, а частные школы, открытые для детей все 24 часа в сутки, взяли бы на себя проблемы воспитания и стали бы настоящими центрами детского воспитания.

А разве школы не могли бы заниматься всеми детьми, кого родители хотели бы им доверить после 16.30? Запросто. И тогда образование перестало бы быть только образованием по программе:

задания, упражнения и так далее, как положено. Образование для

375

любого возраста стало бы персонализированным, даже для тех, кто отстает в учебе. Специальные курсы,

труппы... В государственные образовательные учреждения могли бы записываться все дети, а не только стипендиаты или те, за кого платят.

Мне кажется, что во всем том, что я предлагаю, сегодня нет ничего невозможного, хотя профсоюзы и возражают. Пока. Как только ситуация зайдет в тупик, это будет началом конца, а значит и приближением нового. Система образования подвергается такой критике, что изменения неизбежны. Есть даже первые признаки таких изменений.

Система национального образования в том виде, в котором она существует, заложена была еще Жюлем Ферри, и она должна дойти до своего естественного конца, чтобы родилось нечто новое. И изменения в ней должны идти не изнутри. Да, конечно, есть успехи то в одном, то в другом. Конечно, будут еще и кризисные ситуации, и «за» и «против», будут эксперименты, которые опередят время или провалятся. Но мне кажется, что изменения системы образования придут извне.

И можно ли изменить ситуацию, когда люди, имеющие призвание к преподаванию, не могут преподавать в государственных школах? Было бы правильнее считать, что развитием детей и их воспитанием должны заниматься те, кто имеет к этому призвание, и вполне возможно, что это будут совсем не те, кто учит детей сегодня. Среди сегодняшних преподавателей есть те, кто любит лишь передавать знания, и они полагают, что этого вполне достаточно, если делать это хорошо.

Есть, правда, некие сдвиги: в Академии прикладного искусства, например, и в управленческих школах уже преподают профессионалы без специального педагогического образования. То же самое происходит и в частных школах, где преподают сами промышленники, экономисты, финансисты, управленцы, — преподавая, они не теряют из вида практическое применение этих знаний. И часто юные доверяют им больше, чем просто педагогам. В настоящее время такой опыт проводится только со студентами. Почему бы не попробовать подобное в средних и даже начальных школах?

Усердствуя в своем желании все унифицировать и правильно организовать, государство окончательно лишит нынешнюю систему образования жизненных сил, и в этот момент необходимо будет найти что-то новое. Для французских социалистов система национального образования, как и вся культура — заповедник. В социалистических странах — не лучше: китайцы, например, с огромной охотой учатся, но что их ждет дальше? Должность какого-нибудь смотрителя в

376

провинции, все они становятся государственными чиновниками, которые занимаются тем, что не имеет никакого отношения к тому, чему их учили. Все образованы. На десять учеников один преподаватель. Есть и воспитатель, который не преподает, но занимается с детьми до вечера, смотрит за ними. У них — уроки, но воспитатель с ними как насадка. Студенты много работают, сдают экзамены. После них они уже не делают ничего. Они могут восхитительно выучить французский... для того, чтобы стать каким-нибудь бумаго-марателем в провинции, где и по-китайски-то говорят не так, как он. Нет, я не думаю, что в социалистических странах чего-нибудь добьются!

Что до юных французов, то лицей для них стал самым воплощением скуки. И винить их не в чем. Общая депрессия. Лицей — даже не дневной стационар, это скорее — дневная тюрьма. А для родителей хаотичные представления. Даже у тех, кто в лицее учится — девочки, например, которые делают все, что от них требуют, даже у них есть ощущение, что это никому не нужно. Естественно, тот, кто зубрит, думает только об экзаменах, программе и коэффициентах. А зачем экзамены-то?

Для спокойствия. И для того, чтобы не умереть от тоски. Ну, а в остальное время дети просто проводят время — курят, шумят, ходят в кино, занимаются любовью. А есть и такие, кто совершенно не скучает, плышет по течению и, живя паразитом, все перекладывает на других. Видя, что ни те, кто зубрит, ни те, кто бездельничает, не находят выхода, интереса в жизни, эти третьи предпочитают жить, получая от всех помощь. И все эти три разные жизненные позиции суть три ответа лицеистов нынешней системе образования, в все они имеют нечто общее: чувство безнадежности, бессмысленности существования. И это для молодежи ужасно. «Это все ни к чему... Не понимаю, зачем?..» Как будто выживают по идиотской обязательности... Если их спросить: «Что бы вы делали на месте государства? Каких хотели бы иметь родителей? Каких учителей?» — что они скажут? Может быть, в глазах зажжется искорка интереса... Для того, чтобы дети стали самими собой, нужна огромная работа. Вели бы у лицеистов была материальная заинтересованность, то было бы и другое представление о своем учении. Но они должны знать, что учеба — это их дело, их собственное. И что они имеют право что-то предлагать, что-то создавать в любой области...

До десяти лет ребенок плохо понимает абстрактные и умозрительные рассуждения. Школа должна была бы сначала развивать физическую деятельность, умение разговаривать, общаться. Интеллектуальная деятельность придет значительно позднее.

377

Мы же умеем лишь настырно талдычить детям, что необходимо в жизни сегодняшней — с нашей точки

зрения. Таким образом детей, которые ни в коей мере не должны повторять нас (их опыт отличается от нашего), готовим неизвестно к чему. В этом и состоит некая фальшь современной школы. Новой педагогике в первую очередь следовало бы иметь в виду развитие коммуникации, связей между людьми. Только так она еще может не уронить себя. Обязательными дисциплинами остались бы чтение, счет, письмо, и — на этом все. Остальное — на выбор. И каждая школа — пространство для жизни. Обучение технологии, правилам — в зависимости от желания ребенка. Хочет бороться — правила борьбы, танцевать — правила танца, но постепенно, изо дня в день ребенок будет открывать предмет, ремесло, подобно тому, как человечество узнавало их, накапливая опыт. Конечно, он пойдет вперед быстрее, но при условии, что каждому предстоит тогда открыть в себе любопытство, желание, и с помощью мастера познать не только историю, но и технологию. Новое же это то, что благодаря знанию технологии, смыслов, может быть воплощено в механизмы — заменители этих смыслов. Только это и есть новое. Так, например, наши нервные клетки смогли «сочинить транзистор», но все это придумано нами.

В Сен-Сэн-Дени школьная учительница Рашиель Коэн проводит опыт по раннему обучению чтению детей из бедных и проблемных семей.

Пожалуй, неплохо. Но не думаю, что это необходимое нововведение для всех дошкольных детских учреждений.

Главное — научить ребенка понимать, что буквы алфавита являются знаками, символизирующими и представляющими звуки. Давать детям постигать алфавит чувственно, ничего не объясняя, опасно. С — смерть, О — огонь и так далее... введение в шизофрению. Звуковые ассоциации часто никак не связаны с реальностью.

«Алло?» — зачастую отвлекаясь от купания ребенка, отвечает мать на телефонный звонок... И телефон по этой причине становится для ребенка неким устройством, которое позволяет ему брызгаться.

Жан-Жак Серван-Шрейбер совершает крестовый подход за детскую компьютеризацию: «В 4 года — за клавиатуру!»

378

Мне кажется, что общество пускает на ветер свои живые силы, не реализуя в срок возможности, которые заложены в ребенке, в том возрасте, когда их легко реализовать. Не нужно заставлять наиболее одаренных детей ждать, пока все дети их возраста достигнут их уровня. Существует опасность обращения всех детей к технократическим интересам, она реальна при обучении всех детей одним и тем же предметам; каждый ребенок должен иметь возможность выбрать свой единственный предмет: тот самый, что привлекает его более всех других.

Я полагаю, что в школе должны быть не только учителя, но и такие специалисты, которые, работая вместе с учителем, могли бы много времени проводить с детьми — в создающихся таким образом однородных группах детей с общими интересами. Эти специалисты занимались бы с детьми не подолгу, в перерывах между двумя уроками; дети могли бы приходить к ним (на 10 ребят — один такой специалист) и заниматься вместе с ними тем, что им интересно. Затем снова тренировка ума, умственные усилия на пятнадцать-двадцать минут.

КОМЕДИЯ ПОД НАЗВАНИЕМ «ХОРОШИЙ УЧЕНИК»

Как такое может быть, что столь много детей ненавидит школу? И среди них даже умные дети, у которых в семье все в порядке, да и в школьной обстановке для них нет ничего особо отталкивающего. Тем не менее школа им противна. Почему?

Они этого объяснить не могут. Просто им — неинтересно. Они не понимают, для чего им все это нужно. И, может быть, именно потому, что эти дети умнее других, менее пассивны, они и не хотят делать, как все, быть, как все?.. Те же, кто покоряется, кого приводят в пример, подчинены взрослому и не проявляют взрослыми себя. Или же у них действительно нет интереса ни к чему, они Просто проводят время, или — они жаждут власти и поняли, чтобы ее получить, надо сначала подчиниться. Они и стараются получать хорошие оценки, хотя предметы их не интересуют. Некоторые из таких учеников, возможно, рассуждают, что так проще, их не трогают. Я у них остается больше времени.

379

КОМПЬЮТЕРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ ГЕТТО

Школа для цветных детей в бедном квартале Эмервиля, близ Беркли. Результаты в школе у учеников значительно ниже, чем у белых детей того же возраста. Компьютеры для детей родители купить не могут. Это — только для богатых в Санта-Барбаре. Тем не менее, в этой школе в гетто было установлено несколько компьютеров, причем все ученики, которые ими пользовались, были выходцами из самых неблагополучных социальных слоев. Обеспечил финансирование этого эксперимента Калифорнийский университет. Сидя перед экраном, маленькие негры и пуэрториканцы осваивали дисциплины информатики. В игре с обучающей машиной они научились правильно писать. Классические же методы преподавания ни к чему не

приводили. В своей книге о Калифорнии, выдержанной в оптимистических тонах (*Le Nouvel Age, Le Seuil*), Сильви Крассмэн, бывшая корреспондентка «Монд» в Лос-Анджелесе, пишет о том, какое заключение дал этому эксперименту один из участвовавших в нем педагогов. «Компьютер, — говорил он, — имеет одно явное преимущество для детей из неблагополучных семей. У него нет заранее заготовленных суждений и оценок, к которым чрезвычайно чувствительны эти дети. Он беспристрастен. Он говорит на их языке, если они того хотят. Он подчиняется их приказам.»

Но даже свободное время распланировано. Свободное время тоже вменено в обязанность. Когда же школа организовывалась, не было никаких обязанностей, потому что в школу ходили те, кто хотел. Именно обязательность сделала школьную систему нездоровой. Я думаю, что расписание — вот причина аллергии детей к школе: час на это, сорок пять минут — на то, такой ритм противопоказан детям, он ложен. Не жизненен.

Для ребенка вредна не сама нагрузка по тому или иному предмету, а программа, составленная из этих предметов. Весь вред — в программах. Причем все программы — классные, с одной стороны, программы для приобретения степени бакалавра, с другой, — друг друга исключают. Программы множатся, а для чего? Вместо этого юноша или девушка могли бы сами сдавать те уровни, к которым они готовы по интересующим их дисциплинам, по пять-шесть уровней для каждой. Ребенок старался бы получить их сам, овладеть этими знаниями самостоятельно, а когда дети собирались бы вместе, то с ними был бы взрослый, учитель — воспитатель ребенка, форми-

380

рующий его характер и способствующий развитию его интеллекта, и все бы дети были активными членами процесса обучения, и все могли бы вместе найти необходимые ответы. А как только юноша готов сдать экзамен на тот или другой уровень, он обращается преподавателям и сдает (или нет) свой уровень. Такие экзаменаторы работали бы в течение всего года. При системе персональных экзаменов на тот или другой уровень по разным дисциплинам можно было бы создать курсы для детей разных возрастов.

При такой школьной системе родители уже не могли бы учиться за детей. Ребенок самостоятельно выбирал бы то, что ему интересно.

Мне кажется, именно таково будущее системы воспитания вместе с системой образования. И это было бы действительно толковое (в смысле реализации желания) воспитание и одновременно формирование и образование ответственных граждан.

ШКОЛА НЕ ПО РАСПИСАНИЮ

Есть ученики, у которых еще с подготовительных классов не возникало бы проблемы со школой в том виде, в каком она сегодня существует, не будь расписания. Например, им бы закончить работу, а их гонят на перемену. Или наоборот: на перемене играют в мяч, не хватает пяти минут до конца игры, а уже — опоздание на урок... Но те воспитатели, кто работает в комиссиях по изучению возможностей реформирования школьных расписаний, утверждают, что это приведет к настоящей анархии, если каждый будет иметь право приходить, когда хочет. Нет ли возможности, исключая анархию, сделать расписание более гибким?

Именно это внедряется сейчас в среде взрослых — работа в удобное для человека время: есть определенная задача, и надо ее выполнить, но в такое время, которое для них наиболее удобно.

Для решения этой проблемы нужно лишь изменить организацию системы образования. Я думаю так: в каждой дисциплине преподаватель готовит к экзаменам по шести уровням. Один и тот же ученик мог бы, например, заниматься французским по 1-му уровню, счетом — по 3-му, географией по 4-му и т. д. В географии он мог бы выбрать физическую географию, а не экономическую, и наоборот. И учится он тогда, раз это его интересует, когда хочет. И если, сдав на 3-й по счету уровень, ребенок хочет стать свободным

381

слушателем на 4-м, чтобы выяснить, интересно ли ему это, то почему нет? Это его дело, и он выбирает любой день для контрольной работы. Предоставить такой выбор ученику — значит признать за ним право на его собственную мотивацию, на воплощение его собственного желания, а это значит, что взрослыми допускается, что ребенок прекрасно чувствует, что ему надо делать. Общество же участвует в этом процессе лишь для того, чтобы подтвердить, что ребенок достиг определенного уровня. При таком раскладе наверняка будут дети 9-10 лет, которые уже прошли высшие уровни математики, но еще должны учиться читать и писать, и с таким детьми надо продолжать работать, преподавая им те или иные предметы до тех пор, пока они не станут для них доступны.

Обычно ребенок мямлит, когда не может в чем-то разобраться: к примеру, понять, о чем та или иная книга. Так отчего бы не попробовать начать обучение детей — предположим, тех, у кого определенная тяга к ручному или физическому труду, — с предоставления им права проявить вначале именно эти свои способности. Или сначала обучать их плаванию, танцам или музыке — всему, что только может ребенка

интересовать, и лишь потом, когда все же будут постигнуты чтение и письмо, которым было отведено необходимое время, предлагать детям те новые предметы, которые они с их помощью смогут постичь, если конечно, захотят.

ШКОЛА ГОСТИНИЧНОГО ТИПА

Детям надо, чтобы жизнь и в школьные годы была жизнью, чтобы классные стены не отгораживали их ни от снега, ни от моря. Не так и сложно представить себе возможность обмена между школами: ведь не всякому выпадает шанс пожить в деревне. На время каникул сельские школы вполне могли бы стать чем-то вроде гостиниц для городских детей.

Зачем в наше время продолжать разрывать год большими каникулами? Когда можно растянуть его на четыре триместра вместо трех, и превратить в «каникулы» все послеполуденное время.

Другое предложение: почему бы тем детям, которые три триместра проводят в деревне, в горах или на берегу моря, не приезжать месяца на три в город? Можно было бы организовать обмен школь-

382

ными помещениями. Только для этого надо обустроить их так, чтобы дети могли там спать.

Настоящая проблема, таким образом, — это создание школ гостиничного типа и такое их обустройство, которое позволило бы принимать детей не только на время «больших каникул», но и в течение всего года. Рассмотрим проблему внимательнее.

Будь школа действительно домом для ребят, они и чувствовали бы себя там, как дома. Исчезло бы и деление на тех, кто живет в пансионе, и приходящих сюда из семей. Ребенок, живущий в семье, мог бы и заночевать в школе вместе с пансионерами. В школе были бы большая мастерская и физкультурный зал. И работали бы в ней не только преподаватели, но и свободные воспитатели. И могли бы быть почасовики-преподаватели, и приходящие воспитатели, и просто те, кто работал бы, как гостиничный персонал.

Предубеждения, увы, преодолеваются не так-то просто, укоренилось мнение, что все, что происходит во внеурочные часы, вне школьного времени, — в высшей степени подозрительно: там начинается шабаш. В головах добропорядочных граждан при одной только мысли, что после захода солнца, вечером, ребенок может чем-то еще заниматься — звенит сигнал тревоги. «А не случится ли там чего? Чем они там могут заниматься?» Общественное мнение боится этих нерегламентированных занятий даже вне школьных стен (а внутри их и подавно). Если преподаватель приглашает к себе подростков, общественное мнение уже готово считать, что эта вечеринка с наркотиками, такое приглашение сразу становится подозрительным, особенно, если преподаватель — женщина. В провинции это просто ужасно. И ничего не поделаешь эта подозрительность живет в нас, потому что мы так привыкли. Странно, если кто-то отваживается на такие мероприятия. Это не невинно, это маргинальное времяпрепровождение.

А ведь прекрасно можно было бы представить себе телевечера в школе, проходящие в трех разных помещениях (соответственно три канала TV) с преподавателями. Ведь школа — место жизни ребенка, и дети должны себя чувствовать здесь как дома и после уроков...

В нынешних летних лагерях вожатые закрывают глаза на то, что происходит там по вечерам. Ребята могут поздно ложиться, уходить вечером в деревню. И то, что творилось, когда лагеря были на казарменном режиме, больше не повторяется; наверно, меньше

383

глупостей и в спальнях. Но если так может быть в летних лагерях, то почему нет в городских школах?

Наверняка эти предложения шокируют всех: и тех, кто тут же начнет доказывать, что это совершенно ни на что не похоже, и тех, кто будет улыбаться, повторяя, что это утопия. И тем не менее эти слова должны быть произнесены.

В отличие от авгуров школьной системы я уверена, что такое, более широкое использование школьных помещений может дать юношеству жизненный опыт, который, в свою очередь, поможет им в конце концов стать хозяевами самих себя. Семейная клетка не будет так давить, потому что ребенок не должен будет проводить там все время, в семье же будет известно, что раз ребенка нет дома, он, наверное, в школе. Позвонил, узнал — ребенок там — все в порядке.

При нынешней системе закрытых школьных дверей дети — либо дома, либо на улице. Дома же большинство не знает, чем заняться. Невозможно сделать обязательным хождение в гости, на это нужно личное желание. Впрочем, случается и такое: родители возражают — нехорошо, что этот «гадкий утенок» то и дело исчезает из дома и все время проводит в чужой семье, где чувствует себя лучше. И вот что нередко происходит. Мама приятеля проникается искренней симпатией к чужому ребенку, ставит его в пример собственному отпрыску: «Видишь, какой он хороший мальчик...» Зачастую при этом наносится визит той, чей ребенок вхож в дом. При этом обычно такие мамы начинают хвалить чужого ребенка, говоря,

что он восхитителен, что сами хотели бы иметь таких же детей. Однако у той, к кому обращены эти искренние слова — свои проблемы. И это — тоже правда, потому что вне семьи ребенок ведет себя по-другому. Встречаются достаточно разумные матери, которые говорят: «Ну и хорошо, мой ребенок ладит с другими, значит, когда-нибудь поладит и со мной, это — возраст, ребенок переживает кризис и т. д.» Но ведь есть и такие, у которых столько проблем в семье, что они приходят в полную растерянность, как только узнают, что их ребенок где-то ведет себя иначе, чем дома. Им бы радоваться, а они начинают думать, что они — плохие матери, и что это очень несправедливо, что их дочь или сын ни во что их не ставят. Это обычно те матери, для которых материнство стало ловушкой, и они так и не сумели обрести себя в личной жизни. Теперь же не в силах позволить своему ребенку стать самостоятельным.

384

Есть одно понятие, которому стоило бы вернуть уважение — семейная пара, к понятию этому долго не обращались, хотя средства массовой информации раздували случаи возвращения отца в семью силой или восстановления его в правах после смерти. В этом случае, мне представляется, говорить надо уже о смерти семейной пары. Самое обнадеживающее для детей — это сама жизнь семейной пары, над которой не властно время.

Если бы у детей было хоть какое-то место на стороне, та же школа как второй дом, то и семейные пары могли бы обрести больше душевного спокойствия, поскольку дети не находились бы постоянно дома. Это тем более важно сейчас, когда в семье один-два ребенка, причем нередко — с большой разницей в возрасте. Семья, замкнутая на самой себе, — это ловушка, провоцирующая неврозы в любом возрасте любому человеку нужны социальные связи с теми, у кого общие с ним интересы.

Глава 3

НОВЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ДЕТЕЙ

ДЕТИ НА ЗАВОДЕ

У нас короткая память. Кроме того, у нас существует тенденция думать, что структура буржуазной семьи, сосредоточенной на самом себе, мальтузианской семьи, существовала всегда и неизменно, кроме каких-то там случаев в истории. Ну, например, мы знаем, что ребенок рано уходил из семьи, начиная со средних веков до XVII века.

Нынешние молодые матери, если им не напоминать об исторической перспективе, уверены, что семья всегда была такой, как она есть: ребенок — в центре, отец и мать, страдающие страхом и гипертрофированной заботливостью в отношении к каждому ребенку, даже если их в семье несколько, и все увеличивающаяся дистанция между поколениями. Однако такие отношения относительно новы. Нуклеарная семья (семейная пара и один-два ребенка) представляется изобретением этого века.

Сокращение в современном обществе семьи, как шагреневой кожи, особенно заметно у средних классов, но не характерно для богатых и бедных. У бедных по-прежнему много детей, да и у богатых бывает больше, чем в семьях среднего достатка. Почему? Бесспорно потому, что у богатых нет проблем с жильем, держат открыты дом и могут нанимать помощников — гувернанток и слуг.

И только люди среднего достатка довели себя до такого семейного мазохизма, который принимают за достижение. Подобная жизнь лишает их жизненных сил, но они в своем мазохизме и наивности считают, что все это — для их же счастья.

Сейчас уже появились внуки и внучки у тех отцов и матерей, кто был единственным ребенком в семье. Еще пятьдесят лет назад это было исключением. Сегодня — нет.

386

Эти дети и родители единственных детей особенно подвержены неврозам: они могли выйти замуж или жениться все равно на ком для того, чтобы завести десяток детей — настолько они страдали от одиночества, — ни двоюродных сестер и братьев, ни бабушек-дедушек. Родители умирают и — всё, никого, как со стороны отца, так и со стороны матери, семья теряет корни, возникает чувство сиротства, заброшенности, одиночества. А те родители, что живы, паразитируют на собственных детях, потому что у них больше нет никого на свете. Раньше такие случаи были редки: затухание рода, эпидемии, болезни, детская смертность или страх перед необходимостью раздела большого состояния. Теперь же подобное — из-за нежелания разделить с кем-то свое несчастье. Для того, чтобы и без того печальное существование сделать по возможности менее грустным, или стремления свести несчастье к минимуму. Да и следует признать, что поднять в «цивилизованном» обществе ребенка, воспитать его — это взвалить на себя столько обязательств, что люди говорят:

«Нет, это невозможно!» Теперь не возьмешь с собой ребенка, как раньше, на работу; раньше и на поле — вместе, и на стройку; зарабатывали, сколько могли, но ребенок был все время с родителями. Теперешние запреты и ограничения совершенно садистски действовали на способность людей продолжать свой род.

Одна женщина, которая руководит предприятием, рассказывает, что так как у нее был грудной младенец

и его надо было кормить грудью, она установила в машине люльку от коляски и кормила его между двумя посещениями строек. А в день зарплаты рабочие заходили к ней в контору и играли с ребенком, пока получали свой конверт с деньгами. Она могла так вести себя, но если бы кто-нибудь из работающих женщин привел с собой ребенка и посадил его в уголок, то ей предложили бы его вывести. Отец Маргерит Юрсенар, преподаватель философии, брал дочь с собой на лекции. Девочка никогда не училась в школе. Довольно рано она потеряла мать, и отец никуда ее от себя не отпускал. Она была с ним повсюду. Он же и учил ее: проверял домашние задания и давал ей изложение на латинском языке, задания по греческому. В университете она слушала те курсы лекций, что читал студентам отец. И никто не мешал отцу-преподавателю брать с собой девочку. Правда, было это в Бельгии, а не во Франции. Однако рабочим брать с собой на работу детей запрещено. Даже

387

уборщица не может этого сделать — хозяйка откажет ей от места, если та придет с ребенком.

Произошла бы настоящая социальная революция, если бы разрешалось брать детей на рабочие места их родителей. И все-таки взрослым людям необходимо справляться с жизнью. Но с жизнью, какая нас окружает, они больше не справляются. Труд по определенным часам перестает быть работой, которой хочет посвятить себя человек.

Если есть желание возобновить прерванную связь с той социализацией ребенка, которая существовала в обществе в XVII-XVIII веках, нужно было бы брать с собой детей на заводы. Приходя туда, отец или мать отводили бы своих детей в ясли при заводе и в любое время могли бы навестить их. Но нынешняя администрация воспротивится этому, как только ребенок заболит или у него поднимется температура до 38° (о, эта мания измерять температуру!). И существовать будет совершенно невозможно, потому что отцу будет предписано три дня в неделю отводить заболевшего ребенка в больницу, а не брать с собой на завод. А ведь завод — место жизни людей. И если отец заболевает гриппом, но хочет идти на работу, то ему никто не препятствует. К ребенку же это не относится. Нет, мы точно живем в мире, где все регулируется бесчеловечными приказами, которые тем не менее издаются людьми для людей, для, так сказать, коллективной безопасности. Коллективной безопасности для тела ценой нарушения общественных связей и языковых контактов человека, как создания, обладающего языком. И получается, что мы живем в совершенно безумном мире. Запрещено кому бы то ни было работающему приводить с собой на работу ребенка, и так будет до тех пор, пока ребенок не вырастет и общество само не найдет ему работу. Но это — ошибка, потому что иначе ребенок был бы готов войти в мир работы, потому что уже знает, что это такое, потому что в детстве отец и мать брали его с собой на свою, и это подготовило его. Подготовка к активной жизни произошла сама собой.

В Италии по воскресеньям есть такой ритуал: все — средний служащий, бедняк или богат — идут всей семьей в ресторан с детьми, и те копошатся посередине зала, и никого это не волнует. Во Франции же такое не разрешается. Попробуйте-ка войти в кафе с орущим или все хватающим ребенком! А плачущие дети? Это же наваждение для родителей, которые останавливаются в гостиницах, да они просто готовы задушить собственных детей! Слишком много

388

запретов, и ребенок чувствует себя из-за этого чужаком. Он бы не плакал, если бы ему отвели в жизни место, если бы его в нее приняли.

В Мезон Верт — пятьдесят детей в небольшом помещении, но нет ни криков, ни плача, — всё живет, копошится, чем-то занимается. И это очень хорошо. Замыкающаяся сама на себе нуклеарная семья является вырождением общества. Общество может стать защитником детских интересов, позволяя детям выйти из этого душного круга; но и ом, точно так же, может идти в том же самом направлении, и само превратиться в другой замкнутый круг.

И все же структура, замкнутая на двадцати детях одновременно, не столь замкнута, как замкнувшаяся на одном; двое-трое взрослых и двадцать детей — все-таки лучше, чем двое взрослых и один ребенок.

Современное общество амбивалентно: с одной стороны, оно помогает ребенку выйти из-под семейного гнета, который мешает ему развиваться — это возможно лет в тринадцать-четырнадцать, когда ребенок уже вполне готов к самостоятельности и к тому, чтобы брать на себя большую ответственность. С другой же стороны, более, чем когда бы то ни было, современное общество предлагает детям готовые модели. Оно определяет цели, производит отбор среди детей путем соревнования. Это, бесспорно, освобождает ребенка от его семейной обстановки, и он быстро от нее освобождается; но одновременно — общество завладевает ребенком, который испытывает на себе его высшую силу. Общество заставляет всех детей играть в гуська: если не достиг определенной клеточки, возвращаешься на точку отправления или выходишь из игры — это обязательно и желательно. Но зачем удалять из игры кого бы то ни было? Можно этого и не делать. Надо просто сориентировать некоторых молодых людей на тот вид деятельности, который им нравится и которому соответствуют их образование и умственное развитие; и в этом случае, возможно, крайние меры

и не потребуются.

Однако зачем же производить отбор, селекцию детей по группам вместо того, чтобы вести индивидуальную работу? Все потому, что создается система судейства, а для того, чтобы судить, каковы ученики, нужно, чтобы они были похожи на какую-то штампованную форму.

389

Ребенок попадает в ловушку. Он оказывается в системе с определенным количеством заранее проложенных маршрутов, изменить которые невозможно; в них есть свои тупики и свои западни-ловушки, откуда уже не выберешься. Определено также, что считать тупиком, а что — правильным путем, и — в конце концов — кто не пошел по этому маршруту, тот и не дошел.

Происходит фантастическое разбазаривание тех жизненных сил, что заключены в детях, и это смертельно для общества. Потому что живут не только те, кто проходит отбор. Все живут в этом обществе.

И вот парадокс: ребенок находит прибежище в нуклеарной семье, которую должен был покинуть, чтобы обрести самостоятельность, и в нее же он возвращается, чтобы замкнуться, когда общество отбрасывает его от себя. В этом случае семья еще усугубляет поражение — будут ли родители настаивать на продолжении ребенком поиска себя в том направлении, в котором он не может этого сделать, или же — возьмет на себя всю заботу о нем, как о совершенно недееспособном, как о маргинале. Ну, а раз ребенок не удовлетворил желания своих учителей и не может этого сделать, поскольку идет в ложном направлении, свое собственное желание, выходит, ему надо задушить. Ему в вину ставится все: его желания, его любопытство, то, чего он жаждет. Таким образом, семья принимает решение общества как вердикт. Но вердикт этот относится к определенному «закреплению» этого человеческого существа в обществе, а не к самому человеческому существу. Мне кажется, что подобная политика выявления худшего в области образования, выявления неудачи характеризует, скорее, конец системы установившегося образования, а не конец цивилизации. Не мешало бы пересмотреть полностью вопрос воспитания и образования ребенка в зависимости от его взросления как физического, так и умственного, и в соответствии с возможностью его коммуникации с внешним миром. И пусть каждый получает образование там, где хочет, и учится тому, чему хочет. Школа должна была бы стать местом, где взрослый предлагает ребенку завоевывать то, что ребенку хочется, а не заставлять его заниматься, когда у того нет никакого желания. И тогда взрослый, а не ребенок будет «записываться» на занятия: «Я приду во столько-то и на столько-то».

А пока не произошло этой революции в умах и нравы не изменились — неудивительно, что дети будут находить себе прибежище в научной фантастике.

390

ПОЕМ ОПЕРУ В СЕМЬ ЛЕТ

В 1982 году сто семнадцать детей в возрасте от 7 до 11 лет из начальной школы Edouard-Herriot de Fresnes осуществили в зале Фавар, в Парижской Опера-комик, постановку оперы «Секреты ночи» по сказке Андерсена. Спектакль они полностью создавали сами: либретто, звукозапись, постановка, декорации и костюмы. Готовили в течение года. В первом триместре занимались движением и оркестровкой. И в соответствии со вкусами и талантом каждого ребяты распределились по мастерским, стали заниматься в оркестре, петь.

Новым в работе взрослых явилось то, что они не отбирали участников, а привлекли к постановке всех детей, используя возможности каждого ученика, каким бы ни был его уровень.

ТРУДОВЫЕ НАГРУЗКИ В ПРОГРАММЕ ШКОЛЫ

В интернатах и пансионах дети никогда не убирают за собой, не занимаются приготовлением пищи. А почему бы по очереди не привлекать их к работе на кухне, в огороде, к уборке, покупке продуктов? И не только к чистке картошки, как в армии, но и к сервировке стола. Почему? Слышу возражения: «Потому что могут порезаться или обжечься». Но если бы, когда дети были маленькими, матери приучали их к домашним обязанностям, ничего страшного не случилось бы. И все эти дети могли бы закончить школу с определенными житейскими навыками. Кроме того, в детях сохраняется убеждение, что эта работа у взрослых не пользуется любовью. Детям никто не говорит, что уметь трудиться по хозяйству — важно и необходимо. Работа на кухне становится наказанием. Было бы меньше отвращения к физической работе, говори взрослые детям чаще, что поддержание порядка в собственном жизненном пространстве и по отношению к себе самому — дело общее и зависит от распределения обязанностей.

КАК СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ШКОЛУ ПОЛЮБИЛИ?

Мне бы хотелось резюмировать высказанные здесь идеи по изменению организации школы для того, чтобы детям было там радостно,

391

чтобы они могли учиться приобретать вкус к труду, а также, чтобы они научились сдерживать свои порывы для действительной стабилизации собственной личности. И чтобы ими руководил не страх, а чувство свободы, когда один должен отличаться от другого, любя других, кто в свою очередь с любовью относится к нему, при этом каждый терпеливо принимает индивидуальные и семейные особенности другого.

Пространство и его организация. Время

Всякая начальная и средняя школы должны были бы состоять из следующих трех типов помещений: классы, мастерские и библиотека; время личной и общественной жизни следовало бы распределить следующим образом: еда, учение и обучение ремеслам и разным видам искусства, отдых и перемена. Работа на кухне и уборка помещения могли бы по очереди доверяться группам детей, желательно — разного возраста, и чтобы выполняли они такую работу вместе с компетентными и ответственными взрослыми. В таком случае желательно чтобы и уборщицы, и повара на кухне кое-что понимали в педагогике, чтобы они могли заинтересовать детей и ввести их в разные виды работ: вымыть посуду или произвести уборку, благоустроить и украсить помещение школы, сюда же следует отнести и ремонтные работы в школьных мастерских.

Старшие из детей могли бы привлекаться к бухгалтерской и управленческой, административной работе. В этом случае административный аппарат школы тоже подбирался бы с учетом не только профессиональных, но и педагогических способностей.

Взрослые, которые занимаются и общаются с детьми и подростками

Взрослых, которые отвечают за детей, целесообразно было бы разделить на две категории в отличие от ныне существующего деления. Грубо говоря, с одной стороны, это — воспитатели, с другой — преподаватели.

К тем, кого я называю *воспитатели*, я бы отнесла получивших диплом, но не занимающихся активно ни искусством, ни спортом, ни ремеслами для обеспечения себе средств к существованию. Если взрослому за зарплату предоставляется «объект человеческий» как материал для приложения своих чувств и ума, то неминуемо про-

392

исходит аберрация, и в результате вместо воспитания человека — манипулирование им взрослого. Те же воспитатели, которых имею в виду я, продолжали бы работать в тех областях, в которых специализируются, а параллельно работали бы с детьми и, таким образом, могли бы привить детям хотя бы некоторые навыки, воплощая пример собственного удовлетворения работой.

Таковыми же воспитателями и на равных с ними — в каждой школе — могли бы работать психологи. Они бы руководили мастерскими, группами детей и выполняли бы функцию, отличающуюся от деятельности психологов-медиков, которые занимаются исследованиями, терапией и диагностикой детей со школьными или характерологическими проблемами. Однако психологи-медики не должны принимать никаких решений по вопросам школьной или семейной жизни, касающихся ребенка и его родителей. Иначе можно потерять доверие ребенка; необходимо учитывать, что психологи-медики одновременно должны и соблюсти врачебную тайну, и ответить на поставленные вопросы. На все вопросы следовало бы отвечать психологам-воспитателям, которые ежедневно общаются с детьми и помогают другим воспитателям-специалистам, обладающим конкретными знаниями в своей области, овладеть дополнительными умениями и ролью воспитателей-наставников, способных увлечь детей за собой (в искусство, ремесло или спорт).

Преподаватели — это прежде всего те, на кого возложен груз общего образования соответственно тому, по какому предмету — сообразно своим интересам — они специализировались, чтобы, следуя адекватной методике, научить этому предмету детей, заинтересовав их. А рядом с такими мэтрами-предметниками, обладающими максимальными для каждой группы детей знаниями, — другие: инструкторы, техники, педагога, которые могли бы заниматься реальным приложением знаний. Именно на них приходился бы контроль за усвоением предмета и приложением на практике полученных на общих лекциях знаний. Они были бы ближе к детям и, вместе с «профессором», составили бы единую группу, они могли бы стать посредниками между детьми и преподавателями и помогали бы детям, которые нередко начинают чувствовать себя неуверенно, как только дело доходит до конкретного. Так каждый ребенок в собственном своем ритме мог бы усваивать услышанное от «профессора».

393

Глава 4 **ОТКРЫТЬ ДВЕРИ ЛЕЧЕБНИЦ**

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЗАПУСТЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТЕ, ЗАСЕЛЕННОМ ДЕТЬМИ С ОТСТАВАНИЕМ

В 1982 году я должна была поехать в Орильяк, где у меня была назначена встреча в Управлении по делам санитарии и социального обеспечения (D.A.S.S.), и летела я туда в восьмиместном самолётике. Погода стояла прекрасная, мы летели над горными пиками, и я смогла увидеть весь Канталь с птичьего полета. Французская пустыня. И сколько одиноких ферм! На весь департамент 160 тысяч жителей. Я встретила с президентом и вице-президентом D.A.S.S. Уже тридцать лет, сообщили они мне, как Канталь избран местонахождением лечебниц для детей со всякого рода отставаниями. Их привозят сюда со всей Франции, изолируя от семей. А поскольку департамент беден, то и поселяют этих детей здесь, так как это недорого. Лечебниц они не покидают, А делать — ничего не делают.

Это все, конечно, невыгодно для экономики региона, так как из детей с отставаниями в развитии вырастают дебилы-взрослые. Если находят, что кто-то из них опасен, начинают лечить в больнице таблетками, и это всё. Бывшие воспитанники таких домов ребенка составляют треть населения департамента — их сюда привезли, и они прожили здесь всю жизнь, их опекает государство, то есть — налогоплательщики.

Я попробовала нарушить эту летаргию. «Невозможно, — говорю — чтобы вы, D.A.S.S., не выступали с какими бы то ни было инициативами, ведь именно вы обязаны заниматься детством и юношеством. Вы говорите, что эти земли совершенно пустынные (нет никакой промышленности, нет даже овцеводства; у крестьян есть коровы, но их нигде не видно, и молоко они продают на молокозаводы, которые находятся за пределами Канталя). Кажется, в департаменте Лозер то же самое. Так почему бы не привлечь сюда тех молодых, которым нравится природа, экологов, молодые пары, которым негде жить, которые вынуждены становиться нарушителями закона, потому что не знают, куда приткнуться? На вашем месте я бы реквизировала

394

эти необрабатываемые земли, поставила бы там сборные домики и сдавала бы их в аренду этим молодым на тридцать лет. В обмен на это молодые пары, у которых будут дети, брали бы двух-четырех детей и подростков из домов ребенка — на субботу-воскресенье. Те помогали бы им по дому, в поле и так далее. Таким образом, эти молодые пары могли бы стать для таких детей приемными семьями. Дети могли бы меняться, но если кто-то поладил с семьей, мог бы там и остаться и войти с помощью своей приемной семьи в социальную жизнь. Вот вам и один из путей заселения вашего Канталя!»

Президент D.A.S.S. ответил, что ему такими делами заниматься не нужно, это дело директоров домов ребенка или лечебниц — они должны найти решение, куда отправлять детей на субботу-воскресенье. Дети же с четырех-пятилетнего возраста безвыходно находятся в одном и том же учреждении, родители их далеко, они не видятся, и дети все больше и больше начинают отставать в развитии. У администрации свои соображения, экономические: «Для того, чтобы школа была рентабельной, нужно, чтобы эти семьи или организации, что принимают детей с отставаниями, работали постоянно, только субботы-воскресенья и каникулы — этого мало». Я не согласилась. «Тогда, — говорю, — эту проблему решить невозможно.» — «Ну, да, — согласился директор, — о том и речь: директора на местах должны решить, чем занять детей вне стен лечебниц на каникулах и в выходные. Разумеется, отдыхать там администрация в это время не должна, нужно, чтобы эти заведения были рентабельны.» — «Но не директора этих лечебниц должны искать выход из положения, — говорю, — когда дети в лечебницах, их оставляют в покое. Это как в тюрьме. И начальство сторожит свои тюрьмы.» — «Верно, — соглашается директор, — но все равно решать им.» — «Стало быть, вы сами предпринимать что-либо не намерены, хотите, чтобы выпутывались другие. Но вы же — Управление по делам санитарии и социального обеспечения...» Я не унималась: «И потом, не администрация этих лечебниц должна что-то там придумывать. Решить этот вопрос должны именно вы. Хорошо, на выходные дети уходят, но если я хочу, чтобы Дом ребенка не прерывал в связи с этим своей деятельности, то постараюсь найти тех, кто будет организовывать его работу в это время. Директор лечебницы может быть администратором небольших конференций в этих зданиях в выходные, например, для кюре или монашек, которые работают в больших лечебницах... Почему бы администрации не заняться этим?»

395

Люди, с которыми я разговаривала, выдавали себя за «левых». У меня было впечатление, что они, как коммунисты, впитали в себя дух повиновения, по крайней мере, социалистами они не были, те — думают. А эти не думали, пребывая в милой безынициативности:

«Я всего-навсего маленький администратор, делаю, что мне говорят». «Но в конце концов, — говорю я им, — у вас в департаменте есть лицеисты и молодые рабочие; все от 9 до 25 лет хотят быть спортсменами: вы можете в Кантале создать клубы дельтапланеристов, это новый вид спорта, таких клубов может быть шесть.» — «Один уже есть...» — «Что такое один? доберите ребят, спросите, сколько из них хотят этим

заниматься. Они составят бюджет... Сами будут все делать... С неба же ничего не упадет! Приветствуйте инициативу.»

Этим высоким чиновникам совсем не нравилось, что я их так дергала. «Да ведь именно на вас возложена ответственность за принятие превентивных мер в работе с отстающими в развитии детьми! А с такой работой, как у вас, все эти дети окажутся в тюрьмах или в психиатрических лечебницах. Никто ничего не предпринимает. Полная безынициативность. Вы попросите, предложите...» — «Видите ли, хозяева этих пустошей не хотят ни сдавать их в аренду, ни продавать.» — «Тогда проложите шоссе, и эти земли будут у них просто экспроприированы, и они останутся с носом. Сделайте это...» — «Хорошо бы, да денег-то нет...» — «Нет — потому что вы не хотите приложить усилия, чтобы они были! Одна двадцатая частных земель — это пустоши, куда никто не ходит и где никто ничего не делает. Дома — в двадцати километрах от них: делай там, что хочешь...»

Вот ведь как... Да у тех, кто должен заниматься этим, — никакого воображения! Но, дать возможность молодым предлагать что бы то ни было они тоже не желают.

Право, для меня это было настоящим открытием: эта прекрасная Овернь, которая никому не нужна и запущена. Огромные бесполезные земли. Единственное в департаменте производство — госпиталь в Орильяке. Но для того, чтобы он работал, надо, чтобы случился больной, а уж случился... Быстро отсюда не отпускают. Канталь живет этим госпиталем и «тюрьмами» для детей с отставаниями, которых забрали туда и лишили контакта со всем и вся.

Человеку проще плодить пустыни, чем выращивать леса. И мне кажется, что так — почти всюду. Но есть нечто более стерильное, чем географическая пустыня — отсутствие человеческих связей, пустыня чувств. И это ужасно, когда Канталь побивает рекорды бесплодности человеческих отношений.

396

Глава 5 **ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ ДЕТЕЙ**

О НОВОМ ОТНОШЕНИИ К ДЕНЬГАМ

Детская пресса уже публиковала опросы на анекдотические темы типа: «Что делать с карманными деньгами?», «Что бы вы хотели придумать для каникул?» и так далее. Стоило бы подвигнуть детей к вещам более серьезным. Хотя, конечно, то, что значимо для взрослых, не важно для детей. Но ведь дискуссию можно развернуть и на действительно важные темы: вместо карманных денег можно было бы поднять просто вопрос денег, отношения к деньгам...

Можно было бы пригласить детей выступить на телевидении или в прессе индивидуально или группами: пусть расскажут, что думают о конкретных проблемах — например, о разводе, расписании уроков, присмотре за детьми, жизненном ритме, типе общества, расизме, свободе, искусствах, солидарности, инвалидах, психических заболеваниях, здравоохранении, экологии.

С моей точки зрения, раз до сих пор нет таких мест, где дети чувствовали бы себя свободно, то вряд ли стоит спрашивать их совета — они будут очень зависимы от мнений родителей. Когда детей приглашают выступить на семинарах, коллоквиумах и т. п., за всем этим стоят взрослые, награждающие их за ничего не значащие фразы. Дети не скажут, что они несчастны, что их эксплуатируют, что к ним плохо относятся, что над ними смеются.

И беда тому, кто говорит правду не готовому ее услышать взрослому.

В школе с активной методикой преподавания — инспектор: проверяет преподавателя. Наводит справки у ученицы. А в ответ: «Ай да скучно!» Скучно в такой школе? Неслыханно... «Скучно потому, что в классе вы!» Оскорбление! Посягательство на академическое достоинство. Инспектор разводит целую историю. А девочка всего-навсего сказала, что думала. Ничего больше. Но общество так не думает. Не принято так говорить представителю администрации, инспектору, лицу, осуществляющему надзор за ее преподавателем.

397

В Ницце была выставка «Ребенок и телематика*», и некоторых детей пригласили к микрофону: высказаться. В этой обстановке они были участниками представления; это было интервью, и отвечали они, как взрослые — в соответствии с тем типом поведения, который приняли или сделали вид, что приняли. Они бы не подстраивались так быстро, не подражали, если бы речь шла о действительно волнующих их проблемах, впрочем, тогда... под вопросом оказалась бы система, придуманная, выношенная взрослыми и ими распространяемая.

Например, вопрос денег (отношение к деньгам); он должен был бы обсуждаться уже в школе. Есть достаточно подростков, которые говорят о «монетах», как о чем-то негативном, грязном. Они, можно

сказать, даже знать не желают о самом денежном символе. Но ведь именно деньги являются в любом созданном человеком обществе эквивалентом товара при обмене; деньги — это серьезно, и этого товарообмена не избежать. Но такие подростки доходят до того, что отвергают деньги, проникаются ненавистью к любому денежному обмену и приходят к неким коммунам, где денежные знаки исключены из обращения. Одно это отбрасывает их на задворки общества. Но если бы эти же дети могли высказаться по поводу денег в обществе много раньше, они, возможно, не переживали бы эту проблему столь остро, враждебно, конфликтно. А так в подростковом возрасте возникает что-то вроде ненависти к «монетам».

Деньги детям выдают взрослые. Дотации на детей тоже получают взрослые. И выходит, что когда ребенок получает какую-то сумму, то распоряжается ею не он, а... его родители. Ну, а если ребенок что-то выиграл, или получил деньги за что-то, то чаще всего они кладутся в кошелек или какую-нибудь кассу, и он не может их взять до 16 лет. Или их перераспределяют родители на карманные деньги, по капле... и что тут удивляться, что ребенок их тут же тратит — ведь он никогда ими не распоряжался. А можно ведь и так: «Вот твой бюджет на три месяца...» Скорее всего, в первый раз уже через три дня от них ничего не останется, но опыт-то будет. Только нужно ему объяснить и не принимать никаких мер с первого раза. Все это очень сложно, и мне кажется, что взрослые совершенно безоружны перед ребенком, который задает им сакраментальный вопрос: «Почему все это основано на деньгах? Почему я не могу зарабатывать их и распоряжаться ими?» Есть дети, которые не понимают, почему в 12 лет они еще не могут зарабатывать.

- Телематика — совокупность технических средств и услуг, комбинирующая свойства вычислительной техники и телекоммуникаций.

398

деньги — никто их не берет на работу из соображений безопасности до 16 лет...

Система пособий, которых можно лишиться, если ребенок бросает школу до 16 лет, искажает смысл образования. Присутствие в школе — это нечто обязательное. Можно там ничего не делать, но такая безнравственность рентабельна.

Родители из неблагополучной среды поставлены в положение сводников перед лицом Министерства образования. Они оплачивают исключительно присутствие детей в школе: их явку туда.

Пособия же могли бы выдаваться детям: за те или иные успехи в учении, которые бы оценивались в соответствии с проделанной работой.

Мне непонятно, почему школа не может как-то материально поощрять детей за их успехи — премиями, книгой, пластинкой по выбору или деньгами. Это же богатство для страны, если ребенок достигает определенного уровня знаний. И у каждого ученика могла бы скопиться какая-то сумма: восьмилетний ребенок сдал французский, в 8 лет получил диплом — премия 100 франков; получил второй диплом — еще 150; третий диплом — 300 франков; четвертый.... Почему нельзя?

Или же установить стипендии за пройденный курс — тогда у детей было бы ощущение, что они могут сами финансировать свое обучение. А такая стипендия для них — целый капитал. И через несколько лет они могли бы выбрать, как использовать этот капитал — прервать занятия и отправиться в путешествие, либо вложить эти деньги в дело или в продолжение учения.

В самом деле, до чего плачевное зрелище — видеть молодых, имеющих дипломы 16-летних юношей и девушек, у которых нет ни гроша в кармане, ни какой-либо возможности приложить свои силы... Мне это напоминает заключенного, который выходит из тюрьмы и практически ничего не может сделать, не имея ничего. Даже билета в метро.

А диплом — в дополнение к полной безоружности перед жизнью. И никакой организации, которая бы помогала материально, не существует. Вне семьи не существует никого, кто мог бы сказать, как, например, отец своим детям: «Учись до такого-то года за мой счет — я тебя авансирую, дело чести... Я вкладываю деньги в твою учебу (работу), но только до такого-то года; после этого — разбирайся сам, следовало бы этому научиться». Существует одна или две системы школьного страхования как P. et T., l'Assurance

399

Etudes.... Но такие системы не дают школьнику ощущения, что он сам финансирует свою учебу. В Канаде каждый приход может выдавать стипендии (приход там, как у нас, во Франции, сельская община). Я знаю канадских медиков, которые благодаря такой стипендии приезжали во Францию для психоаналитических сеансов. Стипендия была на четыре года, и они могли оплатить курс. И они же сами потом создадут новые стипендии для молодых людей своего прихода.

Во Франции же стипендии распределяются государством, они обезличены. Тогда как учредитель частной стипендии обычно известен. И этому господину раз в год сообщают — что и как, чтобы отчитаться в проделанном. У нас такие стипендии весьма напоминают обезличенную социальную поддержку нуждающимся и не решают проблемы.

В конце концов, стипендии почти всегда достаются либо детям преподавателей, либо тем, кого преподаватели выделяют, или детям, чьи родители следят за тем, где и какие стипендии можно получить.

Но есть и другие дети и подростки — те, чьи родители прекрасно могли бы платить за курсы, которым дети хотели бы учиться, но такого не происходит: самим, без стипендии, детям это не по карману, родителям же, не слишком всем этим интересующимся, разбазаривать деньги неизвестно на что — не хочется. А тот социоэкономический уровень, на котором находятся родители, не позволяет детям претендовать на стипендии, которые на самом деле только и позволили бы им утолить жажду знаний.

Раз уж невозможно перестроить школьную систему, то хоть в самой-то школе можно организовать клубы, мастерские, чтобы создавать там то, что можно продавать: рисунки, гончарные изделия, миниатюры; даже платные услуги населению можно оказывать.

Вместо того, чтобы опасаться за сохранность частных домов, можно было бы привлечь детей к уборке этих помещений, к благоустройству их. И у себя в квартале, возможно, они могли бы заняться тем же. Конечно, остается открытым вопрос безопасности, социальных поддержек, страхования, но не следует все видеть только в черном свете. И за мэрией тут не последнее слово.

Почему не платить детям во время обучения? Почему не оценивать материально их успехи?

А не имело бы смысла и у нас, как это делают в Америке, где студенты оплачивают свое обучение, подрабатывая где-либо, — установить плату за обучение, которую должны были бы вносить сами студенты? Тогда обязательное образование обрело бы смысл, ведь... на заработанные деньги студентам удаётся даже сеансы

400

психоанализа оплачивать. А нет ли здесь общего со школой? Тогда, сохраняя тот же ценностный ряд, можно предложить, чтобы и школьники, не ожидая, пока они станут студентами, сами оплачивали обучение. Возможно, тогда и отношение к школе изменится?

Я уверена в этом. Но для этого надо изменить программы. Если программу можно будет выбирать, то дети выберут то, что им необходимо, и будут стараться, даже охотно пойдут на какие-то жертвы, чтобы только попасть в список на эти занятия.

Никто из детей не начинает сеансы психоанализа бесплатно — у каждого есть право только на три бесплатных сеанса, которые оплачиваются за счет родителей или социального страхования. «Если тебе интересно, — предупреждаю я ребенка, — а это станет тебе понятно через три сеанса, — то дальше психоанализ будет платным;

не бог весть сколько, но платить обязательно». И малыши приносят камешки, а кто постарше — марки или, если есть, карманные деньги, 10 сантимов'. Если ребенок приходит с пустыми руками, я поздравляю его с окончанием работы (или — с его забывчивостью) и предлагаю принести что-нибудь, если он действительно хочет продолжить работу, и не отменяю следующей встречи. А родителей утешаю, что нечего волноваться за своего ребенка: раз он не считает, что за эти сеансы следует платить 10 сантимов, значит, так оно и есть. Он прав. Он не чувствует необходимости в моей помощи или не доверяет мне. С вами будет так же. Эта символическая цена является удивительным рычагом интереса, она поощряет ребенка к самовыражению. Иногда, правда, бывает, дети выискивают всяческие способы, чтобы их к этому не вынуждали, несмотря на то, что приготовить марку, найти камушек, принести его — труд не велик. Но если и это кому-то затруднительно — стало быть, перед нами те, кому действительно не хочется, чтобы с ними работали. А вместо него (или — нее) приходят родители, которых волнует, что происходит с ребенком. «Приходите поговорить о том, что с ним творится, — приглашаю я их. — Поразмышляем вместе, почему ребенок пока еще не может взять на себя ответственность за себя самого». Часто виноваты в такой ситуации сами родители. Правда, они уже чувствуют, что что-то неладно, а он — еще нет. Он лишь активно или пассивно протестует против того, чтобы им кто-то распоряжался.

«Одну десятую франка.

401

Что же до настоящей платы за психоаналитические сеансы, то у меня бывали такие четырнадцатилетние пациенты, которые считали для себя это долгом чести и платили часть, сколько могли, а остальная часть оставалась их долгом чести родителям или мне...

Договоренность же о необходимости символической платы совершенно понятна и совсем маленьким детям. Эта плата означает его желание; знак того, что ребенок хочет идти навстречу, решил на это, понял, что именно ему предлагают, почувствовал к этому интерес и чувствует пользу (цель отдаленная и промежуточная являются составляющими той предназначающейся ему полезности, которая одинаково хорошо узнается ребенком не только на психоаналитических сеансах, но и в процессе овладения знаниями, который равно как психотерапия, снимает его тревога и страхи). Это тот эффект, которого добивается психотерапия; она раскрепощает желание. И это может быть перенесено в планы школы: пробудить в ребенке желание знать, желание учиться, понимать; не непременно желание, обязанность подчиняться родителям и вышестоящим взрослым, а возможность самовыражаться, действовать, творить. Со времен Карла Великого принц, который хочет иметь надежных людей для своего аппарата власти и управления,

поощряет наградами хороших учеников, тех, кто доставляет удовольствие хозяину, и наказывает или избавляется от плохих, тех, кто не достигает результатов, которые удовлетворяли бы целям, поставленным хозяином, или которые не подчиняются правилам, установленным в интересах данной группы.

Завоевать что-то, чего хочешь — совершенно иное дело, чем быть обязанным это принять. Аналогично — в отношении овладения знаниями. Сделать знания доступными для всех, кто к ним стремится, каково бы ни было желание родителей, или ритм в котором они приобретаются, возможности детей при том условии, что дети испытывают горячее желание эти знания приобрести и изъясляют его — это совсем другое дело, нежели сделать образование обязательным. Справедливо заклеить эксплуатацию здоровья человеческого существа (физического, нравственного, умственного). Но проблему эту не разрешить, запрещая детям от восьми до шестнадцати лет работать за вознаграждение или без него. Надо лишь информировать ребят о границах прав их нанимателей. В действительности же дети гораздо больше эксплуатируются, становясь бенефициантами, и обязаны в этом взрослым, которым позволено — и оправдано законом — произвольно пользоваться по отношению к детям правами, касающимися их занятий, и абсо-

402

лютно — властью, экономической и даже сильной физической, — по отношению к тем, кто слабее их.

У детей нет никакого прибежища между их семьей и обязательной школой. Если работать им запрещено, то есть запрещен заработок, то им мало что остается: либо восставать, либо стать правонарушителями, либо подчиниться (пассивное правонарушение, благосклонно принимаемое родителями и учителями), либо уйти в болезнь, умственные расстройства, разрушительные расстройства чувств — в невроты, психозы, иначе говоря — в болезненные состояния, что означает унижение желания, подавление желания, увечье ребенка, невозможность самовыражения, как и неосуществимость ввести свою активность в русло общей активности общества.

В Соединенных Штатах маленькие американцы имеют право зарабатывать, С восьми лет они могут выполнять разные мелкие работы после занятий в школе. Они разносят молоко, газеты.

Очень важно чувствовать, что можешь за себя отвечать. Если бы во французском обществе детям в возрасте 7-8 лет была предоставлена возможность заниматься тем же, чтобы они могли чувствовать себя самостоятельными, чтобы они умели без помощи взрослых переходить улицу, перемещаться без взрослых из одного места в другое, — то отношения улучшились бы как в обществе, так и в семье. Ребенок бы чувствовал, что его не только терпят, но он бы ощущал, что приносит пользу. Такая революция была бы небесполезна для Франции. Увы, все тут же оказываются против; стоит мне только посоветовать родителям — оплачивайте детям какие-то небольшие, посильные им, работы по дому (и на домработнице сэкономите...), в ответ на это мне говорят (именно такое я слышу на встречах с родителями): «Ну, если дети начнут оказывать услуги за деньги — это стыд.» — «Почему же? Ведь вы платите домработнице, вы платите человеку за тот труд, который он выполняет.» — «Но ребенок не может сделать это так же хорошо, как взрослый!» — «Вы можете заплатить ему меньше, если работа выполнена недостаточно хорошо, или можете сказать — "Отлично!" — и заплатить столько, сколько следует. Его право отказаться от части этих денег в знак семейной солидарности».

В возрасте от 9 до 12 лет ребенок выучится делать все, что можно, по дому и настолько хорошо, чтобы делать то же у посторонних, поскольку подростком он сможет делать это не только у себя дома. В 12-13 лет подростку уже необходимо выходить из

403

лона семьи и бывать в других домах. Таким образом у него не возникнет чувства, что родители его эксплуатируют под предлогом того, что он от них полностью зависим. У других он не чувствует того давления, какое нередко испытывает дома.

В XVI—XVII веках сыновей часто отдавали в учение или в пажи к другим. И в деревнях то же самое — двенадцати лет уже можно было идти в услужение на год-два к людям, занимавшим такое же положение, как и их родители, которые освоили то же ремесло. Постигнув ремесло, дети могли возвращаться (или не возвращаться) к родному очагу, чтобы помогать стареющим родителям.

В сущности, в прежние времена обществом проводился эксперимент по социализации детей. И наше, современное общество могло бы перенять у предшествующих подобные отношения, будь школа местом, где воспитание ребенка осуществлялось бы комплексно: ученики в ней могли бы работать вместе с художником, со столяром, с поварихой, с уборщиками... наконец, — со всеми теми, кто содержит школу в исправности... И в то же время занимались бы с преподавателями. Они могли бы многому научиться, если бы школа действительно была местом, где протекает их жизнь, а учителям платили зарплату за то, что они передают свои знания юным, сознавая и ценя уравнивающую и детей и взрослых свободу человеческой личности. Конечно, у детей нет знаний взрослых, но всё, что рядом, буквально у них под боком, то, что может пригодиться в активной жизни — должно быть задействовано. И в таком случае связь взрослых и

детей была бы обеспечена. Иначе же возникают такие ужасные ситуации, когда вместо того, чтобы убрать со стола посуду, дети кладут на него ноги.

На совместном отдыхе обязанности распределяются четко.

Сколько детей говорит, что хотели бы покинуть свои семьи и идти в пансионаты, где так же, как на каникулах. Иногда они говорят не «пансион», а так: «Хорошо бы, чтобы было, как на каникулах, и все бы друг другу помогали...» — как в летних и зимних лагерях. Там все по очереди участвуют в поддержании порядка в доме:

пятеро-шестеро отправляются с преподавателями за покупками, другая группа убирает в доме, третья — занята на кухне. И они счастливы, что родители — далеко, приятно видеть их время от времени, но не постоянно.

Настоящая революция в воспитании начнется, когда школа вместо государственного учреждения станет местом, где учат отвечать за себя самого, учат солидарности со всеми без различия в возрасте, где у каждого — своя задача, но нужная всем. "Но стена эта держится крепко. И профсоюзы будут против.

404

О НАКАЗАХ...

Во времена созывов Генеральных штатов* о защите прав детей было совершенно забыто. В Наказах не обнаруживается абсолютно ничего, что могло бы действительно изменить жизнь будущих граждан. Но в 1789 году имел хождение анонимный документ, который претендовал на исправление этого упущения.

Тому, кто читает этот документ сегодня, форма некоторых требований может показаться смешной, "Но смысл превосходит их дискуссионный пыл. Так, под страхом ада или грозя появлением огромного злого зверя, редактор или редакторы призывают в том документе к отмене розог и муштровки, требуют образования для девочек. А родителям и учителям приказывается «прекратить то и дело противоречить действиями и словами тем урокам, которые взрослые преподносят детям обоих полов, поскольку невозможно запрещать другим совершать плохие поступки, если они совершаются всеми и постоянно — без зазрения совести».

Если бы Генеральные штаты детей созывались в 1984 году, эти указы все еще несколько бы не устарели...

ВОЗМОЖНО ЛИ МИНИСТЕРСТВО ПО ДЕЛАМ ЮНЫХ В ОБЩЕСТВЕ, СОЗДАННОМ ДЛЯ ДЕТЕЙ?

Вместо того, чтобы упорствовать в традиционном и ребячески-добросовестном исполнении «десяти заповедей», английские «Чилдренс бюро» в русле своих исследовательских работ повернулись лицом к будущему и заинтересовались вопросами о превентивных мерах, которые могли бы улучшить положение детей и предоставить им большую возможность развития. Как строить будущее, что делать, чтобы двигаться дальше? Этот вопросник, озаглавленный «Вопросы без ответа», был предоставлен воспитателям для размышлений. Реакция Франсуазы Дольто, внимательно изучившей тему, была самой непосредственной».

• 1302—1789 гг.

" «Чилдренс бюро» — негосударственные учреждения по оказанию помощи будущим родителям и детям в Англии в конце 70-х годов.

• "The needs of children. Quelques questions sans reponse, Mia Kellmer Pringle, Hutchinson and Co.

405

1. Какими бы взрослыми мы хотели видеть сегодняшних детей?

В этом-то все и дело. Сотрудники «Чилдренс бюро» более всего ценят конечный результат. Я же наиболее важным нахожу подготовку детей к будущему, она начинается с 9 лет, с этого возраста дети должны готовиться к самостоятельности, определяя свое место в жизни, поддержка в приобретении ими максимума знаний и опыта должна находиться в соответствии с их личным интересом. Но никому не дано сказать, какими взрослыми они вырастут. За свои поступки целиком и полностью перед лицом закона ответственен взрослый человек. Для того, чтобы создать наилучшие условия для воспитания таких взрослых, необходимо сделать так, чтобы мальчики и девочки отвечали за себя, и по достижении 14-15 лет могли уже освободиться от влияния своих собственных родителей, не теряя при этом, насколько возможно, родственной эмоциональной связи с ними. Именно поэтому мне кажется, что правильнее считать совершеннолетием 16, а не 18 лет, а возможность приобретения самостоятельности — с 14, как того хотят сами подростки. Если ребенок страдает от семейного окружения, то, достигнув совершеннолетия, по закону он имеет право отделиться от родителей. Если бы совершеннолетием считалось достижение 16-летнего возраста, то дети получали бы возможность иметь большую самостоятельность уже в 14 лет. Теперь же только родители имеют законное право просить о предоставлении несовершеннолетнему юридической дееспособности, в то время как именно подросток должен был бы ее требовать, даже когда родители противятся предоставлению ему таковой, и это могло бы быть возможным уже с 14 лет.

С того момента, как образование стало обязательным до 16-летнего возраста, и совершеннолетие

должно бы было наступить в том же возрасте. Да оно и наступает в моральном плане в 16 лет. Мне кажется, что законодатели неправильно поставили возрастную границу, не захотев снизить возраст совершеннолетия с 21 года до 16 лет, — наверняка им это показалось очень радикальной мерой. Но этап в развитии пропустили.

Множество подростков раньше бы вошло в активную жизнь с тем, что образованием своим займется позже. Почему нельзя разрешить человеку на год-два сойти с протоптанного пути? Возможность воспользоваться таким свободным годом позволила бы подросткам лучше представить, что их ждет в будущем, и решить — продолжать учебу или нет?

406

2. Не должны ли мы ввести различные формы браков? Один — как пробный опыт, и потом уже брак для создания семьи?

Но не исключено, что от таких пробных браков родятся дети. И нужно было бы сохранить за родителями — по их желанию — ответственность за этих детей. Если же они этого не хотят, то ответственность за ребенка переходит к кому-то из родственников или государство берет ее на себя, при этом, конечно, не разрывая эмоциональные связи, разрешая родственникам или родителям таких детей переписку с детьми и посещения.

Не безумие ли это, что для того, чтобы создать семью, надо лишь объявить о своей свадьбе за две недели, а для того, чтобы развестись — ждать три года. Это глупо. Гораздо умнее ждать три года свадьбы, объявив о ней, жить три года в пробном браке (который мог бы возобновляться каждый год) до тех пор, пока обе стороны не решат окончательно создать семью. Но уходить от ответственности за появление на свет детей нельзя. Конечно, не следует торопиться заводить детей, иначе и семейная пара не поймет, жизненна ли она; но уж если так получилось, нужно быть готовым действовать лишь в интересах этого неожиданного ребенка.

3. Не ошибочно ли уже в школе начинать готовить детей к ответственной роли родителей? Или до той поры, пока подобное обучение не станет жизненной необходимостью и родительским долгом, это не обязательно? А может быть, необходим «сертификат», наподобие С.А.Р.¹, на звание родителя, удостоверяющий способность данного индивидуума быть родителем?

Мне кажется, это совершеннейшая утопия. Готовность стать родителем достигается на том уровне развития личности, когда человек может взять на себя ответственность за другого, существующего независимо от него, и который никогда этому человеку принадлежать не будет.

Разумеется, определенные знания могут быть даны. Но знания эти получали бы дети, находящиеся еще в зависимости от собственных родителей и поэтому пока не подошедшие к границе самоидентификации. Образование совершенно ни при чем, когда речь идет о

• С.А.Р. — Certificat d'Aptitude Professionnelle (фр.) — Удостоверение о профессиональной пригодности.

407

том, что надо становиться родителем. Для этого необходима настоящая зрелость, поскольку надо отдавать себе отчет и понимать, что это не значит обрести власть над кем-то, это значит — обрести обязанности и ничего в обмен на них. Именно такого понимания и не хватает нынешним родителям. Мы видим — ребенок в нарушение всех границ «пожирает» родителей, а родители не реагируют так, как велит возраст и родительский долг: они начинают вести себя с собственными детьми запанибрата, поскольку своего детства в действительном смысле — не прожили. И через ребенка переживают его заново. И если одного из родителей материнство поджидает как ловушка, или же (у другого) перспектива стать отцом разрушает его чувство к жене или идет в ущерб работе, то они перестают получать удовольствие от семейной жизни, и связь, существовавшая между родителями, исчезает — это является одной из причин разводов. Если же учить детей быть родителями, то нужно учить их тому, что у них никогда не будет никаких прав на их детей — только обязанности, и главным из них будет подготовка детей к умению жить, обучение их умению освобождаться от нянек. Что касается детей, их нужно учить не забывать об их единственном долге по отношению к родителям: в старости помогать им, быть рядом, когда родители беспомощны — так же, как когда-то, когда беспомощны были они, их родители были рядом с ними.

4. Существует необходимость использовать в качестве дополнения родительской заботы о детях энергию юношества и пожилых людей.

Это очень важно. Именно это я называю «побочным» влиянием. Все та же проблема взаимных влияний: нельзя юношество изолировать от стариков — у стариков более живой ум и меньше эротизма в отношениях с людьми своего возраста, а следовательно — они уже в меньшей степени являются сексуальными соперниками, чем взрослые. Тот факт, что стариков от детей отделяет два поколения, уменьшает давление власти и увеличивает желание общения. Нынче дети общаются в основном со своими бабушками и дедушками, а желательно, чтобы общение со стариками выходило за семейные рамки, тем более сейчас, когда семьи живут на расстоянии друг от друга.

Необходимо реабилитировать энергию стариков и детей. Дети могли бы заниматься с малышами, особенно — с чужими. У некоторых детей просто организаторский талант. Они не имеют над чужими детьми никакой власти, но могут аккумулировать энергию, предос-

408

тавляют агрессивным — и даже опасным для меньших — детям возможность высвободить свою энергию и направить ее в иное направление. Но под предлогом запрещения работать исчезает возможность предоставить социальной группе развивать межпоколенные коммуникации с их богатейшим воспитательным потенциалом.

5. *Феминистки утверждают: «Ребенок не имеет права что бы то ни было изменять в жизни женщины». Не возникает ли опасность, что права ребенка будут подрываться феминизмом?*

Оказывается, что женщину, выносившую в течение девяти месяцев ребенка (желанного — иначе она могла сделать аборт), в очень значительной степени изменяют физические и эмоциональные процессы, происходившие в ней, особенно роды. Те слова, которые говорят феминистки, произносятся ими или до того, как они стали матерями, или значительно позднее, когда их изнурило мазохистское материнство. Если ребенок зачат, они его оставляют. И никто их не заставляет. Родившая в наши дни женщина прекрасно может сказать: «Я не могу воспитать ребенка» — и доверить его D.A.S.S.

Некоторые молодые женщины, у которых есть дети (впрочем, тревожны они и без того), быстро от них устают и склонны переложить заботу о детях на кого угодно — родителей, мужа, соседку. Они и думать не хотят о яслях или няне, но вместе с тем, желая оставить ребенка дома, не выносят его еще больше. И говорят они так: «Да он вздохнуть-то мне не дает...» Они не в силах оставаться женщинами, став матерями. Это плохо и для ребенка. В этом случае лучше от ребенка освободиться, не виня себя в этом, — наоборот. Я думаю, что не всем женщинам полезно самим воспитывать своих детей. А когда это плохо для женщины, то для ребенка и для того, с кем эти женщины связаны, это вредно. Так что, если рядом с ней есть кто-то, кому приятно заниматься с ее ребенком, то почему бы и нет? Но говорить о своих связанных с материнством проблемах лучше, когда станешь матерью, тогда же — отыскивать способы избавления от своих опасений и тревог.

6. *Практический вопрос: нужно ли оказывать социальную поддержку тем, кто все свое время всецело отдает ребенку в первые годы его жизни?*

409

Мне непонятно, почему юридические лица, такие, как страховые общества или байки, ссужающие деньги для покупки квартиры, например, отказывают в помощи матерям, которые хотят растить своих детей. Эта сумма минимальна по сравнению с квартирным взносом и вполне могла бы поступать обратно в банк по достижении ребенком 18 месяцев, и полученная ссуда могла бы быть погашена в 10, 20 или 30 лет. Таким образом, женщины, которые этого хотят, могли бы заниматься воспитанием своих детей до достижения ими полутора-двух лет — до такого возраста, когда ребенок начнет ходить и обретет определенные навыки. Несправедливо, что матери не получают дотаций на воспитание детей, — ведь платят же посторонней женщине за уход за ребенком, если мать отказывается его воспитывать. Если мать доверяет своего ребенка D.A.S.S., ребенок берется на попечение, а женщина, которая берет его на воспитание, получает 2500 франков за одного ребенка в месяц.

Моту привести пример: одна кормилица живет с шестью умственно отсталыми детьми — расстройство двигательных функций; воспитывать она их не умеет, только кормит и содержит в чистоте, но живет за счет тех денег, что ей выплачивают на детей D.A.S.S.

Совершенно очевидно, что женщина, если это соответствует ее желанию, должна получать социальную помощь до достижения ее ребенком 18 месяцев — для его воспитания. И она должна иметь право передать ребенка няне, если хочет затем идти работать. Или не няне, а кому-то из родных. Но административные препоны всюду. Даже бабушка не может официально постоянно следить за своими внучатами, если D.A.S.S. не определила ей статус няни. А определит — тогда она обязана соглашаться на большее: на присмотр за другими детьми. Такое требование было выдвинуто профсоюзом нянь, чтобы поднять уровень уважения к их работе. В настоящее время нельзя пригласить к себе для присмотра за ребенком ни просто девушку, ни подругу, ни родственницу: попадешь в нарушители закона. Когда г-жа Симон Вейль была министром здравоохранения, она заявила: «Мне бы хотелось, чтобы каждая женщина во Франции нарушила закон в этом пункте»; то есть — пусть матери оставляют детей дома, пусть им помогают бабушки, друзья или же пусть сами женщины платят тем, кому они доверяют своих детей, раз пошли работать.

Все эти правила, посягающие на свободу человека, исходят из благих намерений. Какому тестированию надо подвергнуть людей, чтобы выяснить, способны ли они воспитывать детей, и скольких

410

взрослые, на службе у детей, там находящихся. Надо всячески поощрять совместную работу, совместное

творчество взрослых, работающих в приютах и больницах, и детей, с кем они занимаются, их подопечными, — только тогда наименее развитые из этих детей смогут получить необходимую заботу и обрести какие-нибудь навыки.

Слово «сервис» («служба, услуга») стало синонимом рабства и эксплуатации. Реабилитируйте его. Оно включает в себе осознание необходимости сохранения в каждом обществе осмысленной солидарности.

7. Необходимо ли разворачивать превентивные меры, в соответствии с теми жалобами, которые высказывают дети?

Чтобы их услышать, нужно, чтобы у детей появилось чувство, что другие хотят выслушать, что они говорят, даже если не все можно воплотить. Они должны знать, что имеют право говорить.

Бывают такие ситуации в семье, когда невозможно прислушаться к ребенку. Например, при разводах не ребенок решает, с кем из родителей оставаться. Нельзя доверять словам ребенка и тогда, когда он находится под влиянием отца или матери — в этих случаях он не свободен. Необходимо определить, где ребенок свободно высказывает свои мысли, а где он выражает то, что думают отец или мать. Сделать же для детей из разведенных семей надо очень много. Но судебные исполнители проводят обследования там, где ребенок живет, — где он не может говорить свободно; выяснение такого мнения ребенка может оказаться вреднее, чем отсутствие знаний о его эмоциональных предпочтениях и реальных нуждах.

Тот, в чьи функции входит выслушивать детей, не должен слишком превосходить их по возрасту. Почему бы этим не заняться юным? Есть же такие юноши и девушки с естественной склонностью выслушивать других. Дети всегда больше доверяют детям, чем взрослым.

8. Последний важный вопрос «Чилдренс бюро»: возможно ли создание Министерства детского обеспечения?

Не «детского» (ибо такое название исключает взаимосвязи). Скорее, «Министерства семейного обеспечения» — это до 14 лет, а, начиная с 14 — «Исполнительное бюро молодежи».

412

Нынешнее Министерство молодежи и спорта занимается, в конечном счете, лишь физической культурой и соревнованиями. Министерство обеспечения молодежи — другое дело. Там бы речь шла о молодежи эмоциональной, создающей, страдающей; а для спорта достаточно Государственного секретариата, поскольку спортом занимаются в любом возрасте. «Молодость и спорт» — право, слишком узко. Молодым нужно целое министерство. Ну, а министр по спорту вполне может быть один и для молодых, и для старых: «Спорту — свободное время». И Министерство по делам молодежи могло бы принять эстафету у Министерства по делам семьи, потому что в 14 лет нужда в семейной опеке исчезает, начинается период отхода от семьи и ее заменяющих, период личностной эмансипации — полной или частичной.

РЕБЕНКУ — ПРАВО ГОЛОСА

Самые лучшие демократы, а республиканцы тем более, даже не подозревают, что в своих планах можно учитывать детей: на выборах им не предоставляется права совещательного голоса. Тот факт, что гражданин является отцом или матерью, нигде, ни в одной стране, не дает голосующему права на добавочный голос, хотя этот голосующий и отвечает за будущих взрослых. Гуманно ли это: думать, что те, кто произвел на свет детей, имеют право лишь на один голос, как старики, как пожизненные холостяки, — тогда как они, эти люди, представляют нарождающееся человечество. Одно из моих предложений таково: в семье, где четверо детей (два мальчика и две девочки), у отца должно быть три голоса и у матери — три; голоса девочек отдаются матери, мальчиков — отцу, и так до 12 лет. А затем, в 12 лет, дети уже голосуют сами. Им предоставляют право самим отвечать за свой выбор. Голос их с 12 до 18 лет был бы совещательным (потому что совершеннолетие наступает, увы, в восемнадцать). Но по крайней мере, кроме голосов взрослых, при исполнительном голосовании учитывались бы и совещательные голоса подростков 12 — 18 лет, а это могло бы дать образ будущего, и самое главное — предоставить возможность избирателям предпринять что-то для будущего страны. Иначе речь всегда будет идти лишь о настоящем и прошлом государства. Делают что-то для стариков, делают что-то для взрослых. А для детей — почти ничего, хотя

413

следовало бы — все. Даже школа мало что им дает, да они и не требуют, потому что половина из них школы не посещает... свидетельствуя тем самым, что им здесь чего-то не хватает, здесь их не ждут. И ведет это к тому, что и на так называемое всеобщее голосование подрастающее поколение не стремится. На самом деле, голосование это вовсе не всеобщее, потому что дети не имеют права голоса сначала через своих родителей, а потом уже и сами. И такая демократия, которая не учитывает детей, порочна или гаупа. Я попробовала однажды высказать одному знакомому депутату свои мысли о том, что нужно делать все для поддержания у юношества интереса к их настоящему и будущему. Не к политиканству, а к жизненной политике, рождающейся в стране. Он ответил: «Об этом и думать нечего, это совершенно изменит картину

выборов». — «Тем лучше! Родители, у которых есть дети, являющиеся будущим страны, имели бы столько голосов, сколько у них детей, вместо того, чтобы отдавать эти голоса людям, которые защищают лишь сегодняшний день, свою персональную безопасность, а не будущее».

ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ

В Шилтгейме (Нижний Рейн), городе с тридцатитысячным населением, впервые за всю историю Французской республики был созван муниципальный совет, в состав которого вошли избиратели в возрасте менее 13 лет от роду. Событие, восходящее к ноябрю 1979 года, освещалось лишь эльзасской прессой. Мэрия, — стоявшая во главе эксперимента, обозначила его конечную цель так:

«Город сможет выслушать пожелания детей, их критические суждения и, насколько возможно, найти надлежащие ответы, а организации, преподаватели, родители смогут получить возможность услышать то, что дети редко им высказывают». Два первых заседания совета, как утверждает мэр, во всей полноте подтвердили эти ожидания, и «все были поражены многочисленностью детских требований, высказанных зачастую с такой непосредственностью, что они намного превосходили по серьезности и разумности выступления взрослых членов муниципалитета». «Дети, — заключил мэр, — проявили хорошее знание своих районов, и их требования улучшить существующее положение в местах проживания, увеличить возможность активности, заслуживают внимания. Они требуют от тех, среди кого они живут, изменений не только разумных, но и более гуманных и понятных». На каждом заседании,

414

кроме мэра, присутствовало 30 детей, выбранных в пяти начальных школах города и двух социально-культурных центрах, пропорционально числу детей в каждом районе города. При выборах соблюдался тот же представительский ценз, что и для взрослых. Заседания были открытыми. Каждый ребенок присутствовал на двух заседаниях и на множестве рабочих встреч. Обновление состава совета происходило каждый год.

Общество довольствуется мелкими подарками детям, в действительности же, не хочет взяться за проблему всерьез. А ведь с предоставлением детям права голоса могут произойти вполне реальные изменения в отношении к ним общества, да и в их отношении к нему. Маленькие граждане будут рассматриваться с самого детства как влиятельная сила, взрослые же, у которых не только повысится ответственность за семью, но и одновременно возрастает чувство ответственности за своих детей как за граждан, получают возможность видеть в них, юных, борцов за демократию, свое продолжение.

Когда человек взрослеет, он должен думать о своем продолжении в мире — для этого он производит на свет детей, но общество сочло возможным признать справедливым утверждение, что дети являют собой обузу, и потому лишает их права голоса. Хотя очевидно, что предоставление детям этого права было бы со стороны общества поступком более естественным и необходимым, чем символическое повышение дотаций на семью, при том, что деньги быстро теряют ценность.

Социологи утверждают: «В наше время сознание дозрело до того, чтобы защитить права ребенка». Такой оптимизм, представляется несколько упрощенным. То, что ребенок становится ведущей темой, обсуждению не подлежит. Но при этом упускается главное — ребенка не воспринимают как будущего мужчину или женщину. В нем не развивается критическое мышление, не приветствуется и стремление к свободе, проявляющееся у детей в желании быть самостоятельными.

Я думаю, что нынешние двенадцатилетние по своей гражданской и социальной зрелости приблизительно равны двадцатипяти-тридцатилетним 1900-х годов. Тем не менее, право голоса молодым — с 18 лет. Только в этом возрасте они «учатся» голосовать, тогда как

415

иметь этот опыт должны были бы задолго до того, как голосование станет их правом и обязанностью.

Малая часть молодежи выступает за крайности, основная же масса имеющих право голосовать в 18 лет представляет собой сегодня безразличное большинство, испытавшее на себе произвол: слишком долго их и близко не подпускали к избирательной системе — и они в нее не верят. Они думают и говорят, что нечего голосовать, это ничего не изменит. Очевидно, что молодежь никогда не принималась в расчет при выборах. Политика в политиканском смысле прежде делалась лишь половиной человечества — мужчинами, которые подвергали сегрегации женщин, дабы доказать им свою власть вместо того, чтобы поровну разделить ответственность за решения, касающиеся настоящего в обществе и того продолжения, которое эти решения обретут в будущем.

Если бы у родителей было право голосовать и за детей, то представляющие их депутаты, обязанные считаться со всеми, кто их поддерживает, и кто обеспечивает жизненные и служебные блага, обязаны были бы, принимая то или иное решение, принимать в расчет и детей. Это было бы действительным человеколюбием. И именно детские голоса заставили бы избирать тех, кто будет защищать интересы детей и молодежи. У нас была бы совершенно другая политика в области национального образования, поскольку депутаты в своих округах представляли бы и тех, кто еще кричит в своих люльках, но кто имеет уже через своих родителей право голоса;

вот и поддерживались бы тогда те избранники, кто заботится о подрастающем поколении, о живых силах страны.

Кто же отважится на такое в наше время, в нашем геронтократическом обществе, где ни один важный или командный пост не могут занять мужчины или женщины моложе 40 или 50 лет? В том возрасте, когда как раз бы и быть им избранными от лица молодых на роль советников в тех областях, где у них имеется опыт, но, увы, никак не власть — ни исполнительная, ни законодательная, и никакого ответственного поста.

В наши дни такой возрастной переворот во властных структурах кажется в высшей степени утопичным и смешным. Но почему?

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ ПОСТЕПЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Эскизы ранних превентивных мер и первые наброски «домов детства»

«Взрослые хотят понимать детей и властвовать, а стоило бы их послушать.»

«Один малый, другой — старый, но в равной степени — люди.»

Франсуаза Дольто

Г л а в а 1 СЛУШАТЬ И СЛЫШАТЬ

ДО ЧЕТЫРЕХ...

Слушать и слышать детей.

Это не значит наблюдать за детьми, как за объектом исследования, это не значит искать способы, как их образовывать — это значит уважать их, любить в их лице новое поколение, которое растет рядом с нами. Если бы еще знать, насколько мы действительно их слышим, а насколько путаем волны приема, перевираем и приспособливаем к собственному пониманию то, что слышим...

Мы ничего не можем навязать детям. Существует, по-моему, только один способ, чтобы им помогать: быть самими собой и говорить, что и сами мы тоже чего-то не знаем, но они это узнать должны; не надо утверждать, что мы строим им будущее, — они делают это для себя сами; только таким образом детям будет предоставлено право строить свою судьбу именно так, как они сами себе ее Представляют, К великому сожалению, даже того не желая, мы воздействуем на детей.

Мы отвечаем на их просьбы и требования с автоматизмом, выработанным благодаря генетическому наследственному коду при определенных социальных условиях; мы уступаем своим порывам, смене настроений, внешним воздействиям. Но ошибки менее ощутимы, если возникают они в результате любви, пусть даже неумелой, когда доверие и уважение друг к другу создают условия для взаимопонимания.

Счастье, что 'начинают создавать «образовательные центры». Но было бы ошибочным доверять одному и тому же человеку проведение с детьми психоанализа и работу по их образованию. Эти роли уже были перепутаны, что вызывает лишь сожаление, поскольку направленность деятельности в обоих случаях не одинакова.

Психоаналитик, с одной стороны, начинает с выслушивания, помогая ребенку высказать то непроговоренное, что живет в нем с первых лет жизни, то есть психоаналитик возвращается вместе с ребенком в его прошлое, и исследование, таким образом, проводится с помощью воображаемого бессознательного возвращения к прошлой

419

жизни, включая пренатальное существование. С другой, — готовит ребенка к будущему и будущей самореализации. У психоаналитика нет практической цели, и он не прибегает к какому-либо образовательному прессингу. Он не судит и не советует. Учитель же, напротив, является своеобразным поводырем ребенка и обязан помочь ему вписаться в тот или иной тип общества.

В основе нашего интереса к человеку, пребывающему в возрасте детства, лежит по преимуществу то, что на этой стадии его развития возможно контактировать с ребенком на уровне задействования всего его личностного потенциала. Аналитик находится в том возрасте, когда с ним все ясно. Или почти все. В возрасте же его «пациента» есть нечто новое, уникальное, несравнимое, и этому «нечто» необходимо помочь выжить, пробудить его, поддержать.

Привести родителей к осознанию этого — не значит развить в них чувство вины. Мать психотика страдает от того, что находится не рядом с ребенком на сеансе психоанализа. По моему мнению, это материнское состояние необходимо учитывать при психоанализе. И я против того, чтобы мать была исключена из процесса лечения ребенка. Это позволяет избежать момента переноса на аналитика, ребенок не укоренится в том, что психоаналитик — заместитель матери.

Состояние ребенка, освобожденного от матери, которая, как он считает, «сжирает» его (или, действительно, так оно и есть), улучшается. Он выходит из периода регрессии. Под постоянным давлением родительницы он не ощущал себя самостоятельным, он был лишь частью своей матери. Она же, ясно видя посягательство на ее автономию, начинает чувствовать себя калекой. И тогда уже ей требуется помощь, ей необходимо помочь справиться с потрясением.

Замену доминанты необходимо обеспечить как можно раньше: до ясель, если мать работает, и до передачи ребенка няне, если мать сидит дома.

Многие родители набрасываются на книги Додсона так, будто это сборники рецептов: делай так, и ребенок будет хорошо учиться и сделает неплохую карьеру. Но, кажется. Ваши наблюдения позволяют сделать вывод, что все решается до шести лет...

Фицхак Додсон (США) — автор книги-бестселлера «Всё главное происходит до 6 лет», где объясняются механизмы развития ребенка до достижения им шестилетнего возраста и автор предлагает как, в зависимости от соответствующей возрасту стадии развития ребенка, без понуканий и принуждений помочь ему жить, думать и развивать свои способности и свою личность.

420

Если уж отваживаешься всерьез заниматься детьми, то совершенно особое внимание следует обратить на малышей. Я думаю, что в основном все сформировано к четырем годам, то есть до того, как ребенок пошел в школу". Это тот переходный период, когда еще можно укоренить в личностной идентификации ребенка стойкое сопротивление любой «обработке».

Все решается до шести лет... или даже до четырех?

Речь не о том, что после четырех-шести лет все будет только ухудшаться, просто необходимо понимать, что структура личности к этому времени уже сформирована.

Когда я говорю, что «все решается до шести или четырех лет», я совершенно не имею в виду будущую карьеру ребенка или его продвижение по социальной лестнице. Я вовсе не это имею в виду.

Если говорить о главном, обо всем, что можно сделать для предупреждения психических травм или избежания их, для предупреждения «блокировки», «пробуксовки», то — да, думаю, — все решается до четырех лет. «Всё» начинается раньше, много раньше. Первое испытание ребенка — отделение от матери сразу после появления на свет. Следующее — ясли. Не подготовленный к этому ребенок, да часто не готова к этому и мать, вновь рискует: изоляция от матери — особенно для ребенка восприимчивого, чувствительного — может приводить к весьма тяжелым последствиям, если мы не позаботимся о том, чтобы с помощью языка, речи, подготовить ребенка к этой серьезной перемене в жизни. Если заранее все не проговорить, не обговорить с ребенком, то впоследствии упущенного не воротить; ребенку совершенно необходимо слышать слова любви — в них, в словах любви, которые говорит ему мать или отец, если он при этом присутствует, — залог безопасности ребенка. Необходима ребенку и поддержка со стороны всего окружения — все это укрепит в реальной жизни и жизни символической тот сокровенный треугольник, на котором строится вера ребенка в себя и во все человечество.

Единственно, что я бы посоветовала политическим деятелям: законодателю более всего следовало бы заниматься своими гражданами в возрасте от 0 до 6 лет.

• Во Франции дошкольное воспитание осуществляется в так наз. *материнских школах* (ecole maternelle), что соответствует нашему детскому саду, и в *классах для малышей при начальных школах*. В этих учреждениях находятся дети с 2 до 6 лет. Затем от 6 до 11 лет ребенок посещает *начальную школу*, состоящую из подготовительного (с 6 до 7 лет), элементарного (с 7 до 9) и среднего (с 9 до 11 лет) курсов. Это — 1-я ступень образования во Франции. Подробнее о школе Франции см.: Дхурииский А.Н. «Школа Франции: традиции и реформы». — М.: Знание, 1981.

421

Глава 2 **ПРИЕМ ПРИ РОЖДЕНИИ**

РАЗГОВОРЫ «IN UTERO»

В Сент-Марси-де-ла-Мер Франсуаза Дольто встретила у своей подруги Сары Астрык из Манитас де Плата цыган, которым Сара открыла двери своего дома, снискав тем самым к себе их большое расположение. Привычно вошедший в цыганский быт обычай, о котором рассказали цыгане подругам, проливает первый слабый свет на возможность общения с ребенком in utero (в материнской утробе).

Гости моей подруги рассказали, что когда хотят, чтобы у них, цыган, родился ребенок, который станет музыкантом, то за шесть недель до рождения ребенка и в первые шесть недель после его появления на свет лучший музыкант каждый день приходит к беременной, а затем — к родившей и кормящей матери, и играет. Как утверждают цыгане, такой ребенок, повзрослев, будет отдавать предпочтение тому инструменту, на котором играли до и сразу после его рождения, и в игре на этом инструменте в дальнейшем достигает хороших результатов.

Наблюдения показывают, что склонность к игре на определенном инструменте в родившемся ребенке так же глубока, как уходящие в землю корни дерева. Подобная «передача» новорожденному полностью соответствует тому, что нам известно из психоанализа; это не «напитывание», а нечто совершенно иное — это символизация, язык жизни, который «завучал» в организме ребенка, и выражением этого звучания стало призвание ребенка.

В клинике «ненасильственного» родовспоможения в Питивье используют тест-обучение на развитие своеобразной системы коммуникации с ребенком в пренатальный период. Отца и мать учат «назначать свидания» плоду в определенное время. По животу, как по перегородке в тюрьме... постукивают пальцами. Так устанавливается связь. Ребенок не только перемещается к этому месту, он просыпается и «отвечает». Тогда просят отца начать беседу, потому что плод, находящийся в утробе, должен слышать отцовский голос.

422

Плоду слышнее низкие звуки, нежели высокие, и он лучше слышит отца, нежели мать. Мы с мужем провели опыт с нашими собственными детьми: мой муж говорил с нашим ребенком *in utero*, особенно с 7,5-месячным, и действительно, тот быстро успокаивался... Я могла говорить ему сколько угодно: «Послушай, успокойся, я сейчас хочу спать...» Но только отец добивался желаемого: стоило ему заговорить, положить руку на мой живот, как плод тут же успокаивался и засыпал раньше меня, матери. Это факт: со своим плодом можно говорить. Недавно молодая мать, тоже психоаналитик, сказала мне, что плод слишком беспокоен (очень вертится), а к врачебной помощи она прибегать не хочет, поскольку желает познать всю полноту материнства. Я посоветовала ей начать разговаривать с будущим ребенком: «При этом вам не обязательно разговаривать вслух, — сказала я, — говорите про себя, но обращайтесь именно к нему, «персонально». Некоторое время спустя она мне сообщила: «Это поразительно — он отвечает!» Я сама, когда была молодой матерью, проделала подобный опыт. Было это во время войны. Я ждала своего старшего, Жана (который стал Карлосом). Садясь на велосипед, когда я ехала по улице Сен-Жак, которая идет под гору, я говорила Жану (я не знала, девочка у меня или мальчик, но я говорила ребенку, которого носила): «Послушай, мне обязательно надо домой, но если ты будешь вертеться, ни ты, ни я туда не доберемся». Еще бы, я в это время жала на педали, и ребенку, наверняка, не хватало кислорода — я и сама задыхалась. Помню, как за восемь дней до родов я ему говорила (а это было где-то около улицы дез Еколь): «Успокойся, терпеть уже недолго. Но если ты будешь продолжать в том же духе, мне придется сойти с велосипеда, а я очень устала, и мы с тобой будем добираться домой еще дольше и дольше не сможем отдохнуть». После таких слов он немного успокаивался. Когда я добиралась до двери собственного дома, я говорила ему: «Теперь давай, теперь мы дома». Ну и пляски начинались у меня в животе! Но это меня уже не утомляло, я могла подняться к себе, отдохнуть и он успокаивался. Я пересказала этот удивительный диалог мужу и, начиная с того дня, каждый вечер мы разговаривали с нашим ребенком вплоть до его рождения. Это было восхитительно. Подобным же образом мы «общались» потом и с нашим вторым сыном. Война еще не кончилась. Во время тревог мы никогда не спускались в убежище. Зачем? Если дом рухнет, мы окажемся погребенными. Муж мой днем много работал, я тоже, и спали мы

423

оба как убитые. Я не подвержена страхам. Я не отчаиваюсь, когда тот, кого я люблю, в затруднении; в таком случае я знаю, что этому человеку необходимо, чтобы я о нем думала, он нуждается в моей мысленной поддержке. Думаю, что в такой ситуации я становлюсь телепаткой. Но когда опасности нет, хоть пупки пали... Когда мои дети были маленькие, строило одному из них, ночью, пошевелиться, как я тут же просыпалась, — потому что была нужна ему, а при бомбардировках — спала, не просыпаясь. Такое известно всем матерям: у них что-то вроде телефона, соединяющего их с малышом. За два месяца до рождения второго сына — Грегуара — подвергся бомбардировке винный рынок: наш квартал трясло, как будто бомбили нас. Я спала. Проснулась я от того, что внутри меня что-то сжалось. Боль от этого меня и разбудила. Я услышала, наконец, оглушительный грохот. Муж и старший сын спали. Ребенок, сжавшийся во мне в комок, вертелся, ему было надо, чтобы я к нему обратилась и что-нибудь сказала. И я сказала: «Успокойся, папа — тут, я — тут, мы — с тобой, ничего страшного». И я почувствовала, как живот отпустило. Ребенок перестал вертеться, хотя бомбардировка не прекратилась. И когда он родился, то тоже — если я была рядом, его не пугали ни сирены, ни бомбардировки. «Мама — тут, папа — тут, ты не один», — говорила я.

В Питивье врачи утверждают, что дети, родившиеся в тех семьях, где до рождения с ними «играли в разговор», лучше развиты физически — например, они значительно раньше, чем другие, садятся.

... И они гораздо меньше других подвержены тревоге. Их человеческий потенциал не был символически травмирован беспокойством родителей. Так уж повелось в мире: пока одни дети в ожидании рождения являются объектами опытов, другие — их в настоящее время очень немного — становятся, на стадии созревания, средоточием забот, участниками диалога со взрослыми. И они осознают себя полноправными людьми, такими же значительными личностью, как и их родители.

И все же я позволю себе высказать одно наблюдение: если отец играет по вечерам с ребенком *in utero* «в разговор» и делает это во время беременности жены неоднократно, более чем вероятно, что в ребенке будет заложен внутренний ритм в ответ на эти

424

словесные свидания. Не этим ли объясняется, что некоторые младенцы в Питивье не могут заснуть раньше одиннадцати? В этот час они общались со своим отцом. Так что, играя, будем поосторожней. А особенно, если дело касается новорожденных. Было бы небезопасно возводить «игру в разговор» с ребенком *in utero* в закон, если будущие родители подходят к ней как к некоей «методе», вместо того, чтобы действительно переживать эту невидимую связь, которая вовсе не является игрой. Такие исследователи, как Вельпман во Франции и Бразельтон в Соединенных Штатах, проводят полезную работу, раскрывая отцу ребенка лежащую на нем ответственность, важность его присутствия как родителя — человека, давшего ребенку жизнь. Но примись педиатры «играть» в этиких добрых папочек или дедушек с ребенком в пренатальный период его развития или с новорожденным, проку было бы немного. Этот маленький человек требует столь же серьезного отношения, как и равные врачам взрослые. Новорожденный не игрушка. Это полноценный человек, занявший место рядом со своими родителями, которые принимают его при появлении на свет и должны нести лежащую на них ответственность и подготовить ребенка к знакомству с близкими и реальностью.

Будь то в Африке, или в Южной Америке, или на островах Тихого океана, всюду древние ритуалы, сопровождающие период беременности и рождения, несут в себе интуитивные попытки и основные эмпирические познания, которые позволяют предположить огромное уважение к человеку в этот переходный период. Антропология, основывающаяся на колониальном менталитете, не учитывает ритуалов экзорцизма' и табуирование". Тогда как при истолковании их символического смысла обнаруживается тот не имеющий аналогов в нашем современном технократическом обществе, совершенно фантастический прием ребенка семьей и обществом, который помогал появившемуся на свет справиться с первыми впечатлениями о мире и подготавливал ребенка к предстоящим жизненным испытаниям. Они приветствовали приход новорожденного в их сообщество необычным образом и по-особенному принимали его. Выражали они это при помощи жестов и слов, и новорожденный понимал, что он, тот, чья сущность еще в будущем, — необходим всем, что его любят в общине и ждут.

- Изгнания -злых духов с помощью заклинаний и магических действий. " Наложение табу — запретов на совершение определенных действий.

425

Одновременно принимались и меры предосторожности: рождению надлежало происходить без вторжения постороннего шума и света.

Один из моих друзей, чилийский врач-психоаналитик Артуро Прат долгое время прожил среди аборигенов острова Пасхи и был поражен удивительной остротой зрения, которая сохранялась даже у восьмидесятилетних стариков и проявлялась даже в ночное время. Ему объяснили причину. Пока американское (западное) акушерство не дошло до острова Пасхи, здесь существовала традиция: в течение месяца со дня рождения не выносить младенца на свет. Роды происходили в темной комнате, освещалась только повитуха, принимавшая роды; затем мать и дитя оставались в неосвещенной комнате в глубине хижины, и пребывали там одну луну, или один месяц. Мать выносила ребенка на руках из этих сумерек в тот момент, когда заря только начинала заниматься; при этом присутствовала вся семья, все племя, и отец и мать... Все ждали восхода солнца, распевая ритуальные гимны. Когда на небе поднималось солнце, ребенка протягивали навстречу свету. Впервые он видел свет одновременно с восходом солнца; тогда же, во время праздничного ритуала ребенку давалось имя. И с этого момента младенец жил согласно суточному ритму взрослых, отличающих день от ночи. До этого он пребывал в полумраке, и аборигены утверждают, что в первый месяц жизни глаза младенца слишком хрупки, чтобы видеть свет. Получается, что свет открывался младенцу вместе с получением имени. Глаза же тех молодых жителей острова, у которых приход в мир состоялся на европейский манер, столь же хрупки как наши:

они так же легко подвержены любому заболеванию и их зрительная активность очень мала в сравнении с остротой зрения аборигенов.

При символическом приеме младенца миром, кроме того, он меньше подвержен травме: смягчается родовый шок. В Индии новорожденных так же предохраняют от резкого света. Ну, а чем же занимаются в клинике Питивье у Одана, или у Лербине в Окзерре, что так шокирует некоторых акушерских светил? Там, во время родов освещается мать, а не появляющийся на свет ребенок; делается это для того, чтобы свет не травмировал сетчатку глаза. Всем нам прекрасно известно: если, катаясь в горах на лыжах, не надеть черные очки, быстро можно получить куриную слепоту. Несмотря ни на что, при современном родовспоможении, в глаза ребенка закапываются капли, дабы подобную травму не вызвали патогенные микробы, которые действительно могут попасть в глаза при проходе плода через влагалище. Только о том,

что временная слепота может возникнуть у младенца и оттого, что из темноты он быстро попадает
426

на яркий свет, не думает никто, что уж явно никуда не годится. Сами испытывали не раз: когда выходишь на свет из темноты, свет буквально ослепляет; увы, принимая роды, об этом забывают. У нас, европейцев, у кого больше, у кого меньше, годам к пятидесяти глаза устают. На том же острове Пасхи подобное исключено. И островитяне считают, что это объясняется тем, что глаза младенца успевают окрепнуть за тот месяц, что он проводит в полумраке, да и сам дневной свет открывается ребенку постепенно, в медленном ритме разгорающейся зари.

В привычной для аборигенов практике символического приема в мир безусловно присутствие психологической пользы. В торжественный момент ритуала ребенок ощущает, что он — желанный, что у него уже есть свое место в новом мире, куда он попал. Скептикам же, думающим, что подобный прием не может произвести столь глубокого впечатления на плод и новорожденного, напомним, что в любом случае сама эта церемония подготавливает взрослых к тому, что им предстоит заниматься родившимся младенцем, считая его полноценным членом общества. Мне кажется, что концепция «незрелости малыша» скрывает в себе множество весьма негативных способов контакта с ребенком, и это может оказаться разрушительным по отношению к нему. Под тем предлогом, что ребенок-де незрел, ничего не понимает и т. д., взрослые в первые недели, месяцы его жизни позволяют себе ни в чем себя не ограничивать, не учитывать его присутствия рядом. Такое может продолжаться и на протяжении первых лет жизни ребенка: под предлогом, что его еще надо всему учить, ребенок оказывается исключенным из взаимоотношений между людьми, которые происходят в его присутствии; с ним сюсюкают и ведут себя так, будто дрессируют неразумное домашнее животное, хорошо еще если как домашнее, а не цирковое.

КАК ПРЕДУПРЕДИТЬ НАСИЛИЕ И АГРЕССИЮ

В некоторых древних цивилизациях для приветствия пришедшего в мир ребенка прибегают к могуществу слова. Самое замечательное при этом, что ритуальный текст, призыв обращен к самому ребенку, который принимается в общину как личность, узаконенная и идентифицированная в ее преемственной связи и этнической принадлежности. Такой ритуал, сопровождающий появление новорожденного на свет, существует, в частности, на островах Тихого океана, от Японии до острова Пасхи.

427

В клиниках, где практикуется «ненасильственное» родовоспоможение, и отец и мать приходящего в мир маленького человека признают его как языковое существо. Важно, чтобы так же к нему относился и медицинский персонал: «Теперь мы тебя приняли... Мы — не только твои родители. Родители .предоставили тебе возможность родиться, но жить стремишься ты... И теперь, когда ты стремишься к этому, все готовы помочь тебе». Всего этого можно не говорить, но выражать необходимо именно это.

Прием новорожденного всем обществом или отдельной группой людей имеет большое значение. Воспитательница, которая будет заниматься им впоследствии в материнской школе, должна обеспечить такое же вхождение ребенка в группу ровесников. «Благодаря родителям ты появился на свет и вырос в маленького гражданина двух с половиной лет, теперь же твоя очередь распоряжаться всем, что мы тебе предлагаем, но мы тебя ни к чему не принуждаем.» Чтобы обещанного не нарушать, малыша надо ввести именно в его возрастную группу. Я считаю, что для ребенка единая возрастная группа очень важна: малыш тогда может войти в сообщество, объединенное схожими вкусами и интересом к одним и тем же вещам. К тому же, нужны и ежедневные обсуждения происходящего с воспитательницей — разговоры, согретые уважением к ребенку и его родителям, и тем самым ограждающие его от насилия. Именно это пытались мы сделать в Мезон Верт.

Телевидение для программы «Прием по четвергам» засняло небольшой эпизод, в котором действует мальчик, желающий войти в помещенный нами в углу зала домик; он входит в дом, идет к окну, но вот появляется девочка. Он реагирует на нее резко агрессивно и не позволяет ей двигаться дальше. Девочка плачет и бросается к маме. Та все же подводит ее к мальчугану и начинает с ним разговаривать, но не бранить. Что именно она ему говорит, нам не слышно, но мы становимся свидетелями результата: маленькая девочка и маленький мальчик вместе подходят к окну. У него исчезает агрессия, девочка же, по всей видимости, успокоена мамиными словами. Что же та ей сказала? Она ей объяснила, что малыш протестовал против ее появления, потому что она настолько его заинтересовала, что возникший к ней интерес стал отвлекать, и он подумал, что она лишит его удовольствия, если будет вместе с ним смотреть в окно. Мать этой маленькой девочки поняла то, что мы говорим родителям: агрессивное поведение всегда скрывает боязнь потерять самого себя, если другой разделит с ним игру или удовольствие.

428

Другой — решительно отвергается. Лишенный же возможности проявлять себя, этот «другой» начинает думать, что больше не вправе выступать со своими инициативами, раз с ними так обошлись, когда он пытался это сделать на равных. Налицо проявление агрессии, жертвой которой стал один из детей. Предупреждение агрессии — необходимо. А заключается оно вот в чем: надо пользоваться словом, необходимо находить такие слова, которые обоснуют и объяснят поведение обоих детей; и тревога, обычная в ожидании чего-нибудь неизвестного и опасного, исчезает. Теперь обратимся к ребенку, который стал жертвой агрессии и которого утешают: он возвращается к тому, кто проявил агрессию по отношению к нему. Без надобности он вряд ли бы это сделал. Таким вот образом он ищет возможности стать сильным: он хочет, надеясь обрести друга в том, кто был с ним агрессивен, чтобы оба они стали равны в действии, которое до этого производил тот один, не допуская вмешательства другого или всячески ему противясь.

Предупреждение агрессии уместно с очень раннего возраста. Это подразумевает, что родители понимают необходимость помощи ребенку и принятия в связи с этим профилактических мер против испытания им возможных затруднений в отношениях со сверстниками. Подобные эксцессы начались не сегодня — история весьма стара и восходит к Каину и Авелю. Каин, после того, как он убил своего брата, Авеля, был объявлен неприкасаемой персоной — даже волос не должен был упасть с его головы. И все-таки, чувствуя себя виноватым, Каин ждал от мира отпущения. На что сказал ему Господь: «Вовсе нет, тебе предстоит стать основателем городов».* То есть основателем общин, в которых люди живут вместе, чтобы уберечься от внешних опасностей. «Не брат твой опасен, а все вы — поодиночке, помогите друг другу.» Идея, рожденная из опыта убийства — основанный на силе союз. В самом деле. Библия — отражение процесса становления личности, всего того, что происходит в эмоциональной сфере жизни людей, внутри них самих, той борьбы, в процессе которой что-то они хотят от себя отторгнуть, а что-то сохранить и развить. И только придя к осознанию собственных, обычно неосознаваемых, побуждений, можно научиться избегать конфликтов с такими же побуждениями других людей.

Предупредить жестокость, насилие может всякий, осмысливший все это. Подобная профилактика оберегает и сохраняет потенциальные

• Вольное переложение библейского сюжета: Быт., 4; 15—17.

429

возможности личности для того, чтобы при желании каждый мог их использовать. Но никакая профилактика не действует при формальном подходе: в самом начале, при рождении, ребенок должен встретить не только разумное, рассудочное отношение, но и любовь всех участников этого события, выраженную в звуках его имени, в музыке обращения к нему. Очень важно помочь ребенку идентифицировать не только его под, но и облик.

Одна белая мама, родившая ребенка от темнокожего мужчины, никогда не говорила ребенку, что он — метис. Она обратилась в Мезон Верг. Вообще дети-метисы, как правило, красивы.

Мы ей говорим: «Он — красивый, ваш ребенок... Прекрасное смешение пород». Выражение задело ее. «Вы никогда не говорили ему, что он метис, и что именно поэтому он красив? — Нет, я живу с ним одна... — Но ведь вы любили его отца. Откуда родом его отец? Из Африки? С Антильских островов?» Подходит ребенок, и я говорю ему: «Я как раз рассуждаю с твоей мамой, почему ты метис, хочу знать, кто был твой отец, кто дал тебе жизнь, кто сделал так, что ты такой красивый, такой красивый метис». — «О, — говорит мать мне, — я никогда не могла ему этого сказать.» Ребенок поворачивается и говорит матери: «В школе* я — негритос». — «Как? Что это ты говоришь?» — «В школе (материнской), я — негритос.» — «Видите, — говорю я, — нужно было ему сказать о том, что он смешанных кровей, — метис. Вы должны объяснить ему, что он — дитя любви между вами, белой, и его отцом, негром, которого вы любили.» — «О, но он никогда не увидит этого человека! У него есть дяди, моя семья...» — «Да, но он не может отождествить вашего брата со своим отцом, он не может быть плодом кровосмесительной связи! И потом, этот человек, вы его любили...» — «О да (жемчужная слеза), целых шесть лет, мы были студентами, но он распределился на свою родину, уехал домой, у них там полигамия, остаться со мной для него невозможно.» — «Да, но ребенок родился от вашей любви. Вы его любите; почему же ребенку об этом не сказать и не показать фотографии его отца.» — «Их у меня больше нет.» — «Наверняка есть!» Когда она пришла снова, состоялся такой разговор: «Вы были правы — одна фотография у меня осталась. — Вы ему ее показали? — Да, я сказала ему: "Посмотри, это твой папа". — Вы видите с ним? — Да, когда он приезжает во Францию. Он

• В материнской школе — в детском саду.

430

хочет увидеть малыша, но я этого не хочу, я боюсь, что он увезет его к себе. — Да нет же, общепризнано, вы — его мать, у него на ребенка нет прав. Между вами интимные отношения, когда он приезжает во Францию? — Да. — Значит, вы еще испытываете к нему чувства, и это очень важно для ребенка. Ведь живут преимущественно сердцем, а не тем, что принято или не принято».

До какой же степени необходимо предупреждение жестокости и агрессии по отношению к ребенку, чтобы ребенок чувствовал, что его принимают не только мать и родные матери, но и общество, которое мы представляем и которое оправдывает то, что мать считает своей ошибкой, страдая оттого, что не смогла узаконить свой союз, хотя она по-прежнему любит отца своего ребенка. Она остается верна своему любовнику в ребенке, но ему это неизвестно, он это воспринимает как кровосмешение. Он может считать себя единственной любовью своей матери. «Это счастье, что вы продолжаете иметь интимные отношения с отцом вашего ребенка, существование вашего ребенка от этого обретает смысл.» Нужно помочь этому ребенку понять, что он является предтечей того, что произойдет в обществе, которое становится все более и более смешанным в национальном отношении. Этот ребенок предвосхищает процесс «метисизации», который наиболее активен в студенческих кругах.

Важно, чтобы ребенок почувствовал, что он родился от любви мужчины и женщины, именно от этой любви и именно от этой пары, даже если она потом распалась. Даже в традиционных семьях, где отец приходит домой каждый вечер, бывает, что отношения отца и ребенка не выражают эту любовь. Отец может выступать как некий инструмент для выполнения материальных запросов, что требует от него раздачи либо пинков, либо пряников. Этаким жандармом, представляющим класс отцов. «Вот увидишь, папа придет и тебе покажет!» — говорит о таком мать. Живет же мать со своим сыном без отца. Мужчина и мужественность исключаются из любви, которая тем не менее (поскольку именно эта женщина и этот мужчина любили друг друга) послужила причиной появления на свет нового человеческого существа — мальчика или девочки.

Отец должен был бы в глазах ребенка, во-первых, воплощать в себе желание взрослого мужчины и взрослой женщины, а потом уже закон. Увы! Слишком часто в семейных разговорах мужа называют жену «мама», когда говорят о ней с детьми, а женщины называют мужей «папами», как будто речь идет об их собственных отцах. Это — выражение отцовской несостоятельности, если отец перестает быть любовником матери, его несостоятельности как ответственного за семью. Речь здесь о том, чтобы у ребенка сфор-

431

мировался образ пары, как желающих и любящих друг друга людей, а не только как пары, совместно пользующейся одним и тем же жизненным пространством.

Быть взрослым — это иметь исключительные права на другого взрослого, для ребенка это создает ту модель поведения, в которой он, в семье — ученик: он воспитывается у этой пары, но никак не должен претендовать на место даже отсутствующего в семье взрослого (отца, матери). В свою очередь никакие привилегии в отношениях между собой взрослых не делают возможным в семье подмену ролей: мать не заменит и не должна заменять отца, так же как и отец, если нет матери, не должен играть ее роль. Подобное случается: отец нередко пытается подменять мать, а мать, частенько играет роль и того, и другого. Матери-одиночки говорят: «Но я обязана быть и отцом, и матерью одновременно». Только она вовсе не обязана. То, что она лишена поддержки мужа, не значит, что в его отсутствие она должна стараться его заменить: делать и говорить в доме как он.

Когда отец не очень одобряет принятые в доме отношения, неизбежны дискуссии отца и матери о методах воспитания ребенка, родители вступают в разногласия, а ребенок становится объектом раздора. К нам, в Мезон Верт — особенно в первый год его работы — отцы приходили редко, хотя мы специально для этого были открыты до 19 часов, в субботу и в понедельник, и из трех работающих на приеме по крайней мере один был мужчина. Мы поняли, что отцы боятся, что мы их превратим в этаких «вторых мам». Они удивлялись, когда слышали от нас, что ребенку необходим именно отец, отличающийся от матери, «отец как он есть». Отцы, приходившие к нам, охотнее разговаривали с воспитателем или врачом-мужчинами.

Настоящее бедствие сегодняшних дней — смешение ролей. Смешение-подмена. Так называемый воспитательный принцип, передающийся из уст в уста: отец и мать должны вести себя с ребенком так, что ребенку должно быть неважно, кто перед ним — отец или мать... Извращение, заблуждение — этот «принцип». Мне думается, что истоки его в моде на бесполость: одинаковые у мужчин и женщин одежда и прически. Бесполое... и безвозрастные. Смешение — подмена.

Глава 3 ИСЦЕЛЕНИЕ АУТИСТОВ-

ОТКРЫВАТЬ МИР ПСИХОТИКОВ

В свое время было снято несколько фильмов, посвященных жизни аутистов. Один из них видела Франсуаза Дольто — он был посвящен работе, которую вели в первые два года жизни с аутичным ребенком, помещенным в одно из тех мест, куда отправляют детей, отринутых обществом. Возможно ли

адекватно запечатлеть на пленке существование этого ребенка?

Мне кажется, что доводить через средства массовой информации до сведения населения, как течет символическая жизнь маргинального существа, каким является ребенок, страдающий аутизмом, скорее полезно, чем нет. Но то, о чем можно рассказать, не идет ни в какое сравнение с тем, что ребенок переживает. Мы не догадываемся, глядя на это существо, от рождения малоприспособленное к жизни на земле, до какой степени чувствителен этот представитель рода человеческого и какую невидимую миру ношу несет он в себе:

долг, невидимый и невыразимый. Он наделен способностью говорить, но все в нем разлажено. Его мать не знает, как любить этого живущего несмотря ни на что ребенка; тело-то есть, существует, а душа не состоялась, и она взваливает на себя долги одного или

• ф. Дольто рассматривает под названием детского аутизма весь спектр разнородных крушений общения: аутизм при ранней детской шизофрении, рассматриваемый как молне самостоятельное нарушение, ранний детский аутизм, сходные с аутизмом расстройства при разного рода мозговых повреждениях и лишь напоминающие отдельные Проявления аутизма невротические и ситуативные реакции. И если при последних рекомендуемые ф. Дольто меры составляют ядро лечения, являются основными, то Ори остальных требуется иная основная помощь, без которой эффекта достичь практически невозможно и по отношению к которой приемы Ф. Дольто выступают как вспомогательные. Сказанное никак не противоречит проводимой Ф. Дольто мысли о том, что человеческое тепло, принятие ребенка как он есть, доверие к нему имеют и профилактическое, и лечебное значение — в одних случаях большее, в других меньшее (В. К.).

433

двух поколений, не имея возможности дать себе в этом отчет. Аутисты подобны человечеству, борющемуся с влечением к смерти, как объекта желания, которое существует в каждом из нас, но не столь интенсивно и в значительно меньшей степени. У большинства из нас влечение к смерти не настолько сильно, чтобы лишить нас возможности контактировать друг с другом. Вот в этом как раз проблема аутизма: вторичен он — возникает от испытанного младенцем недостатка общения, или первичен — «что-то», независимо ни от чего, в ребенке изначально не так, и потому, как следствие — возникает трудность общения с ним взрослых? Возможно и то и другое.

Дети с психическими нарушениями могли бы многому научить тех, кто их примет. Общество только выиграло бы от большей интеграции в нашу обыденную жизнь так называемых ненормальных детей. Но люди их боятся, и этот страх проявляется подчас в совершенно недопустимых формах, например, в петициях от соседей против создания учреждений для детей-дебилов. Они не желают, чтобы эти дети жили рядом с ними. И тогда они выталкивают вперед своих детей со слезами: «Это будет их шокировать».

Это неправда, детей это вовсе не шокирует, это шокирует взрослых. Тут уже нечто похожее на религиозные войны. Только открещиваясь от этих детей, говорят не об их одержимости, а несколько иначе: «Они будут мешать нашим детям развиваться, потому что наши дети начнут подражать им!» Такие родители хотят как пример для подражания навязать своим детям себя и повторить в них собственную жизнь. А дети прекрасно без чьей бы то ни было помощи обретут свою индивидуальность и идентифицируют себя, не теряя при этом уважения к индивидуальности другого, если, конечно, их обучение предполагает использование мотивировок, подобных данной: «Ты — такой, а это другой, и у него на это есть вполне определенные причины». И нет никакой угрозы, когда их, даже совсем маленьких, помещают вместе с детьми-инвалидами, страдающими детским церебральным параличом, или же с аутистами — здоровые дети не идентифицируют себя с ними, контактируя, они побуждают их к общению, и действительно находят с ними общий язык. Эти дети нуждаются в помощи, для того, чтобы узнать историю собственной жизни; в этом очень помогают полученные от их родителей сведения. Но необходимо, чтобы они находились вместе с другими детьми — здоровыми; ведь они — тоже люди, и люди поддерживающие жизнь других; они — часть социального полотна. Им должно быть предоставлено место и в школе. Но для этого должны произойти такие изменения, до которых мы еще не дозрели. Нужно, следовательно,

434

готовить к этому людские умы, понемногу, постепенно. Чтобы лет *через* десять, двадцать люди изменились и поняли, что психотики — их собственная душа, загнанная в угол; ими самими, «нормальными», коими представляются они нам.

АУТИСТЫ

В Вероне, группа акушеров, совместно с теми, кто занимается уходом за новорожденными и грудными детьми, а также с врачами-психиатрами провела исследование, которое подтверждает возможность предупреждения аутизма.

До того, как женщины стали рожать в родильных домах, на всю провинцию насчитывалось от силы 13

или 14 умственно неполноценных (от 6 до 12 лет). И вот в течение двух-трех лет случаи детского аутизма заметно участились (в течение этого времени женщины, жительницы горных селений, рожали в роддоме и оставались там первые восемь дней после родов). Новорожденного больше не встречали односельчане.

В связи с происходившим решено было организовать выездные бригады. Роды проводились в условиях больницы, во избежание ранней детской смертности, но если не было никаких осложнений, то роженица через двое суток возвращалась в родную деревню.

Врачи из выездной бригады посещали ее там каждый день по очереди с местными женщинами, которые были соответственно подготовлены.

Такой метод совершенно изменил взаимоотношения новорожденного с отцом, матерью и всей семьей.

В Италии ничего не принимается сверху, все решается на уровне провинции. И опыт привился.

В действительности, аутизм — не врожденное заболевание. Он выявляется позже. Это реакция адаптации ребенка, подвергшегося в процессе его самоидентификации какому-то испытанию. Это может быть травма, в результате которой ребенок потерял аффективный и символический контакт с матерью, или сфера чувств ребенка пострадала по какой-либо другой причине. Обычно это случается либо в первые дни жизни младенца, либо между четырьмя и десятью месяцами, аутизм — никак не врожденное заболевание.

Со временем это проходит. Но не надо ждать, что подобное отчуждение пройдет само по себе при общении с другими.

435

Аутист находит прибежище в одиночестве своей внутренней речи. Он потерял речевую связь с другими. Он как марсианин в лоне своей семьи. Он — существо высшее. Болезни к нему не липнут.

Какое-то событие вмешалось в жизнь младенца: чаще всего это отсутствие матери (скорбь, путешествие). Это событие резко врывается в устоявшийся ритм жизни малыша, а мать не объяснила ему, что произошло, да она и сама, как ни припоминает все, сопутствовавшее событию-причине, часто не знает этого. Мать сможет вытащить ребенка из его скорлупы, найдя для этого нужный момент и нужные слова, такие, чтобы ребенок мог восстановить в себе тот ритм жизни, который предшествовал травме.

«Без объятий, не на ночь, расскажите ребенку, что тогда произошло.» На радио у меня была возможность связаться с еще молодыми матерями детей в возрасте до трех лет, страдающих аутизмом. Я посоветовала им рассказать ребенку, почему они исчезли, когда детям было от четырех до девяти месяцев, и сказать, что они не знали, что он от этого так страдал. Десяток из этих детей, те, кому было меньше трех лет, смогли вновь восстановить контакт со своими матерями, как это было до того события, после которого они впали в аутизм.

Я не верю в психотические состояния. Во всяком случае в их «фатальность». Для меня дети, страдающие аутизмом, это рано созревшие дети, с которыми не говорят о том, что для них важно. Это «важно» могло случиться в первые дни жизни, в родильном доме, когда, например, ребенку не говорят, как его мать боится рожать без отца, или ребенка не посвящают в то, что он в семье нежеланный, или, что хотели девочку, а получился мальчик, или что есть какая-то проблема, которая не касается ребенка, но мать о ней неотступно думает.

Считается, что эти дети страдают из-за отсутствия адаптации, они заблокированы, потому что брошены или чувствуют себя отвергнутыми. На самом же деле не было произведено акта-слова, в котором бы этим детям были проговорены те сложности, через которые прошли их тела, физическая оболочка, в то время как духовная имела несчастье впасть в заблуждение, что мать (болезнь — происшествие — забота) их отвергла.

Мое дело и заключается в том, чтобы вернуть этих детей, рассказав им, отчего произошел их разрыв с жизнью. А так как разговор этот ведет с такими детьми не мать, то у детей происходит регрессивный перенос: то, что осталось в них здорового, вновь цепляется за материнскую образующую, что — нет — погружается в безумие. Сначала они вступают в отношения переноса с врачом-психотерапевтом, подменяя этим их прерванную связь с матерью, и от этого переноса их надо потом освобождать, для того, чтобы они могли войти в общение и не привязаться «задним числом» к кому-нибудь, кто может служить им нянькой, но никогда — ни архаическим отцом, ни архаической матерью (именно они — архаические мать и отец — интегрируют его собственное тело).

Именно поэтому нужно, чтобы психотерапевт действовал исключительно словом и не прикасался к больному.

Перенос в общении таким образом символизируется.

В ночных яслях или в других детских учреждениях с продленной неделей дети боятся привязаться к кому-нибудь из обслуживающего персонала, кто делает то, что ему положено, и постоянно связан с ребенком в течение нескольких недель или месяцев.

Когда обрываются все жизненные корешки, связывающие ребенка с тем, кого он любит, то зацепиться больше не за что — ребенок отделяется от своего взрослого проводника в жизни, он изъят из живых; но когда этот отрыв понят матерью, проговорен ею, он лучше переживается ребенком. Рана не затянулась, но

лечение ее может привести пациента к воспоминанию о том, что было в дальние времена его прибежищем безопасности. Оживить прошлое и вернуть желающему право надеяться на того, кого желаешь, и на других, — вот в чем заключается та трудная работа, которую ведут психотерапевты вместе с родителями, с детьми, страдающими аутизмом, которых, увы! — немало. Но этот психоаналитический аспект не исключает и социально-педагогической работы, в которой дети тоже очень нуждаются, хотя и кажется, что они к ней, если не невосприимчивы, то уж индифферентны. Просто они боятся тех связей, что могут возникать. Они боятся любить и быть любимыми. Нужно уметь оправдать их и одновременно продолжать разговаривать с ними обо всем, что интересует детей их возраста.

Любое нарушение общения проявляется у младенцев в функциональных расстройствах. Ребенок такие нарушения переживает всеми органами. Мать или кто-то, кого ребенок знал, бросает его, и страдание ребенка выражается в бронхите, ринофарингите — это «ругаются» его носоглотка, его легкие, нутро. Такая болезнь — реакция на случившееся, и она символизирует физическое здоровье. Все нутро, наполненное некогда запахом человека, который сам вошел в общение

437

и отношения с ребенком, возмущается и теряет жизненные силы из-за того, что запах этот исчез.

С ушами — то же самое, в них перестает звучать знакомый голос, и у ребенка начинается отит. Микробы, обычно безвредные для организма, обретают силу.

Страдать начинают те части тела, что лишились структурирующего их удовольствия от общения с матерью или тем, кто ее заменял. «Ее голос "строил" меня. А она уехала, она разрушила меня вместо того, чтобы строить, разрушила то, что я построил из удовольствия от осуществления желания общения.» Удовольствие и желание общения эротизируются в тех местах, о которых взрослый и не подумает:

в полостях тела, глазах, ушах, пищеводе и седалище. Именно эти места страдают более всего от того, что перестал слышаться знакомый голос, от того, что больше нет возможности вдыхать знакомый запах. Это происходит и тогда, когда ребенка неожиданно отрывают от матери на несколько часов и она забирает его только после работы, не подготовив его к такому испытанию заранее. Тяжелые моральные страдания с пагубными жизненными последствиями можно предупредить.

Мать или тот, кто ее заменяет, должны ребенку объяснить, что мать любит его всегда, и сейчас, когда ей вынужденно придется находиться в другом месте, она его не забудет, но раз уж так случилось, им на время займется другой человек. Дети с бесконечным насморком, те, у кого не все в порядке с дыханием, тут же начинают болеть — спровоцированные отиты повторяются один за другим, и в конце концов это приводит к частичной потере слуха, дети глохнут по причине того, что не могут им постоянно слышать чужой голос. Вынужденная глухота приводит к тому, что они перестают различать слова, ими утрачивается возможность пополнять и расширять свой словарный запас, а это значит — отставание в развитии.

Ввиду того, что детская смертность у нас побеждена, физически ребенок выживает, но в силу преобладающего значения этого фактора не принималась во внимание значимость другого обстоятельства: символическая связь между ребенком и матерью — она не считалась столь же важной, как здоровье тела ребенка, в связи с чем либо искоренялась, либо загонялась внутрь, а отсюда — предпсихотические состояния, периодическое выражение физического отчаяния у рано развившихся и чувствительных детей, чье физическое здоровье оказалось сохраненным с медицинской помощью или без нее. Точно

438

так же, если маленький ребенок попадает в больницу, у него возникает определенный разрыв в процессе собственной идентификации.

Лучше предупреждать, чем лечить.

У человеческого существа — речь является той самой связующей нитью, что вместе с тактильными ощущениями, удовольствием от прикосновения матери или знакомой ребенку кормилицы, создает ткущуюся таким именно образом символическую связь.

Есть еще одно — чувства: они помогают ребенку лучше «укорениться» в понимании собственного появления на свет. Именно поэтому при разговоре с ним я по имени называю его мать, и его самого тоже — по имени, вот почему я рассказываю ему все, что могу знать о его жизненном пути до тех пор, пока он не попал в детское учреждение, ясли. «Сначала, — говорю я, — тебе это должно быть известно, возможно ты даже можешь вспомнить: твоя мама страдала и не в состоянии была оставаться с тобой...» Когда начинаешь говорить с ними таким образом, надо видеть, как буквально вливается в вас детский взгляд. Это потрясающе. Именно этот взгляд превращал в единомышленников тех, кто присутствовал на лечебном сеансе.

«Ты взгляни на свои руки, на свои пальцы, такие же — у твоей мамы; твой папа, не знаем его имени, тоже имел такие же. Человеком — уже рождаешься. Ты — живое существо, которое со временем станет взрослым мужчиной (женщиной), как Пьеретта, как Роза, которых ты узнал (узнала) когда-то, когда твоя мама доверила тебя им...» Весь этот словесный отсыл в прошлое заставляет ребенка вновь обрести и

сохранить защищенность своего «я» с самого начала жизни, которая прошла среди заместителей его родителей, как он называет персонал воспитательного учреждения. И нужно объяснить этому ребенку, каков именно его статус, даже статус сироты, если это — его судьба.

Но если ребенка отделяют от матери сразу после родов и занимается им дальше не мать, а больничная сестра посреди криков других новорожденных, то он не будет знать, кто он, даже тогда, когда при выписке из больницы вновь обретет свою мать. Скажется опыт недельного одиночества, недельного отсутствия тех связей, которые он имел прежде с матерью, он оторван от тех семейных шумов, которые воспринимал *in utero*.

В Италии это поняли и получили прекрасные результаты. Во Франции в некоторых родильных домах существуют боксы, которые соединяются с палатой роженицы. Но их разделяет стеклянная пе-
439

регородка. Мать и ребенок не могут ни потрогать друг друга, ни услышать один другого. Ребенок не слышит голоса матери. Он, конечно, не окружен гомоном голосов новорожденных, как в общей палате, но и отделение от голосов взрослых так же вредоносно.

Необходимо, чтобы звуковой континуум не прерывался, ребенку необходимо слышать высокие ноты материнского голоса, чувствовать ее запах. Но под тем предлогом, что матери надо дать отдохнуть, ребенком занимается другая женщина, она дает ему рожок, она, а не мать — пеленает. Пусть так. Но тогда нужно все ему объяснить.

Если мать в отчаянии, что у нее родился ребенок не того пола, как ей хотелось, то это не следует скрывать от ребенка, да и упрекать эту женщину тоже не стоит. «Видишь ли, твоя мама так хотела девочку, а родился мальчик. Конечно же, хорошо, что проявился ты. Ты есть ты. Но это вышло так неожиданно, это — сюрприз, надо, чтобы мама свыклась с происшедшим. Реальность — не совсем то, что воображаешь. Ты это тоже понимаешь.»

И лучше, если эти слова будут сказаны ребенку не в присутствии матери, которая продолжает пока сокрушаться, что ее надуманное желание не осуществилось. Надуманное — потому что выносила-то она в своем чреве именно этого ребенка, и ее тело приняло его; подспудным — было желание дать жизнь ребенку именно того пола, какой и есть у родившегося младенца. Тот, о котором она сожалеет, — плод ее воображения. Помогаясь, таким образом, обоим, и матери, и ребенку.

Еще лучше — помочь установить прерванную связь посредством слова через третье лицо.

Многие матери не умеют, не знают, как общаться с новорожденным. Когда такая мать видит кого-то, кто говорит ребенку буквально то же, что только что сказала она, и ребенок понимающе смотрит на эту личность, которая таким образом, с помощью слова, установила связь между ними троими, она говорит: «Удивительно! Кажется, он понимает.» — «Конечно, он понимает речь. Он — человек, а это значит, что человеческое в нем — с первых дней, слово в нем — изначально.» Это «открытие» с огромной силой привязывает к малютке. И по прошествии двух-трех дней матери делятся: «Мне удалось, я с ним разговаривала, он меня слушал, он слушал меня! А я и не знала, что так можно с такой крошкой». Это поразительно.

Встречаются отцы, которые во время консультации рассказывают тебе, что со своими котятами, собаками они говорить могут, а вот с ребенком, даже уже большим — четырех-пяти лет — не умеют.

440

Чем объяснить эту неуклюжесть? Это неумение друг друга понять?

Это — повторение того, что некогда происходило с ними самими, отцами, когда они были маленькими. Бывает, некоторые из них с большим трудом соглашаются с этим.

Когда мать видит, как кормилица разговаривает с ребенком, которого она ей доверила, в то время как у нее, матери, этого не получается, она начинает ревновать и, часто бывает, от кормилицы отказывается. Она боится, что ребенок полюбит ее больше, чем собственную мать. Но говорить с малышом, когда с ним остается, — не умеет. Ребенка оставляют на целый день с чужой женщиной, которая с ним разговаривает, и с ней он — счастлив. Когда возвращается мать, ребенок замыкается. Мать забирает его, как пакет, чтобы на завтра вернуть, как вещь. И вновь — не проходит пяти минут — у кормилицы он становится общительным ребенком. Он всю улыбаются, когда снова видит кормилицу. Но не мать, когда та возвращается. С матерью у него отношения вещи, регрессивные, а с кормилицей — человеческие, эволюционирующие.

На моих консультациях, моя начинающая помощница объявляла консультируемых детей таким образом: «Ребенок такой-то».

Передо мной ребенок такой-то. «Как, госпожа Арлетт, — говорю я, — вы сказали "ребенок" об этой маленькой девочке! Это же — мадмуазель такая-то». Ребенок счастлив, что г-же Арлетт досталось. А та очень искренне извиняется перед ребенком. Дети очень чувствительны к тому, как к ним обращаются, и

очень ценят уважительное к себе отношение — такое, какое питают к себе они сами.

Позднее, в школе, обоюдное обращение на «вы» или на «ты» должно бы тоже найти подходящее место.

Обыкновение требует называть людей по именам, и мамы хотят, чтобы ребенок имел то имя, которое ему подходит. Есть имена во французском, по которым не поймешь — мальчик или девочка — Клод, Камилл и многие другие. Когда дети вместе, в группе, нужно добавлять: мальчик/девочка. Этих детей надо представить другим. Таким образом мы подчеркиваем, что Камилл, который перед нами, это — мальчик. А обращаясь непосредственно к малышу, пояснить:

«Знаешь, ведь Камилл может быть и девочка. Но ты должен знать, что ты — мальчик. Твоя мама говорит, что она так назвала тебя потому, что сначала ей казалось, что она бы больше любила тебя, если бы ты был девочкой. Но ты родился мальчиком. А Камилл — это и мужское имя». И он — услышит, поймет. Он должен знать, что он потенциальный мальчик и что его «двойное» (по

441

принадлежности к полу) имя никак не должно сбивать его с толку и с первых лет жизни создавать некую двусмысленность, ведущую к сексуальному тупику, подобно тому, как это случилось с его матерью.

Все аутисты от природы обладают чрезвычайно развитым даром человеческого общения, тем не менее именно они оказываются в коммуникационной пустыне. Часто особа, которая занималась ими, была некогда, в том самом, что они, раннем возрасте, оставлена в одиночестве, и это свое состояние «оставленности» она перенесла на ребенка, который напомнил ей ее первые годы жизни. Аутизм существует в силу того, что символическая функция у человека имеет чрезвычайно большое значение. У животных нет аутизма. Это специфическая болезнь рода человеческого. Аутизм встречается редко, кроме того, возникает не сразу (после отнятия от груди), у детей, которых кормят грудью. Напротив, чаще встречается он у тех, кому мать клала в выемку подушки рожок и оставляла малютку есть в полном одиночестве.

Двадцать один год назад, в Сэн-Венсан-де-Поль, в заброшенной церкви, где был устроен приют для брошенных детей, можно было наблюдать такую картину: сиделка — одна на всех — клала бутылочки с едой в выемку на подушках и, прочитав свой детектив, собирала их. Рожки были на три четверти полными, потому что младенцы выплевывали соски.'

Такое обращение ставило человеческие существа в ситуацию дегуманизации символической функции. Их символическая функция продолжала свое развитие, но вытекающий из нее речевой код не гуманизировался, ибо подобное происходит только тогда, когда чувственные начала, которые питают эту функцию, имеют один и тот же смысл для, по крайней мере, двух жизнеспособных субъектов. Так, выходит, матерью для тех малюток, во время кормления, был, вероятно, потолок; отцом — возможно, соска, походящая на пенис. А ребенок, выкормленный подобным образом, возвращался во внутриутробное состояние, в котором восприятия — слуховые, зрительные, и эти поступления пищи воспринимались им не иначе как продолжение

• «Les enfants matades d'être trop aimés», *Lectures pour Tous* n°113, mai 1963.

442

животного существования. Всё вместе это замещало речь, но являлось всего лишь подменой многообразия межчеловеческих связей, иллюзией коммуникации, поскольку при этом он не получал жизненно необходимого: умения соучаствовать, откликаться другому, которое возникает исключительно в ответ на чувства этого другого. Ребенок становится вещью, потому что люди, ухаживающие за ним, следят за ним, как за вещью, и обращаются, как с чем-то неодушевленным. Хочешь не хочешь произойдут какие-то видимые изменения, и слуховые, и обонятельные. А ведь все это — принимается ребенком за речь, доставляя наслаждение или воспринимаясь как пустой звук, и это то, чем кормится его символическая функция.

Аутисты живут. Совершенно здоровые дети, по большей части не страдающие ни одной болезнью, они великолепны. Но, вырастая, они мало-помалу сгибаются, перестают ходить в вертикальном положении, становясь похожими на волков в поисках пропитания; они, люди, только и делают, что ищут, куда бы (неважно куда) влезть, что бы такое (неважно что) схватить. Им постоянно чего-то не хватает: они неистовствуют, буйствуют... Их начинают изолировать. Они — те взрослые, что лишены критического к себе отношения, они смешивают вожеление, притязание, и потребность, путая одно с другим, совершают убийства, проявляют неоправданную жестокость¹, насилуют как г-н Проклятый².

Аутиста не знают, кто они. Тело их — не их. Разум у них находится неизвестно где. Их существование на свете закодировано на смерть вместо того, чтобы быть закодированным на жизнь. Для взаимоотношений с другими они мертвы, но они в полном смысле живы для совершенно непонятно чего, что может быть ими вообразено.

Ребенок, страдающий аутизмом, телепат. У меня был такой пример: девочка пяти-шести лет. Ее мать рассказывала мне, что ездить с ней в поезде было невыносимо — она говорила тогда, когда хотела, и

говорила о людях, которые ехали с ними по соседству, правду... Однажды соседка по купе сказала матери: «Я еду в Париж увидеться с мужем...», а ребенок отрезал: «Это неправда, это не ее муж, это господин, которого ее муж не знает...» Она говорила странным голосом, не фиксируя взгляд, как сомнамбула.

• К детям, которые в принятой у нас системе взглядов считаются аутичными, это не относится (В. К.).

" Имеется в виду детоубийца М — персонаж одноименного кинофильма австрийского кинорежиссера Фрица Ланга «М» (1931) — герой, обреченный судьбой убивать («М» — от нем. «Mdrder» — убийца), бессильный перед неумолимым роком.

443

У этой девочки был особый случай аутизма, при котором бездействовали нога и нижний отдел; она не могла стоять; ее нужно было носить; она не могла ходить, да и сидеть одна без поддержки — тоже. Если она оказывалась где-нибудь вне дома, ее надо было класть на землю. По правде сказать, мне показалось, что под аутизмом здесь скрывается чрезвычайно ранняя истерия.

Помню, как я увидела ее впервые. Принес девочку отец, (потом) что для матери она была слишком тяжела и велика. Девочку положили на пол, на ковер у меня в кабинете, а я стояла и ходила над ней. Я хотела понять, начиная с чего она не была в состоянии вертикализироваться, ведь человеческое существо — существо, которое рождается вертикальным. Я отталкивалась от образа, который имеет ребенок о своем теле: его тело — фаллической формы. Он рождается стоя, так как родовые пути матери — как раковина, рог изобилия, который в основании, в центре материнского тела, узок и все больше и больше расширяется к влагалищу и наружным половым органам; ребенок появляется и, не будь силы тяжести, он бы оказался лицом к лицу со своей матерью; в том и состоит акт рождения.

Поскольку малышка не села тогда, когда это полагалось, решили, что у нее энцефалопатия. Когда я увидела ее впервые, особой надежды у меня не было — передо мной была девочка, которая закатывала глаза, и имела какой-то совершенно потерянный вид. Если она не прислонялась к своему отцу или матери, ее нога, вялые, неподатливые, отказывались ее слушать — она едва-едва ими передвигала. На первый взгляд казалось необходимым, чтобы верхняя часть ее тела стала частью тела отца или матери, — тогда низ ее тела не будет болтаться, как тряпичный. Но когда я за ней понаблюдала и присмотрелась, что-то у меня в мозгу «щёлкнуло»: если девочку отнимали от тела матери, она становилась совершеннейшей тряпичной куклой, а когда была возле отца, то застывала; ее ноги никак не напоминали тряпичные, они напрягались. Значит, у нее не паралич нижних конечностей. Девочка мнила, что она — все еще часть своей матери, и не управляла нижней частью собственного тела. Итак, она лежала на полу, у меня в кабинете. И я двумя руками обхватила ее чуть ниже талии, у пупка, и в мгновение ока подняла ее, без особых усилий — усадила; она стала сидеть. Затем, одним махом я выправила ее талию так, чтобы ступни коснулись земли. И я сказала: «Вот так ты будешь теперь стоять сама». В следующий визит девочка уже ходила по моему кабинету, все трогала, только вид у нее был

444

отсутствующий и она не шла к своей матери. Она не знала своего тела, кто она физически, как если бы низ тела был у нее материнским, а ноги — отцовские (отец долго носил ее на руках). Я начала работать с матерью, сопровождавшей ребенка. Отец в свою очередь тоже подвергся психоанализу. На протяжении долгих лет, в замке своего родителя, он пребывал в весьма напряженной, драматической, ситуации: имел заработную плату ниже S.M.I.C*, что исходило от отца-террориста, который управлял заводом, и который его, инженера, вынуждал быть слугой. Сын хотел выйти из этого унижительного положения, он не желал быть вещью, собачкой, беспрекословно выполняющей любые приказы отца, и предпринимал всяческие попытки вести дело так, чтобы оно позволяло кормить всё семейство (все они жили за счет этого завода). Уйти не мог, поступи он так — семья была бы разорена: дедушка с материнской стороны был дряхл и неспособен возглавить дом. Что касается матери ребенка, это была офицерская дочка, которая прекрасно общалась, как все офицерские дочки, которые никогда подолгу не живут в одном и том же гарнизоне (раз шестнадцать, кажется, переезжали они с квартиры на квартиру, когда она была ребенком). Но ее мать и сестры всегда могли как-то устроиться и обустроить какое угодно жилье так, что в нем можно было жить; ну так вот, истинно офицерская дочка, которая не задается метафизическими вопросами, живет, отдавая предпочтение материальным и социальным, — мило и с полным сознанием гражданского долга. Тем не менее двух первых детей она имела здоровыми. А вот последняя — та девочка, которую показали мне, — очень болела с самого рождения, будучи поражена теми странными аномалиями, которые я сочла за раннюю истерию. Что же все-таки произошло? Ребенок попросту на два года отставал в своем развитии: в качестве новорожденной девочку вернули матери только в два года. Я сказала ей, что ее девочка по всей видимости совсем не глупа, и она воспряла духом.

В течение двух лет я лечила мать и дочь вместе. Они приходили приблизительно каждые два месяца. Все вместе мы проделали заново, на словах, вместе с малышкой, по воспоминаниям, рассказанным ее матерью и воспроизводимым мною, весь путь этого ребенка в ее прошлое — от и до, для того, чтобы ребенок обрел себя живущую, получив право быть самой собой. По прибытии сюда в самом начале

• S.M.I.C. — Salaire minimum interprofessionnel de croissance (фр.) — минимальная возрастающая межпрофессиональная заработная плата.

445

она не говорила; заговорила же очень быстро, и именно так, как грудной младенец, который помимо того, что наделен даром речи, — телепат, говорит всему миру свою правду, а также все, что он думает и что чувствует в реальной действительности. В семь лет малышка поступила в детский сад при частной школе, куда была принята, как если бы ей было три года, в то время как было ей — семь, да и по виду это был семилетний ребенок; и начиная с этого времени она начала развиваться, в социальную жизнь она вошла с двух-трехгодовичным отставанием в школе и некоторым отставанием в развитии, проявляя интересы ребенка более юного, чем у нее, возраста. И всё у этой девочки, которая теперь стала взрослой женщиной, постепенно пошло на лад. Когда ей было девять с половиной лет устраивался для малышек костюмированный бал, и ребенок непременно хотел туда пойти. Она захотела быть переодетой в маскарадный костюм, и она сказала матери: «Я хочу, чтобы ты мне сделала костюм, как тот, что сделала мне та дама — под дамой подразумевалась я — дама, которая меня вылечила.» — «Какой же костюм она тебе сделала?» — «Ты знаешь, она мне сделала пачку из бананов.» — Банан: фаллическая форма, и поглощаемая. Это фантазм, который у нее появился, когда я ее приподняла, я, обхватив девочку двумя руками за талию, позволила, наконец, ее ступням коснуться земли. Этот фантазм, который вернул ей образ ее индивидуальной вертикальности на неспособные носить ноги, — она хотела, чтобы реализовала его мать. Когда та примерила ей «банановую» пачку, малышка обняла ее так, как будто сделала это первый раз в жизни, и сказала: «Какая же ты добрая мама!» В этом костюме она имела грандиозный успех.

После этого празднества всё у нее пошло, как надо.

Глава 4 **МЫ ИДЕМ В МЕЗОН ВЕРТ**

«ЛУЧШИЙ В МИРЕ ДЕТСКИЙ САД»?

Мамы, которые посещают Мезон Верт, перерождаются просто на глазах. У них появляется время заняться собой и подумать, а до этого они были просто загнаны своими захватчиками-детьми. Жизнь становится легче с Мезон Верт, и приходящие к нам мужья удивляются: «С тех пор, как жена к вам стала ходить, в доме все изменилось. Она уже не бросается ко мне вечером, когда я возвращаюсь с работы и не пересказывает все, что произошло за день...» Ребенок занят, мать занята, они общаются, они больше не связывают друг друга, напряжение исчезло, и даже отец, если он окажется у нас, видит, что его ребенок занимается с другими детьми, жена — с другими женами и детьми, и в нем вдруг просыпается осознание себя как отца ребенка и одновременно — супруга по отношению к своей жене. Работа, которая ведется в Мезон Верт, огромна.

Даже само название нашего «места обитания» является плодом коллективного детского творчества. У этого названия нет автора, никто наш дом так не нарекал. Это название родилось в самих детях, оно — их. Оно для них говорящее. Стоит только матери произнести: «Мезон Верт», как ребенку уже все ясно. Мой муж, вспоминая о своем детстве, проведенном в России, рассказывал, что когда за столом говорилось: «Завтра идем на куропаток», — собака, которая лежала в углу столовой и, кажется, спала, тут же начинала прыгать и вертеться вокруг стола — она услышала слово «куропатки»... Некоторые матери делились со мной таким наблюдением: «Достаточно сказать "Мезон Верт" — и мой, только что капризничавший ребенок тут же замолкает». Мезон Верт — это некая орбита в пространстве. Это потрясает. Его создание, возможно, столь же важно, как возникновение детских садов лет 75 назад. Мезон Верт работает для того, чтобы можно было предотвратить последствия отнятия

• Для облегчения чтения, вместо «материнской школы» и «классов для малышей при начальных школах» — в переводе (кроме с. 448) — «детский сад», «подготовительные группы».

447

ребенка от груди — это то же самое, про профилактика агрессии, а значит — и социальных драм.

Вспомним, с чего начинались нынешние «детские сады».

Начинались они с «приютов». Название общее и для ясель, и для детских садов. Когда я была девочкой и ездила на каникулы, я видела в деревне такие вывески: «Приют». Работающие женщины отводили туда своих детей и оставляли их на целый день на попечение сестер-монашенок; дети проводили здесь всё свое раннее детство до начальной школы. В этих так называемых «приютах» все дети одеты были одинаково: длинные платья до пят, а под ними — ничего, — так ходят в деревнях; дети тогда могут писать-какать, — безразлично: за ними подберут. В приюте были младшая группа, средняя и старшая... и вот эта старшая и стала *boîte maternelle*.

Для того, чтобы узнать, с чего все начиналось, нужно прочесть «La Maternelle» Леона Франппье. Те, кто создали *ecole maternelle*, столкнулись в начале пути с трудностями, весьма схожими с теми, которые возникли сегодня перед организаторами «Мезон Верт».

Законодатели не верили в методы, которые применялись в *Ecole maternelle* и которые стали отличительной чертой работы с малышами во Франции, получив признание во всем мире.

Тем не менее, *Ecole maternelle*, выдержав испытания, выпавшие на ее долю, продолжает эволюцию. Но подобная эволюция, на мой взгляд, опасна. Она предаёт добрые начинания в работе тех, кто стоял у истоков. Волнует меня то, что в детские сады принимают теперь и двухгодовалых, а преподавателей берут с подготовкой для работы с трехлетними. А 2 и 3 года — это то же самое, что 12 лет и 25. Между двухлетним ребенком и трехлетним такая разница... Такая же большая, как между ребенком в препубертатном возрасте и зрелым юношей. В два года центральная нервная система еще в процессе стабилизации; лошадь без хвоста; у ребенка еще отсутствует чувственный и волевой контроль за удовольствием от работы сфинктеров. Если держат его «в узде», ограничивая в потребностях, не позволяя «лишнего», ребенок, из боязни не понравиться взрослым, рассматривает свою область таза (свое *en-vie'*) как привой — в

• *Envie* (фр.) — зависть; *en* — к; *vie* — жизнь, жизненная сила. *En-vie* — стремление к жизненной силе. Здесь использован один из фрейдовских принципов интерпретации (В. К.).

448

полной зависимости от желания (удовольствия) взрослого воспитателя; это совершенно искажает его сексуальную самоидентификацию, частью которой является тазовая область. Позднее девочка станет женщиной, а мальчик — мужчиной, но существует большая опасность подавления взрослой сексуальности с патогенным торможением, поскольку область гениталий была поставлена в зависимость от взрослого. Раннее высаживание на горшок чрезвычайно опасно. Недавно во Франции было решено открыть ясли для детей двух—двух с половиной лет;

для них специально готовят воспитателей. В этом возрасте каждые три месяца приносят с собой огромные изменения в развитии — интересы детей, манера выражать себя (в широком смысле этого слова) постоянно изменяются. В детский сад, таким образом, будут отправляться только те дети, которые достигли свободы в самообслуживании. До достижения 30-ти месяцев ни один ребенок не готов к «естественной» чистоплотности, по крайней мере без случайностей в штанишки, а также — к жизни по расписанию. Если есть желание расширить, увеличить прием малышей в детский сад, то нужно придумать не детский сад, а нечто иное: он хорош только для трехлетних детей, то есть для детей, реально достигших этого возраста. Те же, которые пребывают в яслях после двух лет — остаются инфантильными, потому что окружение их — только малыши и женщины, и даже, если есть в яслях воспитательницы — они редко умеют говорить детям правду, которая их интересует. В основном они добиваются того, чтобы научить их умению обращаться с чем-либо, песням учат, но все это деятельность — управляемая... Управляемая! Увы! Уже. Эти ясельные воспитательницы тут постольку-поскольку, и воспитательницы старшей группы посматривают на них свысока, обычно их засылают «уполномоченными» по материальной части:

детские рожки, еда, пеленки. Это целая проблема. Было бы совершенно иначе, если бы вместо воспитательниц-женщин рядом с ними постоянно работали мужчины. И пусть их будут называть как угодно — если не психиатры, не воспитатели, не организаторы досуга, то просто «дяди», если воспитательницы старших групп — «тетя»!

Я слышала и такие аргументы за то, чтобы принимать в детские сады детей с двух лет: когда старший в детском саду, — почему бы младшему брату или сестре не ходить с ним туда же? Это явление противоположно тому, что происходит в яслях. Когда малыш в яслях, то старших тоже могут оставить там. Но когда старшие начинают ходить в детский сад, почему бы не отправить туда же и малыша, который играет со старшим? Зачем разделять детей? Мама и папа будут проводить с ними гораздо больше времени,

449

если дети будут в одном, а не в разных местах. Дома они будут вместе расти и своим присутствием помогать друг другу развиваться. Этот довод кажется справедливым, но выражает он точку зрения воспитателя и фокусирует в себе его же проблемы.

В действительности же необходимо, чтобы, начиная с рождения, была обеспечена непрерывность в процессе обучения ребенка: от приучения его к навыкам опрятности до приобретения им навыков письма, чтения, счета, то есть до восьмилетнего возраста; желательно было бы, чтобы помещения, предназначенные для детей двух лет (и так далее — до шести), соединялись между собой, и дети могли бы ходить друг к другу «в гости» в поисках такого уголка, который подходил бы им и соответствовал их интересам. Но сначала ребенку следует предоставить самостоятельность, которая постепенно уступает место наставничеству; это — начиная с трех лет, но не ранее. Дети сходились бы по интересам в соответствии с уровнем их развития и независимо от того, в каком помещении ребенок находится. В настоящее время ребенок не может ни вернуться в предыдущий класс, ни забежать вперед, если только, конечно, он не

находится на свободном посещении. Однако именно такая гибкая система была бы наиболее желательна при уходе за детьми и воспитании их от 2 до 6, а затем — от 5 до 8 лет.

По моему совету архитекторы, проектировавшие один новый город, предусмотрели подобный детский центр с такими проходами и переходами из помещения в помещение. Кажется, результаты этого проекта хорошие. Не возникает никакого разрыва в цепи воспитания, нет никакой сегрегации. Помещения для малышей, где находятся заболевшие, несколько отделены от остальных, чтобы те не заразились, но любая мама может навестить своего ребенка и тут же отправиться проверить другого в ясли, старшего — в детский сад, и все это — не выходя из одного дома. На игровой площадке, как в Люксембургском саду, помост с небольшими тентами, чтобы можно было не мокнуть под дождем, если переходишь от одного тента к другому. А если ребенок из детского сада хочет снова пойти в ясли — повидать брата или сестричку, ему это тоже разрешают.

Я попросила также, чтобы просторная и солнечная площадка, на которой старики играют в шары, а старухи сидят на лавочках и вяжут, не отделялась бы наглухо от детской игровой площадки; забора быть не должно, только невысокая зеленая изгородь, которая должна доходить ребенку до носа, чтобы дети не могли ее перешагнуть. Желательно, чтобы взрослые видели детей, а дети могли бы видеть

450
взрослых, которые играют в шары или которые греются в хорошую погоду на солнышке. Когда такой сад был разбит, между бабушками, дедушками и малышами из детского сада возникла удивительная связь. Это очень важно, чтобы старики, если они, конечно, этого хотят, могли видеть детей (для тех, кто этого не хочет, предусмотрены дальние скамейки, куда не долетают детские голоса). Именно таким образом в обществе ткутся связи между поколениями.

Во Франции у политических деятелей есть постоянный повод для довольства собой — каждый раз, когда оппозиция вынуждает их подводить итоги своей деятельности, в ответ слышится одно и то же: «У нас неизменно... как в 1936 году — лучшая сеть дорог, как в 1920-м — лучшая в мире почта, ...лучшие в мире детские сады...»

Это правда. Но приспособлены ли они к нуждам детей, которые должны туда ходить? Приспособлены ли они к их возрасту, численности?

Детские сады, доказавшие право на существование в довоенной Франции, уже совершенно не отвечают проблемам наших детей, которых сегодня принимают в детские сады много раньше: в два года вместо трех-четырех лет.

Обслуживающий персонал — этих женщин называют теперь муниципальными служащими — находится в яслях для обслуживания детей и следит за тем, чтобы все было чисто. Именно на такую работу ориентированы эти женщины, находящиеся на службе у детей. А те, кто учил бы ребенка самостоятельно чистить зубы, мыться, переодеваться, менять штанишки... — такого персонала здесь нет: они, выходит, не обязательны.

Соответственно, никто не может обучить ребенка словарю его тела. Детей ругают, если они сделают лужу, занесут в дом грязь на невытертой обуви. Женщин-нянечек унижает то, что они делают: они воспринимают свою работу как «трудовую повинность», как тяжелое бремя. Они наемные защитники чистоты. Ребенок должен жить при воде, «пи-пи», «ка-ка» — точно в отведенное время, а занятия, «классы» — это уже потом. А должны были бы эти нянечки говорить с детьми об их телах, о нуждах их тел, о пальцах на руках, об их руках, лицах, они должны были бы приучить малышей

451
любить красоту и чистоту, обслуживать себя. Они должны бы были рассказывать им об их семьях, познакомившись с этими семьями. В конце концов, они должны бы были уметь заниматься с маленькими детьми. Так нет же! Им платит муниципалитет, а преподавателям — министерство образования. И вот уже нянечки и преподаватели совершенно отделены друг от друга, и редко, очень редко они могут работать одним коллективом. Очень немногие нянечки загружены работой неполностью или могут позволить себе интересоваться детьми. Тем не менее они, по большей части, сердечны и действительно любят детей.

С моей точки зрения, совершенно необходимо, чтобы преподаватели в детских садах занимались не более, чем шестью детьми сразу, а остальные были на попечении воспитательниц, в чью функцию входит обслуживать детей. Нянечки как нельзя лучше подходят для этой роли в детских садах. Впрочем, почему только женщины — «на подхвате» могут быть и мужчины. Детям больше чем 20 минут (максимум) не высидеть, им не сконцентрировать дольше, чем на это время, свое внимание на учительнице или учителе, то есть на том, кто... наставляет. Учительница же в детском саду в основном «наставляет»; в подготовительной группе она что-то преподает, корректирует речь, жесты, учит физической ловкости. Это «передовая» группа детей детского сада. Мы еще очень далеки от той желаемой организации, необходимой для детей, не достигших трех лет, для которых задуманы детские сады.

А сколько там перегруженных групп! Была забастовка воспитателей детских садов — у них было по 35

детей в группе от 2-х до 4-х лет, и, конечно справляться с ними было им не под силу. И этот бедлам будет только расти, если детям некому помочь и присмотреть за ними. По этому случаю я написала статью, отвечающую на вопрос: «Сколько желательно иметь детей в подготовительной группе?»

Когда столько человек в стране бастует, не лучше ли предложить им придти поработать в детский сад и работать там вместе с преподавателями, которые получили специальную подготовку для того, чтобы научить ребенка приобретать знания, быть ловким, пользоваться своим телом, руками, голосом, наблюдать, уметь узнавать наощупь, ну, в общем научить всему тому, что и является образованием для маленького ребенка, то есть разработке всех его чувств и подготовке к вербальной, мимической и телесной коммуникации. Нужно было бы, чтобы эти ассистенты, прекрасно ладя с учителями, знали как свои пять пальцев и своих подопечных, как некогда в деревнях нянюшки, вечно окруженные со всех сторон детьми. Эти новые ассистенты в детских садах имели бы возможность поговорить

452

с каждым ребенком и как с представителем его семьи, узнать у него о родителях, о братьях и сестрах. Они могли бы познакомиться с родителями каждого из детей и быть посредниками между семьей и школой. В детских садах никогда с детьми не говорят об их мамах и папах. Родителей приглашают на собрания, а здесь... отвечают матери на те вопросы, что та задает.

Учителя в подготовительных группах стали более загружены. Они теперь нервные, усталые. И в начальной школе, и в подготовительных группах завелась хроническая болезнь — некое соперничество между родителями и учителями; учителя жалуются, что родители ничего не делают для обучения своих детей, родители же все больше и больше забот хотят переложить на учителей для того, чтобы те и воспитывали детей и учили их, в то время как эти учителя получили лишь преподавательскую подготовку.

МЕЗОН ВЕРТ

Мезон Верт («Зеленый Дом») в XV округе Парижа на площади Сен-Шарль был открыт 6 января 1979 года. Это не детский сад, не диагностический центр, это — первый камень в создании того «Дома детства», который, по мнению Франсуазы Дольто, должен был бы стать местом, куда дети ходят до яслей и детского сада. В этом месте отдыха и встреч, где к детям относятся как к личностям, все заинтересованы друг в друге, здесь соблюдается анонимность, и единственно, что важно, — это человеческое присутствие — мать или отец никогда не оставляют ребенка одного в Мезон Верт, родители здесь тоже отдыхают или находят себе какое-то занятие. Они встречаются здесь с другими родителями. Принимает их бригада из трех человек, среди которых, по крайней мере, один мужчина; не назначается никакого лечения, не проводится никаких обследований, ни единого специального исследования. Эти люди просто здесь, с ними рядом, они слушают и разговаривают с детьми в присутствии их родителей.

В Мезон Верт — а он единственный в мире* — практикуется изо дня в день без какой-либо отсылки к медицинским или патронажным властям, без каких-либо назиданий и без апробации об-

• По крайней мере, на время создания книги (середина 80-х годов) — единственный во Франции (В. К.).

453

разовательных методик — честная беседа с любым ребенком о том, что того касается: будет ли это волнующий родителей ребенка вопрос, или — разговор о том, что он делает сам и из-за чего ему не удастся наладить отношения со сверстниками или сам он не получает искомого результата. Это — вхождение в сосуществование, вместо возможного попадания в зависимость от какой-либо группы.

Об открытии уведомили вывески. Люди смотрели, как ремонтируется и благоустраивается этот магазинчик на очень оживленной площади между красильней — бывшей автоматической прачечной, и кафе со стоящими на улице столиками. О Мезон Верт заговорили в округе. Площадь Сен-Шарль — в таком городе как Париж — довольно провинциальна, на фоне квартала высотной застройки вдоль берега Сены, что застит полнеба, она — то место, где дети наслаждаются катанием на роликовых коньках, а велосипедисты, отдыхая от пробега, привязывают к деревьям свои велосипеды. Достаточно оживленное место. Открывались мы в День Богоявления. Прицепили к витрине шарики и венки, и написали: «Приходите праздновать Богоявление к нам, в Мезон Верт, вместе со своими малышами от 0 до 3 лет». И люди пришли — просто так, из любопытства. Кто-то даже принес пироги. Мы сами Приготовили огромный пирог. Мама уселись в кресла, а дети разбросали по полу игрушки. Мы сразу же сообщили присутствующим женщинам: «Ну вот, мы начинаем тут кое-что новенькое, что вы об этом думаете? Мы хотим подготовить ваших детей к яслям, к детскому саду». В тот первый день детей младше двух месяцев не было, и была, мне кажется, только одна беременная женщина, которая, совершая по совету своего акушера предписанную прогулку, зашла к нам случайно.

Вот так это и начиналось. И пошло, и пошло.

Сначала отцы появлялись только по вечерам, после окончания работы, между шестью и семью, они приходили за своими женами. Наверняка, чтобы поднять домой коляску.

Бывали и недоразумения... Некоторые работающие женщины решили было, что Мезон Верт — ясли. В один из первых дней какая-то мама спросила: «Я могу оставить у вас своего ребенка?» Услышав отрицательный ответ, она устроила нам небольшую сцену. «Тогда зачем вы существуете, если вы — не ясли?» — «Мы и работаем для того, чтобы вы, приходя сюда вместе со своим ребенком, потом могли спокойно с ним расставаться.» — «Видно будет!» — «Если вы ищете ясли, мы можем дать вам адрес.» И мы давали адреса ясель, настаивая на том, что Мезон Верт это промежуточный

454

пункт между домашним очагом и детским учреждением: между домом и яслями, например; между домом и детским садом. Люди это очень быстро поняли. Правда, для некоторых родителей, особенно для матерей, которые раз или два оставляли ребенка в яслях (что сильно травмировало детей), было довольно трудным усвоить, что в Мезон Верт детей не оставляют: даже на несколько минут. Одной маме, которая хотела оставить у нас своего четырех-пятимесячного ребенка на некоторое время и пойти кое-что купить, я сказала:

«Нет, ребенка вы берете с собой и потом возвращаетесь вместе с ним.» — «Что ж тогда это у вас тут за работа!» — «Это та работа, которую мы выполняем, и наступит такой день, когда вы, вы, которая прошли здесь, у нас, курс обучения, захотев оставить ребенка, заняться какими-то своими делами — сумеете сделать это без малейших хлопот для себя и совершенно безболезненно для своего ребенка, которого без каких бы то ни было для него последствий одного оставите в яслях. Он будет прекрасно себя чувствовать в ваше отсутствие с другими — и со взрослыми, и с детьми.» Излив на нас до конца весь свой яд, взбешенная, она все-таки осталась, а другая мама, вторя моему совету, продолжает ее убеждать:

«Вы же прекрасно можете взять ребенка с собой и придти обратно.» — «Нет! Одеваться-переодеваться!» — Ей надо было в магазин; за чем-то съестным. «Послушайте, — робко предложила какая-то мама, — у меня тут имеется...» — мои единомышленницы, совершенно обескураженные яростью этой женщины (и в особенности тем, в какое отчаяние впал ее ребенок, стоило ему только услышать «Я оставлю его вам... и сбегая...») стали предлагать ей что-то взамен.

Ребенка успокоила я: «Видишь ли, — сказала я, — это очень хорошо, что твоя мама так кричит, — это идет ей на пользу». Ребенок тут же успокоился, а мама его — нет. Я была довольна, что она кричит: нужно было, чтобы она поняла. Вместо того, чтобы уйти, она провела у нас два часа, хотя начала с того, что и приходить не стоило. А вечером она сказала одной из нас: «Я поняла... Это потрясающе... Я благодарна вам, что вы меня задержали, когда я подняла крик, и не дали тут же уйти.» В действительности же ее никто не задерживал. «Вы совершенно правы, — говорила она. — Я вам не сказала, но я уже пробовала оставлять ребенка, и это было ужасно: он тут же заорал, но так как тут все было хорошо, я подумала, что могу его вам оставить.» — «Нет, вы сможете его оставить в яслях, когда его здесь к этому подготовят.» И кстати, когда наступает время, и ребенку, который еще не говорит,

455

скажут в Мезон Верт о яслях, он кивает, а не начинает волноваться. Ему говорят об этом в Мезон Верт: «Твоя мама отнесет тебя в ясли, то есть ты там будешь один, но там дети — как здесь, и тети такие же, как здесь, а если тебе там станет немного тоскливо, ты вспомнишь о Мезон Верт, и твоя мама тебя приведет к нам на следующий же день, но сегодня ей надо сходить за покупками». И дети это очень хорошо понимают.

Эта мама говорила: «Я его оставляю». В присутствии ребенка она говорила о нём в третьем лице, как о своей собственности. Она не сказала: «Я тебя оставляю». Мы исправляем такую манеру разговора, когда ребенок в нем как бы и не присутствует. Когда к нам приходит мама, мы разговариваем с ребенком, знакомим его с нашими помещениями: «Вот туалет... один и для взрослых, и для маленьких...» Если это совсем малыш — говорим: «Вот стол для пеленания, здесь мама может тебя перепеленать». И теперь уже мать становится третьим лицом. «Вот то, что можно катать, вот таз с водой, лестница, игрушки, рисовальная доска. Можно играть во что хочешь. Правило — единственное: с водой можно играть только в резиновом фартуке. А если катаешься на доске, то вот за эту линию заезжать нельзя...»

УДОСТОВЕРЕНИЕ МЕЗОН ВЕРТ

(выполнено по идее Франсуазы Дольто)

Это место для встреч малышей и их родителей и проведения досуга. Это место, где происходит адаптация к социальной жизни прямо с рождения, где родители могут найти себе союзников в борьбе с теми ежедневными трудностями, с которыми они сталкиваются вместе со своими детьми.

Это — не ясли, не место, где оставляют детей под присмотром, не медицинский центр, это дом, где всегда рады мамам и папам, бабушкам и дедушкам, кормилицам и няням, это место, где малыш находит друзей. Мы рады также беременным и тем, кто их сопровождает.

Мезон Верт открыт с 14 до 19 часов. (Кроме воскресенья). Суббота — с 15 ч. до 18. 75015, Париж, ул. Мейяк (пешеходная), 13. Тел.: 306-02-82.

Мезон Верт подготавливает ребенка к тому, что уже в два месяца он может оставаться один и не будет никакого пресловутого «синдрома адаптации»; ребенок сможет совершенно безопасно жить без матери в обществе. Многие матери знают, что в два месяца им надо нести детей в ясли, потому что надо выходить на работу и иначе быть не может. Уже через пять-шесть раз (этого достаточно) такие малыши подготовлены жить вместе со взрослыми, которым мать их доверяет, и с детьми одного с ними возраста, мамы которых должны оставлять детей на весь день на чье-то попечение. Бесчеловечно разделять мать и дитя, когда последнему всего два месяца. Женщина разрывается между необходимостью зарабатывать деньги и невозможностью оставаться рядом с ребенком. Бывает, что женщина боится потерять работу. Бывает, что работа для женщины — это возможность ускользнуть от домашней скуки и рутины, требующей быть с ребенком с утра до вечера в маленькой квартирке. Она чувствует себя виноватой. Идет к нам. Мы разговариваем с ребенком, и ей слышно, что мы говорим. Мы говорим с младенцем, и то, что именно мы ему говорим, мать слышит. А директорши ясель не могут ничего понять. Дети, которые перед яслями или детским садом посещали Мезон Верт, отличаются от других. У них нет синдрома адаптации. В присутствии матери мы рассказываем детям, что их ожидает: «Когда мама понесет тебя утром в ясли, она пойдет на работу, как это было, когда ты был у нее в животе, ты ходил на работу вместе с ней. Она разговаривала там с разными людьми, а ты был у нее в животе. Теперь ты родился и не можешь ходить на работу со взрослыми, потому что тебе надо быть со своими сверстниками. Тобой будут заниматься другие, так же, как мы занимаемся тобой тут; ты будешь без мамы целый день, потому что мама пойдет на работу». Ребенок слушает всё, что ему говорят; он понимает. Как? Мне кажется, он может понять любую речь, говори мы даже по-китайски. Только французский он будет понимать позже; ребенок просто понимает, что мы говорим ему именно о том испытании, которое его ожидает, ребенок успокаивается, понимая, что это испытание — знак того, что он любит свою маму, что она любит его, что мама у него одна — единственная, он слушает о своем папе, о папе и маме, которые произвели его на свет и трудятся для него. Так же мы готовим родителей; их мы обучаем, как забирать детей после восьмичасовой разлуки: «Когда вы пришли в ясли, не набрасывайтесь на ребенка с поцелуями. Разговаривайте с ним, разговаривайте о тех, кто был с ним целый день, как все было; ласково, не торопясь,

457

одевайте его. Не уступайте своему желанию поцеловать ребенка. Восемь часов для ребенка — то же, что для вас неделя. Он вас забыл, он не узнаёт, он в другом окружении. Когда он чувствует голод, он набрасывается на соску; вы, бросаясь к нему, как он — к соске, создаете ситуацию, в которой, он для вас становится соской, едой, ему кажется, что его пожирают. Ну, так вот, сначала вы должны вновь войти к нему в доверие, поговорить с ним, одеть, вернуться вместе домой. И тут целуйтесь, сколько угодно». И мамы, которые ходили в Мезон Верт, говорят: «Удивительно, какая разница между теми, кто к вам ходил, и другими детьми, которые пошли прямо в ясли: те орут, когда мать уходит, и, орут, когда она приходит: они по-другому не могут выразить свое напряжение». Ведь и в том, и в другом случае они не чувствуют себя в безопасности:

их голеньких дают матерям, те начинают целовать. Так же, как дети оторваны от своих матерей, точно так же и их матери оторваны от своих детей. Они набрасываются на ... грудь, ребенок — это для них грудь.

Та работа, которую мы проводим в Мезон Верт до того, как дети пойдут в ясли, является очень хорошей профилактикой тех тяжелых последствий, которые вызывает у ребенка перебрасывание его из дома в ясли и обратно. Наши бывшие подопечные улыбаются в яслях, и там не могут не удивляться: «Потрясающе, насколько дети внимательны и открыты для общения!» Совсем другое дело, когда оставляют под чьим-то присмотром ребенка, который все время был с мамой — он орет весь день. В яслях говорят, что только и заняты тем, чтобы предохранить детей от какой-либо агрессии, но малыши все равно плачут, они боятся взрослых, потому что никто из тех, кого они знают, не приучил их к тому, что на свете существуют опасности, и они могут им встретиться в обществе. Малыши значительно меньше страдают от агрессии, если уверены в том, что мать все равно с ними, в них, и это обеспечивает их безопасность. Но для того, чтобы чувство этой безопасности пустило в них свои корни (а этой безопасностью для детей является мать), нужно, чтобы именно мать стала свидетелем тех тягот, которые переносит ребенок, и чтобы она, разделив с ребенком его горький опыт (это — во-первых), умела не только утешить малыша, но и могла бы подготовить его к другим возможным испытаниям. Для этого нужно, чтобы мама вновь позволила ребенку встретиться с опасностью и не покинула бы его в ней, а осталась вместе с ним и совершенно спокойно говорила бы с ним об опасности, к которой

458

он должен быть готов; нужно, чтобы она поддержала его словами, рассказывая о том, что такое эта опасность, ведь даже минимальная, для ребенка и она может оказаться трагической, когда он остается с нею один на один. К нам приходили дети с настоящими фобиями: перед местами, где собираются дети, они,

ухватившись за мать, так и остаются у дверей. С такими детьми мы выходим, и разговариваем уже на улице: «Конечно, ты прав... Твоя мама отвела тебя в ясли, а ты и понятия не имел, что это такое, а потом она ушла, не предупредив тебя. Ты думал, что она останется, но ты больше ее не увидел».

Взрослые не могут себе представить, что происходит в яслях — насколько дети вырваны из обычной своей жизни. Когда это более или менее приходит в норму (а помочь избавиться от ясельной фобии достаточно тяжело), мы снова начинаем готовить ребенка, предлагая ему разрешить матери уйти. (Мы действуем так только в том случае, когда имеем дело с детьми, травмированными яслями, и лишь тогда, когда видим, что ребенок согласен на это). Но бывают матери, которые говорят: «Десять минут», смотришь на часы уже двадцать прошло; ребенок начинает нервничать; мы его успокаиваем: «Видишь, какие эти мамы... Сказала — десять минут, а вышло двадцать, они не понимают, что такое время». Когда мать возвращается, мы ругаем ее: «Вы хотите помочь своему ребенку, и в то же время не держите своего слова. Как он может поверить вам? Конечно, он тут в безопасности но вы-то, разве вы чувствуете себя в спокойно, когда знаете, что вашему ребенку плохо? Вы должны быть исключительно правдивы: обещали — «десять минут» — не заставляйте ребенка нервничать. Не обманывайте». В подобных случаях ребенку требуется еще три визита к нам, и только после этого можно повторить опыт расставания. Мы продолжаем работать. А потом, когда это расставание удалось, говорим: «Видишь ли, скоро, когда ты захочешь, ты сможешь пойти в ясли, туда, где мам нет. Там так же, как тут, только без мамы...» Но он не соглашается. «Хорошо, — говорим мы, — тогда, когда ты захочешь». Потом продолжаем работать, и вот через дней пять-шесть слышим:

«Мне кажется, теперь можно ясли...» — мать пробует отвести ребенка туда. А мы советуем: «Оставьте его одного на полчаса сначала, потом — на час. Покажите ему на часы, когда вернетесь». И через день после того, как мать отвела ребенка в ясли, она снова приходит вместе с ним в Мезон Верт, и ребенок рассказывает, как и что там было: «Там был один злой мальчик, который делал то-то и

459

то-то, и одна тетя, которая дралась (правда или неправда)». Ми слушаем... И если дальше ребенок и говорить об этом больше не хочет, а устремляется играть к воде, мы ему говорим: «Смотри, видишь, эта вода так напоминает ту, в которой ты плескался, когда был еще совсем-совсем маленьким, у мамы в животе... А потом ты вышел, вместе с водами. В садике (яслях), ты думай о воде и ты увидишь — все пойдет на лад... ты думай о воде; думай, и станет так же хорошо, как если бы это и в самом деле была та самая вода». ...И в самом деле, подобное происходит.

Если ребенок еще не говорит, то слышит он все. Все понимает. Нужно видеть — с какой радостью возвращается он в Мезон Верт. Приходит с папой-мамой, когда они свободны, когда он не идет в ясли, или они заходят вечером — Мезон Верт открыт до 19 часов.

Не могли бы разве финансирование Мезон Верт — а оно минимальное, учитывая число приходящих детей и взрослых, — взять на себя в рекламных целях крупные магазины, банки с помощью города или без нее? Если хоть кто-нибудь из этих спонсоров понял бы, что он вкладывает деньги в молодость, в молодых родителей с детьми, результат был бы потрясающий. В банках должны были бы понимать, что человеческую жизнь надо поддерживать, пока она еще только обещает ей быть, что дети — первостепенная общественная задача, что деньги, являясь знаком товарообмена между людьми, должны бы были выполнять свою роль по поддержанию и обеспечению человеческой жизни. Ну, а жизнь — вот она тут и начинается. В возрасте Мезон Верт, ясельном, детсадовском. И это вовсе не значит кормить кого-то — это мотивированный поступок взрослого человека, который близко к сердцу принимает необходимость солидаризироваться с молодыми родителями и их детьми. Но в квартирное строительство вкладываются средства охотно, а вот в дошкольное образование — нет. Конечно, существуют государственные деньги, ассигнования на «Мать и дитя», но «Мать и дитя» — это просто награда за ловушку, в которую попадает мать, замкнутая на своем ребенке, и эта жизнь двух людей разных возрастов, в которой отсутствуют необходимые социальные связи, стимулирующие умственное, физическое и эмоциональное развитие этих двух граждан, не готовит ни того, ни другого к нормальной жизни в обществе, к животворным контактам с себе подобными.

В своем сознании нам предстоит еще проделать огромный путь, для того, чтобы понять, что раннее воспитание ребенка в обществе ему подобных является задачей номер один. То, что подпадает под

460

рубрику школы и образования, не рассматривается в настоящее время как нечто главное, как предмет первостепенной важности.

И существует страх присмотреться к этой проблеме поближе, потому что, пусть даже интуитивно, но быстро становится ясно, что от ее решения зависит все будущее общества, и что в настоящий момент совесть не спокойна потому, что известно, что приоритета проблема гуманизации раннего детства не получила, а в ней очень важное значение имеет удачное решение проблемы расставания матери и ребенка.

Эта проблема замалчивается, маскируется, в то время как именно здесь берут истоки терпимость к другим и другому, взаимопомощь, структурирующая личность дружба, удачная интеграция детей, как активного начала, как творцов и самостоятельных личностей, в общество одного с ними возраста, а также дружба между взрослыми людьми, мужчинами и женщинами — все они суть родители, и они могут инициировать своих малышей, например, к удачному сотрудничеству в жизни разных поколений, что происходит, когда интересы и удовольствия и тех и других могут быть обоюдно разделены и тогда и там, где это нужно.

Когда один ребенок начинает проявлять агрессию по отношению к другому — именно к кому-нибудь одному, а не ко всем, — мы в Мезон Верт знаем: это начало дружбы. Избирательная агрессия — признак взаимной симпатии у тех, кто еще не может говорить.

Классическая сцена: матери подравшихся детей выясняют отношения. Но ведь можно в открытую поговорить и с ребенком, подвергшимся агрессии, а мать ребенка-«агрессора» и мать ребенка-«жертвы» могут при таком разговоре присутствовать. Подобная беседа проводится для того, чтобы объяснить одному ребенку, почему другой его ударил и вырвал игрушку, и тогда обиженному не надо будет бежать, плакать и прятаться за мамину юбку. «Не игрушку он хотел, он хотел, чтобы ты обратил на него внимание. Ему понравилось, как ты играешь, или ему показалось, что ты — его маленький братик, а ему хочется иметь братика, и т. д.» Ладно, если ребенок побежит к матери: понятно, что он хочет успокоиться и как-то справиться со своими чувствами. Но вот сюрприз — придя в себя (горе уже позади), он, к немалому удивлению матери, тут же бросается назад, к своему обидчику. И что уж тут ругаться, или советовать... Сочувствовать — безусловно, но, главное — нужно еще раз, теперь уже с другой стороны — взглянуть на происшедшее снова и попытаться найти и понять смысл разногласия. На этом основывается вся наша

461

работа по предупреждению психосоциальных расстройств у детей: всё есть язык, который можно декодировать.

Мезон Верт подготавливает детей к тому, что их можно доверить яслям или детскому саду, и в этом случае ребенок избегает испытания слишком резким переходом, без ходатайств к лицу, которое до этого было гарантом его идентичности, его телесной целостности, его безопасности. Он «вакцинирован» от испытаний жизни в обществе.

Приходит к нам мама с трехлетним малышом, которому трудно войти в «детсадовскую» жизнь, и начинает жаловаться, что у ее ребенка нет никакого интереса к занятиям. «Он, — говорит мать, — не любит свою учительницу». Тогда мы обращаемся к ребенку: «Ты хорошо играешь в Мезон Верт, встречаешься тут с другими детьми, и мама твоя -тут с тобой: как дома. В детском саду мама быть с тобой не может, обучение тебя всяким интересным вещам и занятия с детьми она доверила учительнице.» — «Учительница какая-то... противная, совсем на маму не похожа.» — «Учительнице не надо быть ни красивой, ни уродиной, ей не обязательно быть похожей на твою маму, она — учительница. Ей платят за то, чтобы она учила детей. Школа — не дом. Ты должен понимать разницу.» Мы сравниваем, соотносим ситуации. Очень важно научить детей сопоставлению, показать им, как в обществе распределяются роли и функции. Каждому — свое место. «Школа есть школа. Тебе придется принять ее и не ждать, чтобы учительница заменила тебе маму или была такой, как ты хочешь.» И эти собеседования действительно приносят пользу. Ведь скольким матерям хотелось бы, чтобы учительница была похожа на них и, в особенности, чтобы она была «хорошей» со всеми детьми одинаково!

Когда Мезон Верт открылся, нам говорили: «Но вы ведь в общем-то ничего не делаете, просто проводите с ними время».

Да, мы просто проводим время, и мы говорим о жизни, которая каждую минуту меняется, и называем всё своими именами, всё, что касается активной жизни этих детей, которые должны к ней быть готовы и дееспособны в ней. Но мы никогда не берем на себя руководящую роль. «Так что же вы делаете?» — спрашивают нас.

«Вы не руководите ни педагогическими играми, ни развивающими, у вас нет логопедов и учителей моторики, нет родительских групп... Что же есть?» Есть то, что мы находимся вместе с людьми, — это немало. И это нужно! Вы говорите — игра? Вовсе нет. Просто, чтобы ребенку развивать свою личность нужно общение.

462

Нужно ли стремиться к «дивному миру», условием существования которого является отбор и тестирование в как. можно более раннем возрасте?*

Отбирать — для чего? Каким образом? Возможно ли «отобрать» лучшего, если человеческое существо — тот продукт, который меняется ежедневно, изо дня в день, и в большей степени человек становится человеком, развивается — в стремлении вступить в коммуникативные связи, существующие между людьми. Коммуникация может предвещать качественный сдвиг, но это другое измерение человеческого существа, коммуникация является главным параметром, если она ведет к взаимному удовольствию

вступивших в нее.

Защищать свое собственное желание и не укореняться в чужом, присваивая его себе — главное в создании собственной индивидуальности. Между тем, в детстве человек имеет тенденцию «делать все не так». Призвать к обратному, помочь ребенку обнаружить в себе и оберегать свое собственное желание — сверхзадача той превентивной работы, которую мы проводим в Мезон Верт постоянно;

этому в нашей деятельности и отводится в основном все время. Когда ребенок теряет интерес к игрушке, он забрасывает ее — она ему больше не нужна, но стоит только кому-то ею заинтересоваться — она тут же становится ему необходима. Мы сделали так, чтобы в Мезон Верт было по несколько экземпляров всех игрушек. И что же? Мишелю нужен грузовик Марселя. Рядом с ним другая машина, в точности такая же. С ней никто не играет. Она свободна. Но она Мишелю не нужна. Ему нужна та, что у Марселя. И тогда мы, ни в чем его не упрекая, начинаем беседу:

«Понимаешь, ведь тебе нужен грузовик Марселя только потому, что на нем сидит верхом и едет Марсель... Ведь рядом с той машиной — другой грузовик, свободный. Ты можешь взять его, если хочешь грузовик. Или ты хочешь быть Марселем? Ты хочешь быть Марселем или играть с грузовиком? Если играть с грузовиком — вот он, а если быть Марселем, то ничего из этого не выйдет, потому что ты — это ты». И ребенок внимательно слушает, размышляет, что удивительно. Можно в это время еще сказать: «Если вы с Марселем познакомитесь, он, может быть, даст тебе свой грузовик».

«См.: Олдос Хаксли. «О дивный новый мир».

463

Марсель слушает, что мы говорим. «Марселю нужен его грузовик, но может быть, он не расстроится, если возьмет другой. Марсель, тебе все равно — тот это будет грузовик или другой?» Марсель смотрит на другой грузовик, и так как это было уже проговорено, свой грузовик оставляет и идет к другому. Но Мишелю... очень нужен именно тот грузовик, что взял Марсель. И тут становится ясно, что он хочет быть Марселем... Он хочет быть его старшим братом, если у него уже есть старший брат, и тут взрослому нужно сказать: «Видишь ли, когда я была маленькая — и папа тоже, — мы часто путали, хотим ли мы быть сами собой или другими... В этом всегда трудно разобраться, но только так и становишься человеком».

Один раз сказать, два, три... и ребенок уже понял, что самим собой быть лучше, чем другим. То же самое с ужином: ребенок просит мать дать ему поесть; заметим: одновременно с ним перекусить понадобилось и другому. Соответственно — есть уже надо именно то, что ест сосед. Тогда мать, обращаясь к соседу, говорит: «Я предложу ему твой ужин». А мы возражаем: «Почему вы захотели дать его ужин вашему ребенку, хотя только что вы об этом и не помышляли?» — «Но ему хочется.» — «Но ужин нужен ему, потому что действительно необходим, или потому, что этот ужин понадобился другому?» — «Конечно, потому, что понадобился другому, — отвечает мама, — он должен ужинать через час, потому что ел не так давно.» — «Тогда зачем вы ему предлагаете?» И мы обращаемся к ребенку: «Ты хочешь быть Полем, которого кормит мама?» ...Он удивленно смотрит на нас... «Так ты хочешь быть Полем? Ты хочешь, чтобы у тебя была мама Поля? И папа Поля? Чтобы у тебя не было твоей мамы?»... Ну уж нет! Он бросается к маме и хватается за ее юбку. «Ты видишь, какое удовольствие доставляет твоей маме, как всякой маме, заботиться о своем ребенке, постоянно думать о нем. И если ты не хочешь менять свою маму, что ж, — ей известно, что твой желудок еще не пуст... Глаза у тебя завидующие, глазами ты бы всё съел, но ты не голоден... иди играй.» После таких бесед дети у нас едят, когда им положено... и они не поддаются желанию подражать друг другу. А мамы поняли, что не надо мгновенно выполнять любое желание ребенка, если оно необоснованно. Желание вместе пообедать и получить от этого удовольствие появится в другом возрасте. Во-первых, надо, чтобы появилась уверенность, что ты — это ты, и что этот «ты» находится в безопасности, где бы и когда бы он ни был, что он знает нужды своего организма, и не позволяет

464

соблазнить себя ни чужому взгляду, ни чужим речам. Ребенку надо разъяснить, на понятном ему языке, что на возникшую из соблазна физическую потребность он должен уметь взглянуть критически: он не должен поддаваться соблазну — ему необходимо иметь и защищать свои собственные желания и потребности.

Не является ли Мезон Верт зачатком Дома детства?

Если хотите — да. Мезон Верт просто первый этап, это время подготовки для обеих сторон, и постепенно наступает момент, когда и мать, и ребенок готовы к расставанию, к признанию «вспомогательное™» друг друга, а не к тотальной зависимости.

Дальнейшее зависит от поддержки общества, которое должно осознать эту необходимость. Сейчас Мезон Верт финансируется администрацией DDASS". Но для нас это первый опыт — Мезон Верт объединяет психоаналитиков (только они в нем не консультируют) и обслуживающий персонал, присутствие которого позволяет освободить родителей от наблюдения за детьми и предоставить им возможность пообщаться друг с другом, и обеспечивает надзор за детьми и их безопасность (в бригаде трое — мужчина и две женщины). Дела административные поначалу были трудными.

Когда всё начиналось (1979 и начало 1980-го), президента нашего общества принимали в префектуре с такой агрессией и негативизмом, которых он не встречал даже у самого Брежнева, согласившегося однажды на аудиенцию с ним. Представитель префектуры не мог простить себе, что в свое время согласился подписать с ним соглашение: «Эти "смешные" люди заманили нас в ловушку, а сами ничего не делают... Зачем социализировать детей до того, как им надо идти в школу?»

В префектуре мне заявили: «Надо, чтоб вы заново представили ходатайство о соглашении, а через 18 месяцев... вы не будете мало иметь, и с этими глупостями будет покончено». Это показывает, до какой степени все они там были раздражены. Иногда враждебность сменяло бюрократическое равнодушие. Но, с другой стороны, к нам приезжали со всей Франции, потому что о нас начали говорить

• DDASS — Direction Departementale de Affaires Sanitaires et Sociales (фр.) — Департаментское управление по делам санитарии и социального обеспечения.

465

матери, и Мезон Верт хотели создавать не только в Париже. Когда появлялись во Франции делегации воспитателей из зарубежных стран и спрашивали в министерстве народного образования или в министерстве здравоохранения, что делается в стране для самых маленьких, им отвечали: «Сходите в Мезон Верт. И увидите, что делается во Франции...»

Они приходили, и для них становились очевидны все наши трудности. Префектуру многое не устаривало в Мезон Верт. Чтобы сократить субсидию, чиновники делили число принимаемых нами детей на число взрослых и начиналась «торговля»: «У вас нет нужды быть открытыми с 14 до 19, потому что люди приходят главным образом с 16 до 19. Вот до 16.00 и не открывайтесь.» — «А те, кто приходит раньше: не к четырем, а к двум часам дня?» — «Ну и что? Основная-то масса детей — между 16-ью и 13.30. С двух до четырех у вас — шестеро: трое мам и трое детей в течение часа, тогда как потом, за полтора (!) часа к вам приходит 27. Ну, что? Стоит открываться раньше на два часа во имя того, чтобы иметь 28 вместо 27?» Как будто уместно вести такие мелочные подсчеты, когда речь идет о живых людях! Если мамы с детьми приходят раньше, значит, они чувствуют себя комфортнее, когда меньше народа, когда просторнее.

Требовать ввести понятие рентабельности в то время как для человека куда как важнее, и это справедливо, приходило к нам не затем, чтобы поддержать рентабельность нашего учреждения, а затем, чтобы быть здесь принятым. Много их придет или мало, все они знают, что здесь их ждут и все будет отлично, и все устроятся. И вот уже мамы, которые приходили в два и уходили в половине пятого, когда заявлялась толпа детей, постепенно начинают задерживаться, разговаривать с другими, потому что дети стали привыкать... А есть и такие, кто приходит с папами, когда схлынет основная масса, между шестью и семью вечера.

Префектуре и дела нет: до семи вечера не остаются — все конторы должны закрываться в 18.00. Мы возражаем: «Но если мы закроемся в шесть, к нам не смогут приходиться с детьми после ясель.» — «А после ясель-то зачем? Что это за родители такие, которые не желают хоть какое-то время потратить на своих детей!» — «Но мы и существуем, чтобы они охотнее занимались своими детьми, для родителей это разрядка — прийти в Мезон Верт, поболтать с другими после работы, пообщаться, и дети после ясель тут же.»

466

Было и другое требование со стороны администрации: они хотели, чтобы весь наш персонал всю неделю, «от и до», работал только у нас: «Что это за люди такие, которые один день работают в Мезон Верт, а остальные четыре — в других местах? Место работы у всех должно быть одно. И они тоже, как все, все дни должны работать в одном месте.» — «Да нет же: иначе папы, мамы и дети будут чувствовать себя у нас, как в гостях. А так приходящий обслуживающий персонал им только помогает — помощники, но не хозяева.» Мы очень следили за этим: никто не должен был попасть в вассальную зависимость от другого. Тут целое мировоззрение. Частая смена персонала позволяет избежать положения, при котором кто-то навязывает другому свою манеру видения окружающего.

Встречались, правда, такие люди, которые приходили и говорили, что придти будут только по понедельникам, чтобы увидеть г-жу Дольто. Или — во вторник, потому что хотят встретить Мари-Ноэль. А потом это прекратилось. Мама познакомилась друг с другом. «О, я тут у вас видела несколько раз маму вот с таким-то ребенком (описывает с каким). Когда они приходят?» — «Обычно по средам.» — «Ага... Значит, я приду в четверг.» Но вот эта мама, которая не хотела видеть ту маму, появляется в среду, снова встречает женщину с ребенком, которых избегала, и говорит: «Знаете, я не хотела вас видеть, потому что ваш сын и моя дочка... это было так неприятно...» Если бы изо дня в день были одни и те же люди, то, значит, были бы и одни и те же привычки, и никогда бы не возникали те неформальные отношения, которые устанавливаются между детьми и родителями сами по себе, а не создаются обслуживающим персоналом. Этого чиновникам никак не понять. И уж совсем за пределом их понимания то, что мы не хотим знать ни

фамилий, ни адресов, ни экономического и социального положения приходящих к нам. Мы не заводим карточек. У нас только два листка статистики, один из которых заполняется самими родителями. Наблюдать последнее очень забавно, особенно, когда «большие малыши» — те, кому вот-вот исполнится 3 года, смотрят, что мама пишет: «Что ты там ставишь?» — «Что тебе больше двух лет и меньше трех.» — «Ага... В этой колонке... Тогда дай я сама...» — и мама держит ручку ребенка, который сам ставит крестик там, где надо заполнить клеточку. И ребенок отвечает сам: девочка он или мальчик, сколько ему лет, зачем он пришел в Мезон Верт, и француз (или нет) его папа, и француженка (или нет) его мама...

Ведем мы и свою собственную статистику, но лишь потому, что некоторые родители забывчивы, и делаем мы это в другой тетради. Иногда родители проверяют — записываем мы или нет, что их

467

ребенок был у нас. Мы охотно показываем наши записи. Иногда маме надо знать, в какой именно день она была, а «родительские» листочки, они ведь тут же идут в статистику... Тогда мы и говорим забывчивой маме, что обратимся к своим. Она смотрит и размышляет:

«Если я тогда была у вас, значит, он приехал тогда-то...» Это очень по-человечески, это не статистика ради статистики.

Ну, а чиновникам нужны были личные карточки. Если по нашему мнению тот или иной ребенок отставал в развитии или был «труден», они хотели, чтобы об этом сообщалось в школу (детский сад, ясли). У них заводятся карточки, которые следуют за ребенком всю его жизнь. Но мы совершенно не хотим служить полицейскому аппарату. Именно поэтому нас не интересуют ни фамилия, ни экономический или социальный статус, ни адрес тех, кто к нам приходит. Известно только имя ребенка, и этого достаточно; если родители приходят с детьми по очереди, то отмечаем, сколько часов они у нас провели. И еще: если приходят к нам братья и сестры, то мы делаем отметку, что это братья или сестры. А если имя может быть и мужским, и женским (Доменик, например), то ставим М. или Д., чтобы знать пол ребенка. Но в этих бумагах нет и намека на слежку или полицейский учет, они составляются с единственной целью: лучше узнать ребенка. Ясно, что такая работа не соответствует чиновничьим задачам — обеспечивать постоянный надзор за населением.

В настоящее время в своем посредничестве управленческая власть способствует возникновению некоего антагонизма между семьями и молодежью. Если верить точке зрения чиновников, то детей нынешнего поколения нужно как можно раньше забирать из семьи, образование они также должны получать вне дома. Раз изоляция губительна для детей, чиновники попросту вырывают детей из дома. Мы же помогаем детям пережить процесс расставания с домом постепенно. Это совершенно разные вещи. В последнем случае нет антагонизма. Наоборот, возникает сотрудничество между поколениями. Социальная группа сотрудничает внутри себя тем лучше, чем точнее вербально обозначено различие входящих в нее людей. Отличие друг от друга вызывает необходимость уважать друг друга при совместной работе. И уважение появляется, это факт. Я это вижу. И все, кто приходит к нам, у кого в разных департаментах Франции есть ясли, детские сады, действительно очень заинтересованы в нашем эксперименте. Они удивляются и восхищаются, в первую очередь, той непринужденной и доброжелательной атмосферой, что царит в Мезон Верт: «Я никогда бы не подумала, что двадцать пять детей и двадцать пять родителей, а то иногда и 35-40 детей и столько же взрослых, — могут находиться вместе без криков, без шума... Так можно жить.

468

играть с водой». Мы пытаемся смягчить ситуацию и осторожно сообщаем маме условия игры: когда играют с водой, надевают фартук. Мама упорствует: «Даже в фартуке я запрещаю играть с водой». Тогда ребенок приходит в замешательство: другие-то играют. И тогда мы говорим: «Твоя мама по-своему права, она боится, что ты простудишься... Посмотри, здесь много всего: можно найти, во что поиграть еще, кроме воды». Ребенок успокаивается, а мать обезоружена — еще несколько посещений, и она успокаивается, так как больше ее не тревожит мысль, что ее ребенок заболит или еще что-то случится с ним по нашей вине. Опасения рассеиваются окончательно после того, как она поговорит с другими мамами, у которых были аналогичные страхи, когда они впервые появились в Мезон Верт.

Приведу еще один пример. Мама ругает свою дочку, которая фломастерами измазала платье. Она повторяет: «Ужасно!» и смотрит, обращают ли на нее внимание. Но так как никто из окружающих не интересуется ею, она сама обращается к одному из них — за поддержкой: «В конце концов, она же должна научиться следить за своими вещами!» Мама на этом настаивает, а девочке — всего год... Мы молчим. Она обращается к нам: «Вы считаете, что я зря ее нашлапала?» — «Разве кто-то вам это сказал?» — «Ну, и пусть, меня так воспитали», — и начинает рассказывать. Тем временем опять весь измазанный подходит ребенок. — «Ну, и что мне делать?» — «Вымыть ее, когда придете домой.» ...Смех. Всё перевели в шутку. И через несколько дней, когда эта мама появляется у нас снова, она заявляет: «Никогда еще мой ребенок так хорошо не спал и так хорошо не ел, как после вашего Мезон Верт!»

В Мезон Верт мы ежедневно становились свидетелями того, как меняется отношение ребенка к обществу, к своей матери, а также отношение матери и отца к своему ребенку с того момента, как они понимают, что уже двухнедельный ребенок понимает речь и что с ним можно разговаривать о том, что с ним случилось, что для него важно и что его касается. Во всех этих беседах и подходах к ребенку выясняются наметки главного: человеческое существо является языковым существом со дня его зачатия; выясняется, что

470

существует желание, живущее в нем, и есть потенциальные возможности, которые мы поддерживаем или отрицаем. Особенно следует подчеркнуть именно это: в человеческом существе наличествует активная сила желания, но если это желание не связано с элементами языка, то символическая функция, которая работает всегда, когда человек бодрствует, работает вхолостую, поскольку у нее нет ключа, кода для организации языка общения. Знакомство и взаимная вербализованная душевная коммуникация незаменимы для людей. Считается, что младенец не может воспринимать речь, поскольку он издает только специфические звуки, которые и являются ответом на то, что он слышит. Но если присутствовать при этом «разговоре» и следить за выражением лица ребенка, то видно, что он отвечает на всё.

В Мезон Верт все мамы учатся быть внимательными к богатой младенческой мимике, даже чужие мамы. Однажды к нам пришла женщина с младенцем, которому не было еще трех месяцев. «Я оставлю его на минутку, мне нужно буквально напротив...» Она пришла впервые, и мы отказали ей, сказав, что никто здесь не оставляет своих детей. — «Но это буквально напротив!» — «Ну, так вы оденьте его, возьмите, сходите, куда вам надо, и возвращайтесь.» — «Я тогда не вернусь.» — «Это ваше дело, но ребенка (имя) вы не оставите.» Во время этого разговора мы видели выражение лица ребенка, он очень боялся, что мама его оставит. Она — то единственное существо в мире, которое он знает, и она хочет оставить его в неизвестном мире — пусть даже на пять минут! Я предложила маме взглянуть на своего ребенка. В ответ услышала: «Вы думаете, он боится? Это случайное совпадение». Она все увидела, и все мамы, которые при этом присутствовали, — тоже, но тем не менее не соглашалась. Тогда я сказала ребенку: «Видишь твоя мама возьмет тебя с собой, может быть, она и не вернется, но уйдет она с тобой вместе. Здесь никто из мам своих детей не оставляет». Ребенок тут же расслабился, посмотрел на маму и замолк. Мама никуда не пошла. В конце дня она заявила: «Ну, что ж, теперь я поняла. Удивительно! Я уж, было, решила, что больше сюда не приду. Решила, что мадам Дольто агрессивно настроена, но я поняла, что она действует в интересах ребенка. Это поразительно, что ребенок может так понимать».

Итак, он — слышит, понимает? Безусловно: всё, что произносится и не произносится. Мне бы хотелось привести случай с Клодом, трех месяцев и восьмью днями от роду. Но прежде чем он покажет

471

нам, как он следит за речью взрослых, поговорим о ревности его старшей сестры — трехлетней Люсьен. Еще мы увидим, что родители, которые приходят в Мезон Верт, принимают очень близко к сердцу работу, которой мы занимаемся. И как «напрямик» и одновременно тактично разрешаются тут ситуации, которые, не будь они замечены вовремя, могли бы перерасти в настоящие драмы.

Мама Люсьен и Клода пришла в первый раз на площадь Сен-Шарль — это первый адрес Мезон Верт — до того, как Люсьен, старшей, исполнилось три года и та пошла в детский сад. Вновь она появилась у нас, когда исполнилось три месяца и восемь дней младшему — Клоду. Теперь она была со своим мужем и с двумя детьми. С малышом все было в порядке. Он был на руках у отца. Оба были счастливы. Но старшая, как только они вошли, спряталась под кожаную папину куртку и притаилась, как будто умерла. Мама девочки была очень расстроена: «Ну, посмотрите, — говорила она, — разве это Люсьен? Она стала совершенно невозможная, опять стала писаться, какаться и так далее». Ребенок был тут же. Я знала Люсьен как умную, очень чувствительную девочку, теперь же она пряталась и безмолвствовала, как вещь, но слушала всё, что говорила ее мать. А та пришла рассказать мне, что с того момента, как родился маленький братик, Люсьен отчаянно к нему ревнует. Я успокаивала мать: «Да оставьте — говорю, — ее: она вновь проигрывает свою эмбриональную жизнь, потому что старается полюбить своего братика, но как — не знает. Может быть, вы хотели, чтобы она была мальчиком?» — «Да! — ответила мама. — Но как вы узнали?» — «Да по реакции вашей дочери. По радости, с какой вы общаетесь с ее младшим братиком. Она не знает, радовались ли вы так же ей, когда она родилась, ведь она — девочка.» — Я говорила все это, зная, что девочка под отцовской курткой все слышит: «Но у вас у самой, был в семье еще кто-нибудь после вас?» — «Сестричка. Моя мама говорила, что я ревновала отчаянно.» — «А теперь вы как с сестрой?» — «О, она посторонний для меня человек.» Она заговорила холодно, даже агрессивно. И вдруг эта женщина уткнулась в правое плечо своего мужа, который сидел рядом с ней с маленьким Клодом на коленях. Она уткнулась ему в плечо и зарыдала, всё вдруг вспомнив, пережив вдруг снова свою детскую ревность, ревность к

сестре. И ее дочь видела и слышала все это и переживала это ужасное потрясение, и смогла его пережить, потому что находилась в Мезон Верт. Дама и сама была расстроена, что поддалась такому неожиданному отчаянию. Ее

472

муж смотрел на меня, пытаюсь ее успокоить... Она так и всхлипывала на его — папы-мамы-дедушки-бабушки — плече... В 25 лет она вновь, как впервые, пережила ревность к своей сестричке. Спустя несколько дней она вернулась к нам со словами: «Просто удивительно... Я успокоилась... Во-первых, прекратилась агрессия против дочки, которая так страдает... Вот что меня удивило в первую очередь. Это не легко, но я поняла... И главное, я сама, я позвонила сестре, и теперь всё нормально, я больше не имею ничего против нее. А ведь она была мне почти чужой, и я ее не любила...» Через неделю после имевшего место быть в Мезон Верт «срыва», избавившись совершенно от ревности к сестре, она разрешила своей дочери пережить ревность к ее младшему брату, не усугубляя это и не мучаясь сама от того, что раньше заставляло ее сердиться на девочку. Разрешился конфликт поразительно быстро. Она пришла еще раз через две недели, без мужа, с маленьким Клодом и старшей девочкой, которая уже вовсю играла с другими детьми и снова начала вести себя так, как обычно ведут себя все дети ее возраста. Почти все прошло, девочка перестала терроризировать своего маленького братика; она обратилась к другим людям; она вспомнила Мезон Верт, площадь Сен-Шарль... Наконец, этот ребенок заговорил, нормальный живой ребенок, каким она и была раньше.

Это — что касается Люсьен. Теперь очередь рассказать о трехмесячном Клоде. Он сидел на руках у матери, пока Люсьен играла, а в это время у нас была канадская делегация — три воспитательницы, по направлению министерства социальной защиты, они интересовались, что нового во Франции в области дошкольного воспитания, и министерство направило их к нам, впрочем, как обычно в таких случаях. Постоянная воспитательница, Доменик, занималась с этими тремя дамами и, чтобы лучше объяснить, чем именно мы занимаемся, она начала рассказывать им о трехлетнем Экторе, который пришел к нам с младшей сестренкой Колетт; он был настолько агрессивно настроен по отношению к ней, что в его присутствии девочка и пошевелиться-то лишней раз боялась. Стоило ему увидеть, что она делает шаг, как он толкал ее и она падала. Однажды его мама рассказала нам, что как-то утром Эктор проснулся со словами " «Мне приснилось, что папа умер». И казалось его это очень радовало. «Это ужасно, — продолжала мать, — у отца тут же началась депрессия из-за того, что его сын очень доволен, увидев во сне, что он умер». В следующую субботу пришел и отец, он был совершенно не в себе. «Сын меня не любит, — сказал он, — раз

473

радуется, увидев во сне мою смерть. Как ему в голову-то такое могло прийти!» Он поговорил с бывшими в Мезон Верт психоаналитиками, и ему объяснили, что его сын «переживал рождение» его собственной идентификации и что с этого момента мальчик входит в тот период жизни, который мы называем «Эдиповым», и который характеризуется чрезвычайно противоречивыми чувствами. Однако ясно, что, поскольку отцу был совершенно чужд психоанализ, это объяснение дало ему не много. Люди считают, что «Эдипов возраст» начинается автоматически у подростков, когда на самом деле это происходит в три года, и совершенно бессознательно.

Нужно было бы объяснить этому папаше, что Эктор как раз и находится в том периоде своего развития, когда он любит в себе именно рождающегося отца. Вот он и увидел в своем сне воображаемую смерть отца, поскольку в нем угадал единственного мужчину своей матери, единственного в доме мужчину... Конечно, он обрадовался, что занял отцовское место, и это доказывает, что отца он любит, поскольку иначе не захотел бы оказаться на его месте и не хотел бы обрести свою мужскую идентификацию таким образом.

Доменик рассказывала эту историю об Экторе трем канадкам, чтобы показать, насколько мы можем быть полезны при профилактике тех конфликтов, которые могут возникнуть в семье, когда ребенок входит в «Эдипов возраст», помогая родителям и детям, объясняя, что с ними происходит, не прибегая при этом к глобальному психоанализу... Для этого надо понять, какие стадии развития проходит ребенок и что, чем чаще мальчик мечтает о смерти отца, тем более любящим и хорошим сыном, уважающим своего отца, он становится.

И тут Клод, который у нас впервые, Клод, пришедший к нам вместе с папой и откровенно радующийся отцу, этот Клод, которому три месяца и восемь дней, начинает капризничать и орать. Его мать говорила, что этот ребенок никогда не плачет, всегда улыбающийся или по крайней мере спокойный. Тогда я начинаю рассуждать:

«Клод плачет; это нечто... Он начал плакать, когда Доменик стала рассказывать о том, как Эктор мечтал о смерти своего отца и как Эктор был при этом счастлив... Клод услышал, что говорили.» ... И тут же я говорю этому трехмесячному малышу: «Но Клод, ведь не ты видел во сне, что твой папа умирает, ты очень любишь своего папу и просто не можешь еще такое видеть, это Эктор видел во сне, а не Клод... Клод любит

своего папу, и Клод еще слишком мал, чтобы думать о том, что его папа умрет». Клод тут

474

же успокоился. Посмотрел на маму, на меня, на Доменик, которая только что рассказывала об Экторе... И, успокоившись, снова заулыбался, как обычно. Канадки, которые присутствовали при этом, были поражены: «В три месяца он понимает! Потрясающе!» Да, и не только понимает, но и следит за ведущимся рядом разговором, который может затрагивать его из-за возможного отрицания тех смыслов, которые важны для него, или же наоборот, разговор этот может касаться того, что он испытывает в этот момент, и поддержать его, в зависимости от того, что сказано. Это совсем не пустяки — разговаривать с ребенком. Он понимает временами куда тоньше и лучше, чем взрослые. Но «быть своим» — не это ли и значит «понимать»?

Ребенок действует в унисон с тем настроением, которое выражается в произнесенном слове. В Мезон Верт, куда дети приходят вместе со своими родителями, можно по ребенку понять то, что его мать сама сказать нам не может.

Года два назад к нам пришла мама, которая очень волновалась из-за того, что ее двадцатидвухмесячная дочь еще не говорит: «Когда ей исполнилось восемнадцать месяцев, я начала удивляться, что до сих пор она не заговорила». Девочка принесла с собой медвежонка, которого устроила на руках у папы, и я заметила, что ребенок следит за разговором. «Твоя мама пришла из-за тебя, — сказала я. — Она немного расстроена, что ты не говоришь, как другие дети в твоем возрасте. Мы будем говорить о тебе, а ты можешь в это время слушать». Мы сидели втроем — ее родители и я, и пытались вникнуть в проблему. Я спросила у матери, что произошло, когда ребенку было восемнадцать месяцев, поскольку именно в этом возрасте мама начала волноваться, что ее дочь не говорит. «Ничего... ничего не происходило», — сказала та. А я вижу, девочка берет в углу куклу, совсем не пригодную для игры, кладет ее поверх материнской юбки и устраивает падение куклы, в то время как мишку — она же — прекрасно пристроила в руки отца. Она поднимает и снова кладет куклу на мать, видимо, для того, чтобы та снова упала. Тогда я обращаюсь к маме, называя малышку по имени: «Смотрите, что делает Лоране: она приносит разломанную куклу (а ведь неломаных там бог знает сколько!), кладет ее вам на область половых органов и устраивает это падение... Это что-нибудь да означает! Мне кажется, что это Лоране рассказывает мне, что вы намеренно вызвали преждевременные роды, когда ей было восемнадцать месяцев.» — «Что? Что вы сказали? Впрочем, в самом

475

деле, да — это правда!» И малышка гладит на меня, смотрит на маму, смотрит на своего папу... и бросается к матери, когда та мне говорит: «Да, это правда... Я сделала аборт, потому что мы ' не хотели...» — «Вот тут-то собака и зарыта: вы не рассказали вашей дочке... Она — не поняла, и с тех самых пор убеждена в следующем: «Я не нужна моей маме, потому что мама ребенка не хочет». Ребенок как бы вместе с матерью переживает ее беременность, и если мать отказывает зарождающейся в ней новой жизни, это моментально отражается на потенциальных возможностях ребенка живущего: он в этом случае может затормозиться в развитии. Лоране тогда тут же сделалась папиным ребенком, вместо того, чтобы продолжать развиваться как девочка, по образу своей матери.

Беседа эта была поистине волшебством, сказали бы те, кто не знаком с психоанализом; она была удивительной — сказали бы другие, потому что малышка снова стала хорошо относиться к своей матери, чего давно уже не было — мать представляла для нее потенциальную опасность в связи с отношением к той жизни, которую девочка в ней учуяла, — ведь словесного объяснения временного нежелания иметь другого ребенка не было: родители не сказали, что еще одного ребенка они хотели бы, но попозднее, а сейчас не тот момент, это не своевременно по причине их бюджета, из-за этого, из-за-того... Не предупредили Лоране, что в прерывании беременности как таковой, виновата не она, что возможность родить никуда не девается у женщины, но зависит от других. А это прерывание беременности у матери может тормозить развитие другого ребенка в семье.

Не будь девочки, мы бы и не узнали, что за событие — аборт у матери — могло так на нее повлиять. Ребенок сам указал нам на него. Конечно, всё это могло вовсе ничего не значить... Пустая случайность... Но я не верю в случайности. Девочка устроила своего медвежонка, то есть ребенка до того, как он становится девочкой, у папы на руках... А затем сыграла в игру «описалась-обкакалась», облеченную в форму падения разломанной куклы. Она хотела что-то сказать... Она не устроила этого ребенка-куклу на руках у матери — никак нет — как сделала это с мишкой, пристроив его к папе. Она слушала, что мы говорили, и по-своему показала нам, что, произошло тогда без ее ведома.

Удивительно... Если присматриваться к детскому выражению лица во время разговора с родителями, увидишь, что оно полностью со-

476

их собственной. Психотик и есть выражение той эмбриональной жизни, в которой эмбрион подучил в наследство от матери символическую жизнь, которую прожила мать, так и не найдя возможным проговорить ее. Все, что не проговаривается, не находит выражения в словах, записывается и выражается в

языке тела, мешая реализовать наследственные задатки и отражаясь на общем тоне индивида. И ребенок как член этой семьи, будучи субъектом своей собственной истории, принимает на себя долг, который на самом деле принадлежит его отцу или матери. Таким образом, можно сказать, что некоторые дети несут в себе своих родителей, они являются их первыми психотерапевтами. Родители же, подавив своих детей, передают им частично переживание собственной истории, и происходит это с ребенком в том же возрасте, когда родители получили травму, преодолеть которую им никто не помог.

При работе с психотиками в возрасте до пяти и даже десяти лет, обратимости все же больше, чем в случаях подростковых психозов. Именно поэтому психоанализ здесь должен проводиться раньше, чтобы долг, который родители сумели «перевести» на что-то другое, но который так и остался в них «торчать», не превратился бы в груз для ребенка, которому выразить его необходимо. То, что должно быть выражено, необходимо выразить... И если этого не сделает ни один из родителей, то это сделает их ребенок, если — не он, то их внук. Но этот долг так или иначе все равно даст себя знать в этой семье, потому что он является символическим испытанием, страданием, которое должно воплотиться в крике, должно быть услышано и разделено тем, кто услышит, вытрет слезы и, если будет позволено употребить такое выражение, реабилитирует аффективную значимость этого индивидуума для того, чтобы он полностью осознал себя человеком. «Это ни хорошо, ни плохо, так неудобно жить, но это твоё испытание и ты помогаешь таким образом маме и всей своей семье и себе самому, и твоей семье, которая была когда-то, и той, что еще только будет... И помогаешь им, выражая то страдание, которое в тебе находит свое выражение, оно жаждет быть переданным, отпущенным, но и нашедшим в этом прощение.»

Здесь не работает никакое сравнение из области этологии, это чисто человеческая черта — принимать во внимание в своей жизни историю своей матери, отца, семьи; это, в конечном итоге, возможность энергетического переложения на другого того страдания, от которого так и не смогли избавиться сами. И этот перенос характерен только для человека. То, что было пережито, отнимало жизненную энергию

478

или же, наоборот, было наделено большим значением, чем того заслуживало, некоторые ощущения, которых не было у других, всё, что является следствием того, что запретный плод был испробован (в конечном итоге это все то, что было «запретным плодом» для данного индивидуума), — все это представляет собой ту чрезвычайную интуицию, которая присуща человеческому роду, эмоциональным связям, существующим между отцом и сыном, матерью и дочерью, которые попались в ловушку бессознательного закона их символического существования, когда то, что они делают, выдает то, что говорят, и vice versa¹.

Общество в каком-то смысле перенесло на себя это человеческое поведение. Некоторые общества до наших дней несут на себе родовую вину: как будто чувствуют себя ответственными за ту ошибку, что была совершена кем-то из предков, переживают «значимость» этого проступка.

Трагедия в том, что людям трудно понять разницу между ответственностью и виновностью. Ужасно, что человек испытывает чувство вины там, где на самом деле должно присутствовать лишь чувство ответственности (в случае, если он действительно ничуть не виноват). А когда человек чувствует себя виноватым — ему стыдно, и это мешает ему выразить свои переживания... Подобно тому, как матери Люсьен, застыдившейся в охватившем ее отчаянии, необходимо было чье-то плечо, чтобы выговориться... И этим плечом оказалось плечо ее избранника — мужа, который служил ей в этот момент и бабушкой, и матерью для того, чтобы понять, что происходило. В этот момент времени и в этой точке пространства он стал для нее-маленькой тем «плечом», на котором можно выплакать свое горе. Это было ни хорошо, ни плохо — просто это было выражением того страдания, в которое ввергли ее отец и мать, желавшие ребенка, которого так не хотела она, и этим ребенком стала ее сестра. То же самое и с маленькой Люсьен: отец и мать, любя друг друга, пожелали дать жизнь Клоду, братишке, которого она не хотела: во-первых, он был вторым ребенком, и кроме того, он был мальчиком, а именно мальчика, а не девочку хотела ее мама, когда родилась Люсьен. В действительности же вышло, что тот первый ребенок, которого хотели,

• Vice versa — наоборот (лат.).

479

оказалась девочкой. И тогда эта девочка сказала: «Зачем только это надо быть девочкой... да незачем... я хочу умереть». Так ребенок — субъект — разрушает свое тело, которое не является больше для него достойным человека. И она спряталась в другое время своей жизни, довела себя до эмбрионального состояния. А мама говорила:

«Да она же задохнется под этим кожаным пальто». — «Вовсе нет, она хочет, чтобы ее оставили в покое, там — под пальто, она спит и слушает, что мы говорим.» — «Как можно спать и слушать одновременно?» — «Так она делала, когда находилась у вас в животе, она спала и слушала, жила вместе с вами.»

Символически Люсьен вновь проделала эту дорогу, чтобы привести всех, кто имел к этому отношение, всех участников этой драмы к тому месту, где всё остановилось. Часть ее жизненных потенций была

заторможена невыговоренной речью и тормозила в ней право на жизнь как в ее индивидуальности, так и в ее сексуальной идентификации как старшей сестры.

В конце концов, кризис всегда вызывается непроговоренностью и искаженным пониманием происходящего. Например, маленький Клод, он плохо понял, что происходит: говорили-то о мальчике, который являл собой ту самую модель существования, что была и его моделью: этот малыш Эктор, «большой мальчик», бегаёт и ходит, мелькает перед глазами, именно таким хочет стать и Клод. Клод, он, еще младенец, но именно те «большие мальчики», что окружают его, и являют для него тот образ, который он хочет воплотить в своем собственном взрослении. Но вот оказывается, что это взросление может одновременно спровоцировать и смерть отца. Клод пришел в отчаяние. И тут я тогда сказала: «Но это же не ты... Это Эктор видел такой сон о своем папе, и его папа — не твой папа, ты же не видишь такие сны о своем папе». И тут же Клод вернулся к собственному образу и собственной индентификации.

Это пример тех превентивных мер, которые мы проводили в Мезон Верт. И матерям Эктора и Люсьен никогда не придется обращаться больше к психиатру ни по поводу своей дочери, ни по поводу самих себя.

Эта превентивная работа в особенности должна быть направлена на выявление родительской позиции по отношению к ребенку (на стадии его эмбриональной жизни) и образу, в котором ребенок предстает перед внутренним взором родителей и с которым родители вступают в контакт затем — при рождении и в первые месяцы жизни ребенка. Мне думается, что именно в этот период можно

480

лестницы... бум-бум-бум...» А муж — закатывал сцены: ругал и консьержку, и свою жену, которая не могла убедить консьержку, что коляску надо оставлять внизу, что это бесчеловечно по отношению к ней. Точно так же, как он ругался и злился тогда, сегодня он готов был буквально изничтожить своих детей. В конце концов семья переехала, они нашли квартиру в доме с лифтом и низким первым этажом: теперь-то они живут в таком доме, где поднимать и спускать на себе ничего не нужно. «Вот этого-то и не достает вашим детям, — сказала тогда я родителям. — Вот что они делают». Малышка слышала это «бумканье» в свои первые 3-4 месяца, а ее брат — все свое младенчество. И они на своем языке, с помощью этих машинок, «возвращали» ту, свою с матерью, безопасность: бум-бум-бум, вниз, и снова подняться, и снова бум-бум, бум... Эти двое детей не играли, а в самом деле переживали необходимое им состояние.

Движения, жесты, которые родителям кажутся незначительными, либо, наоборот, представляются невыносимыми, могут носить самый что ни на есть разоблачительный характер. Эти маневры детей с машинками не были бессмысленной игрой: они воспроизводили безопасность детей при матери. Нагоняя отца не производили на них никакого эффекта; стоило ему отвернуться, дети принимались за прежнее. Для них играть в «это» было важнее всего остального; они вновь обретали себя самих защищенных, свою безопасность, которая была им необходима, как защита, позволяющая противостоять переменчивым людским настроениям.

Перед нами наглядный пример того, как родители склонны подавлять и цензурировать своих детей в выражении ими себя, в проявлениях, которые сообщают о ребенке нечто очень для него важное, что родители обязаны понять.

Эти двое родителей в тот день узнали кое-что важное для себя, они поняли, что ребенок обретает чувство безопасности, когда воссоздает тот «язык», который он усвоил в общении со своей матерью, и что язык — это не только и не столько слово, язык — это способ жизни. Настоящее средоточие базовых ощущений — чувствовать собственную безопасность с самых первых месяцев жизни, и это может включать в себя то, что ребенок, пусть даже его за это ругают, воспроизводит, повторяет определенные ситуации. Это процесс интеграции и инициации в жизнь, и дети повторяют его на свой манер. Но для того, чтобы это понять, это надо увидеть. Такую возможность и предоставляет Мезон Верт. И важно, что это происходит до того, как общество принимает или не принимает

482

ребенка. На этой стадии не только нарушения у ребенка, но непонимания, недопонимания у взрослых — обратимы. Родители таким образом открывают для себя, что такое понимание мира их детьми. То, что они сначала принимали за тики, мании, каприз или глупость, то что их нервировало, открывает перед ними потрясающую сеть физических связей, которые образовались вокруг самых обыденных событий первых лет жизни ребенка, когда существование молодой супружеской пары обременено массой проблем. Отец, приходивший в ярость от бесконечного «бум-бум-бум» машинки и грузовика, в конце концов с облегчением расхохотался: «Мне бы в голову не пришло, что мой сын и моя дочь помнят о той лестничной комедии, и что все это — желание ее вернуть!»

У СТЫДА НЕТ ВОЗРАСТА

В Мезон Верт для пеленального столика мы отвели уголок за колонной. Мы не хотели, чтобы он был у всех на виду. Когда ребенка переодевают прилюдно, он не чувствует себя так комфортно, как тот, которого перепеленывают одного, вдали от посторонних глаз. Это вроде бы доказывает, что у младенца уже есть чувство стыда и что он стесняется, когда ему перед всеми оголяют попу. Мамы одобрили это. «Верно, — говорили они, — так лучше, так ребенок как будто дома».

Приходилось, правда, видеть и таких детей, которые не могли справлять свои нужды в одиночестве, без домоганий горшка с установкой его таким образом, чтобы быть в центре всеобщего внимания. И мы были вынуждены обращаться к мамам этих детей таким образом:

«Нет, — говорили мы, — здесь дети идут с горшком за занавеску' и не вытаскивают горшки на середину комнаты». Некоторые мамы, пытаясь возразить, доходили до того, что говорили: «Но тогда отчего бы и есть им не при всех?» На что я отвечала: «Нет, в нашем этносе принято есть вместе, и мы не считаем это стыдным. Когда вы что-то предпринимаете в отношении своего ребенка, представьте, что это происходит с вами. Вам бы понравилось, если бы ваш ночной горшок принесли в комнату?» — «Конечно, нет... Но ребенок — другое дело.» — «Да нет, не другое». И очевидно, что

• Тогда у нас не было постоянного помещения, теперь в Мезон Верт есть свои туалеты.

483

когда уважаешь ребенка, даже очень маленького, он обретает чувство собственного достоинства, которым не обладал в отношении того, что касается таких операций как физиологические отправления или переодевание.

В XVII веке аристократы могли принимать посетителей, сидя на горшке (стул с сидением с дыркой, под которым установлен горшок). В глазах детей этих аристократов, в глазах их слуг и менее родовитых дворян такой прием соответствовал положению, занимаемому хозяином'. Ребенок хотел бы быть таким взрослым, которого он видит перед собой. Так зачем в качестве примера для подражания предлагать ему делать то, что тот, кто представляет для него идеал взрослого, не делал бы из чувства стыда?

В каждом ребенке — просто мы об этом не хотим думать — живет и развивается некий интуитивный проект отношения других к нему как ко взрослому. Значит, он ждет, чтобы по отношению к нему и вели себя так же, как по отношению к взрослому, и уважали бы так же. И в этом ребенок прав.

Во всем, что касается стыда, нужно это учитывать. Когда, например, родители, разгуливающие перед своими детьми в костюмах Адама и Евы, спрашивают меня — хорошо это или плохо, что дети их видят, — я отвечаю так: «Если к вам пришли друзья — друзья, которых вы уважаете, вы делаете то же самое?» — «Нет, конечно!» — «Тогда не делайте так и перед детьми. Вы ходите так, то есть вы не стесняетесь своей наготы перед вашим супругом, другом — прекрасно. Но ребенок не должен быть вашим супругом. Однако, если вы действительно нудисты и так ведете себя со всеми, пожалуйста».

Родители, которые разгуливают у себя дома нагишом, очень удивляются, когда мальчики в возрасте 6—8 лет начинают проявлять преувеличенную стыдливость. И удивляются еще больше, когда узнают, что девочки в детском саду, где есть младшие и старшие группы, бегают в туалеты, чтобы подсмотреть, как большие снимают штанишки. Именно для того, чтобы избежать вольного обращения с инцестом, нужно, чтобы во всем ребенок относился к родителям не иначе, как к папе-маме. Я получаю много писем от родителей, которые ругаются, возмущаются, что их дети запираются в уборной. Чувство

• Не сожаление ли толкает мужчину или женщину — не всем удается *стать* сестрами и братьями короля — обращаться с ребенком, как некогда обращались с королем, и приносить его горшок в комнату? (Ф. Д.).

484

стыдливости рождается очень рано, но ребенок выражает его лишь тогда, когда иначе вести себя не может, когда ему угрожает некое запретное насилие или запрет стать самим собой из-за насилия, выражающегося в том, что другие на него смотрят.

В 1968 году, двадцатилетние, в противовес своим предкам, скрывавшим («Не выставляйся на всеобщее обозрение.») какие-то части тела, озаботились тем, что их дети будут так же усматривать в человеческом теле нечто постыдное. Но вместе с тем сами они, став родителями, в обнаженном виде детям не показывались. Теперь родители это делают, и совершенно не отдают себе отчета в том, что взрослое тело родителей для ребенка настолько прекрасно, что оно его подавляет. В соревновании эстетических значимостей он безоружен против тела взрослого. Между собой дети не стесняются своей наготы. Не беспокоит их и нагота других взрослых, но только не их родителей. На наготу тех, кто дал ему жизнь, ребенок смотрит совершенно особо, для ребенка это его внутренняя модель для подражания. Если же превалирует и выставляется напоказ внешнее, то ребенок не понимает, где его взрослый предшественник, чье существование подвергается сомнению фактом наличия его наготы, которую ему не с чем сравнивать. А те женщины, которые расхаживают голыми перед своими детьми мужского пола неизвестно до какого возраста, сокращают для собственного ребенка свободу его поведения. Модой нагота была низведена до банальности. Но невозможно низвести до банальности наготу отца или матери. Прежде всего, сам ребенок против того, чтобы доводить восприятие наготы родителей до подобного уровня. Родители в этом вопросе

потеряли голову, они сегодня похожи на священника, у которого спрашивают, правда ли Христос присутствует при совершении таинства евхаристии, и который отвечает: «Совість подскажет». Родители сегодня заблудились в трех соснах: с одной стороны, они не хотят поступать, как их родители, и говорят своим детям, что нагота естественна, с другой — пытаются при этом сохранять некую завесу тайны.

Те же проблемы и с жизнью семейной пары в присутствии детей. Ну, с наготой — ладно, а ласка, нежность? Есть пары, которые упорно даже не обнимаются в присутствии детей и не позволяют себе проявления друг к другу никаких знаков внимания; есть и такие, что бесконечно на людях целуются. И то, и другое может выглядеть неестественно.

485

Мудрить тут нечего. «Всё, — говорю я родителям, — очень просто: ведите себя перед своими детьми, точно так же, как перед гостями, которых вы уважаете, — вот и все, что от вас требуется». Других критериев нет. Это требования этики, но не все родители, увы, им отвечают. Поскольку им воспитание принесло лишь аффективные сексуальные трудности, от которых они страдают по сей день, они убеждены, что, поступая таким образом, ограждают от подобного своих детей. В конечном же итоге получается, что единственная их цель — сделать наоборот, поступить не так, как поступали их собственные родители. В результате их дети вступают в противоречие с ними. Чрезвычайно вредно, чтобы родители определяли характер поведения по отношению к своим детям лишь в зависимости от того, как вели себя с ними их собственные родители: все-таки *есть* возможность продолжить род без того, чтобы по-прежнему множить эдиповы трупы. Следовало бы все-таки подумать и о свободе другого.

Уважать ребенка — это значит предложить ему модель поведения и предоставить возможность не подражать ей. У ребенка нет другого выхода в формировании себя, кроме отрицания, и он говорит «Нет». Перед этим повторяющимся «нет» родители совершенно теряют ориентацию и их ждет неминуемое поражение. Так что же у этих родителей не получилось? Всё получилось, но выбрало другую дорогу, которая не соответствовала родительским представлениям. А ведь у чада-то было собственное представление о жизни. Родители ведут себя по отношению к нему так, как будто то, кем станет этот ребенок, имело смысл лишь в момент их соития, все остальное не в счет. Они отрицают, что желание жизни, которое живет в их ребенке, это нечто совершенно иное, чем то, что они себе представляли.

ВМЕСТЕ С ВОСПИТАТЕЛЬНИЦАМИ ДОМОВ РЕБЕНКА

Я лечила двух маленьких мавританцев, брата и сестру, которые были помещены в дом ребенка. Доменик, 3 года, и Вероник — 22 месяца. Имена звучат похоже. Мальчик за три месяца, которые был в детском доме, не произнес ни единого слова, он терроризировал свою сестру, которая бессловесно всё сносила, была депрессивна, а

486

он — молчал. Тогда решили, что он отстает в развитии. Но он вовсе не отставал, просто он жил в ситуации, в которой ничего не понимал: ему никто не объяснил, почему это вдруг его отняли у папы с мамой — мавританцев. В качестве семейного воспоминания у него осталась лило» сестра. И он ее терроризировал, потому, возможно, что ему хотелось, чтобы она оставалась младенцем, каким была тогда, когда все они были вместе.

Мать, когда однажды напару с мужем пришла к детям — глаз на них не поднимала. Это была мавританка, с корнем вырванная из своей среды; приспособиться к Парижу она никак не сумела; зарабатывала ведением хозяйства в чужих домах; и, ясно, что, забеременев в третий раз, не имела возможности оставить при себе первых двух детей.

Суд постановил отнять их у нее, поскольку соседи подали жалобу, что детей в семье били. Судья отправил детей в дом ребенка. Я видела этих родителей, они были травмированы тем, что у них отняли детей, и все это только потому, что мать, беременная в третий раз, но не прекращающая работать, не могла выносить, как кричит малышка Вероник. Когда приходили родители, девочка пряталась у воспитательниц и орала, боясь, что мать может ее забрать с собой. Мальчик же, наоборот, шел к матери, потом — к отцу.

Я подумала так: старший здесь себя несчастным не чувствует, и, если и отстает, то только потому, что тут же находится малышка, с появлением которой жизнь семьи усложнилась. Значит, совершенно естественно, что он терроризирует девочку, другого ребенка такого же возраста он бы не трогал; он терроризирует сестру, отнимает у нее все, до чего бы она ни дотронулась... и это все из-за того, что эта его сестра забрала у него маму, и с ее появлением в доме все пошло наперекосяк. Но если ему не объяснить того, что происходит, он будет упорствовать в своем поведении, которое тормозит развитие сестры, а та не может развиваться, потому что старший брат препятствует проявлению у нее какого бы то ни было интереса к чему угодно — он все вырывает у нее из рук. Но разлучить их было бы неправильно. Разлучи их, и, значит, эта семья больше уже не будет семьей. Именно поэтому их нужно оставить вместе, но нужно

помочь старшему понять свое поведение и то, что он затрудняет жизнь девочки, просто не разрешает ей жить. Нужно ему объяснить, что он запрещает сестре что бы то ни было брать, потому, что когда она родилась, она отняла у него маму; он думает, что, не родись его сестра, его бы не забрали из дома, мама не
487

стала бы так нервничать, не била бы их, и соседи бы не жаловались на крики, и судьи бы не отняли их у родителей. Ему объясняешь — и он прекрасно понимает. То, как он ведет себя с сестрой, ни хорошо, ни плохо. Он может и говорить, и понимать; его поведению можно вернуть ту динамику, которая будет обладать для него смыслом. И тогда он снова сможет войти в общение, вместо того, чтобы все время мешать своей сестре устанавливать свои связи с внешним миром.

Совершенно ясно, как это происходит: старший мешает матери заниматься новорожденным, берет, например, пеленки, пьет из бутылочки, тогда мать шлепает его, он плачет, она опять шлепает. И потом наступает день, когда эти шлепки становятся в глазах соседей побоями, они жалуются в суд, судья заводит дело — среда с низким образовательным цензом, значит «социальные причины», и детей забирают. Дело сделано. Старший фиксируется на сестре, потому что сказал себе, что все эти несчастья произошли из-за нее. Но с ним ничего не проговорено для того, чтобы он смог понять, что ситуация на самом деле совершенно иная; его уставшая мать снова беременна, она — совсем не плохая мать, но без своей матери (бабушка осталась на родине, в Мавритании) ей в одиночку заниматься детьми трудно. Дети мешали ей найти работу по уборке квартир, потому что никому не хотелось чтобы она приходила с детьми.

Нужно растолковать мальчику, что он ошибается, думая, что сестра виновата в том, что их забрали из дома, что это всё из-за нее (или из-за него), или — что это вина родителей, которые были бессильны противостоять закону.

«Это не оттого, что ты — Доменик, — сказала я. — Какой угодно большой мальчик чувствовал бы себя несчастным, когда нужна мама, а мамы нет. И Жак, и Пьер, и Поль чувствовали бы себя так же. Ты, это — ты, и ты был несчастлив и думал, что виновата во всем этом Вероник, но дело не в ней, а в том, что у твоей мамы двое детей, и она очень уставала, потому что ей приходилось заниматься уборкой у чужих людей, чтобы зарабатывать.»

Вместо того, чтобы общаться с детьми своего возраста, Доменик то и дело подстерегал сестру и не давал ей проходу. Малышка чахла, потому что любила своего братика, и чтобы угодить ему начинала вести себя так, будто ее нет.

Воспитатели, которые хотели, чтобы дети развивались в соответствии со своим возрастом, видели, что один ребенок отстает, а
488

другой замедлился в развитии. Казалось, дело не во взаимоотношениях этих двоих. И, в самом деле, — в действительности это происходило потому, что и тому и другому ребенку необходимо было услышать, что причиной, по которой они оказались в доме малютки, не являются они сами — виновата в этом ситуация, в которую они, дети такого возраста, попали. Они — всего лишь дети, и управляет их поступками то, как они понимают происходящее, треугольник, то есть «папа-мама и братья, сестры вокруг них».

Я говорила с Домеником таким образом, чтобы он смог понять разницу между индивидуумом такого возраста, в каком он находился, и им как субъектом.

«Ты понимал, в чем дело, — говорила я, — но твое тело — это тело ребенка, и оно не умело вести себя иначе. Ну и твоя мама, раз ты ребенок, думала, что если она тебя отшлепает, то ты поймешь... Но ты не понимал, что надо делать... — Я утверждала, что это из-за возраста. — Не ты, такой-то, виноват, просто тебе — столько лет. Но на твоем месте мог оказаться и Пьер, и Поль, и Жак... На Доменике нет никакой вины, просто ситуация очень сложная.»

Детство характеризуется еще и тем, что в этом возрасте ребенок находится в плену тех своих желаний, что рвутся быть высказанными, явленными. Так Доменику надо было высказаться, но у него для этого было единственное средство — бить сестру.

В конце этих бесед с Домеником, которые происходили в присутствии его сестры и всех нянечек, мальчик смог, наконец, говорить, и помощь психотерапевта ему более не понадобилась. Он смог войти в небольшую детсадовскую группу, которая была в доме малютки, прекратил досаждать сестренке, которая спала с ним вместе в одной спальне, и вел себя с ней вполне сносно.

Тогда я стала заниматься девочкой, которой тоже была необходима языковая поддержка. Я договорилась с нянечками. «Я хочу видеть теперь только малышку Вероник, потому что со страшим уже все более менее в порядке: он вышел из тупика, занимается, хорошо относится к сестре, общается с родителями, когда те приходят, и даже доволен этими встречами. А в малышке еще живет страх, она идет к отцу, но не к матери. Мать же страдает, потому что несмотря ни на что она девочку любит.» Конечно, как я поняла, эта женщина не могла воспитать дочку без чьей-либо помощи. Она так и не сняла национальных одежд, жила в воспоминаниях, вне всякой связи с окружающими. Конечно, соседи не могли выдержать,

как эта женщина то и дело шлепает детей и кричит. Глаза у Вероник были умненькие, живые. Но она отставала в речевом развитии. Я предложила ей несколько словесных моделей: «Это — Жененьева (утренняя нянечка)», или: «Это — Кристина (вечерняя)», или: «А это — госпожа Дольто». Когда я предлагала ей эти модели, девочка неумело старалась произнести слог-два, но я заметила, что вместе с артикуляционными усилиями она начинала ерзать и подпрыгивать на попе, как утка на своей гузке. «Вероник, — говорю, — ты хочешь говорить ртом, ртом, который на лице, а у тебя говорит тот рот, что на попке». — Она очень заинтересованно на меня посмотрела, и действительно, начала говорить, но «с двух концов». Ей было очень смешно, что она подпрыгивает на попе одновременно с тем, что произносит слог. Девочка начинала отдавать предпочтение оральному полюсу, но каждый слог соответствовал воображаемому шлепку по попе, который она получала от матери (я с ней еще не заговаривала об этих шлепках), я! просто указала ей, что прежде чем она раскрывает рот, начинает говорить ее попка. И ей это показалось таким смешным, каким это и было на самом деле.

Я стимулировала ее речевую активность формулами: «Это — корова», она улыбается, повторяет слова. Когда Вероник говорит «гоубой» вместо «голубой» и «понъявилось» вместо «понравилось», я поправляю. Очень внимательно слежу за произношением, потому что именно в этом и заключается общение с ребенком; а она, как только пробует исправиться, сразу же начинает ерзать. И после — получается. Ей хочется научиться говорить, хорошо говорить, но чтобы правильно сказать, надо сначала сделать «каку»: зона удовольствия у нее сосредоточена вокруг попы (!), которая получала шлепки или делала каку, — именно это место было средоточием общения матери со своим ребенком. Но, в конце концов, кончилось тем, что девочка, в качестве подарка взрослому, с которым она вошла в общение, стала произносить слога: этот звуковой подарок соответствовал тому, что у нее просил взрослый. А если она сумеет хорошо сказать, ее поймут все дети и вообще все вокруг. И как только Доменик это поняла, она начала стараться. Вот и вся психотерапия. Но если бы захотелось заснять этого ребенка на пленку, что бы мы тогда увидели? Мы бы увидели, что ребенок оживает и все время «играет» со своей попой... И вряд ли можно было бы понять наверняка, в какой момент экспрессивного нарастания внутренней потребности выразиться у девочки путается верх и низ: нужно хорошо поступить, но «верхом» или «низом»? Неизвестно.

490

У малышки Вероник нет пока еще другой возможности выразиться, только через низ своего организма — то место, что так «удовлетворяло» мать, и девочка к нему возвращается, теперь — как к средству самовыражения. Девочка очень умненькая, чувствительна к каждому моему слову. Это чудесно! Видно, что она еще не располагает теми языковыми средствами, которые привычны для детей ее возраста в цивилизации, где разговаривают, артикулируя фонемы губами, ртом, а ей их не произнести, и она ерзает на попе, а тазовая область это одновременно и гениталии, то есть в тот момент, когда она ерзает на попе, происходит удовлетворение ее желания (мать вступала в контакт с нею посредством шлепка). И нужны были века цивилизации, чтобы появилась, наконец, возможность выразить то, что чувствуешь, хочешь, делая что-то руками («делать» — глагол, связанный по значению с «какать-писать»), то есть перенести идею сфинктера на руки, которые что-то могут выяснить, сделать. Первым объектом, к которому прикасается ребенок, является, очевидно, его собственная какашка. А когда начинает гулять, что поднимает? Первым делом — собачьи какашки. Для него это интересно. Нужно попробовать поставить себя на уровень ребенка. Невозможно всё поменять одним махом, тело ребенка еще хранит воспоминания о том времени, когда ему меняли пеленки. Никакая камера не может такое показать, а на психоаналитическом сеансе можно выявить эти связи перед присутствующими (нянечками в данном случае), и они могут подтвердить те результаты работы психоаналитика, коим они были свидетелями.

Всё, что делает ребенок, должно иметь свое оправдание на динамическом уровне. И тогда ребенок может избавиться от чувства вины. В конечном счете важно не то, что ребенок есть ребенок, а то, что к нему обращаются как к индивидууму, который пока что, временно, располагает лишь детскими средствами выражения себя. Родительской целью является социализовать ребенка, но уровень, на котором он находится, не принимается во внимание. Родители хотят сразу же видеть результат, отделяя конечную точку этого процесса от его корней.

На самом деле, все основано на семейном и социальном поведении, на амнезии, забытии зародышевой жизни, на пренатальной жизни, на раннем детстве, которое так и не нашло своего неврологического завершения.

Мама Вероник сказала, что ее дочке надо было менять пеленки тут же, как только ее перепеленали, но поскольку мать кормила

491

ее грудью, поначалу у девочки никаких неприятностей не было, они начались потом; девочка хотела привлечь внимание матери и поэтому то и дело писалась и какалась, чтобы мать снова взяла ее. Мать же

говорила, что это было просто невыносимо, и она то и дело ее шлепала, чтобы та прекратила пачкать пеленки.

Подобное воспитание слишком смахивает на пересадку черенка. Корни обрубаются, и у ребенка теряются основы его собственной истории: он не может больше войти в коммуникацию, он чувствует себя совершенно потерянными.

Взрослые думают, что это благотворно, что ребенок выходит из животной, незрелой стадии своего развития. Экономическую причину здесь скрывают: мать хочет быть свободной, чтобы идти работать. Но ребенку она нужна. И ей тоже, наверняка, нужен этот ребенок, как когда-то, когда она сама была маленькой, ей была нужна бабушка, с которой она не расставалась, оставленная на ее попечение матерью. И ребенок отвечает на это неосознанное требование матери: не расставаться с ребенком, но тем не менее, зарабатывать на жизнь. Вся драма детей, которых слишком рано отдали в ясли, в этом и заключается.

Сколько матерей, доведенных почти до нервного истощения, бьют детей, чтобы те не пачкали пеленки как только им их поменяли. Матери торопятся, они очень устали. Им вдобавили в голову, что ребенок должен принять социальные требования и удовлетворить требования взрослого, потому что тот сказал: «Сделай так, потому что мне это надо». Но все происходит не так. Ребенок примет лишь те предписания, которые входят в согласие с его натурой, лишь найдя взаимопонимание с самим собой, с тем, о чем хранит воспоминание его тело, — только тогда ребенок примет их. Для этого и обращаешься к тому субъекту, который находится в нем как действительный собеседник, и объясняешь этому собеседнику, что он выражает посредством тела. Иначе ребенок может остановиться в своем развитии, или начнет отставать и не найдет в этом тумане дорогу к самому себе и, безусловно, не сможет отвечать на нормальные требования взрослого. Ребенок теряет свои жизненные силы, отказываясь выполнять те нормы, которые он не считает жизненно необходимыми. «Нужно, чтобы я стал вещью, бездеятельной вещью.» И сразу все жизненные функции разрегулируются. До того как я начала заниматься с Вероник, ей стали давать гормоны для поднятия аппетита, чтобы она спала, когда нужно, а когда нужно просыпалась и реагировала, но девочка стала еще пассивней, стала вялой, в

492

яслях беспокоились. Отнесли же все это к «отставанию в развитии», да внешне так и было, а девочка-то была такая умненькая!

Даже в самом «дивном новом мире» нужды ребенка не сведутся только к нормальному обмену веществ.

Я думаю, что желание ребенка, которое является специфически человеческим (во всяком случае, у животных мы этого не наблюдаем), это — желание межпсихической коммуникации со взрослыми: желание духовной связи со взрослым; общения душ и взаимопонимания. Языком для ребенка со взрослым является всё... История мавританской семьи подтверждает это как нельзя лучше.

Теперь в нашем цивилизованном обществе находится много детей, матери или отцы которых лишены своей природной, общинной среды, и можно проследить, каким образом, в конце концов, дети «окультуриваются» с точки зрения языка. У родителей меняется манера общения с детьми. Им хотелось бы продолжать общаться с ними, как это было, когда они сами были маленькими, но они это сделать не могут, потому что не живут больше со своим племенем, народом, как это было раньше. И ребенок оказывается в тупике. Как ему развиваться? Матери надо идти на работу и ей необходимо, чтобы ребенок вел себя определенным образом, но во времена ее детства, в племени (деревне) все было совсем иначе.

Именно наблюдение за малышами подтверждает основополагающее открытие: человеческое существо начинает свою «историю» с яйцеклетки. Но человек не может развиваться так, чтобы его ничто не отрывало от прошлого. И он не сможет оторваться от образа символического тела, если только это тело не найдет свое символическое выражение в речи'. Например, младенец, который сосет грудь, может быть отнят от материнской груди только при условии, что и мать займется тем же, чем и он, и от вербального общения с ним начнет получать большее удовольствие, нежели от телесного. Если мать отнимает ребенка от груди, но продолжает целовать его всюду, то есть ее рот имеет право на пользование его телом в любом месте, а его — нет, ребенок начинает испытывать мучительное противоречие: он становится «материнской грудью», а она ему грудь не дает. Но у него нет и вербального молока, ведь речь — то же молоко, но звуковое, слышимое. Ребенок становится объектом

• *L'Image inconsciente du corps*, P. Dolto, Seuil, 1984.

493

наслаждения, но сам наслаждение в обмен на предоставляемое ему не получает; он как бы начинает получать удовольствие от того, что стал принадлежностью, объектом своей матери и перестал быть субъектом в своих собственных коммуникационных поисках. Таким образом может сформироваться база для дисфункции, что может привести к психозу или умственному отставанию. И это происходит тем быстрее, чем умнее и развитее ребенок. У Вероник развился психоз, у старшего брата начала развиваться дебилность, потому что он не говорил, а значит и не имел вербальной коммуникации, а раз этого не было,

его руки стали той агрессивной «глоткой», которая все отнимала у сестры. Нужно было охранять от него сестру, когда та ела, потому что он у нее отнимал все, только бы ей ничего не досталось. Не то, чтобы он хотел ее смерти, просто он сам хотел жить. «Именно потому, что так было до того, как она родилась, и тогда все было хорошо, а я хочу жить.»

Теперь, когда мальчик чувствует себя живым на своем собственном уровне, он видится с родителями каждую неделю, и все у него хорошо. На уик-энды стали забирать и Вероник, возвращалась с которых она чрезвычайно собой довольная — причесанная, как настоящая мавританка — в завитых волосах масса маленьких бантиков. Неделю спустя, маму она встречала иначе, чем до лечения и совместных выходных, всплакнула лишь при виде отца, похоже, чем-то недовольного: может быть, он сердился на то, сколько времени мать тратит, чтобы сделать ей прическу... Я не уловила, чем именно он не доволен, что-то он пробурчал, а Вероник отца испугалась. Она уцепилась за воспитательницу с намерением поскорей добраться до матери... Она вновь обрела уверенность в материнской любви и в собственной защищенности, безопасности рядом с ней.

Воспитательницы этого дома малютки проводили вместе со мной психоаналитическую работу. Я не касалась детей руками, только говорила. Я говорю что-нибудь, Вероник смотрит на Женевиёву, а я подтверждаю: «Женевиёва, которая сейчас замещает твою маму, разрешает, чтобы я тебе это сказала». Тогда Вероник чувствует себя комфортно, потому что все происходит через посредство тела.

Когда ребенок проходит лечение в присутствии своей матери, мы должны поступать так же. Тогда и мать понимает, насколько ее ребенок разумен в своих реакциях. И так должно быть до того момента, пока ребенок не захочет, чтобы мама ушла. Поведение его говорит само за себя: он берет мамину сумку, кладет ей ее на колени и тащит маму к двери. Так делает обычно ребенок,

494

который еще не говорит. «Вы видите, сегодня ваш ребенок хочет остаться со мной наедине. Вы позволите?» Мать говорит: «Но сумку-то я могу оставить». Ребенок берет сумку и вручает ей: он не хочет, чтобы здесь оставалось что бы то ни было, принадлежащее его матери*. И вот в этот момент надо быть поистине ко всему готовым, потому что мать может не в меру остро переживать происходящее. Есть и такие субъекты, которые сами предпочитают остаться за дверью, а в комнату пропускают мать. В таком случае надо оставлять дверь открытой, чтобы ребенок мог ходить туда-сюда. Потом, в ходе нашей с матерью беседы, ребенок постепенно войдет в контакт с нами. И, заметьте, что он предпринимает по отношению к этим двум лицам (к психотерапевту и маме).

Начинается всегда одинаково: сначала он вроде бы делает какой-то жест, но тут же снова усаживается на материнские колени. Если он начинает что-то делать руками, например, лепить, он не может понять, не отделит ли его это действие от его корня, которым является мать. Дети с психопатологией — всегда те, кого матери неудачно оторвали от груди. Ребенок хочет остаться материнским объектом для того, чтобы быть уверенным, что его тело суть тело его матери, и как только он начинает входить во взаимодействие с кем-то другим, его охватывает страх — ведь он на минуту забывает маму, и ему страшно, что она может сделать то же самое. Это можно вербализовать: «Знаешь, ты можешь на минутку забыть, что твоя мама тут, она позволяет, чтобы ты забыл это, она ведь пришла вместе с тобой для того, чтобы ты стал (стала) самим собой, мальчиком (или девочкой), который смог бы подружиться с другими детьми». Подобные слова — это попытка выразить словами то, что в этот момент остро переживается ребенком. Ребенок отходит от матери, но нам известно, что отойдет он минуты на две, не больше. «Хочешь опять подойти к ней? Проверить, не ушла ли она?» Непонятно, чего ребенок хочет. Тогда идешь вместе с ним. «Видишь, мама тут, она тебя не бросает, она тут.» Ребенок снова подходит к матери, потом уходит, что-то делает и несет показать маме. Идешь вместе с ним, говоришь матери: «Ваш ребенок боится сделать что-

• Для того, чтобы получить доступ к символической матери, ребенок должен временно отказаться от присутствия матери реальной, и даже любой матери. Это процесс отрывания от груди, переживаемый с одной и с другой стороны. Для ребенка более благоприятна инициатива к отрыванию от груди, выражаемая им самим и лишь принимаемая матерью, чем наоборот (Ф. Д.).

495

нибудь, что вы не увидите и рассердитесь... Может быть, вы всегда смотрите, как он сходил в горшок?» — «Да, правда, я всегда проверяю, как он сходил.» — «Ну вот, значит то, что он сделал руками замещает «каки-писи», но *делать* и остается делать, значение не меняется.» Эссе о стиле Луи Арагона начинается такой фразой: «Делать, по-французски, значит гадить». И это настолько верно, что каждый чувствует, но сказать не может, кроме поэта с его детским видением мира.

Вот замена делания. У Вероник говорила либо попка, либо гениталии. Все это, однако, можно проговорить, и ничего в этом нет эротического, все совершенно невинно. Напротив, таким образом уходишь от эротизма к словесному, вербализованному общению.

Все это — совсем недавние открытия. И это только начало. Да и не существует похожих детей. Но

именно таким образом, потихоньку, шажок за шажком, можно выработать новый подход к детству.

Воспитательницы, нянечки, как и матери, очень заняты и у них почти не хватает времени на то, чтобы играть и разговаривать с детьми. К тому же: «У нас ни бумага, ни игрушки, — жалуются они, — как только что-нибудь появится, сразу все очень быстро рвется, ломается, а снова игрушки взять неоткуда». Я в таких случаях возражаю: «Да, это так, но все же вы-то здесь для... того, чтобы в меру возможностей помогать развитию этих детей».

В доме ребенка как только ребенок готов к дальнейшей с ним работе, его переводят в так называемый «внутренний детский сад». Там с ними занимаются, у него появляются игрушки. Но там, где дети живут от шести месяцев до трех лет, все это невозможно, все сразу ломается и денег не напасешься. В палатах дома малютки у детей нет ничего, что можно было бы использовать для творчества, то есть для игры — только тряпки, пеленки, ночные горшки.

Воспитательницы, нянечки тоже в состоянии некоторой фрустрации: у них перед глазами только естественные нужды ребенка. То, что дети хотят и могут сделать, все это отнесено к сфере «детского сада», именно там они что-то делают руками. Присутствие же нянечек при психотерапевтических беседах с детьми и то, что они начинают таким образом понимать, что происходит с их подопечными, само по себе уже меняет их поведение с детьми — с теми, кто проходит лечение, и с теми, кому оно не нужно, то есть с более благополучными детьми.

496

МАЛЕНЬКИЕ ЛИДЕРЫ

Есть дети — прирожденные руководители, командиры над теми, кто еще мал. Но их нельзя оставлять с их собственными братьями и сестрами. Насколько мне известно, это опасно.

У нас в Мезон Верт была пятилетняя малышка, которая просто паразитировала на своем трехлетнем брате (теперь в Мезон Верт мы принимаем только до трех лет) — она ни на минуту не отпускала его от себя, воспринимая его как свою часть. Когда мы запретили ей заниматься с братом, она была шокирована. Брат же, наконец, вздохнул с облегчением, потому что сестра перестала его душить. В девочкином поведении было нечто Эдипово — она хотела быть одновременно и папой и мамой этого ребенка. В конце концов, она начала его ненавидеть, хотя жила его жизненными силами. Но с того момента, как мы ей запретили заниматься со своим братом, она прекрасно занималась с другими детьми. «Когда ты находишься у нас, — сказали мы, — брат свободен и может делать все, что хочет. А ты занимаешься, чем хочешь, с другими детьми, иначе можешь идти и не приходить больше. Можешь идти, есть и другие...» Девочка поняла. Мы вели себя как командос. Мать же позволяла своей дочери паразитировать на младшем брате. Но с тех пор, как мы заявили: «Можешь паразитировать на других, а на нем нельзя», делать это она перестала. Вообще перестала. Она стала рассудительным лидером других детей, на которых перенесла свои интересы. Все было хорошо, потому что она не вошла в Эдипов комплекс других, с другими детьми она оставалась просто маленькой девочкой, которая для них не дублировала своим существованием ни их папу, ни их маму. Перенос состоялся. А препятствовала ему прямая генетическая связь, породившая некий эдипов аппендикс — братишка становился как бы ребенком девочки, как если бы она воображаемым образом получила его от своего отца или матери. Другой ребенок, девятилетний мальчик, который только и знал, что бесить своего младшего брата дома, оказался прекрасным лидером для остальных детей. Его мама говорила мне: «Стоит нам только зайти в какой-нибудь сад, как все дети бегут к нему, он играет с ними, развлекает. Потом говорит: «Я устал, оставьте меня в покое, я возьму книжку». И садится в какой-нибудь тихий уголок. И все ждут, пока он отдохнет. Значит, есть в нем, старшем брате-тиране, помимо этого, еще кто-то, существующий так же реально, который значим не менее, и может,

497

без какого бы то ни было ущерба для малышей, помогать им и вести за собой младших.

Встречаются такие же бабушки. С чужими детьми занимаются прекрасно, а со своими внуками ведут себя как собственники. Другие, кто не так собственнически относится к своим внукам, стараются объединить вокруг них других детей. Мне кажется, что присутствие стариков в центрах досуга, где есть детвора из разных семей, очень желательно. Но это собственническое отношение к своему ребенку, как к плоти от плоти своей, тиранично. И такое отношение надо безоговорочно искоренять. Гораздо больше пользы, когда речь идет об общении стариков и детей, может принести общение вербальное.

Теперь есть тенденция создавать группы бабушек, которые рассказывают всякие истории. Многие из них выступали и на телевидении. Я очень хорошо представляю себе такой радиоканал, по которому звучали бы только сказки. Почему бы и нет? По нему можно было бы читать и отрывки из великих книг...

В течение довольно длительного периода Франсуа Перье читал на «Франс-Интер» сказки. Недавно, на «Европе-1», Анни Жирардо рассказывала каждое утро какую-нибудь историю, только не сказочную. Об

этом же она просила своих слушателей: «Присылайте и вы свои истории. Истории, которые случались с вами, или происходили с кем-то из ваших знакомых. Присыпайте мне». И затем, «причесав» эти истории, она рассказывала их: это были реальные истории о работе молодых девушек, об эксплуатации женщин, о свадьбах, когда всё вроде бы в порядке, но потом волк, который скрывался в шкуре жениха, показывает зубы, как только жених превращался в мужа. Можно было бы провести интересный опыт: попросить детей рассказывать перед микрофоном свои истории (почему бы это не могла быть свободная радиостанция?); это могло бы помочь другим детям, потому что слушая, что произошло с другими, они бы могли понять, что другие тоже переживали нечто подобное. И в то же время вербальная самореализация помогла бы от многого освободиться.

Глава 5 **НИКТО, КРОМЕ ДЕТЕЙ, ЭТОГО НЕ СКАЖЕТ**

БУДУЩИМ РОДИТЕЛЯМ, КОТОРЫЕ НЕ ХОТЯТ СТРАДАТЬ ПЕДОФИЛИЕЙ*

Фрейд в свое время совершил революцию, обнаружив, что сексуальное поведение взрослых уходит своими корнями в те истории, которые относились к каждому из родителей, в то, к кому более был привязан ребенок — к отцу или к матери, поскольку идентификация и раннее соперничество у всех людей относится к первой зависимости от тех, кто дал тебе жизнь и стал о тебе заботиться, к первым чувственным и сенсорным фиксациям на родителях, брате, сестре, которые не имели ничего общего с кровосмешением и генитальной областью. Однако именно все эти факты являлись эмоциональным источником тоски, страдания, страха. Этот неминуемый страх, который испытывали все, но взрослые о нем потом забывали (откуда и осуждение Фрейда в научной среде), Фрейд назвал страхом перед кастрацией, он связывал его возникновение с конфликтами, переживаемыми ребенком от пяти до семи лет — этот период и получил название «Эдипова» в память об античном мифе.

То, что раньше называли «разумным возрастом» переводит разрешение этого конфликта в сознательное принятие закона, запрещающего реализацию желания инцеста. Как принимается этот закон, зависит от свойств этнической среды. Узловой момент «разумного возраста» это принятие закона, который управляет всеми людьми одного пола, распространяясь даже на область воображения. Это вызывает у ребенка мутацию, то есть это интеграция его, как субъекта, отвечающего за свои обдуманные поступки, в общество. Если родители предоставили ребенку право пользоваться свободой, ребенок становится автономным (самостоятельным), его интересуют все законы социальной жизни и собственный успех в его возрастной среде, за пределами родительской семьи. Тогда его желание, пока не наступила половая

« Педофилия — сексуальное влечение к детям, преобладающее над обычными формами сексуального общения (В.К.).

499

зрелость, приобретает творческую ориентацию или концентрируется в области технологического обучения, приобретения полезных знаний, игры. В подростковом периоде происходит реструктурирование намеченного Эдипова комплекса и окончательное разделение генитального желания и инцестных устремлений при динамогенном отталкивании инцестных намерений в пользу поиска объекта желания в обществе, вне семьи. Когда тело повзрослело, человек обретает возможность продления своего рода и обеспечения этого. Но это суть воплощения его символической воли матери-отца, его любви к своим детям, чувства ответственности по отношению к ним и возможности выносить те обязанности, которые могут обеспечить детям выживание, безопасность и предохранение от опасности. Это также та родительская ответственность, которую общество возвело в закон. Это чистота родительского желания по отношению к своим детям, взрослых воспитателей и учителей по отношению к юным. И это желание вместе с языком информирует желание юных о реальности и ее законах, подталкивает их к проявлению инициативы, к участию в семейных и социальных делах по родительскому и воспитательскому примеру. Тем фактом, что инцест является областью запретного, взрослые поддерживают уверенность юных в их будущей детородной способности, которая будет направлена на тех, кого они будут любить вне семейного круга. Родители поддерживают свободу маленьких и больших детей в приобретении ими самостоятельного поведения через посредство их личного творческого, формообразующего опыта, который приобретается по мере их роста и в процессе которого на задний план постепенно уходит семейный и воспитательский контроль, что также позволяет детям подниматься в социальной жизни до уровня морально самостоятельных субъектов, отвечающих за свои слова и поступки.

Не эта ли физическая возможность продолжить свой род, делает взрослых способными воспитывать детей, которых они произвели на свет, давать им образование? И не играет роли, были ли эти дети зачаты в браке или просто в желании и любви, и были они зачаты в желании иметь детей или этим руководил родительско-патерналистский фанатизм. И не так ли будут поступать и эти дети? Сколько родителей

являются фетишистами по отношению к собственным детям, сколько страдают педофилией или делают из детей своих рабов. А сколько родителей плохо относятся к своим детям или не обращают на них внимания, не дают ни знаний, ни радости, ни возможности жить или общаться, в то время как другие губят своих детей в золоченых тюрьмах, где душат их своим чрезмерным вниманием.

500

Нет, не необходимость и не желание иметь детей, а любовь к ним заставляет родителей доходить до чисто человеческого понимания собственной воспитательской обязанности и делает эту ответственность — у каждого родителя в отдельности или у двух вместе — столь же важной в их глазах, как и их личностная ответственность по отношению друг к другу. За исключением доступа к этому символическому материнско-патерналистскому уровню, деторождение готовит взрослому ловушку, которая заключается в том, что он имеет право на свое потомство, и в том, что он попадает в зависимость от той роли, которая уготована ему социальным законом. Родитель начинает ощущать ребенка, как паразита, который отнимает у него свободу, и начинает говорить о собственной «жертве», что влечет за собой проявление агрессии; она бессознательно управляет родительскими воспитательными возможностями, в ней же находят свое выражение их желания, подавляемые этой ответственностью.

Психоанализ позволил открыть, что возможность взять на себя эту ответственность за жизнь и поведение ребенка во время его развития, за его социализацию и приспособление к жизни, зависит от целомудренности желания взрослого по отношению к ребенку. Терпимость к приобретению им опыта по мере его роста. Точные ответы на вопросы, которые развивающийся ум хочет получить от своих учителей жизни. Свобода понимания себя самого, мира, который его окружает, и других.

Те родители, которые сами подвержены страхам, сами страдают от фрустрации в области свободы воплощения своих желаний, бессознательно нетерпимы к радостям и горестям своих малышей, которых они избыточно защищают словом и делом. Они ограничивают их инициативу, умышленно наказывают их, преступая запреты, посягая на их свободу, что не действует, поскольку дети развиваются психомоторно¹.

Так, например, с помощью речи, через язык, родители обеспечивают воспитание детей и их доступ к позволяемой ментальностью автономии, в том числе уважение к свободе других — через обуздание и отказ от агрессивного и стадного инстинктов: через язык воспитывается умение критически их осмыслить и научиться быть ответственным за свои поступки; главное же в том, что язык позволяет выражать желания, в том числе те, которые несовместимы с законами общества, и реализовывать их, «проигрывая» в играх, в фантазмах, осуществляя посредством языка: проговорив их. Не в репрессивном

• Психомоторика — совокупность сознательно управляемых двигательных действий человека.

501

насилии над свободой выражения желания ребенка и не в слабости всё ему позволять проявляют взрослые свои воспитательные способности, а в том, что помогают ребенку обуздывать чувственность, воспитывая умение противостоять соблазну, который диктует объектные отношения, когда отец и мать — лишь средство для удовлетворения неукротимого желания.

Ум ребенка интуитивен и наблюдателен. Ребенок замечает противоречия, которые есть между словами и действиями взрослого по отношению к нему, и он чувствует себя в опасности, если не знает, что его родители по отношению к нему подчиняются тем же самым законам, что и он по отношению к уважению жизни и к сексуальному генитальному желанию, которое и агрессивно и соблазнительно по отношению к объекту, на который оно направлено. Именно поэтому взрослый должен подтвердить ребенку эти законы как целомудренностью своего поведения, своего отношения к нему, так и своими словами, которые подтверждают ограничение его прав на детей, даже своих. Речь идет не о «подавлении» выражений фантазмов инцестного желания у ребенка, а лишь о том, чтобы оно не нашло ответа в действительности, чтобы не отвечать на требования чувственных вольностей, которые проявляются малышами, всегда жадными до удовольствий — они не знают еще, какие из них удовлетворять опасно. Таким образом, это вопрос психоаффективной идентификации ребенка в этическом сознании взрослого воспитателя, который сам действует в соответствии с законом, регулирующим его желание. Взрослый отвечает ребенку и передает ему информацию как вербально, так и собственным примером.

Передает он ее и той мерой свободы, с каждым днем все большей, которую предоставляет ребенку в развитии его, ребенка, желания, права и даже обязанности самосохранения, а также охраны себя от тех опасных проявлений, которые могут возникать в обществе как со стороны взрослых, так и со стороны детей. И взрослый должен избегать проявлений постоянной патерналистской опеки, братского соперничества в семье именно благодаря своему знанию о формировании человека.

Как подвигнуть ребенка к самостоятельности в процессе воспитания? Франсуаза Дольто не раз вступала в конфликты по этому поводу с воспитателями и преподавателями. Ее выступления вызвали поток корреспонденции, в которой отразились сомнения взрослых и их — в частности, даже тех, кто думает, что все понял, — незнание.

Самое трудное — это заставить преподавателей понять, что они просто выдумали неологизм «автономизовать ребенка», то есть научить его самостоятельности; в конце концов, если самостоятельность предоставляют, значит, ее не было. Речь же идет о предоставлении ребенку свободы и свободы пользоваться этой свободой. Для этого необходимо, чтобы родители держали дистанцию по отношению к своему ребенку и доверяли ему. Это не значит проявлять к нему безразличие — совсем наоборот. Это значит, что надо любить в ребенке самостоятельность. Родители же скорее готовы во всем уступить, например, не позволяют себе оставить ребенка дома одного, потому что к этому их обязывает его каприз. «Если я не сделаю того, что хочет мой ребенок, — говорит такая мама, — он скажет, что я противная и что я его разлюбила». Но я не соглашаюсь с матерями, которые рассказывают о подобных сценах: «Ну и что, если он вам это сказал? Вам что, больно? Пусть выскажется. Ему это во благо, а вам большого вреда не нанесет. Когда вы оставляете ребенка одного, объясните, что вам нужно развеяться, повидаться с друзьями. Одному дома ему будет совсем неплохо. Если будет скучно, пусть сходит к соседям, позовет приятелей...» — «Но тогда, — протестуют подобные матери, — я делаю несчастным моего ребенка!» Они не могут перенести, чтобы им говорили: «Ты меня не любишь». Для того, чтобы ребенок обрел свою самостоятельность, нужно, чтобы тот взрослый, который занимается с ним, подавал ему со своей стороны пример свободы и отстаивания собственной автономности. Сколько взрослых принимает взаимоотношения с детьми лишь как дуэль: отца — с дочерью, преподавателя — с учеником. Но если мужчина занимает в жизни женщины то место, которое он должен занимать, и наоборот, то сын этой женщины никогда не будет висеть гирей ни на матери, ни на отце. Так закладываются основы «семейного треугольника». Другое общее заблуждение — это уверенность в том, что самостоятельность ребенка должна проявляться лишь со сверстниками, в компании, группе. Ну и стараются подобрать ребенку группу — заместителя семьи. Но так ли необходимо, чтобы ребенок обязательно был в компании, если ему этого не хочется? Если он хочет быть в одиночестве — пусть будет: не препятствуйте проявлению этого желания ребенка. Напротив, приветствуйте любую его инициативу. Только узнав, что и как, он сможет понять, что именно ему надо. Но произойдет это лишь в том случае, если он сможет реализовать свои желания и испытывать результаты их воплощения — сразу, потом и через некоторое время.

503

ВЗАИМОПОМОЩЬ — ЭТО НЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Безопасность в семье и ее открытость поступающим извне идеям, прием других семей как взрослыми, так и детьми, их взаимообмены с другими группами — семейными и социальными, свободное обсуждение происходящего вне семьи при сохранении семейного стиля и особенностей каждой семьи — таков образ жизни, который формирует в семье мнение детей и подростков, которые в ней растут.

Именно образ жизни семьи подготавливает детей к постепенному принятию на себя ответственности за себя (самоуправления) и осмыслению ими их собственной ответственности в процессе того, как развивается их независимость по отношению к родителям. Тогда дети становятся подростками, отдающими себе отчет в поджидающих их жизненных опасностях, тогда они чувствуют в себе силы справиться с этими опасностями — особенно если родители доверяют детям, зная, что в свое время сумели вооружить их против этих опасностей, влияний, предательств в дружбе, невозможной или несбыточной любви, сумели научить их одолевать свои желания, как бы они ни были остры, когда воображаемый партнер не оказывается таковым в реальности, а желания, бушевавшие молодых людей обоего пола — не течка и могут быть принесены в жертву уважению к другому, дружбе, любви.

Те жизненные силы, которые существуют в обществе и ценность которых создается каждым из тех, кто в этом процессе участвует, а это: обмен идеями, сотрудничество в работе, уважение к человеческой личности вне зависимости от возраста, сердечные привязанности во взаимном уважении и терпимость к разным жизненным пристрастиям без того, чтобы угнеталась свобода через авторитаризм сильных по отношению к слабым, человеческая взаимопомощь, — все это отсветы радости жизни и морального здоровья детей и растущих в обществе подростков.

Детство и старость нуждаются в содействии остальной части населения. Молодость нуждается в свободе и доверии к ней. Содействие же детям и старикам сопровождается часто презрением к той естественной слабости, которая присуща людям этого возраста. Это, вне всякого сомнения, знак жизненной и умственной деградации, определенным образом характеризующей человеческое существо. И эта деградация является результатом инфляции тех жизненных ценностей, которые направлены на улучшение и продуктивность жизни: ценности вытесняются погоней за материальными благами. Эта погоня является настоящим наркотиком, и таким образом отрицается тайна эфемерной (символической) жизни человеческого существа, а ведь именно она

позволяет человеку перестать бояться индивидуальной физической смерти и непознаваемого после нее.

Гармония с циклической жизнью природы, уважение к ее созданиям, защита и помощь отдельным видам до тех пор, пока их число не начинает вредить человеческому роду, сострадание тем, кто страдает от одиночества и нищеты, — вот те ценности, что начинают обладать в глазах молодого поколения большим значением, поскольку они видят, как погоня за материальными благами и управление этими благами отнимают у взрослых энергию; тем же хочется, чтобы молодые пошли по их дороге, идти по которой дети отказываются.

Взаимопомощь — это связь межличностная, и это отличает ее от анонимного содействия, коим являются в бюрократическом государстве службы социальной помощи. В государстве, развивающем подобную этику безопасности, неминуемо гибнут любовь и желание, и процветает паразитизм, возведенный в ранг добродетели. Изобретательность или творческая активность не могут приветствоваться главой государства или самим государством с его армией чиновников, наделенных неконтролируемой властью. Как права на ребенка не могут быть отданы в семье на откуп родителям, так и право распоряжаться другими не может быть отдано кому-то одному, будь то выходец из привилегированной среды или из безымянной массы. Идея безопасности, гарантированная обществом каждому, конкретизируется в демонологической системе антидемократической реальности, в которой мы живем.

Не потому ли и нездорово наше общество, что хочет обеспечить одинаковую безопасность и одинаковую заботу всем, каковы бы ни были возможности, деньги и сама жизнь? А ведь на самом деле, в стремлении помочь детям развиваться, поддержать их — всех, без исключения — развитие, в обеспечении им помощи, в том числе питания и организации жизненных пространств для отдыха и обучения, общество не должно было бы отворачиваться непосредственно от детей, как это принято сегодня, когда субсидии предоставляются родителям, и помощь, таким образом, оказывается только тем детям, кто нуждается в ней исключительно с точки зрения родительского благосостояния. Именно созданием мест встреч, отдыха, мест культурного назначения, общения для детей, которые хотели бы найти спасение от ада или тоски семейной жизни, можно было бы помочь всем детям, а не только тем, кто испытывает материальные или характерологические сложности. Детям, которые достигли школьного возраста, половой зрелости, нужно было бы помогать персонально, при этом скорее вознаграждая авансом, а не платя каждому.

505

Наше общество должно учитывать законы бессознательного. Риск и страх перед риском являются частью желания и поддерживают жизнеспособность тех, кто имеет эти желания, то есть нас самих.

Старания исключить риск ведут к деградации жизни в обществе и дегуманизации индивидуума.

ВАКЦИНАЦИЯ РЕБЕНКА ОТ ОТЦОВСКОЙ ИЛИ МАТЕРИНСКОЙ БОЛЕЗНИ

Существуют истины, которые необходимо помнить всем родителям. Истины эти могут быть тяжелы для родителей, психика детей которых подорвана, и они чувствуют свою вину за это. Но истины эти одновременно могут быть полезны родителям так называемых «трудных» детей и тем, кто сам страдал в детстве или чьи дети переходили от одной няни к другой.

Любой ребенок должен выносить тот климат, в котором он растет, но на него также влияют отголоски патологического прошлого матери, отца и тех, кто с ним занимался. Ребенок является носителем того «долга», который был заложен в него в период пренатального развития, а затем оказался структурированным в него в постнатальный период. Процесс этот неизбежен, и, принимая на себя часть страхов, ребенок помогает родителям; но иногда выпадающая на его долю тяжесть отнимает у него жизненные силы.

Подчеркнем, что опыт лечения ребенка-психотика дает знание о первых годах человеческой жизни: у такого ребенка острее беспокойство, из-за невозможности самоидентифицироваться он более неуравновешен, у него слабее врожденное чувство безопасности и доверия. В глазах наблюдателя и терапевта ребенок, который страдает серьезными поражениями, одновременно является «лакмусовой бумажкой» процессов, проходящих у большинства детей в раннем возрасте, но у большинства эти процессы проходят бессвязно, отрывочно, и не так остро, а потому и не так заметно, как у психотика. Теперь нам известно, что безумие часто может быть индуцировано ребенку его родителями, которые внешне здоровы. На первом году в жизнь грудного младенца вплетается бессознательное его матери, которая для него, независимо от степени близости ребенка с кормилицей, является языком любви. Он еще не может понять, что

507

же патогенного в языке его матери, женщины, мучимой страхами, но именно ему она «переправляет» часть того напряжения, от которого в полную меру страдает сама. При этом она совершенно не отдает себе отчета

в том, что бессознательно индуцирует своего ребенка эмоциональным дискомфортом. Как только ребенок сможет говорить, он сможет найти и способы сопротивления: «Моя мама говорит абсурдные вещи, — может сказать ребенок, — но она так несчастна... А когда несчастен, то говоришь все, что угодно...» Он, конечно, будет страдать, но развиваться сам сможет только обнаружив и поняв, что любимый им и любящий его взрослый находится в разладе с самим собой и страдает; знание, осознание происходящего делает детское страдание выносимым. Но пока это все не выведено на языковой уровень, ребенок «получает наслаждение» от «переносимого». То, что он «терпит», превращается для него в удовольствие, он «сливается» с переживаемыми матерью страхами или безумием, он устанавливает частичную связь с фантазмами и бредом матери, и это сводит его с ума. Он питается страхами за свою мать и одновременно с этим становится ее целителем. «Насыщаясь» своей матерью, ребенок становится и первым ее психотерапевтом. Но он — психотерапевт-жертва, то есть, в конце концов, ребенок этот будет принесен в жертву, как некогда в мифах. Он не умеет, не может еще защищаться. Ифигения была пожертвована инцестуозному влечению ее отца к ней, и сама стала жертвой такого же влечения с ее стороны к нему. Ифигения должна была спасти общество, став первой жертвой этого воплощенного в жизнь фантазма, жертвой, конечно, предложенной богам.

Общества предпринимают попытки «прививать» ребенка от подобных вещей. Я думаю, что обрезание родилось как мера по предотвращению того, чтобы мальчик мог стать жертвой своего отца. В еврейском обществе обрезание становится как бы знаком: отец желает, чтобы ребенок расстался с крайней плотью в знак того, что они равны перед Богом и что мальчик этот не является полной принадлежностью своего отца, как овца из стада. Сын Исаака предохранил себя против прародительского жеста Авраама, предложившего Богу своего единственного сына в качестве лучшей овцы из своего стада. Бог остановил его руку, удовлетворившись агнцем. Общество может ограничить собственнические права родителей на своих детей и даже спасти ребенка от того, что мать или отец полностью им завладеют. Закон евреев отдавал ребенка в безраздельную власть его

508

родителей. Христос же сказал взрослым: «Пустите детей приходить ко Мне...»', вместо — оставьте у себя. И это было перерождением отношений, принятых в обществе.

И когда Христос говорит: «Я разделю семьи...»' — то не исключено, что это говорится именно для того, чтобы спасти потомство от рабского подчинения родителям. «Сын да оставит отца и мать своих, дабы соединиться с женой своей...»' — говорится в Библии.

В христианском средневековом обществе ребенка очень рано забирали от матери. Не делалось ли это для обеспечения умственной гигиены ребенка? Конечно, обо всем этом трудно судить теперь.

Современные родители не считают себя виноватыми: «Теперь жизнь такая, что родители детям не очень-то и нужны: школа, улица, телевизор... Даже малыши обходятся...» Но не нужно, чтобы при этом родители продолжали думать, что происходящее несет в себе для них большое зло — многие исторические общества разрешали именно детям большую, по сравнению со взрослыми, свободу, не ограничивали их родовым ремеслом, разрешали участие в жизни различных братств.

Это вовсе не плохо — обуздывать родительскую власть. Иначе ребенку могут грозить несоизмеримые с его возможностями требования материальной поддержки со стороны родителей, что его душит, или еще того хуже — родители требуют от него (или от нее) постоянного присутствия. Зависимость от своих родителей, которая внушается детям как добродетель повиновения родителям, является выражением ничем не управляемой родительской власти.

В семьях садистски относятся к детям для того, чтобы спастись от собственных страданий. И часто это сопровождается попустительством со стороны одного из супругов. Это встречается отнюдь не только в плохо обеспеченных семьях, хотя существуют подобные случаи и в семьях бедняков. Речь в этом случае идет о нарушениях символических взаимоотношений семьи угнетаемого ребенка с социальной группой, к которой эта семья принадлежит.

Та неограниченная сила, что руководит ребенком, делает необходимой, организующей для него встречу не со своим сверстником, а со взрослым, даже пожилым человеком — дедушкой для мальчика, или бабушкой для девочки. Этот пожилой человек, проживший свою

• Мф., 19, 14; Лк., 18, 16.

"Мф., 10, 35.

"- Мф., 19, 5.

509

взрослую жизнь, предоставляет ребенку образ идеальной безопасности: если он смог дожить до такого возраста, значит, смог стать либо отцом, либо матерью. И даже если писатели пускаются в воспоминания о своем детстве, то оживляют они в своем воображении детей, которым уже скоро будет десять. Роман, посвященный взаимоотношениям между малышом до пяти лет и взрослым, еще ждет своего писателя.

Другой возможности, кроме психоаналитического сеанса, рассказать о том, что происходило до четырех-пяти лет их жизни, большинство детей не имеют, а это время, когда могли нанести ребенку раны, которые так и не затянулись.

Психоанализ после Фрейда открыл, что в 6-7 лет происходит торможение всего того, что было пережито в детстве, отталкивание этого пережитого на более зрелый возраст. И как раз дети, рожденные такими родителями, которые «забыли» собственные детские страхи и страдания, вновь выводят их на поверхность в том самом возрасте, когда это происходило с их родителями; именно дети выявляют то, что было некогда заторможено родителями и не нашло символического воплощения.

НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАГАДКА ЖИЗНИ

Первоначально в выявлении истории субъекта психоанализ не заходил за грань «разумного (до 8, 9 лет) возраста». Затем в сферу его интересов попал ранний возраст. Теперь начинают задумываться, что очень важна жизнь *in utero* и именно она играет, если не определяющую, то весьма важную роль в возникновении неврозов, а также в закладке психофизического здоровья индивидуума.

Сначала исследовали Оно; затем центральным звеном изысканий стало «собственное Я» (*moi*). Ускользало «я» (*je*). Однако именно эта реальность, созидая отношения треугольника, образует поворотный момент в психоанализе. Новый подход позволяет выявить истинную символическую природу здоровья, а также природу неврозов и психозов, он позволяет рассматривать тело как непроговоренный язык, выявить свойства плохоразрешенного Эдипова комплекса, нарциссизма, навязчивых идей, их способности передаваться от родителей детям, что может влиять на многие поколения. Зарождение невроза уходит в историю родителей, если не родителей родителей.

Тело ребенка, само — язык, представляющий историю родителей. Эмбрион сопротивляется посредством гуморальных реакций. Когда

510

пустая речь* высвобождает их, выявляет психотические моменты, тело с себя их смывает. Таковы установки новой метафорической интерпретации психосоматических заболеваний первых лет жизни. Возьмем, например, неблагополучную беременность. Даже если мать преодолела все трудные моменты, справилась с ними, это не значит, что пережитое ею на ребенке не отразилось. В то же время не исключается и возможность иного: мать пережила в период беременности депрессию, а ребенок может родиться здоровым, потому что он *in utero* боролся с материнской депрессией, старался ее компенсировать. Таким образом, здесь нет прямой причинно-следственной связи. Такова новая диалектика.

Что же такое «я»? Это грамматическое «я» (*je*) — метафора субъекта, жаждущего воплощения? Но какова его природа? Без сомнения, больше метафизическая, чем физическая. По-видимому, существуют отношения «я» с другими субъектами, мистифицированными и преданными «своим Я». «Собственному Я» суждено исчезнуть. Тогда как «я» (*je*), представляющее глагол «существовать, быть» (*etre*), проявляется с абсолютно чистой динамикой, каким бы ни был порок его динамического проявления, индивид служит исключительно этнической группе и равновесию вида. Но если «я» есть материализация генетической энергии, то смерть индивида, с этой точки зрения, не что иное как перенос этой энергии.

Если идти дальше в этом направлении, то в свете этого понимания так называемые критерии, по которым общество могло бы решать быть данному человеку или нет, не выдерживают никакой критики. «Я» (*je*) вполне может инкарнироваться в индивидуум, несмотря на все его физические пороки. В этом случае желание зародыша жить и выжить является определяющим и берет верх.

*В последние годы группы гинекологов и акушеров стали специализироваться на зачатии *in vitro*". Так они отвечают на требование бездетных пар, которые очень хотят иметь детей. То, что с опасным упрощением пишут о «детях из пробирки», влечет за собой разговор о сверхмогуществе медицины. И тем не менее, обеспечивающие своими лабораторными манипуляциями встречу двух*

' «Пустая речь» — здесь термин Ж. Лакана. См.: Ж. Лакан. «Функция и поле речи и языка...» Ч. I: Речь пустая и речь полная в психоаналитической реализации субъекта. С. 18—35.

*" *In vitro* — в пробирке (лат.).*

511

гамет — женской и мужской, и трансплантацию эмбриона в материнскую' матку, — не более остальных представителей рода человеческого знают о рождении жизни. И не ученый в этом случае дает жизнь, делает ребенка. Он знает не более, чем родители во время оплодотворения естественным путем.

Тем не менее, эти опыты приводят тех, кто ими занимается, к новым размышлениям и к вопросу, который кажется им главным:

*«Когда эмбрион, зачатый *in vitro*, становится человеком? В какой момент происходит «переход» от животной жизни эмбриона к той дифференциации, которая и делает из нас людей?». Вдохновители одной из таких исследовательских групп в госпитале Беклера, доктор Жак Тестар, например, называют*

себя представителями «медицины желания». «Ибо, — говорят они, — лишь по желанию родителей эмбрион, зародившийся *in vitro*, рождается человеком».

Не понимаю, что такое «медицина желания», когда, что такое желание, так и остается неразгаданным. А что такое жизнь? Это невозможно увидеть, даже с помощью самых совершенных приспособлений. Никто из этих ученых не может сказать, что он дает жизнь *in vitro*. Разве только: «Я присутствую при обмене энергиями двух гамет». В психоанализе известно, что жизнь и является желанием. Только желание жить исходит в данном случае не от родителей, а от того, кто рождается. При зачатии, призываемый или нет, он, жаждущий жизни, обретает свое тело. Мы по-прежнему не знаем, что значит инкарнировать для существа, являющегося языком желания двух индивидуумов, которые, дав жизнь, могут воспользоваться потенциальными возможностями этого существа стать человеком. Таким образом, противоестественно наделять желание зачавших и воспитывающих родителей властью давать и поддерживать жизнь ребенка. Не надо обманываться детской фразой: «Я не просил, чтобы меня рожали». Такой отказ исходит зачастую от слишком беспомощных подростков, родители-«пожиратели» которого сумели иссушить в нем даже источник желания. Оно стало изменять этому подростку настолько, что, оглядываясь на свое прошлое, он готов заявить, что другие решали — зачать его или нет, родиться ему или нет, и жить ли. Правильно принять младенца — это прежде всего выразить уважение к его желанию прийти в этот мир, а значит — принять его таким, какой он есть, похож он или нет на того, кого мы любим. Новорожденный приносит с собой в мир новую энергию. Если не мешать ему развиваться и дать возможность

512

ее использовать — она осветит всё вокруг, и ребенок будет счастливо расти. Он будет изо дня в день по крупицам создавать то, что будет поддерживать его жизнь и отвагу родителей, если только у него сохранится желание жить.

Каждому юному существу полагается обеспечить возможность частично трансформировать свое окружение, что обеспечит ему возможность выйти из него, пусть даже с риском умереть. Риск умереть — составляющая жизни: иначе, если у нас нет возможности распоряжаться ею по своему усмотрению, в том числе и положить ей конец, она принадлежит другим. Загадка желания ставит перед обществом истинную проблему: узаконивание аборта ставит общность перед опасностью узаконения смерти субъекта, желающего жить. Было бы справедливее снять обвинения с тех, кто пытается помочь женщине избавиться от нежелательной беременности, так же как в случае с эвтаназией. Суицид, стоящий в одном ряду с эвтаназией, во Франции не карается наложением штрафов.

Ярые сторонники закона о добровольном прерывании беременности отказываются видеть в нем противоречие, торжествуя по поводу того, что, устанавливая такой закон, они предупреждают социальные беды, которые влечет за собой перенаселение. Добровольное прерывание беременности, по мнению большинства, является самым верным средством контроля за рождаемостью.

Я утверждаю следующее: примем желающих жить. Они войдут в общество, которое сможет противостоять проблеме перенаселения. Почему отказывать молодым в том, что они что-нибудь смогут придумать для того, чтобы таким обществом управлять? Это уже их дело. Не их родителей. Остановим геноцид.

Приложение I

УЧЕНЫЕ, ЧЬИ ИССЛЕДОВАНИЯ УПОМИНАЮТСЯ В КНИГЕ

(имена расположены в алфавитном порядке под рубрикой соответствующей дисциплины)

История: Филипп АРИЕС /Philippe Aries/ (Франция), Элизабет БАДЕНТЕР /Elisabeth Badinter/ (Франция), Катрин ФУКЕ /Catherine Fouquet/ (Франция), Ивонн КНИБЕЛЕР /Yvonne Knibiehler/ (Франция).

Археология: Адам ФАЛЬКЕНШТАЙН /Adam Falkenstein/ (Германия), Тор-кильд ЯКОБСОН /Thorkild Jacobson/ (США).

Этология: Конрад ЛОРЕНЦ /Konrad Lorenz/ (Австрия), Юбер МОНТЭНЬЕ /Hubert Montagner/ (Франция).

Этнология: Арнольд Ван, ГЕННЕП /Arnold van Gennep/ (Франция), Робер ЖОЛЭН /Robert Jaulin/ (Франция).

Антропология; проф. ЛАВДЖОЙ /Pr. Lovejoy/ (США).

Психосоциология: Мари Жозе ШОМБАР ДЕ ЛОВ /Marie Jos6 Chombart de Lauwe/ (Франция).

Психология: Жак МЕЛЕР /Jacques Mehler/ (Франция), Жан ПИАЖЕ /Jean Piaget/ (Швейцария), Миа КЕЛЛМЕР ПРИНГЛ /Mia Kellmer Pringle/ (Великобритания), Рене ЗАЗЗО /Rene Zazzo/ (Франция).

Нейропсихология: Мишель ИМБЕР /Michel Imbert/ (Франция). **Нейробиология:** Жан-Пьер ШАНЖЁ /Jean-Pierre Changeux/ (Франция).

Педиатрия; Жюльен КОЭН-СОЛАЛ /Julien Cohen-Solal/ (Франция), Фит-цхак ДОДСОН /Fitzhugh Dodson/ (США), Альбер ГРЕНЬЕ /Albert Grenier/ (Франция), Леон КРЕСЛЕР /Leon Kreisler/ (Франция).

Приложение II

ХРОНОЛОГИЯ

регламентирующих и законодательных актов, имевших значительное влияние на защиту прав ребенка

VI в. н. э. — отмена в Риме права, дарованного отцу в момент рождения ребенка распоряжаться жизнью и смертью данного ребенка.

1215 — запрет приводить к причастию девочек до 12 лет и мальчиков до 14 лет — Латеранский собор.

1545—1563 — постановление Тридентского собора об обязательном свершении таинства конфирмации под страхом предания анафеме при несовершении оногo.

1833 — закон Гизо о создании в каждой коммуне Франции светской школы.

1841 — первые ограничения детского труда по закону от 22 марта. Данный закон запрещает использование в мастерских труда ребенка до достижения им 8-летнего возраста. 1874 — законом от 19 мая 1874 г. устанавливается минимальный возраст разрешения труда ребенка на мануфактуре в 12 лет.

1881 — введение обязательного начального образования.

1882 — законом от 28 марта 1882 года во Франции вводится обязательное образование с 6 до 12 лет для детей обоего пола. В течение десятилетий, однако, закон этот не соблюдался. Кроме того, данный документ входил в противоречие с законом, в соответствии с которым ребенок оставался под родительской властью до достижения своего совершеннолетия.

1892 — длительность рабочего дня для подростков от 16 до 18 лет не должна превосходить 11 часов в день и 60 часов в неделю.

1906 — совершеннолетие по законодательству перенесено с 16 на 18 лет.

1910 — декрет Пия X, сводящий возраст принятия «св. тайн» к 7 годам для индивидуального причастия, с обязанностью, чтобы ему предшествовала исповедь.

1912 — закон от 22 июля о создании судов для детей и о предусмотрении введения исправительных мер для правонарушителей в возрасте от 13 до 18 лет, «которые про-

516

изводили противоправные действия»; дети могут быть отобраны от их родителей и отправлены в исправительные колонии; они могут быть также отданы под опеку третьего лица или же благотворительного учреждения.

1946 — французская Конституция предусматривает для всех без исключения равный доступ к культуре.

1946 — закон от 22 августа 1946 года (вступление в силу 1 января 1947), предоставляющий матерям право на получение от государства дородового содержания при условии прохождения необходимой регистрации.

1955 — обязательная прививка против туберкулеза (B.C.G.) (L215 Кодекса об общественном здравоохранении, 11 мая) для детей от 1 до 2 лет, посещающих ясли, приюты, кормилиц, а также школы.

1959 — декрет Бертуэна об обязательном школьном образовании до 16 лет, из чего вытекает запрет на работу до указанного в декрете возраста.

1959 — 20 ноября: всемирная декларация прав ребенка.

1967 — в силу указа от 27 сентября 1967 года, всякий несовершеннолетний, подлежащий обязательному прохождению обучения в школе, до 16 лет, *ipso facto* не может до этого возраста законным путем трудоустроиться на предприятие.

1969 — «ordo baptismi parvulorum» Павла VI: впервые в истории католицизма крещение маленьких детей действительно отделено от крещения взрослых отличным обрядом.

1970 — отмена понятия о полноправии отца (от 4 июня) и замена его понятием об авторитете главы семьи.

1972 — декрет от 16 ноября на правах Положения L 5 Кодекса о здравоохранении вводит обязательную вакцинацию против оспы.

1974 — 5 июля 1974: 18-летний возраст подтвержден как возраст совершеннолетия. Совершеннолетие до этого момента длительное время было подзаконно римскому праву (ст. 488 Кодекса). При Старом режиме совершеннолетием был назван 25-летний возраст, во времена революции возраст совершеннолетия был снижен до 18 лет. Затем периодически колебался (до 1974 г.) между 25 годами и 21 годом.

1975 — закон Вейля о добровольном прерывании беременности.

- В силу самого факта (*лат.*).
- «порядок крещения детей» (*греч.*).

517

17 января: закон о разводе: судья имеет право не обновлять разводы

11 июля: в том случае, если прерывание супружеских отношений сможет нанести вред ребенку". 1984
— обязательная прививка против оспы повсеместно отменена
(30 мая 1984).

Приложение III ВСЕМИРНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ РЕБЕНКА

Пreamбула

Учитывая, что в Хартии [прав человека] Организации Объединенных нации народы получили новое подтверждение своих прав на фундаментальные права человека, на свое человеческое достоинство и свою человеческую ценность, учитывая также тот факт, что ООН подтвердила свое решение способствовать социальному прогрессу и созданию лучших условий жизни и большей свободы личности,

учитывая то, что во Всемирной декларации прав человека ООН заявила, что каждый имеет право всеми декларируемыми правами и свободами, без какого бы то ни было различия, в частности, в расовой принадлежности, цвете кожи, в принадлежности к тому или иному полу, в языке, а также в религии, политической принадлежности и выражении любого своего мнения в сфере национальной и социальной жизни, благосостояния, рождения и любого другого своего положения,

• Статья 287 Гражданского кодекса. Исходя из интересов несовершеннолетних детей, содержание их может быть доверено как одному, так и другому супругу. В исключительных случаях, и если интерес ребенка того требует, содержание его может быть доверено либо другому лицу, выбранному предпочтительно среди его родственников, или же, если это не представляется возможным, образовательному учреждению. Прежде чем вынести постановление о постоянном или временном содержании детей и о праве на их посещение, судья имеет право порекомендовать любому квалифицированному лицу произвести общественное дознание, имеющее целью собрать справки о материальном положении семьи и моральной обстановке в ней, об условиях, в которых живут и воспитываются дети, и о тех мерах, которые необходимо предпринять для защиты их интересов. В случае протеста одним из родителей против заключения, вынесенного в ходе дознания, он имеет право потребовать проведения контррасследования. На практике право на посещение разрешает его обычно в 1-е и 3-ье воскресенье месяца. Что касается освобождения ребенка от родительской опеки, к несчастью, ребенку не под силу получить его без согласия на то родителей. Как будто нужны права на то, чтобы оторваться от материнской груди!

518

учитывая, что ребенок по причине отсутствия своей физической и интеллектуальной зрелости, нуждается в специальной заботе и защите, в частности, юридической, предоставляемой ему как до, так и после рождения,

учитывая, что необходимость этой специальной защиты прав ребенка была провозглашена Женевской декларацией 1924 года и подтверждена во Всемирной декларации прав человека, так же как и в уставах соответствующих институтов и международных организаций, работающих на благо детства,

учитывая, что человечество должно предоставлять ребенку лучшее, что имеет,

Генеральная ассамблея

Провозглашает настоящую Декларацию прав ребенка во имя того, чтобы ребенок, как в своих интересах, так и в интересах общества, имел счастливое и обеспеченное детство, и провозглашает следующие права и свободы ребенка;

она приглашает родителей, мужчин и женщин в частном порядке, а так же добровольные организации, местные власти и национальные правительства признать эти права и постараться обеспечить уважение к законодательным мерам и средствам и прочим процедурам, которые всё более и более широко начинают применяться для претворения в жизнь следующих принципов:

Принцип первый

Ребенок должен пользоваться всеми правами, заявленными в настоящей Декларации. Эти права должны быть признаны за всеми детьми' без всякого исключения, и без различия или дискриминации, основанных на расовых различиях, на различиях в цвете кожи, пола, а также в языке, религии, политических и прочих убеждений, национальности и социальном положении, благосостоянии, рождении и на различиях по любым другим признакам, в любых других положениях, которые данная Декларация закрепляет за самими детьми и их семьей.

Принцип 2

Ребенок должен использовать предоставляемую ему особую защиту, и по отношению к нему должны использоваться все возможности, предоставленные законом и другими средствами, дабы он был в состоянии обеспечить себе здоровое и нормальное развитие в плане физическом, интеллектуальном, моральном и социальном, в условиях свободы и уважения к личности. Высшим интересом, во имя которого в данных целях может применяться закон, являются интересы самого ребенка.

519

Принцип 3

Ребенок, с момента своего рождения, имеет право на имя и национальность.

Принцип 4

Ребенок должен иметь право на социальную безопасность. Он должен расти и развиваться здоровым; для этих целей ему должны быть обеспечены специальные поддержка и помощь, а также его матери, в частности, в обеспечении дородового и послеродового ухода. Ребенок имеет право на пищу, жилье, отдых и соответствующие медицинские услуги.

Принцип 5

Физически, интеллектуально или социально неблагополучный ребенок должен получать лечение, образование и специальный уход, соответствующий его состоянию и положению.

Принцип 6

Для гармонического расцвета его личности ребенок нуждается в любви и понимании. Он должен настолько, насколько это возможно, расти под охраной родителей и быть объектом осуществления их ответственности по отношению к нему и, в любом положении, быть объектом любви и находиться в интеллектуальной и моральной безопасности; ребенок в раннем возрасте, за исключением исключительных обстоятельств, не должен разлучаться со своей матерью. Общество и органы власти должны брать на себя особую заботу о детях без семьи или о тех детях, которые не имеют средств к существованию. Желательно, чтобы многодетным семьям для воспитания детей была обеспечена материальная помощь со стороны государства или других организаций.

Принцип 7

Ребенок имеет право на образование, которое должно быть обязательным и бесплатным по крайней мере на начальном уровне. Он должен пользоваться образованием, которое развивает его общую культуру и может позволить при разных условиях развить его способности, способствует развитию его личности и формированию чувства моральной и социальной ответственности, а также тому, чтобы сделать из него полезного члена общества.

Ребенок является высшим интересом для тех, кто отвечает за его образование и профессиональную ориентацию; ответственность эта в большей своей части лежит на родителях ребенка.

Ребенок должен иметь возможность играть, отдыхать, что в свою очередь должно быть ориентировано на цели, поставленные в процессе его образования; общество и властные институты должны прилагать усилия для благоприятного исполнения этого права.

520

Принцип 8

Ребенок, в любых обстоятельствах, должен в первую очередь получать помощь и поддержку.

Принцип 9

Ребенок должен быть защищен от любой формы невнимания, жестокости и эксплуатации.

Он не должен становиться предметом торга, в какой бы форме торг этот ни осуществлялся.

Ребенок не должен допускаться к исполнению работ, не достигнув минимального возраста, установленного законом; ни в каком случае ему не должно быть разрешено и он не должен быть принуждаем к занятиям трудом, наносящим вред его здоровью или вредящим его образованию, или же который препятствует его физическому, интеллектуальному или нравственному развитию.

Принцип 10

Ребенок должен стать объектом защиты от всякого рода деятельности, направленной на расовую дискриминацию, на дискриминацию религиозную или любую другую. Он должен воспитываться в духе взаимопонимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства, а также в обстановке, способствующей появлению у него желания отдать свою энергию и талант на службу ему подобных.

Замечание коллектива авторов:

Обнадеживающий текст, но не достаточный. Принципы эти, в основном, относятся к неблагополучному, одинокому, несчастному детству. В том, что касается детей. Декларация предоставляет всем им равную норму защиты, и то же в отношении воспитания. Она обходит молчанием опасности, подстерегающие неблагополучных детей: гиперзащиту, гиперопеку взрослых. Она не останавливается специально на праве ребенка на его автономию, на праве стать самим собой в

соответствии с собственными жизненными желаниями, а не в соответствии с моделями, предлагаемыми взрослыми.

Приложение IV ЛЕГАЛИЗАЦИЯ АБОРТОВ

Определенные выступления общественности послужили к активизации движения за легализацию абортов, В особенности — свидетельские показания медиков во время судебных разбирательств.

521

Наиболее громким судебным процессом, который сыграл во Франции решающую роль в этом вопросе и оказал влияние на законодателей, был так называемый процесс Бобины.

11 октября 1972 года, Мари-Клэр Х., 17 лет, подзащитная мэтра Жизель Алими, была освобождена из-под стражи судом Бобины. Профессор же Поль Милльез за свидетельские показания в суде в пользу легализации аборта и возложения личной ответственности на врача получил неодобрение со стороны Лиги медиков.

Известны и другие случаи, которые могли повлиять на общественное мнение в годы, предшествовавшие подготовке закона Вейля. Французская пресса, почувствовав интерес публики к обсуждению подобных дел, давала им широкую огласку. Например,

— доктор Вильям Пирс, гинеколог из Намюра (Бельгия) подвергся в январе 1973 года судебному преследованию за проведение абортов и был приговорен к 35 дням предварительного заключения;

— «скандал» 7 медиков из группы выступавшей за легализацию абортов и применение контрацептивов (G.L.A., создана д-ром Лакуром) в Сент-Этьене, в сентябре 1973 г.; было выявлено, что ими с мая по сентябрь было произведено 400 добровольных абортов. Осуждение вынесено Советом Лиги медиков;

— две французенки были задержаны на франко-голландской границе на 48 часов, когда они возвращались из Голландии после добровольного прерывания беременности. Задержание, однако, не имело юридических последствий. Закон Вейля должен был вскоре вступить в силу.

Приложение V ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАРОДЫШЕВЫХ ТКАНЕЙ

Комитет по этике при Национальном совете Лиги медиков, возглавляемый Жаном Бернаром, высказал свою первоначальную точку зрения на использование зародышевых тканей человека в диагностических, терапевтических и научных целях. Если подобное представляется благоприятным, то лишь в определенных пределах и под надзором:

— при современном состоянии науки характер этого использования исключительно в терапевтических целях;

— обязательное разделение процессов забора тканей и прерывания беременности;

— использование с согласия родителей;

— соблюдение ограничения на использование зародышевых тканей, поступивших вследствие смерти плода, вызванной I.V.G.*;

— I.V.G. — Interruption Volontaire de Grossesse (франц.) — добровольное прерывание беременности.

522

— ограниченное использование лишь в учреждениях, имеющих государственную лицензию и подлежащих контролю;

— некоммерческое использование продуктов человеческого зачатия. Национальный совет выражает свое полное согласие с данными рекомендациями, которые являются дополнением к ранее вынесенным заключениям по данному вопросу (доклад д-ра Рене, Bulletin de l'Ordre, n°1, апрель 1983).

Особое внимание, предписывает Совет, следует обратить на следующее заявление Комитета: «Этот эмбрион или же плод должен рассматриваться как живое, или бывшее живым, человеческое существо^ на которое распространяется все надлежащее человеку уважение» (Bulletin de l'Ordre des Medecins, июль 1984).

Приложение VI ВОЗРАСТ ПЕРВОГО ПРИЧАСТИЯ

Декрет Конгрегации Таинств* «quam singulari», 8 августа, 1910 года*".

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА

I. — Возраст принятия «св. тайн», как для причастия, так и для исповеди, — тот, в котором ребенок начинает рассуждать, то есть около семи лет, чуть больше, чуть меньше. С этого момента начинается обязанность исполнять двойное предписание исповеди и причастия.

II. — Для первой исповеди и первого причастия вовсе не обязательно полное и совершенное знание

христианской доктрины. Ибо ребенок должен будет затем продолжать постепенно изучать полный катехизис в соответствии со способностями своего разума.

III. — Знание религии, требуемое от ребенка с тем, чтобы он был соответственно подготовлен к первому причастию, — чтобы он понимал, по своим возможностям, тайны веры, необходимые необходимостью средств, и чтобы умел отличать евхаристический хлеб от обычного и телесного, чтобы приблизиться к Святой Трапезе с благоговением, которое соответствует его возрасту.

— Конгрегации (лот. *congregatio* — объединение, союз), здесь: состоящие при Папе органы управления (своеобразные министерства) Ватикана как центра всемирной католической церкви; Конгрегация Таинств выносит решения по вопросам церковной дисциплины, церковного брака и т.п. " «коша один» (*лат.*). "• Французский перевод монахов Солема (Понтификальные учения, литургия).

523

IV. — Обязанность предписания исповеди и причастия, касающаяся ребенка, обращена особенно на тех, кто за него ответственны, то есть на родителей, исповедника, учителей и настоятеля. По Римскому Катехизису, допускать ребенка к первому причастию надлежит отцу или тем, кто его заменяет, и исповеднику.

Приложение VII

ДЕТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОТ 0 ДО 11-12 ЛЕТ

Каждый пятый француз находится в возрасте от 0 до 12 лет, двое из троих французов (см. табл.) являются *городскими жителями*.

**ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В СООТВЕТСТВИИ С ВОЗРАСТОМ И ПОЛОМ**

<i>Возраст</i>	<i>Мужской</i>	<i>Женский</i>	<i>Общее число</i>
0-3	1 314 580	1 253 270	2 567 850
4-6	1 293 315	1 236 805	2 530 120
7-10	17 235 365	1 646 550	3 371 915
11-12	890 765	853 170	1 743 935
0-12	5 224 025	4 989 795	10 213 820
%	51,1	48,9	100

**ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В СООТВЕТСТВИИ С ВОЗРАСТОМ И МЕСТОМ ПРОЖИВАНИЯ
(город/село)**

<i>Возраст</i>	<i>Сельское население</i>	<i>Городское население</i>	<i>Общее число</i>
0-3	607 500	1 960 350	2 567 850
4-6	651 870	1 878 250	2 530 120
7-10	929 100	2 442 815	3 371 915
11-12	490 450	1 253 485	1 743 935
0-12	2 678 920	7 534 900	10 213 820
%	26,2	73,8	100